

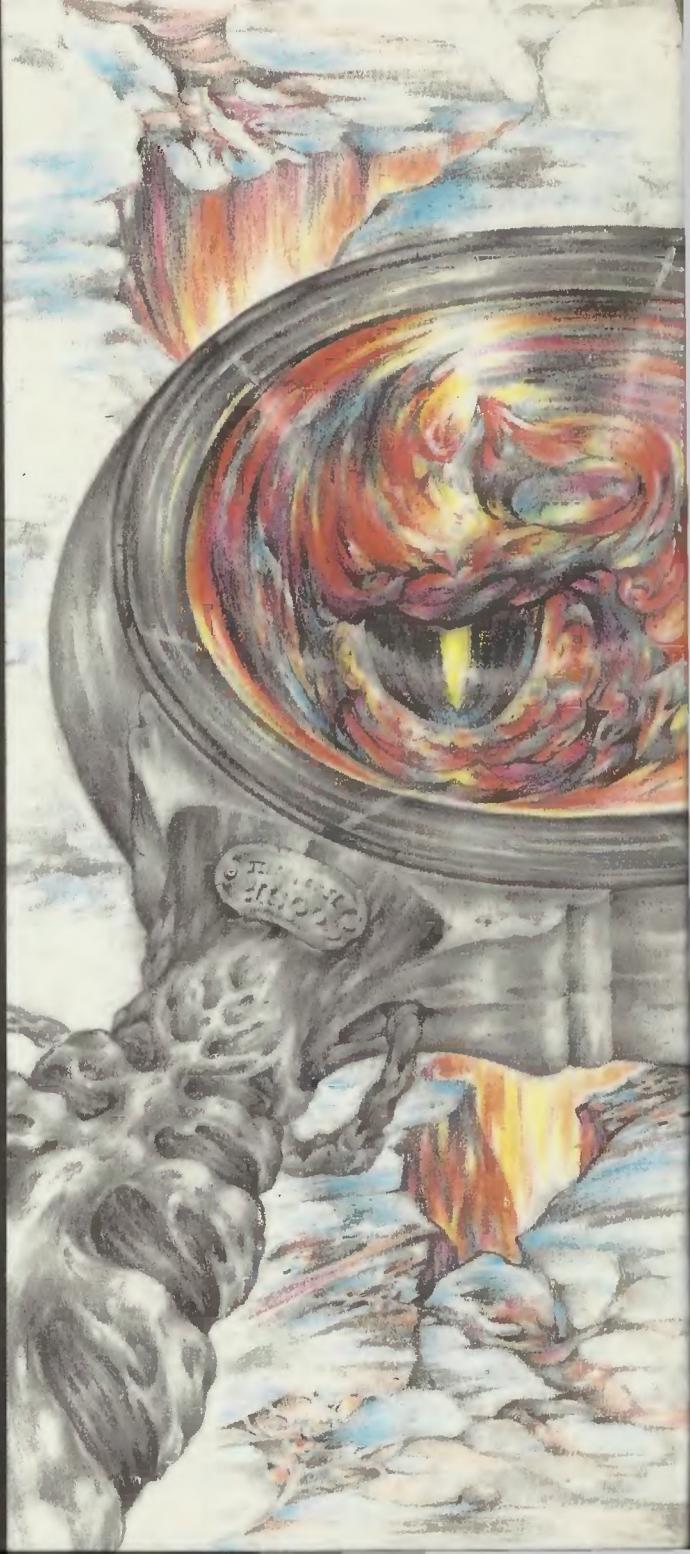
БИБЛИОТЕКА
ИКИЛЧИКО

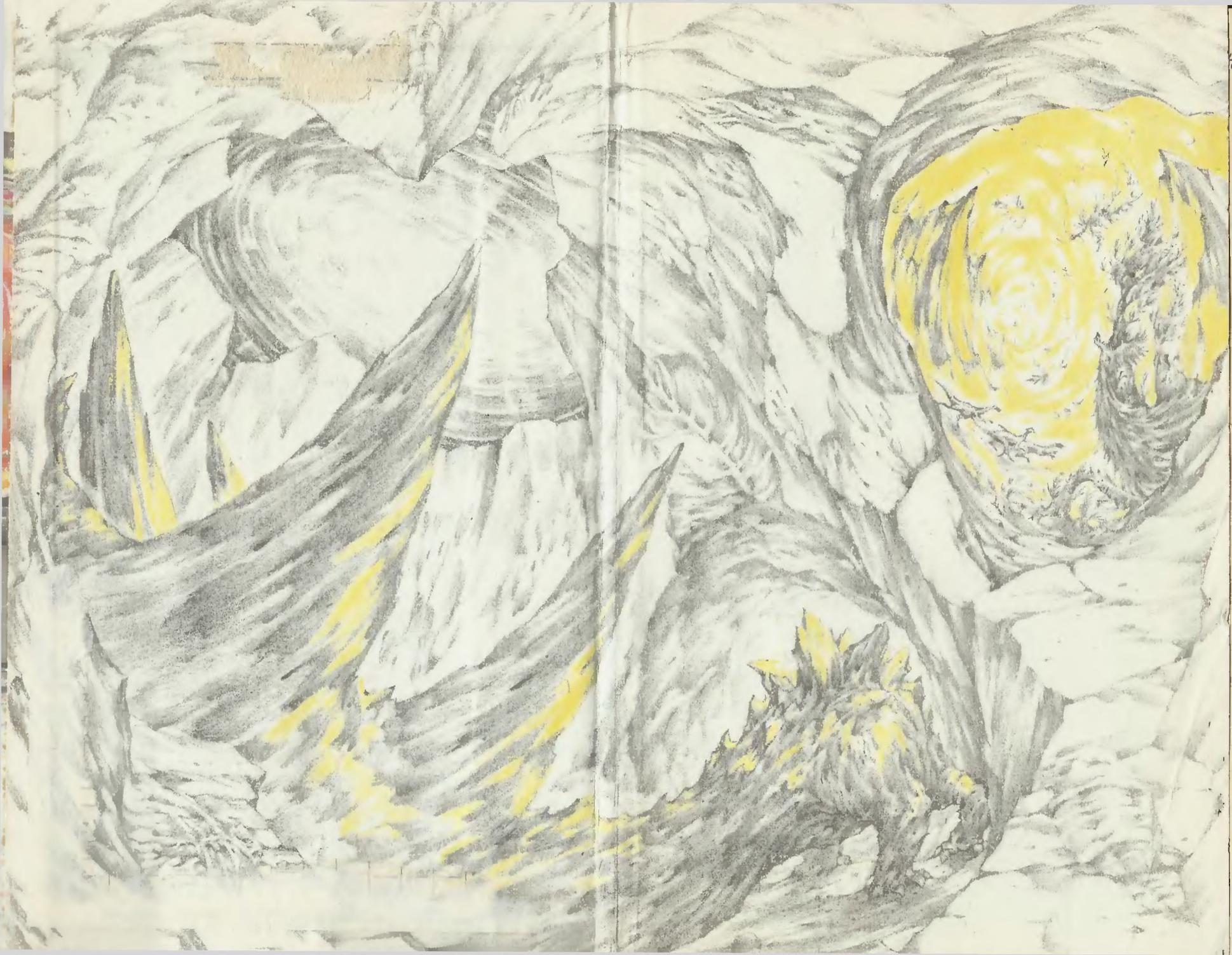
03

Владимир Обручев
Плутония. Земля Санникова

ОБРУЧЕВ

Владимир Обручев
Плутония
Земля Санникова

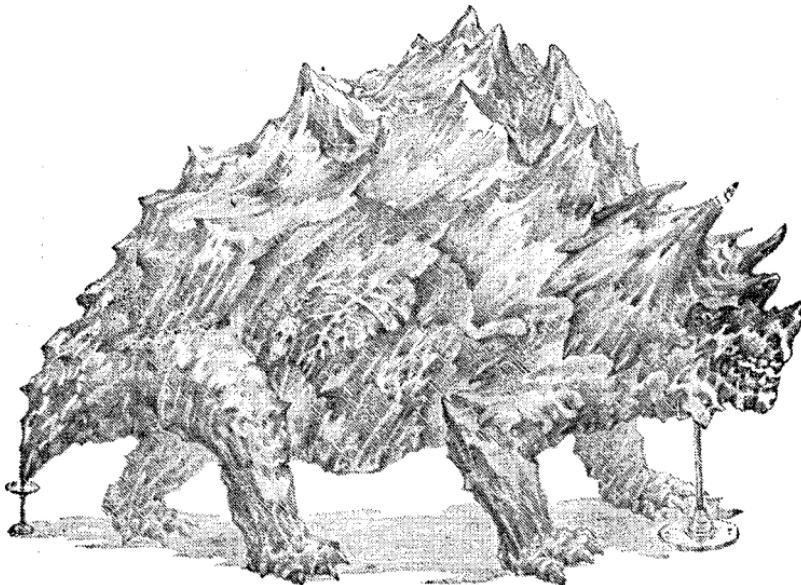

„Библиотека фантастики“ в 24 томах

30 ФАНТАСТИКА
БИБЛИОТЕКА

Редакционная
коллегия
серии
«Библиотека
фантастики»
А. П. Казанцев
(председатель)
Ю. Т. Грибов
Д. А. Жуков
В. П. Карцев
А. П. Кулешов
А. А. Леонов
Н. П. Машовец
Е. И. Парнов
Л. В. Ханбеков

Москва. Издательство «Правда». 1988

ОБРУЧЕВ

Владимир
Плутония

Земля Санникова

84 Р 7
0 23

Вступительная статья
В. И. Щербакова

Иллюстрации
В. Г. Роганова

0 $\frac{4702010200 - 1685}{080(02) - 88}$ 1685 — 88 (подписьное)

©Издательство «Правда», 1988.
Вступительная статья. Иллюстрации.

Путешествие в неведомые страны

Прежде чем поведать очень кратко о судьбе этого человека, ученого и путешественника, хочется отметить, что ему удалось пройти в походах — на коне, лодке и просто пешком — расстояние, превышающее окружность земного шара, подняться на тысячу малых и больших горных вершин, одолеть столько же перевалов, открыть и описать сотни месторождений полезных ископаемых, опровергнуть десятки устаревших теорий и сделать множество открытий. Для того, чтобы рассказать обо всем этом, ему потребовалось написать около сорока тысяч страниц убористым почерком, то есть почти семьдесят — восемьдесят полноформатных томов. Знаменательно, что эта цифра совпадает с окружностью нашей планеты, выраженной в километрах.

В одном из писем Владимира Афанасьевича Обручева можно прочесть: «Нельзя любить труд, не научившись уважать его, и нельзя научиться уважать, не относясь к нему серьезно, не отдавая ему безраздельно всего интереса и всех своих сил. Только отдавая лучшее, что в нас есть, мы можем получить лучшее, что сможет дать труд».

Согласно семейному преданию, один из далеких предков Владимира Афанасьевича был помором и прославился искусством мастерить обручи для бочек, в которых рыбу из далекого Архангельска доставляли в Москву. Так разгадывается нехитрый секрет этой русской фамилии.

Кузьма Обручев, мастеровитый предок будущего прославленного путешественника и ученого, попадает в Москву как раз в то время, когда Петр I затевает строительство флота и заботится прежде всего о том, что-

бы со всех концов страны собрать искусствых в новом деле людей. Федор Обручев, сын Кузьмы, служит в Преображенском полку унтер-офицером, с него начинается военная карьера Обручевых. Прадед ученого, Афанасий Федорович Обручев,— генерал, военный строитель, которому обязаны своим основанием крепости и городки у западных пределов отечества. В семейном гербе появляется изображение крепости, на что получено высочайшее соизволение. А дед Владимира Афанасьевича, Александр Афанасьевич, командовал литовским саперным или, как тогда называли, пионерным батальоном и в 1826 году привлекался к суду по делу Общества военных друзей, причиной чему послужили волнения в его батальоне. Суд ограничился строжайшим выговором.

Афанасий Александрович Обручев, отец Володи Обручева, командовал полком, участвовал в Крымской войне, был ранен на Кавказском фронте при штурме Карса. Женился он на гувернантке своей младшей сестры Полине Карловне Гертнер, дочери немецкого пастора. На следующий год после женитьбы родился первенец, Александр, еще через год — Владимир, а годом позже — Николай. Детство осталось навсегда в памяти Владимира Афанасьевича.

«Мать очень заботилась о нашем воспитании и обучении,— вспоминал Владимир Афанасьевич.— Немецкому она сама учила детей с раннего детства, и я не помню, с каких лет знаю его... Говорили с матерью обязательно по-немецки или по-французски и поэтому владели обоими языками свободно.

Утро всегда проходило в уроках у матери — все три языка, арифметика, география, чистописание... В сумерки, сидя в кресле, мать всегда собирала нас вокруг себя. Мы на скамейчках у ее ног... Она задавала нам задачи по арифметике, и мы должны были решать их в уме. Благодаря этой практике я на всю жизнь сохранил способность быстро решать в уме простые задачи.

Вечером мать читала нам по-немецки сочинения Фенимора Купера... «Кожаный чулок», «Следопыт», «Последний из могикан» запомнились на всю жизнь. Литература на русском языке в эти годы ограничивалась охотничими рассказами Майн Рида, которые отец дарил нам. Эти приключения на суше и на воде в разных странах мне очень нравились. Потом к ним прибавились сочинения Жюля Верна в русском переводе: «Дети капитана Гранта», «Капитан Гаттерас». А еще позже, уже в начале школьных лет,— другие фантастические со-

чинения Жюля Верна с описанием подводных лодок, полетов на воздушном шаре, приключений при путешествии вокруг света в 80 дней и на таинственном острове оставались моей самой любимой литературой.

Матери я обязан хорошим знанием немецкого и французского языков, сохранившимся до глубокой старости. Книги на этих языках, не только специальные по геологии, но и общелитературные, я читаю свободно без помощи словаря, а по-немецки даже свободно и легко писал (не перевода с русского, а прямо сочиняя)...

Матери я также обязан знакомством с литературой о путешествиях, внушившей мне с детства интерес к природе, к чужеземным странам, морям и народам и побудившей избрать впоследствии специальность исследователя-путешественника. Я обязан ей также аккуратностью и добросовестностью в своей работе, которым она научила меня в детстве».

Отец Владимира Афанасьевича любил книги, был добр, отзывчив, в своем полку он создал одну из первых в России солдатских библиотек. Его двоюродный брат Николай Николаевич стал одним из организаторов тайного общества «Земля и воля», уже после отмены крепостного права отказался участвовать в подавлении польского восстания, открыто называв карательные действия царского двора братоубийственной войной. В дальнейшем он содействовал проведению в жизнь закона об общей воинской повинности вместо рекрутского набора: занимая крупные военные посты, читал лекции в академии генерального штаба, являлся почетным членом Российской академии наук.

Владимир Александрович Обручев, родной дядя Владимира Афанасьевича, был сотрудником журнала «Современник», хорошо знал Н. Г. Чернышевского; за распространение прокламации тайной организации «Великорусс» в 1861 году был арестован, приговорен к трем годам каторжных работ с последующим поселением в Сибири. В 1862 году состоялась «гражданская казнь» — Владимира Александровича публично лишили гражданских прав на эшафоте. После каторги, сибирского поселения этот удивительный человек служил нижним чином во флоте и участвовал в войне с Турцией, а затем перешел в общество пароходства и торговли и в Добровольный флот. И точно повинуясь семейной традиции, Владимир Александрович переходит в военно-морское ведомство, к концу службы получает чин генерал-лейтенанта.

Владимир Александрович послужил Н. Г. Чернышевскому прообразом Рахметова в романе «Что делать?» и прототипом главного героя другого его произведения — «Алферов». С сестры Афанасия и Владимира, Марии Александровны, образованной, передовой русской женщины, Николай Гаврилович написал образ Веры Павловны в том же романе «Что делать?» — образ непростой, включающий органически и черты характера Ольги Сократовны, супруги Чернышевского.

Афанасий Александрович подарил Володе, гимназисту второго класса, «Таинственный остров» Жюля Верна. Было это в городе Радом, где служил тогда Афанасий Александрович. Володя уже в тот период всерьез думает о будущих путешествиях. После Радома — mestечко Ораны, затем — реальное училище в Вильно, куда отправил семью Афанасий Александрович.

Осенью 1881 года Владимир Обручев поступает в Горный институт в Петербурге, студент которого Н. Рысаков 1 марта того же года участвовал в убийстве Александра II. Учеба омрачена печальной вестью — в военном госпитале умирает отец. Написав в Горном первые стихи и напечатав в газете «Сын отечества» свой первый рассказ, Обручев решает оставить институт и посвятить себя литературе. Об этом он пишет любимому преподавателю реального училища Полозову, и тот приезжает вскоре в Петербург с единственной целью — убедить Обручева не делать этого.

Сильное впечатление произвел на студента Обручева профессор Иван Васильевич Мушкетов. Его лекции, экскурсии, беседы помогли ему выбрать свой путь. Обручев принимает решение — он будет геологом, как Иван Васильевич Мушкетов.

Летом 1886 года В. А. Обручев в Средней Азии, изучает Каракумские пески, по которым в то время проложили железную дорогу. Как бороться с движущимися, волнующимися, точно море, песками? Где найти воду, те желанные водоносные пласты, без которых в знойной пустыне немыслима жизнь?

Три года молодой исследователь знакомился с «нравом» барханных песков, сухих галечников, твердых, словно утоптанных невиданными животными-гигантами, такыров. Повидал он долины Кушки, Мургаба и Амударьи, Зеравшана, побывал на Узбое — мертвый, давно высохшей реке. Кстати, именно благодаря В. Обручеву стало ясно, что Узбой — это не морской пролив между Араком и Каспием, как считал

А. М. Коншин, а покинутое водой русло. Владимир Афанасьевич пришел к выводу, что по нему когда-то бежали воды Амудары. Прошли годы, на Узбое побывало много экспедиций. Оказалось, что старое его русло не могло вместить и половины Амударьинской воды, а текла по нему всего пятьсот лет назад — совсем недавно! — вода из Сарыкамышского озера, которое тогда было многоводным и глубина его достигала сотни метров.

Но первый и основательный шаг в понимании природы Узбоя сделал все же В. А. Обручев. Ему было двадцать два года, когда он познакомился со среднеазиатскими просторами, но в течение трех лет сделано много. Русское географическое общество награждает его малой золотой и серебряной медалями — пример внимательного отношения и поощрения молодого исследователя. До сего дня не забыты рекомендации В. А. Обручева, касающиеся борьбы с песками в полосе железной дороги.

Удивителен вывод Обручева о речном происхождении среднеазиатских песков. Амударья, оказывается, вместе с Мургабом и Тедженом, меняя десятилетиями русло, нанесла пески, создала пустыню и сухие степи.

Железная дорога от Каспия до Самарканда — это память об энтузиастах поколения В. А. Обручева и его сподвижников. Н. М. Пржевальский в 1888 году проехал по этой дороге и записал в своем дневнике: «Ехали по Закаспийской железной дороге. Эта дорога (1340 верст) — совершенное чудо в пустыне. Словно в сказке, несешься в вагоне по сыпучим пескам или по бесплодной и безводной галечной равнине...»

Сибирь, Центральная Азия — таковы регионы и маршруты последующих исследований. И после изнурительных переходов в Центральной Азии — снова Сибирь. На этот раз четыре года неутомимого труда посвящены другой великой магистрали — Транссибирской. Именно тогда сложилась полная картина геологического строения Забайкалья.

Путь в Сибирь труден и утомителен, ведь магистраль еще не построена. С женой и маленьким сыном Владимир Афанасьевич добрался до Перми пароходом, затем — пересадка на поезд, который доставил семью до Тюмени. Тара, Тобол, Иртыш, Обь, Томь — по всем этим рекам лежал водный путь к Томску. Затем еще семнадцать долгих дней в обычном прадедовском тарантасе — на этот раз, правда, до самого Иркутска, конечной цели путешествия семьи Обручевых. Семьи, но не самого Обручева. Иркутск для него, вполне понятно,

лишь отправная точка его походов по суровой, неприветливой земле.

Известнейший русский путешественник и географ, глава Русского географического общества П. П. Семенов-Тян-Шанский составил историю полувековой деятельности этого общества за 1845—1895 годы. Три тома этого интереснейшего документа, изданные в 1896 году, проливают свет на многие открытия, автор его дает точную оценку вкладу русских ученых в исследование Азии. О работах В. А. Обручева сказано: «Самым деятельным из членов Восточно-Сибирского отдела по орографическому и геологическому исследованию Восточной Сибири в рассматриваемом периоде был бесспорно действительный член Общества, горный инженер и весьма талантливый геолог В. А. Обручев, сделавшийся в последнее десятилетие одним из самых видных деятелей как Восточно-Сибирского отдела, так и Географического общества».

Характеристика, данная В. А. Обручеву известным ученым, подчеркивает глубину его знаний, такие черты характера, как целеустремленность, активность. Особо хочется отметить начальный период исследований в Сибири, ведь к тому времени Владимиру Афанасьевичу не исполнилось еще и двадцати шести лет. В «Истории полувековой деятельности Русского географического общества» можно прочитать:

«Работы В. А. Обручева в пределах Восточной Сибири... начались в 1889 году. В этом году Обручев с начала мая до конца сентября совершил несколько поездок по Иркутской губернии с целью исследования различных месторождений полезных ископаемых: проплыл вниз по Ангаре до Усолья, осмотрев здесь разведки на каменный уголь, произвел разведку залежей угля на реке Оке близ села Зиминского; с половины июля до половины августа посетил остров Ольхон и вместе с тем сделал новое пересечение прибайкальских гор от села Хогот на якутском почтовом тракте через Онотский хребет и Нуганский голец; во второй половине августа отправился в село Култук и осмотрел месторождения ляпис-лазури, байкалита и слюды по рекам Талой, Слюдянке и Малой Быстрой, взошел на вершину Хамар-Дабанского гольца, а во второй половине сентября побывал еще в Ниловой пустыни и верхней части долины Иркута. Прекрасный отчет о всех этих поездках был представлен Обручевым Восточно-Сибирскому отделу».

Это рукой П. П. Семенова-Тян-Шанского сделаны записи о первых крупных исследованиях Обручева.

Год 1890. Владимир Афанасьевич изучает Олекминско-Витимскую горную страну. Семенов-Тян-Шанский выделяет особо прекрасный отчет Восточно-Сибирскому отделу Общества, который представил молодой ученый.

Год 1891. В «Истории» записано: «Обручев отправился снова для исследований в Олекминско-Витимские страны и произвел исследование древне-палеозойских осадочных пород долины реки Лены между станциями Качугской и Витимской. Превосходный его труд по этому предмету составил целый выпуск II тома «Записок» Восточно-Сибирского отдела».

Год 1892. «Продолжая геологическое исследование Олекминско-Витимской горной страны, Обручев посетил прииски северной и восточной части олекминской золотоносной системы и на всем исследованном им в 1892 году протяжении собрал обширную коллекцию горных пород и наносов и снял много фотографических видов наиболее интересных местностей...»

В конце того же 1892 года Владимир Афанасьевич в новой экспедиции. «Выступив из Кяхты 27 сентября, В. А. Обручев... прибыл в Пекин 16 декабря. Хотя Обручев прошел через Монголию по пути, пройденному уже многими другими путешественниками, но представленный им Обществу «Краткий геологический очерк караванного пути от Кяхты до Калгана» имеет высокий научный интерес, потому что Обручев был первым специалистом-геологом, прошедшим по этому пути в последние полвека».

Год 1893. «Проведя пять недель в Пекине в приготовлениях к дальнейшему путешествию, В. А. Обручев в самых первых числах января оставил гостеприимный кров Российской миссии и вдвоем с казаком-переводчиком поехал в Ланьчжоу. Безостановочно... проехав по местности, исследованной Рихтгофеном, В. А. Обручев свернул на запад и прошел в этом направлении до Нин-Ся на границе Алашаня и оттуда, по левому берегу Желтой реки, проследовал в Ланьчжоу по местности, ранее того не исследованной».

Год 1894. Путешествие продолжается. П. П. Семенов Тян-Шанский отмечает, что за все время этой экспедиции неутомимый исследователь прошел около пятнадцати тысяч километров, причем более двенадцати тысяч километров исследовано геологически, собрана коллекция горных

пород, почв, полезных ископаемых и окаменелостей, состоящая из шести тысяч экспонатов и образцов, определены высоты более шестисот гор и пиков, изучены осадки, ветры на всем протяжении маршрута, проведены метеорологические наблюдения.

Этим годом кончаются записи в трехтомной «Истории», относящиеся к В. А. Обручеву, но далеко не кончаются маршруты его экспедиций.

Из Верхнеудинска (ныне Улан-Удэ) начались маршруты по Забайкалью. Владимир Афанасьевич трижды пересекал Яблоновый хребет и доказал, что хребет Хэнтэй в Монголии не является его продолжением, как считалось ранее.

На лодке ученый прошел по Селенге, через все Западное Забайкалье. По пути исследованы месторождения полезных ископаемых: угля, медных и железных руд, строительных материалов. Составлена карта минеральных источников. По Чикою Обручев проходит на лодке до впадения этой реки в Селенгу.

В последующие годы Владимир Афанасьевич — профессор Томского технологического института. Однако новое положение, в котором оказался неутомимый путешественник, не дает ему оснований порвать с дальними и близкими странствиями. Его можно было увидеть в Джунгарии, у Бодайбо, у знаменитых «Столбов» под Красноярском, в Кузнецком Алатау и на Калбинском хребте.

В тридцатых годах нашего столетия, в возрасте семидесяти трех лет, ученый посещает Алтай, о котором у него остались яркие воспоминания по первому походу 1914 года.

Многие находки Владимира Афанасьевича (а он был везуч, как немногие, с ним, пожалуй, мог бы сравниться в этом отношении разве лишь другой известный естествоиспытатель, археолог А. Окладников) положили начало новым представлениям, гипотезам, идеям. Так, осколки костей и зубов какого-то животного, найденные ученым в Гоби, без преувеличения, означали переворот во взглядах на историю крупнейшего азиатского региона. До этой находки господствовала точка зрения, что Гоби — дно высохшего древнего моря. Осколки челюсти третичного носорога — а именно так и следовало определить неожиданную находку Обручева — свидетельствовали в пользу «сухопутности» величайшей из азиатских пустынь.

Владимир Афанасьевич обнаружил в Гоби целую сеть речных долин, по которым некогда несли воды полноводные

реки. Прошлое Азии увлекло ученого. Он снова и снова возвращался в течение всей жизни к материалам своих наблюдений, на основе которых им написаны десятки томов, посвященных Азии. Так что вряд ли стоит сомневаться в закономерности, которая привела и героев литературных произведений ученого с мировым именем именно сюда, на край Ойкумены, к восточным и северным ее пределам, а в «Плутонии» даже еще дальше — в удивительный провал в земной коре с последующим еще более удивительным путешествием во внутреннюю сферу нашей планеты.

Золотой землей можно назвать Сибирь и Дальний Восток, потому что именно здесь сосредоточены основные месторождения золота в стране. В. А. Обручев предсказал золотые россыпи на реке Витим и в других районах. Он подходил к этому вопросу с позиций человека, понимавшего историю Земли. Нужно было учсть древние ледники и оледенения, смещавшие наносы, течение рек, которые перемывали золотоносные пески, направление и само местоположение древних долин. Оказалось, что на Урале и в некоторых областях Сибири (так же как, впрочем, и в Средней Азии) реки, за исключением разве лишь крупнейших водных артерий, текли совсем в других долинах и лишь много позднее из-за вертикальных поднятий коры они изменили свое положение.

Затаенная, скрытая до поры от постороннего взгляда энергия поиска вдруг проявляет себя, обрачиваясь порывом мечты или прозрением. Еще в 1889 году двадцатишестилетний горный инженер Владимир Обручев записывает в дневнике: «Стоя на высоком нагорье на краю величественной впадины Байкала, нельзя согласиться с мнением Черского, что эта впадина результат сочетания продолжительного размыва и медленных складкообразовательных движений земной коры. Слишком она глубока, слишком обширна и слишком круты и обрывисты ее склоны. Такая впадина могла быть создана только дезьюнктивными (т. е. разломными.—В. Щ.) движениями земной коры и создана сравнительно недавно, иначе ее крутые склоны были бы уже слажены размывом, а озеро заполнено его продуктами».

Озарение, неожиданное открытие, противоречащее выводам известнейшего ученого И. Д. Черского! Но потребуется еще тридцать восемь лет неустанных трудов и размышлений, чтобы в 1927 году В. А. Обручев смог составить тектоническую карту всей Сибири, отразив на ней все, о чем мечталось и грезилось, все, что успел он ощутить в то краткое мгновение.

ние своей молодости, когда довелось ему охватить взглядом склоны гор, поросшие лиственницей, гладь вод — всю прозрачную перспективу, вдруг взывавшую его. Потом он не раз будет вспоминать Байкал — и когда придется ему открывать миллионолетние секреты истории Алтая, и когда он будет любоваться застывшим каменным морем Даурии, и когда чистое звучание горных ручьев Саян будет подсказывать ему новые мысли.

Суть затронутого здесь вопроса в том, что до Обручева многие горные образования в Сибири считали очень древними, не замечая существенных изменений за короткое по геологическим масштабам время. В. А. Обручев открыл новый счет времени. Он убедительно показал, что на древнем темени Азии уже заметны и даже играют решающую роль молодые тектонические процессы. Во многих местах, где ему довелось побывать, совсем не так уж давно приходили в движение большие участки тверди — и тогда, к примеру, неожиданно опускался участок Санганской степи и на месте его возникал байкальский залив, который так и был назван: «Прорвал». Увидеть роль молодых поднятий и разломов, прочесть и понять эти знаки, словно выведенные гигантами под холодными небесами Сибири — дугами гор, разломами и огромными глыбами,— именно это дано было Обручеву.

Лишь однажды, в 1914 году, посетил ученый Алтайскую горную страну, но этого оказалось достаточно, чтобы рассмотреть поразительное явление, выведать настоящий секрет этих гор: давным-давно рождены они, но совсем недавно новые силы привели их в движение, частично разрушили старые складки, буквально разломили их и местами разорвали. На древнейших хребтах-складках образовался новый затейливый рисунок, проявились новые знаки. Их-то и прочел Владимир Афанасьевич. Он образно назвал их «современным сбросовым нарядом прежнего складчатого Алтая». Легко сказать, легко назвать явление, если оно стало понятным, но вдумаемся: не страницу древней рукописи, испещренную письменами, разобрал ученый, а с высоты птичьего полета сумел оглядеть необъятный простор горной страны и прочесть ее сложное, непонятое дотоле прошлое. Можно только представить себе, как ополчились на него критики и коллеги-ученые. Никто не хотел верить, что Алтай рождался дважды — в первый раз тогда, когда поднялись складки, и второй раз тогда, когда они были смяты и перечеркнуты новыми движениями коры! Поверить в это было, пожалуй, так же трудно, как

во второе рождение человека. Но правота ученого была вскоре подтверждена.

Неиссякаемая энергия, эрудиция и опыт ученого помогали воспитанию новых поколений специалистов. Еще в 1915 году Владимир Афанасьевич сотрудничал в Комиссии по изучению естественных производительных сил России. В 1930 году эту комиссию сменил Совет по изучению производительных сил. В Совете Владимир Афанасьевич Обручев проводил научные конференции, был научным руководителем Северной, Нижне-Амурской, Ойротской экспедиций, постоянным членом президиума и одновременно — консультантом по проблемам геологии.

В. А. Обручев был директором Геологического института, председателем комиссии (комитета) по изучению вечной мерзлоты, возглавлял Отделение геолого-географических наук Академии наук СССР.

Во время Великой Отечественной войны Владимир Афанасьевич в Свердловске руководит поисками наиболее перспективных месторождений полезных ископаемых. В центре его внимания — восточные склоны Урала и Сибирь. Стране нужны для победы железо, марганец, алюминий, нужно многое, а главное — в очень короткие сроки. Геологические прогнозы Обручева подтверждают практика, поиск. Через месяц после победы ему присваивается звание Героя Социалистического Труда.

Одна за другой выходят его книги. Это и многотомные научные работы, и книги для широкого круга читателей. Хочется особо отметить три его научно-популярные книги, увидевшие свет в 1940—1956 годах: «От Кяхты до Кульджи», «Мои путешествия по Сибири», «По горам и пустыням Средней Азии». Это воспоминания и одновременно размышления о своем пути в науку. Книги эти помогают воссоздать образ ученого и путешественника, наставника и человека.

До конца долгой жизни (Владимир Афанасьевич умер в 1956 году) приходили письма. Это и восторженные отзывы от читателей и любителей фантастики, и письма его многочисленных учеников. Одно письмо особенно растрогало Обручева. Оно пришло из Ташкента в 1949 году и было как бы напоминанием о далеком-близком, о молодости, о давних походах. Вот это удивительное письмо:

«Глубокоуважаемый Владимир Афанасьевич!

Примите глубокое мое к Вам уважение и прежде всего простите за беспокойство.

На днях мне посчастливилося приобрести Вашу книгу «По горам и пустыням Средней Азии». В описании путешествий по Пограничной Джунгарии 1905, 1906 и 1909 гг. упоминается о Вашем проводнике Гайсе Мусине Мухарямове и его сыне Абдубекире.

Простите меня за чисто человеческую слабость, но вторую часть Вашей книги я читал с таким большим чувством и волнением, что по окончании чтения я уже не мог не написать Вам об этом. Дело в том, что я уже, можно сказать, малышом слушал как увлекательную сказку о Ваших путешествиях. Мать моя (дочь Вашего проводника Гайсы), бывало, целыми вечерами рассказывала, как мой дед водил по «нашим» горам и степям русского профессора и его сыновей, тоже ученых. Разные мелкие и большие эпизоды живут в памяти моей матери до сего дня!

И вот я, внук Гайсы, осмелился и решил выразить Вам от имени наших «старших» благодарность... за что? Да хотя бы за то: с такой Вы теплотой упоминаете (и неоднократно) о простых людях.

Не сочтите, пожалуйста, за нескромность — я очень бы просил Вас, Владимир Афанасьевич, если это можно, прислать мне одну фотографию (копию), где сняты мой дед Гайса или Абдубекир, так как у нас нет.

С сердечной признательностью к Вам, хочется хранить, как семейную реликвию.

На этом кончулю. Простите за беспокойство.

Желаю Вам еще долгих лет здоровья и плодотворной работы!

С искренним преклонением Ф. Хабибуллин».

Читая статьи ученого, невольно ловишь себя на мысли о хорошей литературной подготовке: работы отличают простой, ясный язык, лаконичный стиль и образность, доступность для читателя. Вот, к примеру, небольшой отрывок из работы, посвященной проблеме выветривания горных пород и образования лессов: «Какова же конечная цель этой деятельности выветривания и раздувания в Центральной Азии? Свести все хребты, сгладить все скалы, превратить всю поверхность в плоские холмы и увалы без малейшего выдающегося утеса — словом, уничтожить все препятствия для свободного передвижения воздуха — вот к чему стремится ветер и его сообщники в своей разрушительной деятельности, и многое он уже успел сделать в этом отношении...» Отрывок этот не является чем-то исключительным, многие страницы, написан-

ные рукой ученого — и одновременно писателя, — дают нам доказательства высокой его культуры, свободного владения словом — точным, емким и непременно несущим в себе все признаки личного отношения автора к сложнейшим вопросам. Это качество, несомненно, признак человека увлеченного, даже страстного. И не так просто отделаться от воздействия завораживающих образов и развернутых метафор, выстроенных словно по мановению волшебной палочки. Можно и в самом деле подумать, что ветер — это враждебная Обручеву сила, пожалуй, даже враг номер один, и о его разрушительной деятельности, слаживающей рельеф пустыни, исследователь говорит с искренней болью и горестным чувством. И тут же вспоминается «диагональный» стиль иных современных филологов, и все становится на свои места — и рука невольно тянется к тому В. А. Обручева. Да, не случайно читатель уже давно сделал выбор, и ему по сердцу пришли описание природы и удивительных доисторических животных, путешествия и приключения, зато сухие, неинтересные статьи, в которых Обручева-фантаста упрекали за схематизм характеров героев, за грехи чисто литературные, забыты так давно и прочно, что и вспоминать о них здесь не хочется.

Право же, литература — занятие нелегкое, и характеры героев должны быть изображены так, чтобы они остались в памяти, но в каждом конкретном случае говорить об этом приличествует подобающим слушаю образом, когда же это делается с помощью набора стандартных «филологических штампов», без всякого понимания особенностей жанра, то симпатии остаются на стороне автора-фантаста.

В 1939 году Владимир Афанасьевич писал: «Хороший научно-фантастический роман должен удовлетворять следующим условиям. Он должен быть построен настолько увлекательно по фабуле и изложению, чтобы читатель не мог от него оторваться, стремясь поскорее узнать, как развернутся дальше события, что сделают герои... Роман должен быть правдоподобным. Читатель должен получить впечатление, что все изложенное в романе если и не происходило в действительности, то могло бы произойти. Все, что отзывается чудесным, сверхъестественным, вредит изложению. Читатель сразу почувствует фальшь, и если не скажет «враки» и не бросит книгу, то будет читать уже с предубеждением».

«Плутония» Обручева — это подземный мир, который создан воображением ученого с одной-единственной целью — показать читателю далекое прошлое нашей планеты,

ее животный и растительный мир. Владимир Афанасьевич хорошо знал роман Ж. Верна «Путешествие к центру Земли» и даже состоял со знаменитым фантастом в переписке. Но, конечно же, добросовестный исследователь не мог примириться с разного рода домыслами и невероятнейшими приключениями, которыми изобилует «Путешествие». В своих воспоминаниях Обручев рассказывает:

«Я перечитал роман Жюля Верна «Путешествие к центру Земли», прочитанный еще в детские годы, и заметил в нем теперь большие геологические несообразности, дающие читателям ошибочные сведения. В романе герои спускаются к центру Земли по жерлу одного из вулканов Исландии, представляющему тоннель в несколько километров глубины, удобный для спуска. Такие жерла в природе неизвестны. Жерла вулканов заполнены лавой, туфами, брекчиями уже на небольшом расстоянии от устья. Недоумение читателя вызывают также огромные пещеры в недрах Земли, освещенные странным светом, потом какие-то существа таинственно го облика и многое другое. Совершенно неправдоподобен обратный подъем героев к поверхности — опять по жерлу вулкана, но уже где-то в Средиземном море, сначала на плоту вверх по потоку кипящей воды, а в конце даже по жидкой лаве, во время извержения этого вулкана... Мне захотелось написать более правдоподобный с геологической точки зрения фантастический роман...»

Не будем слишком строги к ученому-оппоненту Жюля Верна, но отметим, что идею, использованную Обручевым в «Плутонии», все же трудно назвать правдоподобной именно с геологической точки зрения. В начале прошлого века некоторые ученые всерьез считали, что наша планета пустотелая внутри, и в этом подземном мире совершают свое движение одно или два небольших светила. В пустотелость Земли верили, например, Франклин и Галлей — имя последнего носит одна из самых популярных комет. Развивая взгляды этих ученых, немецкий профессор Штейнгаузер приписал внутренней планете, которую он назвал Минервой в честь римской богини, влияние на земной магнетизм. Минерва якобы совершает один оборот за 480 без малого лет и создает вековые колебания магнитного поля. Поветрие распространялось, занимая умы энтузиастов.

Весной 1818 года некоторые американские ученые и члены конгресса получили по почте послание следующего содержания:

«Всему миру. Я объявляю, что Земля полая и обитааема изнутри. Она состоит из нескольких твердых концентрических сфер, помещенных одна в другую, и имеет у полюсов отверстия... Берусь доказать истинность этого утверждения и готов исследовать внутренность Земли, если мне помогут в этом предприятии. Клив Симс, бывший капитан от инфanterии».

Конечно, ко времени В. А. Обручева все это считалось уже порождением фантазии, но именно фантастическое начало послужило той нитью Ариадны, которая позволила ученыму — и вслед за ним читателю — проникнуть в далекое прошлое.

Безусловно, Обручев фантазировал в «Плутонии», зато в другом своем романе, «Земля Санникова», он уделил собственно фантастике скромное место. Потому только, что в Землю Санникова он верил и посвятил ей специальную статью, в которой можно прочесть следующее:

«Открытие экспедицией на ледоколе «Садко» неизвестного довольно большого острова в восточной части Карского моря в промежутке между Землей Франца-Иосифа и Северной Землей под 81° с. ш. и 78° в. д. (острова Ушакова.— В. Ц.) заставляет нас напомнить о другом острове или, может быть, целом архипелаге в Ледовитом океане, который 125 лет тому назад люди видели издалека, но не могли добраться до него, так как не имели ни ледоколов, ни самолетов — современных могучих средств разведки и сообщения в ледяных просторах Арктики.

Эта виденная только издали, но никем не посещенная земля находится к северу от Новосибирских островов, примерно в 150—200 км, и даже имеет название «Земля Санникова» по имени промысленника, впервые заметившего ее на горизонте. Но географы не верят в ее существование, и на современных картах Арктики мы ее не найдем».

После этого короткого вступления В. Обручев подробно разбирает проблему и пишет далее:

«Открытие Земли Санникова едва ли будет иметь большое экономическое значение; ее богатства в виде песцов, белых медведей, тюленей, моржей и перелетной птицы, вероятно, ограничены; об ископаемых богатствах ничего предсказать, конечно, нельзя. Но научное значение этого открытия достаточно велико. Сектор Арктики к северу от Новосибирских островов — наименее, вернее, совершенно неизученный, и нахождение земли в его пределах выяснило бы многое в отношении течений, состояния и движения

льдов, геологии континентальной платформы, фауны и флоры Арктики.

Может быть, Земля Санникова даст также разъяснение одной этнографической загадки, именно исчезновения народа онкилонов. Несколько веков тому назад они населяли весь Чукотский полуостров, но затем были вытеснены чукчами к берегу Ледовитого океана. По телосложению, одежде, языку и образу жизни они сильно отличались от чукчей, и ближайшими их родственниками являются алеуты о. Кадьяк. Норденшельд во время своего плавания на корабле «Вега» вдоль берегов Сибири находил в районе мысов Рыркарпий, Шелагского и Якан в изобилии брошенные жилища онкилонов — своеобразные землянки, до половины углубленные в почву, и с кровлей из китовых ребер, присыпанных землей. При раскопках находили орудия из камня и кости — топоры, ножи, наконечники копий и стрел, скребки, нередко даже с костяными или деревянными рукоятками, к которым топоры и наконечники были привязаны ремешками, сохранившимися в течение веков благодаря мерзлоте почвы. Онкилоны не знали употребления металлов и были людьми каменного века.

По рассказам чукчей, собранным Врангелем, причиной ухода онкилонов с берега Ледовитого океана была кровавая распрая на почве родовой мести между их вождем Крэхой (Крохаем) и предводителем оленных чукчей. Спасаясь от последнего, Крэхай с немногочисленными остатками племени сначала укрепился на скалах мыса Северного, затем перебрался на остров Шалауров и, наконец, на 15 байдарах уплыл на землю, горы которой видны в Ледовитом океане с мыса Якан, то есть на о. Врангеля. Но на последнем в момент его открытия никаких людей не оказалось.

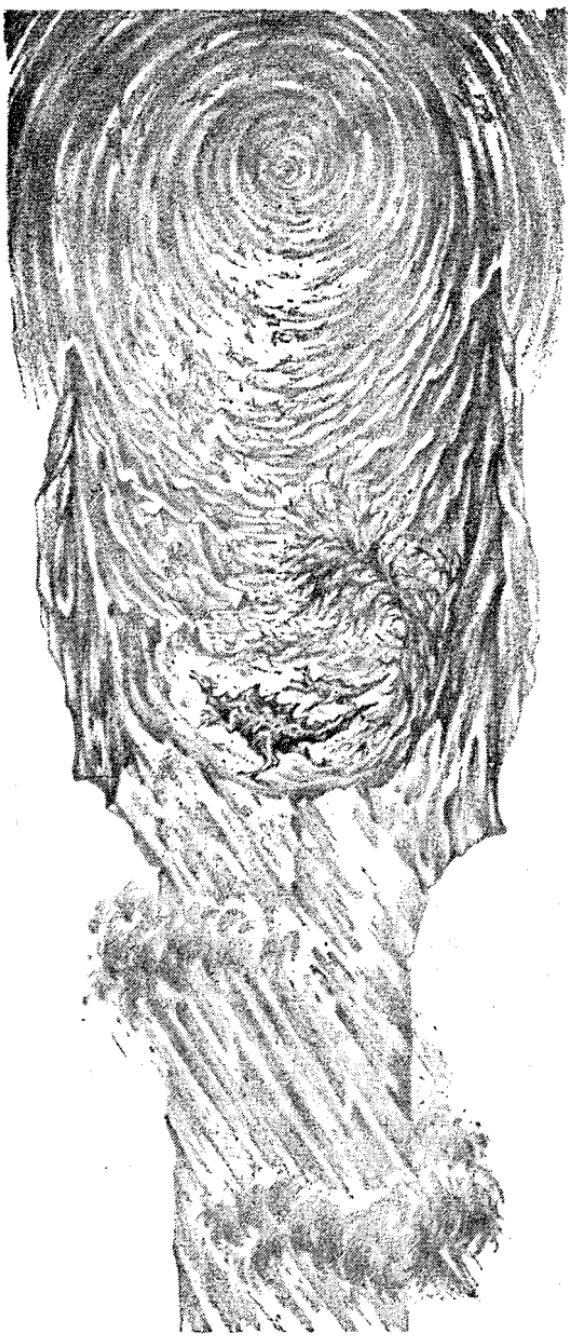
Может быть, ученые этнографы сообщат... больше подробностей об этом исчезнувшем народе, который мог очутиться на Земле Санникова».

...Но пока этнографы и географы молчат, читатель может с полным правом довериться фантасту Владимиру Обручеву, который и на страницах своих популярных книг совершает открытия и ведет героев одному ему ведомыми тропами — в реальные и одновременно волшебные страны, расположенные у горизонта мечты.

Владимир Щербаков

Плутония

Предисловие

Наша Земля существует уже многие миллионы лет, в течение которых жизнь на ее поверхности испытала большие изменения. Образовавшиеся в теплой воде первых морей сгустки белкового вещества, мало-помалу усложняясь, превратились в ряд разнообразных растительных и животных организмов, которые через бесчисленные поколения достигли современного состояния.

Это изменение форм органической жизни можно проследить, изучая их остатки, сохранившиеся в толщах земной коры в виде окаменелостей, которые позволяют нам составить довольно полное представление о том, какие растения и животные населяли поверхность Земли в минувшие времена, в течение так называемых геологических периодов, которых насчитывают 11 с тех пор, как сформировалась органическая жизнь. И чем дальше отстоит данный период от современности, тем большая разница между формами свойственной ему органической жизни и современными.

Изучением форм этой минувшей жизни, их особенностей, условий существования и причин изменения, вымирания одних, развития и совершенствования других занимается отрасль науки, называемая палеонтологией. Ее изучают в некоторых высших школах. Но и каждому человеку интересно получить хотя бы общее представление о формах и условиях минувшей жизни. Эту задачу я попытался решить в написанной мною книжке в виде научно-фантастического романа. Можно

было бы описать, как на плитках камня находят отпечатки растений и по отдельным листьям составляют представление о целом дереве или кусте; как из камня освобождают разные раковины, кораллы и остатки других морских беспозвоночных, очищают их и определяют их наименования; как выкапывают с большими предосторожностями кости позвоночных животных и составляют из них целые скелеты, по которым судят о прежней внешности этих существ. Но такие описания были бы очень длинны и скучны; они нужны только учащимся, будущим палеонтологам, а широкому кругу читателей не дали бы живого представления о прежних формах жизни. Поэтому я выбрал форму романа. Но как повести читателя в этот мир давно исчезнувших существ и обстановку, в которой они жили?

Я знаю только два романа, в которых сделана подобная попытка. Один — это роман Жюля Верна «Путешествие к центру Земли», в котором ученые спускаются вглубь по жерлу одного из вулканов Исландии и находят подземные пустоты, населенные загадочными существами и исчезнувшими животными, описанными смутно. А обратно на поверхность ученые выплывают по жерлу другого вулкана на плоту по кипящей воде и, наконец, даже по расплавленной лаве. Все это очень неправдоподобно. Жерла вулканов не открытая труба, идущая далеко вглубь, они заполнены застывшей лавой, и на плоту, по кипящей воде, тем более по раскаленной лаве, плыть нельзя. Геологические ошибки в этом романе побудили меня в 1915 г. сочинить «Плутонию». До этого случая я еще ничего не писал для молодых читателей и не собирался этого делать.

Второй — роман Конан Дойля, в котором путешествующие по Южной Америке открывают высокое, очень трудно доступное плато, отрезанное от всей окружающей местности и населенное первобытными людьми, большими человекоподобными обезьянами и некоторыми исчезнувшими в других местах Земли животными. Забравшиеся на плато исследователи подвергаются разным приключениям. Но в этом романе также много неправдоподобного; он знакомил читателя только с миром, близким к современному, и произвел на меня такое слабое впечатление, что я забыл его

название, хотя читал два раза и не очень давно, гораздо позже, чем роман Жюля Верна.

Хороший научно-фантастический роман должен быть правдоподобен, должен внушать читателю убеждение, что все описываемые события при известных условиях могут иметь место, что в них нет ничего сверхъестественного, чудесного. Если в романе нагромождены разные чудеса — это уже не роман, а сказка для детей.

Уже первые издания романа «Плутония» показали, что он удовлетворяет условию правдоподобности. Я получил от читателей немало писем, в которых одни совершенно серьезно спрашивали, почему не снаряжаются новые экспедиции в Плутонию для изучения подземного мира; другие предлагали себя в качестве членов будущих экспедиций; третья интересовались дальнейшей судьбой путешественников, выведенных в романе. Поэтому в последнем издании «Плутонии» автору пришлось объяснить читателям в послесловии, что для того, чтобы познакомить их с животными и растениями нескольких минувших периодов в такой форме, как будто они существуют и в настоящее время где-то в недрах Земли, ему пришлось принять в качестве истины гипотезу, предложенную в начале прошлого века и серьезно обсуждавшуюся тогда учеными. Она подробно изложена в предпоследней главе («Научная беседа»), в которой организатор экспедиции защищает ее справедливость. В действительности же она уже давно отвергнута наукой.

Автор надеется, что и это издание «Плутонии», подобно прежним, побудит молодых читателей ближе познакомиться с геологией и заняться этой интересной наукой, которая выясняет состав и строение нашей планеты и рассказывает, какие растения и животные населяли ее в минувшие периоды, как они изменяли и сменили друг друга, пока из среды животных не выдвинулось мыслящее существо — человек, ставший властелином Земли.

B. A. Обручев
1955

Неожиданное предложение

Профессор Каштанов, известный путешествиями на Новую Землю и Шпицберген и исследованием Полярного Урала и занимавший кафедру геологии в университете, только что вернулся из своей лаборатории. Осенний семестр кончился, лекции и экзамены прекратились, и профессор с удовольствием мечтал о трехнедельных зимних каникулах: не для безделья — о, нет! Еще не старый, полный сил и здоровья, он думал отдохнуть только дня два-три, а затем приняться со свежими мыслями за учченую статью о геологическом соотношении Урала и Новой Земли.

Присев к письменному столу в ожидании обеда, Каштанов пересмотрел полученную за день почту, перелистал несколько научных брошюр, присланных ему авторами, пробежал каталог научных новинок немецкого книгоиздательства. Наконец, его внимание привлекло письмо в большом желтоватом конверте с адресом, написанным очень четким, но мелким почерком.

Почерк своих обычных корреспондентов профессор знал отлично, и это письмо от незнакомого человека заинтересовало его.

Каштанов вскрыл конверт и с изумлением прочитал следующее:

Мунку-Сардык. 1/XII 1913.

Глубокоуважаемый Петр Иванович!

Зная Вашу опытность в полярных исследованиях и интерес, который Вы питаете к геологии арктической области, я предлагаю Вам принять участие в крупной экспедиции, отправляемой мною будущей весной на один или два года для изучения неизведанной части Ледовитого океана. Если Вы принципиально согласны, будьте добры

приехать для личных переговоров 2 января 1914 года в полдень в Москву, гостиница «Метрополь», где в этот день и час соберутся остальные предполагаемые участники экспедиции и я. Если безусловно отказывается, не откажите известить по тому же адресу. Расходы по поездке, во всяком случае, будут возмещены.

Вполне преданный и уважающий Вас

Николай Иннокентьевич Труханов.

Профессор опустил письмо и задумался.

«Труханов? Как будто слышал эту фамилию, но где и когда? Кажется, в связи с вопросами геофизики или астрономии. Нужно навести справки. Это крайне интересно. Живет где-то на границе Монголии, а снаряжает экспедицию в Ледовитый океан!»

Каштанов протянул руку к телефону и вызвал своего коллегу, профессора астрономии, который сообщил следующие сведения: Труханов кончил университет и посвятил себя геофизике¹ и астрономии. Он недавно выстроил обсерваторию на вершине горы Мунку-Сардык в Саянском хребте, на границе Монголии, чтобы воспользоваться чистотой и прозрачностью воздуха Восточной Сибири в течение долгих зим, изобилующих безоблачными днями и ночами. Но при чем тут полярные области? Над Ледовитым океаном атмосфера, во всяком случае, менее благоприятна для астрономических наблюдений, чем на горе Мунку-Сардык...

На этот вопрос астроном не мог дать никакого ответа, и Каштанову ничего не оставалось, как отложить удовлетворение своего любопытства до 2 января. Он, конечно, решил съездить в Москву.

Совещание в Москве

В полдень 2 января 1914 года профессор Каштанов подкатил на автомобиле к гостинице «Метрополь» и постучал в дверь номера 133, указанного ему швейцаром. Дверь распахнулась, и профессор очутился в обширной светлой комнате, где было уже несколько человек. Один из них поднялся навстречу Каштанову и, протягивая ему руку, воскликнул:

¹ Геофизика — наука о физическом устройстве земного шара, его магнитных, электрических свойствах, силе тяжести, радиоактивности, температуре глубин, физическом состоянии недр.

— Вы аккуратны, как часы, Петр Иванович, невзирая на эту погоду, настоящую сибирскую пургу! Это отличное предзнаменование для нашего предприятия. Очень рад, что вы прибыли и что имею честь видеть вас у себя! Я — Труханов. Позвольте познакомить вас с остальными присутствующими.

Один за другим поднялись и были представлены Каштанову:

— Зоолог, приват-доцент Семен Семенович Папочкин.

— Метеоролог Главной физической обсерватории Иван Андреевич Боровой.

— Ботаник и врач Михаил Игнатьевич Громеко.

На круглом столе среди комнаты была разложена большая карта арктической области, на которой резкими цветными линиями были нанесены маршруты экспедиций последних пятидесяти лет. К северу от Таймырского полуострова была уже намечена земля, открытая Вилькицким только летом 1913 года¹.

Когда все уселись вокруг стола, Труханов начал свою речь.

— Как показывает вам эта карта, пять шестых арктической области между Сибирью, Северной Европой, Гренландией и Северной Америкой испещрены маршрутами многочисленных экспедиций. Но удивительное открытие земли, сделанное недавно Вилькицким, показало, что и в этой области возможны еще крупные за воевания для науки. Нужно только направить свои усилия целесообразно, пользуясь опытом всех предшественников.

Дело славных экспедиций семнадцатого и восемнадцатого веков — Прончищева, Лаптева, Дежнева, Беринга — и исследований Врангеля и Миддендорфа в первой половине девятнадцатого века на крайнем севере Сибири в настоящее время продолжают экспедиции Седова, Брусилова и Русанова, занимающиеся изысканиями в Карском или Баренцевом море. В ту же область проник Вилькицкий, и, конечно, будет продолжать свои исследования. Конкурировать с ними я не хочу.

¹ Теперь она называется Северной Землей.

Мои планы,— продолжал Труханов после небольшой паузы,— касаются другой части арктической области.

Взгляните на это большое белое пятно к северу от Чукотского полуострова и Аляски,— ни одна цветная линия его не пересекает! Злополучная «Жаннетта», скованная льдами, проплыла южнее этого пятна. Последние экспедиции Свердрупа и Амундсена работали восточнее, среди островов североамериканского архипелага.

Но в пределах этого пятна должна быть земля, никому еще не известная, или большой остров, только вдвое меньше Гренландии. А может быть, там лежит целый архипелаг. Посмотрите, на восточной окраине этого пятна нанесена проблематическая земля, виденная издали Крукером, на южной — Земля Кинан. Нансен думает, что большой земли в этой части Ледовитого океана нет; Пири, наоборот, убежден, что с мыса Фомы Гоббарда он видел на северо-западе окраину большого материка.

Гаррис, член береговой и геодезической съемки Соединенных Штатов Америки, уверен в существовании этого материка на основании изучения приливов и отливов на северных берегах Аляски. По его словам, весь ход этих колебаний морского уровня в море Бофора доказывает, что они идут не из Тихого океана через узкий и мелкий Берингов пролив, а из Атлантического океана, по глубокому промежутку между Норвегией и Гренландией, а затем, между предполагаемым материком и берегами Аляски и Сибири, эти колебания все более и более ослабевают. Если бы этого материка не было, приливная волна шла бы из Гренландского моря через Северный полюс прямо к берегам Аляски и Чукотской земли, не запаздывая и не ослабевая. Существование материка доказывается еще тем, что в море Бофора, открытом на западе, западные ветры усиливают приливную волну, а восточные ослабляют ее, и разница в высоте волны достигает двух метров. Это возможно только в узком море между двумя материками. От островов североамериканского архипелага предполагаемый материк отделен только узким проливом. Если бы этот пролив был широк, приливная волна Атлантического океана могла бы достигать берегов остров-

ва Банка, встречаясь здесь с приливной волной, обошедшей этот материк с запада и юга, и обе волны должны были бы уничтожать друг друга. Но наблюдения Мак-Клюра у западного берега острова Банка показали, что здесь все еще господствует приливная волна, идущая с запада из моря Бофора.

Итак,— закончил Труханов свой доклад,— существование материка или тесной группы больших островов в этой части арктической области можно считать почти несомненным и остается только открыть и объявить их принадлежащими России. Я узнал, что правительство Канады снаряжает экспедицию, имеющую задачей проникнуть летом этого года в белое пятно с востока. Дольше медлить нельзя — нам нужно проникнуть в ту же область с юга и юго-запада, со стороны Берингова пролива, иначе последняя неизвестная часть Арктики будет целиком изучена и захвачена англичанами.

Вот почему я решил организовать и послать туда экспедицию, а вас приглашаю принять в ней участие.

А теперь позвольте сообщить вам о ближайших планах. Судно по типу «Фрама», но более усовершенствованное на основании опыта последних плаваний, уже с осени строится. На днях оно будет спущено на воду, и капитан поедет руководить его окончательным снаряжением. К концу апреля, по контракту, судно должно быть совершенно готовым, и к первому мая оно прибудет во Владивосток за членами экспедиции. В начале мая мы снимаемся с якоря и возьмем прямой курс на Камчатку, где в Петропавловске погрузим партию ездовых собак с одним или двумя камчадалами, опытными в управлении этими животными. Если нам это не удастся на Камчатке, мы можем взять собак на Чукотском полуострове, в Беринговом проливе, где придется приставать, чтобы запастись юколой¹ для собак и полярной одеждой для людей. Миновав Берингов пролив, мы направимся не на северо-запад, как «Жаннетта», а на северо-восток, прямо к искомой земле. Конечно, вскоре мы встретим льды и будем пробиваться через них насколько можно дальше, но весьма

¹ Ю колой на севере Сибири называется сушеная рыба, преимущественно из породы лососей, приготовляемая жителями впрок для пропитания зимой себя и собак.

вероятно, что на судне мы не дойдем до берегов этой земли и высадим санную экспедицию, которая и должна будет проникнуть возможно дальше на север. Она будет снабжена припасами на год на случай зимовки, если ей не удастся к осени вернуться назад или если судно, которое будет крейсировать вдоль южной окраины земли или сплошных льдов, не сможет подобрать экспедицию до наступления зимней полярной ночи. На окраине земли судно будет оставлять на известном расстоянии один от другого склады с припасами, чтобы санная экспедиция могла пополнить свои запасы и на второй год в случае какого-либо несчастья. Но если к концу будущего лета судно не вернется в какой-нибудь порт, имеющий телеграфное сообщение с Европой, весной следующего года будет отправлена спасательная экспедиция для поисков судна и взятия санной партии.

Как видите,— закончил Труханов,— хотя задачей экспедиции не является достижение Северного полюса с новой стороны, а только исследование предполагаемого материка к северу от Берингова пролива, однако и эта задача также довольно трудна. В лучшем случае мы вернемся на родину поздней осенью этого года, может быть, даже не увидав искомой земли; но более вероятно, что придется зимовать во льдах на судне или на материке и вернуться годом или двумя позже. В худшем случае мы можем погибнуть — это каждому из нас нужно иметь в виду и устроить свои дела соответственным образом.

После некоторого молчания, во время которого каждый из слушателей мог обдумать свое отношение к делу, Труханов прибавил:

— Если бы кто-нибудь из вас теперь, после разъяснения плана экспедиции, нашел невозможным принять в ней участие, то я попросил бы его все-таки не говорить никому о нашем плане до начала мая, чтобы нас не могли опередить иностранцы.

— Если я не ошибаюсь,— заметил Каштанов,— вы, Николай Иннокентьевич, говоря о санной экспедиции, выражались: «Мы ее высадим на берег или на лед». Разве вы сами не предполагаете участвовать в исследовании неизвестного материка?

— К несчастью, нет, Петр Иванович. Я поеду с вами на судне и останусь на нем, потому что ходить пешком почти не могу. У меня ведь одна нога ниже колена искусственная; я так неудачно сломал ее во время путешествия по диким Саянам, что сделался инвалидом, годным только для сидячего образа жизни.

— Кто же отправится с санной экспедицией?

— Все присутствующие, кроме меня и капитана, а также один или два камчадала или чукчи, то есть пять или шесть человек. Исследование всех трех царств природы будет обеспечено, а метеоролог, кроме атмосферных явлений, берет на себя определение долгот и широт. Не так ли, Иван Андреевич?

— Совершенно верно, я имею достаточный опыт в этом отношении,— ответил Боровой.

— Я не настаиваю на немедленном решении вопроса об участии в экспедиции,— продолжал Труханов.— Пусть каждый обдумает мое предложение спокойно наедине.

— Когда же нужно дать окончательный ответ? — спросил Папочкин.

— Через неделю в это же время. Более продолжительного срока на размышления я, к сожалению, дать вам не могу, так как в случае отказа кого-нибудь я должен искать другого соответствующего специалиста, а в конце января должен вернуться в Сибирь, чтобы устроить дела своей обсерватории, которую покидаю на долгое время.

Через неделю в тот же час в номере Труханова собрались те же лица, кроме капитана, уже выехавшего принимать корабль. Никто из ученых не отказался от участия в экспедиции, слишком соблазнительной, несмотря на предстоявшие лишения и опасности. Труханов был в восторге и заметил, что это единодущие и отсутствие колебаний среди участников заранее гарантирует успех предприятия. План обсуждался вторично, и каждый участник делал замечания по своей специальности относительно необходимого научного и личного снаряжения.

На следующий день все разъехались в разные стороны, чтобы подготовиться к экспедиции и закончить личные дела.

В далекий путь

20 апреля с сибирским экспрессом выезжали одновременно из Москвы профессор Каштанов, зоолог Папочкин, метеоролог Боровой и врач Громеко, собравшиеся по договору из разных концов России; через десять дней они прибыли на вокзал Владивостока.

В гостинице, указанной им заранее, наши путешественники нашли уже Труханова, прибывшего неделей раньше для разных закупок и приема заказанных вещей. На следующий день, 1 мая, все пятеро встречали прибывшее в порт судно «Полярная звезда», с капитанского мостика которого им улыбалось обветренное лицо капитана.

В течение трех дней производилась погрузка угля, смазочных масел, съестных припасов, разных предметов научного снаряжения и личного багажа членов экспедиции, которые на третий день сами перебрались на судно.

Утром 4 мая все было готово, таможенные формальности окончены, экипаж и пассажиры на местах.

Плавно рассекая волны бухты Золотого Рога, «Полярная звезда» в полдень обогнула Ослиные Уши и направилась мимо острова Русского на восток.— Все пять человек экспедиции с капитанского мостика провожали глазами уплывавший вдаль город, раскинувшийся амфитеатром по сопкам, позади зеленой бухты; в душе каждого из них невольно вставал вопрос: увижу ли я когда-нибудь опять эти берега и родину вообще? И каждому становилось немного грустно. Но свежий морской ветер и легкая качка, начавшаяся после выхода из бухты, быстро покончили с береговыми воспоминаниями.

Раздался гонг, призывающий к завтраку, и путешественники, бросив последний взгляд на оставшуюся позади темную полосу родного берега, спустились в кают-компанию.

После завтрака все поднялись опять на палубу, чтобы взглянуть на темную массу острова Аскольда — последний клочок родной земли вплоть до Камчатки. Миновав остров, «Полярная звезда» повернула на восток; ветер затих, и судно плавно рассекало голубые волны Японского моря, уходившего теперь на юг и

восток за горизонт. Только на севере, на расстоянии пятнадцати — двадцати километров, тянулась темная линия уссурийского берега. На закате солнца, за мысом Поворотным, и эта линия быстро исчезла из виду.

Судно резко повернуло на северо-восток.

— В какой порт мы направляемся?

— Ни в какой, если сильный шторм не заставит нас сделать это. Но барометр стоит высоко, и до Курильских островов шторма не предвидится.

— А там?

— Там холодное Охотское море, наверно, наделает нам неприятностей. Этот скверный угол Тихого океана почти всегда дает себя знать судам, держащим курс на Камчатку. Внезапные штормы, туманы, дождь или снег, особенно весной и осенью, бывают там постоянно. Но это будет для нас подготовкой к полярным условиям.

Благодаря спокойному морю все в эту ночь выспались отлично и отдохнули после суеты и хлопот дорожных сборов. Но на следующий день предсказание Труханова оправдалось. Барометр резко упал, подул пронзительный норд-вест (северо-западный ветер), небо заволокло серыми тучами, и пошел мелкий осенний дождь. На широте мыса Терпения «Полярная звезда» повернула почти на восток и вступила в открытое Охотское море, все больше отдаляясь от Сахалина. Началась сильная боковая качка, и путешественники провели очень беспокойную ночь.

На следующий день погода не улучшилась. Дождь, снег сменяли друг друга. Темные волны с белыми гребнями пены плавно накатывались на левый борт, обдавая брызгами всю палубу. Пришлось сидеть в кают-компании, коротая время в разговорах. Папочкин и Боровой, плохо выносившие качку, не появлялись ни за завтраком, ни за обедом. Капитан сходил со своего поста в рубке только на короткое время. К счастью, шторм не был сильный и за ночь даже ослабел. Утром впереди показалась темная масса острова Парамушир, самого крупного в северной части Курильских, а справа виднелись меньшие острова Маканруши и Онекотан с вулканом Тоорусыр, из которого подымался густой столб дыма. Ветер прекратился, и дым шел прямо вверх, расплываясь в верхних слоях атмосферы в серое

облако, еле заметное на пасмурном небе. В нескольких милях к югу из воды, подобно исполинскому столбу, отвесно поднимался утес Авосси, словно огромный черный палец, грозивший судну. Белая полоса прибоя резко отделяла его основание от поверхности моря, казавшегося при сером освещении оливково-зеленым.

— Как угрюмы эти острова! — воскликнул Папочкин, вышедший на палубу при известии, что видна земля. — Черные и красноватые мрачные скалы, стелющийся кустарник.

— И постоянные туманы; летом дожди, зимой пурги, — прибавил Труханов. — И все-таки люди живут здесь.

— Курильские острова сплошь вулканического происхождения, — пояснил Каштанов. — На них насчитывают двадцать три вулкана, из которых шестнадцать действуют более или менее постоянно. Эта цепь, соединяющая Камчатку с Японией, тянется по западному краю большого провала морского дна впадины Тускарора, достигающей девяти с половиной тысяч метров глубины. Линии крупных разломов земной коры обыкновенно сопровождаются вулканами, а частые землетрясения доказывают, что движения в земной коре еще продолжаются и равновесие нарушается...

Страна дымящихся сопок

После полудня попутный ветер позволил распустить все паруса, и «Полярная звезда» с удвоенной быстротой понеслась к Камчатке, уже видневшейся на горизонте. Вскоре поравнялись с мысом Лопатка, а затем перед глазами путешественников потянулась линия вулканов-сопок. Одни были конические, другие притупленные, соединенные одна с другой ровными гребнями невысоких хребтов. Снега, покрывающие стройные конусы сопок и гребень промежуточного хребта, ярко белели на темном фоне неба. Лунная ночь позволила войти безопасно в узкие ворота Авачинской бухты. Убрав паруса, «Полярная звезда» прошла тихим ходом между высокими скалами ворот и очутилась в обширной бухте, на берегах которой ни один огонек не выдавал присутствия человека. Было уже за полночь, и маленький городок Петропавловск давно спал. Спокой-

ные воды бухты серебрились при ярком свете луны, а на севере, вдали, поднимался стройный конус Авачинской сопки, подобно белому привидению на темном фоне неба. В воздухе чувствовался легкий морозец. Казалось, Камчатка объята еще зимним сном.

Через час судно бросило якорь в сотне шагов от берега, возле солнного городка. Гротоут цепей разбудил собак, и ночная тишина была нарушена лаем и воем, на который, однако, никто из горожан не обратил внимания. Этот концерт повторялся не один раз, очевидно представляя обычное явление.

Утром путешественники были разбужены беготней и возней, начавшейся на палубе. Происходила погрузка угля, пресной воды, провизии. Все поспешили наверх. Яркое солнце поднялось уже высоко над горами, и город ожила.

После долгого плавания всем хотелось почувствовать под ногами твердую почву; поэтому позавтракали наскоро и, чтобы переправиться на берег, воспользовались шлюпкой, отправлявшейся за провизией. Там уже все население Петропавловска, от малышей до старииков, едва передвигавших ноги, собралось, чтобы поглазеть на судно и его пассажиров, услышать последние новости с далекой родины, узнать, не привезены ли нужные им товары.

Позади толпы на пологом склоне расположились в живописном беспорядке жалкие домишко горожан, среди которых выделялись по величине и солидности постройки: городское училище, больница, новый дом губернского правления и несколько торговых складов.

Путешественников поразило отсутствие чего-либо похожего на улицы. Домишко были разбросаны так, как вздумалось их строителям и хозяевам: одни стояли лицом к бухте, другие — боком, трети — даже наискось. Вокруг каждого дома расположились амбары, сарайчики, навесы для скота, вешиала для юколы. — Во многих местах лежали еще кучи и поля грязного тающего снега, из-под которых к морю сбегали ручейки мутной воды, и прохожим приходилось перепрыгивать через них, так как ни тротуаров, ни мостиков не было.

Всех поразило почти полное отсутствие домашней птицы и мелких животных. Это объяснялось тем, что ездовые собаки, без которых на Камчатке существовать

нельзя, уничтожают всякую мелкую живность особенно к концу зимы, когда истощаются запасы юколы и собак держат впроголодь. Эти собаки, красивые мохнатые звери различной масти, виднелись вокруг всех домов. Одни грелись на солнце в живописных позах, другие рылись в домашних отбросах, третья дрались или играли друг с другом. Путешественники с интересом рассматривали этих животных, родичи которых должны были принять участие в экспедиции «Полярной звезды» в качестве средства передвижения по снегам и льдам неизвестной земли. По слуху окончания зимнего пути и полной распутицы на Камчатке собаки пользовались теперь заслуженным отдыхом и незаслуженным великим постом, заметным по их впалым бокам и голодным взорам.

Несмотря на зигзаги, которые приходилось постоянно делать между домами и их пристройками, путешественники меньше чем в полчаса обошли весь город и выбрались за его пределы, где ботаник надеялся собрать весеннюю флору. Но его надежды были обмануты — везде лежал еще глубокий снег, и только на более крутом косогоре, успевшем оттаить, нашлись молодые листья анемонов. Весна на Камчатке вследствие обилия зимних снегов и влияния холодного Охотского моря начинается поздно, и земля освобождается от снега только в конце мая. Но зато и осень затягивается до половины или конца ноября.

С верхней окраины города открывался чудный вид на всю Авачинскую бухту, окруженную кольцом гор, местами круто обрывавшихся темными утесами к глади вод, местами же сбегавших пологими склонами и разрезанных долинами речек, уже освободившихся от оков зимы.

Кольцо гор отступило от берега бухты только на западе, где виднелась низменная дельта речки Авачи. У устья последней можно было различить домишк одноименного селения, единственного, кроме Петровавловска, жилого места на берегу этого великолепного бассейна, имеющего около двадцати километров в попечнике, могущего вместить флоты всех великих и малых держав, прекрасно защищенного со стороны моря и тем не менее поражавшего зрителей своей пустынностью. На его гладкой поверхности не

белел ни один парус, зато окружающие горы, поросшие лесом, белели еще под зимним покровом.

Спустившись к берегу, наши путешественники сделались свидетелями любопытной сцены. Возле воды стояли, связанные попарно, тридцать собак, назначенных для экспедиции. Они были окружены несколькими матросами и толпой любопытных, но вели себя очень беспокойно — выли, дрались и делали попытки к бегству. На воде у берега стояла большая неуклюжая лодка, в которую собирались погрузить эту свору. Коренастый мужчина, обнаженный до пояса, очевидно каюр, то есть собаковожатый, схватил пару сопротивлявшихся и вывихших животных за шиворот, отнес их в лодку и посадил у кормы. Но как только он повернулся к ним спиной, чтобы идти за следующей парой, умные собаки, очевидно недолюбливавшие путешествия по воде, выскочили на берег и смешались с остальными. Это повторилось несколько раз ко всеобщему удовольствию зрителей. Не помогали ни пинки, ни крики — псы не желали покидать свою родину. Каюр выходил из себя и ругал собак русскими и камчадальскими скверными словами, зрители хохотали и подавали различные советы, собаки выли — гвалт стоял невообразимый.

Наконец каюр придумал остроумный, хотя и не очень приятный для косматых пассажиров способ посадки. Он оттолкнул лодку шагов на пять от берега, вручив ее причал одному из матросов, и затем стал бросать собак попарно через воду в лодку, несмотря на их сопротивление. Извиваясь в воздухе, псы шлепались на дно, вскакивали передними ногами на борт и выли отчаянно, но прыгать в воду все же не решались. Когда лодка наполнилась всеми беспокойными парами, продолжавшими прыгать и выть, ее подвели носом к берегу. Матrosы и каюр быстро вскочили и взялись за весла. При первом же взмахе весел стая, словно по мановению волшебного жезла, затихла и молчала в течение всей переправы. Но как только лодка толкнулась о корпус «Полярной звезды», концерт возобновился с удвоенной силой. С берега было видно, как собак попарно поднимали на палубу в корзине, спущенной с борта судна на веревке, и как каюр носил их в отведенную

им загородку, где хорошая порция юколы заставила их примириться со своей участью.

Суeta на палубе, грохот якорной цепи и вой встревоженных собак рано разбудили на другой день путешественников, которые не поленились подняться на верх, чтобы бросить последний взгляд на городок и его обитателей, собравшихся на берегу для проводов судна. При криках «ура», «счастливого пути», сопровождавшихся маханием шапками и платками, и при вое собак «Полярная звезда» сделала плавный поворот и полным ходом направилась через бухту к воротам. Берег быстро уходил вдаль, и вместе с тем на заднем плане из-за ближайших к городу гор стал выплывать белоснежный конус Авачинской сопки. Тонкой, прозрачной струей из ее вершины подымался дымок.

— Закурила наша сопка! — произнес голос за спиной путешественников, стоявших у борта и любовавшихся красивой картиной.

Все оглянулись. Это был тот энергичный мужчина, который накануне перебрасывал собак в лодку. Теперь он был одет в кухлянку — куртку из оленьего меха шерстью наружу. Узкий и несколько косой прорез его карих глаз, выдающиеся скулы, смуглый цвет лица, приплюснутый нос и скучные черные усы сразу обнруживали монгольское происхождение. Он, улыбаясь, смотрел на путешественников.

— Это новый член нашей экспедиции — Илья Степанович Иголкин, начальник тридцати собак и каюра передней нарты, который обучит нас управлять этими беспокойными животными, — сказал Труханов, здороваясь с каюром.

— Наши собачки очень спокойные, господин начальник! — возразил тот. — Они уже затихли. Ведь покидать родину никому неохота, потому они и вышли.

Когда Иголкин отошел к собакам, Труханов передал товарищам сведения об этом члене экспедиции. Иголкин был родом из Забайкалья, из бурят-казаков какой-то станицы на границе Монголии, и участвовал в войне с Японией, после которой остался во Владивостоке. Его завезла на Камчатку научная экспедиция, и ему понравилась страна дымящихся сопок, ее приволье, обилие рыбы, охота на медведей. Он нашел здесь вторую родину, быстро приспособился к своеобразным

условиям тамошней жизни и сделался известным всему Петропавловску ловким каюром и проводником любителей охоты. Принять участие в экспедиции Труханова его соблазнила высокая плата, выданная ему за год вперед и позволившая построить дом и обзавестись скотом и орудиями промысла.

Через час после поднятия якоря «Полярная звезда» входила уже в ворота Авачинской бухты, которые тянутся на пять с лишним километров. Справа у входа, против отвесных скал мыса Бабушкина, из моря чернел глыбой огромный Бабушкин Камень, около ста метров вышиной, с плоской вершиной, весьма удобный для гнездования морских птиц.

Сотни чаек, бакланов и других пернатых, встревоженных шумом машины, залетали вокруг этого утеса, оглашая воздух резкими криками. Обогнув мыс Дальний с маяком, «Полярная звезда» круто повернула на северо-восток и направилась вдоль восточного берега Камчатки, постепенно отдаляясь от него.

Два дня наблюдать было нечего. Кроме того, дул холодный норд-вест, наносивший то дождь, то крупу или снег. Море было неспокойно, и теплые каюты казались заманчивее мокрой палубы.

Наконец ветер стих, но зато появились плавающие льды и туманы. Два дня шли тихим ходом, чтобы не наткнуться на ледяное поле. При прояснившейся погоде справа показался берег скалистого острова Св. Лаврентия, а слева — мыс Чукотский. Западнее последнего, на берегу глубокой бухты Провидения, находилась фактория: там для экспедиции был сложен уголь, завезенный заранее зафрахтованным судном. «Полярная звезда» отдала якорь, и началась погрузка угля. После недельного плавания все поспешили на берег. Но береговые скалы не давали простора для экскурсии, а снег еще покрывал склоны, и только небольшая площадь вокруг фактории была свободна от него.

Берингов пролив

Через два дня, погрузив уголь, «Полярная звезда» обогнула Чукотский мыс и вошла в Берингов пролив, придерживаясь ближе к материку Азии, где низкие горы круто падали к морскому берегу или полого спуска-

лись к широким долинам, уходившим в глубь этой печальной страны. Несмотря на конец мая, повсюду еще виднелись большие поля снега, и только крутые южные и юго-западные откосы гор были совершенно свободны от него и уже зеленели молодой травкой или свежими лиисточками на низких, стелющихся кустах полярной ивы и березы.

По зеленым волнам пролива часто клубился туман, скрывая даль. Небо постоянно заволакивалось низкими свинцовыми тучами, осыпавшими палубу судна то дождем, то снегом. Из-за туч иногда выглядывало солнце, дававшее много света, но мало тепла. И под солнечными лучами негостеприимные берега крайнего северо-востока Азии теряли свой безотрадный характер.

Когда туман расходился или рассеивался порывами ветра, покрывавшего зеленые волны белыми барабашками, на востоке можно было различить чуть синевший ровный берег Америки. Плавающие льды попадались все чаще и чаще, но не сплошными массами, а небольшими полями или же в виде красивых торосов, прихотливые очертания которых приводили в восторг людей, не бывавших в северных морях.

Приближению более значительного ледяного поля обыкновенно предшествовало появление полосы тумана, так что капитаны судов всегда имели возможность уклониться в ту или другую сторону, чтобы не столкнуться со льдинами. Но здесь это еще не так опасно, как в северной части Атлантического океана, где могут встретиться айсберги, опасные для судов, так как эти ледяные горы, уносимые на юг течением, постепенно подтаивают, в результате чего подводная часть оказывается в положении неустойчивого равновесия, и гора может опрокинуться от пустячной причины.

Берега казались безжизненными: не видно было ни дымка, ни фигуры человека или животного. Поэтому велико было изумление наших путешественников, собравшихся на палубе, когда из небольшой бухты, внезапно открывшейся за скалистым мысом, быстро выплыла лодка с одним гребцом, который усиленно работал веслами, плывя наперерез курсу «Полярной звезды». Но когда он заметил, что корабль его обгоняет, то начал кричать и махать платком.

Капитан дал сигнал замедлить ход и прокричал в рупор, чтобы лодка плыла к судну. Когда она приблизилась, оказалось, что это чукотская байдара. Капитан, предполагая, что какой-нибудь чужача остановил судно, чтобы выпросить себе спирта или табака, хотел уже крикнуть «полный вперед». Но в это время гребец, бывший совсем близко, закричал:

— Ради бога, возьмите меня на борт.

Машину застопорили, и байдара подплыла к борту; спустили трап. Незнакомец быстро взобрался на палубу, снял свою меховую шапку с научниками и, обращаясь к членам экспедиции, радостно произнес:

— Благодарю вас, теперь я спасен!

Это был рослый, широкоплечий человек с загорелым лицом, голубыми глазами и всклокоченной светлой бородой. Ветер трепал его рыжеватые волосы, вероятно давно уже не стриженные. Он был одет по-чукотски и в левой руке держал небольшой, но, по-видимому, очень тяжелый кожаный мешок.

Труханов подошел к нему, протягивая руку, и сказал:

— Вы, очевидно, потерпели кораблекрушение?

При звуках русской речи лицо незнакомца просияло. Он оглянулся на всех членов экспедиции, поставил свой мешок на палубу и начал поочередно пожимать всем руки, говоря второпях по-русски:

— Я с радостью вижу, что вы мои соотечественники! Я ведь русский, Яков Макшеев из Екатеринбурга. Вот счастье-то, и судно встретил, и к русским попал! Я открыл на чукотском берегу золотой прииск. Запасы пищи у меня кончились, и поневоле пришлось бросить его. Я плыву уже второй день на юг в надежде выбраться в жилые места. Дайте мне, пожалуйста, поесть, я уже два дня пытаюсь только морскими ракушками.

Труханов, сопутствуемый остальными путешественниками, повел нового пассажира в кают-компанию, где ему предложили холодную закуску и чай, чтобы он несколько подкрепился в ожидании обеда, который еще не был готов. Уплетая за обе щеки, Макшеев рассказал историю своих приключений:

— Я по профессии горный инженер и последние годы работал на золотых приисках в Сибири и на Дальнем Востоке. По натуре я непоседа, люблю путеше-

ствовать, знакомиться с новыми местами, и когда в прошлом году я услышал от местных жителей, что, по слухам, на Чукотке имеется золото, то решил отправиться туда на поиски его. По правде говоря, меня влечь туда не столько золото, сколько желание ознакомиться с этим отдаленным, малоизвестным краем.

В сопровождении двух местных жителей, вызвавшихся составить мне компанию, я отправился в путь и благополучно высадился на чукотский берег, где мне вскоре удалось найти богатую золотоносную россыпь и намыть много золота. Так как запас продовольствия у нас был ограничен, а я намерен был остаться там еще на некоторое время, я отправил своих спутников в ближайшее селение чукчей за продуктами, но они до сих пор не вернулись, хотя прошло уже больше месяца с момента их отбытия.

Когда Макшеев кончил свой рассказ, Труханов объяснил ему, что «Полярная звезда» не торговое судно и что, торопясь на север, они не могут везти его в какой-нибудь порт.

— Мы можем только передать вас на встречное судно,— закончил он.

— Но если ваше судно не торговое, то чем же оно занимается, куда держит курс?

— Оно везет русскую полярную экспедицию, членов которой вы видите перед собой, и направляется в море Бофора.

— Ну что же, придется мне, видно, до поры до времени поплавать с вами, если вы не захотите высадить меня в качестве Робинзона на необитаемый остров! — засмеялся Макшеев.— Но я рассказал вам, что у меня ничего нет, кроме того, что на мне: ни белья, ни приличной одежды,— ничего, кроме презренного металла, который даст мне возможность расплатиться с вами.

— Об этом не может быть и разговора,— прервал его Труханов.— Мы помогли соотечественнику выпутаться из беды и очень рады этому. Белья и одежды у нас достаточно, вы почти одного роста со мной и такого же телосложения.

Макшееву отвели свободную каюту, где он мог умыться, переодеться и сложить свое золото. Вечером он присутствовал в кают-компании уже в преображен-

ном виде и развлекал путешественников рассказами о своих приключениях. Новый пассажир произвел на всех самое приятное впечатление, и, когда он удалился спать, Труханов обратился к членам экспедиции с вопросом:

— Не пригласить ли нам его в свою среду? Это, по-видимому, энергичный, крепкий и бывалый человек с приятным общительным характером, который будет полезен во всяком случае и при всяких обстоятельствах.

— Да, и вполне культурный, несмотря на свою тяжелую жизнь в диких малообитаемых местах,— заметил Каштанов.

— Знает эскимосский язык, что может пригодиться на предполагаемой земле, которая если населена, то эскимосами,— прибавил Громеко.

— Пожалуй, и в самом деле я предложу ему участвовать в экспедиции с вашего общего согласия,— закончил беседу Труханов,— или лучше подожду несколько дней, все равно ему деваться некуда, и мы познакомимся с ним поближе.

На другое утро по просьбе Макшеева «Полярная звезда» свернула со своего курса в устье большой губы Св. Лаврентия, на северном берегу которой находился его золотой прииск. Он хотел захватить свое скромное имущество и, кроме того, предложил Труханову разобрать и увезти с собой небольшой домик, который мог пригодиться экспедиции при зимовке на разыскиваемой земле. Этот домик с кладовой при нем состоял из тщательно пригнанных друг к другу частей, так что за несколько часов мог быть разобран и погружен на судно. «Полярная звезда» причалила к берегу, и вся команда вместе с пассажирами взялась за работу. К полудню домик был уже погружен на палубу, и судно продолжало свой путь на север.

В поисках неизвестной земли

Поздно вечером, когда незаходящее уже солнце катилось красным шаром на северном горизонте, «Полярная звезда» вышла из Берингова пролива в Ледовитый океан.

Вдали, на западе, виднелся северо-восточный конец Азии — мыс Дежнева, на крутых откосах которого але-ли освещенные солнцем многочисленные снежные поля. Путешественники послали последний привет негоСтеприимному, безлюдному берегу, все-таки составлявшему часть родной земли.

На востоке можно было различить в легком тумане оставшийся уже позади мыс Принца Уэльского. Впереди море было почти свободно ото льдов. За последнее время господствовали южные ветры, которые совместно с теплым течением вдоль американского берега пролива угнали большую часть льда на север,— это было очень благоприятное обстоятельство для дальнейшего плавания.

Когда на следующее утро наши путешественники вышли на палубу, на западе уже не видно было земли. На востоке земля оставалась в виду — это были берега Аляски со скалистыми мысами Лисбёрн и Надежды, ограничивавшими с севера залив Коцебу.

Ветер был попутный, и, распустив паруса, «Полярная звезда» неслась по волнам, словно огромная чайка. По временам попадались ледяные поля и небольшие айсберги, которые, слегка покачиваясь, медленно плывли, подгоняемые ветром, на северо-восток.

Когда берега Аляски начали скрываться на горизонте, Макшеев, стоявший вместе с остальными пассажирами у борта, воскликнул:

— Прощай, бывшая русская земля, драгоценность, подаренная американцам!

— Как так? — удивился Боровой.— Насколько помню, наше правительство продало Соединенным Штатам эту унылую страну.

— Да, продало за семь миллионов долларов. А знаете ли вы, сколько янки уже выручили из этой унылой страны?

— Ну столько же или, может быть, вдвое!

— Вы жестоко ошибаетесь! Одного золота они вывезли из Аляски на двести миллионов долларов. А кроме золота, еще полностью не исчерпанного, там есть серебро, медь, олово и каменный уголь, который начинают добывать. Потом пушнина, большие леса по Юкону. Строят железную дорогу, по Юкону ходят пароходы.

— Ну, нам жалеть нечего! — заметил Труханов. — У нас и Аляска осталась бы в таком же первобытном состоянии, как Чукотская земля, где тоже есть и золото, и уголь, и пушнина, а толку от всего этого никакого.

— До поры до времени, — возразил Кащанов, — свободное развитие России вообще задавлено самодержавием. Но переменится правительство, и мы, может быть, начнем работать в крупных масштабах, и тогда Аляска нам бы очень пригодилась. Владея ею и Чукотской землей, мы бы командовали всем севером Тихого океана, и ни один американский хищник не смел бы сунуться сюда; а теперь они чувствуют себя хозяевами в Беринговом море и в Ледовитом океане.

— И даже на Чукотской земле! — с горечью добавил Макшеев. — Они снабжают чукчей товарами и выменивают у них на спирт пушину, моржовую кость, шкуры.

На следующее утро земли не было видно, и «Полярная звезда» плыла с уменьшенной скоростью по морю, казавшемуся безбрежным, несмотря на льды, которые белели со всех сторон. Впереди, на горизонте, стоял густой туман. Ветер ослабел, по временам шел крупный снег, и тогда горизонт быстро суживался, а судно замедляло ход; температура воздуха была только $+0,5$. Около полудня проглянуло солнце и позволило определить широту, которая оказалась $70^{\circ}3'$. Таким образом, «Полярная звезда» благодаря попутному ветру и почти свободному морю за тридцать шесть часов успела пройти третью расстояния между выходом из Берингова пролива и берегом искомой земли.

Следующие два дня эти благоприятные условия сохранились, и путешественники оказались уже под широтой $73^{\circ}39'$. Но к вечеру четвертого дня плавания по морю Бофора льды быстро сгустились, и судну приходилось уже лавировать тихим ходом в узких промежутках между ледяными полями.

На всем этом пути не встретили никаких судов; очевидно, время года было слишком раннее для китобоев. Когда это выяснилось, Труханов заявил Макшееву:

— Как видите, Яков Григорьевич, мы китобоев не встретили, и вам волей-неволей придется остаться на «Полярной звезде» в качестве моего гостя. Или вы, мо-

жет быть, предпочтете принять участие в санной экспедиции, если мы найдем искомую землю?

— Как ни приятно ваше общество,— возразил Макшеев,— но сидеть полгода или год без дела на судне среди льдов мне будет тяжело. А в экспедиции я приму участие с большим удовольствием и, думаю, не без пользы для нее. Я опытен в ходьбе на лыжах, в езде на собаках и беру на себя вместе с Иголкиным заботу о них. Могу также готовить пищу, вести съемку, помогать профессору Каштанову в геологических наблюдениях. Как горный инженер, я кое-что смыслю в геологии.

— В таком случае я считаю вопрос решенным и очень рад, что состав экспедиции увеличивается одним энергичным и опытным человеком,— сказал Труханов.

Условия участия Макшеева установили очень быстро, а вечером он показал Каштанову коллекцию горных пород Аляски и Чукотской земли, захваченную им с прииска.

Профессор просмотрел ее с большим интересом и убедился в серьезной подготовке Макшеева, который мог сделаться хорошим помощником в работе.

Ночью пришлось простоять несколько часов на месте. При полном штиле туман сгустился до того, что в десяти шагах ничего не было видно, все словно потонуло в жидким молоке. «Полярная звезда» остановилась у большого ледяного поля, и все, кроме вахтеных, спокойно спали.

Утром туман начал слегка расплазаться и клубиться под дуновением северного ветерка. Приготовились к продолжению плавания. Ветер скоро засвежел, туман постепенно исчезал, уносимый на юг, ледяные поля запуршили и тоже пришли в движение.

Впереди открылся довольно свободный проход, и «Полярная звезда» под парами опять поплыла на северо-северо-восток, но медленно, во избежание столкновения со льдами и чтобы иметь возможность быстрой остановки или поворота в ту или другую сторону.

Весь вечер и до полуночи шли вперед то медленно, то довольно быстро. Но затем солнце, светившее с полудня, хотя и с перерывами, скрылось в пелене тумана

на северном горизонте, вскоре надвинувшегося на «Полярную звезду». Эта ночь была менее спокойна, чем предыдущая: дул легкий северный ветер, ледяные поля двигались, напирали друг на друга, трещали и ломались. Клубившийся туман не позволял различать путь, приходилось большей частью стоять на месте и быть все время настороже, чтобы не оказаться зажатыми между большими льдинами.

Утром северный ветер усилился, туман разогнался, но зато льды пришли в сильное движение, и день прошел в большом напряжении. Капитану потребовалась вся его опытность, чтобы пробиваться медленно вперед, лавируя между полями, отступая, поворачивая то направо, то налево. Матросы с длинными баграми стояли у обоих бортов, чтобы отталкивать судно от напирающих на него льдин. К счастью, окраины ледяных полей были уже сильно поломаны, айсберги отсутствовали, и только иногда гряды мелкого льда, нагроможденные местами на полях, представляли более серьезную опасность.

Ночью в борьбе со льдами пришлось принять участие всем пассажирам, чтобы дать матросам возможность поочередно отдыхать. Тумана не было, дул довольно свежий норд, и судно продвигалось вперед. Утром заметили стаю каких-то птиц, пролетевших на север, и двух медведей, гулявших по большому полу в километре от судна. Это были признаки близости земли.

Определение широты около полудня дало $75^{\circ}12'5''$. Следовательно, несмотря на льды, «Полярная звезда» за трое суток успела продвинуться на север на $1^{\circ}33'$.

Когда капитан проложил на карте курс судна, Труханов заметил собравшимся вокруг стола членам экспедиции:

— До сих пор нам везет чрезвычайно! В тысяча восемьсот семьдесят девятом году «Жаннегга», вышедшая подобно «Полярной звезде» из Берингова пролива, все лето билась во льдах, не проникнув даже до семидесяти третьего градуса северной широты, и в начале сентября была окончательно затерта немного северо-восточнее острова Врангеля. А мы в четверо с половиной суток без особых затруднений успели пробиться за семьдесят пятый градус.

— Теперь до земли можно добраться и пешком, если льды окончательно преградят нам плавание,— сказал капитан.— Я полагаю, что осталось не более восьмидесяти или ста километров.

Земля Фритьофа Нансена

В тот же день поздно вечером северный горизонт против обыкновения очистился от тумана и туч, и, когда солнце спустилось почти до горизонта, на алом фоне неба можно было различить отдаленную мелкозубчатую цепь.

— Это, несомненно, земля! — воскликнул капитан, наблюдавший в подзорную трубу.— Ледяные поля не имеют таких очертаний, и, кроме того, на белом фоне видны многочисленные темные пятна!

— И она ближе, чем мы думали! Мне кажется, что до нее не более пятидесяти — шестидесяти километров,— заметил Макшеев.

— Итак, полярный материк существует, и наша экспедиция снаряжена недаром! — с удовлетворением сказал Труханов.

Все были возбуждены видом земли и долго не ложились спать. Отсутствие тумана дало возможность видеть редкое зрелище: полуночное солнце, прокатившись огненным шаром над гребнем отдаленной горной цепи, снова начало постепенно подниматься выше.

«Полярная звезда» всю ночь и все утро подвигалась вперед, пробираясь по-прежнему через более или менее густые льды. В полдень определение широты указало, что за сутки судно опять подвинулось на север почти на полградуса.

Под вечер солнце, светившее с утра почти без перерыва, что представляло большую редкость в этих широтах, скрылось за тучами. Вскоре все небо заволокло и разыгралась метель, словно глубокой зимой. Мелкий снег слепил глаза, все скрывалось в белесоватой мгле. Сильного волнения на этом море, густо покрытом льдами, ветер не мог развести, но ледяные поля пришли в движение, сталкивались друг с другом, и на их краях вздымались торосы из нагроможденных одна на другую льдин, достигавшие четырех или даже шести метров вышины. Положение судна было опасное. При-

шлось, оставаясь под парами, стоять почти на месте, отбиваясь ото льдов, то подвигаясь немного вперед, то отступая назад. Все были наготове, и только благодаря специальной конструкции корпуса судно выдерживало страшный напор льдов.

Наконец «Полярной звезде» удалось забраться в большую выемку на восточной стороне огромного ледяного поля, защищенную от непосредственного нападения, где судно и провело спокойно остаток ночи.

К полудню метель утихла, солнце проглянуло и позволило определить широту. К всеобщему неприятному изумлению, оказалось, что норд угнал судно вместе со льдами на юг. Но этот же ветер вместе с тем сильно разбил и разъединил ледяные поля, так что за следующие два дня при пасмурной и тихой погоде «Полярная звезда» довольно легко пробивала себе дорогу и, несомненно, значительно подвинулась на север.

Земля должна была находиться близко, судя по тому, что лот, который до сих пор в море Босфора показывал неизменно глубины в 500—700 морских сажен, теперь встретил дно уже на 80 саженях. Очевидно, тут начиналась уже континентальная подводная платформа полярного материка. Но вследствие пасмурной погоды, низко ставшихся туч и моросившего дождя эту близкую землю совершенно не было видно.

К вечеру того же дня, 2 июня, лот показал только 20 сажен глубины, и впереди белели сплошные льды. Судно двигалось тихим ходом, чтобы не наткнуться на мель, которая была очень возможна вблизи земли. Ночью пришлось постоять несколько часов, потому что густой туман совершенно скрыл окрестности.

Утром поднялся восточный ветер, туман рассеялся, и оказалось, что «Полярная звезда» находится недалеко от края ледяной стены метров в двадцать высиной, которая тянулась на восток и на запад до самого горизонта.

— Это, вероятно, барьер из материкового льда, опоясывающий полярную землю совершенно так же, как и вокруг Южного полюса! — заметил Труханов, стоявший на палубе членам экспедиции.

Так как место было неудобное для высадки санной партии, то судно взяло курс на восток в надежде встретить бухту или разрыв в барьере, который позволил бы

взобраться на поверхность льда. Лот показал 16 сажен глубины, и можно было думать, что ледяная стена лежит своим основанием на дне моря.

Идти очень близко вдоль стены было небезопасно, так как нередко от отвесной или даже нависшей массы льда, рассеченной многочисленными трещинами, отрывались более или менее крупные глыбы и падали с глухим шумом в воду. По некоторым трещинам, расширенным в глубокие, но узкие ущелья-каньоны, низвергались каскадами ручейки.

Плавание шло медленно. Приходилось обходить мели и ледяные поля, так что за сутки подвинулись только километров на сорок. Но в этот день к вечеру впереди показался длинный выступ, как будто стена выдвигалась к югу, меняя свое направление. Когда же «Полярная звезда» подошла ближе, оказалось, что этот выступ представлял не лед, а скалистый мыс самой земли.

За ужином в кают-компании обсуждался вопрос, как окрестить новооткрытую землю, и было решено назвать ее Землей Фриттофа Нансена в честь великого исследователя полярных морей и стран. Мыс, несмотря на протесты Труханова, назвали его именем, как организатора экспедиции.

Перед самым мысом ледяная стена отступала немного на север, благодаря чему получалась бухта, небольшая, но достаточно глубокая, чтобы можно было произвести высадку санной партии.

Всю ночь на судне кипела работа. Нужно было спешить, пользуясь благоприятной погодой. Южный ветер мог надвинуть ледяные поля к берегу и забить ими бухту. Все принимали участие в выгрузке багажа. К началу мыса ледяная стена понижалась и распадалась на отдельные части, между которыми нетрудно было проложить дорогу на поверхность льда. Пока члены экспедиции сортировали выгруженное на берег имущество и прилагивали его на нарты, матросы поднялись на гребень мыса Труханова и соорудили там высокую пирамиду из камней вокруг шеста, на котором при троекратном салюте пушек «Полярной звезды» был поднят русский флаг.

Пирамида должна была также служить сигналом как для судна, которому предстояло крейсировать

вдоль берега земли, занимаясь его съемкой и изучением, так и для санной экспедиции, которая направлялась в глубь страны, но должна была вернуться к тому же мысу, чтобы опять попасть на судно. Среди камней пирамиды был положен запаянный цинковый ящик с заявлением, что земля открыта 4/17 июня 1914 года экспедицией Труханова на судне «Полярная звезда» и названа Землей Фридельа Нансена. Это заявление было подписано всеми членами экспедиции и скреплено судовой печатью.

Вечером на другой день все члены экспедиции в последний раз собирались в кают-компании «Полярной звезды» на прощальный ужин, во время которого были окончательно решены вопросы о дальнейшем плавании судна и мерах для оказания помощи санной экспедиции в случае, если она не вернется в известный срок.

«Полярная звезда» должна была устроить возле пирамиды склад, оставив в нем запас провианта, топлива и одежды на несколько месяцев, чтобы экспедиция, не застав почему-либо судно в этом месте, могла устроиться на зимовку.

Санная экспедиция должна была идти прямым путем на север в течение шести или восьми недель и затем возвращаться на юг по возможности другим путем, но стараясь выйти опять к мысу Труханова. Чтобы облегчить свой груз и обеспечить себе возвращение, она должна была оставлять приблизительно через каждые пятьдесят километров склады провианта на три дня и сведения о направлении своего пути на случай поисков по ее следам.

Наутро «Полярная звезда», разукрасившаяся флагами, провожала салютом из обеих пушек отъезжавшую санную экспедицию. При прощании Труханов передал Каштанову запечатанный пакет и сказал:

— Если вы очутитесь во время путешествия по Земле Нансена в безвыходном положении или будете в недоумении и не в состоянии объяснить себе то, что вы увидите вокруг себя, не будете знать, что предпринять дальше, то вскройте этот пакет! Может быть, его содержимое поможет вам принять соответствующее решение. Но без крайности — прошу вас — не вскрывайте пакета. Если все пойдет более или менее гладко, нормально, то в моих указаниях никакой надобности

не будет, и они могут показаться даже совершенно небоснованными.

После дружеских рукопожатий на поверхности ледяного барьера, куда экспедицию провожал почти весь экипаж, три тяжело нагруженные нарты, запряженные каждая восемью собаками, и шесть человек двинулись на север. Шесть запасных собак бежали рядом.

Через хребет Русский

Путь экспедиции в глубь Земли Нансена продолжался в течение двух дней по снежной равнине, которая слабо поднималась к северу и не представляла препятствий для быстрого передвижения; трещины во льду встречались редко и большей частью были забиты снегом. Погода стояла пасмурная, и с юга с попутным ветром ползли густые тучи, сыпавшие по временам снегом и скрывающие даль. Люди и собаки постепенно втягивались в работу. Впереди всех шел Боровой, пробуя своей палкой снег, чтобы своевременно обнаружить трещины, и наблюдая компас, чтобы держаться нужного направления. Макшеев, Папочкин и Иголкин шли каждый возле своей нарты, руководя ходом собак. Громеко бежал немного в стороне, но близко, чтобы помочь той парте, которая застревала, а Каштанов замыкал шествие также с компасом в руках, производя маршрутную съемку. На хвосте последней нарты был прикреплен одометр — легкое колесо, соединенное со счетчиком, отмечавшим пройденное расстояние, почему эту нарту нужно было особенно оберегать от повреждений.

Все путешественники были одеты в одинаковые полярные костюмы. На каждом была чукотская кухлянка — меховая рубашка, мехом внутрь с капором для головы. На случай холода на нартах имелись еще другие кухлянки, которые можно было надеть поверх первых, но уже мехом наружу; теперь ввиду летнего времени достаточно было одной, да и ту в случае дождя следовало заменять шерстяной вязаной курткой, так как одежда из оленьего меха боится подмочки. Ноги были одеты в меховые же шаровары также мехом внутрь и меховые мягкие торбаса — сапоги. В случае особенно-

го тепла можно было заменить всю меховую одежду шерстяной, имевшейся в запасе.

Все шли на лыжах с палками в руках. Равнина была покрыта рядами застругов — выбоин и выпуклостей, созданных зимними пургами и только отчасти смягченных оттепелью. Они больше затрудняли движение, чем трещины, встречавшиеся не очень часто. Макшеев развлекал всех разговорами с собаками своей наорты, которых он наделил характерными именами; головная собака, крупная, черная, получила имя Генерал. Для ночлега расставляли юрту облегченного типа с легким и прочным остовом из бамбука; в ней раскладывали по кругу вдоль стенок спальные мешки, в середине ставили спиртовую печь для варки пищи, к перекладине на верху подвешивали фонарь. Собак привязывали к нартам вокруг юрты. В конце второго дня пути, отшагав пятьдесят пять километров от места высадки, устроили первый склад провианта для обратного пути, отметив его пирамидой из снежных глыб с красным флагом на верхушке.

На третий день подъем по снежной равнине сделался более заметным и появилось больше трещин, которые замедляли движение, — приходилось идти осторожнее, прощупывая снег, чтобы не провалиться через тонкий слой его, скрывающий трещину. Вечером обнаружили признаки близкой перемены местности.

На севере тучи расходились, разгоняемые ветром, и между их серыми клочьями и массами то показывались, то исчезали довольно высокие горы, которые тянулись длинной цепью по всему горизонту. На общем белоснежном фоне этих гор чернели скалистые отроги. Незаходящее солнце катилось над самым гребнем хребта, тускло светя сквозь пелену туч и окрашивая их в красноватый цвет. Снеговая равнина на переднем плане покрылась пятнами и полосами, отраженными от неба синеватого, лиловатого и розового цвета. Общая картина снежной пустыни и таинственного хребта, который впервые предстал перед глазами путешественников, была поразительна.

Подъем на этот хребет, названный Русским, продолжался три дня вследствие сильных трещин льда; путь шел по одной из поперечных долин между скалистыми отрогами.

Ледяной поток, то есть ледник, спускавшийся по долине южного склона хребта, имел до одного километра в ширину и с обеих сторон был окаймлен довольно крутыми темными скалистыми откосами, чередовавшимися с более пологими склонами, глубоко покрытыми снегом. Первые были усыпаны крупными и мелкими обломками базальта¹ и кое-где, в защищенных местах, представляли миниатюрные лужайки с полярной растительностью. Каптанов по дороге осматривал утесы, а Громеко собирал растения. Для Папочкина поживы почти не было; за целый день он набрал только несколько насекомых — полумертвых на снегу или живых на лужайках.

Густые тучи, скрывавшие небо, плыли так низко, что почти задевали за головы путешественников, которые двигались точно по широкому, но очень низкому коридору с белым расщелившимся полом, черными стенами и серым потолком. Везде, где уклон дна долины становился круче, более или менее ровная поверхность льда превращалась в ледопад, разбитый многочисленными трещинами и представлявший часто хаос ледяных глыб, по которым приходилось перетаскивать нарты; люди и собаки выбивались из сил и за день проходили всего километров десять такого пути. Погода оставалась пасмурной. Южный ветер нес низкие тучи, скрывавшие гребни отрогов; их черные склоны окаймляли неровную поверхность ледника, по которой пробирались с большими затруднениями нарты экспедиции. В худших местах приходилось разгружать их и переносить багаж на руках. Наконец к вечеру третьего дня выбрались на перевал, который достигал почти полутора тысяч метров над уровнем моря и представлял собой снежную равнину. Погода оставалась пасмурной, гребень хребта был сплошь покрыт серыми тучами, мчавшимися на север, и экспедиция двигалась все время в легком тумане, скрывавшем окрестности уже в сотне шагов от зрителя.

Все были очень раздосадованы этим обстоятельством, потому что при хорошей погоде вид с поверх-

¹ Базальт — черная или темно-серая тяжелая вулканическая порода, плотная или пузыристая. Она изливается из многих современных вулканов в виде жидкой лавы, образующей потоки и покровы.

ности хребта был бы обширный и позволил бы набросать карту значительной части Земли Нансена.

На перевале устроили второй склад, в котором остались коллекции, собранные геологом на отрогах южного склона. Добыча зоолога за все время ограничилась шкурой и черепом мускусного быка¹; небольшое стадо этих животных попалось экспедиции перед перевалом.

Бесконечный спуск

Северный склон хребта имел совершенно другой характер: это была бесконечная снежная равнина, полого опускавшаяся к северу, и собаки легко тащили нарты вниз по уклону. Но погода ухудшилась; упорный южный ветер нес густые тучи, которые клубились почти по поверхности снега, совершенно скрывая даль; часто разражалась метель, и только потому, что ветер был попутный, а мороз не превышал 10—15 градусов, путешественники могли продолжать движение без особых затруднений. Трещины попадались довольно часто, но все были узкие, так что переходили их без затруднения. Но из-за метели пришлось идти очень осторожно, так как свежий снег часто совершенно скрывал эти ловушки. К концу дня вынуждена была с такой силой, что установка юрты потребовала больших усилий.

На следующее утро юрта оказалась занесенной снегом до крыши, и Боровой, вставший раньше других для метеорологических наблюдений, открыв дверь, уткнулся головой в сугроб. Пришлось прокапывать себе выход. Выбравшись наружу, путешественники увидели, что все нарты и собаки исчезли — вокруг юрты возвышались только большие сугробы. Но нетрудно было догадаться, что вещи и животные просто засыпаны снегом, так как о похищении первых и бегстве вторых в этой снежной пустыне нечего было и думать. Всем пришлось заняться раскопками.

Услышав голоса людей, собаки начали сами прокапываться из-под сугробов, чтобы скорее получить

¹ Мускусный бык — млекопитающее, соединяющее в себе черты барана и быка; имеет короткие рога, опущенные по бокам головы, длинный и густой мех, широкие копыта, позволяющие быстро бегать по льду и насту. В настоящее время встречается только в Гренландии и на островах Северной Америки за 60° северной широты.

утреннюю порцию еды. Было интересно видеть, как то тут, то там поверхность снега начинала подниматься бугром, через который наконец прорывалась черная, белая или пятнистая косматая голова, издававшая радостный визг.

На бесконечной равнине свежевыпавший снег лежал нетолстым слоем, не более полуметра, и накопился сугробами только вокруг препятствий — юрты, нарт и собак. Так как он падал при сильном ветре, то не был довольно плотным, и лыжники не очень погружались в него, но нарты и собаки вязли. Приходилось часто меняться местами, так как передовой нарте, прокладывавшей дорожку для остальных, доставалась самая трудная работа, и собаки, тащившие ее, скоро уставали. Эти перемены в связи с рыхлостью снега не позволяли двигаться быстро, поэтому, несмотря на то, что ветер ослабел, метель прекратилась, путь шел под гору по ровному склону и трещины были совершенно забиты снегом, за день успели пройти только двадцать два километра и остановились в пятидесяти пяти километрах от перевала. Здесь был устроен третий склад.

Ночью метель возобновилась с прежней силой, и утром пришлось опять выкапываться, хотя из менее глубоких сугробов. Теперь уже слой свежего снега на равнине достигал почти метра, и движение сделалось более затруднительным; поэтому, пройдя за день всего пятнадцать километров, все так устали, что остановились на ночлег раньше обычного времени. Местность и погода сохраняли свое удручающее однообразие.

Вечером метель прекратилась, и сквозь тучи, по-прежнему стлавшиеся почти по поверхности бесконечной снежной равнины, по временам показывалось солнце, низко повисшее над горизонтом. Картина, которая представилась глазам наблюдателей, была совершенно фантастическая: белоснежная равнина, клубы и клочья быстро ползущих по ее поверхности серых туч, беспрерывно меняющих свои очертания; столбы крутящихся в воздухе мелких снежинок и то тут, то там в этой бело-серой мутной и движущейся мгле ярко-розовые отблески от лучей прорывавшегося солнца, которое то появлялось в виде красного шара, то исчезало за серой завесой. Наши путешественники после

ужина долго любовались этой картиной, пока усталость не загнала их в юрту в спальные мешки.

На третий день спуска барометры показали, что местность находится уже на уровне моря, а уклон равнины на север все еще продолжался.

Когда Боровой, записав показания барометра, сообщил об этом своим спутникам, Макшеев воскликнул:

— Что же это! Мы уже съехали с хребта Русского, не встретив ни одного ледопада, ни одной трещины!

— Более удивительно,— заметил Каштанов,— что здесь должен быть берег моря, а следовательно, конец огромного ледяного поля, которое спускается по северному склону этого хребта и, по нашему измерению, имеет семьдесят километров в длину. Здесь, подобно тому что мы знаем об окраине Антарктического материка, должен быть высокий обрыв, ледяная стена в сотню-другую метров высоты, а у ее подножия — открытое море или хотя бы поля торосов, полыни и среди них отдельные айсберги. Ледник ведь движется, напирает на морской лед!

Но следующий день не принес перемены. Снежная равнина продолжалась с тем же характером и уклоном на север, ветер упорно дул в спину путешественникам, словно подгоняя их вперед; низкие тучи клубились и сыпали по временам снегом. Все ожидали, что спуск вот-вот кончится, торопились, всматривались вперед, обменивались надеждами на близкий конец. Но все было напрасно, проходил час за часом, километр за километром оставались позади, и наконец общая усталость заставила остановиться на ночлег.

Когда юрта была поставлена, все столпились вокруг Борового, устанавливавшего ртутный барометр; всем хотелось видеть его показания, так как на карманных анероидах стрелки уже вышли за конец делений на циферблате и не показывали давления воздуха как следует.

— По грубому подсчету, мы спустились уже на четыреста метров ниже уровня моря,— вскричал метеоролог,— если только на Земле Нансена в настоящее время не находится область необычайного по величине

антициклона¹. Барометр показывает восемьсот миллиметров.

— Насколько знаю, — заметил Каштанов, — антициклоны с таким давлением на Земле не бывает. Кроме того, погода, с тех пор как мы находимся на Земле Нансена, не менялась и совсем не похожа на погоду при антициклоне.

— Но в таком случае, что же это такое? — воскликнул Папочкин.

— Очевидно, земля не кончилась и северная ее часть представляет очень глубокую впадину, впадину, уходящую ниже уровня моря на сотни метров.

— Разве это возможно? — спросил Громеко.

— Почему же нет? На Земле известны подобные впадины, например, долина Иордана и Мертвого моря в Палестине, впадина Каспийского моря, Люкчунская котловина в Центральной Азии, открытая русскими путешественниками, наконец, дно озера Байкал в Сибири, которое находится ниже морского уровня на тысячу метров с лишком.

— Впадина Мертвого моря также не маленькая, дно его на четыреста шестьдесят пять метров ниже уровня океана, — прибавил Макшеев.

— Во всяком случае, открытие такой глубокой впадины на полярном материке будет крайне интересным и важным результатом нашей экспедиции, — заключил Боровой.

К общему удивлению, спуск продолжался и на следующий день по той же равнине и при той же погоде.

— Мы лезем в какую-то бездонную дыру, — шутил Макшеев. — Это не плоская впадина, а скорее воронка, может быть, кратер потухшего вулкана?

— Но только невиданных на Земле размеров, — заметил Каштанов. — Мы спускаемся в эту воронку уже четыре дня, и диаметр этого кратера, очевидно, достигает трехсот километров или больше; вулканы такой величины известны только на Луне. К несчастью, на всем спуске мы не встретили ни одного утеса, ни малейшего выхода горной породы, которые разъяснили

¹ Циклон — область низкого давления воздуха, антициклон — область высокого давления. Циклоны, перемещаясь по земной поверхности, сопровождаются сильными ветрами и выпадением дождя или снега. Антициклоны приносят устойчивую хорошую погоду.

бы нам происхождение этой впадины. Слоны кратера должны состоять из разных лав¹ и вулканических туфов².

— На северном склоне Русского хребта и на его гребне мы видели базальты и базальтовые лавы,— напомнил Папочкин.— Некоторые указания на вулканическую природу этой впадины мы имеем.

— Кратеры потухших вулканов, заполненные доверху снегом и льдом, известны на Аляске,— добавил Макшеев.

Вечером в этот день и ртутный барометр отказался служить: его трубка доверху наполнилась ртутью; пришлось достать гипсотермометр³ и определить давление воздуха по температуре кипения воды. Оно соответствовало глубине восьмисот сорока метров ниже уровня океана.

Все заметили, что вечером стало немного темнее. Лучи полуночного солнца, очевидно, не проникали непосредственно в эту глубокую впадину. Недоумение путешественников увеличилось еще в связи с тем обстоятельством, что компас в этот день также отказался служить, его стрелка вертелась, дрожала и не могла успокоиться и показать положение севера. Приходилось руководствоваться направлением ветра и общим уклоном равнины, чтобы ехать по-прежнему на север. Беспокойство компаса Каштанов также приписал вулканической природе впадины, так как известно, что большие массы базальта оказывают влияние на магнитную стрелку.

Но на другой день путешественники встретили в нескольких километрах от ночлега неожиданное препятствие: снежная равнина уперлась в цепь ледяных

¹ Л а в а — расплавленная масса, вытекающая из кратера вулкана или из трещины в земной коре на ее поверхность и после застывания превращающаяся в горную породу того или иного состава.

² Т у ф — горная порода, состоящая из пепла, выброшенного вулканом при извержении; пепел — раздробленная на мельчайшие частицы газовыми взрывами лава. Он накапливается на склонах и в окрестностях вулкана в сухом виде или падает в воду озер и прудов, где постепенно слеживается и цементируется в твердую породу.

³ Г и п с о т е р м о м е т р состоит из сосуда для кипячения воды с длинной трубкой на крышке, в которую вставляют термометр, чтобы определить точку кипения воды в выделяемых ею парах.

скал, тянувшуюся в обе стороны поперек пути, насколько было видно. Скалы местами поднимались отвесно на десять — пятнадцать метров, местами же представляли хаос крупных и мелких глыб льда, нагроможденных друг на друга. Взбираться на эти груды и без труженых нарт было трудно. Пришлось остановиться для разведки. Макшеев и Боровой вскарабкались на самую высокую груду и убедились, что и впереди, насколько хватает взор, тянутся такие же груды и скалы.

— Это не похоже на пояс торосов морского льда, — заявил Макшеев, вернувшись к нартам. — Торосы не тянутся на несколько километров в ширину без перерыва.

— Очевидно, мы достигли дна впадины, — сказал Каштанов, — и этот хаос обусловлен напором огромного ледника северного склона хребта Русского, по которому мы спускались.

— Следовательно, все дно впадины занято хаосом льдин, — заметил Боровой. — Остальные склоны ее также должны быть покрыты ледниками, спускающимися на дно.

— А благодаря колossalной величине впадины она до сих пор не успела заполниться льдом, как заполнены кратеры вулканов Аляски, — добавил Макшеев.

— Но нам необходимо так или иначе перебраться через это дно, чтобы продолжать путешествие на север и выяснить размеры впадины и характер противоположного склона, — заявил Каштанов.

— Всего легче идти вдоль подножия хаоса, чтобы обогнуть его по дну впадины до противоположного склона, — предложил Громеко.

— Но если эта впадина не кратер вулкана, а долина между двумя хребтами? — заметил Папочкин. — В таком случае она может тянуться на сотню-другую километров, и мы не успеем закончить пересечение Земли Нансена.

— И куда идти вдоль подножия хаоса, направо или налево, чтобы обогнуть его? — спросил Боровой.

— Пойдем налево; может быть, мы встретим такое место, где хаос позволит перейти раньше на ту сторону без особого труда.

Приняв это решение, путешественники направились налево, то есть на запад, судя по ветру, так как

компас по-прежнему не мог успокоиться и показать север. Слева от них поднималась снежная равнина с едва заметным уклоном, справа громоздились ледяные груды и скалы; низкие тучи по-прежнему закрывали небо и даже задевали за вершины более высоких льдин. Около полудня заметили место, где хаос льдин казался проходимым; груды были ниже, кое-где виднелись промежутки. Здесь остановились для устройства четвертого склада, а Боровой и Макшеев налегке направились в глубь ледяного пояса для разведки. К вечеру они вернулись и сообщили, что пояс имеет около десяти километров в ширину, что он проходит, хотя и не без затруднений, и что за ним ровный подъем на противоположный склон впадины.

Преодоление пояса потребовало два дня серьезной работы; часто приходилось прорубать тропу через нагроможденные льдины, чтобы протаскивать нарты одну за другой соединенными усилиями людей и собак. Ночевали, не расставляя юрты, приютившись для защиты от ветра за огромной льдиной, стоявшей отвесно; собаки попрятались в щелях и ямах между глыбами. Но после тяжелой работы все спали крепко, несмотря на стоны и завывания ветра, гудевшего в хаосе на разные лады.

На следующий день выбрались на другую сторону преграды. На ночлеге Боровой зажег спиртовку гипсотермометра в полной уверенности, что он покажет ту же высоту, как и перед ледяным поясом, то есть около девятисот метров ниже уровня моря. Но когда он вставил термометр в трубку кипятильника, ртуть поднялась до 105, затем 110° и все еще шла вверх.

— Стой, стой! — вскричал Боровой. — Куда ты прешь, хочешь разбить стекло?

— Что такое? В чем дело? — раздались возгласы.

Все вскочили и столпились вокруг прибора, стоявшего на одном из дорожных ящиков.

— Это нечто невиданное, неслыханное! — воскликнул Боровой прерывающимся от волнения голосом. — Вода кипит в этой проклятой дыре при температуре плюс сто двадцать градусов.

— А это значит?..

— Это значит, что по ледяному поясу мы спустились в какую-то бездну. Я сейчас даже не соображаю,

сколько тысяч метров ниже уровня моря соответствуют этой температуре кипения. Подождите, нужно справиться в таблицах.

Он опустился на свой спальный мешок, вытащил из кармана справочник по определению высот, порылся в таблицах и на полях стал вычислять что-то. В это время спутники один за другим подходили к прибору, чтобы убедиться, что термометр действительно показывает $+120^{\circ}$. Светлый столбик остановился у этого деления и сомнений быть не могло.

Но вот раздался глубокий вздох Борового и затем следующие слова, произнесенные торжественным тоном:

Царившее молчание среди пораженных изумлением людей нарушилось легким клокотанием кипевшей в приборе воды.

— По грубому вычислению, этой температуре кипения при плюс ста двадцати градусах соответствует отрицательная высота в пять тысяч семьсот двадцать метров.

— Не может быть! Вы не ошиблись? — раздались возгласы.

— Проверьте сами. Вот вам таблицы. В них, конечно, нет данных для этой температуры кипения, которую никто никогда не наблюдал вне лабораторий. Приходится вычислять приблизительно.

Каштанов проверил вычисление и сказал:

— Совершенно верно. За эти два дня, карабкаясь через льдины, мы спустились на четыре тысячи девятьсот метров на протяжении каких-нибудь десяти — двухнадцати километров.

— И не заметили такого спуска!

— Лезли вниз с высоты Монблана и ничего не знали! Это что-то невероятное!

— И непонятное! Приходится думать, что ледяной хаос — это ледопад на крутом обрыве, ведущем из кратера в жерло этого колоссального вулкана.

— Из которого нам придется теперь вылезать по такому же ледопаду на другую сторону!

— А мне непонятны и эта густая пелена туч, и этот ветер, который упорно дует с юга уже столько дней без перерыва, — заявил Боровой.

Но предположение о втором ледяном поясе не оправдалось. На следующий день путь шел по снежной равнине с пологим подъемом; вследствие этого и благодаря теплой погоде движение стало труднее. Термометр показывал немного выше нуля, снег размокал и прилипал к полозьям нарт, собаки тащились все время шагом. К вечеру с трудом сделали двадцать пять километров. В подъеме местности нельзя было сомневаться, и, устанавливая гипсотермометр, Боровой был уверен, что он покажет меньшую глубину, чем накануне.

Но вода не закипала долго; наконец пошел пар, и Боровой вставил термометр. Немного спустя раздался его крик:

— Это черт знает что такое! Это... это... — Он разразился проклятиями.

— Что такое? В чем дело? Термометр лопнул? — раздались возгласы.

— Я сам лопну или сойду с ума в этой дыре! — неистовствовал метеоролог. — Посмотрите сами, кто рехнулся — я или термометр?

Все вскочили и подошли к гипсотермометру. Ртуть показывала $+125^{\circ}$.

— Мы сегодня поднимались, а не спускались? — дрожащим голосом спросил Боровой.

— Конечно, поднимались! Целый день поднимались! Спору быть не может!

— А вода кипит на пять градусов выше, чем вчера у ледяного барьера! И это значит, что мы сегодня не поднялись, а спустились на тысячу четыреста тридцать метров приблизительно.

— И находимся, следовательно, на семь тысяч сто пятьдесят метров ниже уровня океана, — быстро подсчитал Макшеев.

— Но это же ни с чем не сообразно! — засмеялся Папочкин.

— Поверить в кругой спуск по льдам еще можно было, — прибавил Кастанов. — Но поверить, что мы спустились почти на полтора километра, когда путь явственно шел вверх по уклону, — это противоречит здравому смыслу.

— Если только у нас не повальное помешательство, то я с вами согласен! — угрюмо ответил Боровой.

В это время Громеко и Иголкин, выходившие из юрты покормить собак, вернулись, и первый сказал:

— Еще один странный факт! Сегодня заметно светлее, чем вчера у льдов!

— А вчера было светлее, чем по ту сторону барьера,— прибавил Макшеев.

— Совершенно верно! — подтвердил метеоролог.— Самая темная ночь, вроде петербургской белой ночи, была перед ледяным барьером. Мы полагали, что находимся на дне впадины, и ослабление света было понятно: лучи полярного солнца не могут проникать так глубоко.

— Но теперь мы спустились несравненно глубже, а ночь гораздо светлее!

Долго еще обсуждали все эти противоречивые факты, но ничего не выяснив, уснули. Утром Боровой первый вылез из юрты, чтобы сделать свои наблюдения.

Ветер дул по-прежнему с юга и нес такие же низкие серые тучи, скрывавшие местность на расстоянии сотни-другой метров. Термометр показал $+1^{\circ}$, и шел снег.

— Сегодня нужно проверить, поднимаемся мы или опускаемся,— предложил Макшеев.— У нас среди инструментов есть легкий нивелир и рейки.

Продолжалась та же спокойная равнина, но снег немного подмерз, и идти было легче. Уклон был небольшой, но, несомненно, вверх, и несколько нивелировок, произведенных в течение дня, подтвердили то, что видел глаз и что показывали собаки своим ходом.

За день сделали двадцать три километра, так как нивелировки отняли довольно много времени.

Как только юрта была расставлена, Боровой вынул свои приборы; кипятильник показал $+128^{\circ}$.

Боровой сочно выругался и плонул.

— Единственное объяснение, что в этом провалище неприменимы физические законы, установленные для земной поверхности, и нужно вырабатывать новые,— сказал Каштанов.

— Легко сказать вырабатывать,— сердился Боровой.— На лету их не выработаешь! Сотни ученых десятки лет трудились, а тут все идет насмарку, словно на другой планете. Я не могу примириться с этим и готов подать в отставку!

Все рассмеялись при этой выходке метеоролога, который все-таки взялся за вычисление и объявил, что за день поднялись, то бишь спустились, на восемьсот шестьдесят метров, и место находится на девять тысяч метров ниже уровня моря.

— Я навел справку в руководстве по физике,— заметил Каштанов.— Оказывается, вода кипит при ста двадцати градусах при давлении в две атмосферы и при ста тридцати четырех градусах при давлении в три атмосферы. Сейчас мы испытываем давление приблизительно в две с половиной атмосферы.

— Понятно, что при таком давлении чувствуешь себя скверно и голова идет кругом,— заявил Боровой угрюмо.

Остальные подтвердили, что уже с ночи, проведенной среди льдов барьера, самочувствие ухудшилось, ощущается давление в груди, тяжесть в голове, вялость движений; сон беспокойный, с кошмарами.

— И собачки тоже чувствуют себя плохо,— заявил Иголкин.— Они словно ослабели, тянут хуже, хотя подъем некрутой. Я думал, они просто устали, а дело-то вот в чем!

— Интересно пощупать пульс у всех,— предложил Громеко.— У вас нормальный сколько, Иван Андреевич?

— Семьдесят два,— ответил Боровой, протягивая руку врачу.

— Ну вот, а теперь сорок четыре! Разница чувствительная. Сердце при таком давлении работает медленнее, а это отражается и на самочувствии.

— Что же, если спуск будет продолжаться, то сердце совсем остановится? — спросил Макшеев.

— Ну, не до центра же Земли мы будем спускаться! — рассмеялся Громеко.

— Почему нет? — проворчал Боровой.— Эта чудо-вищная воронка, может быть, доходит до центра Земли. Я теперь всему поверю. И не удивлюсь даже, если мы выйдем из нее среди льдов Южного полюса.

— Это уж, извините, ерунда! — заметил Каштанов.— Ни сквозной дыры через земной шар, ни воронки до центра быть не может. Это противоречило бы всем данным геофизики и геологии.

— Вот как! А с противоречиями всем законам метеорологии, которые мы уже наблюдаем, вы миритесь?

Вот увидите, и законы вашей геологии полетят еще кувырком.

Каштанов рассмеялся.

— Метеорология, Иван Андреевич,— наука легко-мысленная,— сказал он шутливо.— Она имеет дело с непостоянной средой атмосферы, с ее циклонами и антициклонами, причины которых до сих пор неясны. А геология основана на прочном базисе — твердой земной коре.

— Прочный базис! — вскинул Боровой.— Пока его не тряхнет хорошенъким землетрясением, при котором любой геолог потеряет голову, если не что-нибудь похуже!

Все покатились от смеха.

— И потом,— продолжал метеоролог ядовито,— вы знаете каких-нибудь два-три километра в глубь земной коры, а судите о состоянии недр! И сколько голов — столько гипотез о природе этих недр. По мнению одних, ядро земли твердое, по мнению других — жидкое, по мнению третьих — газообразное. Разберитесь тут!

— Разберемся со временем. Каждая гипотеза, если она обоснована, представляет лишний шаг к познанию истины. А насчет недр вы не правы. В данное время сейсмология, то есть изучение землетрясений, дает нам новые способы узнать больше о состоянии земного ядра.

— Интересно, что будет завтра,— закончил он.— Теперь каждый день можно ждать каких-нибудь фактов, на первый взгляд непонятных, но слагающихся в общую цепь причин и следствий, когда в них разберешься.

На другой день продолжалась снежная равнина с подъемом вверх, но более слабым; ветер по-прежнему дул с юга, низкие тучи клубились и стлались почти по поверхности земли, скрывая даль. К полудню подъем равнины сделался совершенно незаметным, а под вечер он перешел в спуск — собаки побежали быстрее, так что лыжники едва поспевали за ними. Температура держалась немного ниже нуля, и путь был легкий. Вдруг Боровой, шедший впереди, замахал руками и закричал:

— Стойте, подождите! Я боюсь, что мы сбились с пути.

Все побежали к нему. Он держал в руках компас и упорно смотрел на него.

— В чем дело? — спросил Каштанов.

— Мы идем не на север, а на юг, назад к ледяному поясу. Смотрите, северный конец стрелки показывает не вперед по нашему пути, а назад.

— Когда же вы заметили это?

— Только что. Ведь с тех пор, как компас начал чудить, я перестал доверять ему и вел караван по ветру, который все время дует упорно с юга. Но меня теперь смущил обратный уклон равнины, потому что из воронки мы не могли еще выбраться. Я вынул компас и увидел, что он перестал чудить и показывает направление пути на юг, а не на север.

— Но ветер дует по-прежнему нам в спину!

— Он мог перемениться в течение ночи.

— Нет, — заявил Макшеев, — ветер не переменился.

Мы все время ставим юрту дверью по ветру, то есть на север, чтоб не задувало. Сегодня утром, я помню это твердо, юрта стояла еще по ветру.

— Значит, он менялся постепенно в течение сегодняшнего дня, мы описали полукруг и пошли обратно.

— Или же компас каким-то образом перемагнистился!

— Хоть бы выглянуло солнце или показались звезды, чтобы проверить, куда мы идем, — жаловался Боровой.

— Во всяком случае, следует остановиться на ночлег и проверить с компасом в руках несколько километров нашего пути, который ясно виден по следам на снегу, — заявил Каштанов. — Если мы кружили — это обнаружится быстро.

Поставили юрту, Макшеев и Громеко побежали по следам назад. Боровой вскипятил гипсотермометр, который показал почти то же, что и накануне. Небольшой подъем первой половины дня, очевидно, был уравновешен спуском второй половины. Через два часа следопыты вернулись, они проверили десять километров пути, который шел все время по прямой линии, согласно направлению ветра. Поэтому решили, что последне-

му можно больше доверять, чем компасу, и что следует идти и дальше по ветру.

И в этот раз темное времяя ночи так и не наступило; тусклый свет под покровом туч не изменился.

На следующий день уклон местности вниз стал более заметным. Температура поднялась немного выше нуля, снег размокал, и дорога, несмотря на спуск, сделалась труднее. После полудня появились лужицы и небольшие ручейки, которые извивались между неровностями и наконец исчезали в трещинах, забитых снегом. Для ночлега пришлось выбрать возвышенную площадку и окопать юрту канавками, чтобы отвести воду тающего снега.

Устанавливая гипсотермометр, Боровой был уверен, что он покажет еще большее число градусов, чем накануне, так как целый день продолжался спуск на дне загадочной впадины. Но термометр показал 126°, и отрицательная высота местности, несмотря на спуск, не увеличилась, а уменьшилась на пятьсот семьдесят метров. Метеоролог, совершенно растерянный, разразился нервным смехом.

— Новый сюрприз, новое недоразумение! Сегодня утром мы решили не верить компасам, теперь приходится поставить под знак вопроса и гипсотермометр!

Опять все путешественники собрались вокруг шалившего прибора, проверяли его показания, кипятили воду еще и еще раз, но результат получился прежний. Несмотря на ясный спуск, в котором нельзя было сомневаться, потому что ручейки текли в том же направлении, давление воздуха не увеличилось, а уменьшилось. В предшествующие же дни, наоборот, при подъеме давление не уменьшалось, а увеличивалось. Казалось, что законы физических явлений, выработанные поколениями ученых на основании наблюдений на земной поверхности, здесь, в этой впадине полярного материка, были неприменимы или получили совершенно другой смысл. Необъяснимые явления умножались.

Все были заинтересованы и возбуждены, но понять, объяснить никто не мог. Оставалось надеяться, что ближайшее будущее даст ключ к разъяснению загадки.

— Но что за снежная пустыня! — заметил Папочкин. — После встречи с мускусными быками на перевале через хребет можно было надеяться, что следующие

дни дадут мне и Михаилу Игнатьевичу какую-нибудь научную добычу. Между тем мы идем с тех пор чуть ли не двенадцать дней, прошли более двухсот пятидесяти километров... и абсолютно ничего, кроме снега и льда.

— И даже Петр Иванович, которому до сих пор везло всего больше по части коллекций, не поживился ничем,— прибавил Громеко.

— Один только Иван Андреевич коллекционирует! — смеясь, заметил Макшеев.

— Я! Что же я собрал за это время? — удивился Боровой.

— Коллекцию непонятных физических явлений,— ответил за Макшеева Каштанов, догадавшийся, на что тот намекает.

— Это очень странная коллекция, но зато легковесная, не то что ваши камни! — смеялся Боровой.— Она наши нарты не задавит!

— Но может оказаться и очень тяжеловесной в смысле итогов экспедиции. Ведь каждому исследователю хочется найти что-нибудь особенное, ранее неизвестное! Вам повезло до сих пор больше, чем нам.

На следующий день спуск продолжался и стал даже еще заметнее. Ледяная равнина начала распадаться на плоские увалы. Во впадинах между ними текли ручьи, снег размок, и идти на лыжах стало тяжело: лыжи скользили, раскатывались в стороны. Поэтому способ передвижения изменили: люди уселись на нарты, по двое на каждую; собаки тащили их быстро вниз по уклону; лыжными палками направляли нарты и сдерживали их раскаты на неровностях льда.

Путешественники обратили внимание на то, что тучи, клубившиеся по-прежнему низко, имеют не серый, а красноватый цвет, словно их озаряет заходящее, но невидимое солнце.

Ледяная пустыня уходила во все стороны до недалекого горизонта и также казалась красноватой. Это странное освещение на дне глубокой впадины, куда не могло заглянуть низкое полярное солнце, также принадлежало к коллекции необъяснимых явлений, которую собирал Боровой.

В этот день остановились на гребне увала вблизи большого бурного ручья с чистой водой, избавившей от необходимости растапливать снег для супа и чая.

Необъяснимое положение солнца

После ужина метеоролог установил свой кипятильник в твердой уверенности, что, ввиду такого длинного и опасного спуска на протяжении сорока пяти километров, ртуть покажет по крайней мере 130° и снижение будет около десяти тысяч метров, то есть рекордным за все времена. Он даже заранее вычислил высоты для точек кипения от 130 до 135 градусов, чтобы огородить ими своих спутников. Каково же было его удивление, когда термометр показал только $120^{\circ}!$..

— Моя коллекция опять увеличилась,— заявил он торжественным тоном.— Вы, конечно, не сомневаетесь, что мы сегодня ехали все время и очень быстро под гору.

— Ну, конечно. Ясно. Вода в гору не течет,— раздались голоса.

— Так. А вот гипсотермометр показывает, что мы ехали в гору и поднялись за день на тысячу семьсот метров с лишком. Как вам это понравится?

После того, как все убедились собственными глазами, что Боровой не шутит, он заявил:

— Очевидно, идя и далее все вниз, мы скоро выберемся из этой удивительной впадины, может быть у самого Северного полюса.

— А я думаю, что готовится какая-то катастрофа! — загадочным тоном произнес Громеко.— В таинственной яме происходит необыкновенное разрежение воздуха, давление падает, предвещая ураган, циклон, тайфун, смерч или что-нибудь подобное. А в ожидании этой пертурбации, чтобы перенести ее спокойно, я предлагаю всем благоразумным людям залезть в спальные мешки!

Все, даже Боровой, рассмеялись и последовали совету врача. Но метеоролог предварительно осмотрел, крепко ли вбиты колы, хорошо ли натянуты веревки, державшие юрту. Он действительно опасался какой-то атмосферной катастрофы, спал тревожно, просыпаясь и прислушиваясь, не усиливается ли ветер, не начинается ли ожидаемое явление. Но все было спокойно, ветер гудел равномерно, как все это время, сотоварищи похрапывали, собаки сквозь сон ворчали и взвизгивали.

И Боровой опускал голову на подушку, стараясь отогнать тревожные мысли и заснуть.

Утром он раньше всех вышел из юрты, чтобы отсчитать показания инструментов, вывешенных на ночь. Остальные путники лежали еще в спальных мешках.

Вдруг войлочная дверь юрты поднялась: метеоролог, бледный, с вытаращенными глазами, вернулся в юрту и произнес, заикаясь:

— Если бы я был один, я бы больше не сомневался в том, что рехнулся окончательно.

— Ну что такое опять? В чем дело? Какая катастрофа разразилась? — послышались вопросы, у одних испуганные, у других иронические.

— Тучи или туман почти рассеялись, и солнце, понимаете ли вы, полярное солнце стоит в зените! — прокричал Боровой.

Все бросились к выходу, толкая друг друга и на ходу одеваясь.

Над ледяной равниной клубился легкий туман, и сквозь него то ярче, то тусклее светил красноватый диск, стоявший прямо над головами, а не низко над горизонтом, как полагалось полярному солнцу в пять часов утра в начале июля под восьмидесятым градусом северной широты.

Все стояли, задравши головы кверху, и смотрели молча на это странное солнце, находившееся на ненадлежащем месте.

— Странная эта местность — Земля Нансена, — промолвил Макшеев не то трагическим, не то ироническим тоном.

— Да не луна ли это? — предположил Папочкин. — Может быть, теперь полнолуние?

Боровой порылся в карманном справочнике.

— Теперь действительно полнолуние, но только этот красный диск не похож на луну — и светит сильнее, и греет заметно.

— Может быть, на Земле Нансена... — начал Макшеев, но Каштанов перебил его:

— В полярных странах в летние месяцы луна никогда не бывает в зените: или ее совсем не видно, или она стоит очень низко.

— А если это не луна и не солнце, то что же это такое?

Но ответа никто не мог дать. Все продолжали делать догадки и опровергать их; затем позавтракали и собрались в путь. Термометр поднялся до $+8^{\circ}$. Туман то сгущался, скрывая красное светило, то разрежался, а оно показывалось неизменно в зените, не двигаясь с места. Путь шел по-прежнему вниз по ледяной равнине вдоль берега большого ручья. Уклон как будто становился более пологим.

Собаки бежали дружно, путешественники сидели на нартах, по временам вскакивая, чтобы поправить упряжь или устроить мостик через более глубокое русло.

Как только солнце пробивалось сквозь клубы тумана, все поднимали головы и смотрели на это странное светило, принявшее такое противоестественное положение на небе.

В обед сделали обычный привал.

Полдень, впрочем, показывали только часы, солнце же стояло по-прежнему в зените и, казалось, не думало менять своего места.

— Чем дальше в лес, тем больше дров! — ворчал Боровой. — Солнце и под восьмидесятым градусом северной широты должно перемещаться по небу, а не стоять на одном месте! Ведь Земля-то вертится!

Во время привала он определил высоту солнца, которая оказалась равной 90° .

— Можно подумать, что мы находимся под тропиком в день летнего солнцестояния или под экватором во время равноденствия! — сказал он после наблюдения. — Какую широту прикажете записать? Хоть убейте, я не понимаю, где мы находимся и что вокруг нас происходит. Мысли в голове путаются, и все кажется каким-то странным сном!

Все в сущности разделяли это чувство Борового и совершенно не могли объяснить себе это новое непонятное явление, по своей загадочности превосходящее все остальные: противоречивые показания инструментов, постоянный ветер с одной стороны, беспросветные тучи, ненормальное тепло, красноватый свет и колоссальная впадина с глубиной большей, чем все известные на Земле.

Во время обеда и отдыха строили всевозможные догадки о катастрофах, произошедших с Землей с тех пор, как они на «Полярной звезде» и на Земле Нансена были отрезаны от всякого общения с остальным миром.

Полярная тундра

Под вечер ледяная равнина превратилась в ледяные увалы. Редкий туман плыл в воздухе, почти не заслоняя красноватое солнце, которое по-прежнему оставалось в зените, словно издеваясь над путешественниками, продолжавшими с изумлением смотреть на него.

Приближалось время остановиться на ночлег; на ледяном гребне это было не особенно удобно: хотя места было достаточно, но вода далеко внизу, и спускаться к ней по гладкому ледяному откосу было невозможно. Поэтому продолжали ехать в надежде найти более подходящее место, тем более что впереди сквозь туман видна была какая-то темная равнина.

И вот около семи часов вечера ледяные увалы снизились и плоскими белыми языками, словно исполинскими фестонами, окаймляли эту темную равнину, в которую ручьи врезывались неглубокими руслами и текли далее в плоских болотистых берегах. Нарты, съехавшие со льда, сразу остановились на липкой голой земле, собаки высунули языки и отказались везти. Все соскочили с нарт — последний километр ехали уже в напряженном ожидании нового сюрприза, который поднесет им эта странная Земля Нансена в виде бесснежной равнины.

Словно по уговору, люди наклонились, рассматривая и щупая руками эту долгожданную землю после стольких дней, проведенных на снегу и льду. Земля была буро-черная, пропитанная водой, липкая, но не совершенно голая, а покрытая примятymi стебельками мелкой пожелтевшей травки и искривленными стелюющимися ветвями приземистого кустарника, лишенного листьев. Нога погружалась в землю сантиметра на четыре, и из-под подошвы струйками и фонтанчиками выжималась желтая вода.

— Как вам это понравится? — проворчал Каптанов. — Под восемьдесят первым градусом северной широты снег исчезает, тепло, как в Финляндии, голая земля и солнце в зените!

— Неужели придется ставить юрту на этом болоте? — печально спросил Папочкин.

— Это не болото, а северная тундра, — пояснил ему Макшеев.

— От этого не спаще, что тундра, — заметил Боровой. — Собаки отказываются везти нарты, а ночевать

в грязи действительно не особенно приятно. Лучше уж вернуться на лед!

Все стали оглядываться вокруг в надежде увидеть более сухое местечко.

— Вот там, я думаю, будет хорошо! — воскликнул Громеко, указывая вперед, где над черно-буровой равниной поднимался плоский холм, приблизительно в километре от конца ледяных языков.

— Но как мы туда дотащимся?

— Ничего, доплетемся, будем помогать собакам!

— Попробуем надеть лыжи, чтобы меньше вязнуть.

Действительно, на лыжах идти оказалось легче. Собаки потихоньку тащили облегченные нарты, которые люди сзади подталкивали палками от лыж. В полчаса доплелись до холма, поднимавшегося метров на восемь над равниной и представлявшего сухое и удобное место для ночлега. На нем среди пожелтевшей прошлогодней травы пробивались уже свежие зеленые побеги, а приземистый кустарник наливал почки.

На вершине холма поставили юрту, а нарты и собак расположили ниже на склоне. Позади, на севере, белел ровным высоким валом край льдов, уходивший в обе стороны за горизонт; впереди черно-бурая равнина уже принимала зеленоватый оттенок.

В полусотне шагов от холма беззвучно струился широкий ручей между тонкими берегами. Туман клубился над рининой.

Появившееся по временам красноватое солнце по-прежнему стояло в зените, хотя часы показывали уже половину девятого вечера. За этот день отмахали пятьдесят километров.

Пока Боровой кипятил воду, остальные строили догадки, какую температуру кипения покажет инструмент после такого длинного очевидного спуска.

Одни стояли за 125, другие — за 115 градусов. Макшеев даже держал пари с Папочкиным.

— Никто из вас не выиграл! — заявил метеоролог, когда наблюдение кончилось. — Термометр показывает только сто десять градусов.

— Все-таки я был ближе к истине, — сказал Макшеев. — я стоял за сто пятнадцать.

— А не думаете ли вы, что лучше будет перебить все эти негодные инструменты? — желчно спросил Боровой.

— Вы, право, слишком принимаете к сердцу непонятные фокусы атмосферного давления, — успокаивал его Каштанов, — как будто считаете себя ответственным за них!

— Не в этом дело, а в том, что инструмент оказывается негодным, зачем же его тащить!

— Сейчас он может быть бесполезен по неизвестной нам причине, но при дальнейшем ходе путешествия, вероятно, опять будет оказывать нам услуги.

После ужина совещались о дальнейшем ходе путешествия. Если бесснежная тундра простирается и далее к северу, как это ни странно, то значительная часть снаряжения оказывается не только бесполезной, но даже вредной, тормозящей быстроту движения, а именно: лыжи, нарты, собаки и запас их корма, лишняя теплая одежда, значительная часть спирта и даже сама юрта. При установившейся здесь теплой погоде можно было бы довольствоваться легкой палаткой, которая имелась в запасе, а топливо пришлось бы собирать в тундре.

Поэтому решили устроить на холме дневку и разослать налегке две партии в разные стороны, чтобы выяснить характер местности и условия передвижения, ожидавшие экспедицию. После этого можно было оставить все лишнее в складе на холме для обратного пути по льдам.

Бродячие холмы

На следующий день Иголкин и Боровой остались у юрты: первый — для надзора за собаками, второй — для разных метеорологических наблюдений. Остальные четверо отправились на разведку, разделившись на две партии: Каштанов и Папочкин пошли на юго-восток, а Макшеев и Громеко — на юго-запад. Все пошли на лыжах, но с намерением оставить их, если почва сделается достаточно сухой.

Каждый исследователь был вооружен ружьем. Нельзя было думать, что и на тундре не попадется никакой дичи, как это было на снежной равнине. Беспокойное поведение собак в течение ночи заставляло полагать, что могут встретиться какие-то животные. Свежее мясо было очень нужно не только людям, но и собакам.

Каштанов и Папочкин на своем пути вскоре наткнулись на широкий ручей, за которым тундра продолжалась.

Вскоре она стала настолько сухой, что лыжи пришлось совершенно оставить. Их поставили конусом, связав наверху веревкой, чтобы легче заметить и взять на обратном пути.

На сухой тундре зеленела уже молодая трава, а приземистый кустарник покрылся зелеными листочками и цветами. По равнине клубился туман, местами разряжаясь очень мелким дождем. Но в промежутках светило и заметно грело красноватое солнце, диск которого все-таки не был ясно виден.

Километрах в десяти от стоянки путники заметили впереди несколько темных кругобоких холмов, очертания которых из-за тумана были нерезки.

— Вот прекрасное место для обзора окрестностей в минуты разрежения тумана! — воскликнул Папочкин. — На этой гладкой равнине с высоты холма должно быть видно далеко.

— Еще интереснее те коренные породы, которые мы найдем на них, — возразил ему Каштанов. — До сих пор геологическая добыча нашей экспедиции была очень скучна.

— Зоологическая сплошь скучней!

— Ну теперь тундра вознаградит нас. А по форме и цвету этих холмов можно думать, что это купола базальта или другой вулканической породы.

Оба исследователя пустились почти бегом к желанной цели, которая то виднелась сквозь пелену тумана, то совершенно скрывалась в ней.

Каштанов и Папочкин бежали более четверти часа, а темные холмы казались почти такими же далекими, как и вначале.

— Этот проклятый туман ужасно мешает правильной оценке расстояния! — сказал зоолог, останавливаясь, чтобы перевести дух. — Я был уверен, что до холмов недалеко, а мы бежим, бежим, бежим и почти не приблизились. Я запыхался.

— Ну что же, отдохнем! — согласился Каштанов. — Холмы ведь не убегут от нас никуда.

Они стояли, опершись на ружья. Вдруг Папочкин, смотревший в сторону холмов, воскликнул:

— Удивительно, если только это не обман зрения! Мне показалось, что наши холмы двигаются.

— Это ползет туман, потому и кажется! — спокойно ответил Каштанов, закуривая трубку.

— Нет, теперь я ясно вижу, что холмы передвигаются! Смотрите, смотрите скорее!

Впереди, недалеко, теперь ясно были видны четыре темные массы, которые медленно передвигались по тундре.

— Холмы базальта или иной вулканической породы обыкновенно стоят на одном месте! —sarкастически заметил Папочкин.— Впрочем, в этой стране необыяснимых явлений, может быть, и такие холмы бродят с места на место! Как жаль, что с нами нет Борового!

Каштанов в это время вынул бинокль и направил его на двигавшиеся холмы.

— А знаете ли, Семен Семенович, — сказал он голосом, дрожащим от волнения, — эти холмы подлежат не мосму, а вашему ведению, потому что это крупные животные, вроде слонов, — я ясно различаю длинный хобот.

Они опять побежали вперед и остановились только тогда, когда туман начал снова рассеиваться; темные массы были уже гораздо ближе.

— Ляжем, — сказал зоолог, — иначе они могут заметить нас и убегут.

Они прилегли на тундру. Теперь Папочкин прильнул к биноклю в ожидании удобного момента. Наконец туман рассеялся настолько, что на расстоянии четырехсот — четырехсот пятидесяти шагов можно было ясно различить четырех сленообразных животных, которые обрывали веточки ползучего кустарника и, красиво изогнув хоботы, отправляли их в свою пасть. Троє из них были побольше, а один поменьше.

— У них огромные бивни, — сказал Папочкин, — сильно изогнутые. Тело покрыто шерстью красно-бурового цвета. У них короткие хвостики, которыми они весело помахивают. Если бы я не знал, что мамонты исчезли с лица нашей планеты, я бы сказал, что это не слоны, а мамонты.

— Впрочем, в этой стране необыкновенного, может быть, и мамонты уцелели!

Каштанов в это время вставил патрон с разрывной пулей в свою дальнобойную винтовку и прицелился

в ближайшего зверя, повернувшегося левым боком к охотнику.

Раздался оглушительный выстрел. Зверь взмахнул хоботом, упал на колени передних ног; затем вскочил, пробежал несколько шагов и тяжело рухнул на землю.

Остальные шарахнулись в стороны, а затем, подняв кверху хоботы и испуская рев, напоминавший протяжное мычание быка, побежали тяжелой крупной рысью по тундре и исчезли в тумане.

Каштанов и Папочкин, сгорая от нетерпения, бросились к добыче. Она лежала на правом боку, разбросав ноги и откинув голову с огромными бивнями. Из зиявшей под лопаткой огромной раны вытекал целый ручеек крови, круглое брюхо еще судорожно вздыхалось и хобот взрагивал.

— Осторожнее,— сказал Каштанов.— В агонии он может так двинуть хоботом или ногой, что переломит нам кости.

Охотники остановились шагах в десяти от слона и рассматривали его с понятным волнением и интересом.

— Я тоже думаю, что это мамонт,— сказал Каштанов.— Огромные размеры (ведь эта машина имеет метров шесть в длину!), бивни, согнутые вверх и внутрь, длинная красноватая шерсть — все это признаки мамонта. Кроме того, слоны в полярных странах никогда не водились, а мамонт жил в сибирской тундре.

— Если бы я не видел его собственными глазами,— ответил Папочкин,— я бы никому не поверил! Это такое открытие, такое открытие!..

— Ну, пожалуй, не больше, чем вся эта глубокая впадина и зеленеющая тундра под восемьдесят первым градусом северной широты. Очевидно, на этом полярном материке, совершенно отрезанном льдами от остальных стран нашей планеты и обладающем мягким климатом, мамонты сохранились до наших дней. Они представляют собой живые окаменелости¹.

¹ Окаменелостями называют остатки прежде существовавших животных и растений в окаменелом или обугленном состоянии, находимые в горных породах. Они имеют очень важное значение для определения возраста тех слоев земной коры, в которых находятся. Изучением окаменелостей занимается особая отрасль геологии — палеонтология.

— Или ископаемую фауну Земли Нансена, приспособившуюся к новым условиям жизни. Очевидно, прежде эта земля не была отделена от других стран льдами и снегами, а имела флору и фауну, общую с севером Америки и Азии. А затем, может быть во время ледникового периода, мамонты нашли здесь свое последнее убежище.

— Теперь оно обнаружено нашей экспедицией! Но что мы будем делать с этим чудовищем? Чтобы доставить его к стану, нужны товарная платформа и паровоз!

— Если мамонт не может быть передвинут к стану, то, во всяком случае, стан может перекочевать к мамонту! — пошутил зоолог.

— Идея! Но если в тундре могут водиться мамонты, то могут также водиться медведи, волки, песцы, вообще какие-нибудь хищники. И пока мы будем переселяться сюда, они успеют попортить нашу добчу!

— Это правда! Нужно сейчас же тщательно измерить, описать, сфотографировать мамонта. На «Полярную звезду» мы захватим разве один зуб, частицы мозга, кожи, мяса в спирту.

— Но хобот, я думаю, отрежем на всякий случай, чтобы показать товарищам! То-то они будут поражены! А потом скучаем его — это будет блюдо, которым не лакомился еще ни один естествоиспытатель. Хоботы слонов, говорят, превкусные! Но конец хобота нужно сохранить, потому что его никогда еще не находили при трупах мамонта и неизвестно, как он устроен¹.

Охотники подошли к мамонту, лежавшему уже неподвижно и приступили к его измерению и тщательному осмотру.

Папочкин мерил, Каштанов записывал; потом последний сфотографировал труп с разных сторон, причем зоолог с гордостью становился рядом или влезал на него для масштаба, восклицая:

¹ Недавно на Чукотском полуострове был найден хобот мамонта. Конец его доставлен в Академию наук.

— Разве это не чудесно: в отчете экспедиции будет иллюстрация — ученый Папочкин на трупе мамонта, не ископаемого, а ныне живущего!

Окончив свою работу, путешественники отрезали у животного хвост, хобот и клок длинной шерсти, подняли ружья и, нагрузившись, хотели идти к юрте. Но тут зоолог, растерянно оглянувшись вокруг, воскликнул:

— Но в какой стороне наш стан? Кругом ровная тундра, ползет туман, вдали не видно. Мы заблудились, Петр Иванович! Я решительно не знаю, куда идти...

Каштанов сначала немного оробел при этом взгляде, но потом сказал, улыбаясь:

— Человек, у которого в кармане есть компас, не может заблудиться даже в тумане, если знает, в каком направлении он шел. От места ночлега мы направились прямо на юго-восток, значит, теперь должны идти на северо-запад.

— Но, увидев мамонтов, мы, кажется, бежали не по компасу!

— Нет, прежде чем спрятать компас, я по привычке отметил направление, куда мы бежали. Не беспокойтесь, я вас доведу до юрты!

Каштанов с компасом в руке уверенно направился по тундре, зоолог следовал за ним.

Часа два путешественники шли по равнине. Туман по-прежнему то клубился низко, то рассеивался, позволяя видеть на один-два километра в окружности.

Как раз в такой момент Каштанов наконец увидел впереди, немного в стороне от их пути, какой-то странный предмет, возвышавшийся над равниной. Он указал на него зоологу.

— Что же это такое? — спросил последний. — Пожалуйста на остов самоедской юрты. Неужели здесь есть и люди!

— Я думаю, что это наши лыжи. Вы забыли, что мы их оставили.

— Ну, значит, мы идем правильно!

Добравшись до лыж, путешественники могли уже не беспокоиться и спрятали компас, потому что лыжные следы виднелись хорошо на влажной тундре. Вскоре вдали показался холм с юртой.

Незванный гость

Когда охотники подошли настолько, что на холме можно было различить не только юрту, но и силуэты людей и собак, Каштанов сказал своему спутнику, обладавшему менее острым зрением и слухом,

— А на стану у нас что-то происходит неладное — люди бегают, собаки заливаются лаем.

Оба остановились, чтобы прислушаться. Действительно, явственно доносился неистовый лай собак, затем послышался выстрел, другой, третий...

— Уж не напали ли мамонты или другие ископаемые звери? Я теперь готов поверить! — сказал зоолог.

— Бежим скорее, может быть, наша помощь очень нужна.

Они побежали, насколько позволяли их ноши и усталость. У подножия холма они бросили лыжи и хобот и мигом вбежали наверх.

Собаки рвались и лаяли на привязи, в юрте никого не было. Но на противоположном склоне бежавшие увидели темную массу, возле которой стояли Боровой и Иголкин с ружьями в руках.

В один миг Каштанов и Папочкин очутились возле своих товарищ.

— В чем дело, что случилось?

— А вот полюбуйтесь, — отвечал взъяренный Боровой. — Этот странный зверь напал на собак или собаки напали на него. Мы сидели в юрте и не видели начала схватки — одним словом, пока мы выбежали с ружьями, он затонтал у нас двух собак! Ну-с, чтобы остановить это занятие, мы запустили ему пару разрывных пуль в брюхо, и у него произошло смертельное расстройство желудка.

Иголкин увел собак, вертевшихся вокруг убитого зверя, и три путешественника начали рассматривать его. При первом взгляде на голову Каштанов и Папочкин в один голос воскликнули:

— Да это носорог!

— Носорог здесь, на полярном материке? — недоверчиво сказал Боровой. — Правда, что он довольно похож на носорогов, которых я, впрочем, видел только на картинках. Но все-таки может ли быть здесь, в тунд-

ре, животное, родина которого под тропиками?! Не могу этому поверить!

— А вы поверите, — перебил Каштанов, — что мы только что охотились на мамонтов, понимаете ли, мамонтов, которые до сих пор считались только ископаемыми животными, существовавшими десятки тысяч лет назад!

— Помилосердствуйте! — завопил Боровой. — Не шутите так жестоко. Я боюсь за свой рассудок. Все, что мы видим за последние дни, так необыкновенно, противоестественно! Мне просто кажется, что я вижу это во сне или же сошел с ума!

— Да успокойтесь, мой дорогой! — вскричал Каштанов, схватив Борового за руку. — Мы все испытываем волнение. Мы тоже поражены тем, что видим за это время. Все это странно, пока необъяснимо, но противоестественного в природе не бывает! Вспомните, что мы на уединенном полярном материке, глубоко вдавленном в поверхность нашей планеты, отрезанном широким поясом льдов от остальной суши. На таком материке должны быть своеобразные физические условия, благодаря которым продолжает существовать мамонт, давно уже вымерший в других странах. Почему же не мог сохраниться и его современник — носорог?

— Африканский или индийский носорог на полярной тундре!

— Да не африканский, а сибирский, длинношерстый, живший в Сибири в тундрах вместе с мамонтом.

— Вот как. Я не знал, что существовали и такие носороги. Но почему же вы думаете, что это не африканский?

— А вот посмотрите! У него длинная бурая шерсть, тогда как носорог тропических стран голый; размеры его больше, чем у ныне живущих представителей этого рода млекопитающих; передний рог огромных размеров и сплющен с боков.

Увидев, что Каштанов и Папочкин относятся так спокойно к этому удивительному происшествию, Боровой также успокоился и спросил:

— А где же мамонт, на которого вы охотились?

— Не могли же мы притащить его на себе сюда! — рассмеялся Папочкин. — Мы убили его довольно далеко отсюда, в тундре. Там было маленько стадо

в четыре головы, и наш геолог издали принял их за крутобокие базальтовые холмы! Но потом эти вулканические холмы начали бродить по тундре, к нашему ужасу, ха-ха-ха! А кстати, где наш хобот? Мы принесли только хобот и хвост. Не попортили бы его собаки.

— Идем за ним!

Фотографирование, измерение и описание носорога заняли больше трех часов времени, и только после этого исследователи подумали, что пора отдохнуть. Завтракая, они вспомнили, что не хватает еще двух товарищей, и встревожились их долгим отсутствием.

— С этим солнцем, вечно стоящим в зените, решительно теряешь всякое представление о времени,—ворчал Боровой.—Утром, в полдень, вечером — все одно и то же! День кажется бесконечным.

— Он здесь действительно бесконечный, если солнце остается в одном пункте небосклона,—подтвердил Каштанов.

— Прошлой так называемой ночью свет все-таки ослабел,—заметил метеоролог.—Хотя вы склонны были объяснить это стущившимся туманом, но я выходил из юрты около полуночи и обратил внимание, что туман был не гуще, чем днем, а это странное солнце светило заметно слабее, и на его диске как будто видны были большие темные пятна.

— Это очень интересно! — воскликнул профессор.—Почему вы не сообщили нам об этом новом странном факте?

— Странных фактов здесь не оберешься! Да я хотел проверить себя, прежде чем говорить вам. Сегодня около полудня я опять наблюдал это сумасшедшее светило и убедился, что темных пятен нет. Я и думал, что ночью просто ошибся.

— Я думаю,—сказал Папочкин,—что с центральным телом нашей планетной системы случилась какая-то катастрофа, пока мы путешествовали в тумане по Земле Нансена. Поэтому-то оно и очутилось в зените под восемьдесят первым градусом северной широты и светит круглые сутки.

— Может быть, Земля напа повернулась постепенно так, что ее северная полярная область оказалась обращенной прямо к солнцу?

— Это что-то непонятное,— проворчал Боровой.— Как мог без серьезных потрясений произойти в короткое время такой значительный наклон земной оси?

— Мы могли и не заметить эти потрясения в тумане среди льдов. Иначе я не могу объяснить себе это странное положение солнца,— настаивал Каштанов.

— А почему вы уверены, что это светило, которое мы видим теперь, то же самое, которое мы видели в последний раз над гребнем хребта Русского? — спросил Боровой.

— Что же это может быть иное? — удивился Папочкин.

— Почему нельзя предположить с таким же основанием, что Луна загорелась вновь или что в нашу планетную систему залетело случайно новое самосветящееся тело и увлекло за собой нашу Землю в качестве спутника? — с загадочной улыбкой говорил метеоролог.

— Зачем делать разные невероятные предположения? — сказал Каштанов.— Ведь есть же гипотезы, основанные на геологических фактах, что ось вращения нашей Земли перемещалась. Этим объясняют, например, оледенения, имевшие место в некоторые геологические периоды в Индии, Африке, Австралии, Китае, и субтропическую флору других периодов на Земле Франца-Иосифа, Гренландии и т. п.

— Не спорю, это вам лучше знать. Но я сегодня измерил угловой радиус этого светила, и оказалось, что он равен двадцати минутам, тогда как угловой радиус солнца равен почти шестнадцати минутам, как вы, конечно, знаете¹.

— Вот это важный факт! — воскликнул пораженный Каштанов.

— А зачем этот красноватый свет вместо желтого?

— Не вследствие ли тумана? — вставил Папочкин.

— Я сам думал так. Но сегодня удалось видеть это светило, когда туман на некоторое время совершенно рассеялся. И диск был все-таки красноватый, какой бывает у солнца, когда оно стоит низко над горизонтом

¹ Размеры диска Солнца, Луны, планет и звезд определяют телескопом и другими оптическими инструментами в минутах градуса небесного свода и называют угловым радиусом.

и светит через более влажные нижние слои атмосферы или во время пыльной бури.

— Да, это тоже странно!

— А эти темные пятна, обусловливающие ослабление света в известные часы суток! Сегодня ночью я постараюсь проверить и это. Если они повторятся, то я буду окончательно убежден, что над нами не солнце, а что-то другое.

— Где же, куда же девалось наше солнце? — с тревогой спросил Папочкин.

— Почем я знаю! Это еще одно звено в цепи непостижимых явлений, свидетелями которых нам суждено было сделаться за последние дни.

— Да, целая цепь! — задумчиво сказал Каштанов. — Огромная впадина на материке; странные показания магнитной стрелки; непонятные изменения атмосферного давления; теплая погода под широтой восемьдесят один градус — не случайная, судя по этой границе льдов и зеленеющей тундре; мамонты и носороги, разгуливающие по ней, солнце — не солнце в зените днем и ночью...

— И еще будет немало, я в этом уверен. Вот идут наконец наши товарищи и несут, держу пари на что угодно, еще один странный факт.

Все вскочили, всматриваясь в даль, где уже хорошо видны были два человека, несшие что-то темное, подвешенное на длинную палку. Папочкин поставил чайник на спиртовую печь и принялся готовить шашлык из носорожьего мяса, остальные побежали навстречу приближавшимся.

— Ну, и намаялись мы нынче! — заявил Макшеев. — Видели и коров, и быков, стреляли, но добыли только теленка и тащим его уже часа три.

— И набрали интересную флору тундры, совершенно своеобразную, я бы даже сказал ископаемую, если бы не рвал ее сам! — добавил Громеко, за спиной которого болталась набитая ботаническая папка.

Закусывая и попивая чай, Макшеев и Громеко рассказывали о виденном.

— Километров десять по нашему пути шла та же тундра, но более сухая, чем здесь. Затем на ней растительность стала богаче, появились кусты и даже небольшие деревья...

— Полярная береза и полярная ива, но новых видов, а затем и тощая лиственница, — добавил Громеко. — Попались и цветущие растения, частью совершен-

но незнакомые мне, частью описанные разными исследователями в качестве представителей послеморгичной (ископаемой) флоры Канады.

— Мы дошли наконец до узкой, но очень глубокой речки, через которую не было брода, и направились вниз по ее течению. Деревья становились выше человеческого роста, кусты между ними образовали чащу, через которую трудно было пробираться. Вот тут-то мы и набрели на стадо быков, пришедших на водопой.

— Какого вида быков? — с интересом спросил Папочкин.

— Они походили скорее на диких яков, — поправил Громеко, — черные, с длинной шерстью, с огромными толстыми рогами и с горбом на спине.

— Такой вид имели быки, — продолжал Макшеев, — а другие, очевидно коровы, ростом были немного меньше и с рогами потоньше и покороче; кроме того, там было несколько телят. Я надеялся встретить в тундре только болотную птицу и мелкого зверя, поэтому взял с собой дробовик.

— А я совсем не взял ружья!

— Ну вот и пришлось стрелять только в теленка крупной картечью, которая нашлась в патронташе. Стадо скрылось в чащце, а теленок свалился в речку, откуда мы его выловили и прикончили ножом.

— Теленок весил добрых пятьдесят килограммов, а тащить его домой нужно было двенадцать километров. Поэтому мы для облегчения ноши выпотрошили его, хотя и знали, что Семен Семенович будет недоволен этим.

— Ну, он получил достаточное утешение! — засмеялся Каштанов. — Знаете ли, какой шашлык вы сейчас скушали?

— Какого-нибудь полярного зайца, что ли? Не знаю, есть ли такой вид.

— Не зайца, а носорога, и даже ископаемого!

— Тыфу! Это вы, значит, нашли где-нибудь труп носорога в вечномерзлой тундре¹ и решили попробовать

¹ На севере Сибири в вечномерзлой почве изредка находят целые трупы животных, существовавших много тысяч лет назад и сохранившихся полностью, с кожей, мясом и внутренностями, благодаря мерзлоте, предохранившей их от гниения. Всего чаще находят трупы мамонта, редко — носорога, еще реже — других млекопитающих. Для изучения и вывоза таких трупов Академия наук снаряжает особые экспедиции.

мясо, пролежавшее десятки тысяч лет? — удивился Громеко. — Если бы я знал, не стал бы есть. Меня теперь будет тошнить.

— Но шашлык был вкусный, немного жестковат только, — заявил Макшеев.

— И неудивительно, такое древнее мясо!

— А знаете ли вы, — спросил в свою очередь Папочкин, — что к ужину мы вас угостим вареным хоботом мамонта?

— Ну, это уже черт знает что такое! — возмутился Громеко. — Что вы, отравить нас хотите, что ли? Пробуйте, как действует на желудок современного человека разная геологическая падаль!

Макшеев, который во время своих скитаний по Аляске и Чукотской земле отвык от брезгливости, сказал:

— Я читал, что хобот слона — лакомое блюдо; но хобот мамонта должен быть верхом совершенства.

— Нет, я не стану его есть! — сердился Громеко. — Я лучше подожарю себе телячью печеньку, она по крайней мере свежая.

Насладившись удивлением своих товарищей, остальные наконец посвятили их в события этого дня, показали им труп носорога, хобот, хвост и клок шерсти мамонта, и ботаник успокоился. Он принял даже участие в решении вопроса, как и с чем сварить пресловутый хобот, и вынул из кармана несколько головок дикого чеснока, который нашел недалеко от места встречи с быками.

— Эти овощи будут хорошей приправой к хоботу, — сказал он, — жаль, что их попалось так мало.

За ужином решили пробыть на том же месте еще один день, чтобы сходить впятером туда, где лежал убитый мамонт, и доставить к юрте запасы мяса и части, подлежащие сохранению.

— Теперь мы можем обсудить серьезно, куда и как нам двигаться дальше, — предложил после ужина Каштанов. — Наша разведка дала некоторый материал для этого. А во время разговоров поможем зоологу определить черепа носорога и теленка, назначенные для сохранения. Кстати, Семен Семенович, к какому виду вы относите теленка?

— Если бы я не видел собственными глазами живого мамонта и сибирского носорога,— ответил зоолог,— я бы сказал, что встреченные быки близки к современному яку Тибета. Но теперь я решаюсь думать, что это были первобытные быки, исчезнувшие с лица земли вместе с мамонтом и носорогом.

Письмо Труханова

При обсуждении вопроса о дальнейшем маршруте все согласились, что Земля Нансена дала уже экспедиции не только много нового, но и много необъяснимого и что необыкновенные факты множились с каждым днем движения вперед.

Экскурсии последнего дня показали, что впереди за тундрой начинаются леса, идти по которым с нартами и собаками было немыслимо; следовательно, приходилось оставить нарты, лыжи, часть груза и собак и идти дальше пешком, унося на себе необходимое.

Между тем было совершенно неизвестно, далеко ли тянутся эти леса и что предстоит встретить за ними. Наиболее вероятным казалось, что тепло, растения и животные ограничиваются дном глубокой впадины Земли Нансена и что дальше, па противоположном склоне ее, опять начнутся снега и льды; следовательно, снова понадобятся нарты, лыжи и собаки.

Ввиду такой возможности целесообразным был и другой план дальнейшего движения: идти по тундре вдоль окраины льдов на нартах, чтобы обследовать окружность всей впадины, а в глубь ее делать экскурсии налегке. Но тогда середина последней, вероятно наиболее интересная в отношении флоры, фауны, а может быть, и геологии, могла остаться неисследованной. Судя по тому, что с окраины льдов в глубь впадины стекали многочисленные речки, там должны были находиться обширные озера или одно большое озеро.

Каждый план имел свои достоинства и свои недостатки. На который же из них решиться? Боровой, Иголкин и Макшеев стояли за маршрут по окраине льдов, тогда как естествоиспытатели, конечно, предпочитали углубиться к центру впадины, где ожидали найти больше материала по своей специальности.

Наконец, можно было разделиться на две партии, направив одну с тяжелым багажом по окраине, другую налегке — поперек впадины, с тем чтобы встретиться на противоположной стороне. Но кто же мог знать, как далеко впадина простиралась на восток и на запад и можно ли ее обогнать? Не окажутся ли препятствия непреодолимыми и не будут ли поставлены обе партии или одна из них в безвыходное положение? Не приведет ли это разделение к гибели всей экспедиции?

Решение оказывалось, следовательно, очень трудным и могло быть чревато тяжелыми последствиями.

Взвесив все это, Каштанов сказал товарищам, спорившим еще с ожесточением, отстаивая каждый свое предложение:

— Вспомним, что у нас есть запечатанный пакет, данный нам организатором экспедиции на случай затруднительного положения. Его разрешено вскрыть, когда мы не будем понимать, где мы находимся и что делать дальше. Не полагаете ли вы, что этот момент наступил? За последнее время мы видели столько необъяснимого, необычайного, а теперь даже не знаем, куда направить наши дальнейшие шаги!

Об этом пакете Труханова все остальные забыли, и предложение Каштана встретило всеобщее сочувствие. Пакет был извлечен из ящика, в котором хранились наиболее ценные инструменты и деньги. Каштанов распечатал его и прочел вслух:

Дорогие друзья!

Минута, когда вы прочитаете эти строки, будет, быть может, очень тяжелой для вас, но я надеюсь, что ваши ожидания совета и разъяснения не будут обмануты мною.

Я должен сознаться прежде всего, что вовлек вас в настолько рискованное и необыкновенное предприятие, что, если бы вы знали, куда я приглашаю вас ехать, вы бы сочли меня безумным и отказались от экспедиции. Я уже сделал опыт — поделился своим планом с одним ученым и приглашал его организовать экспедицию на мои средства, но он категорически отказался и назвал меня беспочвенным фантазером.

Поэтому единственным способом создать экспедицию для проверки моих теоретических предположений являлось умолчание о ее конечной цели и задачах. Ее надлежало снарядить якобы ради изучения неизвестной еще площади арктической области. Ведь могло оказаться

ся, что мои предположения действительно ошибочны и что экспедиция только и найдет острова или материк, скованный льдами, и, ограничившись их изучением, благополучно вернется назад. Мои затраты на нее и в этом случае не были бы напрасны, так как она доказала бы раз навсегда ошибочность моей гипотезы и вместе с тем уничтожила бы последнее большое «белое пятно» на карте арктической области.

Но перехожу к сути дела. Целый ряд наблюдений на обсерваториях Монблана и Мунку-Сардыка, изучение литературы, данных многих сейсмических станций и исследования над распределением и аномалиями силы тяжести¹ привели меня к выводу, что ядро нашей планеты имеет совершенно не тот характер, который геологи и геофизики принимают до сих пор. Я убежден, что Земля имеет более или менее обширную внутреннюю полость, скорее всего с маленьким центральным светилом, возможно уже погасшим. Эта полость может сообщаться с поверхностью шара одним или двумя более или менее значительными отверстиями, дающими возможность проникнуть на внутреннюю поверхность этого пустотелого шара.

Подтвердить или опровергнуть мои соображения могла только специальная экспедиция, отправленная на поиски одного из указанных отверстий, которые, конечно, нужно было искать в неизвестных еще пространствах обеих арктических областей. Для начала я выбрал северную область, как более доступную для русской экспедиции.

Если вам удалось найти отверстие, попытайтесь спуститься в него. Может быть, вы уже спустились в него незаметно, полагая, что спускаетесь в глубокую впадину материка. Если да и если вы сохранили еще силы и средства для передвижения, попробуйте проникнуть глубже и исследовать, насколько возможно, эту внутреннюю полость, не рискуя только без надобности своей жизнью.

Если эта задача почему-либо окажется непосильной, вернитесь назад, так как уже одно констатирование входа во внутреннюю полость Земли явится громадным открытием, а исследование полости может быть поручено новой экспедиции, снаряженной на основании приобретенного опыта. Как истинные учёные, вы, я уверен, будете рваться вперед, когда очутитесь на пороге великих и чудесных открытий. Но прошу вас, обсудите тщательно положение, взвесьте все «за» и «против» и поступайте наиболее разумно, чтобы не рисковать потерей уже достигнутого.

Может быть, вы разделитесь на две партии, из которых одна пойдет в глубь полости, а другая останется у входа, чтобы затем идти на выручку первой или доставить науке весть о чудесном открытии.

¹ Аномалии силы тяжести — неправильности в определенных величинах силы тяжести на земной поверхности, положительные и отрицательные, обусловленные строением земной коры.

Я глубоко скорблю, что судьба лишила меня возможности разделить ваши труды, лишения и открытия и что я вынужден ограничиться этим письмом. Если оно ничего не разъяснило вам, не считайтесь с ним. Во всяком случае желаю вам от души всяких успехов.

Н. И. Труханов

«Полярная звезда»
14 июня 1914 года.

Страна вечного света

С возрастающим интересом и изумлением все члены экспедиции слушали чтение письма ее организатора. Когда Каштанов кончил, на некоторое время воцарилось молчание.

Все обдумывали слышанное и старались применить его к объяснению всех странных фактов и явлений, наблюдавшихся в последние дни.

— Теперь у меня в голове прояснилось,— со вздохом облегчения сказал Боровой.— Я понимаю и это солнце в зените, и тепло, и мамонта с носорогом, и вечные туманы, и фокусы компаса. Только шалости барометра не могу еще объяснить себе как следует.

— Да, почти все понятно! — подтвердил Каштанов.— Я думаю, что спуск в отверстие земного шара начался с перевала через хребет Русский. Ледяной вал, очевидно, представляет самый край, место перегиба, миновав который мы очутились уже во внутренней полости и пошли вместо севера на юг, как правильно показал компас, хотя направления пути мы не изменили. Затем мы поднимались и перевалили через плоский ледяной хребет, спустились в него и очутились в тундре вблизи оконечности льдов, которые образуются из зимних снегов, наносимых в глубь полости. Мамонт, носорог, первобытный бык сохранились здесь благодаря равномерной, благоприятной для них температуре и отсутствию истребителя — человека...

— Да, мы только что вступили в эту внутреннюю полость и уже истребили трех обитателей ее,— заметил Громеко.

— Солнце, которое мы видим постоянно в зените,— это, очевидно, настоящее маленькое ядро земного шара, находящееся еще в раскаленном состоянии и да-

ющее свет и тепло внутренней поверхности толстой и совершенно отвердевшей оболочки, наружную сторону которой мы до сих пор только и знали. Теперь благодаря экспедиции Труханова мы можем ознакомиться хоть отчасти с этой внутренней поверхностью, которая представит нам, несомненно, чрезвычайно много интересного и неожиданного. Ведь на первых же шагах мы уже встретили представителей флоры и фауны, давно исчезнувших на наружной стороне.

— Нам следует окрестить эту новооткрытую страну, а то будем все говорить «внутренняя поверхность» да «внешняя поверхность». Это ведь уже не Земля Нансена! — заявил Макшеев.

— Да, она слишком обширна и от Земли Нансена отделена поясом льдов. Как же мы ее назовем? — спросил Громеко.

— В этой стране всегда господствует день. Центральное светило, скрытое в недрах нашей планеты, как бы соответствует представлениям древних народов о боже огня, таящемся под землей. Я предлагаю назвать светило Плутоном¹, а страну — Плутонией, — предложил Каштанов.

Были предложены еще другие названия, но после некоторого спора все согласились, что Плутония — наиболее подходящее.

— Теперь важный вопрос: удовольствуемся ли мы тем, что не только открыли отверстие, но и спустились в глубь его и осмотрели кусочек Плутонии? Не повернем ли назад, к «Полярной звезде», чтобы сообщить Труханову о блестящем подтверждении его выводов? Или же мы попытаемся проникнуть в глубь страны вечного света?

— Конечно, идем вперед! Вперед, пока есть силы и средства! У нас еще много времени! — послышались возгласы.

— И я так думаю, — продолжал Каштанов, — но как мы организуем дальнейшее исследование Плутонии?

— Я полагаю, — сказал Боровой, — что дальше вглубь, вдали от снегов и льдов, являющихся результатом проникновения холода и осадков с наружной стороны Земли, температура будет выше. Нарты, лыжи

¹ Древние греки называли бога подземного мира Плутоном.

и собаки будут для нас только обузой, и их нужно оставить здесь.

— Одних собак оставить нельзя. Значит, нужно последовать совету Труханова и отделить часть членов экспедиции — не менее двух человек, потому что кто же решится остаться в одиночестве надолго? Эти двое с собаками, нартами, лыжами и прочим лишним грузом будут ждать здесь, производить наблюдения в тундре и на краю льдов. А если остальные не вернутся к определенному сроку, они направятся назад на одной нарте, чтобы доставить на «Полярную звезду» отчет об открытиях и быть проводниками новой экспедиции, посланной для поисков пропавшей партии и для дальнейшего исследования Плутонии.

— Ну а как же пойдут через льды эти пропавшие, если они вернутся немного позже назначенного срока? — спросил Макшеев.

— Две нарты, лыжи и склад провизии должны быть оставлены на месте, на случай, о котором вы говорите. Запоздавшим придется идти без собак, тащить самим нарты, что не будет так затруднительно, потому что склады провизии, поставленные по всему пути, позволят сделать груз нарт минимальным.

Все согласились, что этот план наиболее целесообразен, но никому не хотелось остаться в тундре, так сказать, у порога таинственной страны. Приходилось решать вопрос, кто из членов экспедиции более необходим для путешествия вглубь. Таковыми явились прежде всего зоолог, ботаник и геолог, которым в тундре было мало работы; следовательно, Каштанов, Папочкин и Громеко должны были ехать. С другой стороны — Иголкин, единственный неученый член экспедиции, главной обязанностью которого был уход за собаками, естественно, осуждался на сидение в тундре. Таким образом, оставались еще Боровой и Макшеев, один из которых мог ехать.

Так как каждый из них великодушно уступал другому участие в поездке, соглашаясь остаться, то пришлось бросить жребий. Боровому достался билетик со словом «сидеть», а Макшееву — «ехать»

Обсуждение вопроса об организации партии, отправлявшейся в глубь Плутонии, заняло немало времени. Нужно было выбрать способ передвижения партии

и в зависимости от этого решить, что брать с собой. Даже отказавшись совершенно от консервов и рассчитывая добывать себе пропитание исключительно охотой, каждому из путешественников пришлось бы нести на себе порядочный груз, а на торные дороги, конечно, нельзя было рассчитывать.

— А что если мы возьмем часть собак и навьючим на них груз, хотя бедняжки к этому не приучены и в теплой стране будут чувствовать себя плохо,— сказал Громеко.

— Это проект малоисполнимый,— заметил Макшеев.— Мы рискуем линчиться этих животных, необходимых для обратного пути через льды. Я предложил бы воспользоваться силой более послушной и могучей, которая понесет не только наши вещи, но и нас самих.

— Какая же это сила? — воскликнули остальные.

— Сила воды. Глубокая речка, которую мы встретили сегодня и не могли пройти, течет ведь на юг, куда и нам нужно идти. А в нашем багаже есть две маленькие складные лодки, взятые для переправы через полыни при путешествии по льдам. Мы о них совсем забыли, потому что они до сих пор не понадобились. Каждая вмещает двух человек, сядем и поплыем. А когда начнутся леса, устроим плот, если лодки будут слишком нагружены, и будем плыть, пока река будет нести нас.

— Превосходный план! — воскликнул Каштанов.

— И легко, и удобно! Плыви да посматривай по сторонам и записывай, — восторгался Папочкин.

— Но только наш кругозор будет ограничен берегами реки, наверно, густо покрытыми растительностью, мы будем плыть в зеленом коридоре и ничего не увидим! — сказал Громеко.

— А кто же мешает нам останавливаться, выходить на берег, делать экскурсии, где будет интересно и нужно? Ночевать ведь тоже будем на берегу, — пояснил Макшеев.

— И эти экскурсии будем делать налегке, со свежими силами, без груза за спиной, будет свободнее! — сказал Папочкин.

— Лодка и плот позволят нам меньше стесняться в сборе коллекций. Нести все свои сборы на спине

и каждый день увеличивать этот груз было бы не очень легко,— отметил Каштанов.

— Наконец, лодка обеспечит нам большую безопасность от всяких зверей и гадов, живущих в лесах и болотах. Неизвестно, какие еще сюрпризы готовит нам эта таинственная страна, в глубь которой мы направляемся! — заявил Громеко.

— Словом, вы дали нам прекрасный совет, Яков Григорьевич, и заслужили общую благодарность,— заключил Каштанов.— Поэтому я предлагаю назвать реку, по которой мы поплыем, вашим именем. А теперь я бы предложил залечь в наши мешки или на них, потому что тепло, а завтра сделать экскурсию к мамонту и привезти на нартах шкуру, бивни и запас мяса сюда.

— Ведь мы же хотели перенести весь стан к мамонту? — напомнил Папочкин.

— Едва ли это будет лучше. Речка, по которой мы поплыем, течет в противоположной стороне, и удаляться от нее нет смысла. Кроме того, этот холм, на котором мы расположились, имеет много достоинств: он сухой, виден издалека, удален от края леса с разным зверьем, близок к льдам, обдувается ветром, что для собак имеет большое значение, когда станет еще теплее. С него видно далеко, легко заметить приближение каких-нибудь врагов.

— И он удобен для метеорологических и других наблюдений,— прибавил Боровой.— Мы здесь устроим настоящую станцию, и я надеюсь, что мои барометры начнут показывать изменения атмосферного давления.

Непрошеные могильщики

Часы показывали уже десять вечера, когда беседа наконец прервалась и все расположились на своих мешках и заснули.

Утром за завтраком обсуждали вопрос, кому идти к мамонту и стоит ли вообще ходить к нему, не лучше ли заняться приготовлениями к отъезду.

— Если бы мы были уверены, что встретим еще мамонтов, то не стоило бы идти к этому; он уже описан и сфотографирован. Но так как вскоре начнется лес, то возможно, что мы их больше не увидим, если

они живут только в тундре вдоль окраины льдов, — сказал Каштанов.

Таким образом, поездка к мамонту была решена, и в ней приняли участие четверо людей с тремя нартами и собаками.

При юрте остались Громуко, который хотел еще наблюдать перед отъездом весеннюю флору тундры вокруг холма, и Каштанов, собиравшийся раскопать склон этого холма, чтобы определить его состав. Этот одинокий холм среди тундры казался ему странным.

Партия отправилась под предводительством Папочкина, знавшего дорогу к месту охоты. По дороге застрелили несколько болотных птиц, бродивших по тундре вблизи речки, и очень странного зайца, похожего скорее на огромного тушканчика¹ и доставившего зоологу большую радость.

Туша мамонта виднелась вдали, подобно небольшому холму на ровной тундре. Когда приблизились к ней, Иголкин, обладавший более острым зрением, предупредил остальных, что вокруг трупа суетятся какие-то серые звери.

Оставив нарты на некотором расстоянии, охотники осторожно приближались к туше и вдруг остановились изумленные — суетившиеся звери исчезли, словно провалились в землю.

— Эх-ех! — воскликнул Папочкин, когда все подошли к концу к мамонту. — Смотрите-ка, тут кто-то похозяйничал со вчерашнего дня.

Казалось, что вокруг мамонта поработали огромные кроты: кучи земли с корнями кустов вышиной в метр были навалены вокруг туши, и задняя половина последней лежала в яме, почти не поднимаясь уже над поверхностью тундры.

— Кто бы это мог быть? — гадали охотники.

— Какие-то опытные могильщики! Мне кажется, что они собирались закопать всю тушу в землю, может быть, чтобы скрыть ее от волков или как запас пищи, — заметил Макшеев.

¹ Тушканчик — маленькое млекопитающее из отряда грызунов с очень короткой шеей, заячьей головой, большими ушами, длинными усами и очень длинным хвостом, очень короткими передними и длинными задними ногами. Живет в норах, в песчаной почве, питается луковицами и корнями.

Иголкин привел одну из собак, которая, понюхав разрытую землю, вдруг бросилась под брюхо мамонта и вытащила оттуда за ногу какого-то странного зверька, отчаянно отбивавшегося короткими лапами и хрюкавшего по-поросичьи. Его прикончили ножом, отняли у собаки и начали рассматривать. Оказалось, что он очень напоминал барсука и по форме тела, и по окраске.

Дальнейшие поиски обнаружили еще несколько подобных животных, притаившихся под тушей, которую они действительно намеревались закопать в землю, чтобы затем постепенно пожирать ее.

Работа этих непрошеных могильщиков сделала снятие шкуры со всего мамонта невозможным, и пришлось ограничиться только левой половиной тела. Затем исследовали внутренности, отрезали переднюю и заднюю ноги, вырубили один бивень, вынули глаз, половину мозга, язык и два зуба. Собак накормили на месте досыта. Несколько крупных кусков мяса от бедра и филе были также положены на нарты, после чего партия потащилась потихоньку назад. Могильщик, заяц и птицы составили зоологическую добычу этого дня, которым Папочкин мог быть вполне удовлетворен.

— Пусть могильщики закапывают остальное, — пошутил Боровой. — Когда у нас не хватит мяса для собак, мы еще раз приедем сюда с Иголкиным за провизией. А может быть, сделаем это и раньше, пока мясо не протухло.

— Тогда захватите с собой и череп, — попросил Папочкин. — Могильщики его, я думаю, хорошо очистят.

Приблизившись к юрте, охотники увидели, что Каптанов и Громеко заняты какой-то странной работой. Они вытаскивали из ямы, вырытой на склоне холма, глыбы какого-то белого камня и складывали их в кучу.

— Этот холм оказался настоящим кладом для нашей экспедиции, — объяснил Каптанов подошедшем товарищам. — Для исследования его состава я вырыл яму в полтора метра и на этой глубине наткнулся на сплошной чистый лед; в другом месте оказалось то же самое. Тогда мне пришла мысль вырыть в глубине холма камеру во льду, которая послужит прекрасным ледником для хранения провизии и шкур. Ведь мамонты

или носороги не каждый день будут прибегать к нам на ужин!

— Неужели весь холм ледяной и только сверху покрыт землей? — спросил Боровой.

— Думаю, что так! На севере Сибири попадаются такие ископаемые ледники. Это или большой зимний сугроб, случайно уцелевший, или часть отодвинувшейся назад ледяной массы. Она покрылась постепенно илом и песком ручьев, стекавших с ледника, а потому и сохранилась¹.

Это открытие Каштанова оказалось чрезвычайно ценным для партии, оставшейся на месте и получившей под самым своим жильем прекрасное хранилище для провизии.

— Мы устроим потом настоящую дверь и большую камеру в глубине, — заявил Боровой.

— А кроме того, выроем в другой части холма вторую пещеру во льду и будем держать там собак, когда станет очень жарко, — прибавил Иголкин.

Разгрузив нарты, все стали помогать Каштанову и Громеко в устройстве помещения, достаточного для хранения всех привезенных частей мамонта и остатков туши носорога. Когда оно было окончено и наполнено, вход в него заложили глыбами льда и загородили лыжами и нартами, чтобы собаки не могли добраться до провизии.

На следующее утро занялись приготовлениями к отъезду. Рассортировали весь багаж. Консервы, спирт, юколу поместили в ледник, нагрузили нарты лодками и снаряжением, необходимым для путешествия в глубь Плутонии. Пообедали в последний раз вместе и двинулись к речке Макшеева, простившись с Боровым, который остался караулить юрту и склад. Иголкин с нартами должен был вернуться к вечеру назад. В плавание решили взять одну собаку в качестве карапульщика; выбрали Генерала. Его остригли, чтобы он меньше страдал от жары, и пухистый пес получил такой курьезный вид, что никто не мог удержаться от смеха. На голове у него был оставлен чуб, на верхней

¹ Холм, очевидно, состоял из ископаемого льда, сохранившегося благодаря вечной мерзлоте на небольшой глубине. Подобные ископаемые льды встречаются нередко на севере Сибири, особенно вблизи берегов Ледовитого океана.

части ног — баxрома и на кончике хвоста — кисточка. Макшеев, который его стриг, заявил, что эти украшения оставляются для того, чтобы собака своим странным видом пугала хищников, с которыми придется встречаться.

Достигнув берега речки, которая имела до шести метров ширины и от одного до двух метров глубины, спустили лодки в воду и уселись в каждую по двое: один — на руле, другой — на веслах. Генерал занял место на носу передней лодки, в которой поместились Макшеев и Громеко. Смешная морда Генерала с большими торчащими ушами и чубом между ними поднималась над бортом.

Иголкин оставался на берегу, пока обе лодки, быстро скользившие вниз по течению, не исчезли вдали. На юрте, которая чуть виднелась на горизонте, Боровой поднял белый флаг. Экспедиция, дружно несшая до сих пор все труды, разделилась, и четыре ее участника поплыли в глубь таинственной страны. Вернутся ли они назад, и если вернутся, то когда, все ли и как?

Вниз по реке Макшеева

Быстро скользили обе лодки вниз по темной воде, спешившей с легкими всплесками на юг между низкими берегами, с которых свешивались кустики полярной ивы, покрытые свежими листочками. По берегам в обе стороны расстилалась та же ровная тундра с приземистым кустарником, и по-прежнему дул попутный ветер, который путешественники теперь правильно определили как северный, стремившийся со льдов холодного отверстия, с наружной поверхности планеты в ее внутреннюю, теплую полость. По-прежнему туман клубился, то скрывая, то открывая красноватое светило, стоявшее неподвижно в зените. Температура достигала $+12^{\circ}$, и туман изредка разряжался мелким дождиком, впрочем быстро прекращавшимся.

Лодки плыли со скоростью до восьми километров в час. Сидевшие на руле вели съемку, отмечая направление всех извилин речки. Проплыв двадцать пять километров, остановились на ночлег.

Небольшая экскурсия по берегу показала, что в тундре кусты поднимались выше и кое-где к ним приме-

шивалась низкорослая лиственница, образуя вместе с ивой и березой небольшие, но очень густые рощицы. Среди кустов были протоптаны узкие тропинки, приводившие к берегу реки и, очевидно, служившие животным для ходьбы на водопой.

Ночь провели впервые в палатке и без спальных мешков.

— Этот постоянный свет,— сказал Макшеев, укладываясь спать,— совершенно нарушает наши привычки и представления. Говоришь «утро», «полдень», «вечер» — гляди на свои часы, а солнце все время стоит в зените и греет одинаково, как будто издеваясь над нашей терминологией.

Ночь, или время отдыха, прошла спокойно.

За второй день проплыли полсотни километров и остановились рано, чтобы сделать более продолжительную экскурсию в сторону от речки. Берега ее были покрыты уже более высокими кустами и отдельными деревьями, образовавшими зеленые стены, совершенно ограничивавшие кругозор путешественников.

После обеда Громеко остался у палатки собирать растения, Макшеев с Генералом отправился на запад, а Каштанов и Папочкин — на восток, пользуясь звериными тропами, проложенными через чащу кустов, превышавших уже рост человека. Местами на почве видны были следы различных животных, среди которых зоолог узнал следы мамонта, носорога, крупных и мелких двукопытных, один вид однокопытных. Иногда попадались отпечатки мягких лап хищников различной величины. При взгляде на некоторые из них оба исследователя почувствовали, как у них по спине прошел холодок. Эти следы имели около двадцати сантиметров в длину, а когти, которыми оканчивались пальцы, вдавились в землю на четыре сантиметра. По форме следа зоолог решил, что он принадлежит медведю огромной величины.

— Это, вероятно, пещерный медведь, современник мамонта,— заметил Каштанов.— Он крупнее всех известных нам представителей этого семейства.

— А он не охотится на пещерных людей? — спросил Папочкин.

— Кости, когти и зубы этого медведя, обработанные пещерным человеком, иногда попадались,— отве-

тил геолог.— Но я не знаю, попадались ли кости и черепа этого человека, обработанные медведем!

— Во всяком случае с ним лучше не встречаться!

— С таким интересным зверем да не встречаться! Наши предки, вооруженные только дубинами и каменными топорами, одолевали его, а мы, обладая современными ружьями и разрывными пулями, будем его бояться? Это было бы позорно!..

В стороне от реки исследователи вышли на обширную поляну, поросшую густой, но низкой травой, среди которой пестрели различные цветы.

Остановившись среди кустов на опушке, путешественники увидели, что на поляне пасутся порознь и стадами различные млекопитающие, среди которых сразу можно было различить породы, исчезнувшие на поверхности земли: здесь были черные первобытные быки с огромными рогами и горбами, исполинские олени с рогами соответствующих размеров, дикие лошади небольшого роста с косматой шерстью, скудным хвостом и короткой гривой. Пара носорогов уткнулась головами в кусты, а несколько мамонтов стояли небольшой группой и в такт размахивали головами и хоботами, вероятно отгоняя докучливых насекомых. Последних, именно комаров, слепней и мошек, появилось уже довольно много.

Насмотревшись на мирную картину пастбища «живых окаменелостей», Каштанов и Папочкин решили подойти ближе, чтобы сфотографировать некоторых животных. Вдоль опушки они подкрались ползком сначала к группе быков, затем к двум носорогам, которые были сняты в тот момент, когда они играли, неуклюже прыгая друг на друга. Носороги скрецивали свои рога, словно исполинские сабли, вытащивали траву своими тумбообразными ногами и взрывали почву.

На очереди были мамонты, стоявшие ближе к центру поляны. Но прежде чем охотники успели подкрасться к ним достаточно близко, в противоположном конце поляны, где паслись олени, произошло замешательство: животные внезапно подняли головы, прислушались и сразу пустились бежать, очевидно испуганные каким-то невиданным, но, несомненно, страшным врагом. Олени пробежали мимо мамонтов, которые в свою очередь встревожились и побежали тяжелой

рысью, подняв хоботы. И олени и мамонты бежали прямо в сторону притаившихся охотников.

— Когда олени будут шагах в ста от нас, стреляйте в переднего,— быстро проговорил Каштанов.— Я сфотографирую их, когда они остановятся на мгновение, а затем также выстрелю, не то нас могут растоптать.

Папочкин подготовил ружье, и, когда передовой громадный олень с высоко поднятой головой и тревожно раздутыми ноздрями подбежал достаточно близко, раздался выстрел. Пораженный в грудь, олень с размаху упал на колени, а остальные, напирая друг на друга, остановились кучей, вытянув головы.

В это время Каштанов успел снять эту интересную группу, передал аппарат зоологу и свою очередь выстрелил в другого оленя, повернувшегося к нему левым боком. Животное сделало прыжок вперед и рухнуло на землю, остальные круто повернули вправо и побежали вдоль опушки.

Мамонты, бежавшие позади оленей, в это время приблизились и остановились перед обеими жертвами охотников. Папочкин успел за это время зарядить оба ружья, а Каштанов сфотографировал группу мамонтов.

— Стрелять, что ли? — спросил зоолог дрожавшим от волнения голосом.

— Зачем? Запас мяса у нас теперь достаточный, а мамонта мы уже изучили в тундре. Будем стрелять только в том случае, если они бросятся на нас.

Между тем животные стояли на месте, помахивая хоботами, и словно совещались друг с другом. Их было шесть, в том числе два подростка с небольшими бивнями и более короткой шерстью. Они скоро успокоились и начали играть друг с другом и развеситься вокруг старых, издававших время от времени тревожный рев. Наконец старый самец повернул вправо, и все стадо последовало за ним вдоль опушки поляны, на которой остались еще только два носорога.

— Кто же напугал мирных травоядных? — спросил Каштанов.— Уж не пещерный ли медведь?

— Или какое-нибудь еще более страшное ископаемое животное из вашего палеонтологического зверинца!

— Кто знает! Но нам, я думаю, лучше не идти в тот конец поляны, потому что зверь может броситься на

нас так внезапно из чащи, что мы не успеем даже выстрелить.

— Ну тогда займемся оленями, их нужно обмерить, освежевать и тащить к лодкам.

Олени, застреленные охотниками, принадлежали к исполинскому виду, исчезнувшему на поверхности земли, где он также был современником мамонта, первобытного быка, пещерного медведя.

Сняв обе шкуры, охотники отрубили задние ноги меньшего оленя и потащились, тяжело нагруженные, к речке, рассчитывая еще раз вернуться за мясом, если их товарищи окажутся менее счастливыми и если неизвестный хищник, бродивший, наверное, вблизи поляны, оставит им еще что-нибудь.

Охота на охотника

На месте стоянки они застали Громеко, дожидавшегося их прихода с нетерпением. Он обошел окрестности стоянки, набрал растений, оципал и поставил вариться к ужину гусь, застреленного утром. Внезапно прибежал Генерал, один, без спутника. На шее собаки оказалась записочка, привязанная бечевкой и посланная Макшеевым, который писал:

«Я застрелил крупного хищника, которого не в силах притянуть к палатке. Нужно, чтобы Семен Семенович пришел ко мне осмотреть добычу на месте. Генерал знает дорогу, а на всякий случай прилагаю свой маршрут».

На обороте был набросан карандашом путь, проходимый охотником, с указанием направлений и расстояний в шагах.

Отдохнув немного, Папочкин и Громеко отправились искать Макшеева. Генерал вел их хорошо, но на разветвлениях тропы нередко останавливался в нерешительности, и в этом случае выручала записка, на которой все перекрестья были обозначены. Охотники шли быстро в течение получаса и уже были недалеко от того места, где находился их товарищ, когда оттуда раздались один за другим два выстрела. Генерал с громким лаем бросился вперед, охотники поспешили за ним, опасаясь, что Макшееву грозит беда.

Вскоре они достигли большой поляны, среди которой возвышалась группа кустов и деревьев. Возле нее они заметили желтоватую массу, над которой виднелась голова Макшеева; впереди же на поляне бегало более десятка красно-бурых зверей, в которых нетрудно было узнать волков.

Генерал остановился на краю поляны, не решаясь нападать при таком явном неравенстве сил.

Заметив вышедших на поляну охотников, волки начали отходить в сторону, а Макшеев крикнул:

— Пустите в них пару зарядов дроби, если у вас двустволка, мне жаль тратить разрывные пули.

Громеко поспешил зарядил дробью свою двустволку и пустил один за другим два выстрела в стаю. Волки побежали к кустам, преследуемые Генералом, который по пути прикончил одного из упавших. Охотники подошли к Макшееву и услышали следующий рассказ:

— Достигнув этой поляны, я остановился на опушке, потому что собака стала ворчать и вздрагивать. На поляне я заметил позади этой рощицы несколько пасшихся оленей и решил поохотиться за ними, потому что подобных зверей мы еще не добывали. Я начал подкрадываться по кустам вдоль опушки и вдруг, поравнявшись с рощицей, заметил крупного желтого зверя, также подстерегавшего олесей,— он подбирался к ним из-за рощицы... Я подумал, что эта дичь еще интереснее оленей, и начал уже следить за ней, спрятавшись в кустах на расстоянии всего сотни шагов. Желтый зверь, увлеченный выслеживанием оленей, не замечал меня или же не удостоил своим вниманием двуногое существо, впервые попавшееся ему на глаза. Подкравшись к самой рощице, он поднялся во весь рост, хищно высматривая себе жертву через кусты, которые отделяли его от мирно пасшихся и ничего не подозревавших оленей. Теперь я увидел на светлых боках хищника темные полосы и узнал в нем крупного тигра.

Он стоял ко мне левым боком в великолепной позе, и я поторопился выстрелить в него разрывной пулей, которая уложила его на месте.

Олени, испуганные выстрелом, помчались мимо рощицы, увидели бившегося еще тигра и круто повернули от него прямо на меня. Я едва успел отскочить в сторону. Это были великолепные животные — один

старый самец с огромными рогами, несколько коров и телят.

Сначала я хотел ободрать тигра сам, но, рассмотрев его, убедился, что он принадлежит к какой-то необычайной породе, вероятно также вымершей там, наверху. Поэтому я подумал, что лучше вызвать зоолога. Хотел было идти сам, но боялся, что какой-нибудь хищник увидит труп и попортит шкуру. Вот почему я додгался послать Генерала, который великолепно исполнил поручение. И хорошо, что я не ушел с поляны, потому что вскоре послышался вой волка — одного, другого, и постепенно на поляне собрался целый десяток. Видя меня возле мертвого зверя, они сначала боялись приблизиться, но потом обнаглели так, что я вынужден был потратить на них пару зарядов.

Зверь, убитый Макшеевым, имел бело-желтую шерсть с темно-буровой полосой вдоль спины и несколькими полосами того же цвета на боках, которые и придавали ему сходство с тигром; но форма головы и тела, куцый хвост и устройство лап заставили зоолога восхлиknуть:

— Это не тигр, а какой-то медведь!

Макшеев был несколько разочарован, но, осмотрев зверя внимательнее, должен был согласиться, что только бурые полосы составляли его сходство с самым свирепым представителем кошачьего семейства, а все остальные признаки указывали на медведя.

— Вероятно, это пещерный медведь, современник мамонта, который до сих пор известен только по частям скелета, — пояснил Папочкин. — Это гораздо интереснее простого тигра.

После обмера с зверя сняли шкуру и унесли ее с собой, а также череп и заднюю ногу.

Ужин в этот день был отменный: похлебка из гуся с диким луком, шашлык из оленины и ломтики медвежатины. Впрочем, последние из-за резкого запаха не всем понравились.

В этот день туман был уже менее густой, и Плутон светил через тонкую дымку паров, изредка только совершенно заволакиваясь; температура держалась $+13^{\circ}$, ветер был немного слабее.

— Я думаю, — заметил Громеко, — что через

день-другой тумана не будет, и мы увидим наконец цвет неба Плутонии.

Время отдыха нарушалось только отдаленным воем волков, вероятно пировавших на полянах над трупами оленей, медведя и собственных товарищей. На эти звуки даже Генерал не обращал внимания, лежа у входа в палатку, где дымокур спасал его от назойливых насекомых.

Затем поплыли дальше. Речка сделалась шире и глубже; тяжело нагруженные лодки уже не рисковали задеть кормой за берег или уткнуться в него носом при крутых поворотах русла.

Берега были покрыты сплошной стеной разнообразных кустарников, достигавших уже четырех метров высоты: несколько пород ивы, верба, черемуха, боярышник, шиповник тесно переплетались друг с другом, а над ними местами поднимались вершины белых берез и лиственниц. Термометр показывал +14°, туман только изредка застилал все небо, а большей частью плыл на порядочной высоте подобно большим, но редким и бесформенным облакам, сквозь которые сильно просвечивал красноватый Плутон.

— Туман, вероятно, скоро кончится, — сказал Макшеев, взявший на себя ведение метеорологических наблюдений. — Но кончатся ли эти зеленые стены, кроме которых мы с лодки не видим ровно ничего?

— Если бы мы тащились тяжело нагруженные по чаще леса, то видели бы немногим больше, а быстрота движения была бы несравненно меньше! — заметил Громеко, который, как ботаник, всего больше интересовался этими зелеными стенами.

Во время обеденной стоянки на маленькой чистой площадке Каштанов и Громеко отправились в короткую экскурсию в лес, Папочкин занялся ловлей рыбы, а Макшеев полез на дерево, возвышавшееся немного над остальными. Вернувшись, он сказал зоологу:

— Скоро местность переменится. Вдали видны плоские высоты с обширными безлесными полянами, и наша речка бежит прямо к ним.

— А вблизи что видно?

— Вблизи только сплошной лес во все стороны, море зеленое без полян.

— Наши товарищи, очевидно, скоро вернутся, если везде такая чаща.

Через час ушедшие вернулись почти ни с чем; они шли все время по тропе между зелеными стенами, набрали немного растений, видели мелких птиц, слышали разные шорохи в чащце, но полян не встретили. Зоолог, оставшийся у речки, оказался более счастливым: на удочку попалось несколько крупных рыб, похожих на сибирского муксунна, и огромная зеленая лягушка, достигавшая тридцати сантиметров в длину.

Отдохнув, поплыли дальше. Часа через два на правом берегу речки показался довольно высокий холм, потом другой, третий; но они были еще покрыты сплошным лесом, состоявшим уже из деревьев умеренного пояса: липы, клена, вяза, бук, ясения, дуба; в долинах между холмами темнели ели и пихты. Ветви деревьев, оплетенные плющом, хмелем, диким виноградом, выонками, местами свешивались над водой. В зеленой чащце щебетали и пели птицы; по временам замечали белок и бурундуков¹, прыгавших с ветки на ветку.

— Во время вечерней экскурсии увидим кое-что новое, — заметил Громеко. — Растительность изменилась и свидетельствует о более теплом климате этих мест.

— Несомненно! — сказал зоолог. — Вчера я чувствовал себя еще на севере Сибири, а сегодня природа напоминает мне мои родные места — юг России.

— Не наткнемся ли мы сегодня уже на настоящих тигров? — предположил Макшеев.

— Пожалуй, правильнее будет не делиться на партии, а идти всем вместе, чтобы лучше отражать опасности, — предложил Каштанов.

Холмы постепенно становились выше, так что их можно было назвать даже горками; их северные склоны были покрыты густым лиственным лесом, тогда как южные представляли поляны с отдельными деревьями и кустами, кое-где как будто виднелись скалы, возбуждавшие громадный интерес геолога.

— Ну сегодня и геология получит кое-что! — воскликнул Макшеев.

¹ Бурундук — зверек из отряда грызунов, похожий на белку, отличается от нее меньшей величиной и более светлой желтой шерстью с продольными черными полосами по бокам, а также менее густым хвостом. Живет в лесах Сибири, в норах под корнями деревьев, почему его называют также земляной белкой.

— Давно пора; мой молоток соскучился по работе. Ведь единственный холм в тундре обманул его ожидания! — смеялся Каштанов.

— А потому остановимся на ночлег, — предложил Громеко, — мы сегодня проплыли около ста километров.

Приключения на холме

Место стоянки выбрали близ подножия высокого холма, отделенного от правого берега реки неширокой полосой высокоствольного леса. Подкрепившись чаем и закуской, отправились вчетвером к холму. У палатки оставили Генерала, привязанного на длинной веревке к дереву.

Через лес нашли тропу, вине которой чаща подлеска была так густа, что без топора нельзя было бы подвигнуться ни на шаг — разнообразные кусты и выющиеся растения сплетались в сплошную зеленую массу, окаймлявшую тропу с обеих сторон. Через зеленый свод над головами пробивались только отдельные лучи красноватого света.

Охотники подвигались друг за другом молча, с ружьями наготове, посматривая то вперед, то вверх на деревья, где могли висцапно показаться интересная добыча или опасный враг. Но, кроме мелких птиц и белок, не видно было никого.

До склона холма дошли без помехи и начали подниматься на него. Трава оказалась не выше колен, и Громеко, отставая от прочих, увлекся сбором растений.

Пока зоолог осматривал и описывал убитую им большую змею, Каштанов с трудом отбил образчик породы. Это была какая-то странная, очень вязкая порода желто-зеленого цвета с мелкими вкраплениями серебристо-белого металла; рассмотрев ее в лупу, геолог воскликнул с удивлением.

— Знаете ли, из чего состоят эти скалы? Они имеют такой же состав, как и аэролиты¹ из ряда мезосиде-

¹ Аэролиты, или метеориты, — железные или каменные массы, выпадающие из мирового пространства на Землю в виде кусков разной величины, оплавленных с поверхности ввиду того, что они раскаляются при быстром полете через атмосферу. Они состоят из железа с никелем и другими, более легкими минералами.

ритов, полужелезных, с оливиновой основной массой и включением никелевого железа.

— Что это значит? — спросил Макшеев.

— А это значит, что гипотезы геологов о составе более глубоких частей земной коры оправдываются. Мы, очевидно, находимся в пределах так называемого оливинового пояса¹ — пояса тяжелых каменных пород, богатых железом и по составу оказывающихся тождественными с каменными метеоритами, которые падают на нашу Землю из межпланетного пространства, представляя осколки мелких планет. Нужно думать, что мы встретим еще сплошные металлические горные породы.

Когда подошел Громеко, набравший целый спон разных растений, стали подыматься выше по склону, осторожно ступая по траве, в которой могли скрываться ядовитые пресмыкающиеся. Иногда по сторонам действительно слышалось шуршание, удалявшееся от путешественников, которые не имели желания преследовать беглецов.

На вершине холма тянулась скалистая гряда, и на скалах грелись на солнце многочисленные крупные ящерицы желто-зеленого цвета с темными пятнами, до того похожие на выступы камня, что Каштанов даже схватил одну из них рукой, но поплатился болью укушенного пальца. После этого он сначала пробовал молотком все подобные выступы, боясь ошибиться еще раз.

Северный склон холма, обращенный в сторону влажных ветров, был покрыт густым лесом, проникнуть в глубь которого без топора было трудно. Южный склон, осмотренный охотниками, представлял луг с отдельными деревьями. С вершины холма можно было обозреть местность на далекое расстояние: на юг, воссток и запад уходили подобные же или более высокие холмы до горизонта, на север же они понижались и разбегались, и в этой стороне вдали, на равнине вид-

¹ Оливиновый пояс, предполагаемый учеными-геофизиками, залегает на значительной глубине под толщей более легких пород земной коры; он состоит из более тяжелых минералов (в том числе — в большом количестве — минерала оливина) и отделяет легкие поверхностные слои от металлического ядра Земли.

на была сплошная полоса лесов, местами только разорванных серебристыми лентами рек.

Охотники сидели на вершине холма, рассматривая даль, когда из леса, оканчивавшегося на северном склоне в нескольких метрах ниже гребня, показалось стадо диких свиней. Передний кабан с высокой щетиной вдоль хребта, с громадными белыми клыками остановился и поднял голову со злобно сверкающими глазами; его пятак вытягивался и втягивался, нюхая воздух. За ним столпились свиньи и поросенок разного возраста. Эти многокопытные по внешности отличались от знакомых зоологу диких свиней разве только более крупными размерами.

— Ну вот и ужин сам пришел к нам! — сказал Макшеев. — Я думаю, что дикий поросенок на вертеле должен быть очень вкусным.

— Особенной нужды в мясе нет, — ответил Громеко, заведовавший провизией. — У нас есть еще оленина.

— Но иметь запас не мешает, охота не всегда бывает удачна.

— А вы знаете, что стрелять свиней небезопасно, — предупредил Папочкин, — разъяренный кабан — страшный противник.

— Поднимемся выше на скалы, куда они не могут взобраться, и подстрелим пару поросят, — предложил Каштанов.

Взобрались на самый гребень; Макшеев заложил патрон с картечью и выстрелил в поросят. Стадо, за исключением трех поросят, забившихся в траве, шарахнулось в разные стороны; но затем вожак и свиньи подбежали к скале и стали кружиться вокруг ее подножия, делая тщетные попытки вскочить на гладкие уступы, что увеличило ярость животных. Благодаря этой осаде охотники могли рассмотреть свиней на самом близком расстоянии. Когда любознательность зоолога была удовлетворена, возник вопрос, что делать дальше.

— Ведь они могут продержать нас здесь целые сутки! Корм у них под носом, а у нас нет, да и сидеть неудобно, — заявил Каштанов. — Придется отгонять их выстрелами.

В это время Макшеев, давно уже наблюдавший опушку леса, воскликнул:

— К нам или к кабанам вдоль опушки подкрадывается крупный зверь: я вижу только его желтую спину.

— Где, где он?

— Вот там сейчас была видна спина, перед тем кустом, который выдвинулся на поляну, следите теперь правее куста.

Все устремили взоры на указанный куст, и действительно, правее его показалась буро-желтая, медленно двигавшаяся масса, на которой можно было различить более темные поперечные полосы.

— Опять медведь? — предположил Макшеев.

— А может быть, на этот раз окажется тигр, — сказал Папочкин. — Он крадется по-кошачьи.

— Я думаю, пора стрелять, — заявил Каштанов.

— В кого же стрелять, в зверя или в кабанов?

— Лучше в кабанов. Если они побегут в лес, они наткнутся прямо на хищника, и он займется их преследованием. Если они повернут в другую сторону, он переменит свою позу, и мы сможем лучше рассмотреть его или подстрелить, когда он станет удобнее. А сейчас видна только脊на, и выстрел будет неверный.

— Дадим по кабанам сначала один выстрел, а три ружья пусть следят за хищником.

Зоолог, сидевший на выступе скалы, прицелился в вожака, когда последний вскочил передними ногами на уступ, стараясь достать клыками сапог Макшеева. Выстрел на близком расстоянии сразу свалил кабана, остальные испугались и бросились бежать к лесу. Когда они почти достигли опушки, слева от них быстро взвилось буро-желтое тело хищника и настигло кабанов прыжком в несколько метров длины. Двое из них забились под лапами врага, остальные с визгом скрылись в лесу.

— Это не медведь, а тигр! — воскликнул Папочкин, наблюдавший хищника во время его прыжка.

— Конечно, — подтвердил Каштанов, — по-видимому, из породы сабельных, судя по огромным клыкам верхней челюсти. Эта порода имела большое распространение в третичный период, но в конце его, вероятно, исчезла.

— Этот уйдет от нас, к сожалению. Смотрите, он потащил свою добычу в лес, должно быть, чувствует, что наше соседство небезопасно! — вскричал Макшеев.

— Ну и пусть — сегодня у нас достаточно материала, — сказал Папочкин, занявшийся обмером убитого кабана. — Потасим мы этого дьявола тоже к лодке или ограничимся порослями?

— Если он жирен, то сало не мешало бы захватить, — заметил Громеко. — Тогда можно будет жарить мясо на сковороде. Ну вы кончайте с ним, а я пособираю еще растений.

Летчик поневоле

Каштанов занялся опять изучением скал, Макшеев и зоолог принялись за кабана и порослят, а Громеко перевалил на южный склон холма и медленно спускался вниз, увлекаясь сбором растений, среди которых находил много новых видов и родов. Вдруг по холму промелькнула огромная тень, словно от тучки, заслонившей солнце; зоолог и его помощник вздрогнули и подняли головы. Они увидели темную птицу огромной величины, похожую на орла, которая кружила над поляной.

Внезапно она сделала резкий нырок вниз, схватила наклонившегося ботаника за спину и понесла его. Но ноша оказалась слишком тяжелой даже для этого сильного пернатого. Усиленно махая крыльями, птица летела на высоте всего четырех метров, не будучи в состоянии подняться выше, но и не желая бросить свою добычу, повисшую беспомощно в ее когтях.

Папочкин и Макшеев схватили ружья, но первый тотчас же опустил свое со словами:

— У меня патрон с картечью, и я могу поранить его.

Макшеев, зарядивший ружье пулей, назначавшейся для тигра, прицелился и выстрелил, когда птица поравнялась с ним. Она нырнула вниз, выпустила ботаника и, пролетев немного, рухнула на скалы.

Охотники побежали к Громеко, лежавшему без сознания на склоне, лицом вниз. Его толстая вязаная куртка была изорвана когтями птицы, но благодаря тому, что она не обтягивала тело, а лежала свободными складками, когти захватили только ее и лишь сильно расцарапали тело. Ботаника привели в чувство, перевязали раны, и, когда он пришел в себя, Папочкин и Мак-

шеев полезли на гребень холма за птицей. Это был гриф¹ невиданной величины, достигавший более четырех метров в размахе крыльев и почти полутора метров от конца хвоста до клюва; оперение было темно-буровое сверху и светло-буровое с темными полосками снизу. Вокруг почти голой шеи красовался большой воротник из грязно-белых перьев, а в начале огромного клюва поднимался большой желтый нарост.

Такая птица могла свободно унести барана, козу, небольшую свинью, но человек в семьдесят килограммов весом был для нее непосильной ношей, и она, очевидно, ошиблась, приняв ботаника за бурое четвероногое, бродившее по траве.

Грифа обмерили и сфотографировали с распластертыми крыльями на скале, куда поднялся и Громеко, чтобы рассмотреть своего обидчика. Он объяснил товарищам, что, когда птица внезапно вцепилась ему в спину, больно ударив с размаха своим телом, он подумал, что сделался жертвой тигра, и лишился сознания.

— Не вернемся ли мы теперь к стоянке? — сказал Папочкин. — Сегодня мы уже подверглись нападению кабанов, грифа, видели близко тигра — не довольно ли искушать судьбу?

Все устали от ходьбы и волнений и с удовольствием отправились назад, нагруженные поросятами, окороками и жирными боками кабана, горными породами и растениями.

Приближаясь уже к палатке, охотники услышали неистовый лай Генерала и поспешили к нему на помощь. Выбежав на лужайку речного берега, они увидели, что собака лает из-за палатки, а наполовину в воде, наполовину на суще стоит огромный гиппопотам. Чудовище, очевидно, хотело попасть или повалиться на лужайке, но было озадачено шумом, который подняла собака. Гиппопотам тупо смотрел на этого невиданного беспокойного зверя своими маленькими глазками и временем разевал свою ужасную пасть с редкими длинными зубами и огромным розоватым языком. При ви-

¹ Грифы — крупные хищные птицы, похожие на орлов, но имеющие почти голую голову и шею, окруженную воротником из перьев. Водятся в более теплых странах и питаются преимущественно падалью, которую видят с высоты на огромном расстоянии.

де этой пасти Генерал начинал выть и визжать от страха.

Заметив людей, выбежавших на лужайку, чудовище неуклюже повернулось передом тела, мягко бухнулось в воду и поплыло вниз по реке, выставляя широкую жирную спину с мелкими бородавками.

— Хорошо, что мы вернулись домой,— заявил Громуко, отвязывая Генерала.— Это чудовище могло бы нам натворить неприятностей: изорвать палатку, перетоптать все вещи и утопить или продырявить лодки.

— А целы ли еще лодки? — воскликнул Макшеев и побежал к берегу, откуда сейчас же крикнул:

— Одна на месте, а другая исчезла! Не оборвал ли этот урод ее причал?

— Нужно погнаться за ней сейчас, пока она не уплыла далеко! — вскричал Каштанов, также подбежавший к берегу.

Оба сели в оставшуюся лодку, захватив на всякий случай ружья, и поплыли вниз по течению: вскоре они увидели беглянку, которая, вместо того чтобы плыть спокойно вниз, вертелась на одном месте посреди реки. Они быстро приблизились, и Каштанов хотел уже зацепить ее багром, но лодка внезапно, точно живая, отпрянула в сторону и понеслась дальше, но гораздо быстрее течения. Пришлось опять гнаться; Макшеев греб изо всех сил, а Каштанов стоял с багром в руках.

— Да ее кто-то тащит! — воскликнул он, когда лодка, бывшая опять совсем близко, снова начала отдаляться толчками.

— Не подцепил ли ее гиппопотам? Он мог запутаться ногой или захватить зубами причал.

— Он и есть! — вскричал Каштанов, заметивший теперь впереди лодки широкую спину и голову животного, всплывшего подышать.

— Если мы будем стрелять в эту тушу, он поплынет еще быстрее или утащит лодку на дно.

— Остается догнать ее и перерезать веревку, иначе мы не освободим лодку.

Макшеев опять налег на весла. Вскоре ему удалось зацепить беглянку багром и подтянуться вдоль нее к ее носу, плывя на буксире у гиппопотама. Каштанов бы-

стро перерезал туго натянутую веревку, конец которой сразу исчез под водой.

— Еще бы немного, и я бы выбился из сил,— сказал Макшеев, переводя дух после гонки.— Если бы не жаль было заряда, следовало бы пустить этому уроду пулю в спину за такие шутки.

— Мы уплыли далеко от палатки,— заметил Каштанов.— Теперь придется грести против течения. Давайте я сяду на весла, а вы отдыхайте.

Переменились местами, взяли на буксир пойманную лодку и потянулись вверх по воде.

— Глубокой стала наша речка,— сказал Макшеев, пытавшийся подталкивать лодку багром, но не доставший дна, которое было на глубине двух метров.— Недаром в ней появились такие крупные животные. Теперь нам ради предосторожности придется вытаскивать лодки на ночь и во время экскурсий на берег.

Тихо подвигаясь вверх по реке, обе лодки плыли по темной воде между двумя зелеными стенами кустов и деревьев, образовавших непроницаемую чашу. Иные кусты, подмытые рекой, наклонились и спускали свои ветки в воду. На крупных ярко-красных цветах какого-то незнакомого вьющегося растения качались красивые большие бабочки и жужжали пчелы.

Вода журчала под носом лодок, весла мерно плескали, из чащи доносилось щебетание и пение птиц. Макшеев склонился над бортом и смотрел в воду, следя за рыбами, которые местами появлялись и исчезали в глубине.

— Как хороша здесь природа, если наблюдать ее с лодки,— промолвил он.— А сойдешь на берег — не проберешься через чащу, не ступишь ни шагу, не наtkнешься на какого-нибудь ядовитого или хищного зверя. Просто трудно поверить, что после многодневной борьбы со льдами, туманами и метелями мы плывем по реке, текущей по внутренней поверхности нашей земли. И так близко от этих льдов природа, напоминающая девственные леса Африки или Южной Америки. Интересно бы знать, под какой широтой Северной Америки мы сейчас находимся.

— Это нетрудно определить, если проложить на карту наш маршрут, начиная от ледяного вала. Я ду-

маю, что мы еще только под морем Бофора, под очень высокими широтами или в лучшем случае под тундрой северного берега Аляски. Там чертовский холод, льды, белые медведи, а здесь пышная растительность, тигры, гиппопотамы, змеи.

В это время Макшеев увидел в воде ясное отражение солнца, быстро поднял голову и воскликнул:

— Ба, красное солнышко наконец показалось на чистом небе, смотрите-ка!

Путешественники, привыкшие видеть Плутона только сквозь более или менее густую пелену тумана или облаков, еще не имели представления о цвете неба и настоящем виде этого светящегося ядра Земли. Теперь же эта пелена разрывалась, образуя кучевые облака, в промежутках между которыми видно было чистое небо, но не голубое, как над внешней поверхностью Земли, а темно-синее.

В зените стоял Плутон, диаметр которого казался немного больше видимого солнечного.

Это подземное, или «внутриземное», светило в общем напоминало солнце, светящее перед закатом или вскоре после восхода через толстый слой атмосферы. На его диске можно было различить довольно много темных пятен различной величины.

— Это центральное светило, или настоящее ядро нашей Земли, находится уже в последней стадии своего горения, представляя потухающую красную звезду. Еще немного — и оно потухнет! На внутренней поверхности воцарится мрак и холод, и вся эта пышная жизнь постепенно погибнет,— сказал Каштанов.

— Хорошо, что мы успели забраться сюда и изучаем ее! — воскликнул Макшеев.— Немного позже нам бы пришлось вернуться вспять, мы бы увидели только черную ночь впереди.

— Ну я сказал «немного» в геологическом смысле. В переводе на земные годы это, может быть, равносильно целым тысячелетиям, так что наши отдаленные потомки будут иметь еще возможность изучать эту внутреннюю поверхность и даже колонизировать ее.

— Благодарю покорно! Переселиться в страну, осужденную на гибель во мраке вечной ночи!

Тропическая гроза

Так в оживленной беседе незаметно прошло время, и обе лодки причалили к месту стоянки, где Папочкин и Громеко ожидали уже с ужином. Поросенок в вареном и жареном виде, приправленный диким луком, собранным ботаником на холме, оказался очень вкусным. Сообща решили, что впредь нужно обращать больше внимания на съедобные плоды, коренья и травы, чтобы сделать пищу разнообразнее. Все овощные и мучные консервы были оставлены в юрте и с собой из припасов взяты только чай, сахар, кофе, немного сухарей и приправы, как соль, перец, экстракты. Охота и рыбная ловля должны были доставлять главную часть пищи, которую продукты местной флоры могли улучшить.

На время сна вблизи палатки развели большой костер и по очереди караулили, потому что встреча с тигром заставляла опасаться нападения хищников. Каждый караульный действительно слышал в близком лесу разные шорохи, треск, взлеты и крик испуганных птиц, а Генерал часто настораживался и ворчал.

На следующий день в первые часы плавания местность сохраняла тот же характер: продолжались холмы, лесистые с севера, степные с юга, и сплошной лес по берегам реки. Дневную стоянку сделали на левом берегу, на который Каштанов и Громеко полезли после обсeda.

В составе флоры оказалось много нового: попадались уже вечнозеленые растения — миры, лавры, лавровинни. Орешник достигал огромных размеров, не уступая дубам, букам и вязам; на южном склоне попадались бук, кипарисы, туи и тис. Великолепные магнолии распустили свои крупные белые благоухающие цветы. В чащце вдоль реки попадался бамбук и разные лианы. Громеко восторгался на каждом шагу.

Температура воздуха в тени в этот день достигла уже $+25^{\circ}$, так как северный ветер, до сих пор сопутствовавший путешественникам, прекратился. Воздух сделался тяжелым, насыщенным испарениями густых лесов. Исследователи лезли по склону холма с трудом, обливаясь потом, хотя Плутон светил тускло сквозь пелену облаков.

Под влиянием зноя вся природа словно оцепенела и замерла, птицы и звери притаились в тени.

На вершине холма Каштанов и Громеко присели отдохнуть и, повернувшись лицом на север для осмотра местности, обнаружили причину невыносимого зноя: на горизонте вздымалась зубчатой стеной с фантастическими башнями огромная темно-лиловая туча надвигавшейся грозы, окаймленная спереди сине-багровым валом клубившихся облаков, под которыми сверкали ослепительные молнии; этот вал быстро приближался.

— Нужно бежать к лодкам,— воскликнул ботаник.— Ливень, наверно, будет тропический!

Оба спустились вниз по склону, путаясь ногами в высокой траве и скользя на более крутых местах. Через десять минут они добежали до стана, где Макшеев и Папочкин ждали их уже с нетерпением, не зная что предпринять. Палатка могла не выдержать потоков дождя и ударов весьма вероятного града. Река могла выйти из берегов, потащить вырванные деревья, так что и в лодках было бы небезопасно. Целесообразнееказалось выгрузить все на берег, вытащить лодки и спрятаться в кусты.

Обсуждая этот план с товарищами, Папочкин вспомнил, что ниже по реке, во время маленькой экскурсии, предпринятой в погоне за большой водянной змеей, он видел в конце холма нависшую скалу, которая могла дать им защиту от дождя. Но нужно было торопиться — гроза быстро приближалась! Все вскочили в лодки, подплыли к скале, и в несколько минут все было выгружено и втащено под навес, оказавшийся достаточно просторным, чтобы вместить не только людей, собаку и вещи, но и самые лодки, которыми загородились со стороны ветра.

Выгнав несколько небольших змей, приютившихся в расселинах скалы, путешественники могли уже спокойно наблюдать величественное зрелище атмосферной катастрофы.

Сине-багровый вал докатился уже до половины неба и закрыл светило; снизу он казался теперь совершенно черным. Это была какая-то бездна, которую то и дело прорезывали ослепительные зигзаги молний, сопровождавшиеся такими раскатами грома, каких ни-

кто из наблюдателей еще не слыхал. То раздавались один за другим оглушительные взрывы, то треск, словно рвались на части огромные куски крепкой материи, то залпы сотен тяжелых орудий.

Близлежащий лес глухо шумел под первыми порывами ветра. С севера надвигался еще какой-то ужасный грохот, наводивший трепет и постепенно заглушивший даже раскаты грома. Казалось, что оттуда несется исполинский поезд, сокрушающий все на своем пути.

Путешественники побледнели и с тревогой оглядывались по сторонам.

Вихрь уже налетел. В воздухе кружились бесчисленные листья, цветы, сучья, ветки, целые кусты, вырванные с корнем, и птицы, не успевшие укрыться в глубине леса. Становилось все темнее и темнее. Кругом свистело, шипело, трещало в промежутках между оглушительными раскатами грома. Огромные капли дождя и отдельные градины шлепались на землю и в воду, которая бурлила и пенилась. Затем наступила полная темнота, и только при свете молний на отдельные мгновения открывалась ужасная картина: казалось, что весь лес поднялся на воздух и несетя с потоками дождя и града. Грохот заглушал даже громкий крик на ухо.

Но эта катастрофа продолжалась всего минут пять. Быстро стало светлеть, порывы ветра ослабели, шум и раскаты удалялись на юг, а дождь только накрапывал. Зато река сразу вздулась, сделалась красно-буровой и грязной, покрылась пеной и несла листья, сучья, ветви и целые деревья. По небу мчались еще клочья серых туч, но Плутон уже проглядывал, освещая следы опустошения, оставленные бурей.

Путешественники вылезли из-под навеса и осмотрелись. Оказалось, что возле лодок нагромождена целая куча листьев, веток и сучьев, перемешанных с градинами величиной с грецкий орех. Несколько заостренных сучьев были брошены с такой силой, что пробили парусиновые бока лодок. Нужно было немедленно заняться их починкой. Достали иголки, нитки и кусочки просмоленной парусины и принялись за дело.

Починка лодок заняла около часа, а за это время река вошла опять в свои берега, очистилась от обломков,

и можно было продолжать плавание. Черная туча уже исчезла на юге за холмами, и путешественники впервые могли наблюдать безоблачный темно-синий небесный свод.

— И подумать только, — сказал Папочкин, уже сидя в лодке, — что прямо над нами, над этим синим небом, на расстоянии примерно десяти тысяч километров, находится такая же земля с лесами, реками и разным зверьем. Как интересно было бы видеть ее над головой!

— Расстояние слишком велико, — заметил Каштанов. — Слой воздуха такой толщины с пылевыми частицами и парами воды не может быть достаточно прозрачным, а земля, покрытая зеленью, отражает мало света, недостаточно ярка.

— А обратили ли вы внимание, — спросил Макшеев, — когда мы вчера осматривали окрестности со сравнительно невысокого холма, что вдали видно гораздо лучше, чем там, наверху? Мы могли наблюдать лесистую равнину, вероятно, километров на сто благодаря тому, что поверхность, на которой мы находимся, не выпуклая, как на земле, а вогнутая. Казалось, что мы стоим на дне плоской чаши.

— Теоретически кругозор наш должен бы быть неограниченный, мы должны бы видеть местность не на сто, а на пятьсот или тысячу километров, поднимающуюся все выше и выше к небу. Но на большом расстоянии нижние слои воздуха становятся уже недостаточно прозрачными, и очертания предметов делаются постепенно расплывчатыми, сливающимися друг с другом.

— Следовательно, линия горизонта здесь не может быть так резка и отчетлива, как там, наверху. В сущности, здесь нет горизонта, а мы видим постепенный переход земли в небо!

— Но только до сих пор вследствие низко стелявшихся туч или тумана мы не могли обратить внимания на этот факт.

Под вечер река значительно расширилась, но зато быстрота ее течения уменьшилась, вследствие этого приходилось постоянно работать веслами, чтобы достаточно быстро продвигаться вперед.

В зеленых стенах обоих берегов местами видны были разрывы, куда уходила часть воды в виде узких рука-

вов или откуда эта вода возвращалась к главному руслу. Среди этого русла появились острова, окаймленные густыми камышами, поднимавшимися над водой.

Огибая один такой остров, путешественники заметили разрыв в пояссе камышей, в глубине которого была видна тропинка, уходившая в зеленую чащу. Макшеев направил свою лодку в разрыв, чтобы высадиться на берег и осмотреть остров. Но едва только лодка мягко ткнулась носом в илистый откос, как из зеленої чащи выглянула голова сабельного тигра. Два ослепительно белых клыка длиной не менее тридцати сантиметров спускались из верхней челюсти, как у моржа. Зверь, очевидно, был сыт и не намеревался нападать; он широко разинул пасть, словно зевая, затем голова скрылась в чаще. Присутствие этого страшного хищника заставило отказаться от высадки на остров. На следующий день река опять сузилась, и течение стало быстрее.

Растительность приобретала все более и более субтропический характер: дубы, буки, клены исчезли. Их совершиенно вытеснили магнолии, лавры, каучуковое дерево и много других, которые ботанику были известны только по названию и по чахлым экземплярам оранжереи. Впрочем, юкки, веерные и саговые пальмы¹ было нетрудно определить и с лодки.

Холмы появлялись изредка и стали ниже, но шире. На склонах они заросли пышными травами по пояс высотой и отдельно стоящими деревьями или группами их, напоминая галерейные леса Центральной Африки.

Сплошная чаща тянулась вдоль берегов реки, занимая более низменную местность.

На обед остановились вблизи такого холма, чтобы сделать более продолжительную экскурсию для изучения флоры. Макшеев согласился караулить лодки, а остальные трое после обеда отправились к холму.

¹ Саговые пальмы — единственное семейство из порядка цикадовых в классе голосемянных, с деревьями, похожими на пальмы. У них сильно развита сердцевина, богатая крахмалом и дающая саго. Саговые пальмы растут в жарком климате, где их насчитывают 83 вида. В прежние геологические эпохи они в составе флоры играли большую роль и появились уже в каменно-угольном периоде, а в юрском и меловом были характерны для флоры. Настоящие пальмы появились в конце мелового периода.

Движущийся бугор

Первые метры дороги пришлось прорубать топором через хаос лиан и кустов. Но затем под высокими зелеными сводами огромных эвкалиптов, миртовых, лавровых и других деревьев, где царил полумрак, подлесок сделался менее густым. Между группами папоротников и стволами деревьев почва была покрыта мхами разных видов и великолепными орхидеями. Высоко вверху трещали насекомые, а внизу все было тихо. Изредка показывалась бесшумно скользившая змея или ящерица.

Ближе к подножию холма лес начал редеть, и красноватые лучи Плутона проникали до земли; здесь было больше жизни, большие кустов, трав и цветов. Охотники напали на тропинку, извивавшуюся между деревьями, и шли по ней, надеясь, что она выведет из леса. Впереди шел Каштанов, за ним Папочкин, оба с ружьями наготове, зорко посматривая вперед и в стороны. Громеко замыкал шествие, часто отставая для сбора растений.

Вдруг Каштанов остановился и поднял руку в знак внимания: впереди слышался сильный треск и легкое ворчание. Затем на тропе появилось исполинское животное странного вида, похожее на медведя, но с длинным пушистым хвостом и длинной, узкой головой.

— Это муравьед, — прошептал зоолог. — Виды его (известные в Южной Америке) очень смиренные, несмотря на страшный вид и огромные когти. Но они гораздо меньше этого экземпляра, ведь этот имеет более двух метров в вышину!

Между тем муравьед заметил людей, загородивших ему дорогу, и остановился в нерешительности.

— Сойдем с тропы, — прошептал зоолог. — Пусть он пройдет мимо нас и даст себя рассмотреть получше.

Охотники отошли в сторону и спрятались за группу густых кустов. Муравьед постоял еще несколько минут, недоверчиво всматриваясь в лес, затем потихоньку пошел вперед, останавливаясь через каждые пять-шесть шагов и оглядываясь по сторонам. Во время такой остановки Папочкин успел его сфотографировать сбоку, после чего животное, услышав щелк затвора, пустилось бежать, покачиваясь на своих толстых лапах и вытянув

хвост; от носа до кончика хвоста оно имело не менее четырех метров.

Выйдя из леса, путешественники очутились у подножия холма, пологий склон которого тянулся вверх. Каштанов с досадой смотрел на этот однообразный склон, не обещавший ему добычи, тогда как ботаник был в восторге от обилия незнакомых цветов среди густой травы и занялся их сбором. Вдруг геолог заметил у самого подножия холма довольно большой куполообразный бугор, голые скаты которого отливали металлическим блеском.

— Ну вот и для меня пожива! — воскликнул он, вытаскивая молоток и направляясь почти бегом к бугру, в то время как Папочкин занялся ловлей новой ящерицы, спасавшейся от него на небольшом деревце.

Дойдя до бугра, Каштанов остановился в изумлении — бугор был совершенно голый, лишенный даже малейшей травки, и вся его поверхность состояла из шестисторонних пластинок бурого цвета с темными ободками.

Удивленный геолог попробовал отбить молотком кусочек породы, но молоток отскочил от поверхности бугра.

В надежде, что на вершине бугра будет больше трещин, Каштанов полез наверх, что удалось ему не сразу: хотя бугор имел только метра три вышиною, но склоны его были совершенно гладкие. Наверху порода была такая же неуязвимая, поэтому геолог вынул из-за пояса большое зубило, вставил его в бороздку между двумя пластинками и начал бить молотком по зубилу, острие которого постепенно углублялось в породу.

Вдруг сильный толчок сшиб геолога, стоявшего на коленях, и он едва успел ухватиться за зубило, чтобы не скатиться с холма. Толчки продолжались, и Каштанов с недоумением оглянулся. Ему показалось, что вся почва пришла в движение, а деревья закачались.

— Страшное землетрясение! — закричал он своим товарищам, которые были от него на расстоянии сорока шагов. — Вы чувствуете, какие толчки?

Услышав этот возглас, Громеко и Папочкин переглянулись с удивлением. Они не ощущали никаких признаков землетрясения. Но взглянув в сторону, где нахо-

дился Каштанов, они были поражены: бугор с геологом медленно перемещался по склону холма.

После минуты недоумения оба побежали наперерез этому странному двигающемуся бугру, основания которого не было видно из-за густой травы. Подбежав ближе, Папочкин воскликнул со смехом:

— Да это исполинская черепаха! Петр Иванович, вы едете на черепахе!

В это время бугор повернулся в сторону преследователей, которые увидели выдвинувшуюся из-под него довольно длинную шею и противную голову не меньше бычьей, усаженную мелкими щитками. В раскрытой пасти видны были пластинчатые зубы.

Каштанов, понявший, в чем дело, оставил свое зубило забитым в панцирь черепахи, соскользнул с нее и быстро отпрыгнул в сторону. Он заметил теперь быстро двигавшийся огромный хвост, похожий на толстое бревно, удар которого мог переломить ноги.

Животное, почувствовав себя свободным, побежало вдоль склона, его голова и хвост скрылись в траве. Оно опять поразительно напоминало движущийся голый бугор.

После обмена шутками по поводу забавного приключения геолога, принявшего живую черепаху за каменный холм, а ее движение за землетрясение, Каштанов заметил товарищам:

— Я полагаю, впрочем, что это была совсем не черепаха, а глиптодон, животное из семейства броненосцев, водившееся на Земле в плиоценовую эпоху третичного периода наряду с огромными муравьедами, гигантскими ленивцами, мастодонтами и громадными носорогами. Остатки этих животных найдены в изобилии в Южной Америке.

— Огромного муравьеда мы ведь встретили в лесу,— напомнил Папочкин.

— Эта встреча меня и навела на высказанную мысль. Ведь если мы в более северном поясе, вблизи границы льдов встретили в живом состоянии такие окаменелости, как мамонт, длинношерстый носорог, первобытный бык, пещерный медведь, исполинский олень, которые жили в послетретичное время, то нет

ничего удивительного в том, что южнее, где господствует такое тепло, сохранились формы еще более древнего времени — плиоцен¹.

— А еще южнее, развивая вашу мысль, мы должны встретиться и с более древней фауной — миоценовой, эоценовой, меловой, юрской и т. д.? — спросил зоолог с некоторым недоверием.

— Я этому нисколько не удивляюсь, — заметил Громеко. — С тех пор как мы открыли этот странный внедиземной мир, я перестал удивляться чему бы то ни было и готов приветствовать игуанодонов, плезиозавров, птеродактилей, трилобитов² и другие палеонтологические чудеса.

— В таком случае жаль, что мы не подстрелили муравьеда и глиптодона! Чем мы сможем доказать их существование? Глиптодона я даже не сфотографировал.

— Может быть, мы встретим их еще раз.

— А кстати, пора возобновить запас мяса, — заявил Громеко, — иначе завтра придется есть одно свиное сало.

Во время этого разговора охотники медленно поднялись по склону холма и достигли его гребня, вдоль которого тянулись узкой полоской довольно густые кусты, скрывавшие, к радости Каштanova, небольшие выходы горных пород. Геолог немедленно пустил в дело свой молоток, но Папочкин, пролезший уже через кусты, остановил его возгласом:

¹ Геологическая хронология жизни Земли установлена следующая (от современности в глубь времен):

Эры	Периоды
1. Кайнозойская (эра новой жизни)	Четвертичный Третичный
2. Мезозойская (эра средней жизни)	Меловой Юрский Триасовый

² Трилобиты — вымерший отряд ракообразных; тело трилобита делилось на три части (откуда и название) — головной щит, тело из многих члеников и хвостовой щит. Появились в кембрии и вымерли в пермском периоде. С другими животными, упомянутыми Громеко, мы ознакомимся дальше.

— Потише, на том склоне зверинец травоядных.

Каштанов прекратил стук, спрятал добытый образчик в карман и полез через кусты; Громеко следовал за ним.

На южном склоне холма, еще более пологом, они увидели разнообразных мирно пасшихся животных. Ближе всего к ним находилось семейство носорогов, сильно отличавшихся как от живущих в Индии и Африке, так и от длинношерстного носорога. Это были толстые, приземистые, коротконогие твари, похожие скорее на небольших гиацинтоватомов; но форма головы и короткий толстый рог самца выдавали их породу. У самки вместо рога была только большая мозолеобразная шишка. Детеныш, резвившийся возле матери, походил на огромную ливерную колбасу; чтобы добраться до источника молока, он ложился на землю и протискивался боком под брюхом матери, которая, передвигаясь, придавливала его, что вызывало недовольное хрюканье обиженного малыша.

Немного далее на склоне паслось стадо огромных слонов. Рассмотрев их в бинокль, Каштанов заявил, что это, вероятно, мастодонты; они отличались от мамонта длинными и прямыми бивнями, покатым лбом и более длинным туловищем.

По соседству с ними ходило несколько антилоп огромной величины, буро-желтых с черными пятнами, как у леопарда, с длинными саблевидными рогами. Они передвигались скачками, потому что задние ноги были значительно длиннее передних; Громеко сначала принял их за огромных зайцев.

На опушке леса находились еще более странные животные, похожие отчасти на жирафу, отчасти на верблюда: сходство с первой состояло в очень длинной шее и голове с небольшими рожками, а признаками верблюда являлись бурый цвет и форма туловища с небольшим горбом. Парочка этих животных, в которых Каштанов признал родоначальника верблюда и жирафы, ходила вдоль опушки, свободно срывая веточки и листья на высоте четырех метров от земли.

Наиболее интересной добычей охотникам показались антилопы и верблюдо-жирафы, поэтому они разделились на три партии: Каштанов направился околь-

ным путем к верблюдо-жирафам, Папочкин — к антилопам, а Громеко должен был сфотографировать носорогов и мастодонтов.

Громеко, соблазнившись видом маленького носорога, показавшегося ему достойным вертела, выстрелил и уложил на месте ничего не подозревавшего детеныша. Его родители, вместо того чтобы спасаться бегством, как ожидал охотник, обнюхали труп, а затем с громким хрюканьем бросились на ботаника, который имел неосторожность показаться на опушке кустов. Он скрылся опять в кусты и успел отбежать несколько шагов в сторону, когда на том месте, где он только что стоял, раздался треск неистово ломаемых ветвей, и оба носорога, топча кусты и разбрасывая их мордами по сторонам, появились на гребне холма и побежали дальше. Но, заметив, что их враг исчез, они повернули назад и помчались туда, где колебания кустов выдавали присутствие охотника.

В это время вблизи антилоп раздался выстрел Папочкина, и стадо этих животных понеслось вверх по склону; туда же устремились и мастодонты, подняв хоботы и издавая тревожные трубные звуки. Положение Громеко становилось отчаянным: с одной стороны, ему приходилось следить за носорогами и бегать от них взад и вперед через кусты, а с другой — надвигалась опасность от антилоп и мастодонтов. Но ботанику пришла счастливая мысль: заметив, что антилопы и мастодонты бегут вверх по склону с разных сторон, но приблизительно к тому же месту гребня, он, вместо того чтобы перебегать от носорогов взад и вперед через кусты, побежал теперь вниз по склону в промежуток между антилопами и мастодонтами в расчете, что те или другие задержат его преследователей. Этот расчет оправдался: прорвавшиеся опять через кусты разъяренные носороги столкнулись: один — с мастодонтами, другой — с антилопами; произошло замешательство; первый был сшиблен и затоптан, второй обратил в бегство антилоп и сам побежал за ними, а Громеко остался победителем на поле сражения.

Отдышавшись от безумного бега, он поднялся обратно к кустам, нашел свое ружье, брошенное при

бегстве от носорогов, а затем стал искать свою добычу — маленького носорога, из-за которого натерпелся такого страха. Найти его оказалось нетрудно, потому что круглая туша, напоминавшая добрый бочонок, виднелась издали среди потоптанной травы. Потом он отправился к своим товарищам, и они вместе, тяжело нагруженные шкурами, черепами и мясом, двинулись обратно к стану, где Макшеев уже беспокоился их долгим отсутствием. Он сам хоть и сидел на месте, но не остался без добычи. К палатке подкрадывался хищник, вероятно собирающийся скупить Генерала, но вместо того покинувший под пулю. Это было животное, похожее на волка, но с очень большой головой, с кошачьим телосложением и со сравнительно длинной гривой на голове и шее. Каштанов нашел, что это должен быть плиоценовый предок современных волков.

Плутон гаснет

Пока в кotle варились мясо антилопы, а на вертеле жарился целиком молодой носорог, путешественники были заняты приведением в порядок обильных материалов, добытых за день.

Во время этой работы они заметили, что свет ослабел и сделался сплошь красноватым, чем обычно. Подняв головы, чтобы выяснить причины этого явления, они убедились, что небо безоблачно, но сам Плутон светит тускло, и на одной половине диска видно много больших темных пятен.

Вместе с ослаблением света началось понижение температуры, достигавшей в этот день уже $+28^{\circ}$ в тени. Последнее можно было бы приветствовать, но первое внушало некоторую тревогу.

— А что, если Плутон теперь погаснет совершенно? — спросил Грёмеко, так как во время ужина констатировали, что ослабление света продолжается и количество темных пятен на диске увеличивается.

— И мы вдруг очумимся в полном мраке, за которым постепенно наступит и полярный холод? — прибавил Папочкин.

— А теплая одежда осталась у нас далеко на севере в юрте! — воскликнул Макшеев.

— Я думаю, что это ослабление света — временное явление,— сказал Каштанов.— Плутон, судя по его красному свету и обилию темных пятен, действительно находится в последнем периоде своего горения. Но этот период может продлиться еще сотни и тысячи лет. Звезды, аналогичные Плутону, наблюдаемые в мировом пространстве, по временам меркнут, почти гаснут, но потом опять вспыхивают. Запасы тепла, имеющиеся в их массе, еще очень велики, и кора, образующаяся на их поверхности вследствие охлаждения и представляющая темные пятна, которые мы видим, снова и снова разрывается и расплывается за счет этих запасов. Угасание светила не может произойти сразу.

— А если горение Плутона прекратится вследствие недостатка кислорода? Ведь нужный для него кислород берется, конечно, из общей атмосферы нашей планеты, всасываемой через полярное отверстие.

— Это очень сомнительно, так как за миллионы лет своего горения Плутон должен был сжечь весь кислород нашей атмосферы и обитатели Земли давно задохнулись бы в азоте. Процессы горения самосветящихся тел Вселенной известны нам еще слишком недостаточно и, может быть, происходят иначе, чем наблюдаемые нами на Земле. Может быть, кислород образуется там вновь как продукт распадения других химических элементов. Открытия последних лет относительно превращений радия заставляют нас уже иначе смотреть на постоянство этих элементов, считавшееся прежде бесспорной истиной.

— Словом, «друг Горацио, на свете есть еще много вещей, которые не снились нашим мудрецам», а в Плутонии мы каждый день убеждаемся в справедливости этого изречения Гамлета,— сказал Громеко и предложил лечь спать, пользуясь темнотой и прохладой.

Животный мир леса также чувствовал, что в природе творится неладное. Птицы совершенно замолкли, и вместо их пения и щебетания слышались тревожные крики разных зверей. Генерал по временам завывал, подняв голову.

Но путешественники, разложившие костер перед палаткой, спали крепко, не обращая внимания на эти звуки, и проспали значительно дольше обыкновенного.

Постепенно все проснулись, хотя было темно по-прежнему. Все было объято красноватыми сумерками, а диск Плутона был покрыт многочисленными темными пятнами, так что сила света была ослаблена на девять десятых. При этом освещении листва и трава казались почти черными, как и само небо. Вокруг лежала глубокая тишина — ни птицы, ни звери, ни насекомые не проявляли признаков жизни, и только по временам налетавший ветерок шумел в листве. В этой тишине было что-то зловещее.

Посоветовавшись, решили, что рискованно плыть в таких сумерках по неизвестной реке между двумя стенами леса, переполненного разными хищниками, которые могли напасть на путешественников. Легко можно было сесть на мель или наткнуться на корягу, что представляло большую опасность для парусиновых лодок.

— А если этот сумрак будет продолжаться целые недели или месяцы? — спросил Громеко. — Неужели мы будем сидеть на месте? Провизии у нас хватит дня на три, на четыре.

— Какой вы чудак! — ответил Каштанов. — Сейчас же делаете самые печальные предположения! Подождем день другой, а тогда подумаем, ехать ли вперед или назад.

— А на досуге займемся починкой лодок, устройством плота и разными домашними работами, — сказал Макиссев. — Лодки дали уже течь.

С этим предложением все согласились и при свете костра принялись за работы. Починили лодки и спилили несколько крупных бамбуков, росших вблизи стана, что потребовало много времени; так как в распоряжении плотников была только одна небольшая ручная пила. Потом очистили стволы от веточек, распилили их на части той же длины, как и лодки, и связали из них плот шириной в полтора метра, который должен был помещаться между обеими лодками. На плот предполагали класть более объемистые вещи, покрывая их шкурами. Обе лодки, соединенные с плотом, в совокупности представляли нечто вроде парома, прочного, легкого и достаточно поворотливого.

Работы заняли целый день, в течение которого наблюдения за диском Плутона обнаружили, что количество и размеры темных пятен не уменьшились, но и не увеличились. Спать залегли рано. Возле палатки горел небольшой костер. Генерал лежал у входа в палатку, и путешественники рассчитывали спокойно спать, выходя только изредка, чтобы подбросить дров.

Но эти надежды не вполне оправдались. Как только в палатке все затихло и в окружающей чаще начинались шорохи, Генерал настораживался и ворчал. Шорохи прекращались, и собака успокаивалась; потом опять начинался шорох, словно какой-то зверь бродил по кустам вокруг лужайки, высматривая добычу, но не решаясь выскочить. Чтобы не быть всем настороже, решили караулить по очереди, и Папочкин первый усился у костра с ружьем в руках. Шорохи то удалялись, то приближались, и зоолог наконец так привык к ним, что крепко заснул. Огонь постепенно потухал, и костер превратился в кучу тлеющих углей.

Вдруг собака яростно залаяла. Папочкин проснулся и увидел на окраине лужайки крупного хищника, похожего на льва, но с менее длинной гривой и с торчащими из полуоткрытой пасти клыками, как у сабельного тигра. Хищник стоял в нерешительности, а Генерал, заливаясь лаем, отходил, поджав хвост, за костер, поближе к палатке.

Зоолог, быстро пришедший в себя, поднял ружье и выстрелил в зверя, находившегося на расстоянии шагов двадцати. Пуля попала в грудь, но зверь еще имел силу сделать прыжок, попал в кучу углей, обжег себе брюхо и покатился к палатке; задней лапой он ударил по полотну, разорвал его сверху донизу и зацепил сапоги Макшеева, лежавшие у его изголовья. Передняя лапа в судорожных движениях чуть-чуть не угодила в лицо Каштанова, раздробила карманные часы, лежавшие в шапке на земле, и разорвала шапку в клочья. Генерал, прижавшийся у входа в палатку, был отброшен вглубь ударом третьей лапы, поплатился несколькими царапинами и со всего размаха упал на Громеко, сладко спавшего у задней стенки.

Переполох получился необычайный. Возле палатки в полумраке билось и ревело что-то громадное, и полы

палатки разлетались и рвались под его ударами. В глубине палатки Громеко боролся с Генералом, который старался спрятаться за него и которого он принял за какого-то хищника. Каштанов тщетно искал спички, лежавшие в шапке возле часов, и не находил даже самой шапки. Паночкин кричал снаружи:

— Вылезайте скорее с задней стороны. Это лев, которого я не могу прикончить, потому что боюсь попасть в вас.

Макшеев зверь, судорожно вытянув лапы, затих; **Макшеев** нашел спички и зажег свечу; Громеко оставил Генерала, и все трое, полуодетые и перепуганные, отстегнув задние полы палатки, выбрались ползком наружу и осмотрелись. Началось объяснение у потухшего костра, и Паночкин должен был сознаться, что заснул и не поддерживал огонь, почему зверь и решился нападение.

Убитый зверь оказался сабельным львом, хотя по телосложению походил и на медведя; только форма головы и лап выдавала его принадлежность к кошачьему семейству. Грива была небольшая, почти черная, шерсть на теле желто-бурая, хвост без кисточки. Странным клыкам верхней челюсти соответствовали когти на громадных лапах. Палатка требовала серьезной починки, так же как и сапоги Макшеева. Часы Каштanova, сплющененные в лепешку, вместе с изорванной шапкой и раздавленной спичечницей нашлись только после долгих поисков в одном из углов палатки.

Из-за постели Громеко вытащил дрожавшего еще Генерала, осмотрел и промыл его раны. Затем оттащили льва в сторону и решили продолжать прерванный сон. На караул сел Макшеев, и остаток ночи прошел спокойно. Утром сумерки показались менее густыми, и на диске Плутона число и размеры темных пятен как будто уменьшились. Решили еще подождать и принялись за починку палатки, обмер убитого льва и снятие с него шкуры. К обеду стало еще светлее, а немногим позже Плутон, словно собравшись с силами, расплавил большую часть пятен, покрывавших его диск, и засиял полным светом, казавшимся особенно ярким после сорока часового сумрака.

Быстро сложили веши, нагрузили лодки и плот и поплыли дальше, но не так быстро, потому что судно оказалось недостаточно подвижным и требовало усиленной работы веслами. Местность под вечер этого дня начала меняться, холмы на берегах реки сначала понизились, а затем совершенно исчезли. Вместо густой чащи леса и кустов расстилалась степь с отдельными рощами, где преобладали исполинские баобабы. Только вдоль берегов узкой полосой тянулась пышная растительность с пальмами, бамбуками, лианами, в которой ютились птицы и крупные обезьяны нескольких пород. В степи паслись стада разнообразных антилоп, мастодонтов, носорогов, верблюдо-жирафов, безрогих жирафов и первобытных лошадей. В чаще близ реки держались тигры, гиппопотамы и олени.

Чудовищные ящеры и странные птицы

Первый ночлег был на большом острове, значительная часть которого также имела степной характер, и только вдоль берега местами тянулись группы кустов и заросли камышей. Палатку поставили на северном конце острова, откуда была видна река, делившаяся на два рукава, каждый не менее сотни шагов ширины.

После ужина покой окружающей природы был нарушен шумом. С противоположного берега реки послышались протяжные крики, напоминавшие голоса толпы людей, по временам покрываемые громким отрывистым лаем и воем.

Из зеленой чащи вырвалось, ломая камыши и раздвигая кусты, небольшое стадо красноватых с белыми пятнами четвероногих, которые бросились в воду и поплыли к острову. Вслед за ними выскочила стая пестрых хищников, которые с воем и лаем также поплыли, стараясь догнать и отбить одно животное, уже отставшее и, очевидно, изнемогавшее.

Через несколько минут преследуемые выбрались на остров и пробежали очень близко от палатки. Они походили на лошадей, хотя почти не имели гривы.

Отставшее животное также успело доплыть до острова раньше хищников, но на крутой откос берега

могло подняться с трудом и наверху было окружено воющими и лающими преследователями. Собрав последние силы, оно лягало их передними и задними ногами и хватало зубами, но неравная борьба с дюжиной врагов не могла быть долгой. Хищники, увертываясь от ударов, не выпускали жертву из своего круга, выжидая, пока она не обессилеет окончательно.

В борьбу вмешались люди; три выстрела в стаю хищников уложили двух из них и обратили остальных в поспешное бегство. Но обессиленная жертва уже не могла воспользоваться неожиданным избавлением. Когда охотники подошли к ней, она уже лежала при последнем издохании. На ее шее зияла большая рваная рана, очевидно причиненная зубами одного из хищников при первом же нападении на табун. Это и было причиной слабости жертвы, которая на бегу постепенно истекала кровью.

Рассматривая убитых хищников, охотники убедились, что животные принадлежали к примитивным млекопитающим.

Они были величиной с сибирского волка, но туловище напоминало скорее кошачью породу, равно как и длинный, тонкий хвост. Шерсть на спине и боках была темно-бурая с желтыми продольными полосами, а на брюхе — желтая. Зубы были почти одинаковые — все имели скорее вид клыков.

Жертва хищников заслуживала название лошади только с большими оговорками. Она была ростом не больше крупного осла, но грациознее последнего, так как туловище покоилось на тонких ногах, оканчивающихся каждой не одним копытом, как у настоящих лошадей, а четырьмя. При этом только среднее копыто было сильнее развито, а остальные — зачаточные.

Изучая эту странную лошадь, Каштанов и Папочкин пришли к выводу, что перед ними первобытная лошадь, родоначальница современных лошадей, по всему облику больше походившая на американскую ламу.

На другой день продолжалась степная местность, настоящие саванны или прерии, с высокой травой, с чащами и группами кустов и деревьев по берегам тихой реки и многочисленных островов. На одном из боль-

ших островов путешественники заметили стадо титанотериев — животных, представлявших нечто среднее между гиппопотамом и носорогом.

Путешественники хотели прикалить немного ниже за кустами, чтобы подкрасться и добыть одного из титанотериев, но встретили еще более интересного зверя, представителя древнейших толстокожих — четверорогого носорога, спустившегося передними ногами в воду, чтобы утолить свою жажду. Когда плот приблизился к нему, он поднял свою уродливую голову и широко раскрыл пасть, словно хотел проглотить или по крайней мере оплевать незваных гостей. По бокам верхней челюсти торчали два длинных желтых клыка; на переносице между маленькими глазами подымались рядом два небольших рога, повернутых наружу, а за ушами красовались еще два тупых рога, похожих на какие-то обрубки.

Но пока прикаливали к берегу и пробирались осторожно через кусты, чтобы сфотографировать это интересное животное, оно отошло от реки и побежало тяжелой рысцой. Преследуя его в надежде, что оно остановится, Каштанов и Папочкин заметили на соседней поляне животное огромной величины, стоявшее возле высокого дерева и обрывавшее на нем листья на высоте около пяти метров. По форме тела и цвету кожи оно походило на колоссального слона, спина которого поднималась на четыре метра от земли; но голова и длинная шея резко отличали его от слонов: голова, сравнительно с массой туловища очень небольшая, напоминала голову тапира с удлиненной верхней губой, которой животное очень быстро захватывало листья целыми пучками.

— Что за чудовище! — прошептал Папочкин. — Тело слона, шея лошади, голова тапира и замашки жирафы.

— Я думаю, — заметил Каштанов, — что нам удалось увидеть редкого представителя подсемейства безрогих носорогов, остатки которого недавно найдены в Белуджистане, почему этот колосс — крупнейший из сухопутных млекопитающих — получил имя белуджите-

рия¹. Он жил в конце олигоцена или в начале миоцена.

— Действительно колосс! — удивился зоолог. — Мне кажется, что я могу, не сгибаясь, разве только накинув голову, пройти под его брюхом.

— А если поставить возле него взрослого индийского носорога, то спина последнего окажется также на уровне брюха этого колосса, так что он мог бы сойти за его детеныша.

— Как жаль, что нельзя стать возле него для масштаба при фотографировании, — сказал Папочкин, делая снимки. — Хотя животное как будто безобидное, но я бы боялся приблизиться; случайным движением ноги оно может переломать кости.

— Снимите дерево вместе с животным; высоту дерева мы потом определим.

Наблюдатели выжидали, пока белуджитерий не отошел в сторону, и посредством горного компаса определили высоту дерева, а также смирили следы ступней, которые сравнительно с ростом животного оказались небольшими.

Под вечер того же дня на берегу большого острова заметили парочку корифодонов, крупных толстокожих, которые по форме тела походили на титанотериев.

При виде плота самец поднял голову и разинул огромную пасть, в которой красовались в каждой челюсти по два довольно длинных и острых клыка.

Высадиться на остров для охоты не удалось, потому что немного ниже на берегу сидел крупный хищник, пожирающий какую-то добычу. При виде плота он поднялся и грозно зарычал.

Это животное отличалось громадным телом на низких и довольно тонких ногах. Морда у него была длинная, похожая на морду борзой собаки. По своей величине зверь не уступал самому крупному тигру, почему путешественники не решились приблизиться к нему.

Таким образом, в этот день не удалось добить ни одного из этих новых животных.

¹ В 1915 году в Тургайской области экспедицией Академии наук найдены остатки подобного же колосса того же подсемейства, названного индрокотерием.

На следующий день на берегах реки и на островах по временам замечали пасшихся лошадей, титанотериров, четырехногих носорогов, антилоп, хищных креодонов и других животных. Общий облик фауны, по мнению Каштанова, выдавал ее принадлежность к начальным временам третичного периода.

После обеда причалили для экскурсии в глубь степи, чтобы ознакомиться с ее характером в стороне от реки.

Возле одного из озер наткнулись на животное, возбудившее их особенное внимание. Подобно другим травоядным, оно мирно паслось, пожирая сочные стебли.

Это успокоило охотников, взявшихся было за ружья, когда, пробираясь через кусты к берегу озера, они внезапно увидели чудовище. Даже Генерал, уже привыкший к разнообразным и необыкновенным животным и сразу отличавший хищников от травоядных, обнаружил сильный испуг и, ворча, прижался к ногам Макшеева.

— Носорог колossalной величины,— шепнул последний, останавливаясь в кустах, чтобы не испугать чудовище или не раздразнить его.

Но животное только на первый взгляд напоминало носорога, так как обладало маленьким рогом на переносице. Пара же больших рогов, возвышавшихся на лбу и направленных вперед, придавала ему сходство с некоторыми быками; во всем же остальном оно отличалось и от носорогов и от быков. Голова по сравнению с туловищем была непропорционально велика, достигая чуть ли не двух метров в длину; задняя часть черепа расширялась в плоский и широкий гребень, который можно было принять за огромные растопыренные уши, но в действительности это было только украшение или защита верхней половины шеи, покрытое мелкой чешуей, а по наружному краю — острыми зубцами. Этот воротник, несомненно, увеличивал вес и без того огромной головы и мешал поднимать ее вверх.

Передние ноги были значительно короче задних, так что животное двигалось, высоко подняв свой крестец. Когда голова и ноги этого животного скрывались в высокой траве, оно напоминало целый холм, дости-

гавший почти пяти метров в высину. Массивное туловище его было покрыто панцирем из круглых пластинок, более крупных на спине и боках, мелких на крестце, ногах и брюхе. Туловище оканчивалось не длинным, но толстым хвостом, который служил опорой для задней части тела. От конца морды, представляющего острый клюв, до начала хвоста животное имело около восьми метров.

— Ну и чудовище, ну и чудовище! — шептал Громеко, рассматривая, как и остальные, необыкновенное животное, которое медленно передвигалось, словно холм, вдоль берега озера, пожирая траву и кусты.

— Что это за зверь? — спросил Папочкин.

— Это, должно быть, трицератопс, представитель отряда динозавров, — ответил Каштанов, — к которому принадлежали различные исполинские ящеры.

— Так это пресмыкающиеся! Разве были рогатые пресмыкающиеся? — воскликнул Макшеев.

— Отряд динозавров представляет очень разнообразные формы как хищных, так и травоядных ящеров, крупных и мелких, живших, начиная с триаса и кончая мелом.

— Итак, мы уже очутились в меловом¹ периоде! — воскликнул Папочкин. — И чем дальше мы будем плыть по реке, тем больше должны встречать таких чудовищ.

— Хорошо, если они будут столь же безобидны, как этот! — заметил Громеко. — А наткнуться на хищную тварь таких размеров, благодаря покорно! Растирает прежде, чем успеешь выстрелить.

— Большие животные обыкновенно неповоротливы! — возразил Каштанов. — По-моему, сабельные тигры гораздо опаснее этих исполинов.

— Нужно бы заставить его поднять голову, — сказал Папочкин, — или выманить на более чистое место. Я уже сделал два снимка, но на обоих не видно ног и конца морды.

— Не выстрелить ли в него? — предложил Макшеев.

¹ Меловой период отличался развитием пресмыкающихся, достигавших гигантской величины, но вымерших в конце этого периода. А в начале его появились первые примитивные млекопитающие — маленькие, невзрачные животные.

— Нет, он или испугается и убежит, или бросится на нас. Такую машину, пожалуй, и разрывная пуля не скоро свалит с ног.

— Пустим на него Генерала.

Дрожавшую и ворчавшую собаку после уговоров и понуканий удалось заставить напасть на чудовище. Она бросилась с громким лаем в его сторону, остановившись все-таки на почтительном расстоянии. Но эффект нападения собаки был совершенно неожиданный. Чудовище ринулось в озеро, разбрызгивая целые потоки воды, и скрылось во взбаламученной илистой пучине.

Все рассмеялись при виде этого позорного бегства, а Генерал, гордый победой, подбежал к берегу и начал неистово лаять на мутные волны, расходившиеся кругами. Через некоторое время среди озера показались два рога и воротник ящера, высунувшего голову, чтобы подышать. Папочкин, державший аппарат наготове, вынужден был ограничиться снимком головы, потому что ящер, глотнув воздуха и видя, что его странные преследователи стоят на берегу, опять погрузился в воду.

На другом озере Генерал выгнал из густых зарослей целую стаю странных птиц. Они достигали величины очень крупного лебедя, но имели более длинное тело, более короткую шею и очень длинный и острый клюв, усаженный острыми и мелкими зубами. Птицы великолепно плавали и ныряли, охотясь за рыбой. Одну из них удалось подстрелить.

Рассмотрев ее, Каштанов решил, что это, должно быть, гесперорнис, зубастая бескрылая птица мелового периода, близкая по строению тела к современным пингвинам. Крылья ее были в зачаточном состоянии и совершенно скрывались в мягким, волосообразном оперении.

Пояс болот и озер

После трехдневного плавания через страну сухих степей путешественники достигли ее южной окраины, где растительность сразу изменилась. Берега реки покрылись зеленою чащей хвойных деревьев, саговых пальм и папоротников многочисленных видов, большей частью совершенно новых, достигавших высоты человеческого роста. Высокие заросли растений, похожих на

камыши, росли в воде вдоль берега, а плоские отмели были покрыты хвоцами высотой в полтора метра и с поперечником большие двадцати пяти миллиметров. Из глубины зарослей неслось неумолкающее стрекотание, а над водой кружились странные насекомые. Они походили на стрекоз, но в размахе крыльев достигали почти сорока сантиметров; тело их, отливавшее металлическим блеском, имело сантиметров двадцать в длину; одни были золотисто-желтые, другие — стально-серые, третьи — изумрудно-зеленые, четвертые — темно-голубые, пятые — огненно-красные. В солнечных лучах они порхали, реяли, гонялись друг за другом, издавая мелодичный треск, напоминавший щелканье кастаньет.

Пораженные этой красивой картиной, путешественники сложили весла. Лодка медленно плыла по течению, а гребцы любовались невиданным зрелищем. Папочкин достал сачок и после долгих попыток поймал одну стрекозу; но, когда он вынимал ее из сачка, она пребольно укусила палец зоолога своими челюстями, и растерявшийся ученый выпустил ее из рук.

Сплошной зеленый барьер, окаймлявший берега, не позволял причалить, и путешественники, утомленные долгим плаванием, тщетно искали глазами хотя бы небольшую чистую лужайку для почлега.

Между тем голод давал себя уже чувствовать, а зеленые стены хвоцей становились все гуще и гуще.

— Эх, нужно было остановиться в конце степи! — сказал Громеко.

— В другой раз будем умнее, — засмеялся Макшеев.

Километр проходил за километром, а зеленые стены не прерывались. Наконец за поворотом реки на левом берегу ее показалась низкая зеленая полоска. В воду выдавалась длинная и узкая коса, переходящая затем в отмель и поросшая только хвоцами. За неимением лучшего решили остановиться здесь и расчистить себе площадку. Лодки ввели в заливчик между косой и берегом, вытащили охотничьи ножи и вступили в бой с хвоцами. Но это оказалось нелегким делом: толстые стебли, жесткие от обильного содержания кремнезема, плохо поддавались ударом ножа, а срезанные оставляли колючие пеньки, на которых нельзя было ни сидеть, ни лежать.

— Попробуем вырвать их с корнем,— предложил ботаник.— Они не должны крепко сидеть в мягком речном наносе.

Совет оказался хорошим: хвоши легко выдергивались из почвы, и через полчаса путешественники расчистили мягкую площадку для палатки и костра. Но костер не из чего было разводить: зеленые хвоши не горели. Нельзя было не только приготовить ужин, но даже сварить себе чай. Кроме того, из хвои поднялись целые рои растревоженных комаров в двадцать миллиметров величиной, спастись от которых можно было только дымом костра.

— Постойте,— сказал Громеко.— Совсем близко, подплывая сюда, я заметил торчавший из чащи ствол сухого дерева. Нужно его добыть!

Вооружившись топорами и веревкой, Громеко и Макшеев отвязали одну из лодок от плота и поплыли вверх по реке. В сотне-другой шагов от стоянки они увидели толстое засохшее дерево с несколькими ветвями, торчавшее в зеленой чаще; но дерево это оказалось на такой высоте над водой, что его нельзя было достать ни рукой, ни топором.

— Попробуем закинуть веревку за сук, может быть, он обломится,— предложил Макшеев.

Громеко удерживал лодку на месте, ухватившись за хвои, а Макшеев перебросил веревку через толстый сук и начал ее тянуть; сук не обламывался, но все дерево начало трещать.

— Пустите лодку, помогите тянуть! — крикнул он товарищу.

Теперь оба ухватились за веревку, стоя в утлой лодке, и дернули изо всех сил. Дерево рухнуло, ударив с размаха по носу лодки, которая под его тяжестью начала погружаться в воду. Громеко только-только успел схватиться за хвои и подтянуть к ним корму, как нос лодки скрылся под водой.

— Скандал! Что мы будем теперь делать? — воскликнул Макшеев.

Оба сидели на корме, ногами в воде, одной рукой держались за хвои, а другой — за веревку, которая не позволяла злополучному дереву уплыть по течению.

— Вылезть на берег нельзя, вычерпать воду нечем,

остается звать кого-нибудь на помощь,— сказал Громеко.

Оба начали аукать и звать. Сначала никто не откликался, но потом послышался голос Каштанова, спрашивавшего, в чем дело.

— Плывите к нам кто-нибудь на помощь, захватите ведро, наша лодка затонула!

— Сейчас приеду! — раздался ответ.

В это время из воды возле затонувшего носа лодки показалась огромная голова зелено-бурового цвета с короткой и широкой мордой и маленькими глазами под плоским черепом. Животное некоторое время смотрело на оцепеневших от неожиданности людей, а затем, разинув пасть и обнажив несколько рядов острых зубов, начало взбираться на нос лодки, которая под его тяжестью стала погружаться глубже. Показалась короткая и толстая шея, затем часть голого туловища; широкие передние лапы когтями цеплялись за борт лодки.

Отправляясь за дровами так близко от стоянки, охотники не взяли с собой ружей и теперь оказались безоружными лицом к лицу с какой-то рептилией неизвестной породы, несомненно плотоядной и сильной. Их топоры остались на носу и теперь были в воде, уже под лапами врага.

— Скорее привязывайте свой нож к рукоятке весла,— крикнул Макшеев,— а я попробую задержать чудовище другим веслом!

Он вынул свой нож и взял его в зубы, а затем, схватив весло, ткнул его со всего размаха лопастью в полу-раскрытую пасть. Сильный удар по нёбу и языку ошеломил животное, которое судорожно сжало челюсти. Послышался треск, острые зубы крошили дерево и впивались в жестянную оковку лопасти. Макшеев толкал весло все дальше в пасть, но оно укорачивалось, потому что челюсти работали и выплевывали осколки дерева, окрашенные кровью.

Но вот Громеко, успевший привязать большой охотничий нож посредством ремешков от сапог к рукоятке второго весла, поднялся позади Макшеева и ударил этим импровизированным копьем в глаз чудовища. Последнее, обезумев от боли, рванулось в сторону, вырвало весло из рук Макшеева и исчезло в реке, показав на мгновение свою широкую буро-зеленую

спину с двойным рядом чешуй вдоль хребта и короткий толстый хвост, который ударил по воде с такой силой, что обоих охотников с ног до головы окатило струями и брызгами воды.

Лодка, отдернутая движением чудовища от берега, окончательно погрузилась в воду.

В это время Каштанов, спешивший на помощь, находился уже недалеко от места катастрофы; выплывая из-за поворота, он увидел водяной смерч, поднятый чудовищем, но не понимал, что случилось. Мимо него, покачиваемое волнами, ныряя и всплывая, пронеслось сухое дерево; гребец принял его за крокодила и хотел ударить багром. Но в это время раздался крик Громеко, не желавшего терять добычу, стоившую таких усилий.

— Бревно, ловите бревно! Это наши дрова!

Каштанов подцепил дерево багром, взял его на буксир и подплыл наконец к стоявшим по пояс в воде товарищам.

После некоторой возни подняли лодку, вычерпали из нее воду и вместе с добычей вернулись к палатке, где Папочкин с остервенением отмахивался от комаров, а Генерал спасался от них, забравшись по уши в воду.

Быстро вытащили бревно на берег, нарубили дров, и вскоре весело затрещал костер; наваленные на него хвоица дали такой едкий дым, что комары обратились в бегство, а у сушившихся возле огня Макшеева и Громеко градом покатились слезы.

Выслушав их рассказ о нападении водяного чудовища, Каштанов заметил:

— Я думаю, что это был ящер, представитель семейства, вымершего к третичному периоду на поверхности нашей планеты.

— Ихтиозавр¹, что ли? — спросил Макшеев, помнивший кое-что из курса палеонтологии, пройденного на горном факультете.

¹ Ихтиозавры — морские ящеры юрского и мелового периодов с признаками рыб и ящеров (отсюда и название); тело их рыбообразное, без шеи, голова вытянута в клювоподобное рыло, как у дельфина; длинный хвост оканчивается плавником, на спине тоже плавник; передние и задние конечности короткие в виде плавников; тело покрыто голой кожей. Некоторые виды достигали 8—9 метров длины.

— Нет, не он, судя по вашему рассказу. Ихтиозавр был гораздо больше, имел другую форму головы и жил раньше, в юрское время. Ваш приятель походит скорее на небольшого мелового крокодила.

— Да, с ихтиозавром вы бы так легко не справились, — заметил Папочкин, — а плезиозавр имел шею подлиннее вашего весла и живо подцепил бы вас прямо из воды, а не лез бы в лодку.

— Можно надеяться, что мы со временем встретимся и с этими огромными ящерами, — сказал Каштанов, — судя по тому, что, продвигаясь вниз по реке, мы встречаем представителей все более и более древней фауны. Сейчас мы уже очутились в середине или даже в начале мелового периода.

— Да, как животный, так и растительный мир становится все более и более непохожим на то, что мы привыкли видеть на поверхности земли, — прибавил Громеко. — Перемена совершается постепенно, и мы сразу же не отдаем себе отчета в ней. А если подумать, то вокруг нас все новое: исчезло множество лиственных деревьев, цветов, злаков, преобладают пальмы, осоковые и голосемянные, появились в изобилии тайнобрачные¹.

— Это подземное царство таит еще многое неожиданного, и нам нужно быть более осторожными. Ни шагу без ружья с разрывной пулей!

— Я думаю, нам следует только немного отдохнуть, пока не сварится ужин, поесть и продолжать путь до более удобного места. На большой костер для защиты от хищников у нас не хватит дров, — заявил Громеко.

Все согласились с этим мнением. Вытащили пострадавшую лодку для просушки и починки, поужинали, поспали часа два вокруг дымокура и снова пустились в плавание, захватив с собой остатки дров.

Еще часа два тянулась все та же непроницаемая чаща с каймой камышей и хвоющей. В тихих местах рыба плескалась или выскакивала из воды, спасаясь от пого-

¹ Тайнобрачные растения не имеют настоящих цветов с тычинками и плодолистиками, а размножаются спорами. Они характерны для более древних периодов жизни Земли, начиная с девонского. Примеры тайнобрачных: папоротники, хвощи, плауны, мхи и настоящие грибы.

ни. Иногда можно было заметить, как вслед за выскочившей рыбой из воды на мгновение появлялась противная морда ящера с разинутой пастью, после чего водовороты и расходившиеся круги обнаруживали, что в водную пучину быстро погрузилось крупное тело. По временам беззаботно реявшее стрекозы разлетались во все стороны, прячась в листве и камышах от большой голубой птицы с огромным клювом, которая налетала откуда-то с сильным шумом и на лету хватала зазевавшееся насекомое.

Наконец зеленые стены начали раздвигаться, течение реки стало медленнее и водная гладь расширялась все больше и больше — река превратилась в озеро, среди которого виднелись острова. Один из островов привлек к себе внимание путешественников. Только одна половина его была занята высокой чащей леса, а другая представляла довольно большую лужайку с несколькими, частью засохшими деревьями. К ней и поспешили прикальтить.

Эта луговая поляна острова была покрыта низкой, но жесткой травой, которая при рассматривании оказалась особым видом плауна. Лужайка находилась в верхней половине острова, а ветерок тянул вниз по воде. В топливе не было недостатка, поэтому решили устроить вдоль опушки чащи несколько хороших дымокуров, чтобы выгнать с острова всех хищников и обеспечить себе покой.

Когда затрещали костры и клубы дыма потянулись в глубь чащи, из последней начали вылетать мелкие птицы и разные насекомые, иные падали на землю и дали зоологу возможность набрать интересную коллекцию незнакомых видов. Затем на лужайку выбежало странное и страшное существо, очень напоминавшее дикобраза, но величиной с крупного быка — его иглы имели около метра в длину.

Ощетинившись и превратившись в нечто вроде огромного колючего шара, животное пробежало мимо оторопевших людей и скрылось в камышах.

Вслед за ним короткими и высокими прыжками выскочило из чащи животное, облик которого напоминал хищника. Оно было темно-желтой масти, с кошачьей головой, довольно длинным и толстым хвостом, короткими ногами и тупой мордой, оскалившей

острые зубы. В общем, оно было похоже на большую — почти в два метра длиной — речную выдру, отличаясь от нее только более заметными ушами и короткой гривой. Хотя оно не обнаруживало намерения нападать и прокрадывалось вдоль опушки к воде, но облик его так заинтересовал Каштanova, что он уложил хищника удачным выстрелом.

Зверь действительно оказался интересным: в его пасти нельзя было различить ни плоских резцов, ни остробугорчатых коренных зубов, как у хищников позднейших времен. Все зубы были более или менее острые, конические, как у пресмыкающихся. Только передние, заменившие резцы, были немного меньше других и несколько сдавлены, сидевшие по бокам челюсти — несколько больше, а клыки превышали все остальные по величине и выдавались над ними в обеих челюстях, особенно в верхней.

— Вот интересный пример первобытного млекопитающего, имеющего еще зубы ящера, но уже с началом той дифференцировки, которая развилаась в позднейшие периоды, — сказал геолог.

Из чащи больше никто не появлялся, так что путешественники могли наконец отдохнуть давно заслуженному отпуску, конечно, под охраной очередного караульного, поддерживавшего дымокуры, спасавшие от жалящих насекомых. Благодаря этому спали спокойно.

На следующий день продолжалась местность того же характера, как и накануне под вечер. Река окончательно превратилась в озеро с множеством островов, течения почти не было заметно, и все время приходилось работать веслами. Над водой и лесом реяли цветные стрекозы и огромные рогатые жуки, достигавшие тридцати сантиметров в длину; пролетали бабочки, каждое крыло которой могло покрыть руку человека. По временам появлялись странные мелкие и крупные птицы синевато-серого цвета, немного напоминавшие цаплю, только с более короткими ногами, длинным хвостом и коротким клювом, в котором можно было различить мелкие зубы.

Одну птицу удалось подстрелить на лету, и Каштанов демонстрировал своим спутникам это странное пернатое, представлявшее переходную форму между ящерами и птицами. Оно имело размеры журавля

и было покрыто сине-серыми перьями; его длинный хвост состоял не только из перьев, как у птиц, но также и из многочисленных позвонков, то есть имел строение хвоста пресмыкающихся, а перья росли по обеим сторонам этого хвоста. На крыльях имелось по три длинных пальца с такими же когтями, как и на ногах, так что эта птица могла лазить по деревьям и по скалам, хватаясь за них и передними конечностями. Рассмотрение животного привело Каштанова к выводу, что оно принадлежало к роду археоптериксов, но отличалось от экземпляров, найденных в верхнеюрских отложениях Европы, значительно большей величиной.

К концу дня берег сделался совсем низменным и на значительных протяжениях представлял болото, заросшее хвоющими и папоротниками, над которыми кое-где возвышались группы странных деревьев, приспособленных к существованию в воде. Эти заросли давали приют различным жалящим насекомым, которые с яростью нападали на путешественников при каждой попытке последних причалить к зеленой стене ради коллекционирования, а затем некоторое время преследовали их по воде. Комары длиной в двадцать пять миллиметров, мухи величиной со шмеля, оводы и слепни крупнее четырех сантиметров состязались в этих крылатых атаках на людей, которые вынуждены были позорно отступать и начали уже тревожиться при мысли о близком ночлеге среди полчищ этих мучителей.

Несколько часов плыли по этой болотистой местности, налегая дружно на весла, чтобы скорее из нее выбраться. Животный мир здесь, по-видимому, ограничивался насекомыми, первобытными птицами в воздухе, рыбами и ящерами, таившимися в темной и глубокой воде и выдававшими свое присутствие всплесками и водоворотами. Существование четвероногих наземных животных в болотистых зарослях, по-видимому, было невозможно.

— И какое наземное животное могло бы выдержать укусы этого страшного гнуса? — сказал Громеко, употребляя сибирское выражение для обозначения жалящих кровопийц.

Но вот с юга пахнуло свежестью и по временам

можно было различить какой-то равномерный шум, доносившийся оттуда.

— Впереди большое открытое озеро с голыми берегами или море, — сказал Макшеев. Он первый уловил этот шум.

— Море? — удивился Папочкин. — Неужели в Плутонии имеется даже море?

— Если есть реки, в чем мы не можем сомневаться, они должны впадать в конце концов в какой-нибудь бассейн со стоячей водой. Не могут же реки течь бесконечно.

— А разве реки не могут теряться в болотистых озерах, подобных тому, по которому мы едем, или иссякать в песках?

— Совершенно верно! Но при обилии воды вероятнее существование открытого бассейна, тогда как полузаросшее озеро, по которому мы плывем, составляет только его преддверие.

Море ящеров

Всех интересовал вопрос, какие размеры имеет этот бассейн, не поставит ли он предел их путешествию в глубь Плутонии, потому что пускаться на парусиновых лодках в глубь безбрежного моря было бы, конечно, невозможно.

Через час впереди, в конце широкой полосы реки-озера с почти незаметным течением, показалась синяя кайма. Устье реки было близко. Налегли сильнее на весла и еще через полчаса подплыли к началу озера или моря.

Растительность, окаймлявшая берега реки, не доходила до самого берега моря, а была отделена от воды широкой оголенной полосой песка. Очевидно, прибой волн не давал ей возможности укрепиться у самой воды.

На этом песчаном пляже, обвеваемом морским ветром и свободном от докучливых насекомых, путешественники расположились на ночлег.

Выгрузив на берег вещи и разложив костер, все побежали к морю, чтобы убедиться, какая в нем вода. Они хотели узнать, является ли море конечным замкнутым бассейном с соленой водой или только боль-

шим проточным озером. Кроме того, всем хотелось купаться, потому что за последние дни, с тех пор как убедились в существовании крупных ящеров в водах реки, от купания пришлось отказаться.

Быстро раздевшись на мягком песчаном берегу, все вошли в мелкую воду, глубина которой увеличивалась очень медленно и только шагах в пятидесяти от берега вода достигала пояса. Она оказалась заметно соленой, но не в такой степени, как в океанах поверхности земли; ее можно было сравнить с водой Балтийского моря.

Освежившись купанием, путешественники стали обсуждать вопрос о дальнейшем плавании. Море оказалось не безбрежным: на южной стороне горизонта можно было различить противоположный берег даже простым глазом, а хороший бинокль показывал совершенно отчетливо зеленую стену зарослей, более высокие группы деревьев, местами же темные лиловатые массы — вероятно, скалы и обрывы. Позади зеленой стены благодаря вогнутости земной поверхности также можно было видеть, но уже менее ясно, сплошную поверхность того же лиловатого цвета и кое-где группы более высоких гор. Такой характер местности возбудил у всех исследователей желание перебраться на южный берег. Это не было невозможным; до него не могло быть больше сорока — пятидесяти километров, и в тихий день с легким попутным ветром, позволявшим воспользоваться парусом, можно было бы без особенного риска пуститься в плавание.

Ввиду неудачной охоты последних дней в поясе болот и озер запас мяса иссяк, и на ужин варились только каша. Но Макшеев и Папочкин предприняли рыбную ловлю; во время купания они заметили крупную рыбу, поэтому захватили удочки и отправились вверх по берегу реки к тому месту, где она выходила из зарослей и вода была глубже. Довольно долго поплавки оставались спокойными, и рыболовы уже думали переменить место, как вдруг рыба стала сразу сильно клевать.

Макшеев подсек и выбросил на берег крупную рыбу, но у Папочкина добыча оказалась настолько тяжелой, что могла оборвать лесу, поэтому он начал подводить попавшуюся рыбу к берегу, чтобы подцепить ее сачком. И вдруг вода вздулась пузырем, удочку рвану-

ло, и какая-то темная масса унесла пойманную рыбу вместе с крючком; рыболов успел рассмотреть только спину, покрытую крупной чешуей, и короткий хвост.

Макшеев, занятый сниманием своей рыбы с крючка, услыша сильный всплеск воды, закричал:

— Ну и рыбина попалась вам, Семен Семенович, должно быть, килограммов в восемь весом!

— Не восемь, а в восемьсот! — ответил пораженный ужасом зоолог.— Она оборвала мою удочку и ушла.

Макшеев подбежал к нему и принес показать свою рыбу. Это было очень странное животное — широкое и плоское, как камбала, покрытое грубой чешуей, состоявшей из пластинок в квадратный сантиметр, с однопластным хвостом, глазами на одной стороне тела и длинными шипами вдоль спины.

— Можно ли есть такое чудовище? — спросил он с сомнением.

— Конечно, можно, оно похоже на камбалу, хотя и имеет отличия от нее. Я думаю, что это скат. Вообще можно есть всякую свежую рыбу, потому что ядовитыми бывают только у некоторых родов икра, молоки или черная пленка, выстилающая брюшную полость. Если удалить все внутренности, можно есть рыбу и незнакомого вида — разве что мясо ее окажется вонючим или слишком костиистым.

— В таком случае попробуем и половим еще. А какой вид имела ваша удравшая рыбина?

— Я думаю, что это была не рыба, а крупный ящер, который оборвал пойманную рыбу и проглотил ее вместе с крючком и куском лесы.

— Эге, видно, и здесь водятся эти хищники! А мы так беззаботно купались в море.

— Да, нужно быть осторожнее. Ведь в морях юрских времен — а это море, по-видимому, перед нами — водились огромные ихтиозавры, плезиозавры и другие хищные ящеры, которым ничего не стоило бы перекусить человека пополам.

— А акулы в те времена еще не существовали?

— Тоже были. Эти хищники известны чуть не с девонского периода и достигали огромной величины. Найдены зубы их длиной в семьдесят сантиметров. Представьте себе пасть, соответствующую таким зубам!

Рыболовы опять закинули удочки и вскоре поймали крупных рыб, похожих на современную стерлядь. Пойманые рыбы были тотчас же вычищены и попали в уху. Пока она варилась, рыболовы наловили еще десяток таких же обитателей глубин.

После ужина все сидели возле палатки, покуривая трубки и обсуждая предстоящее плавание по морю, которое тихо плескалось на песке, усыпанном раковинами различных моллюсков, возбудивших большой интерес геолога.

Пока товарищи ловили рыбу, он набрал целую коллекцию и определил, что они относятся к аммонитам¹.

— Смотрите, — прервал беседу возглас Громеко, — какие огромные морские змеи!

На расстоянии около ста метров от берега над поверхностью моря поднялась одна, а затем другая голова, сидевшие на длинной шее; головы были плоские, как у змеи, а шеи грациозно извивались. Казалось, что плывут два огромных черных лебедя, туловища которых чуть поднимались над водой.

— Это не змеи, — сказал Каштанов, разглядывая животных в бинокль. — Я уверен, что это не что иное, как плезиозавры², присутствие которых в верхнеюрском море вполне возможно.

— Какие чудовища! — заметил Папочкин, также следивший в бинокль за движениями животных. — Я думаю, что шея у них имеет не меньше двух метров в длину.

— А к нам в гости они не пожалуют? — спросил Громеко, который помнил еще приключения в лодке с ящером.

— Кто знает? Но я думаю, что на суше они очень неповоротливы и мы сумеем уйти от них. На всякий случай зарядим ружья разрывными пулями.

¹ А м м о н и т ы — отряд вымерших головоногих моллюсков с многокамерной, спирально свернутой раковиной. Моллюск занимал только переднюю камеру, подобно современному наутилусу. Особенно много родов и видов аммонитов было в триасовый, юрский и меловой периоды.

² П л е з и о з а в р ы — морские ящеры юрского и мелового периодов с массивным телом, покрытым голой кожей, длинной лебединой шеей, маленькой головой и двумя парами ластообразных конечностей; достигали 3—5 метров в длину.

Но морские чудовища не обнаруживали желания вылезать на сушу; они начали нырять, преследуя рыбу. Тихо плывя вдоль берега, они высматривали добычу впереди себя, затем быстрым движением шеи и головы схватывали ее, подбрасывали в воздухе и подхватывали уже с головы, чтобы глотать не против шипов и чешуй, а по ним. Движения плезиозавров при этом были очень быстры и грациозны. Но иногда намеченная жертва ускользала, и тогда животное в погоне за ней почти выскакивало из воды, с шумом рассекая волны и вытягивая шею далеко вперед.

Эта рыбная ловля плезиозавров, за которой путешественники следили с большим интересом, кончилась дракой. Оба плезиозавра одновременно схватили одну и ту же рыбу, вероятно достаточно крупную, и каждый старался вырвать ее из пасти другого.

Одному это удалось, и он пустился наутек, второй преследовал его, догнал и обнял своей шеей шею противника, чтобы заставить его выпустить рыбу. Спутавшиеся шеи извивались то в ту, то в другую сторону, темные тела напирали друг на друга, короткие хвосты и ласты-плавники бешено били по воде, разбрызгивая ее фонтанами. Наконец один плезиозавр, рассвирепев, выпустил рыбу, вонзил зубы в шею соперника и повлек его в глубину. Вода долго сице волновалась над тем местом, где скрылись чудовища.

Через час Громеко и Каштанов, собирающие по берегу выброшенные волнами куски деревьев для ночного костра, увидели темную массу, качавшуюся на волнах. Ее несло вдоль берега, постепенно приближая; наконец она остановилась, вероятно попав на мель.

Возвратившись с дровами к палатке и застав двух товарищей уже спящими, они отвязали одну из лодок и поплыли к темной массе. Оказалось, что это один из плезиозавров, на трупе которого уже сидели какие-то крупные птицы и клевали его; другие, поменьше, кружились в воздухе над ним, очевидно ожидая своей очереди, чтобы поживиться, и издавая звуки, напоминавшие кваканье огромных лягушек. Движения их при полете напоминали летучих мышей.

Пришло разогнать стаю несколькими выстрелами, чтобы приблизиться к трупу, голова которого с верхней частью шеи держалась только на лоскутах кожи,

изорванной зубами соперника. Мертвое животное плыло брюхом вверх, выставив из воды свои огромные ласты-плавники. Брюхо было покрыто голой кожей буро-зеленоватого цвета.

Вытащить плезиозавра на берег не было возможности: его тулowiще имело более двух метров в длину, хвост немногого меньше, а шея больше; задние ласты достигали почти полутора метров.

Подстреленные птицы оказались летающими ящерами двух родов: более крупные (птеродактили¹) по величине превышали орла, мелкие достигали размеров крупной утки.

Те и другие имели огромную голову с зубастым клювом, голое тулowiще и летательную перепонку, соединявшую передние и задние конечности, как у летучей мыши. Мелкая порода обладала длинным хвостом.

Переезд через море

На следующий день погода оказалась вполне благоприятной для плавания по морю. Небо было почти безоблачно, дул слабый северный ветер, позволявший применить парус, но не разводивший большой волн. Готовясь в путь, тщательно осмотрели лодки и плот и растянули палатку между двумя баграми, служившими вместо мачт. На пирамиде из плавника, сооруженной Макшеевым на берегу, поставили еще жердь с белым флагом, который должен был служить сигналом для обратного пути. Несколько дальше от берега, у самого края зарослей, куда прибой мог достигать только в исключительных случаях, в песке вырыли яму и спрятали в ней собранные коллекции — горные породы, гербарии, черепа, кости и шкуры животных, чтобы не рисковать их подмочить при плавании и не везти лишнюю тяжесть. Над засыпанной ямой устроили вторую пирамиду из плавника, чтобы какие-либо хищники не

¹ Птеродактили, или летающие ящеры, — вымершие пресмыкающиеся юрского и мелового периодов. Имели большие челюсти с коническими зубами, длинную шею, некоторые — длинный хвост. Передние и задние конечности соединялись перепонкой, так что эти ящеры могли летать подобно летучим мышам. Птеродактили были разной величины — от размера мыши до огромных, в метр длины и 6 метров в размахе крыльев.

могли разрыть ее, привлекаемые запахом шкур. В бутылочке подвесили к пирамиде краткое описание пути экспедиции от юрты до берега моря.

Покончив с этими работами, путешественники уселись в лодки и пустились в путь, держа курс прямо на юг, к чуть видневшемуся вдали противоположному берегу. Когда судно несколько отделилось от берега, ветер надул парус, и движение сделалось более быстрым.

Отплыв от северного берега моря, путешественники лучше могли судить о его общем характере. В обе стороны, на восток и на запад от устья реки Макшеева, берег был окаймлен той же высокой зеленой стеной, разорванной в немногих местах устьями подобных же рек. Пирамида с флагом хорошо выделялась на зеленом фоне. Ни гор, ни даже холмов позади полосы зарослей не было видно, и, очевидно, местность, прилегавшая к этому берегу моря, на значительное расстояние представляла низменную равнину, вероятно сплошь лесистую и болотистую.

После двухчасового плавания сделали отдых, предложив судну плыть только под парусами.

Море было почти спокойно. Легкий ветерок чуть рябил его поверхность, совершенно пустынную вдали от берегов. Глубина была велика, так как шнурок с грузом длиной в сто метров не достал дна. Других средств измерения у путешественников не было. Отдохнув, они взялись опять за весла и гребли еще час.

Теперь они находились приблизительно на середине моря, потому что оба берега казались одинаково далекими. Вскоре ветер немного посвежел. Поплыли быстрее. Уже хорошо различались высокие утесы черного, лиловатого и красноватого цвета, поднимавшиеся уступами в глубь страны. Они тянулись вдоль самого берега, а правее уступали место зеленой стене леса; эта стена еще дальше вправо сменялась высокими красноватыми холмами, то доходившими до самой воды, то отделенными от нее узкой полосой зелени.

По мере приближения к берегу море начало оживляться: появились огромные медузы, до метра в диаметре, покачивавшие свои прозрачные студенистые тела на волнах; когда переставали гребсти, в воде можно было различить стаи мелких и крупных рыб. По време-

нам показывались наутилусы, распустившие свои паруса и красные щупальца поверх белоснежной раковины.

В двух километрах от берега количество обитателей моря сделалось еще больше. Местами водоросли образовывали целые плавучие острова, и весла погружались с трудом в их зеленую мягкую массу; вместе со стеблями этих растений можно было добывать из моря мелкие ракушки, рыбок и насекомых.

Бросили свой импровизированный лот; глубина оказалась двадцать пять метров. Отсюда уже хорошо видна была белая полоса прибоя у подножия утесов.

До сих пор плавание шло как нельзя лучше и походило на увеселительную прогулку. Но путешественникам суждено было испытать и тревожные моменты. Примерно в километре от берега из воды быстро поднялась на расстоянии каких-нибудь тридцати метров от судна голова плезиозавра и, грациозно покачиваясь на длинной шее, стала подвигаться навстречу. Ящер плыл медленно, разглядывая людей, которых вместе с их судном, очевидно, принял за какого-то большого, невиданного зверя.

Ружья с разрывными пулями были наготове, и, когда плезиозавр приблизился, грянули два выстрела. Обе пули попали в цель; стройная шея содрогнулась, кровь хлынула из полуоткрытой пасти, голова беспомощно повисла на раздробленной шее, и животное начало биться на воде, поднимая такие волны, что мореплавателям пришлось поскорее отплыть подальше, чтобы их не затопило.

Они усиленно гребли к берегу, когда мимо них, вздымая две гряды волн, словно подводная лодка, промчалась темная масса; из воды выдавалась зелено-бурая спина и длинная огромная голова, напоминавшая голову крокодила. Полуоткryв пасть, усаженную острыми зубами, чудовище стремилось к умиравшему плезиозавру, рассчитывая на легкую поживу.

— Это, вероятно, ихтиозавр! — воскликнул Каштанов, провожая глазами страшного ящера.

— Ну, эта гадина будет похуже той, — заметил Макшеев, — он свободно может схватить и перекусить пополам человека.

— И его трудно заметить и пристрелить в воде, — сказал Громеко.

Берег был уже недалеко; подплывая к нему, исследователи имели еще возможность видеть, как молодой ихтиозавр охотился за рыбой, которая спасалась от него, выскакивая из воды, совершенно так же, как выскакивают пескари, гольяны, язи, преследуемые прожорливой щукой; пасть ихтиозавра имела большое сходство с пастью щуки.

Отклоняясь от бурунов у подножия обнаженных скал, путешественники гребли к низкому берегу, окаймленному зеленою стеной, где виднелась ровная песчаная площадка, удобная для стоянки. Но море у берега было настолько мелкое, что пришлось вылезти из воды и тащить руками лодки и плот. Переезд через море занял около шести часов, время было близко к полудню, и после обеда и отдыха можно было еще побродить по окрестностям. Плот и лодки вытащили на берег, расставили палатку и стали варить обед. При этом обнаружили, что пресная вода на исходе.

— Мы поступили очень неосторожно,— сказал Папочкин,— кто знает, есть ли на этом берегу пресная вода? Нужно было взять с собой воды на несколько дней.

— Если мы воды не найдем, придется плыть обратно через море, почти ничего не увидев на этом берегу,— заявил Громеко.

— Я думаю, что ваши опасения напрасны,— успокоил Каштанов.— Если бы этот берег был совершенно лишен растительности, тогда другое дело. Но тогда бы мы, конечно, привезли с собой пресную воду, на эту мысль навел бы нас его пустынный характер.

— Я уверен, что мы по соседству найдем или ручей, или источник,— сказал Макшеев,— потому что эта пышная растительность не может существовать на соленой воде.

После обеда и отдыха зоолог и ботаник отправились в лес за водой, а Каштанов и Макшеев должны были заняться осмотром береговых утесов к востоку от стоянки.

Все вооружились ружьями, заряженными разрывными пулями на случай встречи с сухопутными ящерами или какими-нибудь другими хищниками. Генерала привязали у палатки, а в стороне разложили большой костер, который должен был пугать незваных гостей.

Милионы и миллиарды Макшеева

Ближайшие утесы почти черного цвета с красными и желтыми пятнами и подтеками на поверхности оказались состоящими из железной руды — сплошного магнитного железняка. Каждый удар молотка по скале обнаруживал эту руду, и только местами можно было заметить гнезда и вкрапления какой-то другой темной породы.

— Какие богатства лежат здесь бесполезно! — воскликнул Макшеев, когда они осмотрели ряд береговых утесов и везде оказалась руда, с поверхности только немного выветрившаяся и окислившаяся.

— Да, здесь можно было бы устроить рудник, который снабжал бы рудой все человечество на земной поверхности, — заметил Каштанов. — Конечно, раньше пришлось бы построить железную дорогу через Плутинию и Землю Нансена и поставить гигантские ледоколы в море Бофора.

— Это — дело будущего, вероятно не слишком далекого! Когда сократятся запасы железной руды там, наверху, и не такие предприятия окажутся выгодными и необходимыми для человечества.

На расстоянии километра от начала утесов дальнейший осмотр берега был остановлен морем, волны которого разбивались у самого подножия отвесных скал, не оставляя даже узкой тропинки для прохода.

— Придется осматривать дальше с лодки в тихую погоду, — заметил Макшеев.

— А пока не попробуем ли мы пробраться вверх по одному из ущелий, мимо которых прошли? — предложил Каштанов.

Вернувшись немного назад, оба исследователя углубились в первое же ущелье, врезанное в утесы железняка. Устье его было завалено громадными глыбами руды, через которые приходилось перелезать с большим трудом.

Во время этого гимнастического упражнения Макшеев вдруг остановился пораженный.

— Посмотрите-ка, что это? — воскликнул он, указывая на блестящую ярко-желтую жилку толщиной в пять — десять сантиметров, пересекавшую огромную

глыбу магнитного железняка.— Держу пари на что угодно, что это чистое золото!

— Вы совершенно правы! — ответил Каштанов.— Это самородное золото, и довольно высокой пробы.

— Ну и богатства здесь валяются! — воскликнул бывший золотоискатель.— Много месторождений золота пришлось мне видеть в Калифорнии и в Аляске, но такой жилы сплошного золота я еще не встречал и даже не слыхивал о чем-либо подобном.

— Мне также не приходилось читать в описаниях о подобных жилах,— подтвердил Каштанов.— Но ведь она проходит только в глыбе, а не в скале, и богатство ее в конце концов ограничивается несколькими десятками килограммов.

— Если есть жила в глыбе, почему не может найтись ее продолжение в утесе, от которого глыба оторвалась?

— Разумеется! Мы, конечно, поищем, но возможно, что она выходит наружу в совершенно неприступном утесе, и мы будем смотреть на нее, как лисица на виноград: «Хоть видит око, да зуб неймет!»

— Нет утесов, недоступных для динамита и горных работ! — с увлечением вскричал Макшеев.— Лишь бы найти ее!

— Я думаю, что интерес этой находки будет для нас чисто теоретический. Мы не можем увезти с собой на наших ладьях не только тонну, но даже и сотню килограммов золота.

— Ну так что же! Увезем, сколько можно, а затем снарядим специальную экспедицию в недра земли за золотом.

Осмотрев утесы, возвышавшиеся в устье ущелья над грудой глыб, и убедившись, что в них золота не видно, геологи пошли вверх по ущелью, которое далее немногого расширялось. Его бока поднимались отвесно, дно было усыпано щебнем и мелкими обломками. В боках виден был только магнитный железняк, но среди щебня Каштанов заметил и другие породы.

— Вот вам еще золото! — сказал Макшеев, пройдя вверх по ущелью шагов пятьдесят. Он поднял обломок руды, в который золото было вкраплено мелкими точками.

Шагах в двухстах от устья дно ущелья начало подниматься вверх, а затем превратилось в ряд уступов. Преодолев первые из них, геологи остановились перед совершенно отвесной скалой вышиной в четыре метра, преградившей им путь, так как на гладкую стену железняка вскарабкаться не было никакой возможности.

Макшеев с огорченным видом стукнул молотком по отвесной стене и воскликнул:

— Дальше ходу нет, и наши надежды на золотую жилу рухнули!

— Да, придется искать другое ущелье.

— Ну что это? — рассердился Макшеев. — Вместо того, чтобы дать нам золото, утес хочет отнять у меня единственный молоток.

Этот возглас объяснялся тем, что молоток словно прилип к стене, и золотоискатель напрасно старался оторвать его.

В это время Каштанов, который рассматривал породу возле уступа, повернулся к ней спиной, на которой висело ружье, и почувствовал, что какая-то могучая сила притянула его к себе. Ружье брякнулось о стену, и геолог оказался не в силах от нее оторваться.

— И сильна же магнитность этой руды! — воскликнул он, сообразив, в чем дело. — Это магнитный железняк притянул к себе и ваш молоток, и мое ружье!

— Но как же мы освободим их? Не оставлять же такие необходимые вещи тут на вечную память о нашей неудачной экскурсии?

Каштанов вылез из ремня, а ружье осталось плотно приставшим к стене. В это время Макшеев, взявшись обеими руками за молоток, дернул его изо всех сил и оторвал от стены. Затем оба взялись за ружье и соединенными силами отделили и его от утеса.

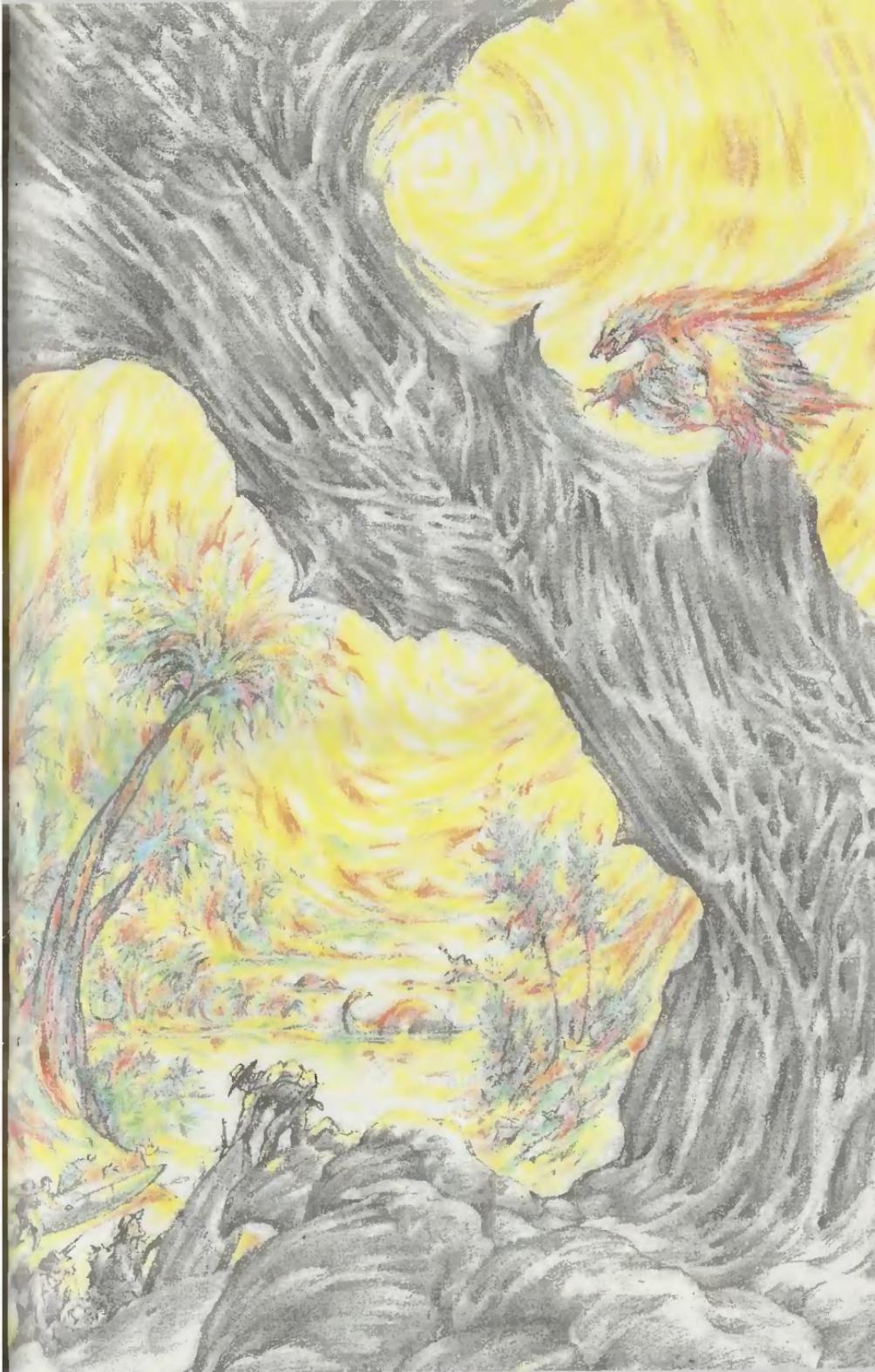
— Делать нечего, идем назад! — предложил Каштанов. — С железными предметами в руках мы только измучаемся.

— Постойте, я придумал средство взобраться выше. Ружья мы оставим здесь: в этом голом ущелье никакого зверя быть не может.

— Ну и потом?

— А вот смотрите!

Макшеев набрал среди щебня на дне ущелья угловатые, достаточно крупные куски руды и начал их при-

ставлять ровной стороной к отвесной стене уступа; они тотчас же прилипали и держались крепко. Прилипшие куски образовали лестницу, по которой с некоторым риском можно было залезть наверх.

— Удивляюсь вашей находчивости, — сказал Каштанов. — Вы настоящий золотоискатель, который выходит с честью из любого затруднительного положения.

— Благодарю за комплимент! На эту идею меня навел мой молоток. Когда он торчал у стены рукояткой ко мне, а я давил на него рукой и не мог сдвинуть с места, у меня и явилась мысль — вот тебе ступенька лестницы; остальное понятно.

Оставив ружья, патронташи и сумку с собранными образцами руды на дне ущелья, геологи полезли наверх. Впереди лез Макшеев и продолжал лестницу из кусков, которые подавал ему снизу товарищ. Через пять минут оба были наверху.

Ущелье сохраняло тот же характер: отвесные стены справа и слева, ряд уступов на дне, и везде сплошная более или менее магнитная руда. Вскарабкавшись еще шагов на двести, геологи увидели на дне ущелья глыбу величиной с бычью голову, ярко-желтого цвета. Это было сплошное золото.

— Ну-ка, золотоискатель, унесите-ка этот кусочек к нам в лагерь! — засмеялся Каштанов.

— Да, почтенная штучка, — ответил Макшеев, толкая ногой глыбу, которая и не шевельнулась. — Я думаю, эта штучка весит килограммов восемьдесят и стоит около ста тысяч рублей! Очевидно, золотая жила близко!

Поднявши головы вверх, оба начали внимательно осматривать отвесные бока ущелья и вскоре справа, на высоте около четырех метров, увидели среди темного магнитного железняка желтую жилу золота, шедшую наискось; она то раздувалась до полуметра, то сжималась, давая отпрysки вверх и вниз.

— Миллионы, миллионы перед нами! — вздохнул Макшеев, окинув взором видимую длину жилы. — Здесь десятки тонн золота прямо на виду!

— Вы слишком увлекаетесь золотом, — заметил Каштанов. — Пусть эта жила стоит десятки миллионов, но ведь это только жила! А ее окружает целая гора

ценной железной руды, миллиарды тонн, которые стоят миллиарды рублей.

— Но весьма вероятно, что и жила не одна; возможно, что целые участки горы состоят из золота, и тогда его запасы будут стоить тоже миллиарды рублей.

— Если бы мы стали добывать такие массы золота, его рыночная цена быстро бы упала. Оно потому так дорого, что его в природе мало. А значение золота в жизни человечества гораздо меньше, чем значение железа, без которого современная техника не может обходиться. Уничтожьте золотую монету и бесполезные золотые украшения, и спрос на золото окажется очень небольшим.

— Вы увлекаетесь ролью железа,— возразил Макшеев.— Если бы золота было много, оно заменило бы многие металлы, особенно в сплавах с медью, цинком, оловом. Техника предъявляет большой спрос на прочные, неокисляющиеся металлы и сплавы. Из дешевого золота делали бы бронзу, проволоку и многое, на что теперь поневоле бьрут медь и ее сплавы.

— Все-таки здесь, бесспорно, громадные запасы железа и проблематические, сравнительно небольшие запасы золота.

— Ну хорошо, вы берите себе запасы железа, а мне предоставьте золото, когда мы вернемся сюда, чтобы разрабатывать их,— засмеялся Макшеев.

— Могу предоставить вам и железную руду, пусть эти миллионы или миллиарды будут вашей добычей! — ответил такой же шуткой Каштанов.

Вернувшись к берегу моря, исследователи осмотрели еще несколько подобных же ущелий. Везде стены состояли из железной руды, местами с прожилками и гнездами золота. Но толстой жилы, подобной найденной в первом ущелье, больше не встречали, так что Макшеев вынужден был признать, что богатства, представленные железной рудой, несравненно больше, чем те, которые давало золото. Тяжело нагруженные образцами миллионной и миллиардной руды, геологи пришли наконец к палатке, где поразили своим рассказом товарищей, вернувшихся немного раньше.

Лес хвоицей

Песчано-галечный пляж моря был ограничен со стороны суши густой растительностью; друг возле друга стояли огромные хвоицы, достигавшие восьми—десяти метров в высоту. Зеленые ветки их начинались на небольшой высоте над землей, так что под ними можно было пробираться только ползком или сильно согнувшись. Между хвоицами росли древовидные папоротники разных видов. В общем, получалась чаща, почти непроходимая для человека.

Папочкин и Громеко начали искать тропу или естественный разрыв в чаще и наконец нашли узкое сухое русло, пролегавшее по границе между утесом и лесом. Недалеко от моря русло раздвоилось: левая ветвь продолжала идти между утесами и лесом, правая уходила в глубь чащи. Растительность здесь немного изменилась: кроме хвоицей и папоротников, попадались саговые и другие пальмы, которые поднимались на несколько метров выше хвоицей. Почва в лесу была покрыта мелкой травой, жесткой, как щетина. Вдоль русла, на краю лесной чащи, теснились и другие растения. Громеко то и дело произносил названия и приходил все больше и больше в азарт.

— Знаете ли,— воскликнул он наконец,— в каком геологическом периоде мы сейчас находимся?

— Уж не в каменноугольном ли? — буркнул зоолог, который не имел пока еще никакой научной добычи в лесу и только переколол себе руки о колючую траву.

— Эка куда хватили! Разве ихтио- и плезиозавры водились в каменноугольное время? Благодаря общению с геологами мы уже просветились на этот счет. Нет, батенька, мы сейчас в юрском периоде. Смотрите, вот типичный для него папоротник, вот стройное деревце гингко, а эта жесткая травка найдена впервые в юрских отложениях Иркутской губернии на берегу реки Ангара и названа именем геолога Чекановского, открывшего ее.

— Ну и прелесть, стоило ей давать его имя! Она хуже нашей крапивы, и ею может питаться разве какой-нибудь ящер с луженой глоткой.

— Легок на помине! — прервал Громеко своего сердитого спутника. — Взгляните-ка на этот маленький следок, это уже скорее по вашей части.

Он остановился среди русла, указывая пальцем на почву. На мелком песке виднелись глубоко вдавленные следы огромных лап с тремя пальцами, оканчивавшимися тупыми когтями; каждый след имел более тридцати сантиметров в длину.

— Ну и чудовище же здесь прошло! — с легкой дрожью в голосе воскликнул зоолог. — Это, конечно, ящер! Но интересно бы знать — травоядный или хищник? В последнем случае встреча с ним будет не особенно приятна.

Папочкин внимательно рассматривал следы, видневшиеся на песке и исчезавшие там, где песок сменялся галькой.

— Странно, что все следы имеют одинаковые размеры, — сказал Громеко. — Передние лапы всегда бывают меньше задних, насколько я знаю. А что это за полоса в промежутке между следами правых и левых ног? Можно подумать, что животное тащило за собой огромное бревно.

Папочкин рассмеялся.

— Это след, оставленный хвостом ящера. И сопоставляя его размеры с одинаковой величиной оттисков ступней, я полагаю, что животное гуляло только на задних ногах, опираясь на хвост.

— Разве подобные двуногие ящеры известны?

— Известны, и именно из юрского периода. Например, игуанодон, походивший на огромного кенгуру и имевший огромные задние и маленькие передние ноги.

— А чем же он питался?

— Растениями, судя по форме его зубов, если эти следы действительно принадлежат игуанодону, нам бояться нечего, хотя это чудовище достигало в юрское время от пяти до десяти метров в длину.

— Ну и прекрасно! — вздохнул ботаник. — Я все еще помню того отвратительного ящера, который собирался поужинать мною или Макшеевым на реке.

От разветвления русла путешественники решили идти по правой ветви, тянувшейся к подножию утеса, где скорее можно было встретить источник воды,

составлявший главную цель экскурсии. Действительно, вверх по этой ветви почва становилась все более и более влажной, а мелкая растительность вдоль нее все более пышной и разнообразной.

Вскоре впереди между стеблями растений в русле блестела вода.

— Мы спасены! — воскликнул Папочкин. — Источник недалеко от нашей стоянки.

— А может быть, вода соленая? — поддразнил его Громеко.

— Попробуйте! По виду она пресная.

— Как же вы различаете по виду пресную и соленую воду? Я что-то не умею.

— Вы — ботаник, а не знаете, какие растения бывают вокруг соленой воды!

— Во-первых, здесь юрский период, а какие растения произрастали вокруг юрской соленой воды, мы еще не знаем. Во-вторых, вы сказали, что различаете воду по ее виду, а не по виду окружающих растений.

— Я не так выразился, нужно было сказать: по виду русла. Если бы в источнике была соленая вода, все русло было бы покрыто отложениями разных солей.

Обмениваясь этими замечаниями, Папочкин и Громеко быстро шли вверх по руслу, которое вскоре врезалось узкой щелью в высокие утесы и содержало здесь маленький ручеек пресной воды, постепенно исчезавший в песке. На последнем в изобилии виднелись большие и малые следы ящеров, приходивших на водопой.

— Сколько их тут ходит! — воскликнул Громеко. — Того и гляди наткнемся на этакое двуногое чудовище.

Утолив жажду, охотники осторожно, приготовив на всякий случай ружья, пошли дальше по ущелью вдоль ручейка. Оно быстро расширялось и превратилось в котловину, окаймленную почти отвесными темно-красными скалами, красиво оттенявшими зелень кустов и деревьев, росших вдоль их подножия. Среди зеленой лужайки на дне котловины блестело маленькое озеро, на дне которого, очевидно из почвы, выходили ключи. К озеру через лужайку шла широкая, хо-

рошо протоптанная тропа. Дно еле виднелось через прозрачную воду.

Набрав воды в принесенные с собой жестяные сосуды, охотники решили спрятаться в кустах котловины, чтобы выждать, не явится ли какое-нибудь животное на водопой. Но минуты проходили за минутами, а никто не появлялся. Только в воздухе над котловиной реяло несколько стрекоз, еще более крупных, чем те, которые оживляли реку Макшеева; Папочкин следил за ними и вдруг схватился за ружье.

— Что вы, уж не в стрекоз ли хотите стрелять разрывной пулей? — рассмеялся Громеко.

— Тише, смотрите туда, на скалу! — прошептал зоолог, указывая на утесы, возвышавшиеся над входом в котловину.

На небольшой поляне стоял на задних лапах, подпираясь длинным и толстым хвостом, небольшой ящер, очень похожий на кенгуру; но только он был темно-зеленого цвета с бурьими пятнами, а голова его напоминала голову тапира с нависшей хоботообразной верхней губой.

— Вероятно, игуанодон! — прошептал Папочкин.

— Жаль, что не кенгуру, — заметил ботаник. — Кенгуру мы бы скушали на ужин, а ящера есть, пожалуй, не решимся.

— Милый мой, не забывайте, что мы в юрском периоде и птиц или млекопитающих не найдем для продовольствия. Если мы не хотим умереть от голода, нам придется перейти на мясо ящера. Несмотря на ваши ботанические восторги, вы пока еще не нашли съедобных корней, плодов или трав. Не жевать же нам хвости или эту поганую чекановскую траву!

— А рыба? Ведь в море рыба водится.

— Почему вы не боитесь есть рыбу, а боитесь питаться мясом травоядного ящера? Это все предрассудки, которые приходится забыть в этом подземном царстве.

Грянул выстрел. Животное сделало прыжок и тяжело грохнулось на лужайку. Когда оно перестало биться, охотники вылезли из своей засады и подошли к нему.

Молодой ящер был ростом выше человека; его неуклюжее тело покоилось на толстых и длинных задних

ногах и толстом, в конце сразу утончавшемся хвосте: передние ноги были коротки и тонки и имели по пяти пальцев с небольшими острыми когтями, тогда как на задних было по три пальца с большими, но тупыми когтями. По всему складу тела было очевидно, что животное предпочитало вертикальное положение горизонтальному, так как при последнем его задняя половина поднималась значительно выше передней. Голова была большая, довольно противного вида, с обвисшими мясистыми губами и маленькими глазками. Тело было совершенно голое, как у лягушки, а кожа на ощупь такая же скользкая и холодная.

— На вид он не очень аппетитен! — воскликнул Громеко, тыкая сапогом в толстую ляжку ящера. — Не-что вроде огромной лягушки.

— Если французы с удовольствием едят фрикасе из лягушек, то почему бы русским путешественникам не покушать бифштекс из игуанодона? Но займемся сначала его описанием, а потом четвертованием.

Обмерив, описав и сфотографировав ящера, охотники отрезали у него мясистые задние ноги, весившие каждая почти шестнадцать килограммов, и пошли назад к стану, тяжело нагруженные провизией и водой.

Мясо ящера, поджаренное ломтиками на сковороде, оказалось настолько вкусным и нежным, что даже Громеко, питавший отвращение ко всяkim пресмыкающимся и земноводным, поел его с аппетитом.

За ужином обсуждали план дальнейшего путешествия. Способ передвижения на лодке, оказывавший до последнего времени такие услуги, теперь, по-видимому, был неприменим, если только с юга в море не впадала река, вверх по которой можно было бы плыть. В первую очередь и нужно было искать устье такой реки.

Во время поисков можно было обследовать и местность по этому берегу и в зависимости от ее характера решить вопрос о дальнейшем маршруте на случай, если бы никакой реки не оказалось. Тогда пришлось бы идти дальше пешком, что, конечно, сильно ограничивало путешествие.

Хищные и травоядные ящеры

На следующий день довольно сильный ветер развел на море порядочную волну, и брызги прибоя долетали даже до палатки. В такую погоду плавание на утлом судне было невозможно, и путешественники решили вчетвером сделать экскурсию в глубь неизвестной страны, пользуясь руслом, пересекавшим лес.

Так как нельзя было предполагать, что морские ящеры нападут на пустую палатку, возле нее оставили только Генерала, но не на привязи, чтобы в случае опасности он мог спрятаться в чаще.

Выше того места, где русло разделялось на две части, вдоль левой ветви, по которой направились охотники, с обеих сторон продолжалась стена хвоющей и папоротников. Только кое-где по чащце извивались узкие тропы, протоптаные небольшими животными. В воздухе над вершинами деревьев реяли огромные стрекозы и другие насекомые таких же громадных размеров; изредка проносились небольшие птеродактили, преследовавшие этих насекомых. Но лесная чаща казалась совершенно мертвой, необитаемой: не слышно было ни пения птиц, ни шорохов, которыми так изобиловали леса по берегам реки Макшеева. Только один раз шедший впереди Громеко заметил на узкой тропе какое-то темное животное величиной с небольшую собаку, но оно скрылось так быстро, что он даже не успел прицелиться. Пришлось довольствоваться охотой за насекомыми, и Папочкин добыл мотылька в тридцать пять сантиметров шириной, усевшегося на цветок пальмы, и несколько жуков величиной с большой кулак, которые пребольно кусались и царапались.

Наконец лес кончился, и охотники вышли на обширную поляну, поросшую той же жесткой травкой, а местами, где почва была влажная, плаунами, мхами и небольшими кустами стелющихся папоротников. На юге поляна доходила до крутого и голого склона темно-красных гор, поднимавшихся метров на двести и рассеченных глубоким ущельем; оттуда, вероятно, вытекала вода, заболачивавшая поляну и во время дождей сбегавшая по руслу в море. Поляна имела больше километра в длину и от ста до двухсот метров в ширину.

Геологов манило к себе ущелье в горах, и все направились к нему. Но, отойдя немного, заметили, что на северной окраине поляны, за выступами леса, пасется небольшое стадо ящеров.

Одни, стоя на задних лапах, обрывали своими толстыми губами листья пальм и молодые, более нежные побеги хвоющей и папоротников. Другие же, исключительно молодые, кормились травой, смешно подняв свой толстый зад выше головы и размахивая хвостом. Иногда они начинали развиваться и гоняться друг за другом то на четырех, то на двух ногах, делая неуклюжие прыжки.

Нельзя было упустить такой интересный случай — сфотографировать пасущихся и играющих игуанодонов. Путешественники быстро вернулись к опушке леса и стали подкрадываться вдоль нее к стаду. Им удалось приблизиться и сделать первый снимок, когда игуанодоны внезапно встревожились: взрослые перестали есть, насторожились и затем испустили резкий свист. Услыхав его, молодые поднялись на задние ноги и, неуклюже переваливаясь, подбежали к родителям, которые окружили их кольцом, обратившись спиной наружу.

Второй и третий снимки увековечили эту тревогу игуанодонов, которая оказалась не напрасной. С противоположного конца поляны вдоль опушки леса огромными прыжками в несколько метров длиной приближалось чудовище, которое охотники приняли сначала за игуанодона.

Оно было такого же роста и также пользовалось для передвижения только задними ногами; но, когда оно приблизилось, можно было заметить, что оно отличалось от травоядных ящеров более стройным телом и несравненно более быстрыми движениями. Подскакав к кругу игуанодонов, чудовище остановилось и издало громкое шипение, на которое его противники ответили протяжным жалобным свистом. Затем оно начало кружиться короткими скачками вокруг ящеров, но со всех сторон встречало поднятые зады и тяжелые размахивающие хвосты последних. Удар хвостов или массивных задних ног, вероятно, имел ужасную силу.

Убедившись в невозможности проникнуть в круг и похитить одного из детенышей, хищник внезапно

сделал огромный прыжок через головы защитников и обрушился на столпившихся в центре, прижавшихся друг к другу молодых игуанодонов. Трусливые травоядные бросились врассыпную, спасаясь от врага, который успел схватить одного из молодых и сразу перекусил ему горло.

Разные моменты нападения также были сфотографированы, после чего раздались два выстрела, и хищник растянулся рядом со своей жертвой. Когда он перестал двигаться, охотники приблизились и могли рассмотреть этого нового представителя крупных пресмыкающихся. Он действительно походил на игуанодонов своими длинными задними ногами и толстым хвостом, служившим опорой телу.

Передние ноги были очень короткие и оканчивались четырьмя пальцами с острыми когтями. На короткой шее сидела небольшая голова с огромной пастью, усаженной острыми зубами, и на переносице возвышался короткий и плоский рог, служивший скорее украшением, чем орудием нападения.

Два меньших рога поднимались над глазами, а от затылка вдоль спины и хвоста тянулся ряд мелких, но острых шипов. Голая морщинистая кожа была серо-зеленого цвета. Животное достигало пяти метров в длину и обладало, несомненно, огромной силой, а о его ловкости и смелости можно было судить по нападению на стадо игуанодонов.

Рассмотрев убитого ящера, Каштанов нашел, что это должен быть цератозавр из того же отряда динозавров, к которому принадлежат и игуанодоны, и другие сухопутные ящеры мезозойской эры.

— Надеюсь, что этого отвратительного хищника мы есть не будем! — сказал Громеко, когда было окончено измерение и описание животного.

— Отчего же? Если бы не было другого мяса, пришлось бы удовольствоваться и этим, — ответил Макшеев. — Но мы можем воспользоваться игуанодоном, которого хищник успел только загрызть.

— Только нужно его хорошо припрятать. Иначе птеродактили не оставят нам ни кусочка. Смотрите, они уже почувствовали поживу!

Действительно, над поляной уже кружились летучие ящеры, издавая свое хриплое кваканье. Поэтому

охотники отрубили задние ноги молодого игуанодона и спрятали их в чаще, подвесив к ветвям, а затем направились к ущелью через поляну, опустевшую после битвы и выстрелов.

Ущелье птеродактилей

Устье ущелья было широкое, и по его дну извивался ручеек, окаймленный группами папоротников. На крученые склоны растительность не поднималась; они были голые, скалистые, красноватого, черного или желтого цвета. Каштанов и Макшеев поспешили к скалам. Громеко занялся поисками новых растений вдоль берегов ручейка, а Папочкин — охотой за громадными бачочками.

Первый утес, к которому подошли геологи, был темно-красного цвета. Каштанов ожидал опять встретить в нем железную руду, но, отбив кусок и рассмотрев его под лупой, он покачал головой и промолвил:

— Это что-то новенькое!

Несколько кусочков, отбитых в других местах, имели такой же характер, но твердые и гладкие скалы не давали возможности отбить более крупный образец. Тогда оба геолога соединенными силами начали разбивать глыбу той же породы, лежавшую у подножия. Наконец она дала трещину и развалилась на две части; в ее ядре блеснули жилки и гнезда белого металла.

Каштанов наклонился и восхлинул с удивлением:

— Самородное серебро, очевидно, в сплошной красной серебряной руде.

— Опять миллионные богатства! — усмехнулся Макшеев.

После находки сплошной золотой жилы, значение которой так раскритиковал его учений товарищ, Макшеев относился немного презрительно к дарам минерального царства этой волшебной страны.

Подвигаясь далее вдоль подножия утеса, геологи скоро достигли места, где темно-красный цвет сменялся черным с желтыми и красными пятнами и жилками. Здесь опять оказался сплошной магнитный железняк. Немного далее более разрушенные, изрытые ложбинками утесы были ярко-желтого и зеленовато-желтого цвета. В них Каштанов признал свинцовые охры

и окисленные свинцовые руды, в которых на глубине мог быть скрыт массивный свинцовый блеск.

Еще дальше вверх по ущелью на склоне возвышался большой утес, привлекавший к себе внимание своим темно-зеленым цветом; издали казалось, что он покрыт мхом или лишайми. От этого утеса молоток отскакивал со звоном, и только с большим трудом удалось отбить небольшие кусочки, которые еще более увеличили удивление Каштанова.

— Самородная медь сплошной массой, с поверхности окислившаяся,— сказал он.

— Ну и богатства в здешней стороне! — воскликнул Макшеев.— Какой руды хочешь, той и просишь. Хоть ставь тут универсальный metallurgический завод!

— Да, когда на наружной поверхности нашей планеты руды не будет хватать для растущих потребностей человечества, ему волей-неволей придется спуститься сюда за нужными металлами. Тогда и льды, и туманы, и выюги будут человеку нипочем.

— Или же люди просверлят туннель-шахту через земную кору, чтобы добраться кратчайшим путем к этим огромным запасам! — пошутил Макшеев.

В это время над геологами, увлекшимися осмотром ископаемых богатств, быстро пронеслась большая тень и одновременно послышался возглас Громеко:

— Берегитесь летучего ящера!

Оба схватились за ружья и подняли головы. На высоте метров двадцати над ними реяло огромное животное темного цвета; по его полету нетрудно было узнать летучего ящера из породы птеродактилей; он был значительно крупнее тех, которых видели на берегу моря, и имел около шести метров в размахе крыльев. Опустив вниз голову с огромным клювом, ящер высматривал себе добычу и глядел с удивлением на невиданных двуногих тварей.

Но охотникам некогда было ждать разрешения его сомнений, так как ящер, обрушившийся с такой высоты на свою жертву, мог убить или сильно поранить ее когтями или зубами. Макшеев быстро прицелился и выстрелил. Птеродактиль метнулся в сторону, усиленно замахал крыльями, отлетел и уселся на выступе скалы, где начал мотать головой, раскрывая и закрывая зубастую пасть.

— Должно быть, ему немного попало! — заметил Макшеев, не решаясь стрелять еще раз, потому что животное сидело слишком далеко.

В это время на лужайке, где оставались зоолог и ботаник, раздался громкий крик и вслед за ним выстрел.

Из-за ряда хвощей и папоротников, отделявших русло ручья от подножия скал, вылетел второй птеродактиль, уносивший в своих лапах какой-то большой темный предмет. Предположив вспыхах, что ящер унес одного из товарищей, Каштанов выстрелил в свою очередь. Разбойник взмахнул крыльями, выронил ношу и сам полетел кувырком за стену деревьев.

Геологи бросились со всех ног в эту сторону, чтобы подать помощь товарищу, свалившемуся с высоты нескольких метров. Но, пробившись через чащу, они столкнулись с бежавшими им навстречу Громеко и Папочкиным.

— Вы оба живы и целы? Кто же из вас только что выпал из когтей ящера?

Товарищи дружно рассмеялись.

— Ящер унес только мой плащ, в который я завернулся собранные растения и положил на лужайке. Он, очевидно, принял его за какую-то падаль, — объяснил ботаник.

— А я стрелял ему вслед, но, вероятно, промазал! — добавил зоолог.

Успокоившись насчет судьбы товарищей, геологи пошли вместе с ними туда, где еще трепыхался подстреленный ящер. При приближении людей он вскочил на ноги и бросился им навстречу, взмахивая одним крылом и волоча другое, очевидно сломанное.

Он бежал, переваливаясь, как утка, вытянув вперед огромную голову, раскрыв пасть и издавая злобное кваканье. Мясистый нарост на его переносице налился кровью и стал темно-красным. Ящер достигал человеческого роста и, несмотря на рану, мог оказаться опасным противником, так что пришлось прикончить его вторым выстрелом.

Пока Каштанов и Папочкин изучали птеродактиля, Макшеев и Громеко отправились искать похищенный плащ. Они осмотрели лужайку до подножия скал, лазили по чаще, но ничего не нашли.

— Вот так история, куда же он девался? — ворчал ботаник, отирая пот, катившийся градом с лица. — Не мог же он проглотить мой плащ!

— Я прекрасно видел, что ящер выронил его после выстрела, — подтвердил Макшеев.

В это время второй птеродактиль, до сих пор сидевший на выступе скалы, взлетел на воздух, спланировал к вершинам хвоицей и подцепил на одном из них какой-то темный предмет, с которым полетел дальше.

— Черт возьми! — воскликнул ботаник. — Это опять мой плащ. Мы искали его на земле, а он остался на деревьях.

Макшеев уже целился в пролетавшего мимо ящера, но внезапно плащ развернулся, сноп растений посыпался вниз, а испуганное животное выпустило из когтей свою добычу. Охотник опустил ружье.

— Эти птеродактили, очевидно, не отличаются особенной сообразительностью, если таскают несъедобные вещи, — сказал Громеко, направляясь к упавшему плащу.

— А может быть, они умнее, чем вы думаете. Не хотели ли они похитить ваш плащ и ваше сено, чтобы устроить своим детенышам более комфортабельное гнездо? — пошутил Макшеев.

— Сено? Как вы непочтительно выражаетесь о моих ботанических сборах! А чтобы доказать ум ящеров, не скажете ли вы, что он унес мой плащ, чтобы одеть своих голых детенышей?

— Нет, этого я не скажу! — рассмеялся Макшеев. — Разве что летучие ящеры играли роль царей юрского периода и стояли на очень высокой ступени развития. Но зачем вы набрали столько одинаковых растений? — прибавил он, увидев, что ботаник подбирает разбросанные по лужайке стебли, выпавшие из плаща и похожие на камыши.

— А вот догадайтесь, что это такое? — ответил Громеко, подавая своему спутнику один из стеблей.

— Какой-то камыш, по-моему, толстый и довольно колючий. Им могут питаться разве какие-нибудь игуанодоны.

— Вы угадали, игуанодоны едят его с удовольствием, но и мы не откажемся от этого камыша.

— Неужели? Он годится разве для супа?

— Нет, не для супа, а для чая. Разломайте-ка стебель.

Макшеев переломил стебель, из которого вытекла какая-то прозрачная жидкость.

— Попробуйте сок этого презренного камыша.

Сок оказался липким и сладким.

— Неужели это сахарный тростник?

— Если не сахарный тростник, растущий в настоещее время на поверхности нашей планеты, то во всяком случае сахароносное растение.

— Как же вы догадались, что оно сладкое?

— Во рту молодого игуанодона, которого задавил хищник на поляне, я видел стебель какого-то растения, на ощупь оно показалось мне липким. Я стал искать, где оно растет, нашел его в изобилии вдоль ручья и, конечно, попробовал сок. Наши запасы сахара на исходе. Можно заменять сахар соком этого тростника и даже вываривать из него сахар. Видите, мое сено в иных случаях приносит прямую пользу!

Вернувшись к убитому птеродактилю, Громеко показал и остальным товарищам свою находку, из-за которой произошло приключение с плащом. Все одобрили его план и решили на обратном пути нарвать побольшее тростника, чтобы попробовать устроить выварку сахара.

Охотники направились дальше по ущелью, на дне которого протекал ручеек, окаймленный узкой полосой мелких хвоцей и жесткой травы.

Скоро теснина превратилась в настоящую щель, все дно которой было покрыто водой. Стало темно, мрачно и сырьо. Охотники шли гуськом: впереди Макшеев с ружьем в руках, позади Каштанов, пробовавший молотком утесы.

Но вот впереди стало светлее, показалась зелень. Щель быстро расширилась и превратилась в довольно большую котловину, окруженную скалами, внизу отвесными, а выше отступавшими уступами во все стороны, образуя амфитеатр. Дно котловины было покрыто сочной и зеленой травой, в центре находилось озеро, из которого и вытекал ручеек.

— Фу, как здесь воняет! — воскликнул Громеко, как только охотники подошли к озеру.

— Действительно, пахнет очень скверно, словно падалью! — подтвердил Макшеев.

— Уж не минеральное ли это озеро, например, с серными источниками? — предположил Папочкин, наклоняясь к воде.

Охотники начали оглядываться по сторонам и обратили внимание на странное шипение, чередовавшееся с визгом, напоминавшим визг пробки, водимой по стеклу. Эти звуки раздавались сверху, со стен котловины, но никого не было видно.

В это время над лужайкой мелькнула большая темная масса и опустилась на один из уступов, откуда на встречу ей визг и шипение раздались особенно громко.

— Птеродактиль! — воскликнул Макшеев.

— Очевидно, здесь гнезда летучих ящеров, — догадался зоолог.

— Ну вот вам и источник вони! Эти животные, вероятно, очень неопрятны.

Ящер, спустившийся на уступ, вскоре поднялся и, заметив в котловине людей, начал кружиться над ней, издавая отрывистое кваканье. На утесах визг и шипение сразу прекратились.

— Ишь, замолчали детеныши!

— Интересно было бы раздобыть яйца и молодых птенцов из гнезд, — сказал зоолог.

— Попробуйте-ка залезть на эти кручи, вступить в бой с родителями. Они вам покажут, где раки зимуют!

— Э, да их тут много! — воскликнул Каштанов, указывая на другого птеродактиля, высунувшегося из-за выступов, тогда как еще два уже реяли в воздухе.

— Что жс, начнем пальбу? — предложил Макшеев, которому захотелось загладить свой промах.

— Зачем? Одного мы уже добыли и рассмотрели, а заряды нужно беречь, — предупредил Каштанов.

— И дадим лучше отбой; налево, кругом! Пока все гнездилища не встревожились, — сказал ботаник; пребывание в зловонной котловине было ему не по вкусу.

Над лужайкой летали и квакали уже несколько ящеров, и охотники сочли более благоразумным последовать совету Громеко. Проходя к выходу в щель, они заметили у подножия стены целые кучи костей разной величины, перемешанных с пометом птеродактилей.

— Мы попали в помойную яму гнездилища ящеров! — пошутил Макшев.

— Они устроились тут в безопасном месте, это — настоящая крепость.

— Вероятно, на их яйца и детенышей покушаются другие ящеры, — пояснил зоолог. — Обратите внимание, что хотя это пресмыкающиеся, но повадки у них уже птичьи.

— Совершенно верно. Наличие крыльев позволило им изменить образ жизни своих далеких предков.

— Все-таки жаль, что мы не могли узнать, как устроены их гнезда и какой вид имеют яйца и детеныши, особенно насиженные яйца.

— Я думаю, что они не высиживают яйца, как птицы, — заметил Каштанов, — а предоставляют эту обязанность солнцу, как другие пресмыкающиеся.

— Не горюйте, мы где-нибудь найдем еще яйца игуанодонов или плезиозавров, — утешал Громеко зоолога.

— Если они будут свеженькие, устроим себе колossalную яичницу. Воображаю, как велики яйца этих тварей, одного хватит на нас всех! — шутил Макшев.

Вернувшись обратно через ущелье на поляну у подножия возвышенности и набрав по дороге сладкого тростника, путешественники направились к месту, где был убит хищный яцер.

Здесь царило большое оживление. В воздухе носились взад и вперед летучие ящеры разной величины; трупы цератозавра и игуанодона были покрыты этими животными. Отрывая куски мяса от туш, одни пожирали их на месте, другие же уносили на юг, к ущельям гор, где, очевидно, находились их гнездилища. Бизг, кваканье и шипение раздирали уши.

При приближении людей вся стая, пировавшая на трупах, всполошилась. Одни взлетели и начали кружиться над поляной, другие, переваливаясь на своих коротких ногах и волоча полураспущенные крылья, отбежали в сторону. Они, очевидно, наелись так, что им трудно было летать. Папочкин успел сфотографировать два момента этого переполоха.

Наевшиеся ящеры не нападали на людей, нарушивших их трапезу, а только оглашали воздух различными звуками, выражавшими, вероятно, неудовольствие.

Захватив в чаще спрятанные окорока игуанодона, охотники направились через лес по тому же сухому руслу. Приближаясь уже к котловине, Громеко, шедший впереди, вдруг остановился и указал своим спутникам на отпечатки огромных ступней, глубоко вдавленные во влажный песок русла.

— Это не игуанодон,— заметил Папочкин.— Животное шло на четырех ногах. Смотрите, вот следы задних ног с тремя пальцами, а вот следы передних с пятью!

— И ступни имеют другую форму и большую величину, чем у игуанодонов,— добавил Каштанов.

— А по ступне можно ли узнать, хищное это животное или травоядное? — спросил Макшеев.

— Я думаю, что оно травоядное. Пальцы оканчиваются не когтями, а чем-то вроде копыт, которыми хватать нельзя.

— А вот и отпечаток хвоста, более короткого и тонкого, чем у игуанодона,— заметил зоолог, указывая на впадину, извивавшуюся между оттисками ног.

— Во всяком случае, животное очень крупное и, очевидно, находится около нашего озера, потому что обратного следа нет,— сказал Громеко.

— Да, поэтому ружья наготове и будем осторожны! — предупредил Макшеев.

Медленно, шаг за шагом охотники подвигались вверх по руслу, зорко всматриваясь вперед. Но никто не появлялся, только стрекозы и жуки реяли и летали над вершинами хвоющей и папоротников. Пройдя по узкому зеленому коридору до утесов, охотники остановились в нерешительности.

Шепнув товарищам, чтобы они подождали, Макшеев пробежал по ущелью и затем подал сигнал, чтобы остальные присоединились к нему. В котловине все спрятались за деревья у ее входа и могли наблюдать интересное зрелище.

На лужайке паслось чудовище, превосходившее по своим размерам и по своему странному виду все, что путешественники до сих пор видели в Плутонии — стране вымерших исполинов.

Животное достигало восьми метров в длину и до четырех метров в высоту. Передние ноги были значительно короче задних, и массивное туловище наклоне-

но вперед, оканчиваясь поразительно маленькой головой, похожей на голову ящерицы. Вдоль спины тянулись двумя рядами щитки, или пластинки, торчавшие вверх и несколько вбок, подобно крыльшкам. Четыре пары самых крупных поднимались над туловищем, три пары маленьких — над толстой шеей и две пары — над хвостом. Менее массивный и более короткий, чем у игуанодонов и цератозавра, хвост нес еще три пары длинных шипов пониже пластин. Голая морщинистая кожа чудовища была кое-где усеяна бородавкообразными возвышениями, более многочисленными и мелкими на шее и голове, более редкими и крупными на туловище и хвосте. Темно-бурые пятна и разводы на грязно-зеленом фоне кожи усиливали отталкивающий вид животного.

Оно спокойно паслось на берегу озера, захватывая пучки сладкого тростника и мелких хвоцей своей большой пастью, размеры которой никак не соответствовали маленькой голове. При движении туловища щитки на спине делали небольшие взмахи, словно крылья.

— Точно крыльшки амура! — прошептал Макшеев.

— Хорош этот амур юрского периода! — засмеялся Громеко. — Я никогда не мог себе вообразить, что могут существовать подобные страшилища.

— Этот страшный вид, щитки, шипы, бородавки, разводы — все это средства для отпугивания врагов этого мирного и, вероятно, совершенно безобидного животного, — сказал зоолог, сделавший уже несколько снимков. — А как зовут этого амура? — обратился он к геологу.

— Это, конечно, стегозавр, самый оригинальный из того же отряда динозавров, к которому принадлежат и игуанодоны, и цератозавр, и виденные нами раньше трицератопсы. В верхнеюрское время существовало несколько родов этих чудовищ, остатки которых были найдены в Северной Америке.

Наглядевшись на ящера, охотники произвели из своего убежища выстрел, отдавшийся эхом от скал, а затем хором закричали дикими голосами.

Испуганное животное опрометью бросилось бежать, переваливаясь, подобно иноходцу, причем спин-

ные щитки ударялись друг о друга, издавая громкое хлопанье, словно кастаньеты.

Когда оно скрылось из виду, охотники вышли из своей засады, набрали воды из озера и побрели вниз по руслу к своему стану, предвкушая обед из жареного молодого игуанодона и отдых на берегу спокойного моря.

Ограблены дочиста

Но каково было их изумление, когда, выйдя из леса на берег моря, они увидели, что палатка исчезла.

— Мы, вероятно, ошиблись и вышли в другое место,— предположил Каштанов.

— Не может быть! — ответил Макшеев.— Мы только что перелезли через загородку, которую соорудили вчера в устье сухого русла вблизи стоянки.

— Верно, но в таком случае, где же палатка?

— А где все вещи?

— Где Генерал?

Пораженные путешественники побежали к месту, где должна была стоять палатка. На этом месте не было ничего: ни палатки, ни вещей, ни даже лоскутка бумаги. Остались только потухшее и остывшее уже огнище и отверстия в почве от вынутых палаточных кольев.

— Что это значит? — сказал Громеко, когда все четверо столпились у следов своего костра, на котором рассчитывали жарить игуанодона.

— Решительно ничего не понимаю, — упавшим голосом пробормотал Папочкин.

— Ясно как день, что нас дочиста обокрали! — восхликал Макшеев.

— Но кто, кто? — кричал Каштанов.— Ведь это могли сделать только разумные существа, а мы таковых не встречали на всем нашем пути с тех пор, как покинули «Полярную звезду».

— Не могли же растащить наши вещи игуанодоны!

— Или стегозавры!

— Или плезиозавры!

— А не унесли ли их эти проклятые птеродактили в свои гнезда? — предположил Громеко, вспомнивший о приключениях своего плаща.

— Это невероятно! И палатку, и посуду, и постели, и всякие мелочи! Я не могу допустить с их стороны такого проявления ума и хитрости,— ответил Каштанов.

— А наши лодки? — воскликнул Макшеев.

Все побежали к окраине леса, где перед уходом в экскурсию спрятали в чащме лодки и весла. То и другое оказалось в целости.

— Мы оставили наш плот на берегу моря против палатки, — заявил Громеко. — А теперь он также исчез.

— Что же мы будем делать? — воскликнул зоолог, выражая общее недоумение. — Без палатки, без запасов и одежды, без посуды мы погибнем на берегу этого проклятого моря!

— Обсудим хладнокровно наше положение, — предложил Каштанов. — Прежде всего отдохнем и подкрепим свои силы: усталость и голодный желудок — плохие советчики. Мясо мы принесли с собой, разведем костер и поджарим его.

— И попьем водицы с сахаром! — прибавил Громеко, указывая на принесенную жестянку с водой и большой пук сладкого тростника.

Разложили костер, нарезали мясо кусочками, нанизали их на палочки и поставили к огню жарить. Усевшись вблизи костра, посасывая стебли тростника и запивая водой, продолжали обсуждение таинственного исчезновения палатки.

— Мы теперь в положении Робинзона на необитаемом острове! — пошутил Макшеев.

— С той разницей, что нас четверо и что у нас есть ружья и некоторый запас патронов, — заметил Каштанов.

— Нужно пересчитать их и расходовать крайне осмотрительно.

— В моей фляге стакана два коньяку, — заявил Громеко, носивший этот напиток, как врач для экстренных случаев.

— А у меня в сумке маленький чайник, складной стакан и несколько заварок чая, — прибавил зоолог, не ходивший в экскурсии без этого запаса.

— Это хорошо! По крайней мере можно будет изредка полакомиться чаем, — сказал Макшеев. — У меня в карманах, к сожалению, кроме трубки, табаку, компаса и записной книжки, нет ничего.

— И у меня также, если не считать наши молотки.

— Шашлык готов! — возгласил ботаник, следивший за палочками с мясом.

Каждый взял свою палочку, и все принялись за еду. Но мясо не было посолено и не отличалось приятным вкусом.

— Придется поискать соли на берегу моря! — заметил Макшеев. — Нужно было хоть обмакнуть мясо в морскую воду.

Пока ели мясо, чайник зоолога вскипел, и каждому по очереди достался стаканчик чаю, подслащенного соком тростника.

Напившись и закурив трубки, возобновили разговор о плане дальнейших действий. Все согласились, что нужно сейчас же начать преследование похитителей, выяснив направление, по которому они ушли с вещами.

— Нужно тщательно осмотреть ближайшие окрестности нашей стоянки, — предложил Макшеев. — Похитители могли прийти и уйти или по воздуху, как предполагает Михаил Игнатьевич и что мне кажется невероятным, или по воде, воспользовавшись нашим плотом, или по суше. Но до воды они также должны были идти по суше. Следовательно, если они не явились по воздуху, они оставили следы в ту или другую сторону от нашей палатки.

— Жаль, что мы сразу не подумали об этом, а бегали взад и вперед и могли уже затоптать следы похитителей!

— Вдоль утесов на восток пройти далеко нельзя, как мы убедились вчера, — продолжал Макшеев. — По руслу они тоже едва ли ушли: оно загорожено, и, кроме того, мы никого не встретили и подозрительных следов не видели. Следовательно, следы похитителей нужно искать или на самом берегу моря, или на запад вдоль этого берега.

— Совершенно верно! — заметил Каштанов. — Эти два направления наиболее вероятны.

— Итак, приступим к делу. Так как в отношении выслеживания я гораздо опытнее вас всех, — закончил Макшеев, — то я попрошу вас посидеть на месте, пока не изучу окрестности стоянки.

Опустившись на колени, Макшеев начал тщательно изучать почву вокруг того места, где стояла палатка; затем он передвинулся к берегу моря, осмотрел место, где лежал плот, вернулся назад и направился на запад вдоль морского берега. Отойдя шагов двести, он воткнул сухую палку в песок и вернулся к своим товарищам.

— Наше имущество похищено не людьми и даже не ящерами какого-либо рода. Его утащили какие-то крупные насекомые, судя по следам их ног, которые видны всюду; их очень много, несколько десятков. Сначала я подумал, что вещи стащили к плоту и увезли по воде, но оказалось, что до самой воды следы не доходят и нет никаких признаков того, чтобы плот стаскивали в воду. Он исчез совершенно непонятным образом. Палатки и вещи частью унесли, частью тащили по песку на запад, вдоль берега моря. Похитители имеют шесть ног, а туловище их достигает около метра в длину, судя по его отпечаткам на песке.

— Здоровые твари! — воскликнул Папочкин.

— Но что же случилось с Генералом? — спросил Каштанов. — Убили ли его, утащили ли живым на съедение или он убежал куда-нибудь, испугавшись грабителей?

— Следов Генерала много вокруг палатки, но они большей частью перекрываются следами насекомых, следовательно, старше их. Свежей крови нигде не видно, нет и каких-либо частей растерзанных собакой насекомых. Я думаю, что Генерал убежал от многочисленных и невиданных врагов и прячется в чащце. Впрочем, нужно еще обследовать почву вдоль края леса.

С этими словами Макшеев опять приступил к изучению следов от места, где стояла палатка, к опушке леса. Вдоль последней он прошел несколько раз взад и вперед, внимательно осматривая почву, наконец остановился и подозвал товарищей к себе.

— Вот здесь Генерал ушел в чащу; но с ним перед тем что-то случилось: он волочил задние ноги по земле.

Обрубив охотничьим ножом нижние ветви хвоцей, Макшеев пополз согнувшись в чащу, все время призываая свистом собаку и останавливаясь в ожидании ответа. Наконец послышался слабый визг, и немного спустя

из-под нависших ветвей выполз Генерал, но в ужасном виде. Все тело его вздулось, а задняя половина бессильно волочилась по земле.

— Что с тобой, Генерал, бедная собачка? — говорил Макшеев, поглаживая голову животного, которое с приветливым визгом лизало его руки. Инженер вылез назад из темной чащи, а вслед за ним выползла и собака, вызвавшая своим жалким видом общее сочувствие.

— Похитители переломили ей позвоночник? — предположил Папочкин.

— Не думаю! — возразил Громеко, осматривая собаку. — Конечно, нет, — продолжал он, — скорее всего они ранили Генерала отравленными стрелами. На спине у него несколько маленьких ранок с запекшейся уже кровью, а позвоночник цел.

— При чем тут стрелы? — удивился Макшеев. — Ведь похитители были насекомые!

— Я и забыл! В таком случае они ужалили или укусили собаку ядовитыми челюстями или жалом.

— Что же нам делать с Генералом? Можно его вылечить?

— Я думаю, можно. Если бы яд был смертельный, собака уже издохла бы. К несчастью, наша аптечка похищена с остальным имуществом. Придется попробовать холодные компрессы.

Макшеев взял Генерала, жалобно визжавшего, на руки и понес к берегу моря. Громеко начал поливать его тело водой. Собака сначала порывалась вырваться и визжала, но вскоре холода обнаружил свое действие, и она затихла. Ее положили задней половиной тела в воду.

Пока ботаник возился с Генералом, остальные вытащили из чащи обе лодки и весла, спустили их на воду и сложили в них оставшееся имущество, бывшее во время злополучной экскурсии с ними. Затем двое сходили опять к озеру в скалах, чтобы пополнить запас пресной воды, а остальные в это время поджарили запас мяса игуанодона, чтобы не останавливать преследование похитителей из-за приготовления пищи.

За час времени, понадобившийся на все сборы, опухоль у Генерала заметно уменьшилась, и он начал подниматься на ноги. Решено было взять его в лодку, дво-

им ехать в лодках с имуществом вдоль берега, а двоим идти по следам похитителей, пока они держатся берега. Таким образом, лодочники могли в случае надобности подать помощь пешеходам или взять последних в лодки, а пешеходы могли остановить лодочников, как только следы отклонятся в глубь страны.

По следам похитителей

Макшеев и Громеко пошли пешком, Каштанов и Папочкин отправились в лодках, не отставая от пешеходов, но и не опережая их. К счастью, погода была тихая, и море чуть плескалось на пляже. Макшеев шел впереди по следам похитителей, по временам останавливаясь и обмениваясь замечаниями с ботаником. В одном месте, например, были видны отпечатки многих похищенных вещей, которые похитители сложили на землю, очевидно при отдыхе; в другом оказались ясные отпечатки плота, при виде которых Макшеев воскликнул:

— Загадка с плотом также разъяснилась: похитители унесли и его на себе.

— На какого беса? — спросил Громеко.

— А на какого беса им понадобились наша палатка, постель и прочие вещи? Ведь они унесли даже образчики золотой и железной руды, которые мы с Петром Ивановичем вчера набрали.

— Просто непостижимо, что это за звери! Можно подумать — разумные существа. Я не удивлюсь, если они раскинут палатку, будут спать на наших постелях и есть из нашей посуды.

— Все может быть в этой чудесной стране минувших геологических периодов. Не могли разве некоторые насекомые в юрские времена подняться до высокой степени умственного развития и играть роль царей природы?

— Да ведь и в современном периоде есть умные насекомые, живущие обществами по известным законам, например пчелы или муравьи.

— Постойте, вы мне подали мысль! Уж не муравьи ли утащили наше имущество?

— А почему не пчелы или осы?

— Если судить по нравам муравьев наружной поверхности нашей планеты, то им более подходит роль похитителей. Ведь муравьи тащат в свой муравейник всякую дрянь, даже совершенно им ненужную, и обладают громадной силой сравнительно со своей величиной.

— Да, пчелы гораздо слабее и собирают в улей только мед и воск, а осы тащат съестное. Кроме того, и те и другие крылаты, а наши грабители, по-видимому, бескрылые.

— Я тоже так думаю, хотя и крылатые насекомые могли тащить по земле такие предметы, которые слишком тяжелы для переноса по воздуху.

— В общем, мы, кажется, на правильном пути: первое подозрение — на муравьев, второе — на ос, третье — на пчел.

— И те, и другие, и третий принадлежат к насекомым, кусающимся или жалящим и вводящим в рану яд. Я думаю, что они и ужалили Генерала, когда он защищал от них палатку.

— Верно! Укусы этих насекомых сопровождаются опухолью, сильной болью, а если принять во внимание их величину, то можно допустить и временный паралич под действием яда.

Так, обмениваясь соображениями насчет природы похитителей, наши путешественники прошагали часа два и за это время сильно устали, так как песок пляжа был довольно рыхлый и трудный для ходьбы.

— Ну, я больше не могу! — сказал наконец Громеко, останавливаясь и вытирая пот, катившийся градом по лицу. — Сегодня ужасно душно и ни ветерка.

— Зато море спокойно, и наши товарищи не отстают от нас.

— Не перемениться ли нам с ними? Мы устали работать нижними конечностями, а они — верхними.

— Сумеют ли они идти по следам похитителей? Впрочем, попробуем.

Макшеев окликнул плывших в лодках. Когда они причалили, он показал Каштанову и Папочкину следы насекомых и некоторое время шел с ними, наблюдая, как они будут разбираться в этих следах. Потом он и ботаник забрались в лодку и взялись за весла.

Местность сохраняла все тот же характер. Вдоль берега моря тянулся песчано-галечный пляж шириной в сотню-другую шагов, заливаемый, очевидно, волнами во время сильных бурь. Его окаймляла сплошная стена хвощей и папоротников, в которой только изредка показывалась узкая брешь — сухое русло, подобное осмотренному накануне. На песке под лучами солнца грелись игуанодоны, убегавшие в лес при приближении людей и лодок. На море по временам появлялись плезиозавры и плавали, грациозно изогнув шеи, словно огромные черные лебеди. Над лесом нередко пролетали летучие ящеры, высматривавшие, нет ли поживы на берегу моря.

Часа через два после того, как Макшеев и Громеко забрались в лодки, впереди показались красноватые холмы, доходившие до берега моря и прерывавшие стену леса. Здесь оказалось более глубокое и широкое сухое русло, уходившее в глубь страны, отделяя окраину леса от холмов, представлявших скопление мелкого красноватого песка. Следы похитителей поворачивали вверх по руслу, и пешеходы крикнули плывшим в лодках, что нужно причаливать к берегу.

Убедившись, что похитители действительно свернули с морского берега в глубь страны, путешественники начали совещаться.

Им приходилось теперь, бросив лодки, продолжать преследование пешком.

Но за целый день экскурсии, ходьбы, хлопот и волнений они сильно устали: кроме того, Генерал был еще слишком слаб. Поэтому решили отдохнуть несколько часов на берегу моря, дававшего некоторую прохладу, на которую нельзя было рассчитывать вдали от воды в этот ужасно душный и знойный день.

Вытащив лодки на берег, быстро развели костер, поджарили мясо и сварили чай; Генералу сделали опять холодные компрессы.

Подкрепив свои силы, трое легли спать прямо на песке, а четвертый остался на карауле, так как нужно было принять меры предосторожности против нападения ящеров или таинственных насекомых.

Три часа прошли благополучно. Последнее дежурство досталось Каштанову. Он лежал на песке, почти у самого берега, размышляя о дальнейшей судьбе

экспедиции, которая стала бы печальной в случае, если не удастся отбить свое имущество у похитителей. Мало-помалу под влиянием невыносимой духоты он начал дремать и вдруг проснулся от кошмара: ему приснилось, что на него навалился исполинский ящер и огромным липким языком лижет его лицо.

В ужасе, со стоном он раскрыл глаза и увидел прямо над собой морду Генерала, положившего одну лапу ему на грудь и жалобно визжавшего.

Верный пес не напрасно разбудил Каштанова. Подняв голову, последний увидел, что горизонт на севере совершенно потемнел: надвигалась тропическая гроза, уже испытанная путешественниками на реке Макшева. Доносился беспрерывный грохот, и темная стена туч беспрестанно разрывалась яркими молниями.

Терять время было некогда, нужно было уходить дальше от берега моря, которое должно было разбушеваться не на шутку.

Каштанов разбудил спящих. Решили бежать в холмы, потому что в лесу было не менее опасно, чем на берегу моря. Лодки потащили с собой, опасаясь, что волны смоют и унесут их.

Поднявшись на гребень первой гряды холмов, в которых Каштанов сразу признал морские дюны¹, путешественники увидели, что за ней открывалась глубокая долина, параллельная берегу моря и совершенно бесплодная, как и оба склона гряды. Везде виднелся тот же красноватый песок, который пыпал под лучами Плутона, еще не скрытого грозовой тучей.

В этой долине путешественники решили переждать грозу. Перевернув лодки дном вверх, они укрылись под ними. Это была их единственная защита от ливня, так как непромокаемые плащи были похищены, как и остальная одежда.

Гроза не заставила себя долго ждать. Сине-багровый вал надвинулся уже на половину неба. Плутон скрылся, быстро темнело, и первые порывы ветра пронеслись над долиной, срывая с гребня дюн струйки песка. Дюны словно задымились, воздух наполнился горячим

Дюны — холмы и гряды сыпучего песка на плоских берегах озер, морей и рек, где песок, принесенный водой, по высыханию подхватывается ветром, накапливается у препятствий и образует высокую гряду.

песком и сделался еще удушливее. Но вот налетел и ураган. Каштанову, выглянувшему из-под лодки, показалось, что вся первая гряда дюн поднялась в воздух и ринулась в долину. Песчинки сыпались целыми потоками на лодки. Лес хвоющей, который был виден в широком устье долины, трепетал под напором бури, словно чаща тростника. Стройные стволы хвоющей гнулись почти до земли, ветви извивались в воздухе, словно пряди зеленых волос; летели сорванные верхушки, сучья, стебли. Сумрак то и дело исчезал в ослепительных вспышках молний, после чего казался еще гуще. Гром гремел не умолкая.

Но вот по лодкам забарабанили крупные капли дождя, и полил ливень, сразу очистивший воздух от песка и пыли. Хотя ветер еще бушевал, но намокший песок уже не поднимался в воздух. Несмотря на массы низвергавшейся воды, со склонов дюн стекали только небольшие и быстро исчезавшие ручейки, так как песок жадно поглощал воду.

Быстро промчалась гроза. Плутон начал проглядывать сквозь разрозненные тучи. Дождь кончился, и путешественники хотели вылезти из-под лодок, где им приходилось полулежать в духоте. Но не тут-то было — лодки нельзя было приподнять, они были придавлены кучами песку, нанесенного бурей и намоченного водой, под тяжестью которого их дно прогибалось.

— Мы арестованы под лодкой! — воскликнул Папочкин. — Помогите нам освободиться.

— Мы сами арестованы! — ответил Макшеев, сидевший с Каштановым и Генералом под другой лодкой.

— Что вы думаете делать?

— Собираемся вырыть себе проход в рыхлом песке под бортом лодки.

— Идея! Мы сделаем то же самое.

Некоторое время все было тихо, только слышалось пыхтение людей, рывших себе ход в песке, словно кроты.

Затем из-под носа одной лодки выполз на животе грязный и встрепанный Макшеев, вслед за ним Каштанов и наконец Генерал, а из-под второй лодки показались зоолог и ботаник.

Потом пришлось освобождать лодки от наваленного на них песка и тащить их вниз по долине к сухому

руслу. Но, добравшись до русла, путешественники остановились в изумлении: здесь катила свои бурные желтовато-красные воды большая речка, по которой нельзя было плыть, но и вброд перейти ее также было невозможно.

— Продолжать преследование невозможно! — огорченно воскликнул Громеко.— Придется ждать, пока не сбежит вода.

— Это не так страшно,— заметил Макшеев.— Гораздо печальнее то, что вода в русле и дождь повсюду уничтожили следы похитителей, и мы не будем знать, куда они направились.

— Эх, зачем мы только сделали привал! — с досадой сказал Папочкин.— До ливня мы, наверно, успели бы отмахнуться десяток километров и, может быть, добрались бы уже до убежища грабителей.

— Ну, сделанного не вернешь! Я полагаю, что искать это убежище придется недолго. Не могли же они тащить наши вещи целые десятки километров, — утешал Каштанов.

Вода в русле убывала на глазах путников, и через полчаса остались только лужи в углублениях почвы.

— В путь! Вода скатилась! — сказал Макшеев.

— Но что же мы будем делать с лодками! Не тащить же их за собой в глубь страны неизвестно сколько километров! — сказал Каштанов.

— Придется их оставить вблизи моря, но только нужно спрятать как-нибудь от тех же таинственных грабителей.

— Закопаем их в песок, — предложил Громеко.

— Хорошая мысль! Песок рыхлый, и, хотя придется работать руками, другого выхода нет.

Цари юрской природы

Похоронив лодки, путешественники направились вверх по руслу, в котором вода уже не текла. Но большие лужи и липкая глина местами заставляли вылезать на тот или другой берег. Шли осторожно, зорко поглядывая по сторонам и держа ружья наготове на случай неожиданной встречи с похитителями. Слева от русла тянулся тот же лес хвоющей, папоротников и пальм, тогда как справа одна за другой возвышались гряды крас-

новатых голых дюн. Убежище грабителей могло быть как в лесу, так и среди дюн.

Через некоторое время наткнулись на что-то темное, лежавшее в русле и полузанесенное песком и илом; откопали его и увидели перед собой огромного черного муравья, тело которого достигало около метра в длину, голова была немного меньше человеческой, а скрюченные в предсмертной борьбе лапы оканчивались острыми когтями.

— Вот царь природы юрского периода! — воскликнул Каштанов.

— Если их колонии или общежития так же населены, как муравейники на земной поверхности, нам придется иметь дело с тысячами врагов, — сказал Папочкин.

— Да, врагов хищных, умных и беспощадных, — прибавил Громеко.

В это время Генерал, который плелся позади и иногда ложился отдохнуть, подошел ближе. Увидев мертвого муравья, он с остервенением бросился на него, издавая злобное ворчание.

— Эге, узнаешь, брат, одного из тех, кто тебя искал! — воскликнул Макшеев, удерживая собаку. Немного далее встретили труп второго муравья, а потом и третьего. Очевидно, ливень застиг некоторых пожителей еще в пути, и вода унесла их.

— Эти черные дьяволы перемочили и перепортили все наши вещи! — воскликнул в отчаянии Громеко.

— Да, сомнительно, чтобы у них хватило ума расставить палатку и спрятаться в нее вместе с вещами! — подтвердил Папочкин.

— Я думаю, что они добрались в свое жилище раньше ливня, — заявил Макшеев. — Ведь нужно вспомнить, что они двинулись в путь гораздо раньше нас, а мы еще в двух местах отдыхали по несколько часов.

Прошли еще километра два в молчании. За руслом лес начал редеть, и в нем появились многочисленные тропинки. На песчаных грядах, особенно же в долинах между ними, уже видна была растительность: кусты, пучки трав, мелкие хвощи.

Вдруг Макшеев остановился и указал своим спутникам на ближайшую долину между двумя грядами, где

по песку двигались два темных тела, то тащившие, то катившие какой-то белый шар.

— Муравьи?

— Очевидно! Что же они тащат? У нас ничего круглого и белого не было.

— Нашли какую-то другую добычу.

— Не отобъем ли мы ее у них?

— Нет, лучше спрячемся и затем пойдем по их следам, они приведут нас к муравейнику.

— Только держите Генерала, чтобы он не бросился на них.

Путешественники отошли немного назад и укрылись за опушкой леса. Вскоре из-за кустов в устье долины показались муравьи, катившие перед собой по песку большой белый предмет яйцевидной формы.

— Неужели яйца этих муравьев так велики? — спросил Макшеев.

— Нет, это скорее яйцо какого-нибудь летающего ящера, которое они стащили и катят в свое жилище, — сказал Папочкин.

— А как вы думаете, эти яйца ящеров съедобны?

— Почему же нет? Едят ведь яйца черепах, почему не съесть яйцо ящера?

— Это нужно принять во внимание, — заметил Громуко. — Теперь, при скучности нашей пищи и необходимости беречь заряды, яичница была бы очень кстати.

— Для такого огромного яйца нужна соответствующая сковорода, которой у нас нет.

— Обойдемся и маленькой! Пробьем в яйце дырочку с одной стороны, перемешаем палочкой желток и белок, подсыплем соли и будем брать на сковороду сколько нужно.

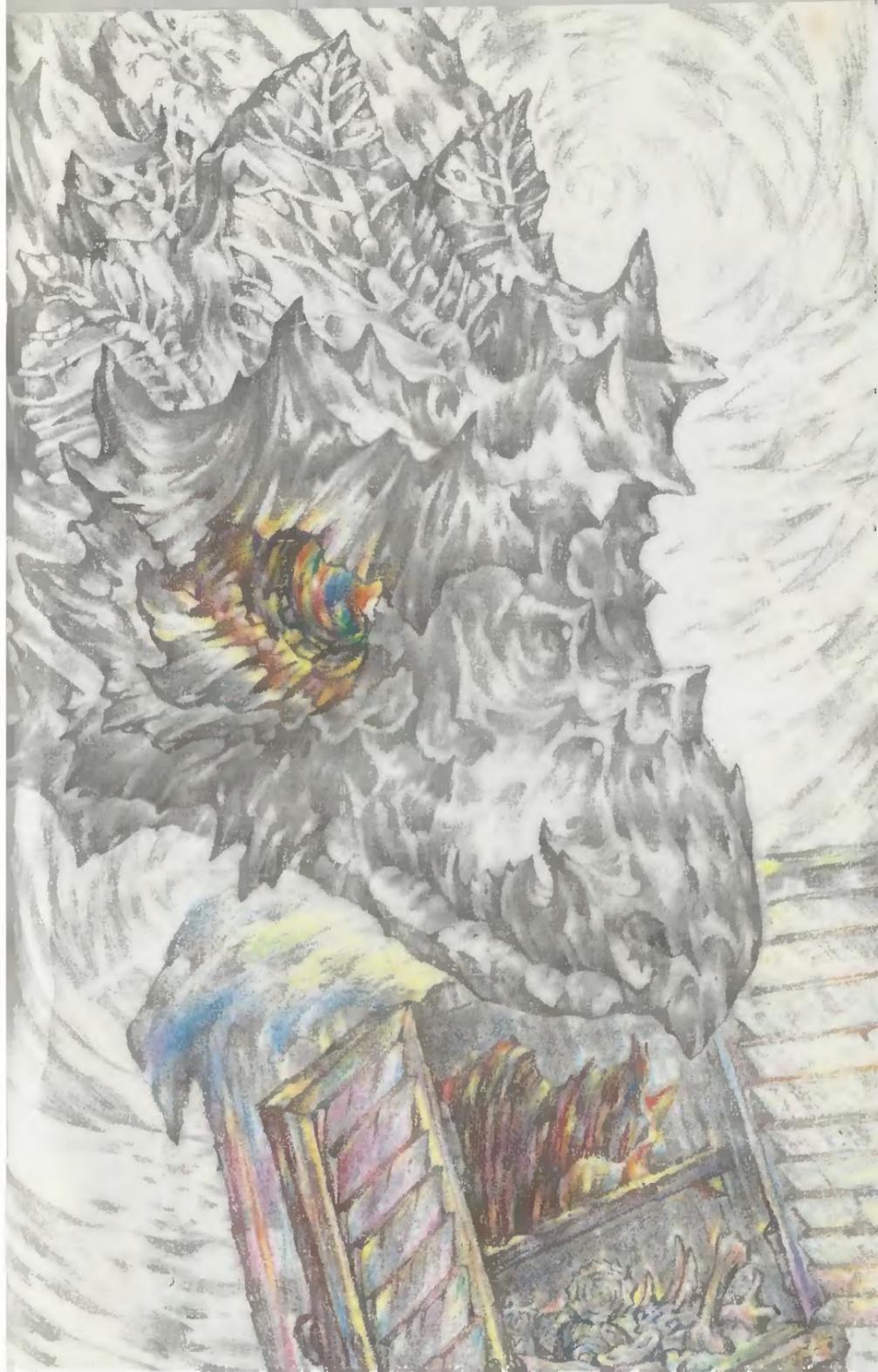
— Но у нас вообще-то сковороды нет, муравьи утащили нашу кухню.

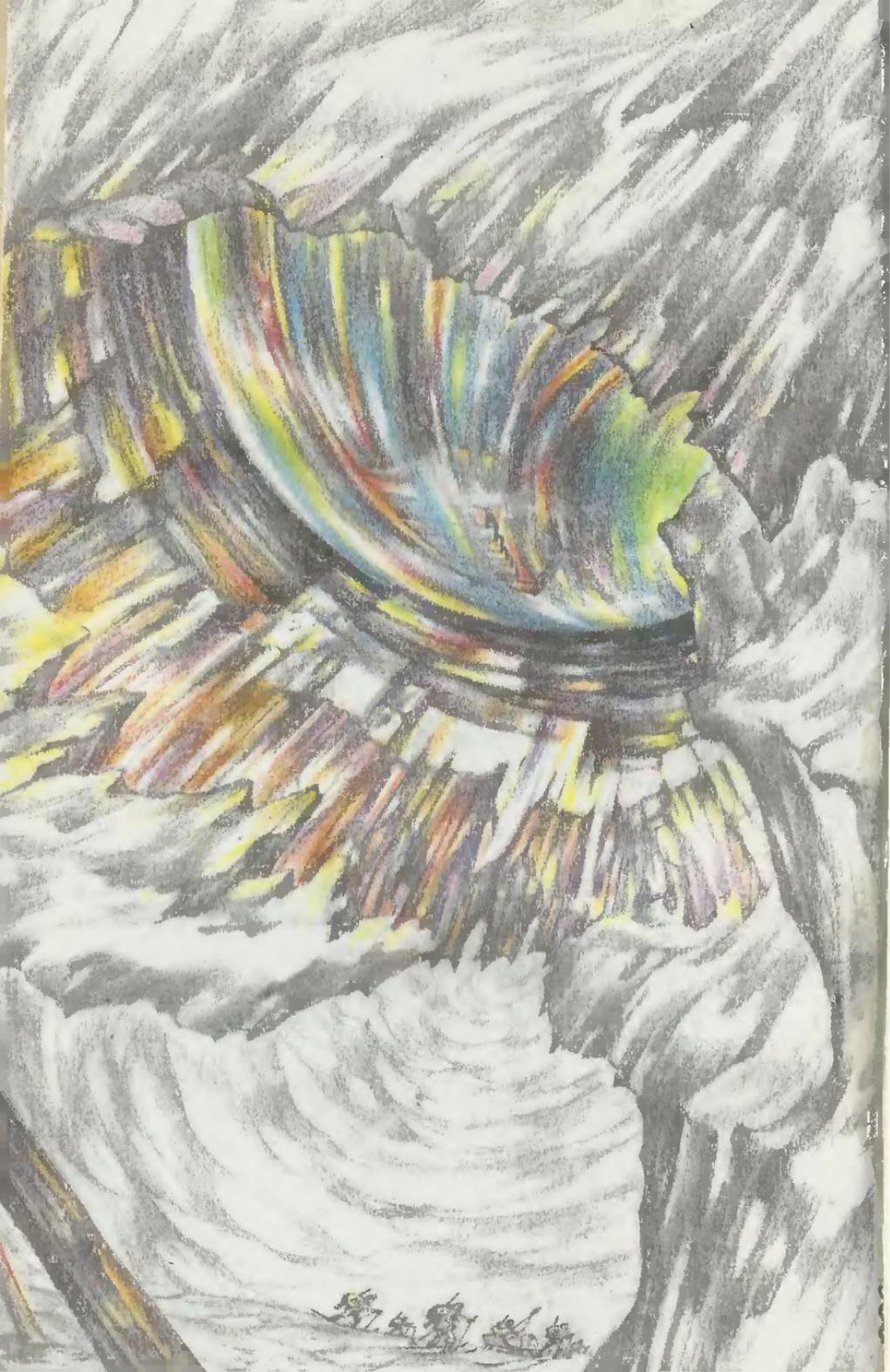
— А я и забыл. Но нельзя ли устроить сковороду из яичной скорлупы — осторожно отрезать верхушку яйца и на ней жарить?

— На чем же, у нас нет масла.

— Есть сало игуанодона.

Пока охотники обменивались этими кулинарными соображениями, муравьи докатили яйцо до берега русла и остановились в нерешительности, так как берега его были обрывисты. Сбросить яйцо с обрыва было не-

трудно, и на мягком песке оно бы не разбилось, но поднять его на ту же высоту на другом берегу казалось слишком трудной задачей для муравьев.

Насекомые между тем бегали вокруг яйца и вдоль обрыва, шевеля сяжками и касаясь ими друг друга, очевидно советуясь.

Затем один спустился в русло, осмотрел противоположный берег, постоял перед ним, словно в раздумье, наконец побежал вдоль него, часто останавливаясь и осматривая обрыв.

Шагах в пятидесяти дальше он нашел менее крутое место, которое показалось ему подходящим для устройства спуска. Он и начал устраивать его, работая передними ногами и челюстями, отрывая глыбы земли и оттаскивая их в сторону.

Второму муравью, оставшемуся у яйца на карауле, скоро надоело ждать, он также спустился в русло и побежал по следам товарища, который был скрыт от него поворотом берега.

— Не стащить ли нам яйцо, оставленное муравьями? — предложил Громеко.

Эта мысль сначала понравилась, но затем возникли некоторые сомнения.

— Во-первых, они могут заметить нас, и мы преждевременно выдадим им свое присутствие; во-вторых, не найдя оставленного яйца, они начнут его искать по окрестности, а мы, вместо того чтобы идти по их следам к муравейнику, будем прятаться в кустах и потеряем время — заявил Каштанов, отвергая предложение ботаника.

Но в это время Папочкин заметил в той же долине между песчаными грядами еще одну пару муравьев, которые катили второе яйцо.

— Теперь, пожалуй, ваши доводы — не трогать первое яйцо — отпадают, — сказал он.

— Ну тогда скорее за работу!

Макшеев и Громеко перебежали русло, подняли вдвоем яйцо, имевшее полметра в поперечнике, и перенесли его в свое убежище на опушке.

Затем Макшеев рукой осторожно затер следы ног в русле, которые могли указать муравьям, если они были достаточно умны, куда делось яйцо.

Вскоре показались оба муравья, бежавшие к оставленной добыче. Взобравшись на берег и не найдя яйца, они начали бегать взад и вперед, подбегали друг к другу, шевеля сяжками и, очевидно, находясь в смущении.

В это время в устье долины показались муравьи, катившие второе яйцо. Увидев их, первые кинулись им навстречу и, очевидно предположив, что вторые похитили их добычу, начали ее отнимать.

Началась свалка: муравьи привстали на четырех задних ногах, поднимая переднюю пару и стараясь вцепиться челюстями в шею противника и перегрызть ее. В пылу борьбы одна пара приблизилась к берегу русла и свалилась с обрыва. При падении один муравей очутился на другом, воспользовался удобной минутой и почти откусил голову соперника.

Оставив последнего, он побежал на помощь товарищу, изнемогавшему в борьбе,— вдвоем они быстро одолели врага и покатили яйцо к руслу.

Путешественники следили с большим интересом за боем, но никак не могли решить, которая пара муравьев одержала верх, потому что всех этих насекомых совершенно нельзя было отличить друг от друга.

Победившие муравьи остановились у берега русла, посовещались, затем скатили в него яйцо и покатили его вверх.

В нескольких местах, где противоположный берег казался им более низким, они останавливались и пробовали поднять яйцо наверх. Но их когти были недостаточно сильны, чтобы пробить твердую скорлупу, яйцо скользило в их лапах и падало назад.

Добравшись до того места, где в береге русла был выкопан спуск, муравьи заметили его, осмотрели и сделали попытку втащить яйцо наверх, подпирая его своими туловищами.

Это им удалось, и они покатили его дальше по тропинке, уходившей в глубь леса. На основании действий этой пары приходилось думать, что победили вторые муравьи.

Теперь оставалось идти по тропинке вслед за муравьями. Но, не зная, как далеко придется еще идти, нужно было сначала разделаться с яйцом, отнятым у муравьев; нести его было тяжело, а катить по лесу неудобно. Поэтому быстро развели огонь в яме, выко-

панной в песке, испекли яйцо целиком вкрутую, разделили на части, а из скорлупы сделали несколько тарелок и сковороду.

После ужина путешественники пошли в глубь леса по тропинке, хорошо вытоптанной, но узкой и неудобной. На высоте одного метра от земли ветви хвоющей сплетались так, что приходилось ползти или идти согнувшись; по всей вероятности, только муравьи пользовались этой тропой.

Через полчаса лес начал редеть; муравьиная тропа часто раздваивалась, пересекалась другими, и Макшееву приходилось тщательно высматривать след яйца, в то время как Каштанов вел глазомерную съемку, чтобы иметь карту местности, населенной их врагами.

— Странно, что мы до сих пор в лесу не встретили ни одного муравья, — сказал Каштанов.

— Они, вероятно, имеют определенные часы для отдыха и сна, а другие животные не смеют приближаться к муравейнику.

Но вот впереди показался широкий просвет. Очевидно, лес кончался, а на поляне за ним мог быть муравейник. Поэтому нужно было удвоить осторожность. Зоолог и ботаник остались с Генералом, а Каштанов и Макшеев отправились на разведку.

Дойдя до края леса, они остановились под защитой последних деревьев и начали осматривать местность. Лес сменялся обширной поляной, вернее, пустырем, почти совершенно лишенным растительности, — только кое-где торчали объеденные стебли. Среди этого пустыря, недалеко от опушки леса, возвышался огромный плоскоконический холм метров двенадцати высотой и более ста метров в поперечнике, состоявший из наложенных друг на друга древесных стволов.

При помощи бинокля можно было различить, что стволы расположены не в беспорядке, а по известной системе, образуя сложную, хотя и грубую постройку. Во многих местах на различной высоте темнели входные отверстия, но муравьев нигде не было видно — они, несомненно, спали.

Пустырь был замкнут со всех сторон лесом, возвышеностями и дюнами, и муравьи являлись единственными хозяевами его. В его западной части, вдоль подножия дюн, вероятно, протекал ручеек, судя по полосе зеленой травы и кустов, резко выделявшихся на желтом фоне песка.

Как проникнуть в муравейник

Осмотрев местность, Каштанов и Макшеев вернулись к своим товарищам, чтобы обсудить дальнейшие шаги.

— Напасть на спящий муравейник нетрудно,— сказал Каштанов,— но будет ли это целесообразно — не знаю. Нам ведь неизвестно, в какой части этого огромного сооружения сложены наши вещи, мы легко можем заблудиться в лабиринте ходов.

— Внутри, наверно, темно, а у нас нет ни свечей, ни фонарей,— заметил Папочкин.

— Можно устроить факелы, я видел в лесу смолистые деревья, годные для этой цели,— заявил Громеко.

— Идя с огнем, мы, несомненно, разбудим муравьев и подвергнемся нападению, которое должно кончиться печально для всех нас,— сказал Макшеев.

— Да, их должны быть сотни, если не тысячи, и сколько бы мы ни уложили выстрелами и ножами, в конце концов нас все-таки загрызут или зажалят до смерти.

— Но что же нам делать? — пробормотал Каштанов.— Мы не можем отказаться от своих вещей: они необходимы нам для обратного пути.

— А если поджечь муравейник с одной стороны? Муравьи начнут спасать свои запасы, и в том числе наши вещи, которые вытащат наружу.

— Прежде всего они будут спасать своих личинок и куколок, а вещи могут за это время сгореть. Но если они даже успеют вынести вещи, то все-таки нам придется отнимать их силой.

— Не выкурить ли муравьев дымом, а потом, когда они покинут свое жилище, отправиться за вещами?

— Этот план уже лучше, но в ходы, наполненные дымом, мы сами не сможем проникнуть, а когда дым рассеется, муравьи тоже могут вернуться.

— Положение, кажется, остается безвыходным!

— Вот что,— предложил Макшеев,— я лягу вблизи муравейника и притворюсь мертвым. Муравьи потащат меня в свое жилье, и там я, может быть, сумею разведать, где лежат наши вещи, а в следующую ночь успею вытащить их наружу.

— Этот план слишком рискован,— возразил Каштанов.— Муравьи могут утащить вас не целиком, а растер-

зав на куски. Но допустим даже, что они потащат вас целиком и не умретив, как же вы в темноте, да еще в положении трупа сумеете ориентироваться в лабиринте ходов, чтобы потом найти дорогу наружу.

— Я возьму в карман клубок ниток и, выпуская постепенно нить, сумею по ней выбраться, как Тезей по нити Ариадны, из лабиринта.

— Хорошо, если муравьи не заметят этого и не станут подбирать вашу нить. А есть ли у вас нитки?

Клубка ни у кого не было, и этот рискованный план также был забракован. Все сидели, понурив головы, придумывая новые планы, которые также приходилось отбрасывать как невыполнимые.

— Вот что я придумал,— заявил Каштанов,— нужно отравить или оглушить муравьев ядовитыми газами, чтобы они оставались в оцепенении в течение времени, необходимого нам для поисков наших вещей в муравейнике. Такими газами являются: хлор, бром и сернистый газ. Следовательно, нужно прежде всего найти материал для приготовления достаточного количества газов. Хлор можно добыть из поваренной соли, которая имеется в море. Бром, вероятно, имеется в золе водорослей, растущих в этом море, но добыть его будет еще труднее, чем хлор. Всего легче было бы приготовить сернистый газ, если мы только найдем серу, серный колчедан или другую сернистую руду. Свинцовый блеск мы уже видели в ущелье птеродактилей, может быть, он найдется и здесь, в утесах возвышенности.

— Но ведь на поиски материала и изготовление газа понадобится немало времени! — сказал Макшеев.

— Что же делать? На несколько дней нам хватит наличных зарядов для добычи пищи. Лучше подготовить способ наиболее верный, рискованные способы останутся у нас в запасе на случай крайности.

— Следовательно, нам нужно убираться отсюда, ничего не сделав с грабителями!

— Лучше уйти, пока муравьи нас не заметили, и не возбуждать их подозрительности поспешными попытками. Если мы их потревожим, они сделаются более осторожными, расставят караулы у входа, будут обыскивать окрестности и затруднят нам дальнейшие шаги, ведь мы еще не знаем, на каком уровне развития стоят эти цари юрской природы.

Все согласились с Каштановым, хотя и не без чувства досады, на необходимость отказаться от немедленной расправы с грабителями. Решили вернуться к песчаным дюнам и вдоль русла проникнуть на возвышенность в поисках серы или сернистых руд.

Путешественники пришли к руслу вдоль опушки леса; никаких животных, даже насекомых, не было видно,— очевидно, муравьи систематически охотились за всякой дичью в окрестностях муравейника. Только изредка над пустырем проносился какои-нибудь ящер, спешивший дальше. Русло тянулось вдоль окраины пустыря, а немного далее вверх врезывалось в песчаные холмы, пролегая в довольно глубокой долине. Здесь по обоим берегам росли кусты, небольшие хвощи, сладкий тростник, папоротники. Вверх по этой долине путешественники подвинулись еще на несколько километров и затем решили основательно отдохнуть после тревог и переходов, продолжавшихся целые сутки. Воды в ручье было уже много, а тень пальм и хвоющей машила к себе. Сварили чай, поужинали оставшимся в запасе яичным желтком и спокойно выспались. Но затем появление муравьев по соседству заставило поторопиться с завтраком, чтобы поскорее уйти подальше от муравейника и не выдать его обитателям свое присутствие.

Через несколько километров песчаные склоны долины уступили место скалистым, так как русло начало врезаться в столовую возвышенность. В поисках сернистых руд Макшееев и Каштанов шаг за шагом осматривали скалы — один на правом, другой на левом склоне, что, конечно, замедляло движение. Папочкин и Громеко оставались вблизи русла с ружьями наготове, чтобы добыть какую-нибудь дичь или отразить нападение ящеров или муравьев. Но последние не встречались, местность постепенно становилась все более пустынной, даже вдоль ручья деревья и кусты росли уже более редко, и только узкая полоса травы и сладкого тростника везде еще окаймляла его берега. Наличие последнего очень радовало путешественников, так как он остался их единственной пищей в этой пустыне.

Из животных им попадались только огромные стрекозы, реявшие над водой, и изредка птеродактили, окотившиеся за этими насекомыми. Воздух был совершен-

но спокоен, лучи Плутона жгли немилосердно в узкой долине, голые склоны которой были нагреты, словно печь, и только близость воды, которой можно было постоянно утолять жажду и смачивать голову, поддерживала путешественников и позволяла им двигаться вперед.

Поиски сернистых руд пока были безуспешны.

Обеденный привал сделали на берегу ручья, сварили чай, пососали сладкий тростник и разделили последний сухарь.

— Вечером нам придется попробовать стрекозу или подстрелить птеродактиля! — печально сказал Папочкин, собирая последние крохи сухаря.

В глубь черной пустыни

Отдохнув, продолжали путь вверх по долине. На обоих склонах тянулись те же черные, мрачные скалы, разбитые трещинами то на огромные неуклюжие кубы, то на стройные, тонкие столбы. Растительность вдоль ручья становилась все беднее, хвощи попадались реже, папоротники и пальмы совсем исчезли, и только трава и сладкий тростник продолжали окаймлять берега ручья.

На ночлег остановились у последнего сухого дерева, чтобы воспользоваться им в качестве топлива. Сварили чай и пили его в большом количестве с соком тростника, чтобы обмануть голод, так как никакой дичи не попадалось.

После чая Макшеев и Каштанов вздумали подняться на склон долины, чтобы осмотреть местность. Последняя представляла собой равнину, расстилавшуюся во все стороны на далекое расстояние; только на юге, километрах в двадцати, над ней поднималась группа плоскоконических гор.

Когда оба исследователя отошли на несколько десятков шагов от края обрыва, так что долина ручья совершенно скрылась из виду, они почувствовали все мрачное величие окружавшей пустыни.

Черный голый утес, усыпанный крупными и мелкими осколками, отделившимися от него под влиянием высокой температуры вечно греющих лучей, представлял почву этой пустыни. Нигде ни кусточка, ни былин-

ки, один черный камень под ногами до горизонта, небо с красноватым Плутоном над головой — абсолютная, непроходимая пустыня, грозившая верной смертью от голода и жажды смельчаку, который решился бы на долгую углубиться в ее необозримые просторы.

У черного камня, нагретого Плутоном, было жарко, как у раскаленной печи, а сверху жгли отвесные лучи Плутона, от которых решительно негде было укрыться. Только горы, поднимавшиеся на юге, вносили маленькое разнообразие в ужасную подавляющую монотонность пустыни, потому что они были не черные, а изобиловали белыми, красными и желтыми полосами и пятнами.

Рассмотрев местность, Каштанов сказал своему спутнику:

— Я думаю, что нашему проникновению в глубь таинственной страны поставлен недалеко отсюда окончательный предел. Долина, по которой мы идем, вероятно, оканчивается там, у группы гор, и я боюсь, что дальше расстилается такая же мрачная пустыня, абсолютно непроходимая без специального снаряжения, без больших запасов воды, провианта и топлива.

— Неужели вся осталенная часть внутренней поверхности земли представляет такую же раскаленную пустыню?

— Вероятно, что так, по крайней мере до окрестностей входного отверстия у Южного полюса, если такое существует. Ведь влагу, необходимую для растительности и животной жизни, внутренняя поверхность получает через эти отверстия. Очевидно, море, которое мы переплыли, составляет последний резервуар этой влаги.

— Но, как мы видели, господствующие здесь северные ветры могут заносить эту влагу и дальше.

— За последнее время мы этих ветров не ощущали, кроме редких бурь с грозами. Вероятно, последние тучи, приходящие с севера, разряжаются над морем и в ближайшей к югу от него полосе, а дальше над этой раскаленной пустыней несутся только остатки влаги, воздух не насыщается ими, и дожди невозможны.

— Значит, мы дойдем только до этих гор на юге?

— Да, доберемся до них и увидим, правильны ли мои соображения.

— Что же делать, если на этом пути мы не найдем нужных нам сернистых руд?

— Эти горы, судя по их форме и цвету, вероятно, представляют потухшие вулканы, а на склонах вулканов почти всегда можно найти серу. Я почти убежден, что там мы найдем все необходимое.

— И повернем назад?

— Я думаю, нужно воспользоваться тем, что мы уже проникли так далеко от моря, и сделать еще экскурсию на юг, чтобы убедиться, что пустыня непроходима. Тогда наша совесть будет спокойна — мы сделали все, что в человеческих силах.

— Но может быть, в другом месте море проникает дальше на юг, а следовательно, даст нам возможность проникнуть дальше.

— Если мы отнимем у муравьев наши вещи, то можем проехать вдоль берега моря на восток и на запад и убедиться в этом.

Насмотревшись на пустыню и бросив прощальный привет синей поверхности моря и его зеленым берегам, которые чуть виднелись на севере, за краем пустыни, геологи направились обратно к своему лагерю. Когда они спускались по расселине, скользя на осыпях и прыгая с глыбы на глыбу, они услышали один за другим два выстрела.

— Что это? Неужели муравьи забрались так далеко и напали на наших товарищей? — заметил Каштанов.

— Нужно поспешить на помощь! — ответил Макшеев.

Удвоив быстроту спуска, они через несколько минут достигли подножия склона и бегом направились к месту стоянки.

Но их тревога оказалась напрасной: не муравьи напали на товарищей, а благосклонная судьба послала голодящим запас провизии.

Сидя на берегу ручья, Папочкин и Громеко заметили черную тень, пронесшуюся над ними. Они подняли головы и увидели, что над долиной кружит большой птеродактиль, внимание которого, может быть, привлекла блестевшая на солнце жестянка. Не долго думая, они схватили ружья и выстрелили, когда ящер,

описывая новый круг, спустился ниже. Одна пуля попала, и животное свалилось. Это был очень крупный экземпляр, длиной от головы до кончика хвоста больше полутора метров, так что его туловище имело много мясистых частей.

Насытившись ужином из ящера, залегли спать, поочередно карауля, так как мясо, разложенное на камнях для провяливания, нужно было беречь от летучих ящеров, которые могли сюда залететь.

На следующий день движение вверх по долине продолжалось; путешественники были нагружены запасами сущеного мяса, а также сладкого тростника и топлива, так как опасались, что всего этого выше по долине уже не встретят. Долина действительно становилась все более и более пустынной, а растительность на берегах ручья попадалась все реже. Сернистая руда не встречалась, и теперь Каштанов возлагал единственную надежду на вулканообразные горы в верховьях долины, которые к концу длинного перехода казались уже совсем близкими. Немногое же доходя их, долина сузилась и превратилась в короткое ущелье, которое вывело путешественников в котловину, расположенную у самого подножия гор.

К всеобщему удивлению, на дне котловины оказалось довольно большое озеро, скалистые берега которого местами были покрыты зеленью,— небольшие хвощи, папоротники и тростник росли группами на более отлогих участках берега, прерывавшихся невысокими скалами. Это озеро представляло удобное место для стоянки, где можно было оставить лишний груз, чтобы подняться налегке на горы в поисках серы или сернистых руд.

Расположившись в тени папоротников, путешественники вздумали выкупаться в темной спокойной воде озера, которое походило на большое гладкое зеркало в раме черного дерева с изумрудными вставками. Папочкин, раздевшийся первым, храбро нырнул с головой в воду, но тотчас же вынырнул и вскочил на берег с возгласом:

— Вода горячая, дух захватывает!

Остальные стали пробовать воду — кто рукой, кто ногой — и убедились, что зоолог прав.

Громеко вытащил карманный термометр, единственный уцелевший из инструментов экспедиции благодаря тому, что он всегда был с ним. Опущенный в озеро, он показал 40 градусов по Цельсию.

— Ну, это еще не так страшно! — сказал ботаник. — Сорок градусов Цельсия равны тридцати двум градусам Реомюра, а это температура горячей ванны, которую вполне можно выдержать.

Но горячая ванна в жаркий день не могла освежить, так что путешественники ограничились только тем, что помылись основательно, употребляя вместо мыла белый тонкий ил, который лежал толстым слоем на дне озера. Он был нагрет еще больше, чем вода, и положительно обжигал погруженные в него ноги, зато пенился подобно мылу и прекрасно заменял его.

— Вот еще неожиданное богатство, остающееся без употребления в этой стране чудес! — сказал Макшеев, усердно натираясь илом.

— Да, предпримчивые люди создали бы громадное дело. «Целебное мыло из недр земли излечивает всякие болезни, начиная от насморка и кончая раком», — приблизительно так гласили бы рекламы, которыми были бы наводнены страницы газет и журналов, — смеялся Громеко, относившийся иронически ко всем богатствам, возбуждавшим предпримчивый дух прежнего золотоискателя.

— Уж если говорить о богатствах Плутонии, то нельзя забывать и животный мир, — воскликнул Папочкин, сушившийся на солнце после «ванны». — Я бы организовал акционерную компанию для вывоза всех этих «живых окаменелостей» и снабжения ими зоологических садов и музеев всех государств поверхности нашей планеты. Такая компания имела бы огромный успех, больше ваших горнопромышленных предприятий, потому что золото, медь, железо — все это имеется в достаточном количестве и там, наверху, а живых мамонтов, плезиозавров, птеродактилей там нет.

— Меня интересует это горячее озеро, — сказал Громеко, — я уже раньше заметил, что вода в ручье тепловата, но приписывал это ее нагреванию в голой долине с черными склонами, теперь ясно, что ручей получает свое тепло из этого озера.

— Мы, несомненно, находимся у подножия старых вулканов,— пояснил Каштанов,— и озеро получает приток в виде горячих ключей, выходящих из нагретых еще недр вулкана.

— Нужно обследовать это озеро по всей его окружности и выяснить этот приток,— заявил зоолог.

— Вот вы и займитесь этим вдвоем с Михаилом Игнатьевичем, пока варится ужин, а мы пойдем на разведку к вулкану,— предложил Каштанов.

Одевшись после «ваннны», он и Макшеев обогнули западный конец озера, из которого вытекал ручей, пропачивавшийся между наваленными черными глыбами, и начали подниматься на совершенно голые и усыпанные черным щебнем холмы, лежащие у подножия вулкана. Перевалив через них, разведчики очутились у подножия первой большой горы, на крутом склоне которой можно было различить потоки лавы, изливавшейся в разное время из кратера на вершине горы и застывшей на поверхности то округленными волнами, то хаотически нагроможденными друг на друга глыбами.

Рассматривая более старые потоки, поверхность которых была местами желтая, красная и белая, Каштанов объяснил своему спутнику, что здесь находится охра, нашатырь и сера¹.

— Ну вот и сера, которая нам так нужна! Но только здесь ее немного и собирать трудно, а в кратере, надеюсь, найдем ее больше.

Карабкаясь по глыбам потока, разведчики через час достигли вершины горы. Она была плоская, и в центре ее зияла черная пропасть с почти отвесными стенками.

— Вот и кратер, довольно солидных размеров.

— К несчастью, совершенно недоступный.

— Обойдем его кругом, может быть, найдется удобное местечко для спуска.

Вершина горы также состояла из застывшей глыбовой лавы. С нее открывался обширный вид в обе стороны.

¹ Н а ш а т ы р ь — соединение аммиака с хлором в виде белой соли, которая при нагревании улетучивается; встречается в расщелинах лавы и вулканов, изготавливается также искусственно для применения в медицине и технике. О х р а — минеральная краска от желтого цвета до буро-красного; представляет собой водную окись железа в смеси с глиной и известью.

ны. На севере у подножия холмов лежало озеро в своей зелено-черной раме. Оно имело форму почти правильного круга и, быть может, тоже представляло кратер еще более древнего вулкана. На восток и на запад спускались огромные лавовые потоки, постепенно теряющиеся в виде гряд и стен черных скал на поверхности пустыни. На юге поднималась немного выше вторая гора, очевидно главный конус вулкана, закрывавшая дальнейший вид; с первой горой она была соединена узкой и скалистой седловиной.

Обогнув кратер с запада и убедившись, что с этой стороны спуск в него также невозможен, разведчики прошли по седловине на вторую гору. Ее вершина имела также глубокий кратер, но разорванный на юго-востоке громадной выемкой, от которой вниз по склону шел гигантский лавовый поток, вероятно, продукт последнего извержения вулкана.

Эта выемка в вale кратера позволяла спуститься на его дно без особого риска.

Теперь вид на юг был открыт. В ближайшем соседстве с главным вулканом возвышалось еще несколько низких вулканов с обвалившимися кратерами, а за ними до горизонта расстилалась та же черная пустыня, которой, казалось, не было конца.

— Да, дальше на юг, в глубь Плутонии, здесь хода нет! — воскликнул Макшеев, впиваясь своим острым взором в даль.— Километров на сто не видно ничего, кроме черного камня.

— И экскурсировать в эту сторону нечего! — прибавил Каштанов.— Осмотрим вулканы, наберем серы — и назад к муравейнику отбивать наше имущество.

Вид с вершины горы произвел на них удручающее впечатление.

Под ногами наблюдателей тянулась группа черных гор, изрезанных глубокими ущельями, словно морщинами, с желтыми, белыми и красными пятнами, словно набрызгаными гигантской кистью неопытного мальяра, а затем во все стороны шла черная ровная пустыня без единого признака жизни, безотрадный простор которой под красноватыми лучами Плутона имел особенно зловещий характер.

— Это царство смерти, более ужасное, чем полярные снежные пустыни! — воскликнул Каштанов.

— Да, если бы дух зла существовал, то лучшего места пребывания ему не найти! — подтвердил Макшеев.

— Вы подали хорошую мысль. Назовем эту местность пустыней Дьявола.

— А эти вулканы — троном Сатаны. Мне так и рисуется зловещая картина: в те дни, когда Плутон меркнет и воцаряются красноватые сумерки, из кратера поднимается дух зла, похожий на исполинского птеродактиля, носится над этими горами и над пустыней, оглашая воздух своим воем, купается в волнах горячего озера, отдыхает на черных высоких скалах, любуясь своим царством...

Осмотрев местность и заметив наиболее удобный пункт для спуска в кратер, разведчики пошли к озеру, выбирая более прямой путь от главной вершины, чтобы отправиться на следующий день вчетвером за серой.

Экскурсия в кратер Сатаны

На следующий день все четверо отправились к главному вулкану, захватив с собой на всякий случай одно ружье, немного жареного мяса и сладкого тростника. Остальное имущество можно было покинуть у озера под наблюдением Генерала, так как полное отсутствие животных в этой пустыне позволило надеяться на его невредимость.

Путь шел сначала через низкие горные черные холмы и гряды потоков, потом по склону главного вулкана вдоль огромного потока, начинавшегося у бреши кратера. Через полчаса добрались до нее и начали спускаться вглубь по глыбам застывшей лавы, представлявшим нечто вроде лестницы для исполинов.

Спуск продолжался полчаса и привел на дно кратера, которое представляло площадку с засохшей растрескавшейся черной грязью, прежде, очевидно, покрытой водой исчезнувшего озерка. За площадкой круто поднималась противоположная стена, густо покрытая белыми, желтыми и красными налетами и натеками. В желтых налетах нетрудно было узнать самородную серу в виде мелких и крупных кристаллов, сидевших в пустотах лавы или покрывающих ее поверхность нетолстым слоем.

Вынув охотничьи ножи, путешественники принялись соскабливать налеты и отделять более крупные кристаллы, складывая добычу в свои заплечные мешки. Когда последние были наполнены, оказалось, что в каждый поместились около шестнадцати килограммов.

— Шестнадцать килограммов серы дают свыше одиннадцати тысяч литров сернистого газа,— заметил Каштанов,— а шестьдесят четыре — почти сорок пять тысяч литров. Я думаю, что этого достаточно для мурaveйника.

— Больше мы и не можем унести,— сказал Папочкин,— у нас есть еще ружья и некоторые запасы, а тащить это все на себе придется два дня.

— Кое-что можно навьючить на Генерала,— предложил Макшеев,— он уже поправился, сегодня целый день отдыхает и унесет на своей спине килограммов тридцать.

— До озера под гору мы эти тридцать килограммов донесем, поэтому наберем еще серы, чтобы хватило.

Позавтракав и отдохнув, путешественники набрали еще килограммов тридцать, которые Макшеев поместил в свою рубашку, сделав из нее мешок. В одной из трещин наскребли также горсть поваренной соли.

Во время отдыха Каштанов полулежал, прислонившись к стене кратера, и внезапно ощутил резкие удары, доносящиеся из глубины горы.

«Неужели вулкан не потух?» — подумал он.

Но, не имея опыта в изучении действующих вулканов, он не придал значения этим звукам и даже не сказал о них своим товарищам.

Когда же сбор второй партии серы был окончен и все четверо опять уселись на дне кратера, чтобы отдохнуть перед подъемом и спуском с тяжелым грузом на плечах, Каштанов вспомнил о звуках и приложил ухо к скале. Удары слышались еще яснее, и ощущалось даже легкое дрожание утесов.

— Я, может быть, ошибаюсь! — воскликнул он, вскочив со своего места.— Но мне кажется, что нам здесь мешкать нечего: в недрах вулкана идет какая-то работа. Уж не готовится ли он к извержению? Послушайте сами.

Приложив ухо к стенке кратера, все убедились в справедливости его слов.

— Может быть, извержение и не состоится; может быть, оно произойдет через неделю или через месяц, но я не поручусь, что оно не может случиться сегодня! — заявил профессор.

— Совершенно верно, и сидеть на дне кратера ничего, тем более что нам предстоит нелегкий подъем до его края,— согласился Громеко.

Взвалив тяжелые мешки на плечи, путешественники полезли вверх по лестнице исполинов. Но подъем с ношей шел не так скоро, как спуск, и только через час они были наверху. Оглянувшись назад, они убедились, что их поспешность была вполне своевременна: со дна кратера поднимался тонкий столб желтоватого дыма, в воздухе запахло серой и хлором.

Содрогание стенок кратера уже настолько усилилось, что ощущалось под ногами. Нужно было торопиться, потому что с минуты на минуту извержение могло начаться взрывом лавовой пробки, закупорившей жерло кратера. Не теряя времени, путешественники начали спускаться по той же дороге, по которой пришли, и через два часа были у озера, где соскучившийся Генерал приветствовал их радостным лаем и визгом.

Впрочем, вулкан не торопился начинать свою деятельность. Над его вершиной виднелся только тонкий столб буроватого дыма, поднимавшийся вертикально на огромную высоту и там рассеивавшийся. У озера не слышно было подземных ударов, и все было спокойно.

Когда все сгрузили мешки с серой возле остального имущества, Папочкин спохватился, что забыл свое ружье в кратере или на вершине, где два раза останавливались для отдыха. Заявив об этом товарищам, он сказал, что вернется сейчас к вулкану за ружьем.

— У нас есть еще три ружья, а в муравейнике четвертое запасное, так что можно обойтись без оставленного и незачем подвергаться еще раз опасности, которой мы избегли,— заметил Каштанов.

— Вулкан только дымит,— твердил зоолог, очень любивший свою двустрелку, отличавшуюся верным боем, и огорченный своей забывчивостью.— Пока вы отдохнете, я успею сбежать.

— Спускаться в кратер дымящегося уже вулкана нельзя, потому что вы задохнетесь от ядовитых газов. А наиболее вероятно, что вы оставили ружье именно на дне кратера. Следовательно, ваша затея все равно невыполнима,— убеждал Каштанов.

— Нет, я вспоминаю, что скорее всего оставил ружье на краю кратера еще перед спуском, чтобы не таскать его напрасно вниз и вверх по скалам. А добежать до края кратера не так уж долго и опасно,— твердил зоолог.

— Извержение может начаться каждую минуту. Не знаю даже, благоразумно ли мы поступаем, оставаясь до завтра на берегу этого озера; не лучше ли подальше уйти от вулкана?

Но все очень устали от восхождения и спуска с тяжелой ношей на спине. Вид у вулкана не внушал особых опасений, а озеро находилось на расстоянии около двух километров по прямой линии от кратера, то есть сравнительно далеко, и можно было надеяться, что его берегам непосредственная опасность не может угрожать, поэтому решили ночевать у озера, рассчитывая присутствовать хоть при начале такого грандиозного явления, как извержение вулкана.

Но тишина продолжалась только часа четыре. Спящие внезапно были разбужены страшным грохотом и колебаниями почвы. Им показалось, что их подбросило в воздух и что они падают в озеро.

Все вскочили на ноги, испуганно озираясь: почва дрожала под ногами, и деревья на берегу озера раскачивались в разные стороны.

Вершина вулкана была окутана густой завесой черного дыма, которую прорезали, подобно молниям, раскаленные камни, выбрасываемые из кратера.

Извержение началось.

— Где же Папочкин? — воскликнул Макшеев, заметивший, что их только трое.

— Не сбросило ли его толчком в озеро? Он лежал ближе всех к его берегу,— предположил Громеко.

Но поверхность воды была покрыта только мелкой рябью, очевидно, обусловленной сотрясением почвы. Круговых волн, которые указывали бы, что в воду только что свалилось тяжелое тело, не было видно.

— Не убежал ли он с перепугу вниз по долине?

— А не ушел ли он все-таки к кратеру за своим ружьем? — заметил Каштанов.

Последнее предположение показалось наиболее правдоподобным, потому что зоолог отличался упрямством. Он, очевидно, подождал, пока его товарищи уснули, и отправился к вулкану.

Когда все поиски вокруг озера оказались тщетными, пришлось признать, что зоолог ушел за ружьем.

— Хорошо, если он еще не дошел до вершины вулкана, когда извержение началось, — заметил Каштанов. — В противном случае он, несомненно, погиб.

— Что же нам делать? — воскликнул Макшеев. — По-моему, нужно бежать к нему на помощь!

— Подождем некоторое время, — предложил Громеко. — До дна кратера и обратно три-четыре часа хода. Если он ушел в девять, как только мы уснули, он через полчаса или час должен вернуться.

— А за это время ход извержения покажет, можно ли подняться к кратеру без крайнего риска!

— Но ведь это ужасно — сидеть на месте и ждать, вместо того чтобы спешить на помощь товарищу!

— Да, это ужасно, но мы можем спасти его только в том случае, если он еще не дошел до кратера и только ранен упавшим камнем. Если же он оказался на вершине или в самом кратере во время взрыва, то он, безусловно, погиб, если не от камней, то от газов. Пытаясь теперь проникнуть на вершину вулкана, мы товарища не спасем, а рискуем судьбой всей экспедиции. Смотрите, что там делается!

Последние слова Каштанов произнес при виде огромного облака паров, вырвавшихся из кратера вулкана.

Пробуждение вулкана

Через несколько секунд раздался оглушительный грохот, словно гора разлетелась на части или взлетела на воздух. Облако помчалось вниз по склону, чудовищно разрастаясь вверх и в стороны и превращаясь быстро в лилово-черную тучу или целую стену туч, которые клубились, перемешивались, свивались, озаряемые ослепительными молниями. Эта стена неслась по склону со скоростью поезда, и через несколько минут ее ко-

нец был уже у подножия вулкана, а верхний край поднимался, клубясь, гораздо выше его вершины.

— Это совсем напоминает страшное извержение Лысой горы на острове Мартиника, погубившее в мае тысяча девятьсот второго года город Сен-Пьер с его двадцатью семью тысячами жителей в течение нескольких минут! — воскликнул Каштанов. — Эта туча, так называемая жгучая, или палящая, состоит из страшно сжатых и перегретых водяных паров и газов, переполненных горячим пеплом, и несет не только мелкие камни, но и громадные глыбы.

— Наше счастье, что туча направилась не к озеру, а в другую сторону, иначе нас постигла бы участь жителей Сен-Пьера! — заметил Громеко.

— Да, она, очевидно, воспользовалась той же брешью в крае кратера, по которой прошли и мы, и поэтому направилась на юго-восток, по последнему потоку лавы.

— Что же будет дальше? — спросил Макшеев.

— Эти палящие тучи могут повторяться через известные промежутки времени — часы или дни, а затем появится лава.

— Но могут ли следующие тучи направиться в другую сторону, чем первая, например, к нам?

— Если край кратера не изменился при страшном взрыве, сопровождавшем выход первой тучи из жерла, то и следующие тучи скорее всего сохранят направление первой. В противном случае они пойдут по новому пути.

— Следовательно, могут направиться и в нашу сторону?

— Конечно, но пока мы будем надеяться, что этого не случится, и до поры до времени мы здесь в сравнительной безопасности.

Во время этой беседы туча, расползаясь в стороны, закрыла значительную часть восточного склона горы, но двигалась вниз уже медленнее и росла главным образом вверх. Все три путешественника стояли безмолвно, созерцая ужасное и величественное зрелище.

И вдруг из-за гребня ближайшего холма подножия вулкана появился Папочкин. Он бежал стремглав, без шапки, с развевающимися волосами, перепрыгивая через глыбы, заграждавшие ему дорогу. Его товарищи

бросились ему навстречу, засыпая вопросами. Но он так запыхался от быстрого бега и волнения, что не мог говорить.

Только отлежавшись в тени деревьев у озера и проглотив несколько чашек холодного чаю, он пришел в себя и начал свой рассказ.

— Несмотря на ваши убеждения, я решил сходить за ружьем к вулкану, который казался мне малоугрожающим. Я надеялся, что ружье осталось на одном из двух привалов, сделанных нами во время подъема, или в крайнем случае на вершине. Я дождался, пока вы крепко уснули, и около десяти часов ушел налегке, взяв только несколько стеблей тростника. На месте первого привала ружья не оказалось, а так как вулкан не усиливал своей деятельности, я полез дальше. Но ружья не было и на месте второго привала. Я поднялся уже очень высоко, и до вершины оставалось не больше полукилометра. Проклятый вулкан по-прежнему слабо дымил, и возвращаться не хотелось.

Я уже поднимался к бреши в крае кратера, и мне казалось, что я вижу свое ружье, прислоненное к глыбе лавы в сотне шагов впереди, когда внезапно раздался сильный грохот и из жерла выбросило массу дыма, поднявшегося вверх. Я остановился в нерешительности. Идти дальше было уже опасно, а повернуть назад — обидно, когда до ружья было так близко. Но посыпавшиеся сверху мелкие камни и комья грязи вывели меня из нерешительности. Они сыпались градом вокруг меня, и один ком так саданул меня по плечу, что я вскрикнул; должно быть, он набил мне здоровый синяк — я с трудом двигаю рукой. С минуты на минуту можно было ждать нового взрыва и бомбардировки более крупными и раскаленными камнями. Я побежал вниз как только было возможно на неровном пути. Через полкилометра раздался второй взрыв, после которого вершина вулкана скрылась в дыму. Порывом воздуха унесло мою шляпу; вокруг меня опять начали падать камни, и я все бежал и бежал. Последний страшный взрыв, когда я был недалеко от подножия, бросил меня со всего размаха на землю, и я чуть не вывихнул себе руки. Поднявшись, я увидел эту ужасную тучу и, собравши последние силы, побежал опять, опасаясь, что она меня догонит и задушит.

— Да, вы счастливо избегнули ужасной опасности! — сказал Каштанов, когда зоолог окончил свой рассказ.

— И в наказание за свое упрямство потеряли шляпу и устали, как ломовая лошадь! — прибавил Громеко.

— Будем рады, что наш товарищ вернулся, и обсудим, что делать дальше, — заметил Макшеев.

— Нужно уходить подальше от этого ужасного вулкана! — воскликнул Папочкин.

— Да вы разве в состоянии идти сейчас? Вы еще не успели отдохнуть от вчерашней ходьбы и прибавили к ней новую. Ложитесь и сните, часа два мы можем подождать.

— А не лучше ли нам действительно отодвинуться подальше от вулкана, хоть на два-три километра? — предложил Макшеев. — Его соседство начинает становиться опасным, а мы находимся у самого подножия вулкана.

Громеко также поддержал это мнение. Решили отойти на поверхность черной пустыни вблизи края ущелья, где озерная котловина переходила в долину ручья. С этого пункта можно было наблюдать дальнейший ход извержения вулкана. Наполнили жестянку водой, навьючились серой и припасами. Два мешка серы приспособили в виде выюка на Генерала, который сначала протестовал и пытался сбросить тяжелый груз, но потом смирился и поплелся потихоньку рядом с людьми, вместо того чтобы рыскать по сторонам в поисках какой-нибудь поживы.

Из озерной котловины поднялись по невысоким уступам на поверхность черной пустыни, по которой прошли километра два, и остановились у того места, где ущелье расширялось в долину. Извержение как будто приостановилось, первая жгучая туча уже рассеивалась, вершина горы очистилась от дымовой завесы, и из кратера поднимался только тонкий столб черного дыма. Рассмотрев вулкан в бинокль, Каштанов заметил, что его вершина претерпела некоторое изменение во время первых взрывов: край кратера с восточной стороны понизился и вершина казалась срезанной наискось.

Понемногу все путешественники задремали, расположившись вокруг мешков с серой на голой поверхно-

сти пустыни. Так прошло часа три, когда снова страшный грохот разбудил спящих и приковал их взоры к вулкану. Из кратера опять вырвалась зловещая туча и понеслась вниз по склону, но в этот раз прямо на северо-восток, к котловине озера. Каштанов следил по часам за движением тучи, разраставшейся, как и первая, в высокую и широкую стену серо-лилового цвета. Через четыре минуты после взрыва стена надвинулась уже на озеро и скрыла его от взоров наблюдателей.

— Туча движется со скоростью курьерского поезда, около шестидесяти километров в час! — воскликнул Каштанов.

— Какое счастье, что мы ушли оттуда!

— Да, путь тучи изменился градусов на восемьдесят против первого направления, очевидно, вследствие разрушения краев кратера.

— А что было бы, если бы мы остались у озера? — поинтересовался Папочкин.

— На основании наблюдений, сделанных экспедицией, снаряженной французской Академией наук для изучения Лысой горы на Мартинике, я могу сказать, что мы были бы обожжены и задушены в атмосфере перегретого пара с пеплом, составляющего главную массу тучи, или были бы убиты камнями, которые в изобилии несутся в ней. Она переносит даже глыбы в четыре — шесть кубических метров на несколько километров от вулкана. На своем пути туча уничтожает все — животных, растения, и после нее остается пустыня: голая полоса горячего пепла, больших и малых камней, обгоревших деревьев и поччерневших трупов.

— Что же могло сделаться с озером?

— Оно завалено горячим пеплом, камнями, выпало из берегов и превратило ручей, который из него течет, в грязный и горячий поток, вероятно, кратковременный.

В это время жгучая туча пронеслась через котловину озера и поднялась на черную пустыню километрах в двух от того места, где находились путешественники. Несмотря на такое расстояние, люди почувствовали жгучее дыхание тучи в виде сильного и горячего вихря, который заставил их броситься на землю и закрыть лицо руками и одеждами. Они пролежали так около

получаса, обливаясь потом, пока не установилось равновесие в атмосфере.

Подняв головы, они увидели над пустыней длинную и высокую стену клубов белого и серого пара, которая тянулась в одну сторону еще километров на десять дальше места, где они находились, и поднималась вверх на полторы тысячи метров. Воздух все еще был удушливый и горячий.

— Уйдемте подобру-поздорову подальше от этого ужасного вулкана! — воскликнул Громеко. — Кто знает, не вздумает ли он выбросить следующий заряд прямо в нашу сторону?

— Да, мы уже испытали, как трудно стало дышать в двух километрах от края тучи. Можно себе представить, каково было бы нам в ее объятиях!

Собрав свое имущество, путешественники пошли по пустыне на север, постепенно приближаясь к долине речки, куда они намеревались спуститься в первом удобном месте. Но когда они подошли к краю долины и бросили взгляд вниз, оказалось, что спокойный чистый ручеек превратился в бурный грязно-белый поток, вышедший из своего русла и бешено мчавшийся по дну долины, уничтожая растительность своих берегов.

— Стоит ли спускаться вниз? — спросил Каштанов своих товарищей. — Идти по ровной пустыне легче, чем по песчаному дну долины, а пить воду ручья, переполненного грязью, теперь уже нельзя.

Все согласились продолжать путь по пустыне и спуститься в низовьях долины, где склоны были изрыты оврагами. Шли недалеко от края обрыва и время от времени подходили к нему, чтобы взглянуть вниз. Бурный поток через час-другой после второго извержения начал уже убывать и вскоре совершил иссяк. Видны были только голое русло, поваленные с корнем деревья, вырванные кусты, трава, прибитая к почве и занесенная грязно-белым илом.

— Вулкан отомстил нам за то, что мы похитили из него серу! — пошутил Макшеев. — Он уничтожил ручей, чтобы уморить нас жаждой.

— Да, теперь насчет воды нам будет плохо, — заметил Громеко, — и нужно беречь наш запас, пока мы найдем другой источник в окрестностях муравейника.

— И это может помешать немедленной осаде муравейника.

Несмотря на тяжелый груз и паливший зной черной пустыни, путешественники сделали усиленный переход и остановились на ночлег, только спустившись на дно долины, недалеко от ее выхода из столовой возвышенности и от муравейника. Каштанов и Макшеев отправились на разведку, чтобы изучить внимательно крепость своих врагов. Они поднялись на поверхность пустыни и прошли на восток вдоль края обрыва, с которого можно было хорошо рассмотреть муравейник.

Он имел вид громадного холма, сложенного из сухих стволов и ветвей и состоящего из целого ряда этажей. На уровне земли были расположены главные входы, по одному с каждой стороны света, невысокие, но настолько широкие, что в них могли пройти четыре или пять муравьев рядом. В этих входах происходило непрерывное движение: одни муравьи выходили целыми колоннами, направляясь в разные стороны за добычей пищи, другие возвращались парами и порознь и тащили стволы деревьев, ветви, мертвых и живых насекомых, личинок, куколок, стебли тростника, с которыми скрывались в глубине своей крепости.

В вышележащих этажах также чернели отверстия на различной высоте и в различных местах. Но они служили, очевидно, только для притока воздуха и, может быть, на случай нападения врагов — для выхода защитников. Они были уже и ниже главных, так что по ним мог выходить один муравей за другим. Из этих отверстий время от времени также показывались муравьи, бегали по уступам муравейника, вероятно, осматривая, все ли в порядке.

— Не помешает ли это обилие отверстий нашему плану? — спросил Макшеев. — Если движение воздуха по муравейнику будет слишком свободно, сернистый газ начнет быстро выходить и не окажет должного действия.

— Сернистый газ тяжелее воздуха и только постепенно вытеснит последний, — ответил Каштанов. — Кроме того, важные части муравейника — склады личинок, куколок, яиц, запасы пищи, вероятно, находятся в глубине, может быть в камерах, вырытых в почве. Сернистый газ пойдет сначала в эти более глубокие ча-

сти, а потом уже начнет распространяться в верхние этажи. Впрочем, часть отверстий можно будет заткнуть, если мы увидим, что тяга слишком сильная.

— А не заложить ли горячую серу в верхние отверстия?

— Это может вызвать пожар всего муравейника. У нас ведь нет никаких несгораемых подстилок — жаровен, сковород, что ли, и серу пришлось бы класть прямо на сухое дерево.

— Можно воспользоваться скорлупой яйца игуанодона, из которой сделаны наши временные тарелки и блюдо.

— Их всего пять, а отверстий гораздо больше.

— Нужно попытаться раздобыть сегодня еще одно или два яйца, тогда можно будет устроить еще с десяток чаш для сжигания серы.

— Это идея! Времени до вечера у нас еще много, сделаем экскурсию в пески, откуда муравьи таскают эти яйца.

Окончив осмотр муравейника, Макшеев и Каштанов возвратились к месту стоянки и сообщили свой план товарищам.

Все охотно согласились сходить на следующий день в песчаные холмы за яйцами, пока Макшеев и Каштанов будут заняты измельчением серы.

Гибель муравейника

Когда последние партии муравьев вернулись домой и муравейник успокоился, путешественники приступили к исполнению своего плана. За день вся сера была истерта в порошок при помощи плоских камней. Наполнив ею заплечные мешки и захватив блюда из яичной скорлупы, все направились к муравейнику, где каждый должен был положить в одном из главных входов свою порцию серы, рассыпав ее грядкой поперец хода, чтобы газ направлялся в глубь сооружения. Зажегши серу, нужно было заложить выход стволами, взятыми со стен, а затем забраться по наружной поверхности и расставить в ближайших отверстиях блюдца с остальной серой, чтобы отравить воздух во всей нижней части муравейника и воспрепятствовать муравьям спасаться вверх. Чтобы сера на блюдцах не горела

слишком быстро и не могла зажечь сухие бревна постройки, она была слегка смочена водой.

Этот план был в точности исполнен, но только в двух главных выходах, обращенных на юг и на запад, Макшеев и Громеко неожиданно встретили караульных муравьев. К счастью, муравьи были полусонные и не успели поднять тревогу, как их убили ударами ножей.

Путешественники зажгли серу и отошли в сторону, дожидаясь на страже с ружьями в руках, чтобы истреблять спасающихся. Через четверть часа из нескольких отверстий самых верхних этажей, в которые сера не была положена, появились муравьи, тащившие большие белые свертки, очевидно, куколок. Они бегали с ними по поверхности муравейника, спускаясь вниз, но, не достигнув земли, падали, отравленные газом серы, горевшей у нижних входов. Только нескольким удалось спуститься на землю, и они принялись растаскивать бревна, загораживавшие один из самых главных входов, очевидно, полагая, что этим они спасут своих задыхающихся в глубине сотоварищей. Но эти неожиданные спасители были истреблены несколькими выстрелами. Больше никто не появлялся — все население муравейника, захваченное во время сна, погибло.

Когда сера догорела и из всех отверстий потянулся легкий сизый дымок, доказывавший, что весь муравейник наполнен сернистым газом, Папочкин задал вопрос, совершенно естественный, но до сих пор не приходивший никому в голову:

— Как же мы сами-то попадем в глубь этого сооружения? Ведь оно и для нас отравлено надолго!

— Нужно разгородить нижние отверстия, чтобы усилить доступ воздуха, а затем ждать, может быть, несколько дней, пока сернистый газ постепенно не улетучится, — ответил Каштанов.

— Ждать так долго без дела — слишком скучно, — заметил Макшеев. — Нельзя ли устроить какую-нибудь усиленную вентиляцию, чтобы выгнать газ?

— Посредством чего? Огонь разводить нельзя из-за опасности пожара, а других приспособлений у нас нет.

— Если бы нам удалось застрелить игуанодона или крупного птеродактиля, — заявил инженер, — я бы смастерил из его свежей шкуры большой мех.

— Это идея! Но из чего мы сделаем трубы для вдувания воздуха в глубь муравейника?

— А хвоши разве не годятся? — предложил Громеко. — Ведь их стволы пустотелые, нужно только пробить перегородки между отдельными коленами, чтобы сделать из них прекрасные длинные трубы. А их уже можно соединить друг с другом.

— Голь на выдумки хитра! — согласился Папочкин. — И я убеждаюсь все больше и больше, что мы, подобно Робинзону, выпутаемся из всякой беды, которую еще уготовит нам судьба.

— И даже лучше Робинзона, — заметил Каптанов, — потому что он был один, а нас четверо, и все мы специалисты разного рода. Нам было бы стыдно, если бы мы на общем совещании не могли придумать выход из любого затруднительного положения.

— Итак, за дело! — воскликнул Макшеев. — Двое из нас с Генералом пойдут на охоту, а остальные займутся изготовлением труб. Материал под руками — почти весь муравейник сложен из сухих стволов хвоиц.

Папочкин и Громеко вернулись к месту стоянки, отвязали Генерала, принесли оставшееся имущество ближе к муравейнику и затем отправились вдоль опушки леса на восток.

Макшеев и Каптанов направились к муравейнику, но, не дойдя до него десятка два шагов, почувствовали резкий запах сернистого газа. Они начали кашлять и убедились, что подойти ближе невозможно.

— Придется подождать еще!

— Займемся пока доставкой замазки для труб, — предложил инженер. — В русле ручья, после того как сбежал бурный поток, вызванный извержением вулкана, осталось очень много липкой беловатой грязи. Нужно натаскать ее сюда, пока она не высохла.

Захватив заплечные мешки, освободившиеся от серы, оба отправились к руслу и в несколько приемов натаскали целую кучу грязи, представлявшей превосходную замазку. Кучу покрыли мешками и лишней одеждой, чтобы предохранить от жгучих лучей Плутона.

Затем начали раскалывать стволы хвоиц при помощи ножей, клиньев и большого камня, служившего вместо молота, и уничтожать перегородки между коленами, после чего обе половины ствола снова склеива-

лись посредством замазки, и получившаяся труба обвязывалась в нескольких местах гибкими прутьями.

Таким образом, в течение нескольких часов была изготовлена дюжина труб длиной около шести метров каждая. Так как стволы к вершине были заметно тоньше, то трубы нетрудно было соединить, вставляя узкий конец одной трубы, обильно смазанный замазкой, в широкий конец следующей.

К концу этой работы явились и охотники, доставившие шкуру игуанодона.

Из более тонких стволов хвои Макшеев устроил стан для меха. Когда мех был сделан, его установили у одного из больших входов в муравейник. Затем в последний начали спускать приготовленные трубы, одну за другой, узким концом вперед, постепенно подвигая их в глубь галереи и наращивая с широкого конца. Постепенно все двенадцать труб исчезли в темноте галереи, откуда газ выходил еще в изобилии, так что приходилось прерывать работу и отбегать в сторону, чтобы отдохнуться на свежем воздухе. Широкий конец последней трубы вставили в мех, туго обвязали — и импровизированный вентилятор был готов.

После ужина немедленно начали проветривание муравейника, меняясь у меха, так что трое могли спать, пока четвертый работал мехом.

Проветривание вскоре начало оказывать действие — выделение газа из всех отверстий усилилось. Неожиданную помощь оказала также налетевшая гроза с сильным ветром, но почти без дождя. Порывы ветра проникли в отверстия муравейника, вытесняя газ из верхних ярусов.

Утром приступили к осмотру муравейника, вооружившись небольшими факелами, которые Громеко подготовил из сухого ствола очень смолистого хвойного дерева. Галерея, по которой были проложены трубы вентилятора, шла в глубь муравейника с пологим уклоном вниз. Она имела более двух метров в ширину, но только полтора метра в высоту, так что приходилось идти согнувшись. Уже недалеко от входа начали попадаться трупы муравьев, застигнутых газом во время бегства, и, чем дальше, тем их было больше, так что ниже конца труб вентилятора приходилось уже очищать себе дорогу, отбрасывая трупы в сторону.

Галерея оканчивалась в центральной большой камере, в которую сходились, подобно радиусам, и остальные три главных входа. Эта камера была уже вырыта на глубину четырех метров в почву равнины, но свод ее состоял из стволов хвоцей, расположенных очень искусно по радиусам, подобно стропилам плоскоконической крыши цирка. В промежутках между устьями четырех главных галерей в стенках камеры открывались другие четыре хода, шедшие также по радиусам, но с уклоном от центра к окружности и вырытые целиком в земле, представлявшей очень плотный морской песок с прослойками гальки. В камере трупы муравьев, куколок и личинок, которых первые спасали, лежали целыми грудами, так что приходилось карабкаться через них.

Путешественники пошли наугад в один из нижних ходов, дно которого было все устлано трупами. Этот ход был такой же низкий, как и верхние, и, чтобы не идти почти на четвереньках, путешественники были вынуждены складывать трупы один на другой вдоль стен, очищая себе проход посредине. Этот ход, углубляясь в землю, привел на расстоянии семидесяти шагов от центральной камеры к поперечной галерее, которая имела уже почти два метра вышины, так что в ней можно было выпрямиться. Эта галерея шла по окружности под всей площадью муравейника и представляла его важнейшую часть, так как справа и слева от нее располагались отдельные камеры разной величины и с различным назначением: в одних лежали рядами белые куколки, похожие на детские трупы, завернутые с головой в саван; в других порознь и кучами валялись мертвые личинки — толстые белые черви, подобные обрубкам бревен; в третьих были разложены яйца муравьев, напоминавшие желтоватые каравай хлеба. Все камеры, занятые этими будущими поколениями муравьев, располагались с одной стороны кольцевой галереи, именно с внутренней, тогда как с наружной стороны находились камеры со складами съестных припасов — грудами сладкого тростника, молодых стеблей кустов и трав, различных насекомых — стрекоз, жуков, червей гусениц, целых или разорванных на куски и издававших зловоние, которое не заглушалось даже запа-

хом сернистого газа, более заметным в этом ярусе муравейника.

Осмотрев ряд камер по обе стороны кольцевой галереи, путешественники наконец, к своей великой радости, нашли похищенное у них имущество; все вещи были сложены в одной из наружных камер одна возле другой, и в относительном порядке. Здесь была и палатка, и ящики с инструментами и припасами, и сумки с одеждой и бельем, топор, ружье, посуда, даже образцы железной руды и золота, принесенные с первой экскурсии в береговые ущелья и не уложенные еще в мешки с коллекциями.

Вещи перенесли в два приема: сначала в центральную камеру, а затем вынесли их из муравейника на свежий воздух, показавшийся удивительно приятным после часового пребывания под землей в атмосфере, прогитанной зловонием гниющих насекомых и остатков сернистого газа.

Отдохнув и пересмотрев свои вещи, среди которых запас табака особенно обрадовал курильщиков, лишенных его целую неделю, путешественники захотели осмотреть еще верхние, надземные ярусы муравейника, чтобы иметь полное понятие о его устройстве.

Оказалось, что надземная система имела главной целью защиту подземных частей от непогоды и врагов. Ходы в этой постройке, также идущие радиусами, были узкие и низкие и в каждом ярусе сходились в небольшой центральной камере. Для сообщения между ярусами служили короткие и крутонаклонные ходы.

Плавание на запад

После странствования по черной пустыне и в безводных окрестностях муравейника, где в последнее время с трудом добывали грязную воду из ямы, вырытой в русле иссякшего после извержения ручья, путешественники с восторгом приветствовали морской берег и искупались в чистых водах моря Ящеров. Затем они откопали лодки и возобновили свое плавание.

Каштанов после знакомства во время экскурсии к вулкану с характером этой страны почти не питал надежды на возможность дальнейшего путешествия к югу; ему казалось наиболее вероятным, что к югу от

моря Ящеров залегла на многие тысячи километров бесплодная и безводная пустыня, проникнуть в глубь которой при наличных средствах экспедиции нельзя было и думать.

Но исследовать насколько возможно западный конец или западное продолжение моря было интересно и необходимо.

Плыли вдоль берега, представлявшего огромные и бесплодные песчаные дюны, с которыми путешественники достаточно ознакомились во время экскурсии к вулкану.

Поэтому плавание продолжалось безостановочно до окончания песков, которые тянулись вдоль берега на двадцать пять километров. Море в этой части оказалось мелким, и в разных местах сквозь воду краснели обширные отмели, которые приходилось обходить, отдаляясь от берега. Вблизи берега совсем не попадались плезиозавры и ихтиозавры, предпочитавшие глубокую воду. Зато между отмелями видно было множество мелкой рыбы, которая здесь пряталась от хищников, беспощадно истреблявших ее в других частях моря. Местами морское дно было сплошь покрыто пыщами и разнообразными водорослями, доставлявшими обильную жатву как ботанику, так и зоологу. Последнего интересовали морские ежи, звезды, плеченогие, брюхоногие и пластинчатожаберные моллюски, которыми кишили эти подводные заросли.

Наконец пески отодвинулись от берега, уступая место узкой полосе леса хвоющей, папоротников и пальм. Здесь наши исследователи сделали привал для обеда, а потом поплыли дальше. Количество отмелей в море все увеличивалось, и появились даже низменные острова, сплошь заросшие мелким хвощом и тростником. Пески отодвигались все дальше, и их красноватые гребни уже почти скрывались за береговым лесом, количество островов все увеличивалось, и море превращалось в огромную тихую реку, разбившуюся на рукава. Даже вода стала почти пресной.

— Очевидно, с запада в море впадает большая река, и мы уже попали в ее дельту, — заметил Каштанов.

— Да, здесь уже нет прибоя и поэтому нет песчаного побережья, на котором так удобно было ставить палатку! — сказал Макшеев.

— И нам придется ночевать в чаще среди туч насекомых, — пожаловался Папочкин.

Насекомые действительно появились в изобилии. Над водой и зеленью островов реяли разноцветные стрекозы, иногда преследуемые небольшими летучими ящерами. В чаще хвощей и тростника пели исполинские комары, и издаваемые ими звуки можно было слышать на расстоянии нескольких метров. По стеблям ползали огромные жуки — черные, красные и бронзовье, иногда падали в воду и баражтались, стараясь уцепиться за нависшие листья.

Несколько часов плыли между низменным южным берегом, занятым непроходимым, сплошным лесом, и лабиринтом островов, также не представлявших удобного места для стоянки.

Оставалось расположиться на отдых в лодках, причалив к берегу, и ограничиться сухождением, потому что топлива не было совершенно.

Все приуныли от перспективы бесконечной войны с комарами.

Маленькое приключение подняло настроение путешественников. Они плыли очень близко от зарослей большого острова, высматривая, нет ли где-нибудь сухого дерева среди бесконечной зелени хвощей и мелких папоротников.

— Ура! — воскликнул внезапно Громеко, когда лодки обогнули выступ и впереди открылась новая полоса берега. — Смотрите, какое славное бревно, и невысоко над водой, словно для нас подготовлено.

Действительно, из зеленоей стены высовывалось больше чем на два метра толстое бревно зелено-бурового цвета, очевидно, ствол большого хвоща, сваленный бурей. Гребцы налегли на весла и направили лодки к краю зарослей.

Макшеев встал на носу с багром, а Громеко — с веревкой, чтобы закинуть ее на бревно и втащить его в лодку. Он искусно кинул веревку, к концу которой был прикреплен груз, и она обернулась несколькими кольцами вокруг бревна. Но бревно грациозно изогнулось и скрылось в зарослях, унося с собой веревку, конец которой ботаник от неожиданности выпустил из рук. Хвощи и папоротники трещали и колебались, словно среди них двигалось какое-то огромное тело.

— Вот так бревно! — воскликнул, смеясь, Макшеев, успевший рассмотреть маленькую голову, которой оканчивалась длинная шея. — Михаил Игнатьевич хотел поймать ящера арканом. Зачем же вы выпустили веревку? Нужно было тащить добычу в лодку!

— Так шею диплодока¹ вы приняли за бревно? Ха-ха-ха! — смеялись Папочкин и Каштанов.

— Он держался совершенно неподвижно, а тело было скрыто в чаще, — оправдывался сконфуженный ботаник.

— Ха-ха-ха-ха! — заливались остальные.

— Вы напрасно смеетесь! — рассердился Громеко. — Я должен напомнить вам, что и вы делали подобные ошибки. Кто-то из вас принял мамонтов за базальтовые холмы, а еще кто-то прокатился на глиптодоне, которого принял за скалу и начал обрабатывать ее зубилом!

Но это напоминание только увеличило всеобщую веселость, и в конце концов Громеко также расхохотался.

Усталость, комары, отсутствие топлива были забыты, все наперебой вспоминали разные курьезные случаи путешествия.

Когда смех затих на некоторое время, Макшеев, прислушиваясь, заявил:

— Впереди должно быть более открытое море, я слышу шум прибоя.

Гребцы подняли весла и также прислушались: с запада действительно доносился слабый шум.

— Если так, то наляжем на весла! Там, где есть прибой, найдется и удобное место для ночлега, и дрова для костра.

— Но сначала наполним наши жестянки водой, которая сейчас совсем пресная, не то придется опять искаль какой-нибудь ручей, — заметил Громеко.

Последовали этому мудрому совету и наполнили водой все свободные сосуды, затем дружно взялись за весла и через полчаса выплыли из лабиринта островов на открытую воду. Берега отдалялись в обе стороны,

¹ Д и п л о д о к — пресмыкающееся из отряда динозавров, вымерших ящеров, достигал 24 метров в длину и 5 метров в высоту, имел очень длинную шею, длинный хвост и небольшую голову.

и море уходило на запад за горизонт. Бместе с тем на южном берегу опять появился широкий голый пляж, на котором и расставили палатку.

Это второе море, соединенное с первым длинным и узким проливом с островами и мелями, было такое же, как и первое.

На северном берегу была видна только зеленая полоса леса, тогда как на южном позади леса тянулись темные обрывы столовой возвышенности. Над зеркалом вод реяли стрекозы, с пронзительным свистом и кваканьем кружились летучие ящеры, а по временам то тут, то там поднимались шеи и головы плезиозавров.

— Уж не ошиблись ли мы в лабиринте островов и не выехали ли обратно в море Ящеров? — заявил Папочкин, когда зашел разговор о необычайном сходстве обоих морей.

— Сходство, конечно, большое. Но вы забыли про песчаные холмы южного берега. Если бы мы ошиблись и поехали на восток — ведь по этому Плутону, вечно торчащему в зените, ориентироваться нельзя, — мы должны были бы долго ехать в виду этих дюн, — сказал Каштанов.

— Но не видно реки, текущей с юга, по которой мы могли бы продвинуться еще в эту сторону, — горевал Громеко.

— Имейте терпение, малодушный! Мы только что выехали в это море, а вы уже жалуетесь.

Но терпение действительно подверглось испытанию. Пролыли несколько часов, а характер южного берега не менялся: все тот же лес без перерыва, все те же обрывы плоских высот позади него. Становилось скучно. Плезиозавры, летучие ящеры, стрекозы сделались настолько обыденными явлениями, что на них обращали не больше внимания, чем на каких-нибудь лебедей, ворон, жуков при плавании на реке земной поверхности. Только изредка ихтиозавры нарушали однообразие и заставляли гребцов браться за ружья, когда вблизи лодки внезапно появлялась широкая бурозеленая спина или противная голова этого страшного хищника.

Сверхчудовища

Так прошла половина дня, и гребцы начали поглядывать уже на берег, высматривая местечко с топливом для обеденного привала. Утром они наловили опять много рыбы и теперь собирались жарить ее.

— Вот впереди на берегу какие-то кучи бревен,— воскликнул наконец Макшеев.

Направили лодки так, чтобы постепенно приблизиться к берегу, и налегли на весла в ожидании вкусного завтрака.

Но когда бревна были еще в сотне метров, Каштанов, всмотревшись пристальнее, заявил:

— Это совсем не кучи бревен, а какие-то животные огромной величины, мертвые или спящие.

— Осторожнее, держите дальше от берега! — крикнул Макшеев, заметивший, что куча шевелилась.

Лодки остановились на расстоянии шагов двухсот, и гребцы с удивлением и с ужасом смотрели на берег, на котором лежали друг возле друга, вытянувшись на песке, четыре каких-то чудовища. Туловища их вздымались над пляжем, подобно длинным холмикам метра в четыре вышиной. Вдоль спины шел узкий и плоский гребень, но без щитов и шипов, как у стегозавра, а совершенно гладкий и, по-видимому, голый. Бока животных были пессочно-желтого цвета с длинными и узкими темными продольными полосами, так что издали производили впечатление кучи бревен, наложенных одно на другое.

Даже с такого близкого расстояния трудно было поверить, что это не четыре штабеля бревен, а чудовищные животные длиной не менее пятнадцати — семнадцати метров; но эти штабеля вздымались с боков при дыхании, иногда вздрагивали, а хвосты шевелились в воде, поднимая рябь на ее зеркальной поверхности.

— Как бы заставить их встать, — проговорил Папочкин. — Нужно же рассмотреть их как следует и сфотографировать.

— Несколько разрывных пуль нетрудно послать в эти туши, — заметил Макшеев, — но не кончится ли это очень плохо для нас? Если чудовища разъярятся и бросятся к нам, они нас проглотят в одно мгновение.

— А хищники это или травоядные? — поинтересовался Громеко. — Что это колоссальные ящеры, я не сомневаюсь.

— Я полагаю, что это не хищники, — сказал Каштанов. — Таких огромных размеров хищники никогда не достигали; для них нужно было бы слишком много животной пищи, а природа в этом отношении соблюдает известную экономию. Вспомните, что все наиболее крупные животные современности, как слоны, носороги, бегемоты, киты, — не хищники.

— Ну, в таком случае можно поохотиться на них! Поглядите, сколько мяса: можно накормить целый батальон! — заявил ботаник, хватаясь за ружье.

— Подождите немного, — предупредил его Каштанов. — Пусть они даже не хищники, но разъярить их еда ли будет благоразумно: они могут броситься к нам и утопить наши лодки, словно скорлупки.

— А если выстрелить в воздух илипустить в них заряд дроби, чтобы они встрепенулись? — не унимался Громеко. — Дробь только пощекочет этих великанов.

— Ну хорошо, только подплывем сначала так, чтобы быть против них, но на расстоянии хотя бы ста метров от берега. Если эти животные сухопутные, то они так далеко в воду не полезут.

Когда лодки очутились против чудовищ, продолжавших спокойно лежать, Громеко выпустил в них двойной заряд дроби. Дробь или звук близкого выстрела, отдавшегося эхом от стены леса, заставили животных вскочить на ноги.

Чудовища как-то странно замотали своими длинными шеями, оканчивавшимися головкой, маленькой до смешного в сравнении с громадным телом, хотя и достигавшей семидесяти пяти сантиметров в длину, а затем тяжелой рысцой, неуклюже переваливаясь, побежали вдоль берега. Ноги у них были короткие и слабые сравнительно с массивным телом.

— Я думаю, что это бронтозавры — самые крупные травоядные ящеры верхнеюрского времени, быстро исчезнувшие на Земле вследствие своей неуклюжей организации и отсутствия органов защиты, — сказал Каштанов.

— Кто же мог нападать на этих колоссов? Ведь они имеют не меньше пятнадцати — восемнадцати метров

в длину, больше четырех метров в вышину,— поинтересовался Макшеев.

— И несмотря на эти размеры, хищнику, например цератозавру, ничего не стоит перегрызть шею такому чудовищу, не говоря уже об истреблении его яиц и детенышей.

— Они и в Плутонии, по-видимому, немногочисленны! — заметил Папочкин.

— Мы уже видели много игуанодонов, птеродактилей, ихтио- и плезиозавров, а этих встречаем в первый раз. А так как чудовища оказались трусливыми, то я предлагаю подплыть ближе к берегу, чтобы фотография вышла намного крупнее.

Ящеры побежали на запад, то есть в ту же сторону, куда плыли наши путешественники, и, отбежав около полукилометра, остановились. Поэтому через короткое время лодки, приблизившиеся к берегу, очутились опять против них. Папочкин сделал два снимка и, приготовившись к третьему, попросил ботаника выстrelить, чтобы снять животных во время неуклюжего бега.

На этот раз заряд дроби,пущенный в ящеров с близкого расстояния, произвел иной результат. Вместо того чтобы возобновить свое бегство вдоль берега, чудовища, толкая друг друга, бросились в воду, вздымая огромные волны и целые фонтаны брызг, долетавших до неосторожных мореплавателей. Громеко, стоявший в лодке, окаченный с головы до ног, потерял равновесие и булыхнулся в море с ружьем в руках; Папочкин едва успел спрятать аппарат под свою куртку, самоотверженно подставляя голову холодному душу. Каштанов и Макшеев, сидевшие на корме и, к счастью, не выпустившие весел из рук, употребляли крайние усилия, чтобы удерживать лодки против набегавших одна за другой волн и не дать им залить и потопить себя.

Если бы эти гиганты направились прямо к лодкам, гибель путешественников была бы неминуема — они были бы смяты и потоплены со всем своим имуществом под напором чудовищных тел, так как глубина, на которой они остановились, оказалась не более двух метров. Но ящеры побежали наискось, словно не замечая преследователей, и остановились, когда вода по-

крыла их туловища и значительную часть шеи. Над поверхностью волновавшегося моря виднелись только четыре уродливые головы, поворачивавшиеся в разные стороны и словно старавшиеся рассмотреть странных врагов или уяснить себе причину переполоха.

В это время Громеко уже вынырнул и подплыл к лодкам, отнесенным волнами несколько в сторону от места катастрофы. Во время падения он не выронил своего ружья и теперь держал его над головой, ухватившись за борт лодки, пока товарищи не пришли к нему на помощь и не вытащили из воды.

Он промок до нитки, перемочил все содержимое многочисленных карманов — записную книжку, часы, медицинский набор, кисет с табаком, потерял трубку и ругался по адресу виновников приключения.

— Нужно причалить к берегу, — заявил он наконец, выпустив весь заряд своего негодования. — Хотя Плутон греет хорошо, но, если не протереть сейчас инструменты и не высушить записную книжку у костра, они заржавеют, а все мои записи пропадут.

— А бронтозавры? — испугался Папочкин. — Мы расположимся на берегу, а они вылезут из воды и по желают познакомиться с нами поближе.

— Ну что же, вы тогда сфотографируете их с близкого расстояния.

— Благодарю покорно! Если они захотят порезвиться на месте нашего привала, то нам придется удирать в лес и лезть на деревья...

— Я думаю, — замстил Каштанов, — что эти чудовища очень трусливы и не отличаются умом. Они нам не опасны, если мы ис будем так неосторожны, как были только что. Причалим, займемся нашим завтраком и будем наблюдать за ними.

Высадились на берегу, набрали топлива из опушки леса и приступили к приготовлению завтрака, поглядывая в сторону бронтозавров. Последние все еще стояли в воде на том же месте, не решаясь вылезти на сушу.

— Эти животные, очевидно, не умеют плавать, — заметил Папочкин. — Они спасаются в воде от своих сухопутных врагов и, пока мы не уедем, не вылезут на берег.

Пока жарилась рыба, Громеко разложил на песке свою одежду и белье, предоставив лучам Плутона высу-

шить их, сам же в костюме Адама занялся чисткой инструментов и просушкой записной книжки. Позавтракав, полежали на песке, наблюдая за ящерами, которые не двигались с места, а затем все поплыли вдоль берега в том же направлении. Через несколько километров южный берег начал заметно отклоняться к югу, но лежащий впереди длинный мыс, покрытый лесом, заграждал вид в эту сторону. Когда его обогнули, надеясь на то, что море распространится далеко на юг и даст возможность плыть на лодках дальше, в глубь Плутонии, не оправдалась. Море образовало только большой залив, и в нескольких километрах виден был его берег.

Так как в залив с юга могла впадать значительная река, то решили плыть в этом направлении. Через час достигли южного берега и убедились, что здесь действительно имеется река, но небольших размеров. Но в одной лодке можно было попытаться сделать экскурсию в глубь страны, скрытой в этом месте стеной леса от морского берега. Поэтому у устья речки выбрали место для стоянки. Экскурсию предположили сделать только вдвоем, оставив двух других при палатке, так как печальный опыт на берегу моря Ящеров показал, как опасно оставлять имущество под охраной одного Генерала. Муравьи могли быть и в этой местности южного берега, достаточно отдаленной от уничтоженного муравейника.

Брандер Кастанова

Захватив с собой провизию, запасную одежду и заряды на случай, если экскурсия затянется на несколько дней, Кастанов и Папочкин отправились на одной лодке вверх по речке. Так как глубина была небольшая, а течение довольно быстрое, они заменили весла шестами, которыми упирались в дно. Узкое русло было окаймлено с обеих сторон высокой стеной леса; нередко хвощи, папоротники и пальмы, склоняясь над водой, почти сходились вершинами, и речка текла под высоким зеленым сводом, через который слабо проникали лучи света.

Здесь было сумрачно и прохладно. Лодка тихо скользила по воде, и только слышно было журчание

под ее носом и скрип шестов, управлявшихся в галечное дно.

В более открытых местах зеленого коридора звенели стрекозы, глухо жужжали большие жуки, а при слабых порывах ветра чуть шептали и шумели большие листья пальм и ветви папоротников и мягко шуршали хвоши.

Через несколько километров зеленые стены сразу расступились и открылась большая поляна, которую речка пересекала пополам. Почва ее была покрыта очень скудной и мелкой растительностью — щетками жесткой травы нескольких видов.

— Уж не начинается ли эта речка вблизи той же группы вулканов, которую мы обследовали? — заметил Папочкин.

— Возможно, и в таком случае нам нечего будет делать, — согласился с зоологом Каштанов. — Хотя большое количество воды в речке позволяет надеяться, что ее верховья находятся значительно дальше, среди черной пустыни.

Проплыв еще километра три пополам поляны, исследователи увидели впереди, где речка суживалась, перекинутое с одного берега на другой довольно толстое бревно, висевшее так низко над водой, что лодка не могла пройти под ним.

— Можно подумать, что это мост, который кто-то устроил себе через речку! — засмеялся зоолог. — Во всяком случае, нужно причалить к берегу и убрать эту преграду.

— Э, ведь действительно похоже на мост! — воскликнул Каштанов, когда они подошли к преграде и увидели, что она состояла не из одного бревна, а из трех, аккуратно положенных рядом.

— Да, речка едва ли могла так уложить эти стволы, — согласился Папочкин. — Но если это мост, то кто же его построил? Неужели в этой юрской стране есть люди? Это было бы крайне интересно!

— В юрское время не было высших млекопитающих, как вы знаете. Даже птицы были представлены только формами, переходными к ящерам.

— Но не ящеры же устроили мост!

— Вы забыли про муравьев. Существа, которые настолько умны, что строят сложные жилища по опреде-

ленному плану, вполне способны построить и мост, так как плавать не умеют и воды боятся.

— Вы правы! Вот и жилища этих проклятых насекомых! — воскликнул Папочкин, указывая на запад.

В этой стороне действительно виднелся огромный муравейник, совершенно того же типа, как и уничтоженный путешественниками.

Сбросить сухие и легкие стволы хвоющей в речку было делом нескольких минут, после чего путники направились к лодке, чтобы продолжать плавание. Но, к своему изумлению, они увидели, что в лодку уже забрался незваный пассажир — муравей, который ощупывал их вещи, тогда как другой стоял на берегу.

— Эге, эти черти уже тут как тут, а наши ружья в лодке!

— Берите нож, сначала атакуем того, который на берегу. Я спереди, а вы забегайте сзади.

Оба подбежали к насекомому, которое при виде врагов приняло оборонительную позу, прижавшись к кустнику. Каштанов занял его внимание, наступая с ножом, а в это время Папочкин, нагнувшись через кустик, рассек муравья пополам.

Но он не заметил, как муравей, бывший в лодке, быстро выскочил на берег и вцепился своими челюстями сзади в его икру. Зоолог вскрикнул от боли и неожиданности.

Прибежавший на помощь Каштанов рассек и этого муравья, но с трудом освободил товарища: пришлось разрезать вцепившуюся голову на несколько кусков.

Рана, причиненная насекомым через толстый шерстяной чулок, была невелика, но яд укуса быстро действовал, и нога начала гореть и деревенеть.

— Присядьте пока на землю, я сейчас достану нашательный спирт и бинты из походной аптечки, — сказал Каштанов.

— Нет, нет, помогите мне сойти в лодку, оглянитесь!

По поляне к ним быстро приближалось десятка два муравьев; еще несколько минут — и пришлось бы вступить в неравный бой. Не теряя времени, Каштанов взял зоолога, с трудом волочившего ногу, под мышки, спустил его с откоса в лодку, затем вскочил сам, и пе-

ред самым носом подбежавших врагов лодка отошла от берега.

Продолжать экскурсию нечего было и думать: один гребец лежал без сил на дне лодки и стонал от боли, а всполошенные муравьи могли преследовать слишком медленно идущую против течения лодку и не давать ей приставать к берегу. Поэтому Каштанов, не долго думая, повернул лодку вниз по течению и взялся за весла; он старался держаться середины речки, чтобы избежнуть нападения насекомых. Папочкин с трудом снял обувь с раненой ноги, достал нашательный спирт и бинт; нога уже распухла, покраснела, и каждое движение вызывало сильную боль.

Через полчаса лодка приблизилась к опушке леса, окаймлявшего поляну с севера и отделявшего ее от моря. Врагов уже не было видно, и Каштанов решил остановиться, чтобы устроить раненого поудобнее. Он разоспал плащи на дне лодки, уложил на них Папочкина, достал запасную рубашку и, смочив ее водой, положил в качестве охлаждающего компресса на раненое место. Это облегчило боль, и зоолог задремал. Отдохнув немного, Каштанов поплыл дальше.

Перед началом зеленого коридора речка давала небольшое колено. Когда лодка обогнула его, впереди открылась картина, которая заставила Каштана вздрогнуть. Быстрым движением весла он пригнал лодку к берегу, где, уцепившись за кусты, остановил ее и скрыл от взора врагов.

Последние были близко. Несколько десятков их суетилось на левом берегу речки в самом начале коридора; они перегрызали стволы хвоиц, росших над водой, и роняли их в речку, сооружая препятствие, через которое лодка не могла пройти. Нельзя было сомневаться, что они хотели отрезать своим двуногим врагам путь отступления к морю. Положение становилось отчаянным: один Каштанов и раненый зоолог не в состоянии пробиться через преграду, охраняемую многочисленными насекомыми.

«Один укус при неравной борьбе с ними,— подумал Каштанов,— и я сделаюсь беспомощным, как и Папочкин. Повернуть назад и толкаться вверх по речке? Но и там муравьи могут напасть рано или поздно; и все равно речка остается единственным путем бегства из

их владений. Нужно пробиться во что бы то ни стало, может быть, их испугают выстрелы, а если нет? Всех не перебьешь, они попрячутся в лесу, а когда я начну возиться над разрушением преграды, они нападут целым полчищем», — думал Каштанов.

В этом безвыходном положении Каштанову внезапно пришла мысль, которая, казалось, обещала полный успех в случае быстрого воплощения ее в дело. Муравьи, занятые работой, еще на заметили лодки, прижавшейся к берегу среди кустов. Поэтому Каштанов начал, избегая резких движений, потихоньку тянуться назад, вверх по речке, цепляясь за кусты, чтобы вернуться за поворот русла, где берег совершенно скрывал его от насекомых. Здесь начиналась опушка леса, изобиловавшая сухими стволами хвоющей и вообще валежником. Причалив к берегу и привязав лодку со спавшим зоологом, Каштанов стащил в речку несколько толстых стволов, наскоро скрепил их гибкими прутьями кустов и затем навалил на этот плот огромную кучу стволов, стеблей и хворосту, перекладывая сухой материал зелеными ветвями хвоющей и стеблями тростника.

Когда куча была готова, Каштанов вернулся в лодку и тихонько поплыл вниз по течению, а плот, привязанный к длинной жерди, толкал перед собой по воде, совершиенно скрываясь за ним от взоров неприятеля. За поворотом речка текла совершенно прямо к тому месту, где муравьи сооружали преграду, которая отстояла еще на сотню метров. Подтянув плот к лодке, Каштанов поджег кучу и поплыл дальше, по-прежнему толкая плот перед собой. Огонь постепенно разгорался, охватывая горючий материал, а из зелени, проложенной слоями, пошел густой черный дым.

Когда лодка и плот были в сотне шагов от преграды, Каштанов пустил плот по течению, а сам взялся за шест, чтобы задержать лодку посреди речки. Гигантский костер поплыл к преграде и остановился перед ней, обдавая клубами едкого дыма и языками пламени работающих насекомых. Часть последних, обожженная или оглушенная, свалилась в воду, остальные сбежали на берег и столпились кучей, пораженные невиданным зрелищем. Тогда Каштанов зарядил двустволку мелкой картечью и начал угощать муравьев, подплывая к ним все ближе и ближе, целым рядом выстрелов. Треск

страшного, невиданного огня, языки пламени, клубы дыма, беспрерывные выстрелы, поражавшие насекомых, произвели на последних такое впечатление, что уцелевшие и легко раненные пустились наутек. От горевшего плота занялась и преграда, состоявшая наполовину из сухих стволов, и, пока гремели выстрелы, огонь охватил всю ее среднюю часть.

Убедившись, что враг бежал, Каштанов причалил к берегу у самого пожарища, прикончил ножом раненных муравьев, а затем принял уничтожать преграду, сбрасывая горевшие сухие и дымившие зеленые стволы в воду. Через четверть часа препятствие исчезло, и догорающий костер на плоту поплыл дальше по реке, а влед за ним, не стараясь его обогнать, плыла лодка с человеком, перехитрившим своих многочисленных и умных врагов.

Вниз по течению реки плавание в этом зеленом коридоре шло быстрее, и вскоре впереди в просвете показалась уже синева морской глади.

Приближаясь к устью речки, Каштанов услышал выстрелы, лай Генерала и крики товарищем. Он налег на весла, через несколько минут причалил к берегу и с ружьем в руках бросился к месту стоянки.

Сражение с муравьями

Проводив товарищем в экскурсию, Макшеев и Громеко занялись ужением рыбы в устье речки. Промысел оказался таким удачным, что через час одному пришлось уже приступить к чистке рыбы и развешиванию ее на протянутых веревках для вяления впрок.

Пока Макшеев продолжал ловлю, ботаник облазил опушку леса, собирая растения, и при этом обнаружил саговую пальму, которой решил воспользоваться. Вдвоеем ее срубили, раскололи вдоль и, вынув съедобную сердцевину, разложили ее для просушки на одеялах.

Окончив эту работу, поставили на огонь котелок с ухой и уселись, обсуждая, чем заняться после обеда.

— Отлучаться далеко мы не можем,— заметил Громеко,— тем более что оставить рыбу на попечение Генерала нельзя.

— Конечно,— согласился Макшеев,— хотя это

и верный пес, но вряд ли устоит от соблазна покушать вволю вяленой рыбы и вспомнить свою родину.

— Ну что же, наловим еще рыбы и сделаем большой запас ее для себя и для собаки. Кто знает, скоро ли попадется опять такое рыбное место. А это ящерное мясо мне, признаться не по вкусу, все время ем его с отвращением. Во время еды я всегда стараюсь думать, что это осетрина или белужина, а не родственник лягушки или ящерицы.— В это время уха начала закипать, и Громеко направился к одеялам, чтобы взять саго для заварки.

— Ой, смотрите скорее на запад! — закричал он Макшееву, оставшемуся за палаткой у костра.

Макшеев выбежал на пляж.

С запада вдоль берега моря двигались чудовища, в которых по полосатым бокам нетрудно было узнать бронтозавров.

Они шли медленно, обрывая молодые листья с верхушек пальм и папоротников, по временам останавливаясь возле дерева, казавшегося особенно вкусным.

— Ну, что нам делать, как вы думаете? — спросил Громеко.— Мы знаем, что эти чудовища трусливы и на нас не нападут первые. Но они перетопчут и передавят нам и рыбку, и палатку, если мы пустим их сюда.

— Придется стрелять, — сказал Макшеев, — сначала дробью, а если это не поможет, разрывной пулей.

Оба подняли ружья, прицелились в группу чудовищ, и четыре выстрела прокатились глухо над берегом.

Неожиданный шум и дробь, посыпавшаяся на животных, донельзя их перепугали. Но вместо того чтобы повернуть назад, неуклюжие машины бросились в воду и побежали мимо стоянки вдоль берега в небольшом расстоянии от него, вздымая волны и фонтаны брызг.

Неудачливые охотники в несколько мгновений были промочены с головы до ног, удерживая лодку, чтобы ее не снесло в море. Одна из набежавших волн подмыла воткнутый в песок щест, к которому была привязана веревка с вялившейся рыбой, другая плеснула на одеяло с сушившимся саго. Рыба с веревкой упала на песок, а саго намокло.

— Тьфу, окаянные! — выругался Макшеев, отряхиваясь после душа.— Все-таки напакостили!

— Ну, вот нам и работа! — утешил его Громеко. — Мы не знали, чем заняться после обеда, а они об этом позабыли. Теперь нужно всю рыбу опять обчистить, а саго обмыть в речке и сушить.

— И сначала самим обсушиться! А уха наша, наверно, вся выкипела...

Бронзовавры, описав полукруг по воде, опять вылезли на берег восточнее устья речки и продолжали бежать по пляжу.

— И им, видно, досталось на орехи, ишь как улепетывают. Дробью по мордам их здорово сыпнуло! — злорадствовал Макшеев, раздеваясь у палатки, пока Громеко снимал котелок с ухой.

Развесив платье для просушки и водрузив шест с веревкой на прежнее место, путешественники в костюмах Адама принялись за свой обед. Генерал, наевшись с утра рыбных голов и внутренностей до отвала, растянулся на песке и задремал. Ни он, ни занятые едой люди не заметили, как из леса, недалеко от стоянки, вышли один за другим шесть муравьев, остановились, осмотрелись и столь же бесшумно скрылись в чаще.

Закончив обед, Макшеев и Громеко прилегли в палатке и заснули трубки, прежде чем приняться за очистку рыбы от налипшего песка.

Вдруг Генерал заворчал, вскочил и бешено залаял. Выбежав из палатки, Громеко и Макшеев увидели, что их стоянка окружена муравьями. Одна колонна отрезала их от устья речки, вторая надвигалась с другой стороны к веревке с рыбой и к одеялу с саго.

— А ружья-то у нас не заряжены! — завопил Громеко, бросаясь к патронташу.

— Берите картчай! — кричал Макшеев, торопливо заряжая двустволку. — Палите в правых, а я в левых!

Правая колонна уже набросилась на рыбу и стаскивала ее с веревки, а левая была в двадцати шагах от палатки, когда грянули первые выстрелы. Гром, дым и падение подстреленных смущили насекомых, и передние остановились в нерешительности. Но задние напирали, привлекаемые запахом рыбы, и рать опять двинулась вперед. Стоя у входа в палатку, в которую забился ощетинившийся и лаявший Генерал, охотники заряжали ружья, чтобы дать еще залп, а затем, вооружившись ножами и прикладами, вступить в рукопаш-

ную с врагами, надвигавшимися со всех сторон. Но борьба казалась безнадежной ввиду неравенства сил.

Вдруг из кустов устья речки один за другим раздались два выстрела в задние ряды муравьев, а затем оттуда выбежал Каштанов, в руках которого был пылающий пук хвороста. Размахивая им вправо и влево, он бросился прямо в стаю насекомых, которые шарахнулись в разные стороны.

Макшеев и Громеко со своей стороны кинулись к костру и начали бросать головки в муравьев. Это средство помогло — первая колонна была рассеяна и позорно бежала в чащу, оставив убитых, раненых и обожженных на поле сражения.

Покончив с врагами этой колонны, все трое, с Генералом, набравшимся храбрости, атаковали с огнем и ножами в руках насекомых, занятых уничтожением рыбы. Часть поплатилась за свою жадность, другие успели бежать, унося в челюстях рыбку или куски намокшего и слипшегося саго. Два муравья потащили за собой все одеяло, но были настигнуты и убиты. Генерал приканчивал раненых, перегрызая им шею.

Когда последние беглецы скрылись в лесу, путешественники могли передохнуть и подсчитать свои трофеи и ущербы. Мертвых и тяжело раненных муравьев оказалось сорок пять.

Вместо пятидесяти рыб на веревке осталось только пятнадцать да несколько штук, очевидно, потерянных врагами при бегстве, подобрали у опушки леса. Больше половины саго было съедено или затоптано в песок. Громеко получил легкий укус в руку, а Каштанов в ногу, но толстый сапог не поддался и предохранил его от муравьиного яда.

— Как вы кстати явились! — сказал Макшеев, когда, осмотрев поле сражения, все трое уселись у палатки. — Без вашей поддержки и выдумки с огнем мы бы не справились с этим полчищем, и они закусали бы нас до смерти.

— А где вы оставили Папочкина? — спохватился Громеко.

— Ах, я и забыл в пылу битвы, что Семен Семенович лежит у меня еще в лодке!

— Лежит? Почему лежит? Что с ним случилось? Он жив? — посыпались вопросы товарищей, понявших

теперь причину неожиданно быстрого возвращения Каштанова.

— Жив, жив! У нас тоже было столкновение с муравьями, и Семен Семенович получил такой укус в ногу, что стал инвалидом. Помогите перенести его в палатку.

— Одну минуту! Дайте нам одеться,— сказал Громеко, только теперь обративший внимание на то, что он, как и Макшеев, до сих пор оставался полуголым.

— Да, действительно, почему вы оба в таком странном виде? — засмеялся Каштанов.— Вы разве купались, когда на стан напали муравьи?

— Нет, нас опять выкупали бронтозавры,— отвечал Макшеев и, одеваясь, рассказал, как все произошло.

Наскоро облачившись, Макшеев и Громеко последовали за Каштановым к речке, где последний, бросившись в атаку на муравьев, оставил лодку с Папочкиным, который спал так крепко, что не слышал ни выстрелов, ни криков, и проснулся только тогда, когда его подняли за руки и за ноги, чтобы отнести в палатку.

Уложив Папочкина, путешественники развесили уцелевшую рыбу, перетаскали мертвых муравьев в море, и только после этой неприятной работы Каштанов, доедая оставшуюся уху, рассказал товарищам о своих приключениях во время неудавшейся экскурсии.

Так как можно было опасаться, что муравьи, дважды пострадавшие от незваных пришельцев, вернутся в огромном количестве, чтобы отомстить за свое поражение, то возник вопрос: как быть дальше? Папочкин и Громеко советовали немедленно продолжать плавание, чтобы убраться подальше от муравейника. Но Каштанову хотелось продолжать экскурсию вверх по речке, прерванную из-за муравьев, так как она давала возможность проникнуть в глубь таинственной черной пустыни, и Макшеев поддерживал этот план. Для его осуществления нужно было так или иначе покончить с хитрыми насекомыми, при существовании которых экскурсия была бы под беспрерывной угрозой. Поэтому решили обождать до вечера, а затем плыть к муравейнику и поджечь его, пользуясь сном насекомых. В случае удачи этого замысла путь вверх по речке становился свободным и можно было совершить экскурсию вчетвером на обеих лодках, оставив плот и лишние вещи в чаще на берегу моря.

Сожжение муравейника

Отдохнув основательно, Каштанов и Макшеев отправились в лодке, захватив ружья, топор и вязанки хвороста. Папочкин не мог еще двигаться, а у Громеко от укуса разболелась рука. Поэтому оба инвалида остались караулить палатку. Плавание шло быстро по знакомым уже местам. Миновали остатки преграды, сооруженной муравьями, где еще дымились догоравшие стволы и чернели трупы насекомых. Затем выехали на поляну и из-за кустов осмотрели местность вокруг муравейника, чтобы не натолкнуться невзначай на врагов. Но никого не было видно. Насекомые, очевидно, предавались отдыху в недрах своей крепости. Проплыли немного дальше к бывшему мосту через речку, от которого к муравейнику вела торная дорога, проложенная его обитателями.

Оказалось, что муравьи успели уже построить новый мост.

Лодку привязали к кустам ниже моста, взвалили на плечи вязанки хвороста, взяли ружья, заряженные на всякий случай картечью, и пошли к муравейнику. Не доходя до него, присели за кустами у дороги, чтобы наблюдать еще некоторое время и убедиться в том, что никто не помешает исполнению задуманного плана.

Все было тихо, и можно было приступить к работе. В каждый из главных входов положили вязанку хвороста, а поверх нее наиболее сухие и тонкие стволы, взятые из самой постройки.

Затем подожгли костер самого удаленного западного входа и побежали стремглав — один к северному, другой к южному входу, чтобы поджечь их и затем сойтись у восточного входа, где закончить поджог и, в случае надобности, бежать к лодке.

Каштанов, поджигавший костер у северного входа, в глубине галереи заметил муравья, подбежавшего к заграждению. Он притаился за костром в надежде, что насекомое выйдет наружу и тогда можно будет прикончить этого часового, чтобы он не поднял тревоги. Но муравей, осмотрев костер и попытавшись растащить его, убежал вглубь, очевидно за помощью. Тревога начиналась, и нужно было спешить к последнему выходу.

Макшеев оказался уже здесь; он торопливо поджигал костер и встретил товарища словами:

— Скорее, скорее! Нужно спасаться к лодке.

Оба побежали во весь дух, но по дороге остановились, чтобы взглянуть назад. Из устья восточного входа вырывалось уже огромное пламя. С северной стороны муравейник также пыпал в нескольких местах, и из многих верхних ходов валил густой дым. Но с южной стороны, где Макшеев очень торопился при виде встревоженных насекомых, огонь был слабый, и на этой стороне из всех верхних ходов выбегали один за другим муравьи. Одни тащили яйца и куколок, спускаясь с ними вниз, и относили их в сторону; другие суетились без толку взад и вперед, подбегали к огню или к дымившим отверстиям, падали обожженные или оглушенные.

— Плохо удалось наше предприятие! — заметил Каштанов. — Часть муравьев успеет спастись, будет блуждать без пристанища по стране и нападет на нас. Придется завтра же убираться подальше.

— А сейчас нам тоже нужно убираться подальше! — вскричал Макшеев, указывая на колонну насекомых, бежавших по дороге к мосту.

— Не за водой ли они побежали, чтобы тушить пожар? — поспешил Каштанов, пустившись рысью рядом с товарищем.

Муравьи, несомненно, заметили поджигателей и гнались за ними. Они бежали быстрее, чем люди, и расстояние между теми и другими все уменьшалось.

— Я больше не могу, сердце не выдержит! — задыхаясь, крикнул Каштанов, который по своим летам и по образу жизни не мог долго тягаться с Макшеевым.

— Остановимся и дадим залп, — предложил последний.

Они успели перевести дух, пока насекомые не приблизились на пятьдесят шагов, и затем выстрелили. Передние в колонне упали, задние остановились. Их было больше десятка, но за ними на некотором расстоянии следовал второй отряд.

Собрав последние силы, преследуемые добежали до моста, в то время, когда резерв подошел к месту сражения.

— Черт возьми, где же наша лодка? — воскликнул Макшеев, добежавший первым до берега реки.

— Что вы, неужели ее нет?

— Нет, она исчезла бесследно!

— Здесь ли она была привязана?

— Здесь, я хорошо заметил место... А вот и ве-ревка, которой она была привязана, висит себе на кусте!

— Кто же отвязал и увел лодку?

— Может быть, сама отвязалась и уплыла вниз по речке.

— А может быть, муравьи угнали ее.

— Что же нам делать?

— Перебежим пока через мост и разрушим его за собой,— предложил Каштанов.— По крайней мере, речка отделит нас от погони.

Не теряя времени, оба перешли по гнувшемуся под их тяжестью мостику на другой берег. Преследователи были уже в сотне шагов от речки.

— Перетащим бревна к себе, а то, пожалуй, муравьи их опять выловят,— предложил Макшеев.

Через минуту, когда передние муравьи подбежали к берегу, оба бревна лежали уже у ног путешественников. Глубокая речка отделяла их от преследователей, которые остановились у берега в замешательстве. Их было около двадцати, но на дороге были видны еще новые подкрепления, спешившие на помощь. Позади них, в глубине поляны, муравейник пылал как огромный костер. Пламя поднималось высоко вверх, и клубы черного дыма вились в спокойном воздухе, образуя черный столб, тянувшийся на огромную вышину.

— Можно подумать, что это извержение вулкана! — засмеялся Макшеев.— Мы им все-таки хорошо отплатили за все каверзы.

— Но не достигли желаемого результата — не очистили местность от них — и теперь должны позорно отступать перед насекомыми.

— Как мы только доберемся до моря?

— Идти вдоль берега речки через лес нечего и думать.

— Там скоро не проберешься, а муравьи могут обогнать нас и напасть на наших товарищей.

— Вот что! Если нельзя идти — поплывем. Из этих двух бревен нетрудно сделать плотик, а вода понесет нас скорее, чем наши ноги.

— Идея! Но сначала нужно разогнать муравьев, чтобы они не помешали как-нибудь нашему отплытию.

Зарядив ружья, путешественники дали четыре выстрела в кучу насекомых, толпившихся на противоположном берегу. Больше десятка попадали, некоторые скатились в воду, остальные разбежались в стороны. В несколько минут оба бревна, составлявшие мост, были спущены на воду, вскоре связанны гибкими прутьями, срезанными в кустах, оба вскочили на импровизированный плот и оттолкнулись от берега, бросив последний взгляд на пылающую крепость своих врагов. Вода быстро понесла их вниз, а ружья служили вместо шестов, чтобы отталкиваться от берега, когда плот одним или другим концом слишком приближался к нему. Несколько муравьев некоторое время бежали вдоль речки, но течение было быстрее их, и они постепенно отставали.

За коленом речки, перед опушкой леса, где Каштанов устраивал свой плавучий костер, пловцы с радостью увидели свою лодку, прижатую течением к берегу и застрявшую в кустах.

Плот также принесло к этому месту; они поймали беглянку, уселись и налегли на весла.

Через полчаса они благополучно приплыли к своему стану.

Новая экскурсия в глубь страны

Неудачный поджог муравейника заставил путешественников немедленно покинуть стоянку на берегу залива, так как при всякой экскурсии в глубь страны они рисковали встретиться с озлобленными насекомыми, лишившимися жилища и бродящими повсюду, и должны были бы тратить на войну с ними всю свою энергию и огнестрельные припасы, которых оставалось не так уж много. Да и на самой стоянке они рисковали ежеминутно подвергнуться нападению муравьев, которое могло кончиться печально.

Вопрос, продолжать ли плавание вдоль южного берега моря Ящеров на запад или же вернуться и плыть

на восток, обсуждался очень горячо во время раннего завтрака, и наконец решили плыть еще на запад.

Поплыли прежним порядком вблизи берега и скоро выбрались из залива. Южный берег и далее был утомительно однообразен. Проведя две недели среди животного и растительного мира юрского периода, наши путешественники уже так привыкли к нему, что находили его довольно однообразным. Им хотелось теперь проникнуть дальше на юг в надежде встретить еще более древнюю флору и фауну, испытать новые приключения и получить новые впечатления.

Но этот дальнейший путь на юг был прегражден пустыней, а плавание на запад или на восток обещало им только все те же картины юрской природы. И все начали уже подумывать об обратном пути на север.

На берегу в нескольких местах замечены были муравьи, из чего можно было заключить, что этот род насекомых распространен по всему южному берегу моря Ящеров и они действительно являются царями юрской природы.

— Счастье еще, что они часть времени проводят во сне! — заметил Папочкин. — Иначе от них не было бы житья.

— Да, эти твари хуже сабельных тигров и хищных ящеров. Те и другие не доставили нам и сотой доли тех неприятностей и тревог, которые причинили муравьи, — согласился Макшеев.

Ночевали на пляже. Решили плыть еще один день дальше на запад, и если в этот день не удастся проникнуть на юг, то повернуть обратно.

Этот последний день принес желанную перемену. Берег моря вскоре начал сильнее уклоняться на юг, сохранив тот же характер. Через несколько часов плавания стало видно, что зеленая стена леса скоро кончится и далее начнутся утесы.

— Опять та же столовая возвышенность, а на ее поверхности черная пустыня! — воскликнул Каштанов, изучавший в бинокль местность, лежащую впереди. В его голосе было слышно разочарование.

Но когда подплыли к концу леса, оказалось, что между ними и подножием столовой возвышенности расположен большой залив, в глубине которого откры-

валась зеленая долина; на заднем плане последней поднималась группа высоких остроконечных темных гор.

— Опять вулканы! Но на этот раз совсем недалеко от берега моря! — воскликнул Громеко.

Лодки направились к южному берегу залива в устье долины, где виднелась ровная площадка песчаного пляжа.

В долине протекал довольно большой ручей, окаймленный деревьями, кустами и лужайками. Палатку раскинули на пляже. На лужайках вдоль ручья видели жуков, стрекоз, мух, заметили следы игуанодона и летучих ящеров, но муравьев не нашли.

После обеда направились к вулканам, но из предосторожности лодки, палатку и лищние вещи запрятали в чащу леса, подвесив некоторые из них даже на деревьях. Генерала взяли с собой.

Путь шел вверх по долине вблизи ручья. Рощи по его берегам не представляли непроходимой чащи и были пересечены тропинками игуанодонов. В утесах обоих склонов Каштанов определил породы, встреченные гораздо севернее, именно на реке Макшеева,— оливковые с вкраплениями никелевого железа. Но только здесь эти вкрапления часто превращались в большие гнезда, диаметром от половины до одного метра, состоявшие из сплошного металла.

— Ведь это же прекрасный материал для переработки в сталь! — воскликнул инженер, остановившись в изумлении и восторге перед высокой отвесной стеной, в которой большие и малые гнезда металла, тускло блестевшие под лучами солнца, были рассеяны в изобилии. Он смотрел на эту стену с таким же вожделением, с каким дети разглядывают сладкую булку, полную изюма.

— Эх, какой колоссальный завод можно было бы основать тут! — сокрушался он.

— Несмотря даже на муравьев? — с улыбкой спросил Каштанов.

— Несмотря ни на что! Разве в случае необходимости разработки этих сокровищ люди остановились бы перед полным истреблением надоедливых насекомых? В погоне за золотом европейцы вытеснили воинственных краснокожих, людоедов-австралийцев, бушменов и кафров. Одной пушки и нескольких десятков гранат

достаточно, чтобы истребить все муравейники этого берега с их населением.

Над зеленою долиной по временам проносились взвад и вперед крупные птеродактили, высматривая добычу; очевидно, где-нибудь по соседству на неприступных утесах было их гнездилище. Нападать на людей они не решались, но когда Генерал слишком опережал путешественников или отставал от них, над ним появлялся ящер и кружился в воздухе в ожидании удобного момента для нападения. Громеко два раза стрелял по летучему хищнику и во второй раз подшиб его. Раненое животное осталось барахтаться на вершине большого папоротника.

Встретили стадо игуанодонов, которые отдыхали на лужайке у подножия скал, но охоту на них отложили до обратного пути, чтобы не нагружаться мясом.

Через три часа спокойного хода достигли того места, где долина круто поворачивала на запад. Далее ее правый склон образовывался из откосов группы вулканов. Путь сделался труднее, приходилось то и дело пробираться по лаве, карабкаясь по ее черным глыбам.

На маленькой лужайке, где было удобное место для ночлега и несколько сухих хвоцей для костра, сложили принесенные с собой запасы и лишние вещи, чтобы нале́гке обследовать местность.

Между концами двух широких потоков лавы, спускавшихся с вулкана, лежало небольшое озеро, в полусотню метров в диаметре, окаймленное группами небольших пальм, хвоцей и узкой полосой тростников. Ручеек вытекал из этого озера, пробиваясь по лаве нижнего потока. Поверхность озера была гладкая как зеркало и отражала в себе до мельчайших подробностей и зеленую раму, и черные потоки лавы, и мрачные обрывы столовой возвышенности.

— Вот чудесное mestечко для отшельника, который захотел бы уйти навсегда от суеты мирской! — восклинул Папочкин. — Он выстроил бы себе хижину под защитой черной стены и жил бы, предаваясь созерцанию ясного неба, вечного солнца и величественного вулкана на берегу мирного озера в тени пальм.

— И в один прекрасный день погиб бы под градом камней или под потоком лавы, извергнутым этим коварным вулканом, — заметил Каштанов.

— Или еще раньше умер бы от голода, ибо, насколько могу судить, эти пальмы не дают съедобных плодов, а тростник несладкий,— прибавил Громеко.

— И не видно никакой дичи! — сказал Макшеев.

— Какие вы все жалкие реалисты, не даете даже помечтать! Отшельник мог бы завести пашню, садик, огород. Вода есть, а на старой лаве отлично растет виноград и...

Зоолог не успел кончить свою фразу, потому что со стороны вулкана, главная вершина которого была скрыта ближайшими нагромождениями лавы, раздался гул, подобный грому, и через несколько минут вокруг путников упал дождь мелких черных лапилли (камешков).

— Вот вам! Его величество предупреждает, что он не даст отшельнику разводить виноград на старой лаве... — засмеялся Макшеев.

— Осмотрим озеро и вернемся назад к нашим вещам. Здесь менее безопасно,— предложил Каштанов.

Пока путники спускались по лаве к озеру, раскат повторился и опять посыпалась лапилли.

— Вулкан сердится на незваных гостей! Он боится, что мы похитим сокровища из его кратера, как похитили серу из кратера Сатаны, прежде чем он успел проснуться.

— Назовем этот вулкан Ворчуном,— предложил Громеко.

Это название было принято сочувственно и занесено на карту, которую набрасывал Каштанов. Озеро получило название Отшельничье, а ручей, вытекавший из него, имя Паночкина.

— Вот мы и усковсчили наши воздушные замки! — смеялся Макшеев, зачисывая эти имена.

Вода озера оказалась холодной и пресной, на вкус даже напоминавшей сельтерскую, так как из нее при легком подогревании выделялись пузырьки углекислоты.

Обойдя озеро кругом и наткнувшись на удобное место, путники с удовольствием выкупались в его живительной воде и узнали, ныряя, что глубина его не превышает трех метров. Ни рыбы, ни водяных растений, ни насекомых в нем не было.

Так как было еще рано возвращаться на место стоянки, решили взобраться на столовую возвышенность. Это было нетрудно, потому что верхний поток лавы упирался в обрыв возвышенности и глыбы представляли нечто вроде гигантской лестницы, так что, карабкаясь с глыбы на глыбу, путники скоро очутились наверху.

На востоке у их ног, в глубокой яме, лежало озеро, а за ним поднимались черные, изрытые склоны Ворчуна, над которым царила его крутобокая вершина. Из нее поднимался столб черного дыма, тянувшийся в спокойном воздухе на огромную высоту. На юг, запад и север расстилалась черная пустыня, совершиенно такая же, как вокруг группы вулкана Сатаны. На севере она упиралась в синюю гладь моря, а в другие стороны уходила до горизонта.

— Ворчун гораздо выше Сатаны, и склоны его конуса круче,— заметил Каштанов.

— А начавшееся извержение помешает нам забраться на его вершину,— добавил Макшеев.

— Увидим завтра. Серы нам теперь не нужно, и мы можем повернуть назад в любой момент.

Спустившись обратно к озеру и проделав тот же путь через лавовые потоки, путники через час очутились на месте своей стоянки.

«Шалости» Ворчуна

Но Ворчун не дал им выспаться как следует. Через несколько часов они были разбужены ужасным грохотом и вскочили перепуганные.

— Неужели и этот вулкан выбрасывает палящие тучи? Смотрите, что там творится! — воскликнул Громеко.

Ворчун был окутан густыми черными тучами, которые спускались все ниже по склону и вместе с тем расползались во все стороны. Чувствовался заметный запах серы и хлора. Тучи клубились, освещались яркими молниями, а грохот, вырывавшийся из недр вулкана, сливался с раскатами грома.

— Нет,— заметил Каштанов,— палящей тучи нам бояться нечего. Это извержение носит другой характер, именно типа Везувия. Сейчас выбрасываются пепел и бомбы, а потом, вероятно, появится и лава.

- Наше восхождение, конечно, ухнуло.
- Понятно! Было бы безумно лезть на вулкан в такое время.
- Что же мы будем делать?
- Посидим еще здесь или продолжим прерванный сон, а затем пойдем назад к морю.
- Почему же не сейчас?
- Интересно наблюдать извержение так близко.
- А если на нас посыплются бомбочки?
- Едва ли; мы тут у самого подножия, и так далеко они не летают.
- А если лава захватит нас?
- Лава течет медленно, и от нее всегда можно уйти, даже пешком.
- Ну, тогда останемся и посмотрим работу Ворчуна. Но не мешает за это время позавтракать.

Разожгли костер, поставили чайник и за едой наблюдали за вулканом.

Он совершенно скрылся в тучах, и даже небо в зенице было подернуто серой дымкой, сквозь которую Плутон казался красным диском без лучей, бросавшим зловещий, тусклый свет на мрачные окрестности вулкана.

Вскоре начал падать черный пепел, тонкий, как пудра, сперва отдельными частицами, потом все гуще и гуще, так что чай пришлось пить, закрывая кружки рукой, чтобы не наглотаться вулканической пыли. Постепенно почернели и трава, и тростник, и листья пальм, а вода в ручье стала похожей на чернила.

— Хорошо, что мы догадались набрать воды в нашу жестянку, — замстил Макшеев. — Иначе остались бы на целый день без воды. Но что это за шум?

Так как грохот вулкана ослабел, то в промежутке между раскатами грома можно было расслышать глухой шум, подобный реву морского прибоя, постепенно усиливавшийся. Путешественники переглядывались в недоумении.

— Уж не палящая ли туча? — с тревогой спросил Папочкин.

— Нужно бежать скорее, наверх! — вскричал Каштанов. — По ручью несется вал воды или грязевой поток. Я и забыл о возможности этого. Берем пожитки — и на гору!

Живо были опорожнены недолитые кружки, собраны вещи и ружья, и все побежали вверх по лавовому потоку, карабкаясь по глыбам, спотыкаясь, стараясь подняться на достаточную высоту над руслом ручья.

Когда они наконец остановились, чтобы перевести дух на высоте около пятидесяти метров над местом стоянки и оглянулись, их взору представилась картина, показавшая, что поспешное бегство было вполне своевременным. По руслу, шедшему со склона вулкана, несся бешеный поток черной воды, срывающий большие глыбы застывшей лавы со своих берегов. Через несколько минут грозный вал вышиной метра в три докатился до места, где они только что беспечно пили чай, и в одно мгновение в его грязных волнах скрылись зеленые кусты, закачались и повалились пальмы, сломанные или вырванные с корнем, и вся площадка исчезла, словно ее и не было.

— Ловко работает! — воскликнул Папочкин. — Мы вовремя убрались!

При своем бегстве путешественники поднялись выше этого лавового потока, и с того места, куда они забрались, видны были внизу и та и другая вершины. Грязевой поток прошел по правой вершине, и теперь все повернулись в сторону левой, чтобы посмотреть, что там делается. Через несколько минут по тесной долине левой вершины прикатил второй грязевой поток, но двигавшийся медленнее, так как вода была переполнена пеплом и мелкими камешками и представляла жидкую черную кашу, в струях которой крутились кусты, вырванные с корнем, и стволы пальм.

— Их несет с берегов озера, где мы были вчера! — воскликнул Папочкин.

— Вот вам и тихое, идиллическое убежище отщельника! Озеро уже не существует, все затоплено грязью, — сказал Каштанов.

— Да, здешние вулканы оказываются очень беспокойными соседями! — заметил Громеко. — Сатана угостили нас палящей тучей, а Ворчун — грязью.

— И все-таки мы спаслись и тут и там и видели грозные и интересные явления природы, — сказал Каштанов.

— А теперь мы отрезаны от моря и наших лодок! — воскликнул Папочкин в совершенном уны-

нии.— Смотрите, справа и слева бурные потоки, а позади нас — Ворчун, который может устроить нам еще какое-нибудь угощенье.

Действительно, путешественники, укрывшиеся от грязевых потоков на скале вулкана, очутились в осадном положении и не могли направиться вниз по долине к морю. А позади них вулкан продолжал громыхать.

— Если теперь прикатит еще сверху лава, мы будем между огнем и водой. Приятная перспектива! — заявил Громеко.

— Да, Ворчун еще не сказал своего последнего слова, — заметил Макшеев.

— Я думаю, что наши тревоги преждевременны, — успокоил их Каптанов. — Грязевые потоки скоро сбегут, и мы пойдем к морю, прежде чем лава, если таковая вообще направится в эту сторону, доберется до нас.

— А пока нас тут промочит до нитки! Укрыться-то негде, — ворчал Папочкин.

Зоолог был совершенно прав. Уже некоторое время из туч, распространявшихся от вулкана, накрапывал дождь, на который путешественники не обратили внимания, занятые грязевыми потоками. Теперь дождь усилился, и все начали осматриваться по сторонам, чтобы найти хоть какую-нибудь защиту. Рассчитывая на хорошую погоду, продолжавшуюся уже много дней, путешественники пошли в экскурсию налегке, без плащей и палатки, и теперь ничем не могли защититься.

— Мне кажется, что там, выше, где столько крупных глыб лавы, мы скорее найдем какое-нибудь убежище, — сказал Макшеев, указывая вверх по склону.

— И очутимся еще ближе к вулкану! — вздохнул Папочкин.

— Вольному воля, оставайтесь здесь под дождем, а мы полезем, — заявил Громеко.

Но зоолог не захотел отстать от компании, и все пошли вверх по крутым потокам. И камни, и обувь уже намокли, и идти было скользко и трудно. Впрочем, скоро добрались до большого вала из навороченных одна на другую глыб, обозначавшего конец более молодого потока, излившегося поверх старого. Между глыбами кое-где оставались промежутки, достаточные для приюта одного человека. Все четверо разместились

по этим норам, а мокрый Генерал залез к Макшееву, который был не особенно доволен этим соседством. Достаточно намокшие люди, скорчившиеся в неудобных позах на неровных камнях, переживали довольно неприятные минуты и, чтобы поддержать хорошее расположение духа, перекликались из своих убежищ друг с другом, когда грохот Ворчуна немного затихал.

Дождь лил не переставая. Скоро и по поверхности лавового потока потекли струйки и ручейки грязной воды, наполненной пеплом, и доставили укрывшимся новые испарности. Одному обдало холодным душем бок, другому — спину. Папочкин, растянувшись на животе в низкой и длинной норе, почувствовал воду под собой. Он вылез наружу и начал бегать между глыбами в поисках лучшего места.

Макшеев, видевший эту сцену, хохотал; ему удалось приютиться с Генералом в маленькой пещерке в лаве.

— Это не Ворчун! — кричал зоолог, карабкаясь по глыбам под дождем. — Это черт знает что: Плакун, Мокрун, Дождюн.

— Водолеем назовем его! — предложил Макшеев.

Но Папочкин уже не слышал. Он нашел низенькую расселину и заполз в нее головой вперед. Но она оказалась слишком короткой, и ноги остались снаружи, под дождем.

Вдруг ужасающий грохот потряс воздух. Путешественникам показалось, что камни раздавят их, как мышей в ловушке. Все выскочили из убежищ.

— Землетрясение! — вскричал Громеко.

— Вулкан взорвался и рухнет на нас! — вопил Папочкин.

— Неужели палящая туча? — прошептал Каштанов, бледнея.

Через завесу дождя и туч ничего не было видно, и после первых мгновений испуга все немного успокоились. Но вот с глухим треском вблизи них грохнулась бомба величиной с голову, покрытая спиральными бороздами, и начала шипеть, трещать и дымиться под дождем. По сторонам, справа и слева, вверху и внизу, то тут, то там также слышны были удары и треск падавших камней.

— По mestам скорее! — крикнул Макшеев. — Ворчун открыл пальбу снарядами крупного калибра.

Все поторопились залезть в свои норы, откуда с замириением сердца, но с интересом наблюдали, как падали и шипели бомбы разной величины. Иные, ударившись о глыбу, разлетались на осколки, словно гранаты. Зато ливень быстро прекратился. Порыв горячего ветра пронесся вниз по склону, запахло серой и гарью. Тучи начали рассеиваться или подниматься выше. Снаряды перестали падать. Макшеев решился выглянуть из пещерки.

— Ворчун снял свою шапку и показал нам свой красный язык! — вскричал он.

Остальные тоже повылезли и подняли головы.

Наверху, между черными тучами, по временам открывалась вершина вулкана, на которой с одной стороны свесился короткий огненно-красный язык лавы, словно дразнивший людей, которые осмелились нарушить вековое уединение горы.

— Да, это появилась лава! — заявил Каштанов.

— Час от часу не легче! Сначала он хотел затопить нас в грязи, потом залить водой, потом пришибить бомбами, а так как все это не помогло, то пустил в ход последнее средство и хочет залить нас лавой! — шутил Громеко.

— Мужайтесь, Семен Семенович! Теперь уж вам крышка, — смеялся Макшеев.

— Ну вас! — огрызнулся зоолог. — Если бы опасность была так велика, вы бы сами задали лататы, как перед грязевым потоком.

— От лавы мы уйдем не торопясь! — заметил Каштанов.

Но уходить было некуда. В обоих руслах все еще бушевали грязевые потоки, перейти которые было немыслимо. А наверху красный язык быстро удлинялся, по временам исчезая под клубами белого пара, выделявшегося с его поверхности.

— Ворчун вымочил нас, а теперь высушит! Когда лава подойдет близко, мы сначала высушим на себе платье, а потом...

— А потом вымокнем опять при переправе через поток, если не утонем в нем, — докончил Папочкин шутку Громеко.

Но благодаря очистившемуся от пепла и туч воздуху проглянул Плутон и быстро начал обсушивать скло-

ны вулкана. Черные глыбы лавы дымились, словно подогретые подземным огнем.

Путешественники сняли свое платье и развесили его на камнях, предварительно выжавши воду. Громеко разделся даже донага и, согреваясь лучами Плутона, советовал остальным товарищам последовать его примеру.

— А если Ворчун угостит нас новой порцией снарядов? Сидеть в норах голыми будет не особенно удобно,— заметил Макшеев.

— Раз показалась лава, взрывы и извержение рыхлого материала обыкновенно прекращаются,— пояснил Каштанов.

— Но если придется удираять от лавы, мы не успеем одеться.

В эту минуту над вершиной вулкана вырвалось белое облако паров, и над краем кратера показалась огненная стена, быстро поползшая вниз.

— Первый поток лавы ушел в долину озера,— заметил Каштанов,— а этот, пожалуй, может и до нас добраться!

— А через сколько времени? — поинтересовались остальные.

— Может быть, через час, может быть, и позже. Это зависит от свойства лавы. Если лава тяжелая и легкоплавкая, она жидкa и течет быстро, а если лава легкая, вязкая, богатая кремнеземом, она трудноплавкая и движется медленно.

— Какой же лавой угощает нас Ворчун?

— До сих пор, насколько было видно по старым потокам, он изливал тяжелую лаву. Вероятно, такая же будет и в этот раз. Вообще по характеру всех пород, которые мы встречаем в Плутонии, очень тяжелых, богатых оливином и металлами, трудно ожидать, чтобы здешние вулканы могли изливать легкую кремнеземистую лаву.

— Следовательно, нам нужно убираться отсюда поскорее.

— Да, но я надеюсь, что, прежде чем лава доберется до нас, грязевые потоки иссякнут и мы свободно переберемся через русло того или другого.

Плутон, не закрываемый больше тучами, и горячий ветер, дувший с вулкана, скоро высушили одежду путе-

шественников, которые оделись и в ожидании возможности уйти продолжали наблюдать вулкан. Конец длинного языка лавы уже скрылся за гребнем склона, очевидно спускаясь в долину бывшего озера у западного подножия Ворчуна. Новые порции лавы, поднимавшейся из кратера, изливались отчасти по этому пути, отчасти же севернее и, вероятно, образовали второй поток, спускавшийся на северный или северо-западный склон; в последнем случае он должен был течь в сторону наблюдателей. Но из-за ближайших нагромождений лавы они не могли видеть, куда направляется этот поток.

Количество грязной воды в обоих руслах, особенно в левом, заметно уменьшилось, и по ним катился уже не бешеный поток, а небольшая грязная речка, через которую можно было рискнуть перейти вброд.

В безвыходном положении

Так прошло полчаса. Извержение продолжалось спокойным темпом, и взрывы в кратере слышались только изредка и слабые. Но вот выше по склону над местом, где сидели наблюдатели, послышались глухой шум и шорох, напоминавшие звуки, раздающиеся на большой реке во время сильного ледохода. В этой стороне поднимался гребень из громадных глыб лавы, очевидно фронт старого потока, остановившегося на этом месте.

— Пожалуй, пора уходить, — сказал Каштанов, вставая, — лава уже недалеко.

Все направились вниз по склону, к месту своего ночлега на берегу ручья, по временам оборачиваясь и оглядываясь назад, туда, где шум все усиливался. Там, над гребнем старого потока, уже показался фронт нового; но он совсем не представлял стену огненно-красной лавы, как рисовали себе три наблюдателя, кроме Каштанова, знакомого с этими явлениями. Этот фронт имел вид черного вала из глыб различной величины, который подвигался вперед под действием какой-то невидимой, но чудовищной силы.

Глыбы медленно ползли, надвигаясь одна на другую с треском и скрипом; одни скатывались с гребня вниз, а на месте их появлялись новые, другие катились до-

вольно далеко вниз по склону, с грохотом ударяясь и разбиваясь о неровности поверхности старого потока или глыбы, лежащей на ней. Из промежутков между глыбами вала то и дело вырывались струи и клубы белого пара, местами взвивались синие огоньки или же появлялись огненные пятна, словно отдельные горящие еще угли в потухающем костре, подернутом пеплом. Но этот костер двигался вперед, словно огромное ползущее чудовище под колеблющимся панцирем из черных чешуй, ползущее и изрыгающее жгучее дыхание и ядовитые испарения.

Спасаясь от глыб, катившихся по склону, путешественники подбежали к руслу правой вершины ручья, немного выше места своего ночлега; оно представляло неровно-буроватую поверхность со струившимися по ней грязными ручейками. Не долго думая, путешественники смело шагнули вперед, но уже на втором шагу погрузились по колено в вязкую грязь. Послышались взгласы неудовольствия.

— О черт! Вlopались! Ноги вытащить нельзя, такая вязкая трясина! Словно тесто!

Громеко, шедший немного позади остальных и увязший менее глубоко, наконец вытащил свои ноги из сапог, оставив последние в грязи, а затем с берега русла, ставши на твердую глыбу, с трудом вытащил и сапоги. Остальные трое стояли в беспомощном положении и не могли двинуться ни назад, ни вперед, словно мухи на липкой бумаге.

А между тем фронт лавового потока неуклонно двигался вперед, и до него оставалось не более двухсот метров вверх по склону. Положение завязших становилось трагическим: вблизи не было ни бревна, ни доски, ни даже жерди, чтобы положить ее на грязь и помочь товарищам высвободить ноги.

Но Громеко не растерялся. Он живо набросал несколько плоских кусков лавы от берега русла по направлению к Папочкину, как наименее тяжелому. Затем сбросил с себя мешок с вещами, ружье и верхнюю одежду и, засучив штаны выше колен и пробравшись по лаве к зоологу, помог ему освободиться от груза. А потом, взяв его под мышки, полегоньку вытащил из грязи. На Папочкине были не сапоги, а шнурованные ботинки, которые не могли слезть с ног и потому не

остались в грязи. Затем сообща устроили вторую дорожку из плит к Макшееву и вдвоем вытащили его, но без сапог. Каштанова — самого рослого и грузного из всех — вытащили втроем, также без сапог.

Тем временем фронт лавового потока надвигался все ближе и уже обжигал путешественников своим раскаленным дыханием. Поэтому некогда было выкапывать увязшие глубоко сапоги, а приходилось скорее спасаться от лавы.

Подобрав свое имущество, злополучные исследователи побежали вдоль русла вниз, высматривая местечко понадежнее. Но везде была та же предательская серая грязь, в которую уже не рисковали соваться.

Так в бесплодных попытках дошли до места ночлега, где в русле стояло целое озерко. Воды в нем было мало, но дно представляло ту же грязь неизвестнойтолицы.

А лавовый поток медленно, но неуклонно надвигался сзади. Шорох, шуршание и треск перекатывавшихся глыб, шипение паров не умолкали ни на мгновение. Пахло серой с хлором, жар становился все сильнее...

У озера, на месте слияния обеих вершин ручья, путешественники перебежали через конец старого потока к руслу у левой вершины. Но и последнее представляло такую же полосу вязкой грязи. Оставался еще один путь — идти вчерашней дорогой вверх вдоль этого русла к озеру Отшельничьему, чтобы убежать от второго потока лавы, рискуя наткнуться на первый. Это русло суживалось между отвесными обрывами столовой возвышенности и склоном вулкана, и здесь можно было надеяться найти узкое место, где было бы нетрудно перекинуть грязь глыбами лавы или перепрыгнуть через нес. Такое место вскоре и нашлось, но на другом берегу русла возвышались отвесные скалы в несколько метров высоты. На них невозможно было взобраться, нельзя было также пройти вверх или вниз вдоль их подножия, так как оно было окаймлено той же грязью.

Обессиленные беготней и волнением, путешественники уселись на глыбах возле грязи и опустили головы. Им оставалось ждать неминуемой смерти: или задохнуться в грязи, забравшись в нее при попытке перебраться через русло, или изжариться и сгореть на бере-

ту, когда лавовый поток настигнет их. И то и другое было одинаково мучительно, и у каждого из людей, попавших в это отчаянное положение, возникала мысль о самоубийстве, если иного выхода не будет.

Отдохнув немного, Каштанов заметил, что фронт лавы движется медленнее. Он вскричал, вскакивая:

— Идемте скорее дальше вверх по этому берегу ручья. Мы успеем пройти мимо конца лавы, она почти остановилась!

— Но если мы от этой лавы уйдем, то наткнемся на ту, которая затопила Отщельничье озеро и повернула, конечно, вниз по руслу! — безнадежно заявил Папочкин.

— Это единственный шанс для нашего спасения! — настаивал Каштанов. — Во-первых, выше по руслу мы, может быть, найдем брод через грязь в таком месте, где утесы левого берега доступны. Во-вторых, весьма вероятно, что оба лавовых потока не сливаются один с другим, а следовательно...

— Следовательно, между ними должно быть более или менее широкое пространство, свободное от лавы! — воскликнул Макшеев, доканчивая мысль.

— Да, и на этом промежутке мы можем выждать, пока поверхность грязи не засохнет настолько, что выдержит нашу тяжесть.

— Ура! — закричали Громеко и Папочкин.

Все встали и с новым подъемом энергии зашагали на юг вдоль русла, карабкаясь по вчерашнему пути через остатки старых потоков. Слева над ними в сотне-другой шагов тянулся фронт лавы, от которого веяло жаром. Но лава надвигалась медленно, и они постепенно увеличивали расстояние между собой и этим черным валом, несшим с собой смерть. Вскоре можно было заметить, что этот вал загибается вверх, поднимаясь по склону вулкана. Фронт лавы был благополучно обойден.

— Ну, от этого мы ушли! — сказал Макшеев, облегченно вздохнув.

Русло представляло в нескольких местах сужения, где можно было перепрыгнуть через грязь. Но везде на противоположном берегу подымалась отвесная стена, преграждавшая путь. Приходилось двигаться дальше. Вскоре путешественники начали подниматься на по-

верхность самого высокого застывшего потока на западном склоне вулкана, за которым находилась котловина озера. Поднявшись наверх, они увидели, что их шансы на спасение очень увеличились.

Этот старый поток разделил новую лаву на две части, и сам поднимался между ними в виде плоского горба. С его гребня, где путники спокойно уселись, можно было видеть впереди под ногами котловину, где вчера лежало, словно зеркало в зеленой раме, мирное озеро, которое привело в такой восторг Папочкина. Теперь на этом месте не было ни озера, ни пальм, ни травы, а расстипалось поле серой грязи с отдельными лужами черной воды. Со стороны вулкана на него надвигался фронт второго потока и вследствие соприкосновения горячих глыб лавы с мокрой грязью у подножия вала раздавалась беспрерывная канонада маленьких взрывов, выбрасывавших облачка белых паров.

Хотя от места, где расположились путешественники, было шагов пятьсот — шестьсот до потоков горячей лавы, но сильно сказывалось соседство раскаленных полей. Температура была адская, тем более что и Плутон совсем не заслонялся тучами и жег непрерывно.

Сидя бездеятельно на месте, люди изнывали от жары и сбросили с себя лишнюю одежду. Начали ощущаться голод и усталость. Ночь они не доспали, а потом все время бегали и волновались.

— Эх, — пожаловался Папочкин, — чайку бы напиться! Жара невыносимая!

— Жара ужасная, а дров нет! Разве сбегать и поставить чайник на свежую лаву? — пошутил Макшеев. — Там он живо закипит!

— А воды у нас есть?

— Воды осталось еще изрядно, — объявил Громеко, освидетельствовав жестянку.

— Ну что же, давайте хоть закусывать, если чая не будет. Есть хочется ужасно!

Все уселись в кружок, достали вяленую рыбу и галеты и с аппетитом пообедали, запивая водой.

— Мы сегодня утром сделали крупную оплошность, за которую теперь и платимся, — заявил Каштанов.

— А именно?

— Убегая от приближавшегося грязевого потока, мы бы должны были перебраться сразу через ручей на тот берег, а не лезть вверх. Мы бы теперь были уже на берегу моря и не спасались бы от лавы и грязи.

— Да, с того берега путь к морю был свободен.

— Ну, не совсем! По долине ведь пронесся двойной грязевой поток и, вероятно, всю ее залил.

— И захватил бы и нас в этой долине!

— Но мы могли подняться наверх, на черную пустыню, и идти к морю поверху.

— Да, сплоховали! Впопыхах кто же мог сообразить все последствия. Тогда казалось наиболее правильным — спешно подняться выше, чтобы убежать от потока.

— Нет, если бы на нашем месте были люди, хорошо знакомые с действующими вулканами, они бы лучше рассудили, в какую сторону нужно спасаться!

— А я думаю, — заметил Папочкин, — что мы сделали крупную оплошность уже вчера, когда остались ночевать у подножия вулкана, несмотря на признаки начавшегося извержения.

— Но мы же остались, чтобы увидеть это извержение!

— Вот и увидели! Я, по крайней мере, удовлетворен на всю жизнь и впредь буду держаться подальше от этих беспокойных гор. Сатане я пожертвовал свое ружье, а Ворчуна...

— Ворчуна мы с Макшеевым пожертвовали свои сапоги, а это гораздо чувствительнее. У вас сапоги на ногах, а вы ворчите! Нам же придется шагать без сапог до моря по раскаленным камням черной пустыни.

— Вы правы, я в лучшем положении и должен умолкнуть.

— Что же нам теперь делать?

— Что делать? Только и остается лечь спать, если можно уснуть на этих жестких, неровных камнях.

— Попробуем. Но по очереди одному из нас придется дежурить, чтобы наблюдать за вулканом. Он может выкинуть еще какую-нибудь штуку.

— Сколько же времени будем спать?

— А сколько позволит Ворчун.

— Это максимум. А минимум — пока не подсохнет

грязь в русле настолько, что можно будет перейти через него.

Так и сделали: трое кое-как прикорнули на глыбах лавы, четвертый бодрствовал, наблюдая за состоянием вулкана и высыханием грязи. Последнее, несмотря на жар, испускаемый потоками лавы и лучами Плутона, подвигалось медленно, и только часов через шесть грязь стала проходимой.

Собрав пожитки, путешественники направились к руслу и один за другим, по очереди, перешли благополучно через грязь. Затем полезли по расселине, карабкаясь с глыбы на глыбу, с уступа на уступ, подсаживая друг друга, и через полчаса выбрались на поверхность черной пустыни, где были уже в безопасности и могли вздохнуть свободно.

Папочкин повернулся лицом к вулкану, снял шляпу, раскланялся и произнес:

— Прощай навсегда, старый Ворчун! Спасибо за твоё угощение и внимание к нам.

Все улыбнулись. Каштанов вскричал:

— Эх, будь у меня сапоги, не ушел бы я отсюда!

— А что бы вы делали здесь?

— По черной пустыне можно пройти дальше на юг и посмотреть, что находится за вулканом.

— Та же пустыня! Это видно и отсюда.

— Кроме сапог, у нас не хватает и провизии, — заметил Макшеев.

— И почти нет воды! — добавил Громеко, встряхнув жестянку.

— Вы правы! Нужно спешить к морю. Но эти черные камни пустыни страшно накалены. У меня такое ощущение, словно я стою на горячей плите. А толстые носки за время бегания по лаве почти изорвались.

— Придется разорвать наши рубашки и обмотать ими ноги, — предложил Макшеев. — Идти босиком совершенно невозможно.

Во время этого разговора и он и Каштанов все время приплясывали, поднимая попеременно то одну ногу, то другую, чтобы дать им остынуть. Теперь они сняли с себя рубашки, обернули ими ноги, обвязали их ремешками от ружей и, бросив последний взгляд на окутанный черными тучами вулкан, бодро зашагали по пустыне на север. Идти было легко: поверхность пу-

стыни была совершенно ровная, представляя местами голую массу зелено-черной древнейшей лавы, выглаженную ветрами, местами же усыпанную мелкими обломками. Как и в пустыне вокруг вулкана Сатаны, здесь тоже не было признаков какой-нибудь растительности. Черная равнина простиралась до горизонта. Над ней чистое небо и в зените красноватый Плутон, заливавший эту равнину своими лучами, отражавшимися от гладкой поверхности так, что последняя сверкала миллионами зеленоватых огоньков. Путникам приходилось закрывать или щурить глаза, чтобы не утомлять их этой массой света и блеска.

Они пошли на северо-восток, чтобы выйти к низовым ручьям, где только и можно было найти удобное место для спуска с возвышенности. Через три часа приблизились к краю обрыва и начали искать подходящую расселину. Долина, накануне еще представлявшая зеленый оазис, теперь была совершенно опустошена грязевым потоком: деревья были повалены, кусты вырваны и унесены потоком, лужайки занесены грязью. Только кое-где у подножия обрыва уцелели клочки зелени. При виде этой печальной картины разрушения путники вспомнили, что на обратном пути собирались похотиться на игуанодонов в низовьях долины.

— Они, вероятно, убежали к морю!

— Или погибли в грязи.

Последнее предположение оправдалось. Немного дальше путники обратили внимание на то, что над долиной кружились птеродактили, словно воронье над падалью. Подойдя ближе, они увидели, что на дне долины идет кровавый пир. Из грязи большими буграми выдавались трупы нескольких игуанодонов, на которых расселились десятки летучих ящеров. Они рвали своими зубастыми клювами мясо и внутренности, ссорились и дрались, сгоняя друг друга, взлетали вверх и опять садились. Визг и кваканье не прекращались ни на минуту.

— Вот и наша дичь! — сказал Громеко при виде этой отвратительной картины. — Что мы теперь будем делать?

— Мы можем подстрелить птеродактиля, — предложил Макшеев.

— После того как они наелись падали? Благодарю покорно!

— Но мы ведь уже пробовали их.

— Не зная, что они пытаются и падалью. Да и ели-то потому, что другого мяса не было, когда нас ограбили муравьи.

— Но теперь у нас тоже нет мяса.

— Есть вяленая рыба в лодках, да и свежей наловим в устье речки.

— Вы забываете, что речки уже нет,— сказал Каштанов.— Да и весь залив моря, наверно, переполнен грязью, которую принес поток, так что рыба или подохла, или ушла подальше в море.

— Я боюсь, что у нас и пресной воды не будет,— заметил Громеко.

— Верно, ведь речки-то нет.

— А я боюсь, не погибли ли все наши вещи, спрятанные в чаще. Они лежали недалеко от речки и невысоко над ее уровнем. Если грязевой поток был столь же стремителен в устье долины, как и выше, он мог все унести в море или, в лучшем случае, залить грязью.

Это сообщение Макшеева сильно обеспокоило всех, и, забыв о птеродактилях, они поспешили дальше. Впрочем, Папочкин все-таки успел сфотографировать это лиршество птеродактилей.

Недалеко от устья долины нашелся крутой и узкий овраг, по которому удалось спуститься вниз. Всем хотелось бежать, чтобы скорее добраться до моря. Но не тут-то было. Грязь, разлитая повсюду, хотя и не толстым слоем, еще недостаточно засохла, и ноги вязли или прилипали на каждом шагу. Уже издали было видно, что грязевой поток и в устье поработал изрядно. Речка в пизовьях протекала по узкому коридору между стениами хвоцей и напоротников. Теперь там была проложена широкая просека, а паваленные деревья были занесены грязью. Но и вис этой полосы, по которой пронеслась главная масса воды, поток поработал: весь лес в устье долины был затоплен грязной водой, оставившей после себя повсюду толстый слой грязи.

Увязая в этой грязи, путники наконец добрались до берега залива и ахнули. Вместо чистой голубой воды перед ними расстилались бурье помои, по поверхности которых плавали листья, ветви, сучья, кусты и ценные стволы, выброшенные потоком в море. Макшеев и Громеко побежали к чаще, где были спрятаны лодки

и вещи, почти уверенные, что все унесено, потому что признаки опустошения были видны везде, и даже пляж близ устья речки был покрыт слоем грязи.

— Ура! — раздались их возгласы. — Все цело, идите на помощь.

Вещи уцелели благодаря тому, что были сложены в лодки, а последние покрыты палаткой и плотом и, кроме того, крепко привязаны к деревьям. Все вздохнули свободно и принялись откапывать лодки, перетаскивать их и вещи на берег моря, где подальше от устья речки нашлось местечко, не покрытое грязью. Но так как речка иссякла, приходилось убираться из этого уголка, который накануне так очаровал всех. Продолжать плавание на запад было рискованно, так как в эту сторону южный берег моря представлял голые утесы столовой возвышенности — черной пустыни и не было надежды найти пресную воду.

— Не имея запаса воды, мы не можем ехать на запад, тогда как на востоке нам известен источник, возле которого мы ночевали, — заключил Громеко.

Обратное плавание

Через час путешественники уже плыли по заливу, превратившемуся в грязную лужу. Они обогнули мыс и повернули на восток вдоль однообразного низкого берега с возвышающейся стеной леса. Все усиленно гребли, чтобы скорее добраться до пресной воды, где можно было бы наконец отдохнуть и выспаться после всех трудов и волнений последних двух дней.

Эта поспешность не помешала, однако, сделать привал для охоты за игуанодонами, замеченными в одном месте на пляже.

На следующий день плавание продолжалось столь же энергичным темпом, и к вечеру достигли злополучного места в устье речки Муравьиной, той самой, на которой находился сожженный муравейник. Здесь был песчаный пляж и пресная вода, а дальше уже не было удобных мест для стоянки.

Остановились на ночлег, который не был нарушен никакими приключениями.

Еще один день прошел в плавании на восток через пролив между островами, отделявшими Восточное море от Западного.

В этот раз выбрали путь вблизи северного берега, чтобы определить положение устья реки, которая оказалась значительно больше реки Макшеева, но имела, по-видимому, такой же характер. Ее низкие берега были покрыты сплошным лесом, доходившим до воды и не оставлявшим ни единой пяди земли для стоянки. Пришлось пообедать всухомятку на лодках.

Во время отдыха после еды Папочкину внезапно пришла мысль, которой он не замедлил поделиться с товарищами.

— Ведь мы сейчас у северного берега моря, не так ли? — вскричал он радостно.

— Ну, конечно! — ответил Каштанов.

— Так будем держаться его и дальше до самого устья реки Макшеева: этим мы избегнем опасного переезда через море.

— Но ведь мы же собирались основательно обследовать южный берег на восток от места первого осмотра? — заявил Громеко.

— Не пора ли нам подумать об обратном пути ко льдам? — продолжал зоолог.

— Почему же так скоро?

— Потому что путь вверх по реке потребует в три или четыре раза больше времени, чем вниз. Придется все время идти на веслах против течения.

— Ну так что же, у нас времени много.

— Не так, чтобы очень! Ведь август уже на исходе. На берегах этого моря, вероятно, вечное лето, но там, на севере, ближе ко льдам, наверно, бывает и зима. Если мы поздно двинемся в обратный путь, мы рискуем захватить холода и, вместо того, чтобы плыть по реке, которая покроется льдом, будем тащиться нешкож по снегу...

— Без лыж и без теплой одежды! — прибавил Макшеев.

— Это соображение, конечно, очень важно, и его надо принять во внимание, — заметил Каштанов. — Но еще одна неделя, которую мы уделили бы для дальнейшего изучения южного берега моря, не уменьшит заметно время, остающееся для обратного пути.

— Есть еще соображение! — настаивал Папочкин. — Все наши экскурсии по южному берегу моря наталкивались на опасности и препятствия, связанные с муравьями. Едва ли приходится сомневаться в том, что и в других частях южного берега водятся эти злобные насекомые. Борьба с ними требует большого расхода огнестрельных припасов, а у нас их осталось не так много. Нужно их поберечь на обратный путь для охоты и для защиты от хищников.

— И наконец, — поддержал его Громеко, — мы едва ли найдем что-нибудь новое на южном берегу моря за те три-четыре дня, которые можем посвятить дальнейшему плаванию на восток. Мы уже видели, что в эту сторону на большое расстояние тянутся отвесные обрывы столовой возвышенности, а с вершины вулкана Сатаны мы не видели на востоке ничего, кроме черной пустыни.

— В лучшем случае откроем еще одну речку и в ее верховьях еще группу вулканов, которые снова угостят нас каким-нибудь сюрпризом! — прибавил Папочкин, не забывший свои злоключения. — Два раза мы спаслись почти что чудом. Благоразумно ли еще раз испытывать судьбу?

— Итак, я вижу, что остаюсь в одиночестве! — сказал не без досады Каштанов. — Трос стоят за обратный путь, и доводы их очень основательны. Придется уступить голосу благоразумия.

— Следовательно, мы поплыем теперь вдоль северного берега? — спросил Громеко.

— Ну конечно, раз мы решили прекратить исследование южного.

— Тогда нужно набрать пресной воды теперь же, потому что сегодня мы едва ли успеем доплыть до устья реки Макшеева, а есть ли ближе ее другая речка, нам неизвестно.

Наполнив обе жестянки водой из устья большой речки, которую окостили рекой Громеко, путешественники продолжали плыть среди мелей и островов ее дельты, стараясь не уклоняться от северного берега. Последний имел здесь такой же низменный характер, как у устья речки Макшеева, но только был лишен песчаного пляжа и чаща леса и тростников доходила до самой воды. Постепенно острова начали редеть, потом

исчезли, и берег начал отклоняться заметно на север. На южном берегу против этого места началась область песчаных дюн; вдали видна была группа вулкана Сатаны, который все еще продолжал выбрасывать довольно густой дым, застилавший эту часть горизонта.

Плавание оживлялось насекомыми, реявшими над водой и над зеленой стеной, по временам мелкими летучими ящерами, охотившимися за стрекозами, и головами плезиозавров, появлявшимися над зеркалом моря на порядочном расстоянии от берега. Вблизи последнего вода была очень неглубока, и весла по временам почти касались дна.

Кое-где в зеленой стене тростников, окаймлявших лес, были протоптаны широкие дорожки, настоящие зеленые коридоры, по которым, вероятно, пробирались к воде различные травоядные и хищные ящеры, населявшие чащу.

На следующий день путешественники еще до обеда приплыли к устью реки Макшеева, которое легко узнали по сооруженной ими пирамиде.

Здесь провели почти сутки, чтобы сделать последнее наблюдения на берегу моря, наловить и навялить рыбы в устье речки, починить лодки и плот для долгого плавания вверх по реке.

Это плавание шло довольно медленно. Приходилось работать веслами без перерывов, уделяя на отдых, еду и сон только самое короткое время.

Успевали проплыть в сутки всего только тридцать — сорок километров, в зависимости от быстроты течения.

Задерживали плавание также и приключения с ящерами, с хищными и травоядными млекопитающими, так как, сберегая спарады, путешественники стреляли только для добычи свежего мяса или в случае нападения.

За время первых недель этого плавания природа не обнаруживала заметных изменений. Но дальше, когда начались лиственные леса более умеренного климата, оказалось, что листья на деревьях уже пожелтели и опали, и, чем дальше к северу, тем больше встречалось обнаженных от листвы растений.

Изменилась и погода: хотя Плутон стоял по-прежнему в зените, но густые тучи все чаще и чаще заслоня-

ли его, дул прохладный северный ветер и часто моросил осенний мелкий дождь. В промежутках, когда небо прояснялось, становилось опять жарко, но средняя температура все больше и больше понижалась.

Ненастье в виде сильных дождей с холодным встречным ветром все чаще тормозило или даже прерывало плавание; приходилось укрываться в палатке и согреваться у костра. Путешественники, пробывшие несколько месяцев в очень теплом и сухом климате, стали более чувствительными к холоду и сырости.

В пояссе, где жили мамонты, длинношерстые носороги, исполнинские олени и первобытные быки, путешественники застали уже начало зимы. Температура держалась около нуля и поднималась выше только изредка, при ясном небе. Но небо большей частью было скрыто сплошной пеленой густых туч, сыпавших по временам снегом; дул холодный северный ветер. Вместе с тем вода в речке начала заметно убывать, а ее узкое русло было уже стеснено ледяными краями. Только середина ее вследствие более быстрого течения оставалась свободной от ледяного покрова; можно было думать, что через день-другой придется прекратить плавание. Плот же, соединявший и облегчавший лодки, был уже раньше брошен из-за узости фарватера. Сильно нагруженные лодки медленно пробирались одна за другой по быстрой речке, и скорость движения уменьшилась до пятнадцати — двадцати километров в день.

Между тем до холма с юртой оставалось еще более ста километров.

По берегам в лесах и на полянах лежал тонкий слой снега.

Загадочный след

Однажды после ужина Громеко и Макшеев отправились ловить рыбу на мягкий песчаный откос, желтевший на берегу среди увядшей и побитой морозами травы. Макшеев уже забросил удочку и следил за поплавком, как вдруг заметил на песке рядом с отпечатком своего сапога ясный след босой ноги человека.

«Странно,— подумал он,— я как будто еще не снимал сапог, да и доктору едва ли понадобилось это в такую прохладную погоду».

Он наклонился и начал рассматривать след; след был оставлен левой ступней крупного размера и превышал даже след сапога инженера, нога которого была не из маленьких. Ступня была плоская. Человек, оставивший след, очевидно, всегда ходил босиком. Но все-г о замечательнее было то, что все пять пальцев, отчетливо отпечатавшиеся на песке, были очень длинны, а большой палец далеко отстоял от остальных. Казалось, что это был след не ноги, а громадной руки с очень длинной ладонью.

Немного дальше Макшеев увидел след и правой ноги, но большая часть его была уже под водой и слажена ею. Очевидно, субъект пошел вброд через речку, так как обратных следов вверх по откосу не было видно.

— Михаил Игнатьевич, подите-ка сюда на минутку! — воскликнул Макшеев.

— В чем дело? Подождите немного, у меня клюет! — ответил ботаник.

— Бросьте вашу рыбку, идите посмотрите, я нашел что-то любопытное.

— Ну что такое? Рака, что ли, или черепаху?

— Нет, след босой ноги человека на песке.

— Не может быть!

Громеко оставил свою удочку и побежал. Рассмотрев с удивлением след, он согласился, что форма ноги, оставившей след, очень странная.

— Не обезьяна ли прошла здесь? — предположил он.

— Здесь, в субполярной местности, среди лиственниц и берес?

— Кто знает! Если мамонты и носороги, близкие родичи которых теперь живут там, на поверхности земли, только в теплом климате, могут жить здесь в северных лесах и тундрах, то почему не может быть и обезьяны, приспособившейся к этому климату?

— Пожалуй, вы правы. Нужно позвать сюда зоолога и геолога, они лучше рассудят.

— Ловите свою рыбку, а я съезжу за ними.

Громеко поплыл к месту стоянки и привез товарищей.

— Это огромная обезьяна! — предположил геолог.

— А я думаю, что это скорее обезьяноподобный человек,— заявил зоолог.— Смотрите, он шел только на ногах, не опираясь на руки. Обезьяна, спускаясь довольно круто к воде, наверно, стала бы и на руки, но следов рук не видно.

Тщательный осмотр местности обнаружил на обоих берегах тропинку, а в речке неглубокий брод. На тропинке следы видны были менее ясно, но по расстоянию между ними можно было судить, что субъект был ростом не менее ста восьмидесяти сантиметров.

— Что же вы обнаружили? — спросил Макшеев, когда они подошли к нему. Пока товарищи изучали следы, он и Громеко возобновили рыбную ловлю.

— Вероятнее всего, что следы оставил обезьяноподобный человек, шедший по хорошо пробитой тропе к известному ему неглубокому броду через речку,— заявил Каштанов.

— Следовательно, сюда, в Плутонию, раньше нас забрались какие-то люди?

— И вдобавок ходят босиком, хотя уже падает снег! Переходят преспокойно вброд через ледяную воду! — воскликнул ботаник.

— Вероятно, какие-нибудь дикари? Недаром у них форма ноги почти не отличается от обезьянней.

— Нежелательно было бы встретиться с ними! Они, пожалуй, людоеды.

— Ну, муравьи нас не одолели, хотя помешали нашей работе. А с дикарями мы бы так или иначе поладили.

Теперь приходилось быть особенно настороже, чтобы не подвергнуться нападению врасплох. Во время отдыха поочередно дежурили и весь следующий день зорко смотрели по сторонам.

Но еще через день плавание прекратилось. С севера налетел продолжительный буран, речка замерзла и даже покрылась слоем снега сантиметров в пятнадцать.

Чтобы не бросать лодок и не тащить имущество на себе, решили сделать полозья, поставить на них лодки с вещами и, придерживаясь русла речки, где не мешали ни кусты, ни деревья, тащить их за собой по снегу. Но идти без лыж по свежему, рыхлому снегу и тащить за собой тяжелые сани было нелегко, так что за день проходили только километров двенадцать — пятна-

дцать. Плутон больше не показывался из-за густой пелены туч, и температура опускалась до 5 и даже 10 градусов ниже нуля. В тонкой палатке и тонкой одежде было очень холодно, и во время отдыха поочередно дежурили, чтобы поддерживать огонь у входа в палатку. В борьбе со стужей и снегом совсем забыли о первобытных людях. Впрочем, больше не встречали и следов. Все живое, по-видимому, откочевало на юг, и редкие леса под белым саваном погрузились в зимнее безмолвие.

Только на восьмой день после начала санного путешествия передвигший лес кончился и на северном горизонте показались белые увалы — конец льдов, и на фоне их с трудом можно было различить темную точку — юрту на холме, который почти сливался с равниной тундры.

Остался еще десяток километров тяжелого пути, и затем предстояло свидание с товарищами и отдых в теплой юрте после многонедельного странствования. Через три часа они были только в километре от нее и с минуты на минуту ждали, что услышат лай собак, что из юрты выбегут люди и поспешат к ним навстречу с нартами и лыжами. Но никого не было видно, никто не лаял, и юрта, полузанесенная снегом, одиноко чернела на вершине холма, словно покинутая обитателями. У путешественников возникали тревожные вопросы, которыми они перебрасывались:

- Неужели они спят по целым дням?
- Почему же не видно и не слышно собак?
- Не случилось ли что-нибудь скверное?

Напрягая все силы, путники ускорили свое движение по глубокому и рыхлому снегу равнины, в котором нога погружалась почти до колена.

Бот холм уже совсем близко, но на нем по-прежнему все было безмолвно и пусто. У сго подножия путники остановились и хором закричали:

- Эй-эй, Боровой! Иголкин! Вставайте, встречайте!

Повторили призыв еще и еще раз, но ответом была та же могильная тишина. Кричавшие не на шутку встревожились.

— Если наши товарищи не умерли, то можно объяснить их молчание только тем, что они отправились

куда-нибудь на нартах на охоту за крупным зверем,—
сказал Макшеев. — Тем более что нет и собак.

— Но мы уже целую неделю не видели никакой
дичи,— возразил Папочкин.

— Потому-то они и ушли куда-нибудь подальше
на юг.

— Не пошли ли они нам навстречу ввиду нашего
долгого отсутствия? — предположил Громеко. — После
того как начались холода и пошел снег, они должны
были вспомнить, что мы ушли в летней одежде и без
лыж.

— Это малоправдоподобно, потому что они знали,
по какой речке мы поплыли, а разойтись по ней с нами
они не могли,— заметил Кастанов.

— Я думаю, что в юрте мы найдем разрешение за-
гадки,— сказал Макшеев. — Но раньше обогнем весь
холм, чтобы посмотреть, нет ли каких-нибудь следов,
которые мы можем нечаянно затоптать.

Оставив сани у подножия, все четверо пошли
вокруг холма, тщательно рассматривая поверхность
снега.

Но никаких следов, ни свежих, ни старых, на этой
поверхности не оказалось, и можно было утверждать,
что с тех пор как снег покрыл землю, никто не подни-
мался на холм и не спускался с него.

В покинутой юрте

Войлочная дверь юрты, обращенная на юг, была закры-
та и снаружи завязана: следовательно, юрта была пуста.
Приподняв войлок, путешественники вошли. Юрта имела жилой вид. У задней стенки были сложены
экспедиционные ящики с инструментами, коллекци-
ями и более ценным имуществом. Висели ружья, пат-
ронташи, платье товарищей, а у боковых стенок были
свернуты их спальные мешки. В центре юрты чернело
огнище, и на треноге висел даже чайник; рядом лежа-
ла кучка дров и хвороста. Все имело такой вид, словно
товарищи отлучились ненадолго.

При виде всех этих признаков тревога вошедших
усилилась. Их товарищи не ушли ни на охоту, ни на
экскурсию, потому что и ружья, и спальные мешки
остались в юрте. Приходилось думать, что какие-то

враги — хищники или люди — напали на них врасплох где-нибудь поблизости юрты, например возле ледника или на тундре. А собаки, лишившись хозяев и мучимые голодом, погибли или разбежались. Но если напала орда, то почему она не разграбила юрту?

Более внимательный осмотр вещей обнаружил, что чайник, ружья, вообще все вещи покрылись слоем пыли. Макшеев поднял крышку чайника: остатки чая на его дне оказались покрытыми густой плесенью. Стало совершенно ясно, что люди покинули юрту уже давно.

— А это что такое? — спросил Каштанов, указывая на странный деревянный предмет, стоявший на одном из ящиков и не замеченный раньше.

Все обступили ящик. На нем оказалась фигурка мамонта, очень грубо вырезанная из дерева. Она была покрыта бурьими мазками и слоем сала, так что было даже противно притронуться к ней.

— Не занялся ли Иголкин со скуки скульптурой? — предположил Папочкин.

— Нет! — сказал Макшеев. — Это, несомненно, идол. Его мазали кровью и салом убитых животных в виде жертвоприношения. Наши товарищи нашли его где-нибудь.

— Да, сопоставляя эту находку со следами на песке, нельзя сомневаться, что здесь живут какие-то первобытные люди, — заметил Каштанов.

— Они убили или увезли с собой наших товарищей! — вскричал Громеко.

— Почему же они не разграбили вещи?

Макшев взял фигурку, чтобы лучше рассмотреть ее. К общему удивлению, под ней оказались две бумажки, аккуратно сложенные. Каштанов поспешно развернул их и стал читать вслух.

Первая бумажка от двадцать пятого сентября гласила:

Извещаю, что мы в плену у диких людей, неожиданно появившихся в тундре. Они захватили нас две недели назад врасплох безоружными в леднике, где мы проверяли склад, и увезли с собой в леса. Юрту и склад не тронули, но не дали нам ничего взять с собой; собаки побежали за нами. Нас не обижают, кормят и даже окружают почестями, вероятно считая колдунами или богами, но непускают, строго караулят и отняли у нас сапоги и почти всю одежду. Сами ходят совершенно голые, живут в шалаши из жердей и шкур, огня

не знают, едят сырое мясо. Оружие у них исключительно костяное и деревянное — копья, стрелы и ножи. В орде больше ста человек, но преобладают женщины; охотятся мужчины и женщины. Мужчин мало, они тщедушны, а женщины рослые и сильные. Их тела покрыто довольно густыми волосами, и они вообще похожи на больших обезьян (без хвоста), но обладают речью, которую мы уже научились понимать. Поэтому мы узнали, что нашу юрту они считают чем-то вроде жилища богов и ходят туда поклоняться. Мы воспользовались этим, чтобы послать эту записку, как жертву бегу. Они обещали почтить ее в юрте. Увели нас на юго-восток, вниз по речке, через которую мы с вами ходили за убитым мамонтом, километров на 50—60. Мы думаем, что вам удастся освободить нас без кровопролития, явившись в облике богов. Привезите нам теплую одежду, спичек и табаку. Лето провели хорошо, в складе много прпасов.

Боровой, Иголкин.

Второй листок был от 2 ноября.

Стало холодно, и часто перепадает снег. Дикие собираются откочевывать дальше на юг, где теплее. Мы сами пользуемся огнем, на котором жарим мясо и у которого греемся. Но дикари боятся огня и окружили нас еще большим поклонением. В плену нас держат главным образом женщины, которым мы нравимся, потому что мы красивее и сильнее мужчин их племени. Мужчины с удовольствием помогут нашему освобождению. Посылаем последнюю записку, потому что дикие больше к юрте ходить не будут. Но по пути на юг, вероятно, вдоль той же речки, мы будем оставлять записки на каждом ночлеге или по дороге, будем пакальывать их на кусты, чтобы вы могли выследить нас. Если нам не удастся освободиться хитростью при помощи мужчин, тогда вы выстрелами известите нас о своем приближении. Наступайте открыто, стреляя залпами в воздух, чтобы поразить дикарей и заставить их покориться нашей воле. В крайнем случае подстрелите несколько женщин. Мы не унываем и не боимся, только страдаем от холода и от однообразной мясной пищи. Тревожимся за вас, почему вы не возвращаетесь, благополучно ли ваше путешествие?

Боровой, Иголкин.

— Они живы! — воскликнул Громеко.

— Нам нужно спешить на выручку товарищей, ведь уже почти три месяца, как они в плену: сегодня пятая декабря, — заявил Громеко, заглянув в свой дневник.

— Они пишут, что дикие люди здесь ничего не тронули, — сказал Макшеев. — Следовательно, насты

и лыжи должны быть в леднике вместе с запасами провизии; нужно сейчас раскопать вход в склад и начать приготовления к отъезду.

— Да, в юрте все как будто на месте; должно быть, и склад цел, если только дверь в него не осталась открытой и собаки не растащили провизию,— заметил Папочкин.

После тяжелого пути по снегу, ночлега в тонкой палатке и питания одним мясом и сухарями, теплая юрта и запасы разных консервов сделали жизнь путешественников гораздо приятней. Они решили отдохнуть несколько дней, снаряжаясь в то же время в новое путешествие, которое могло затянуться на несколько недель в зависимости от того, как далеко откочевали первобытные люди.

Весь холм вокруг юрты был покрыт довольно глубоким снегом. В складах все было в целости, и нарты с лыжами были сейчас же извлечены для осмотра и починки. Большой склад был заперт настоящей прочной дверью: благодаря этому хищники ничего не утащили, несмотря на отсутствие людей и собак. Заботливые отшельники наготовили на зиму много копченого мяса, которое было теперь очень кстати, так как избавляло от необходимости тратить время на охоту.

Несколько поодаль на холме стояла небольшая метеорологическая будка, сооруженная Боровым. Инструменты были в исправности. В юрте нашелся метеорологический журнал, по которому можно было судить о климате второй половины лета и начала осени в тундре.

Решали взять юрту с собой, а все лишние вещи сложить в склад, запереть его на замок и вход завалить снегом, чтобы совершение скрыть его от незваных гостей.

Сообразно с этим решением подготовили для путешествия две нарты, шесть пар лыж, провизию на месяц, теплую одежду, спальные мешки. Отобрали также некоторое количество сахара, конфет, ножей, иголок, ниток, бус и колец для подарков дикарям в случае добровольной выдачи пленных. На всякий случай захватили также спирт и коньяк, чтобы в случае надобности подпоить стражу.

По следам товарищей

После трехдневного отдыха на холме двинулись в путь, сначала на юго-восток к речке, за которой Каштанов и Папочкин впервые охотились на мамонтов, а затем вниз по течению последней.

На второй день нашли поляну на левом берегу речки, где находилось прежде стойбище первобытных людей; от него осталось десятка два оставов шалашей, представлявших жерди, составленные конусом, как в чумах ханты и эвенков Азии.

На одной из жердей была приколота бумажка со следующим текстом:

Здесь мы жили в плену все время до откочевки на юг. Сегодня орда уходит. С дороги может быть удастся бе...

Конец записи, очевидно, был оторван.

Решили продолжать путь по речке, тщательно выисматривая поляны на расстоянии каждого пятнадцати — двадцати километров, вероятно составлявших дневной переход орды, нагруженной всем домашним скарбом и потому двигавшейся медленно. На опушках этих полян могла уцелеть записка пленных товарищей.

К вечеру того же дня действительную встретили большую поляну и на одном из кустов записку, привязанную ниточкой к ветке. Она гласила:

Передвигаемся километров двадцать в день, то по тропам в лесу близ речки, то прямо по воде, которая уже очень холодна и местами глубиной выше колена. Но этим людям это нипочем. Нам отдали часть одежды, но на ночлеге снова отбирают ее и дают звериные шкуры, чтобы защититься от холода. На перекочевке они шалашей не ставят, а спят под кустами. Мы спасаемся только благодаря костру, который поддерживаем поочередно все время, пока стоим на месте.

Боровой.

На следующий день прошли километров сорок, но не нашли ни одной записи; может быть, ее сорвал ветер или стряхнул какой-нибудь зверь.

Шли еще день и после обеденного привала опять нашли записку такого содержания:

Люди снимают наши бумажки с кустов, если заметят, и хранят как талисманы. Они думают, что мы оставляем их в жертву злому духу, приносящему зимний холод и снег. Поэтому нам удается оставлять записки в исключительных случаях, но по пути у самой речки мы будем накалывать пустые бумажки на ветки, чтобы вы знали, что мы прошли. Когда достигнете местности, где снега не будет и где речка не замерзла, будьте особенно внимательны. Мы думаем, что орда остановится там надолго.

Боровой.

Так шли еще шесть дней, изредка находя записку в несколько слов, чаще же пустые бумажки, наколотые на кустах возле речки; на десятый день пути слой снега стал очень тонким, а лед на речке под ногами иногда потрескивал. Температура держалась только на один-два градуса ниже нуля. На следующий день пришлось сойти с речки, так как лед сделался слишком тонким и местами открылись большие полыни. Путешественники отыскали тропу, извиающуюся то по лесу, то вдоль берега речки, и пошли по ней. К концу перехода слой снега был не толще четырех сантиметров, а на речке лед держался только у берега.

Наконец на двенадцатый день пути остались только небольшие сугробы снега под защитой кустов и в лесу, так что нарты приходилось тащить по слою опавших листьев, покрывавших тропу. Перед обедом опять нашли записку, в которой сообщалось, что на расстоянии одного перехода должна быть большая поляна, где орда собирается остановиться на зимовку, если снег не прогонит ее дальше.

Теперь пришло удвоить внимание, чтобы не наткнуться случайно на людей, рыскающих в окрестностях своего стойбища; один из путешественников шел вместе с Генералом впереди нарт в качестве разведчика.

На ночлег остановились на небольшой поляне вблизи речки. После ужина Макшеев и Каптанов отправились вперед на разведку. Пройдя километра три, они услышали впереди какой-то шум, отдельные крики и осторожно подкрались к опушке большой поляны. На противоположной стороне они увидели стойбище первобытных людей.

Оно состояло из двенадцати конических шалашей из жердей, покрытых звериными шкурами и расположенных по кругу на небольших промежутках один от другого, отверстиями внутрь круга; в центре последнего находился тринадцатый шалаш меньших размеров, возле которого пыпал костер. Нельзя было сомневаться, что в этом шалаше живут пленные товарищи. По размерам остальных шалашей Макшеев определил, что орда состоит приблизительно из сотни взрослых.

В круге среди шалашей видны были только дети, бегавшие большей частью на четвереньках и похожие на черных бесхвостых обезьян. Они играли, прыгали, дрались и ссорились, испуская резкий визг. У входа в один из шалашей сидел на корточках взрослый мужчина, тоже похожий на обезьяну. В бинокль можно было рассмотреть, что тело его покрыто темными волосами. Лицом он походил на австралийца, но имел еще более выдающиеся челюсти и очень низкий лоб. Цвет лица был землисто-бурый; под подбородком чернела небольшая борода, показывавшая, что это мужчина.

Вскоре из того же шалаша высунулся второй человек; чтобы выйти, он толкнул первого коленом в спину. Сидевший качнулся вперед и вскочил на ноги, так что оба очутились рядом. Оказалось, что второй был выше и значительно шире в плечах и в бедрах, поэтому первый возле него производил впечатление щедшного подростка. Лицо у этого второго было менее безобразно, а волосы на голове длиннее и свешивались космами на плечи. Тело было покрыто менее густыми волосами, особенно на груди, форма которой обнаруживала, что это женщина.

Женщина направилась через круг к центральному шалашу. Она шла, немного наклонившись вперед и переваливаясь. Ее руки, опущенные вниз, немного не доходили до колен; мускулы рук и ног были сильно развиты. Приблизившись к шалашу пленников, она упала на колени перед костром, протянула к нему руки с умоляющим жестом, а затем на четвереньках поползла в шалаш.

— Пришла в гости к нашим товарищам! — сказал Каштанов.

— Не воспользуемся ли мы малолюдием стойбища, чтобы дать им знать о нашей близости? — предложил Макшеев.

— Каким образом? К ним нельзя подойти незаметно.

— Дадим выстрел-другой из леса, они догадаются, потому что сами предложили этот способ извещения.

— А диких это не встревожит?

— Они ведь не знают огнестрельного оружия и не поймут, в чем дело.

— Не бросятся ли они искать нас?

— Думаю, что нет. Они будут испуганы и не посмеют.

— Ну что же, попробуем!

Путешественники отошли нёмного назад в лес и дали один выстрел, потом через несколько минут другой и вернулись опять к своему наблюдательному посту на опушке.

Стойбище было встревожено. Возле каждого шалаша теперь стояло несколько взрослых, преимущественно женщин, и детей разного возраста. Все смотрели в сторону, откуда раздались непонятные звуки, и что-то говорили. Возле центрального шалаша у костра стояли пленники. Они были обнажены до пояса, а ниже пояса одеты в оборванные остатки брюк; их кожа была темно-бронзового цвета, волосы нечесаны, лица обросли длинными бородами.

Они тоже смотрели в сторону опушки, и их лица выражали радостное изумление.

И вдруг оба, очевидно говорившись, повернулись в сторону выстрела и подняли руки. Немедленно и все дикие люди попадали на колени и припали лицами к земле. Вонцирилась тиннана. Тогда Иголкин встал, сложил руки рупором и, обратившись в сторону леса, начал кричать:

— Почти все мужчины орды ушли утром далеко на охоту, а завтра туда же пойдут женщины, чтобы помочь разделить и унести добычу. Останутся только старики и дети. Тогда и приходите освободить нас. Принесите нам белье и одежду. Все ли у вас благополучно, все ли вернулись? Покажите, что вы поняли меня, сделав еще выстрел, если все хорошо, и два, если не совсем ладно.

Макшеев немедленно отполз немного назад и выстрелил. При звуке выстрела Иголкин опять поднял руки вверх, а люди, поднявшиеся с земли, пока он кричал, и смотревшие на него с недоумением, опять упали ниц.

Дав им полежать немного, Иголкин встал и, обратившись лицом к огню, запел громким голосом веселую матрёшскую песню. Первобытные люди подползли ближе и расположились большим кругом вокруг костра, перебрасываясь отдельными возгласами удивления. Очевидно, их пленники до сих пор не делали ничего подобного.

Макшеев насчитал около пятидесяти взрослых, большинство которых были женщины. Подростков и детей разного возраста было гораздо больше. Они стояли и сидели вне круга взрослых, и по их лицам было видно, что песня Иголкина доставляет им большое удовольствие, тогда как взрослые были поражены и отчасти даже испуганы ею.

Попев минут десять, Иголкин опять поднял руки, а затем он и Боровой, сидевший во время пения неподвижно у костра, направились в свой шалаш. Слушатели стали расходиться по своим. Но две женщины подошли к шалашу пленников и сели у его входа, очевидно намереваясь охранять их сон.

Стойбище скоро затихло, и только догоравший костёр потрескивал среди опустевшего круга.

Каштанов и Макшеев вернулись к своим спутникам, передали им все, что видели и слышали, и сообща обсудили план освобождения товарищей.

Освобождение пленников

Выспавшись основательно, путешественники сложили все вещи на нарты и подготовили все к немедленному отъезду. Затем отправились к стану дикарей, захватив с собой одежду и обувь для пленников, ружья для них и пакеты с подарками для диких людей. Приблизившись к поляне, они услышали доносившиеся оттуда крики и лай собак. Очевидно, люди еще не ушли. Поэтому путешественники, крадучись, подошли к опушке и стали наблюдать из-за кустов.

Они увидели, что все стойбище пришло в движение. Круг между шалашами был заполнен сибиряками на охоту. Женщины и мужчины выносили из жилищ копья, дротики, скребки, связки ремней. Дети сновали повсюду между ними, трогали оружие, получали пинки, визжали и выли. Подростки пробовали дротики, осматривали копья и, испытывая их острие, покалывали в шутку друг друга. Десятка полтора собак, в которых нетрудно было узнать принадлежавших экспедиции, но полуодичавших, держались вне круга, в стороне от шалашей, очевидно, собираясь сопровождать охотников, а в ожидании ссорились и грызлись друг с другом.

Наконец все оружие было вынесено, и взрослые, вооружившись копьями, двинулись толпой на восток. За нимишли подростки, несшие дротики, ножи и ремни; они, очевидно, играли роль оруженосцев и носильщиков добычи. Дети, кто на двух ногах, кто на четырех, бежали сзади и по сторонам с визгом и криками. Собаки следовали поодаль. В конце поляны дети отстали и повернули назад, а толпа охотников, насчитывающая не менее полусотни человек, вытянулась гуськом по тропе, постепенно скрываясь в лесу.

На стойбище теперь видны были только старики, занявшиеся уборкой шалашей и вытряхиванием шкур, служивших подстилкой и покровом для спящих. Из некоторых шалашей вылезли сгорбленные старухи и уселись у входа; выползли самые маленькие дети, а грудных младенцев выносили на руках и клади на шкуры возле шалашей на время их уборки.

Только возле шалаша пленников остались три взрослые женщины, очевидно, исполнявшие обязанности караульных. Одна из них занялась разрезкой шкур костяным ножом на ремни; другая строгала таким же ножом палочки для стрел, а третья раскалывала толстые кости, чтобы получить острые осколки для наконечников копий и стрел.

Вскоре из шалаша вышел Иголкин, полуобнаженный, как и накануне, подбросил дров в костер и сел возле женщин. Поговорив с ними о чем-то, он достал свой большой матросский нож и начал помогать нарезать ремни; при его помощи дело шло заметно быстрее. Затем показался и Боровой, но он не принял

за работу, а стал смотреть в сторону, где накануне раздались выстрелы товарищей.

При виде этой сцены мирного сотрудничества матроса XX века и людей каменного века наблюдатели в кустах не могли удержаться от улыбки. Малочисленность оставшихся людей и примитивность их вооружения внушали им уверенность в успешном освобождении товарищей добром или силой. Но нужно было выждать еще часа полтора или два, чтобы охотники отошли достаточно далеко и не могли услышать ни призывов, ни выстрелов и чтобы даже караульные женщины не могли догнать их и вернуть в короткое время.

Дети, провожавшие охотников, постепенно возвращались назад и начали разные игры в круге и вне его. Они боролись, кувыркались, дрались, а некоторые, постарше, метали дротики в воздух или в покрышки шалящей.

Разрезав шкуру, Иголкин пошел в свой шалаш и вынес оттуда кусок мяса, разрезал его на кусочки, нанизал на палочки, приготовленные для стрел, и воткнул последние в землю возле костра, чтобы изжарить этот шашлык. Очевидно, пленники еще не завтракали и собирались поплотнее закусить перед бегством. Когда мясо поджарилось, оба уселись недалеко от костра и принялись уплетать шашлык. Иголкин время от времени подносил кусочек мяса то одной, то другой из работавших возле огня женщин, но те смеялись и отворачивались. Потом одна из них принесла из своего шалаша большой кусок сырого мяса, и они стали есть его в таком виде, отрезая костяными ножами длинные и тонкие полоски, которые давали также подбегавшим к ним детям.

Когда завтрак кончился, сидевшие в засаде, взглянув на часы, убедились, что прошло уже достаточно времени.

Они вышли из леса, выстроились в ряд и, подняв ружья и стреляя поочередно холостыми зарядами в воздух, быстро направились к шалашам.

При первых же выстрелах в стойбище все затихло. Сидевшие люди вскочили, стоявшие застыли на месте, повернувшись лицом к подходившим, которые издавали такие страшные звуки, подобные грому. Когда путешественники вступили в круг шалящей, люди распро-

стерлись на земле перед ними в безмолвии и только самые маленькие дети заревели от страха.

Подойдя к шалащу пленников и передав им одежду и ружья, путешественники продолжали поочередно стрелять, пока Иголкин и Боровой одевались; Макшеев сказал матросу:

— Растолкуйте людям, что вы достаточно погостили у них и что за вами пришли теперь еще более могущественные волшебники. За гостеприимство, оказанное вам, им принесли дары, чтобы они помнили о необыкновенных пришельцах, спустившихся из страны вечных льдов. Скажите им, чтобы они не смели преследовать нас, в противном случае они будут жестоко наказаны. Скажите, что боги льдов умеют делать не только гром, но и молнии, поражающие непослушных.

Когда Иголкин и Боровой вышли из шалаща переодетые, их товарищи прекратили стрельбу, и матрос, лучше овладевший языком благодаря своей общительности, обратился к распостертым на земле с речью, в которой, в общем, повторил сказанное ему Макшеевым. Но в конце он прибавил, обращаясь к трем женщинам, караулившим их:

— Эти дары отдайте старшим, когда они вернутся с охоты, пусть они разделят их. Еще мы оставляем вам огонь, которым вы можете теперь пользоваться, но не давайте ему никогда умереть, питайте его, как мы питали. И еще повторяю приказ — не гонитесь за нами. Мы уходим туда, в страну вечных льдов, а когда станет опять тепло, вернемся к вам.

Когда он кончил и положил пакеты с подарками у входа в свой шалаш, все шестеро, опять стреляя поочередно в воздух, прошли через круг между распостертыми людьми, не смевшими пошевельнуться, и скрылись в лесу.

На опушке они остановились на минуту, чтобы посмотреть, что станут делать люди. Последние, когда выстрелы прекратились, начали подниматься с земли и негромко переговариваться, очевидно, обсуждая необычайное происшествие. Часть столпилась вокруг костра, переданного в их владение, и смотрела в огонь, лишившийся своих хозяев, словно он мог объяснить им что-нибудь. Вскоре две из караульных женщин, вооружившись копьями, побежали в ту сторону, куда

ушла орда, очевидно, чтобы сообщить ей о произошедшем. Третья женщина осталась у шалаша пленников, вероятно, для того, чтобы дети и подростки не растаскали подарки, к которым она сама не смела притронуться.

Пройдя к нартам, оставленным в лесу, путешественники направились на север в обратный путь. Нарты приходилось тащить по узкой тропинке, покрытой опавшими листьями.

Отдалаясь от стойбища, Иголкин по временам издавал резкий свист, к которому приучил собак. Последние все время держались вокруг орды, повинуясь этому свисту. Иголкин кормил их отбросами, но собаки сильно одичали, так как первобытные люди боялись их и не допускали к шалашам. Часть собак погибла в борьбе с разными хищными зверями, остальные ушли теперь с ордой на охоту, и на свист матроса прибежало только пять собак, оставшихся в окрестностях стойбища. Они следовали в некотором отдалении за нартами, но в руки не давались и огрызались на подбежавшего к ним Генерала. Их нужно было в течение нескольких дней приручать кормлением, чтобы получить упряжку хотя бы для одной нарты.

Прошагав двенадцать часов и сделав около пятидесяти километров, расположились наконец на ночлег, уверенные, что их уже не догонят.

Нападение первобытных людей

На ночлег остановились на большой поляне. Юрту поставили на всякий случай среди поляны, чтобы никто не напал неожиданно из-за кустов. Каравулили поочередно. Кроме того, собаки, по-видимому, узнали юрту и расположились на снегу по соседству; к самой юрте Генерал их еще не допускал.

Во время дежурства Каштанова Генерал встревожился, заворчал, потом начал лаять не переставая. Каштанов заметил, что вокруг всей поляны кусты слегка шевелятся и потрескивают. Он немедленно разбудил товарищей, которые выскочили с ружьями.

Убедившись, что неожиданное нападение не удалось, люди вышли из леса, окружили всю поляну и стали теперь медленно и нерешительно сходиться к юрте.

Это были женщины, вооруженные копьями и державшие в зубах ножи. За ними видны были девочки с дротиками. Но пустить оружие в дело они не решались: видимо, надеялись взять колдунов голыми руками, как в первый раз, чтобы заставить их вернуться в стойбище. Поэтому Иголкин удержал товарищей от немедленной стрельбы, собираясь поговорить с ордой, но на всякий случай предложил заменить пулю в одном стволе каждого ружья патроном с мелкой дробью.

— Дробью по ногам с них будет достаточно, — сказал он. — А если, паче чаяния, это не подействует, тогда уж угостим их пулями.

Когда женщины приблизились шагов на тридцать, Иголкин замахал руками и закричал:

— Стойте, слушайте! Я запретил вам преследовать нас. Вы не послушались. Наши огневые стрелы готовы, и, кто посмеет подойти ближе, будет поражен ими! Уходите назад!

Остановившиеся дикие люди выслушали слова матроса и стали переговариваться. Потом одна из женщин крикнула что-то, а остальные в знак согласия с ней замахали руками.

— Они приглашают нас двоих вернуться к ним, орда не может без нас жить. А остальные пусть уходят, — перевел Иголкин, а потом закричал:

— Волшебники не могут жить долго с людьми. Мы уходим на зиму в свои шалаши, на больших льдах, а весной вернемся. Уходите скорее!

Но часть женщин подвинулась на несколько шагов вперед, а одна из оруженосиц с юношеской дерзостью быстро бросила дротик, который пролетел мимо правого уха Каштанова и вонзился в юрту.

— Ну, сделай нечего, надо стрелять, пока они не осмелели, — вскричал Боровой. — Дробью по ногам в разные места круга, там, где они стоят кучкой! Раз, два, три!

Грянуло шесть выстрелов, и в ответ на них из разных частей кольца женщин раздались крики и вопли раненых. Повернувшись кругом, все бросились бежать к лесу; многие хромали, оставляя на снегу капли крови. Девушка же, пустившая стрелу в Каштанова, после нескольких шагов упала и осталась лежать неподвижно.

— Ну, что же дальше? — спросил Громеко, когда последние беглянки скрылись в кустах. — Ждать еще нападения или они больше не посмеют?

— Я думаю, с них достаточно, — заметил Иголкин. — На всякий случай зайдем в юрту, чтобы дротик какой-нибудь шальной девчонки не попал в нас.

Предосторожность эта оказалась излишней. Женщины с воем удалялись все дальше, и скоро все затихло. Собаки перестали лаять, устремились к упавшей девочке и жадно лизали теплую кровь, лившуюся из раны. Иголкин, а вслед за ним и другие побежали туда же, чтобы отогнать одичавших собак. Осмотрев упавшую, путешественники увидели, что рана только одна — на правой ляжке, но кровь льется сильно.

— Странно, мелкая дробь не могла сделать такую рану, — заметил Папочкин.

— Кто-нибудь из нас по ошибке выстрелил из ствола, заряженного пулей.

— Это я целился в нее! — заявил Каштанов.

— Бедняжка жива, — сказал Громеко, исследовав лежавшую, — она только лишилась сознания от испуга и боли. Пуля прошла через мягкую часть ноги, не задев кость, но здорово разорвала ей мускулы.

— Что же мы будем делать с ней? Остальные ведь убежали.

— Придется взять ее с собой как пленицу. А когда поправится, отпустим на волю.

— Отпускать! — возмутился Папочкин. — Ни в коем случае! Мы ее доставим на «Полярную звезду» как великолепный экземпляр первобытного человека, близкого к обезьянам. Какой это будет клад для антропологов!

Громеко сходил в юрту за перевязочными материалами, остановил кровь, забинтовал рану. Во время этой операции девушка открыла глаза и, увидя себя окруженной колдунами, вся затряслась от страха.

Она была невысокого роста, но стройная, еще не обладавшая ни массивными формами, ни крепкой мускулатурой, как взрослые женщины. Тело ее сзади было покрыто короткими, но довольно густыми черными волосами. На лице, ладонях и подошвах волос не было. Голова была покрыта недлинными, слегка волнистыми волосами. Форма ступни являлась как бы промежуточ-

ной между человеческой и обезьяньей, с сильно развитыми пальцами и далеко отстоявшим от остальных большим пальцем.

Рассмотрев лицо девушки, Боровой воскликнул:

— Да ведь это Кату, моя приятельница!

— Вы разве различали их друг от друга? — спросил Каштанов. — Насколько я мог заметить, они все похожи одна на другую.

— Это только на первый взгляд, а если присмотреться, то разница есть, и мы многих знали по именам, особенно подростков и детей. Кату мне часто приносила мясо, корешки и вообще лакомые, по ее мнению, кусочки, выказывая этим свое расположение.

— Поэтому-то она и осмелилась пустить дротик в одного из похитителей ее милого! — засмеялся Макшеев.

— Да, на четыре сантиметра левее — и я остался бы без глаза, — заявил Каштанов.

После перевязки Кату хотели перенести в юрту, но она стала рваться из рук и выть, выкрикивая что-то. Иголкин разобрал, что она просит оставить ее умереть на месте, а не уносить для съедения в шалаще.

— Почему для съедения? — удивился Громеко. — Разве они людоеды?

— Да, убитых или тяжело раненных на охоте или в драке они преспокойно съедают.

— Так вы ее успокойте, скажите, что мы ее не съедим, а положим в шалаще спать. А когда она поправится, отпустим к своим.

Матрос с трудом убедил ее, а Боровой взял ее руку, после чего она успокоилась и позволила себя унести. В юрте ее положили на постель, она вскоре уснула, не выпуская руки Борового.

Так как время, назначеннное на ночлег, уже кончалось, то стали собираться в путь; развели огонь, поставили чайники, стали завтракать. Иголкин, выходивший из юрты набивать чайники снегом, заметил, что по опушке леса бродят еще собаки, очевидно прибежавшие с людьми и отставшие теперь от них. Может быть, вид юрты напомнил им о той вкусной юколе, которой их когда-то кормили, и они стали вспоминать своих прежних хозяев. На свист матроса собралось еще двенадцать собак, так что, считая Генерала и первых пять,

примкнувших к путешественникам, можно было с гремом пополам запрячь все три нарты.

— Чем же мы будем кормить их? — спросил Иголкин. — Ведь удержать их при юрте и приручить можно только кормом.

— У нас было взято провизии на месяц, — сказал Громеко. — Дней через семь-восемь мы доберемся до холма. Следовательно, есть запас ветчины, который можно уделять им.

— Много давать им не нужно! — прибавил Боровой. — Они побегут порожняком вслед за нами в расчёте на обед и ужин.

Собакам после завтрака удалили обрезки, кости и по кусочку мяса, а затем стали укладываться. На одну нарту с войлоком и жердями юрты положили Кату, а на вторую — все остальное. Снег позволил уже пользоваться лыжами, так что, несмотря на увеличившийся груз, можно было двигаться быстрее, чем накануне. Когда поезд тронулся и Кату увидела, что ее увозят не в ту сторону, где находилось стойбище ее орды, а в противоположную, она вскрикнула, соскочила с нарты и бросилась бежать, но, сделав несколько шагов, упала. Когда ее окружили и хотели поднять на нарту, она начала сопротивляться, дралась кулаками и пыталась укусить.

Из объяснений Иголкина она, по-видимому, поняла, что ее отвезут назад к стойбищу и там отпустят, а между тем колдуны хотели увезти ее с собой к большим льдам. Пришлось связать ей руки и привязать к нарте, чтобы предотвратить новые попытки к побегу. Бедная Кату тряслась от страха и всхлипывала в полной уверенности, что ей не миновать съедения.

В этот день с обеда уже перешли на русло речки, где снег лежал менее толстым слоем и был уплотнен ветрами, так что нарты и лыжи зарывались меньше, чем на тропе в лесу. Поэтому движение шло достаточно быстро, и за день прошли опять пятьдесят километров.

На ночлеге караулили по очереди, но все было спокойно. Кату целый день отказывалась от пищи и на ночлеге ее пришлось оставить связанной под надзором караульного. При виде блестящих ножей, которыми белые колдуны резали ветчину во время обеда и ужи-

на, она вся дрожала и с ужасом глядела на движения рук, очевидно ожидая, что вот-вот настанет ее черед быть зарезанной.

Так продолжалось путешествие на север, и на восьмой день пути вышли в тундру, а к обеду достигли холма. Кату постепенно успокоилась за свою участь, привыкла к колдунам и начала принимать сырую пищу. Есть что-нибудь вареное или жареное она с отвращением отказывалась. На третий день пути ей развязали руки, а на пятый и ноги, когда она обещала, что не убежит.

Жизнь в плену

Во время этого путешествия Иголкин и Боровой постепенно рассказывали о своей жизни с первобытными людьми, а Каштанов записывал их рассказ.

Со дня ухода экспедиции на юг оставшиеся в юрте Иголкин и Боровой занялись устройством метеорологической будки для установки инструментов и прочной двери в складе-леднике для защиты его от своих собак и других хищников. Покончив с этой работой, они приступили к устройству новой галереи во льду холма, ниже по склону, чтобы дать собакам приют от жары, которая постепенно усиливалась и заставляла собак убегать к окраине льдов, мало-помалу отступавшей на север. Пока не были окончены эти срочные работы, на охоту ходили только изредка, для пополнения запаса пищи, но потом стали охотиться ежедневно, чтобы накопить запасы мяса на зиму — и в сущном виде для собак, и в копченом для людей. Возвращаясь из лесу с нартой, прихватывали всегда и дров, так что постепенно накапливался запас дров для холодных месяцев.

На охоте попадались мамонты, носороги, первобытные и мускусные быки, исюолинские северные олени. На речках и в тундре били гусей, уток и других птиц, которыми главным образом и питались. Мясо крупных животных сушили и коптили. Дел было по горло, и в хлопотах часто недосыпали. На охоте бывали разные приключения, которые, впрочем, кончались благополучно.

Первое время после отъезда товарищей на юг погода все улучшалась, покров туч все чаще разрывался,

и Плутон светил по несколько часов сряду, так что температура повышалась до +20° в тени, и в тундре настало полное лето. Но с половины августа начался поворот к осени, Плутон стал чаще скрываться в тучах, по временам шел дождь, после которого в тундре поднимались туманы.

Температура постепенно понижалась и в начале сентября иногда при сильных северных ветрах падала до нуля. Листья стали желтеть, и к половине сентября вся тундра уже лишилась зеленою летней одежды, оголилась, побурела. Изредка перепадал снег.

Готовясь к зиме, Иголкин и Боровой пересмотрели всю провизию, консервы и вещи в складе и часть их перенесли в юрту. Они были заняты этим второй день, и только что заперли склад, собираясь обедать, как внезапно на них напали дикие люди, подкравшиеся с другой стороны холма. Боровой и Иголкин, не помышлявшие о возможности существования людей в Плутонии, кроме ножей, не имели при себе оружия; напавшие же были вооружены копьями, ножами, стрелами, так что сопротивление было невозможно. Но рассмотрев белых людей, юрту и метеорологическую будку, к невиданным пришельцам отнеслись с уважением и повели их в свое стойбище.

Последнее оказалось недалеко — километрах в десяти от юрты, среди мелкого леса (потом пленники узнали, что орда только накануне прикочевала с востока). Когда пленников привели, первобытные люди долго совещались, что с ними делать; мужчины предлагали принести их в жертву богам, но большая часть женщин решила иначе. Они, по-видимому, думали, что присутствие необыкновенных пришельцев в орде сделает последнюю могущественной, принесет им успех на охоте, в столкновениях с другими ордами, и потому решили не отпускать пленных, не делать им зла и поселить их в отдельном шалаще посреди стойбища.

Орда в это время собирала разные ягоды и какие-то съедобные корешки в тундре для зимних запасов и провела несколько дней на одном месте. Но затем большой снег заставил откочевывать километров на сорок на юг, где более высокий лес защищал их от холодных ветров.

Первое время пленники чувствовали себя очень скверно. Им давали есть только сырое мясо, ягоды и корешки. Спать приходилось на грубо выделанных звериных шкурах и такими же шкурами укрываться от холода. Объясняться с людьми они могли только знаками и все еще не знали, какая участь их ожидает. Убежать не было возможности, потому что их караулили зорко.

После перекочевки на новое место — большую поляну среди густого леса — люди стали рубить из сухих тонких деревьев жерди для своих шалашей. Всюду валялись сухие ветки, кора, обрубки жердей, и при виде их Иголкин вспомнил, что у него в кармане сохранилась коробка спичек, так как в складе он зажигал фонарь. Набрав сухого материала, он сделал себе костер. При виде огня все бросили работу и сбежались к костру. Они были поражены этим невиданным явлением, а когда пламя обожгло им руки, костер сделался предметом их поклонения, и к пришельцам, владевшим огнем, почувствовали еще большее уважение. С тех пор костер горел у шалаша пленников беспрерывно, и они стали жарить на палочках мясо, которое им приносили.

Вскоре пленники научились понимать язык этих людей, очень несложный. Круг понятий был ограничен охотой, едой и примитивной обстановкой жизни, и язык состоял из односложных и двусложных слов без склонений, без глаголов, наречий, предлогов, так что речь дополнялась мимикой и телодвижениями. Считать умели только до двадцати по пальцам рук и ног.

В каждом шалаше жило несколько женщин и мужчин, связанных друг с другом групповым браком, а также дети этой групповой семьи, в которой ребенок имеет одну мать и несколько отцов. Мужчины ходили на охоту и изготавливали осколки кремня для копий, дротиков, ножей и скребков. Женщины собирали ягоды и корешки, выделявали шкуры, принимали участие в облавах на крупных зверей, когда требовалась силы всей орды.

Охотились люди за всякими животными, попадавшимися им, и ели как мясо, так и все внутренности, а также червей, улиток, гусениц и жуков. Охотники на-

едались теплым мясом и пили кровь только что убитых животных, а остатки и шкуры уносили домой, в стойбище. Крупных животных — мамонтов и носорогов — они окружали и загоняли в волчьи ямы, вырытые на звериных тропах в лесу, и там добивали камнями и копьями.

На охоту ходили группами по семьям или соединялись по две-три семьи, а на крупного зверя, которого нужно было загонять облавой, шла вся орда, кроме двух-трех женщин, остававшихся караульными при пленных. Эти женщины кормили грудных младенцев всех шалашей, матери которых долго не возвращались с охоты.

На охоте были несчастные случаи. Хищники, а также мамонты и носороги наносили иногда раны и повреждения своим преследователям. Своих убитых или тяжело раненых охотники съедали.

Общий вид первобытных людей, по словам Борового, можно было охарактеризовать так: они имели большую голову на коротком и объемистом туловище с короткими, грубыми и сильными конечностями. Плечи были широки и сутуловаты, голова и шея наклонены вперед. Короткий подбородок, массивные надбровные дуги и покатый лоб придавали им сходство с человеко-подобной обезьянкой. Ноги были несколько согнуты в коленях. Первобытные люди ходили, наклонившись вперед, а сидели во время еды и работы на корточках.

На основании рассказов Борового и Иголкина об этих людях, а также осмотра их оружия и изделий Каштанов пришел к выводу, что это племя имело много общего с неандертальцами, жившими в Европе в среднем палеолите, то есть в древнекаменном веке, одновременно с мамонтом, длинношерстным носорогом, первобытным быком и другими животными ледниковой эпохи.

Эти первобытные люди имели только очень грубые каменные орудия, которые изготавливались из осколков кремня в виде скребков (для обработки звериных шкур), топоров и ножей, наконечников для копий и дротиков, служивших для охоты. Острые осколки вставляли также в отверстия, выдолбленные в дубинах, которые превращались в грозное оружие.

Огонь, разведенный пленниками, люди называли маленьkim солнцем и поклонялись ему. Благодатное воздействие огня они испытали во время большой перекочевки на юг, на которую их вынудило начало зимы в поясе северного леса. Ташить с собой жерди для шалашей было слишком тяжело, а вырубать новые на месте каждого ночлега — слишком долго, поэтому во время перекочевки ночевали прямо под кустами в лесах, где холодный ветер сильно чувствовался. Подсаживаясь к костру пленников, они скоро убедились в его согревающем действии, и скоро вся орда стала ночевать вокруг костра и ревностно собирать для него дрова. Но разводить отдельный костер для себя никто из них не решался, и пленники не наводили их на мысль, чтобы оставаться единственными хозяевами огня и не уменьшать свое обаяние в глазах орды. Они предвидели, что со временем, если освобождение затянется, положение сделается трудным.

Пленники с усилившейся тревогой считали уходящие дни осени и гадали, скоро ли могут вернуться товарищи с юга и освободить их. Зима постепенно надвигалась с севера, и в недалеком будущем предстояла новая перекочевка еще дальше от холма на краю льдов. Поэтому можно себе представить, с каким восторгом они услышали выстрелы, известившие их о близости освобождения.

Опять в юрте

К свосму холму на краю льдов путешественники прибыли к последней неделе декабря и решили отдохнуть, празднуя Новый год, успех экспедиции на юг и освобождение пленников. Провизии и дров было запасено достаточно, и пока не было надобности отлучаться в лес или тундру.

Расчистили площадку, поставили юрту и провели по снегу, достигшему глубины более метра, траншею к складу, собачьей галерее и метеорологической будке. Затем можно было отдыхать. В юрте горел небольшой костер, было тепло и уютно. Все шестеро в промежутках между трапезами, прогулками и сном беседовали, рассказывая о своих приключениях и вспоминая раз-

ные эпизоды из путешествия на юг или из жизни в орде.

Кату была безмолвной участницей этих бесед и проникалась все большим уважением к белым колдунам, которые имели в своем распоряжении столько странных вещей. Ее нога начала подживать, и она могла уже понемногу ходить. Часто заставали ее возле юрты, сидящей на корточках, с взором, устремленным на юг, где на горизонте виднелась темная полоса лесов. Ее, очевидно, тянуло к своему племени.

Иголкин уговаривал Кату остаться с ними и потом уехать вместе через льды в теплую страну, где она увидит все чудеса, созданные белыми людьми. Но она упрямо качала головой и твердила:

— Я лес, шалаш матери, мясо, кровавое мясо, охота, весело!

Путешественники все же надеялись, что постепенно она привыкнет к ним и наконец согласится ехать. Каким триумфом для экспедиции был бы живой экземпляр первобытного человека!

Когда морозы усилились, она начала мерзнуть, но отталкивала одежду, которую ей предлагали. Выходя из теплой юрты на воздух, она куталась только в свое одеяло. В работах по уборке юрты, мытью посуды, возобновлению трапеци в снегу, подноске дров она не принимала никакого участия. Она спрашивала у Иголкина, сколько у него жен, ходят ли они на охоту, велика ли орда, к которой принадлежат белые колдуны, и с недоверием качала головой, когда ей рассказывали о жизни европейцев, о городах, морях, кораблях и т. п. Единственным ее занятием в промежутках между едой и сном было строгание палочек для дротиков и вырезывание из мягкого дерева тальниковых дров очень грубых фигурок мамонтов, носорогов, медведей и тигров. Она сделала себе целую коллекцию этих идолов, поклонялась им и все просила у Иголкина крови, чтобы вымазать их. Но путешественники на охоту не ходили, в тундре не было видно ни зверей, ни птиц, и ее желание нельзя было удовлетворить.

В январе начали делать небольшие экскурсии на нартах, чтобы приучить к упряжке собак, которые уже прикормились, привыкли к прежним хозяевам и жили в ледяной галерее под холмом, кроме Генерала, остав-

шегося при юрте в качестве караульного. Когда собаки привыкли к упряжке, стали делать более далекие экскурсии по тундре, к краю лесов, за дровами, запас которых был на исходе. В эти экскурсии ходили поочередно в пятером с тремя нартами, оставляя кого-нибудь одного в юрте сторожить Кату.

Однажды в конце января очередь остаться караульным в юрте выпала Папочкину. Кату всегда внимательно следила за уезжавшими в сторону леса и не могла дождаться их возвращения, она надеялась, что они встретят какую-нибудь дичь и привезут ей свежего, кровавого мяса, по которому она тосковала. Но надежды ее постоянно обманывались, так как никакой дичи не встречалось.

Посидев часа два после отъезда остальных в юрте у огня, Папочкин со скуки задремал и, вероятно, проспал довольно долго. Когда он проснулся, Кату в юрте не было. Он выбежал наружу и увидел уже далеко на юге, среди белоснежной равнины, черную точку, все более удалявшуюся. Пленница взяла его лыжи, на которых научилась ходить, и он не мог преследовать ее без лыж по глубокому снегу. Она захватила также свое одеяло, начатый окорок ветчины, висевший в юрте, большой нож и коробку спичек, с которыми выучилась обращаться.

Вернувшись к вечеру, товарищи узнали о бегстве Кату и были очень раздосадованы. Папочкину пришлось выслушать немало упреков за свое ротозейство. Но преследовать беглянку нечего было и думать: она успела уйти слишком далеко, и нужно было снаряжать в погоню за ней целую экспедицию с риском все-таки не догнать. Кату бежала налегке и привыкла во время охоты делать до ста километров в день; экспедиция же с нартами могла делать едва ли половину этого расстояния. Идти же отвоевывать девушку у ее родичей вопреки ее желанию не имело никакого смысла.

К счастью, до побега успели сфотографировать Кату несколько раз спереди, сбоку и сзади, а также обмерить по всем правилам антропологии, снять гипсовую маску с ее лица и сделать оттиски рук и ног.

Пуститься в обратный путь по льдам, чтобы застать наверху уже достаточно длинный день и добраться к началу листа до южного берега Земли Нансена, можно

было не раньше конца марта или даже начала апреля. До отъезда оставалось еще почти два месяца. Это время решено было употреблять на тренировку людей и собак в более продолжительных экскурсиях с нартами. В последние дни на окраине лесов стали замечать свежие следы оленей, вероятно, северных, а также мускусных быков и волков. Поэтому, удалившись на расстояние одного-двух дней пути от юрты, можно было рассчитывать на охоту. Свежее мясо было очень нужно и людям, и собакам: ветчина сильно надоела, да и количество ее вследствие прожорливости Кату очень поубавилось. Приходилось беречь запас ветчины для дороги, а до отъезда добывать для пропитания дичь. На эти экскурсии ходили поочередно втроем с двумя нартами и палаткой, тогда как трое людей и одна упряжка собак оставались в юрте, отдохная от предыдущей поездки.

В глубь льдов

В конце марта путешественники решили тронуться в обратный путь через льды. Метеорологическая будка была оставлена на месте, и в ней, а также в складе под холмом были помещены в запаянном ящики краткие сведения о составе экспедиции, открывшей Плутонию, и главных результатах поездки на юг. Чтобы первобытные люди, посещения которыми холма следовало ожидать с наступлением лета, не унесли ящики и не разорили будку, на полочке в последней была расставлена часть деревянных идолов, вырезанных Кату, а на полу будки в качестве жертвоприношения сложены все накопившиеся кости, пустые жестянки от консервов и тому подобный хлам. До всего этого додумался Иголкин, ближе сошедшийся с дикими, чем ученый Боровой.

Нарты, порядочно нагруженные коллекциями, провизией и имуществом экспедиции, потянулись через белоснежную тундру к подножию льдов.

Этот обратный путь через Землю Нансена затянулся на целый месяц: преодоление ледяного хаоса, долгий подъем на хребет Русский и спуск с него по ледопадам глетчера, упорные ветры, дувшие навстречу, перегруженность нарт, недостаточное количество собак задерживали движение и потребовали напряжения всех

сил. Частые метели также задерживали движение, но зато давали людям и собакам лишние часы отдыха. За ледяным хаосом началась уже смена дня и ночи, которую давно не наблюдали путешественники. Из складов провизии, оставленных на пути, некоторые не удалось найти, но на мысе Труханова нашли новый склад с годовым запасом провианта, сооруженный «Полярной звездой», и в нем записку, сообщавшую, что судно остановилось на зимовку в десяти километрах восточнее мыса. С высоты последнего судно было видно вдали, и на половине пути к нему произошла радостная встреча. Даже Труханов выехал на нарте, которую тащили молодые собаки, родившиеся на «Полярной звезде» во время плавания. Приветствиям и расспросам не было конца. Труханов просиял, услышав, что его предположения о внутренности Земли блестящее оправдались.

Научная беседа

Через несколько дней по возвращении экспедиции на «Полярную звезду» разыгралась обычная для этих широт сильнейшая пурга, прекратившая всякие прогулки и работы на свежем воздухе. Коротали время в каютах-компании, обмениваясь впечатлениями о зимовке среди льдов и путешествии в Плутонию. Труханов особенно интересовался подробностями спуска в подземный мир, который сопровождался различными непонятными для экспедиции явлениями.

— А знаете ли, Николай Иннокентьевич, — сказал Каштанов, — что ваше письмо, вскрытое в тот день, когда мы увидели мамонтов в тундре, сменившей льды, объяснило нам, куда мы попали, но не удовлетворило нас. Мы хотели бы знать, на чем было основано ваше предположение, что земной шар пустотелый, — предположение, которое так блестящее оправдалось.

— Если хотите знать, — ответил Труханов, — идея эта не моя и даже не новая. Ее высказывали больше ста лет назад некоторые ученые Западной Европы, и я наткнулся на нее, просматривая старые журналы, заинтересовался и занялся ее проверкой, которая убедила меня в ее правдоподобности.

— Не поделитесь ли вы с нами вашими доказательствами?

— С удовольствием. Если хотите, сделаю вам сегодня же вечером подробный доклад.

Вечером в кают-компании состоялась интересная научная беседа. Рассмотрев кратко воззрения древних народов о плоской Земле среди первобытного океана и учение Аристотеля о шарообразной форме Земли, Труханов остановился подробнее на взглядах нового времени.

— В конце восемнадцатого века ученый Лесли утверждал, что внутренность Земли заполнена воздухом, самосветящимся вследствие давления. В этом воздухе движутся две планеты — Прозерпина и Плутон...

— Плутон? — не удержался Боровой. — Мы, следовательно, не придумали ничего нового для внутреннего светила!

— Да, это имя у вас предвосхитили, — продолжал Труханов. — И некоторые ученые даже высчитали пути этих планет, приближение которых к земной коре будто бы производит магнитные бури и землетрясения. По мнению Лесли, на внутренней стороне Земли, освещаемой мягким электрическим светом, царствует вечная весна, и поэтому там существует чудная растительность и своеобразный мир...

— И он был совершенно прав! — воскликнул изумленный Папочкин.

— Вход в земную внутренность, по учению Лесли, должен находиться около восемьдесят второго градуса северной широты...

— Но ведь это же изумительно! — всплеснул руками Макшеев. — Как он мог указать так точно? Мы нашли южный край этого входа под восемьдесят первым градусом с чем-то.

— Лесли определил его по месту наибольшей интенсивности северных сияний, так как предполагал, что последние исходят именно изнутри Земли, представляя электрические лучи, освещающие внутренность Земли. Учение Лесли нашло многих сторонников, и даже вполне серьезно разбирали вопрос о снаряжении экспедиции внутрь Земли.

— Вот так тák, — улыбнулся Громеко, — и в этом отношении у нас чуть не явились предшественники!

— Но экспедиция не состоялась, потому что авторитетные ученые того времени — Бюффон, Лейбниц,

Кирхер — высмеяли гипотезу Лесли, назвав ее фантазией. Они отстаивали огненно-жидкое ядро Земли, одно общее или с многочисленными второстепенными очагами, которые назывались профилиациими. В конце восемнадцатого века стройная гипотеза Канта — Лапласа об образовании всей нашей планетной системы из газообразной раскаленной туманности завоевала почти все умы и отодвинула на задний план все другие.

Но Кормульс в тысяча восемьсот шестнадцатом году доказывал, что Земля внутри пустая и кора ее имеет не более трехсот английских миль толщины.

Галлей, Франклайн, Лихтенберг и Кормульс старались объяснить явления земного магнетизма и его вековые изменения с точки зрения существования гипотетической внутренней планеты. Немецкий профессор Штейнгаузер в тысяча восемьсот семнадцатом году считал существование этой планеты, которую он называл Минервой, почти несомненным.

Возникли опять проекты экспедиции внутрь Земли. Отставной пехотный капитан Симмес, живший в Сен-Луи в штате Миссури, в апреле тысяча восемьсот восемнадцатого года напечатал в газетах письмо и разослал его во многие учреждения Америки и Европы, адресованное «всему миру», с девизом «свет дает свет, чтобы открыть свет до бесконечности».

Вот что он писал:

Земля внутри пустая и обитаемая. Она содержит ряд концентрических сфер одну в другой и имеет у полюсов отверстия шириной от 12 до 16°. Я готов прозакладывать свою жизнь за истинность этого и предлагаю исследовать эту пещеру, если мир поможет мне в этом предприятии. Я приготовил к печати трактат об этом предмете, в котором приложу доказательства вышеуказанных положений, даю объяснения различных налений и разгадываю «золотую тайну» доктора Дарвина. Мое условие — патронат этого и новых миров. Я посвящаю (завещаю) его моей супруге и ее десяти детям. Я выбираю доктора Митчела, сэра Дэви и барона Александра фон Гумбольдта в качестве своих покровителей. Мне нужно сто смелых спутников, чтобы выступить из Сибири в конце лета с северными оленями на санях по льду Северного моря.

Я обещаю, что мы найдем теплые и богатые земли, изобилующие полезными растениями и животными, а может быть, и людьми, как только минуем 82° северной широты. В следующую весну мы вернемся.

— Что же, состоялась эта экспедиция? — спросил Каштанов.

— К несчастью или, если хотите, к нашему счастью, она не состоялась. Письмо Симмеса обратило на себя внимание, и в редакции газет и журналов, а также к ученым посыпались вопросы заинтересованных читателей. Предложение отважного капитана, не боявшегося оставить после себя вдову и десять сирот, обсуждалось в печати, но ни ста смелых спутников, ни денег на экспедицию не собрало. Ученые, избранные покровителями, вероятно, сочли бедного Симмеса просто фантазером или сумасшедшими. Дело в том, что многие были убеждены в существовании пустоты внутри Земли и нахождении там планеты, но в существование отверстия, через которое можно было бы проникнуть внутрь, не верили.

Так, физик Хладни в статье о внутренности Земли, вызванной письмом Симмеса и напечатанной в ученом журнале, указал, что отверстие невозможно: если бы таковое когда-либо существовало, оно бы неминуемо заполнилось водой. Крайне медленное движение планеты, обнаруженное Штейнгаузером, Хладни объясняет тем, что оно происходит в весьма плотной среде сдавленного воздуха, может быть, под влиянием притяжения Солнца и Луны. Он строит еще следующие интересные предположения, не выдавая их, конечно, за бесспорные: так как при сильном сжатии воздуха выделяется тепло, а сильно нагретое тело должно светиться, то в центре земной пустоты, где давление со всех сторон наибольшее, страшно сжатый воздух должен образовать светящую и согревающую массу, нечто вроде центрального солнца.

Обитатели внутренней поверхности Земли, если такие существуют, видят это солнце всегда в зените, а вокруг себя всю внутреннюю поверхность, освещенную им, что должно дать очень красивую панораму.

Гипотезы о внутренней планете держались некоторое время. Берtrand в тридцатых годах прошлого века также полагал, что земной шар пустой и в этой пустоте находится магнитное ядро, которое перемещается под влиянием комет от одного полюса Земли к другому.

В девятнадцатом веке наибольшее число приверженцев имела гипотеза об огненно-жидком ядре Зем-

ли, согласно учению Канта — Лапласа. Ее защитники спорили только по вопросу о том, какую толщину имеет твердая земная кора; одни находили достаточной кору в сорок — пятьдесят километров толщины, другие же вычисляли ее в сто километров, а третья даже от тысячи двухсот семидесяти пяти до двух тысяч двухсот, то есть от одной пятой до одной трети земного радиуса. Но такая толщина коры противоречит вулканическим и геотермическим явлениям Земли, как противоречит им гипотеза, предполагающая, что Земля представляет совершенно остывшее, твердое тело. Поэтому в качестве корректива защитники толстой коры принимают, что среди нее еще сохранились отдельные бассейны расплавленной массы, которые и являются вулканическими очагами.

Поэтому во второй половине девятнадцатого века больше сторонников получила четвертая гипотеза, гла-сящая, что Земля имеет твердую нетолстую кору, твердое ядро и в промежутке между ними более или менее толстый слой расплавленных пород, так называемый оливиновый пояс.

Твердое ядро допускается на том основании, что ближе к центру Земли вследствие громадного давления, существующего там, все тела, несмотря на высокую температуру, превышающую во много раз их точку плавления (при нормальном давлении), должны быть в твердом состоянии.

Земная кора состоит из более легких пород, а в оливиновом поясе сосредоточены более тяжелые, богатые оливином и железом; в самом ядре преобладают наиболее тяжелые вещества, например, металлы. Полагают, что железные метеориты, которые состоят преимущественно из никелевого жалеза, представляют обломки планетных ядер, а каменные метеориты, состоящие из оливина и других богатых железом минералов с вкраплениями никелевого железа, дают нам понятие о составе вещества оливинового пояса.

Эта гипотеза и сейчас еще имеет много сторонников, но наряду с ней за первенство борется и другая, именно гипотеза Цеприца, которая воскресила в новой форме учение Лесли и других ученых конца восемнадцатого и начала девятнадцатого века.

Эта гипотеза исходит из того физического закона, что при высоких температурах, которые непременно должны существовать в недрах Земли, все тела должны быть в газообразном состоянии, несмотря на огромное давление.

Вам известно, что существует так называемая критическая температура газов, при которой они не сжимаются и не переходят в жидкость ни при каком давлении. Несомненно, что в центре Земли эта критическая температура превзойдена во много раз. Поэтому самое ядро должно состоять даже из так называемых одногатомных газов, потерявших ужас свои характерные химические свойства, так как молекулы их уже распались на атомы под влиянием высокой температуры. Это ядро окружено слоем газов в перегретом надкритическом состоянии, в свою очередь окруженным слоем обычных газов.

Далее следует слой жидкости, вещества в расплывшемся состоянии, затем слой жидкости густой, вроде лавы или смолы, и еще слой, переходный от жидкости к твердому телу, в так называемом скрытопластическом состоянии, сравниваемый по консистенции с сажожным варом.

Наконец, сверху находим твердую кору. Все перечисленные слои, конечно, не ограничены резко друг от друга, но связаны постепенными переходами, вследствие чего при движении Земли эти слои не могут перемещаться относительно друг друга, влиять на приливы и отливы, на перемещения земной оси. Относительно толщины земной коры существует разногласие. Шведский геофизик Аррениус предполагает, что газообразное ядро занимает девяносто пять процентов земного диаметра, огненно-жидкие слои — четыре процента, а твердая кора — только один процент, то есть имеет около шестидесяти четырех километров толщины.

Другие же дают коре мощность более значительную — в восемьдесят, сто и даже тысячу километров. Но более тонкая кора, шестьдесят — сто километров, не больше, лучше согласуется с явлениями вулканизма, горообразования, геотермическими и т. п.

Вы видите, что эта гипотеза воскресила учение Лесли и других, правда, без внутренних планет и наруж-

ных отверстий, оправдала даже мнение капитана Симмеса о концентрических сферах. Но об обитаемости недр Земли при температуре, разлагающей даже атомы газов, конечно, не могло быть и речи.

— А между тем они обитаемы! — воскликнул Кастанов. — И, снаряжая туда экспедицию, вы ведь предполагали эту обитаемость?

— Совершенно верно, и теперь я перехожу к изложению своей гипотезы, — ответил Труханов. — Я давно уже являюсь сторонником гипотезы Цеприца и производил наблюдения и вычисления для ее дальнейшего развития и подтверждения. Наблюдения касались определения силы тяжести, явлений геомагнетизма и распространения землетрясений.

Как известно, волны землятрясений распространяются не только по твердой земной коре, но и по прямому пути через недра Земли. Поэтому, если случится землетрясение у наших антиподов, то чувствительные инструменты уловят две серии ударов — сначала идущие по кратчайшему пути земного диаметра, а затем уже распространяющиеся по земной коре, то есть по периферии шара. Скорость распространения сотрясений зависит от плотности и однородности среды, и по этой скорости можно судить о состоянии среды.

И вот целый ряд наблюдений на разных сейсмических станциях Земли, и в особенности моей обсерватории на Мунку-Сардыке, где я установил новые, чрезвычайно точные и чувствительные инструменты на дне глубокой шахты, у подножия горного хребта, обнаружили факты, не согласные с гипотезой Цеприца. Оказалось, что земное ядро должно состоять не из сильно уплотненных давлением газов, а, наоборот, из разреженных, немного разве плотнее нашего воздуха, занимающих около трех четвертей диаметра. Иными словами, это газообразное ядро должно иметь примерно восемь тысяч километров в диаметре, так что на долю жидких и твердых слоев остается не более двух тысяч четырехсот километров толщины с каждой стороны. А среди газообразного ядра приходилось допустить существование твердого или почти твердого тела, то есть внутренней планеты, диаметром не более пятисот километров.

— Как вы могли определить диаметр этого невидимого тела? — поинтересовался Боровой.

— Очень просто. Это тело попадалось на пути ударов только тех землетрясений, которые случались прямо на антиподах моей обсерватории, именно в Тихом океане к востоку от Новой Зеландии; если же землетрясение случалось в самой Новой Зеландии или в Патагонии, то на прямом пути его распространения твердого тела не оказывалось. Целый ряд наблюдений позволил определить максимальные размеры этого тела, конечно, с приблизительной только точностью.

Итак, эти наблюдения показали, что внутри Земли имеется большое пространство, занятое газами, мало отличающимися по плотности от воздуха, а среди них в центре находится внутренняя планета диаметром не более пятисот километров. В общем, эти наблюдения оказались более согласными с гипотезами более старых ученых, а не Цеприца. Но в таком случае возникает сомнение в правильности всех подсчетов распределения тяжелых веществ в земной коре. Средняя плотность Земли, как известно, составляет 5,5, а плотность горных пород в поверхностном слое коры только 2,5—3,5 и даже меньше, если принять во внимание большие массы воды океанов. Поэтому ученые считают, что по направлению к центру должны залегать вещества все более высокой плотности, достигающей у центра ядра 10—11. Но если внутри Земли большое пространство занято газами с плотностью воздуха, среди которых помещается маленькая планета, то приходится принять совершенно иное распределение плотностей в земной коре, окружающей внутреннюю пустоту с газами. Я принимаю, что легкая поверхностная часть коры имеет около семидесяти семи километров толщины, тяжелая внутренняя часть с большим содержанием тяжелых металлов имеет две тысячи трехсот километров и внутренняя полость газов — четыре тысячи километров (включая и планету); в сумме это равно шести тысячам трехстам семидесяти семи километрам — радиусу Земли. Если принять среднюю плотность тяжелой части коры в 7,8, то плотность Земли в целом и будет 5,5 соответственно определениям геофизиков.

На доске, имевшейся в кают-компании, Труханов выполнил перед слушателями все вычисления объема и веса составных слоев Земли, чтобы доказать распределение масс, предполагаемое им. Приняв в таком измененном виде гипотезу Цеприца, Труханов рассмотрел вопрос, как образовалось отверстие, сообщающее земную поверхность с внутренней полостью, по которому должны были вылететь сгущенные и горячие газы из полости. Отметив частое падение на Землю из космического пространства каких-то небесных тел, называемых метеоритами, Труханов высказал предположение, что когда-то на Землю упал огромный метеорит, который пробил кору толщиной в две тысячи триста семьдесят семь километров и остался внутри, превратившись в планету Плутон. В доказательство возможности такого падения он указал на огромную впадину, называемую метеоритным кратером, известную в штате Аризона Северной Америки и представляющую выбоину, сделанную когда-то огромным метеоритом, судя по найденным во впадине его обломкам. Но этому метеориту не удалось пробить кору, он отскочил и, вероятно, упал в Тихий океан, тогда как Плутон пробил кору и остался внутри.

— Когда же случилась эта катастрофа? — спросили слушатели.

— Не позднее юрского периода, судя по тому, что в самой отдаленной части внутренней полости, достигнутой экспедицией, найдены представители юрской фауны и флоры, которые переселились в эту полость с поверхности Земли после образования отверстия, выхода через него газов и охлаждения внутренней полости. А позже таким же путем постепенно переселялись туда фауна и флора мелового, третичного и четвертичного периодов, последовательно оттесняя в глубь полости пришельцев предшествующего времени¹.

Пока Земля Нансена скована льдами, внутренняя полость гарантирована от проникновения в нее представителей современной флоры и фауны с земной по-

¹ Читатели, интересующиеся более полным изложением доклада Труханова, могут найти его на стр. 347—369 издания «Плутонии», напечатанного в 1941 году Издательством детской литературы в Москве.

верхности. И только человек двадцатого века в вашем лице отважно преодолел эту преграду и проник в таинственную страну, где чудесно сохранились благодаря постоянному климату и жизненным условиям представители флоры и фауны, давно исчезнувшие на Земле. Вы открыли этот палеонтологический музей, о существовании которого я не мог и думать.

— Вы прекрасно обрисовали заселение внутренней поверхности, — заметил Каштанов, — хотя палеонтологи, может быть, найдут и спорные пункты в ваших предположениях. Но я хотел еще спросить, куда же исчезли обломки земной коры, получившиеся при образовании пробоины?

— Я полагаю, что более мелкие были выброшены обратно вырвавшимися из недр газами, а более крупные могли частью сплавиться вместе с метеоритом в светящееся тело Плутона, частью могли упасть на внутреннюю поверхность и образовать там холмы и цепь плоскогорья.

Может быть, те большие холмы из оливиновой породы, богатой железом, которые вы открыли на берегах реки Макшеева в ее среднем течении, представляют такие обломки. Может быть, и все плато черной пустыни на южном берегу моря Ящеров состоит из подобного огромного обломка. Все это требует дальнейшего изучения.

— А вулканы, потухшие и действующие, которые мы нашли на этом плато, — как объясните вы их существование?

— Мне кажется, это нетрудно. Согласно гипотезе Цеприца, поверх слоев или поясов, состоявших из газов, располагался слой огненно-жидкий. После образования пробоины, когда газы устремились в нее и давление внутри Земли начало резко ослабевать, часть этого слоя должна была превратиться в пары и газы, а остальная представляла кипящее огненное море. Пары и газы постепенно вышли через отверстие, температура и давление во внутренней полости все более понижались, и лавовое море начало покрываться твердой корой. Сначала последняя была тонка и слаба, часто разрывалась под напором газов и паров, продолжавших еще выделяться из расплавленной массы. Но постепенно она окрепла, прорывы случались все реже и ре-

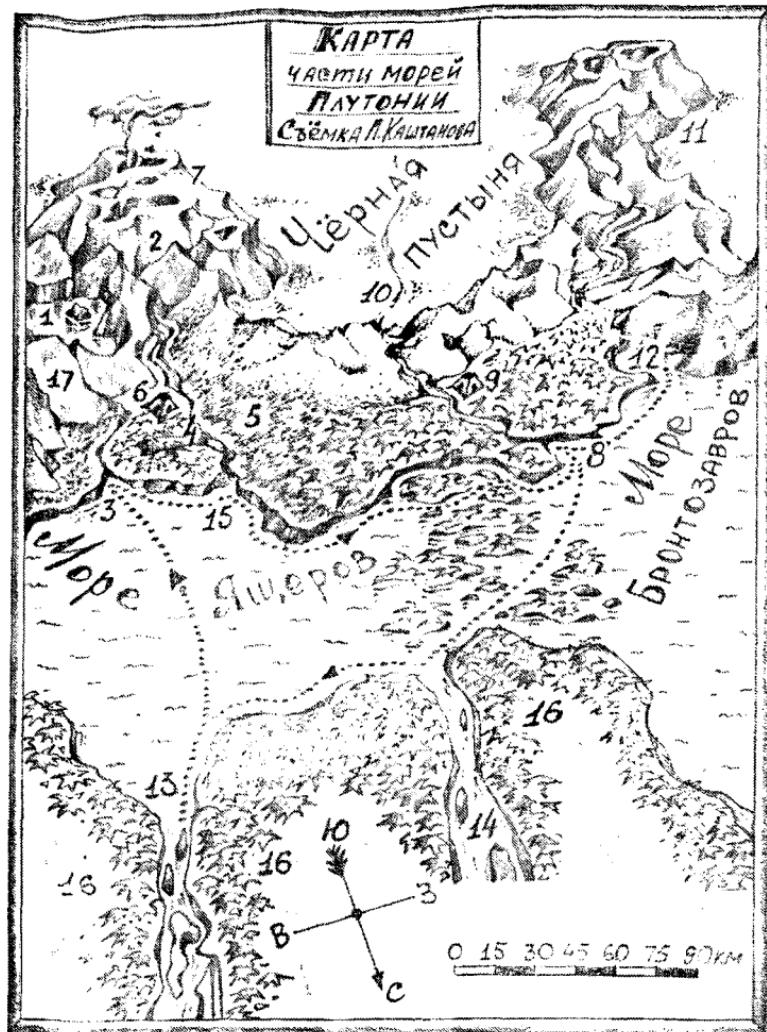
же — как на поверхности Земли в первый период ее жизни. Вулканы показывают только, что на некоторой глубине под этой корой сохранились еще бассейны с огненно-жидкой лавой, которая и производит извержения, как на земной поверхности, с той разницей, что продукты представляют сплошь очень тяжелые, переполненные железом породы, каких мы на Земле не знаем.

— Но ведь если внутренняя поверхность представляла сначала огненное море, как вы сказали, — заметил Макшеев, — то обломки коры, упавшие в него, должны были утонуть в нем или расплываться.

— Это необязательно, — вступил Каштанов. — Мелкие обломки, конечно, расплавились, но крупные благодаря своим размерам — ведь они могли достигать нескольких километров в диаметре — подверглись расплавлению только отчасти. Что же касается их погружения в глубь огненного моря, то это зависело от их удельного веса. Если они были легче расплавленной массы — а это вполне допустимо для части обломков, — то они плавали на ее поверхности, подобно льдинам на море, и, подобно льдинам, по краям и слизу таяли.

— Я не настаиваю на своей мысли, — заявил Труханов, — это было первое предположение, которое пришло мне в голову при вашем вопросе. Все это требует дальнейшего исследования. Мы знаем теперь только узкую полоску Плутонии вдоль реки Макшеева и по берегам моря Ящеров, а что представляет эта огромная страна в обе стороны реки? Далеко ли уходит черная пустыня на юг? Что лежит за этой пустыней? Нет ли там опять оазисов жизни?

— Мне кажется, что нет, — заметил Папочкин, — и вот почему. Влагу, без которой жизни быть не может, приносят ветры, дующие с севера, из отверстия. Эта влага — продукт главным образом земной поверхности. Как мы убедились, дожди не распространяются дальше южного берега моря Ящеров. Ветры оставляют всю свою влагу на этом сравнительно небольшом расстоянии от отверстия, а за морем, на всем остальном пространстве внутренней поверхности, залегает безводная и бесплодная пустыня застывшей лавы. Я думаю даже, что первоначально юрская жизнь распространялась на

1—озеро Стегозавра; 2—ущелье Птеродактилей; 3—место высадки;
 4—поляна Игуанодонов; 5—песчаные холмы; 6—муравейник № 1;
 7—вулкан Сатаны; 8—бухта Рыбная; 9—муравейник № 2; 10—речка
 Муравьиная; 11—вулкан Ворчун; озеро Отшельника и река Папочкина;
 12—бухта Убежища; 13—устье реки Макшеева; 14—речка Громеки;
 15—устье реки Серной; 16—лес хвощей, папоротников
 и пальм; 17—ущелье Миллиардов.

очень близкое расстояние от отверстия, и только постепенно, по мере того как количество влаги в виде речек и озер увеличилось благодаря постоянному притоку ее через отверстие, эта жизнь продвигалась все дальше и дальше на юг. Может быть, и море Ящеров образовалось сравнительно недавно, и потому вода его не так солона, как вода океана.

-- Ну с этим нельзя согласиться, — сказал Кацтаганов. — Если бы это море образовалось недавно, в нем не могли бы жить представители юрской фауны, подобно рыбам, ихтиозаврам и плезиозаврам. Ни рыбы, ни ихтиозавры не могли переселиться с земной поверхности внутрь посуху, подобно муравьям, или по воздуху, подобно птеродактилям. Из этого следует, что в пробоину все-таки проникло море, хотя бы на непродолжительное время и узким проливом.

— Но позвольте! — воскликнул Папочкин. — Как могло море проникнуть вслед за метеоритом внутрь? Оно встретило бы раскаленные газы и огненную поверхность, и все завры и рыбы дали бы только колоссальную уху, но не потомство.

Все рассмеялись, но Кацтаганов возразил:

— Вы делаете слишком поспешные выводы из моих слов, Семен Семенович. Я же не говорил, что море проникло вслед за метеоритом. Последний упал, как предполагает Николай Иннокентьевич, в триасовый период, а фауна моря юрская. Следовательно, мы имеем достаточный промежуток времени для выхода газов и охлаждения внутренней полости. Может быть, в другой части Плутонии море Ящеров тянется значительно дальше на север, указывая тот путь, по которому морская фауна переселилась когда-то внутрь.

— Вот видите, сколько вопросов, крайне интересных и важных, возникает тотчас же, как мы начинаем рассуждать о природе Плутонии, — сказал Труханов. — И каждый из нас может наметить их целый ряд по своей специальности. А в итоге — необходимо снарядить вторую экспедицию для дальнейшего исследования Плутонии. Не так ли?

Эпилог

Наступил и прошел май, но не принес еще долгожданной весны. Хотя солнце уже не сходило с горизонта, только немножко спускаясь на севере и поднимаясь на юге, но грело оно слабо, и снег таял только на южной стороне корпуса судна и на крутых береговых утесах. Кроме того, солнечные дни часто смешивались пасмурными; поднимался ветер, крутился снег, нередко разыгрывалась настоящая пурга, и, казалось, возвращалась зима. Этот свежий снег постоянно задерживал таяние старого, уже осевшего и готового превратиться в воду при первых же достаточно теплых днях. Они случились только в первой половине июня и принесли наконец долгожданную весну.

С утесов стекали бесчисленные ручейки, на маленьких оголившихся площадках появились кромпичные цветы, распускающиеся на глазах; в лужицах, согретых солнцем, копошились какие-то водяные насекомые, неизвестно откуда явившиеся. Но море, крепко скованное льдами, еще дремало. Впрочем, в тихие дни с верхушками мачты можно было различить далеко на юге темную полосу воды.

— В этом году весна здесь запоздала! — заметил как-то капитан собравшимся на палубе путешественникам, которым из-за воды, покрывавшей лед почти всюду, теперь приходилось большую часть дня проводить на судне.

— Да, в прошлом году мы в это время уже подплывали к берегу этой земли.

— Потому что сильные ветры разволновали море и разбили лед, а те-

перь вот уже десять дней как тихо или дует слегка южный ветер.

— Не придется ли зимовать второй раз, если море не вскроется? — заинтересовался Папочкин, которому становилось скучно.

— Ну, нет! В июле, самое позднее в августе, море очистится, даже если ветров не будет.

— В июле или августе! — воскликнули Громеко и Макшеев. — Половину лета просидим еще здесь?

— Да, в полярных плаваниях с этим нужно считаться. В плохие годы только один или полтора месяца остается для навигации; в хорошие — два-три месяца.

Терпение населения «Полярной звезды» действительно подверглось долгому испытанию. Июнь простоял тихий, но во второй половине пасмурный и холодный. По ночам подмерзло, иногда шел снег, и в такие дни казалось, что лето уже кончилось.

Наконец в начале июля налетевшая с востока буря хотя и засыпала все снегом, но разломала лед, и судно, давно уже обколотое, готовое к плаванию, простилось салютом с печальной Землей Нансена и направилось на юг.

Однако погода все еще стояла пасмурная и сырья, часто шел дождь или снег; иногда туманы заставляли стоять целые часы.

Только в начале августа «Полярная звезда» вырвалась из плена и полным ходом пошла по Берингову проливу. Все вздохнули свободно. Оставались две-три недели плавания до Владивостока.

В половине августа плыли на широте устья реки Камчатки; берега полуострова, конусы вулканов и дымящаяся Ключевская сопка хорошо виднелись вдали. День выпал на редкость тихий и ясный, и бурное Берингово море расстипалось, словно зеркало, до горизонта. Благодаря прозрачности осеннего воздуха на юго-востоке чуть виднелись вершины острова Беринга, ближайшего из группы Командорских. С этой стороны полным ходом шло большое судно, как будто направлявшееся в Нижне-Камчатск.

— Вероятно, русский крейсер, который дежурит в этих водах, — сказал Макшеев на вопрос собравшихся на палубе товарищей, находившихся в самом радуж-

ном настроении по случаю спокойного моря и успешного плавания.

— Кого же тут караулить? — поинтересовался Каштанов.

— Хищников — американцев и японцев. Командорские острова известны как лучшее, если не единственное в мире убежище ценного морского котика, количество которого вследствие беспощадного истребления стало быстро уменьшаться. Поэтому наше правительство допускает бой котика только в определенное время года и с разными ограничениями относительно самок и молодняка. Но жадные промышленники стараются обойти запрещение. Поэтому острова часто посещаются судами военного флота, имеющими право останавливать подозрительные суда, плавающие в этих водах.

— Пожалуй, что и нас осмотрят! — воскликнул Труханов. — Крейсер держит курс прямо на нас.

Действительно, крейсер, крупное трехмачтовое судно, шел полным ходом наперерез «Полярной звезде». На нем уже можно было различить блестящие дула орудий, группу людей на капитанском мостике. И вдруг из одного из орудий вырвался клуб дыма, прокатился гром выстрела, и одновременно на мачте взвился сигнал: «Остановитесь, или буду стрелять».

«Полярная звезда» послушно застопорила машину. По морским правилам, капитан, как только заметил крейсер, отдал приказ поднять русский флаг. Но крейсер не последовал этому примеру.

Пассажиры столпились у борта, рассматривая быстро приближавшееся красивое судно.

— Что такое? Это не русский крейсер, он называется «Фердинанд», и название написано латинскими буквами! — воскликнул капитан, наблюдавший в подзорную трубу.

— Какое же право он имеет останавливать русское судно в русских водах? — удивился Каштанов.

— Какой национальности этот «Фердинанд»? Германский, вероятно?

— Сейчас узнаем! — ответил капитан, просматривавший карманный морской календарь.

— Нашел! «Фердинанд» — крейсер австро-венгерского военного флота, построен в тысяча девятьсот де-

вятом году, столько-то тонн водоизмещения, десять орудий такого-то калибра и так далее, двести пятьдесят человек команды, скорость хода и так далее.

В это время крейсер совсем приблизился, замедлил ход и остановился в кабельтовае от «Полярной звезды»; с него тотчас же спустили шлюпку, и можно было видеть, как человек двадцать матросов, вооруженных ружьями, и два офицера сошли по трапу. Шлюпка направилась к «Полярной звезде», пассажиры которой, капитан и вся команда столпились у борта в полном недоумении. Но для приема непрошеных гостей пришлось волей-неволей спустить трап.

На палубу поднялись оба офицера и десять матросов.

— Это русский судно? — спросил старший из гостей, поднося правую руку к козырьку фуражки.

— Русское. Яхта «Полярная звезда», частная собственность, — ответил Труханов.

— Ви сам капитан?

— Нет, я владелец судна.

— Торговый судно или китобой?

— Ни то, ни другое. «Полярная звезда» везет научную экспедицию из плавания по Ледовитому океану. Но я хотел бы знать, на каком основании вы останавливаете русское судно в русских водах и подвергаете нас допросу?

— На основании военно-морской прав и военной положений.

— Что такое? Какое военное положение? В чем дело? — посыпались вопросы встревоженных донельзя пассажиров.

Офицер улыбнулся.

— Ви ничего не знайте? Ви давно плавайт на Ледовитый океан?

— С весны прошлого года.

— Diese Russen sind wie vom Himmel gefallen (эти русские словно с неба свалились)! — обратился австриец к своему товарищу, который, видимо, плохо понимал по-русски, а теперь тоже улыбнулся и ответил:

— Sie wissen gar nichts vom Kriege (они ничего не знают о войне)!

Затем старший продолжал:

— Так я вам объявляйт, что Австро-Венгерская империя и Германская империя уже целый год ведут война с Россией, и ми, крейсер императорски флот «Фердинанд», будем взять ваш судно как военный приз. Понимайт?

— Но моя яхта не военное судно, а научное, мирное. Частные суда не конфискуются.

— Мирный судно? А это что такое? — австриец указал на маленькую пушку на носу, служившую для салютов и сигналов. — Это орудий!

Труханов только улыбнулся.

— Всякий мирный судно, — продолжал австриец, — можно вооружайт, привозить десант, военный груз, военный почта. Мирный судно нужно забирайт, нишего не поделайт!

— Нельзя ли мне переговорить с командиром крейсера?

— А ви немецкий язык говорить, понимайт?

— Нет, но говорю по-французски и по-английски.

— Карапш! Поедем крейсер.

Офицер сказал что-то вполголоса своему товарищу и затем спустился с Трухановым в шлюпку, понесшуюся к крейсеру. Второй офицер и вооруженные матросы остались на «Полярной звезде».

Каштанов, хорошо говоривший по-немецки, вступил в беседу с офицером, который охотно отвечал на вопросы и ознакомил пассажиров с главными событиями, приведшими в июле 1914 года к европейской войне, и незаметно прошло время до возвращения Труханова. Последний прибыл с двумя офицерами и еще несколькими невооруженными матросами.

— Нам предстоит высадка на берег Камчатки, — заявил он. — Пойдем в каюты укладываться, пока «Полярную звезду» поведут под конвоем к берегу. Ее конфискуют безусловно со всем грузом.

В каюте без присутствия австрийцев, которые остались распоряжаться на палубе, Труханов рассказал следующее:

— Командир крейсера объявил мне то же, что и этот офицер. Сначала он, посовещавшись со своими помощниками, хотел нас увезти в качестве пленных. Я ведь прекрасно говорю и понимаю по-немецки, — пояснил Труханов, — но нарочно скрыл это, чтобы узнать,

о чём они будут говорить между собой по поводу своих намерений. И вот я узнал, что у них мало провианта и они рассчитывают поживиться нашими запасами. Поэтому лишние рты в виде плленных им не нужны. Хотя один из помощников настаивал, что они должны увезти по крайней мере всех, кто моложе сорока пяти лет, как военнообязанных, то есть всех, кроме меня, но командир успокоил его тем, что пока мы доберемся с Камчатки до Москвы, война, наверно, будет кончена разгромом России и Франции.

— Итак, — продолжал Труханов, — они решили высадить всех, но позволяют взять с собой только необходимую одежду, немного припасов и принадлежащие каждому деньги, но не экспедиционную кассу. Она и все прочее подлежит конфискации.

— Как, и все коллекции, все результаты экспедиции? — воскликнул Папочкин с негодованием.

— Да, все безусловно! Дневники мы, конечно, по-прячем по карманам, но фотографии, черепа, шкуры, гербарии и так далее придется оставить. Они обещают, что все это в целости и сохранности будет доставлено в Вену и выдано нам по окончании войны.

— Если по дороге туда их не пустят ко дну французская или русская подводная лодка или мина! — возмущенно заметил Боровой.

— Это вполне возможно! — продолжал Труханов. — Тем более, что в войну вмешалась Англия...

— Словом, экспедиция ограблена дочиста, как тогда, когда нас обчистили муравьи, — грустно усмехнулся Макшеев.

— Есть некоторая возможность вернуть наше имущество, — сказал Труханов. — Из их намеков я догадался, что у них где-то поблизости есть база, скорее всего на Командорских островах, откуда шел к нам крейсер. Они отведут туда «Полярную звезду». По прибытии во Владивосток мы сообщим это нашим военным судам, и базу накроют.

— Ну, когда-то мы доберемся туда!

— Во всяком случае, это единственная надежда. А теперь давайте укладываться.

Все разошлись по каютам. «Полярная звезда» шла уже полным ходом к Камчатке под конвоем крейсера, держа курс на Усть-Камчатск, первое жилое место к

северу от Петропавловска на берегу моря. Вскоре приувычившие пассажиры собирались со своими чемоданами и узлами на палубе, где австрийцы подвергли багаж легкому осмотру, но не рылись в нем и не лазили в карманы. Поэтому Макшеев избег опасности лишиться своего золота, которое он пересыпал в широкий кожаный пояс золотоискателей, представляющий длинный и узкий мешочек. Навьючив на себя целый пуд, инженер сделался очень неповоротливым. Но колбаса, начиненная золотом, которой он опоясался, была скрыта под кухлянкой, и австрийцы не обратили внимания на неуклюжесть ее носителя. Коллекция и все экспедиционное имущество, давнико упакованные в ящики для перевозки по железной дороге, были сданы австрийцам по описи. О том, где в действительности побывала экспедиция, им, конечно, не сообщили.

— Мы побывали на Чукотской земле, зимовали на острове Врангеля, — заявил Труханов офицеру, принимавшему имущество, который сочувственно закивал и сказал:

— Мой отец был в полярной экспедиции, Земля Франц-Иосиф, австрийский корвет «Тегетгоф» ви читаль?

— О, да! — улыбнулся Труханов.

Под вечер оба судна остановились у длинной косы в устье реки Камчатки, за которой находится небольшой рыбачий поселок. Быстро сгрузили пассажиров и их багаж на три шлюпки и свезли на берег. Иголкин и капитан немедленно отправились в поселок добывать средства передвижения. Остальные стояли на берегу и с грустью смотрели, как подняли на борт шлюпки и как оба судна повернулись и полным ходом ушли в море. Уже в сумерки, прежде чем пришли люди с лошадью — единственной в поселке, суда скрылись в вечерней мгле.

Нашим путешественникам пришлось прожить в Усть-Камчатске целых десять дней ввиду отсутствия средств передвижения. Редкое население по реке Камчатке было усиленно занято рыболовством вследствие начавшегося осеннего хода рыбы, и бросать промысел, дающий людям и собакам пищу на всю зиму, ради перевозки многочисленной компании в батах (долбленных

лодках) вверх по реке, никто, конечно, не имел никакого желания. Только Иголкин, торопившийся к жене в Петропавловск, взяв с собой Генерала, отправился этим путем и повез письмо губернатору. В этом письме Труханов сообщал о конфискации «Полярной звезды», о вражеской базе на Командорских островах и просил помощи.

В конце августа японская рыболовная шхуна зашла в Усть-Камчатск и согласилась доставить, за большие деньги, всех высаженных в Японию. Чтобы очистить место для пассажиров, ей пришлось оставить часть своего груза.

Это путешествие, продолжавшееся три недели, было далеко не из приятных. Одни разместились на палубе, другие — в трюме между бочками с рыбой. Питались по-японски — рыбой, рисом и чаем, испытывали сильную качку, туманы, дожди и метели. Возле Курильских островов чуть не потерпели крушение на рифах во время бури; в заливе Терпения японцы хотели всех высадить под предлогом, что японский Сахалин — та же Япония, и согласились везти дальше лишь за добавочную плату.

В Вакканай, на северной оконечности Хоккайдо, северного из японских островов, измученные пассажиры сами покинули шхуну, так как дальше, в порт Хакодате, можно было ехать по железной дороге скорее и удобнее.

Из Хакодате — на южном конце острова и почти на широте Владивостока — сообщение с последним было довольно частое и правильное. После ряда опросов и формальностей, вызванных тем, что и Япония присоединилась к воюющим державам на стороне Антанты, почтовый пароход доставил всю компанию во Владивосток.

Велико было изумление путешественников, когда они, подъезжая к пристани, заметили среди судов на рейде «Полярную звезду», на палубе которой маячил часовой.

Быстро навели справки, и оказалось, что губернатор Камчатки, получив письмо Труханова, но не располагая судами достаточной величины для нападения на австрийский крейсер, радиировал во Владивосток.

Посланный отсюда быстроходный крейсер нашел на командорских островах «Полярную звезду», но австриец успел уже скрыться.

Командир порта, сообщивший эти сведения, тут же разочаровал наших путешественников, уже рассчитывавших на возврат своих коллекций. «Полярная звезда» была обобрана австрийцами дочиста — коллекции, снаряжения, припасы, даже обстановка кают и ценные части машины были увезены, так что судно пришлось тащить на буксире. Без ремонта оно не могло уже плавать, и Труханов согласился на предложение морского ведомства отдать его на время войны для вестовой службы.

Удрученные путешественники сели в сибирский экспресс и направились на родину. Обсудив создавшееся положение, они решили, что до окончания войны, на близость которого все еще рассчитывали, и до возвращения коллекций и фотографий об экспедиции в Плутонию нужно молчать. Чем могли они доказать, кроме своих слов, что Плутония с ее чудесами существует и что в нее можно проникнуть? Всякий здравомыслящий человек признал бы их доклад сплошной фантазией, а докладчиков — вралями или помешанными.

Но война затянулась, за пей последовала революция и другие события... Миновало десять лет, участники экспедиции рассеялись; одни были убиты на фронтах, другие умерли. Коллекции и документы неизвестно где находятся. На их возврат Труханов, вернувшийся в свою обсерваторию на Мунку-Сардыке и живущий там отшельником, уже не надеется.

Случайно в руки автора попал дневник и рисунки одного из умерших участников экспедиции. По этим материалам и составлена настоящая книга.

Послесловие

Прочитав это описание необычайного путешествия в недра Земли, приключения шести отважных исследователей и их наблюдения над подземным миром, некоторые молодые читатели приходят к выводу, что все описанное автором является действительностью.

Автор получил уже немало писем от читателей «Плутонии», в которых они совершенно серьезно спрашивают, почему не снаряжаются новые экспедиции для исследования этого подземного мира, почему не найдено вторично и не изучено отверстие среди льдов Арктики, ведущее в недра Земли. Их интересует также дальнейшая судьба инициатора экспедиции Труханова и ее участников.

Поэтому автор в послесловии к новому изданию «Плутонии» должен объяснить, что путешествия в Плутонию никогда не было и быть не могло, потому что нигде в пределах Арктики и вообще на Земле нет такого отверстия, по которому люди могли бы спуститься в недра Земли. Хотя жерла вулканов представляют каналы, уходящие более или менее глубоко в земную кору, но у действующих вулканов они заполнены расплавленной лавой или горячими удушливыми газами, а у потухших вулканов забиты застывшей лавой.

Неправдоподобен поэтому известный роман Жюля Верна «Путешествие к центру Земли», в котором исследователи спускаются вглубь по жерлу одного из вулканов Исландии, а выносятся обратно на плоту по жерлу одного из

вулканов в Средиземном море. Очень слабо описан в этом романе и подземный мир.

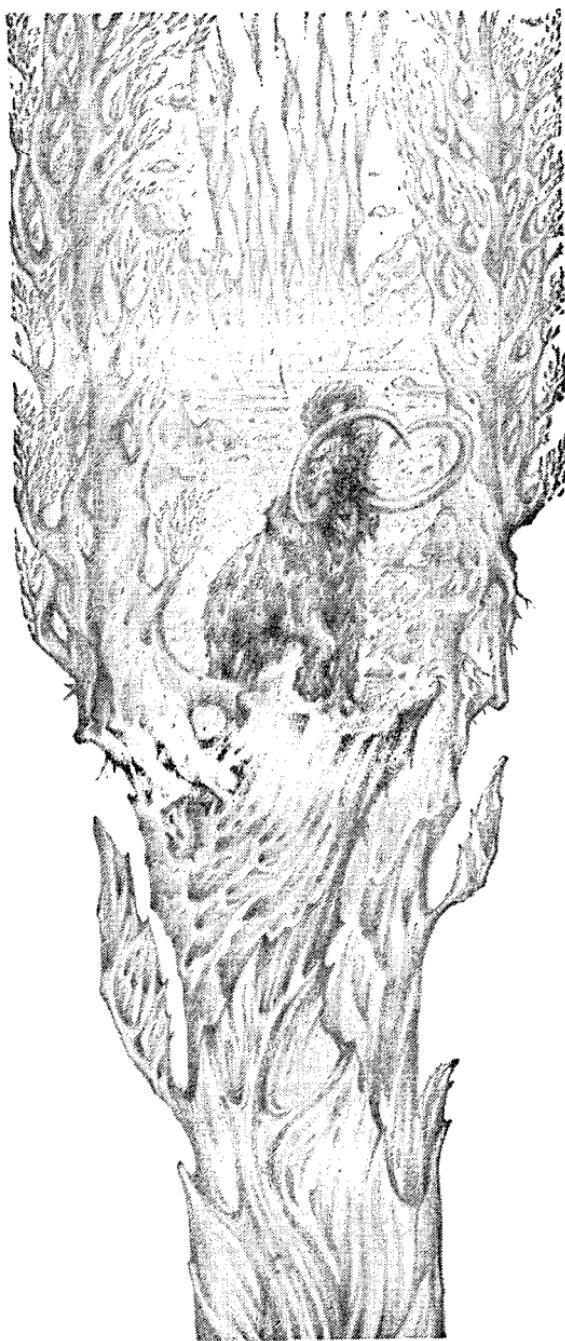
«Плутония» написана мною с целью дать нашим читателям возможно более правильное представление о природе минувших геологических периодов, о существовавших в те далекие времена животных и растениях в занимательной форме научно-фантастического романа. Для этого я воспользовался гипотезой, которая совершенно серьезно обсуждалась в заграничной научной литературе сто с лишним лет назад и имела многочисленных защитников. Они утверждали, что земной шар пустотелый, что недра его освещены маленьким светилом и населены. В главе «Научная беседа» эта гипотеза изложена подробно, и Труханов, конечно, защищает ее. Эта гипотеза давно уже отвергнута наукой, и хотя мы в точности еще не знаем, каково состояние земного ядра, но можно поручиться, что ни внутреннего светила, ни отверстия, ведущего в недра, не существует. Несмотря на это, указанная гипотеза показалась автору более подходящей для научно-фантастического романа, чем жерло вулкана, принятое Жюлем Верном.

Автор надеется, что это издание «Плутонии» побудит советскую молодежь ближе заинтересоваться геологией и поможет привлечь к изучению этой интересной науки, к исследованию земных глубин, ископаемых богатств и остатков исчезнувших животных и растений новые силы, необходимые для дальнейшего развития и успеха советской науки о Земле и ее истории.

Русские путешественники и ученые открыли уже немало местонахождений исчезнувших животных и растений в различных частях нашей обширной Родины. Нельзя не упомянуть открытия профессором В. П. Амалицким богатых остатков пермских пресмыкающихся, хищных и травоядных в красных песчаниках берегов Северной Двины; добытые там кости, в виде полных скелетов, выставлены в Палеонтологическом музее в Москве. Академик А. А. Борисяк открыл в третичных отложениях Тургайской области остатки самого крупного из травоядных млекопитающих, получившего название индрикотерия, по имени сказочного зверя индрика. В Северной Сибири русские ученые открыли трупы мамонтов с кожей, шерстью и внутренно-

стями, сохранившимися в вечномерзлых четвертичных отложениях. В осадках пустыни Гоби в Монголии я обнаружил зуб носорога, чем было доказано, что впадины этой обширной области не были заняты морем, как предполагали иностранные ученые. За последние 30 лет экспедиции, изучавшие впадины Гоби в Центральной Азии, нашли в их отложениях очень богатую фауну: черепах, земноводных, пресмыкающихся, млекопитающих и птиц разных эпох мелового и третичного периодов, а также стволы крупных деревьев, показавшие, что в течение этих периодов впадины не представляли пустынь и полупустынь, как в настоящее время, а содержали многочисленные озера и леса с разнообразной фауной и флорой. На берегах Амура А. Н. Криштофович обнаружил остатки огромного мелового пресмыкающегося, украшающие теперь Геологический музей в Ленинграде. Остатки низших животных, кораллов, разных моллюсков, иглокожих, ракообразных, листьев, коры, стволов растений разного геологического возраста, собранные нашими учеными, находятся в музеях многих университетов и геологических институтов Советского Союза.

Земля Санникова

Предисловие

Арктический бассейн Северного Ледовитого океана усеян по окраине многочисленными большими и малыми островами и лишен их в центральной области.

Острова покрыты толщами льда и снега, и только немногие освобождаются от них в течение короткого полярного лета. Сковано льдом и море вокруг островов. Все остальное пространство покрыто толстыми многолетними льдами, движущимися под влиянием течений и ветров в разных направлениях.

Несмотря на трудные условия, отважные мореплаватели проникали в Арктику, постепенно открывая, изучая и иногда даже заселяя эти острова. Были даже попытки использовать движущиеся льды для проникновения в те районы Ледовитого океана, которые оставались еще не изученными.

Открытия новых островов начались давно и продолжались до самого последнего времени; так, еще в 1881 году были обнаружены маленькие острова Жанетты, Генриэтты, Беннетта к северо-востоку от Новосибирского архипелага, в 1913 году — большой архипелаг Северной Земли к северу от Таймырского полуострова, еще позже — мелкие островки в Карском море. Но нельзя утверждать, что в Арктике уже известны все острова, так как в области движущихся льдов океана могут еще быть такие острова, к которым по воде невозможно, а по движущимся льдам очень трудно добраться. И применение самолетов дает возможность обследо-

вать с воздуха такие районы Арктики, в которые нельзя было проникнуть ни по воде, ни по льду.

Однако до сих пор еще не разгадана тайна некоторых островов в Арктике, легенды о существовании которых передаются уже около полутораста лет.

Отважные промышленники, посещавшие ближайшие к материку Азии острова ради промысла на них пушнины и мамонтовой кости, а также некоторые исследователи Севера в редкие на Севере ясные дни видели с высоких пунктов эти острова, но добраться до них не могли.

Остров, лежащий к северу от Новосибирского архипелага, был назван Землей Санникова, по имени Якова Санникова, впервые увидевшего этот остров далеко на горизонте среди льдов.

В книге говорится о попытке, предпринятой политическими ссыльными, находившимися в ссылке в устье реки Индигирки, найти Землю Санникова.

Роман назван научно-фантастическим, потому что в нем рассказывается о предполагаемой земле так, как автор представлял себе ее природу и население при известных теоретических предположениях.

Читатель знакомится с некоторыми островами Арктики, условиями путешествия по льдам, природой и населением неизвестной земли, какие могли бы быть, если бы она существовала там и в таких условиях, как предполагает автор.

В послесловии к этой книге читатели найдут ответ на некоторые вопросы, касающиеся гипотезы о Земле Санникова, и коротко ознакомятся с новейшими открытиями советских ученых в Арктике, раскрывающими в какой-то мере тайну Земли Санникова.

1955 г.

А все-таки она существует!

Первая половина торжественного заседания ученого общества, посвященного сообщениям членов экспедиции, снаряженной для поисков пропавшего без вести барона Толля и его спутников, подходила к концу. На кафедре у стены, украшенной большими портретами сановных покровителей и председателей общества, находился морской офицер, совершивший смелое плавание в вельботе¹ через Ледовитое море с Новосибирских островов на остров Беннетта, на который высадился барон Толль, оттуда не вернувшийся. Мужественное лицо докладчика, обветренное полярными непогодами, оставалось в полутиени зеленого абажура лампы, освещавшей рукопись его доклада на кафедре и его флотский мундир с золотыми пуговицами и орденами.

За длинным столом перед кафедрой, покрытым зеленым сукном, заседали члены Совета общества, все видные ученые и известные путешественники, проживавшие в северной столице. В середине сидел председатель. Закрыв глаза, он, казалось, дремал под журчание голоса докладчика. Небольшой зал был переполнен.

Докладчик уже описал ход спасательной экспедиции, трудный путь с тяжелым вельботом, поставленным на нарты, через торосы полярных льдов от материка на Новосибирские острова, лестовку на берегу Котельного острова в ожидании вскрытия моря, борьбу со льдами при плавании вдоль

¹ Вельбот — легкое гребное судно с одинаковыми остроконечными носом и кормой; его парусное вооружение состоит из разрезного фока.

берегов и отважный переезд через море к острову Беннетта. Он охарактеризовал этот угрюмый остров, скованный льдами целый год, и описал находку избушки Толля, оставленных им вещей и документа с описанием острова, заканчивавшегося словами: «Отправляемся сегодня на юг; провизии имеем на пятнадцать — двадцать дней. Все здоровы».

— Итак, — провозгласил докладчик, повысив голос, — двадцать шестого октября тысяча девятьсот второго года барон Толль, астроном Зееберг и промышленники якут Василий Горохов и тунгус Николай Дьяконов покинули остров Беннетта и пустились по льду на юг, к Новосибирским островам. Но на последние они не прибыли, наши поиски не обнаружили никаких следов. Куда же девались смелые путешественники? Нет никакого сомнения, что они погибли в пути. В конце октября в этих широтах дня уже нет, только два-три часа около полудня тянутся сумерки. Морозы доходят до сорока градусов; часты свирепые пурги. Но море еще не замерзло и богато полыньями. Путешественники, очевидно, попали во время пурги на полынью, едва затянувшуюся льдом, и провалились. Или погибли, выбившись из сил, от голода и холода в борьбе с торосами, потому что собак у них не было и они сами тащили нарты, нагруженные байдарками и всем имуществом. Или, наконец, пытаясь переплыть на утлых байдарках в полярную ночь через незамерзшее море, они потонули во время бури. Так или иначе, но они нашли вечный покой на дне Ледовитого моря, а Земли Санникова, которую Толль искал так долго и тщетно, не существует, как я старался доказать вам.

Докладчик сошел с кафедры. Слушатели были охвачены жутким впечатлением от заключительных слов доклада. Вдруг из задних рядов раздался громкий возглас:

— А все-таки Земля Санникова существует!

В зале произошло волнение. Послышались вопросы:

— Кто это? Что это за чудак?

Председатель обвел публику строгим взглядом, встряхнул колокольчик и, когда зал затих, внушительно сказал:

— Предлагаю общему собранию членов общества и гостям почтить вставанием память погибших отважных путешественников: барона Толля, астронома Зеберга, промышленников Горохова и Дьяконова, поло-живших свою жизнь на поприще науки.

Все поднялись с мест.

— Объявляю перерыв на четверть часа.

Сидевшие вблизи дверей быстро устремились к выходу. Члены Совета обступили докладчика, а один из них, тучный академик Шенк, известный исследователь, организатор и советчик экспедиции барона Толля, стал протискиваться к задним рядам. Среди шума сдвигаемых стульев и говора толпы раздался его громкий голос:

— Я прошу лицо, которое так уверено в существовании Земли Санникова, поговорить со мной.

В ответ на это приглашение из толпы слушателей вышел молодой человек в черной блузке со смуглым лицом, изборожденным мелкими морщинами, которые летний зной, зимние стужи, резкие ветры накладывают на кожу. Пробравшись к Шенку, он заявил:

— Это я сказал и повторю еще раз, если нужно!

— Пройдемте в библиотеку! Здесь в толкотне невозможно беседовать! — произнес Шенк, окидывая смельчака проницательным взглядом из-под густых на-висших бровей.

Подхватив молодого человека под руку, Шенк увлек его через боковую дверь в задние комнаты библиотеки, в канцелярию общества.

В канцелярии было тихо и пусто. Академик сел за стол секретаря, пригласив жестом своего собеседника воспользоваться вторым стулом. Закурив папиросу, он сказал:

— Я вас слушаю. Что знаете вы о Земле Санникова?

— Позвольте сначала объяснить, кто я, — ответил молодой человек. — Я прожил пять лет как политический ссыльный в селе Казачьем в устье реки Яны. Живя в этом медвежьем, лучше сказать, беломедвежьем, углу, я познакомился с местными так называемыми промышленниками, грубыми, невежественными людьми с точки зрения столичной культуры, но людьми с добрым сердцем и смелой душой. Каждый год вес-

ной, когда дни становятся длинными, но лед еще крепок, они совершают отважные поездки на Новосибирские острова за мамонтовыми бивнями, которых там много... Среди этих промышленников есть иные, которые ясно видели Землю Санникова и твердо убеждены в ее существовании.

— Это неубедительно! — заметил Шенк. — Вы слышали в докладе, что горы, которые видели Санников и Толль, не что иное, как огромные ледяные торосы, и что горы на этой воображаемой земле должны были бы достигать двух тысяч двухсот пятидесяти метров высоты, чтобы их можно было видеть с острова Котельного. Таких высоких гор среди Ледовитого океана не может быть.

— Это предположение, но не факт!

— Кроме того, Толль до высадки на остров Беннетта тщетно искал эту землю на своей яхте «Заря», которая проплыла вблизи того места, где предполагалась земля.

— Это может доказать только, что земля находится севернее, а не так близко к Котельному острову, как думали Санников и другие, видевшие ее, но не точно оценившие расстояние, — возразил молодой человек.

— Вы правы! — сказал Шенк. — Но дело в том, что, кроме этих свидетельств, согласитесь — крайне шатких, мы не имеем ничего другого, вернее, ничего определенного, если не считать сведений о пролете птиц куда-то на север.

— Почему вы считаете это недостаточно определенным указанием? — удивился молодой человек. — Уже Врангель сообщил об этом, Майдель подтвердил, а население Севера вполне точно указывает, что летнее обилие птиц на северном берегу Сибири прерывается в двух местах побережья: во-первых, от реки Хромы до реки Омоля; во-вторых, в пятидесяти километрах западнее мыса Якан и до мыса Рыркайпий¹. В этих местах лов всегда незначителен, но зато виден пролет птиц на север.

— С западного участка птицы летят на Новосибир-

¹ Рыркайпий — чукотское название мыса Северного, теперь переименованного в мыс Шмидта.

ские острова, а с восточного — на остров Врангеля,— возразил Шенк.

— Так думали прежде, но это неверно. Остров Врангеля очень высок и скалист и почти все лето остается под снегом, места для гнездования таких птиц, как гуси и утки, на нем слишком мало. Но для нас интересен западный участок.

— Да, с него птицы летят на Новосибирские острова.

На этих островах, как оказывается, летает очень немного птиц, а большая часть густыми стаями продолжает лететь на север. Это не раз подтверждали мне промышленники в Устьянске, Русском Устье, Ожогине, посещавшие острова; то же знал и Санников. Летят белый гусь, гага, разные утки, кулики, щеглы и прочие — все пытающиеся растениями или мелкими животными, живущими за счет растений. Отсюда следует, что на Севере есть еще суши, достаточно обширная и покрытая растительностью.

— Да, эта суши — остров Беннетта, — заметил Шенк. — Из документа, оставленного Толлем, мы узнали, что на этом острове летают два вида гаг, один вид куликов, снегирь, пять видов чаек...

— Ни гуси, ни утки не упомянуты! — рассмеялся молодой человек. — А они составляют большую часть перелетных птиц. Это характерно! А обратили ли вы внимание на слова того же документа, что Толль видел орла, летевшего с юга на север, сокола, летевшего с севера на юг, и гусей, пролетевших стаей с севера, то есть возвращавшихся в конце лета с этой неизвестной земли на материк.

— Совершенно верно! — подтвердил академик.

— И Толль прибавляет: вследствие туманов землю, откуда пролетали эти птицы, так же не было видно, как и во время прошлой навигации Землю Санникова.

— Какая у вас хорошая память! — удивился Шенк.

— Я внимательно слушал доклад, и документ Толля подкрепил мою уверенность в существовании Земли Санникова, и именно севернее, чем предполагали. Это и заставило меня высказаться так категорически. Что же касается Беннетта, то, как вы тоже слышали, этот остров слишком мал и слишком загроможден льдами, чтобы давать приют многочисленным птицам. Толль

подтвердил это: снегири, кулики, чайки, два вида гаг — вот все его летние гости.

— Но земля, расположенная еще севернее, например, под восьмидесятым градусом широты, должна быть еще больше покрыта льдами, следовательно, также не может прокармливать много птиц.

— Куда же летят в таком случае эти глупые птицы? — рассмеялся молодой человек.

— Право не знаю! Может быть, через Северный полюс в Гренландию, хотя это невероятно, — ответил Шенк, пожимая плечами.

— А нельзя ли предположить, что в силу каких-то особых благоприятных условий на Земле Санникова, несмотря на ее северное положение среди льдов полярного океана, более теплый климат, чем на островах Беннетта и Новосибирских, находящихся южнее?

— Ну, это уже просто фантазия, прошу извинить! — возразил академик, немного рассердившись. — Для такого предположения, кроме пролета птиц, никаких оснований нет.

— Может быть, там находится вулкан, согревающий почву, — не унимался молодой человек, — или горячие ключи?

— Дым вулкана был бы давно замечен вашими же промышленниками и мореплавателями. Не забудьте, что и Нансен на своем «Фраме» проплыл во время своего дрейфа во льдах вблизи того места, где предполагалась эта таинственная земля, но ничего не видел.

— А известно ли вам о странном исчезновении целого народа онкилонов, жившего на Севере? Теснимые чукчами, они ушли куда-то с материка со всеми своими стадами, и больше о них никто не слышал, и где они, неизвестно.

— Да, помнится, о них собирали сведения Врангель, Норденшельд и Майдель. Но я этнографией не занимаюсь...

Звонок, прозвучавший громко в библиотеке, прервал слова академика. Шенк встал:

— Нужно идти слушать следующий доклад. Но ваши соображения все-таки заинтересовали меня, нам нужно еще поговорить. Приходите ко мне на дом через неделю вечерком. Вот мой адрес.

Шенк достал из бумажника визитную карточку и, передавая ее своему собеседнику, прибавил:

— Я справляюсь в литературе об этих онкилонах. И позондирую в академии почву насчет новой экспедиции для поисков Толля, хотя сильно сомневаюсь в успехе. Во всяком случае, приходите.

Исчезнувший народ

Шенк был старый холостяк, много путешествовавший в молодости; он проводил исследования и в низовьях Енисея, разыскивая остатки мамонта в тундре, и в Забайкальской области, и на Амуре, и даже на Сахалине вскоре после присоединения этого далекого края к России, изучая его геологию и флору. Вернувшись в столицу, он погрузился в обработку собранных материалов.

Жил он одиноко и крайне скромно, употребляя значительную часть своего академического жалованья на помощь начинающим ученым и на субсидии экспедициям в интересовавшую его Сибирь и в полярные страны. Немало денег его ушло на путешествие Толля, которого он высоко ценил как исследователя, и на поиски его следов.

Вернувшись с торжественного заседания, Шенк принял за чтение сведений о загадочном племени онкилонов.

Несколько веков назад они населяли весь Чукотский полуостров, но затем были вытеснены чукчами к берегу Ледовитого океана. По телосложению, одежде, языку и образу жизни они сильно отличаются от чукчей, и ближайшими их родственниками являются алеуты острова Кадьяк.

Норденшельд во время своего плавания на корабле «Вега» вдоль берегов Северной Сибири в районе мысов Иркайпий¹, Шелагского и Якан в изобилии находил брошенные жилища онкилонов, представлявшие землянки своеобразного типа, до половины углубленные в почву, с кровлей из китовых ребер, присыпанных землей. При раскопках были найдены различные ору-

¹ И р к а й п и й на карте Норденшельда соответствует мысу Рыркайпий, или Северному, русских карт.

дия из камня и кости — топоры, ножи, наконечники копий и стрел, скребки и пр., нередко даже еще с костяными и деревянными рукоятками, сохранившимися в течение веков благодаря мерзлоте почвы вместе с ремнями, которыми наконечники и топоры были прикреплены. Онкилоны не знали употребления железа и других металлов и были в полном смысле слова людьми каменного века.

По рассказам чукчей, собранным Врангелем, причиной ухода онкилонов с берегов Ледовитого океана была кровавая распра на почве родовой мести между их вождем Крэхоем и предводителем оленных чукчей. Спасаясь от преследования последнего, Крэхой с немногочисленными остатками племени сначала укрепились на скалах мыса Северного, затем перебрались на остров Шалауров, и, наконец, на пятнадцати байдарах они уплыли на землю, горы которой были видны вдали в Ледовитом океане с мыса Якан (т. е. на остров Врангеля).

«Сведения довольно скучные и противоречивые,— подумал Шенк, закрывая последнюю книгу. — Во всяком случае, интересно, куда девался этот народец».

В течение следующих дней Шенк, согласно обещанию нащупать почву в академии, переговорил с некоторыми из академиков, наиболее заинтересованными в изучении полярных стран, но не встретил с их стороны сочувствия плану новой экспедиции для поисков Земли Санникова и следов барона Толля. Солидного ученого, которому могли бы быть поручены новые исследования полярных стран, не было в виду, а давать деньги какому-то фантазеру было бы неосторожно и выхлопотать таковые неудобно.

В конце концов Шенку пришлось подсчитать собственные финансы; он решил, что тысячей-другой может рискнуть на это предприятие, но это казалось ему недостаточным.

«Ну что ж,— подумал он,— инструменты ему достанем даром в разных ведомствах, а дальше года эта экспедиция продолжаться не должна. За это время он или найдет эту землю, и тогда дело можно повернуть совершенно иначе и средства будут, или убедится, что такой земли нет, и мы успокоимся.

Дело налаживается

В условленный день и час молодой человек явился. Шенк ждал его.

— Я перечитал все, что известно об онкилонах,— сказал он,— и нахожу, что сведения противоречивы. Несомненно, что этот народ существовал и воевал с чукчами, оставил после себя жилища, каменное и костяное оружие. Но куда он исчез — неизвестно. Остается думать, что онкилоны или погибли на одном из островов вследствие слишком суровых условий жизни и недостатка промысловых животных, или остались на материке и вымерли давно от какой-нибудь эпидемии.

— Если бы они погибли на островах, там найдены были бы в изобилии их кости,— возразил собеседник. — Люди бесследно не исчезают. Если бы они вымерли на материке, об этом сохранились бы предания у их новых соседей — якутов, тунгусов, ламутов. Таких преданий нет совершенно.

— Так где же они наконец! — воскликнул Шенк. — Не на небо же они взяты живыми!

— Они, очевидно, на Земле Санникова, там же, куда летят перелетные птицы, которые, вероятно, служили им проводниками.

— Да, если бы люди могли летать, я бы этому охотно поверил. Но онкилоны летать не умели и должны были пробраться на эту землю или по воде, или по льду.

— По воде они не плыли, потому что взяли с собой свои стада, а это слишком тяжелый и беспокойный груз для байдар.

— А по льду они пройти не могли. По всем имеющимся сведениям, Ледовитый океан замерзает не на всем протяжении: на некотором расстоянии от берега всегда остается более или менее широкая полоса открытой воды. Поэтому ни один чукча — а они достаточно смелый народ — не побывал на острове Врангеля и ни один промышленник — они тоже не трусы! — не достигал острова Беннетта. И гибель барона Толля доказывает, что по льду пройти нельзя.

— Все это совершенно справедливо вообще,— спокойно возразил молодой человек горячившемуся академику. — Но вспомните, что климат не всегда одинаков,

холодные периоды чередуются с теплыми в зависимости от солнечных пятен...

— Ну конечно, я это знаю! — заметил Шенк.

— Мы знаем, что онкилоны перебрались на Новосибирские острова, там тоже найдены их землянки и другие следы пребывания.

— Ну хорошо!

— Они нашли, что место это плохое для жизни: мало зверя, птицы и год от году будет меньше в результате охоты. Перспектива голода должна была гнать их дальше, а птицы, пролетавшие большими стаями на север, показывали им, что там должна быть земля, гораздо более богатая дичью. Предположим, что как раз в это время был холодный период, выпало несколько особенно суровых зим и море замерзло. Ранней весной, когда дни уже длинные, онкилоны благополучно перебрались на Землю Санникова.

— И вымерли там от холода и голода, потому что невозможно допустить, чтобы под восьмидесятым градусом широты была земля, удобная для жизни человека. Гуси, утки, может быть, находят себе пищу на оттавающей тундре, а человек...

— Человек добывает этих птиц, моржей, тюленей, белых медведей, рыбу и живет в Гренландии и на островах к северу от Америки, на Шпицбергене и Новой Земле, живет, даже любит эти полярные страны и скучает по ним, если попадет на юг.

— Я вижу, вы вполне убеждены в существовании Земли Санникова и на ней онкилонов.

— В первом я убежден, второе считаю единственным возможным объяснением их исчезновения.

— К сожалению, академия не разделяет этого мнения. Я наводил справки. Мои коллеги убеждены, что этой земли нет и что Толль погиб.

— Очень печально, если это так, потому что единственное место, где мог спастись Толль, — это Земля Санникова. Я не утверждаю, что он там, но это возможно, и только там остается искать его следы.

— Едва ли найдутся теперь охотники искать эту землю и его следы после всего, что сделано, даже если бы нашлись деньги.

— Я бы поехал охотно и нашел бы среди ссыльных Якутской области и среди промышленников северного берега надежных спутников.

— Как бы вы организовали экспедицию, если бы нашлись деньги?

— У меня в виду два ссыльных, живущих тоже в Казачьем. Мы с ними часто обсуждали проект такой экспедиции, конечно платонически, потому что денег у нас нет, кроме скучного пособия, которое царское правительство очень неаккуратно выдает своим пленникам. Мы живем совсем как туземцы: охотой, рыбной ловлей. Оба товарища — люди молодые и не опустившиеся в ссылке; работа поддерживает нас, и мы закалились. Кроме того, я бы взял двух не раз бывавших на Новосибирских островах промышленников, имеющих собак и снаряжение и опытных в путешествии по льду.

— Правильно, без них вам не обойтись. А дальше?

— Ранней весной мы бы перебрались по льду на остров Котельный, устроили бы себе там базу и склад и попытались бы немедленно, пока лед крепок, идти дальше на север.

— А если море окажется незамерзшим, в чем едва ли можно сомневаться.

— На этот случай у нас будут две легкие байдары, поставленные на нарты. На них попробуем переплыть открытое пространство. Оно не может быть широко, близ земли всегда есть лед. Далее пойдем опять на нартах до этой земли, исследуем ее, а в конце лета обратно тем же путем.

— Но тогда открытое море будет очень широко, и на ваших байдарах с тяжелым грузом вы погибнете без всякого сомнения. В конце лета уже часты пурги.

— Если нельзя будет переплыть, останемся на зимовку на Земле Санникова и пойдем обратно ранней весной.

— А вы знаете, сколько корма нужно собакам на целый год? Этот груз задавит вас...

— Ну конечно. Но я не рассчитываю везти его с собой, а надеюсь на обилие дичи на земле. За лето мы наготовим запасы для зимовки и перехода обратно к базе.

— Но предположим, что вы никакой земли не найдете.

— В таком случае мы немедленно вернемся на Котельный, проведем на нем лето и осенью, как только море станет, переберемся на материк. И на этот случай, по моему убеждению маловероятный, нам нужен склад на Котельном, имея в виду возможность плохой летней охоты.

— Не подсчитали ли вы, во сколько может обойтись такая экспедиция?

— Я думаю, не так много. Мы трое не рассчитываем на заработок, лишь бы прокормиться. Двум промышленникам, конечно, придется платить, но они люди скромные. Главный расход — собаки, их корм, наряды, байдары, ружья и припас к ним, одежда. Я уже приценивался здесь и в Казачьем и думаю, что тысячи две — две с половиной нам хватит.

— Да, сумма небольшая!

— Нарты на Севере неважные, дерево не очень прочное, а нам нужно иметь наилучшего качества, чтобы не тратить время на частый ремонт. Я думаю, лучше заказать их здесь и увезти с собой. Точно так же ружья и припас к ним, здесь это лучше и гораздо дешевле. Все прочее — на месте.

— Ваш план мне нравится, — сказал Шенк, — и я думаю, что две с половиной тысячи рублей я вам найду. Но условие: с Земли Санникова привезти коллекцию горных пород и гербарий, если возможно, также мелких животных и записи о флоре, фауне и климате. Ну конечно, и об онцилонах, если таковые найдутся. Сможете ли вы с товарищами сделать это?

— Надеюсь, что справимся. Мы, конечно, не заправские ученые, но подготовку имеем; один из нас немногого геолог, другой ботаник, а я интересуюсь животными и человеком.

— Прекрасно! Инструменты для научных наблюдений — барометр, термометры, компасы и прочее — я добуду вам из академии. Вы понимаете, что очень важно будет определить широту и долготу нескольких пунктов этой земли, если вы ее найдете, — улыбнулся Шенк, — и сделать хотя бы грубую съемку ее очертаний и пути к ней.

— Разумеется. Съемку я могу взять на себя. Но определения широт и долгот? Этому мы не обучены.

— Ну, это не так трудно. С этим вас познакомят в Главной физической обсерватории, я дам вам записку к директору. На подготовку понадобится две-три недели. Есть у вас время? Когда вы думаете выехать отсюда?

— Сейчас у нас конец ноября. Необходимо выехать через месяц, чтобы быть в Казачьем в конце февраля, а в половине марта двинуться на острова.

— Обыкновенно туда ездят в апреле.

— Совершенно верно, но нам нужно попасть раньше, чтобы в начале апреля уже идти через море к Земле Санникова, пока лед еще прочен.

— А в один месяц вы успеете заготовить и закупить все, что нужно?

— Да, я уже справлялся в мастерских. Нарты берутся изготовить в две недели, закупить прочее я успею в это же время и вместе с тем могу посещать обсерваторию.

— Итак, дело устраивается здесь, но в Казачьем у вас будет еще много хлопот.

— Если дело решено, я сейчас же телеграфирую в Олекминск, почтой в Казачье, чтобы товарищи начали готовиться — закупали собак, одежду, собачий корм.

— Но ведь денег у них на это нет?

— Им поверят в долг до моего присезда: нас в Казачьем знают.

— А сколько нужно вам сейчас на задатки при заказах и покупке?

— Рублей пятьсот пока хватит.

— Я дам вам эту сумму из своих денег, а через две-три недели добуду остальные и инструменты.

Шенк написал чек на банк и рекомендацию директору обсерватории и, передавая их молодому человеку, сказал:

— Зайдите ко мне через две недели в это же время рассказать, как подвигается подготовка.

— Позвольте выразить вам мое восхищение таким быстрым решением вопроса! — воскликнул молодой человек, глубоко взволнованный. — Идя к вам, я сильно сомневался в осуществимости моей мечты. А тут вышло все так просто. Вы даете большую сумму совершенно неизвестному вам человеку, веря ему на слово.

— Я еще не разуверился в людях, несмотря на свои седые волосы,— добродушно ответил Шенк.— Я уже помогал не раз в научных предприятиях, и мое доверие очень редко бывало обмануто. Кроме того, я умею оценивать людей почти с первого взгляда. Но вы действительно напомнили мне, что я еще не знаю ни вашего имени, ни ваших товарищ, а для открытого листа, который вам необходим для администрации края и который я вам достану, это нужно знать. Итак, вас зовут? Я записываю.

— Матвей Иванович Горюнов, бывший студент Петербургского университета, административно высланный в Якутскую область. Товарищи мои — Семен Петрович Ордин и Павел Николаевич Костяков — тоже бывшие студенты, первый — университета, второй — технолог. Мы все были высланы на пять лет за студенческие беспорядки в тысяча восемьсот девяносто девятом году.

— Чем же вы провинились, что вас выслали так далеко, точно опасных преступников?

— Мы были председателями сходок и потому причислены к коноводам. Нас хотели сдать в солдаты (помните, было такое распоряжение?), но мы отказались подчиниться. За это нас и отправили к белым медведям.

— А скоро ли кончается срок ссылки?

— Мой кончился, почему мне и разрешили выехать на родину в Вологодскую губернию под надзор полиции; в столицу я приехал, конечно, без разрешения. Товарищи освободятся через год.

— Я вижу, что для вас придется еще выхлопотать разрешение губернатора на выезд в Якутскую область.

— Ну, в этом, конечно, не откажут!

В путь-дорогу

Через месяц Горюнов, снабженный деньгами и документами, выехал на восток, увозя инструменты и прочее снаряжение, в том числе три великолепные нарты и одну большую байдару, разбиравшуюся на части, которые в полчаса нетрудно было соединить друг с другом совершенно герметически. В ней могли поместиться четыре человека, три нарты с грузом и десять собак,

что позволяло членам экспедиции совершить переход через море в два приема.

От Иркутска начался уже санный путь на лошадях через Каучуг вниз по Лене, длинный и скучный путь по занесенному снегом бесконечному коридору замерзшей реки между ее высокими, часто скалистыми берегами, вплоть до Якутска, жалкой столицы сурового края административной ссылки. Дальше путь шел через низовья реки Алдана и по диким ущельям угрюмого Верхоянского хребта, затем по холмам и равнинам обширного бассейна реки Яны до ее устья, где приютилось на краю света занесенное снегом до крыши село Казачье. Уже от Якутска дня почти не было, а за хребтом началась полярная зимняя ночь, только звезды, луна и сполохи — северные сияния — освещали путь, если не было пурги.

В конце февраля Горюнов с грузом прибыл в Казачье, где его товарищи подготовили все для экспедиции: тридцать собак, запас вяленой рыбы (юколы) для них, припасы для людей, полярную одежду, лыжи. Два опытных промышленника — якут Никита Горохов, брат пропавшего без вести спутника барона Толля, и казак Капитон Абрамович Никифоров — согласились участвовать в экспедиции. Оба не раз побывали на Новосибирских островах, в последний раз с экспедицией, искающей следы Толля и объездившей все берега. В существовании Земли Санникова оба были убеждены и утверждали, что видели ее в ясные дни с высот Котельного острова. Эта таинственная земля манила их не меньше, чем наших трех товарищей, и они были рады, что на их долю выпало счастье первыми посетить ее.

Село Казачье стоит на плоском холме правого берега реки Яны, выше начала ее дельты, под 71° северной широты, и у северной границы леса; несколько изб казаков и купеческих домов, несколько юрт якутов и небольшая церковь разбросаны в беспорядке по холму и почти до крыш занесены снегом. Только дымки, выющиеся из труб избушек, да снопы искр, вылетающие из юрт, где топятся чуvalы (камини), и облепленная снегом колокольня выдают зимой жилье человека, немаловажное для всего севера Приянского края, несмотря на свои малые размеры. К северу, востоку и западу рас-

стилается бесконечная ровная тундра, зимой — белая равнина, покрытая застругами, т. е. плоскими твердыми сугробами, созданными и уплотненными свирепыми пургами, разгуливающими на просторе. На юге чернеет полоса чахлого редкого леса, а на горизонте в ясные дни видны округленные высоты хребта Кулар, которые как бы отрезают янское устье от остального мира.

За две недели были закончены все приготовления, и в половине марта, когда день уже продолжался часов одиннадцать, экспедиция тронулась в путь. Путешественников с их тремя нартами до Новосибирских островов сопровождали еще пять нарт с их каюрами (вожаками), которые везли запас корма для собак, провизии и всякого снаряжения для людей, назначенного для склада на островах и для прокормления всех по дороге туда.

Путь шел на северо-восток по одному из рукавов янской дельты, мимо брошенного поселения Устьянск, оставленного людьми из-за частых наводнений. Теперь это селение исчезло бесследно. В два дня благодаря ровной дороге дошли до устья. Низменная равнина не-заметно переходила в поверхность моря, такую же белую и ровную. Но вблизи и вдали над ней плоскими буграми поднимались острова, а справа мысы выдвигавшегося далеко на север берега материка. В этом направлении держали путь, пересекая бухты и стараясь хоть через день ночевать у берега, чтобы иметь топливо из плавника — деревьев, принесенных Яной с юга и вы-брошенных морем.

Так миновали остров Ярок, мыс Манико с одинокой юртой, широкий Селяхский залив, мыс Туруктак, Ванькину губу, мыс Дарычан. Отсюда до мыса Чуркина шли вдоль берега, затем пересекли Абеляхский залив и остановились в Гороховом стане на южной стороне длинного мыса Св. Нос, которым кончается материк.

На весь этот путь, около двухсот километров от устья, ушло четыре дня, потому что ехали не торопясь, чтобы не утомить сразу собак. Горосы (т. е. глыбы льда, поставленные стоймия или нагроможденные грудами при нажиме ледяных полей друг на друга, представляющие главную трудность при езде по морю) в этом мелком огромном заливе, выдающемся между

дельтой реки Лены и выступом Св. Носа, были невелики и недлинны, так что их можно было обезжать. Погода стояла пасмурная, но тихая.

Горохов стан представлял две поварни, т. е. избушки, выстроенные из плавника, конечно, без окон и без печей, но с чувалом — большим неуклюжим камином, который греет, только пока топится. В них по временам жили промышленники, добывавшие тюленей или моржей весной или осенью или охотившиеся на диких оленей и белых медведей.

В день приезда на стан небо к печеру прояснилось, и все три путеписца поспешили подняться на плоские высоты Св. Носа, закрывавшие вид на открытое море и представлявшие в береговых обрывах черные скалы базальта, когда-то излившегося в этой местности огненным потоком из земных недр. Карабкаясь с глыбы на глыбу, добрались до плоской поверхности мыса. Впереди белоснежной равниной расстипалось застывшее море, на котором то тут, то там тянулись неровные валы торосов, сильно занесенные снегом.

За этой равниной на горизонте, прямо на севере, чуть виднелся Большой Ляховский остров — плоский бугор с четырьмя вершинами; кое-где черные пятна на белом фоне выдавали скалы и обрывы. Это — ближайший из Новосибирских островов, знаменитый обилием мамонтовых бивней, за которыми и ездят промышленники. До него по прямой линии было километров шестьдесят — семьдесят. Путь наших исследователей лежал мимо него.

Солнце зашло. С ледяной равнины потянул холодный ветерок, и наблюдатели поспешили спуститься за светло к стану, где в поварне уже пылал камина, клокотал подвешенный к огню чайник и котел с ужином. На дорожном ящике, заменившем стол, были расставлены тарелки; ящики поменьше служили сиденьем. Горохов и Никифоров, сидя возле камина с трубками в зубах, с нетерпением ждали возвращения товарищей, чтобы приступить к ужину. Они успели уже все прибрать, распрячь собак, разложить спальные мешки. Из соседней поварни слышался говор и смех — там расположились каюры пяти нарт, сопровождавшие экспедицию до островов.

На следующее утро с восходом солнца караван из восьми нарт, запряженных восемью — десятью собаками, покинул материк и, обогнув скалы оконечности Св. Носа, потянулся через море на север. По ровным участкам, хотя и изборожденным застругами, собаки тянули быстро, так что люди на лыжах едва поспевали за ними. Но там, где путь преграждался грядой торосов, движение очень замедлялось, так как, выбрав более низкое место для прохода нарт, приходилось каждую из них протаскивать отдельно, причем люди помогали собакам, одни подталкивая нарту сзади, другие направляя ее сбоку и поддерживая при помощи лыжных палок. Если среди глыб торосов не было удобного проезда, людям приходилось работать топорами, которые у всех были за поясом; под ударами топоров лед, охлажденный зимними морозами до 30 — 40 градусов, разлетался на осколки со звоном, словно стекло. Во время этой работы собаки всех нарт, пользуясь остановкой, словно по команде, ложились отдыхать на снег, прекрасно зная, что стук топоров предвещает им четверть часа особенно трудной тяги.

Так подвигались вперед то быстрее, то медленнее — со средней скоростью около семи километров в час — и к полудню прошли половину расстояния до острова. Не распрыгая собак, сделали привал для завтрака, состоявшего из холодного мяса, сухарей и горячего чая. Ради приготовления последнего огня, впрочем, не разводили. Горюнов привез из столицы термосы, чтобы при дневных остановках не терять времени на разведение огня и кипячение воды. Эти чудесные сосуды каждый раз при их употреблении возбуждали восхищение каюров, пивших чай, горячий без огня, с особым удовольствием, словно священный напиток. Они ни за что не хотели поверить, что дело обходится без колдовства, когда при морозе в 30 градусов из холодного на ощупь сосуда выливался чай, обжигавший губы. В день выезда из Казачьего, когда в первый раз сделали обеденный привал и каюры собирались разводить костер, Горюнов подшутил над ними, заявив, что вскипит чай в снегу скорее, чем они на огне. Когда они повесили свой чайник на огонь, он достал термосы, зарыл их наполовину в снег и через пять минут стал наливать горячий чай изумленным якутам. Горо-

хов и Никифоров, которые были посвящены в секрет, покатывались от смеха при инсценировке этой шутки, слушая восклицания и наблюдая за лицами каюров.

После завтрака двинулись дальше тем же порядком. Остров уже вырос в большую массу, закрывавшую северный горизонт и полого поднимавшуюся над белой равниной; видны были отдельные темные скалы среди снегового покрова и темные пятна в береговом низком обрыве. При закате солнца, преодолев последний торос, покатали во всю прыть: собаки прекрасно знали, что на земле будет отдых и корм, и при виде поварни, черневшей у подножия обрыва, завыли в восемьдесят голосов и пустились бежать, словно бешеные.

Но у берега им пришлось умерить свой пыл, потому что осенние бури в начале морестава наворотили целый вал льдин, через которые нарты перетаскивали опять по одной, прежде чем добрались до так называемого Малого Зимовья — избушки, построенной еще известным промышленником Санниковым, спутником и проводником Геденштрома, впервые описавшего острова в начале девятнадцатого века. Но столетняя избушка мало пострадала в этом холодном климате. Пропитанные морской солью стволы плавника только почернели и кое-где покрылись лишайми, а внутри были свежи. Немало промышленников находили приют в этой поварне по пути на остров или обратно, и все заботились об исправности ее двери, висевшей на кожаных петлях, и крыши, на которую нужно было время от времени подсыпать землю. Возле избушки была даже приготовлена куча плавника для топлива, что было очень кстати: не нужно было разыскивать его вдоль берега, выкапывая из-под снега.

Скоро запылал костер на площадке возле зимовья, и красные отблески осветили высокую ледяную стену, которая далеко тянулась в обе стороны.

Кладбище мамонтов

Большой Ляховский, или Ближний, остров замечен плен по своему геологическому составу. Его четыре плоские, но скалистые вершины, вернее группы вершин, состоят из гранита, а вся остальная площадь — из мяг-

ких четвертичных отложений. Поэтому многочисленные ручьи и речки, стекающие с вершин и врезывающиеся глубоко в эти мягкие толщи, расчленили остров на множество холмов и холмиков, почти лишенных растительности. В течение короткого лета поверхность острова представляет глинистую моховую тундру с отдельными сугробами снега в более глубоких оврагах и долинах на склонах, обращенных к северу.

Те же мягкие толщи слагают берега острова, омываемые прибоем волн и потому представляющие длинные или короткие отвесные или даже нависающие обрывы, прерываемые долинами ручьев и речек. Эти толщи сверху донизу скованы вечной мерзлотой, оттаивающей летом на очень небольшую глубину; оттаявшие массы или сами сползают в море, или обрушаются, подмытые волнами снизу, и таким образом море постепенно разрушает остров. И если бы не было вечной мерзлоты, сильно задерживающей этот процесс размыва, остров давно был бы уничтожен, за исключением его гранитного ядра.

В мягких толщах в изобилии попадаются бивни мамонтов, а местами даже целые трупы этих животных и их современников — длинношерстного носорога, первобытного быка, канадского оленя, лошади и многих других, — трупы, сохранившиеся в неприкосновенности (с шерстью, рогами, внутренностями) благодаря вечной мерзлоте. Но вследствие оттаивания последней летом на некоторую глубину ручьи и речки вымывают из нее трупы, отдельные кости, бивни и выносят их к устью, на берег моря. Точно так же в береговых обрывах при их оттаивании и подмыве то тут, то там обнаруживаются трупы или кости вымерших животных, в конце концов также попадающих в море, которое хоронит их вторично под своими наносами. Только трупы эти зачастую уничтожаются хищными птицами и животными, не брезгающими мясом, пролежавшим десятки тысяч лет в замороженном виде.

Такой своеобразный состав Большого Ляховского острова и привлекает ежегодно весной промышленников с материка; они приезжают собирать на лайдах, т. е. плоском побережье моря, в устьях и долинах ручьев и речек бивни мамонтов, освободившиеся за минувший год из мерзлой почвы и торчащие еще в отта-

явшей земле или вынесенные на берег. Эти бивни, прекрасно сохранившиеся в мерзлоте, представляют такую же ценность, как и современная так называемая слоновая кость — бивни ныне живущих слонов. Их скапали у промышленников местные и проезжие купцы и увозили на ярмарку в Якутск, откуда они направлялись дальше в Сибирь и в Россию и употреблялись на разные изделия: гребни, запонки, разные шкатулки, бильярдные шары и т. п.

Другие кости ископаемых животных бесполезны для промышленников; они представляют интерес только для науки, которая по ним судит о животном мире прошлых времен. Только трупы, отгивающие время от времени то тут, то там, обращали на себя внимание, но большей частью гибли бесследно, так как промышленники не знали их значения и не умели ни обмерить и описать их, ни сохранить от порчи.

Горюнов и два его товарища уже раз побывали на острове вместе с промышленниками для сбора бивней и заинтересовались странным изобилием их именно здесь. Но объяснить это явление они не могли, и в Казачьем, конечно, не нашли литературы по этому вопросу.

Теперь Горюнов не упустил случая познакомиться с литературой в столице, а кое-что привез с собой. Поэтому путешественники решили сделать на острове дневку, чтобы осмотреть береговые обрывы внимательнее, а кстати дать отдых людям и собакам.

На другое утро все трое в сопровождении Горохова отправились вдоль морского берега. Разрушительная летняя работа солнца и моря еще не начиналась, хотя низкое солнце, лучи которого падали отвесно на обрывы, уже кое-что сделало. Эти обрывы достигали двадцати — двадцати пяти метров высоты; с верхнего края огромными фестонами то выше, то ниже свешивались надувы плотно смерзшегося снега подобно тем, которые свешиваются нередко с крыш домов после сильных метелей. Но только здесь, где зимние пурги так часты и сильны, эти фестоны достигали четырех — шести метров длины и по двадцать — сорок метров ширины при толщине в один-два метра. Под этими надувами начиналась отвесная стена обрыва, состоявшая в верхней части то из сплошного льда, то из песча-

но-глинистого наноса. Лед по обрыву представлял сплошные массы различной ширины, как бы огромные ледяные стены, уходившие в глубь острова. Промежутки между этими стенами были заняты наносом, состоявшим из тонких чередующихся слоев глины, мелкого песка и льда. У верхнего края обрыва, там, где какой-нибудь фестон оборвался, можно было видеть, что и лед и наносы перекрыты слоем песка, глины или торфа, оканчивавшимся у поверхности земли слоем черной почвы тундры, покрытой еще толщей снега.

Нижняя часть обрыва была большей частью закрыта откосом из твердого снега, накопившегося под защитой берега за зиму. По этому откосу, достигавшему восьми — десяти метров в вышину, можно было взобраться к самой стене обрыва и убедиться, что и ледяные массы и толща наносов между ними лежали на сплошном льду, составлявшем, таким образом, основание острова вышиной над уровнем моря в двенадцать — пятнадцать метров.

Осмотр берега показал путешественникам, что кости животных находились не в ледяных массах, а в толщах наноса между ними. Это подтвердил и Горюхов, бывший на острове много раз и видевший иногда и трупы: последние также находились в наносе.

Пройдя километров десять вдоль берега и убедившись, что его состав повсюду одинаков, путешественники вернулись к обеду в Малое Зимовье, захватив несколько найденных костей, в том числе череп носорога и бивень мамонта. В ледяных частях стены им удалось видеть также начало разрушительной работы солнца в виде ниш, выеденных во льду его лучами, украшенных свисавшими сверху ледяными сосульками, подобными сталактитам известковых пещер.

За обедом Горюнов рассказал товарищам, как объяснял Толль образование этого странного острова и причины его богатства трупами исчезнувших животных. По мнению этого ученого, льды острова, сохранившиеся ко времени великого оледенения, представляют остатки большого ледника. Поверхность ледника, скрашившегося по окончании этого периода, была изрыта процессом таяния, работой ручейков талой воды, стекавших с более высоких частей острова; в этих ложбинах и рытвинах вода отлагала песок и ил. Остатки

растений, найденные в этих наносах, показывают, что в то время здесь растительность была гораздо пышнее, чем сейчас, когда она состоит из лишайников, мха, цветковых растений карликового роста; прежде же здесь росли целые рощи ольхи, достигавшей четырех — шести метров высоты, затем ивы и многочисленные злаки, несмотря на соседство ледяных масс. Очевидно, климат послеледникового времени был мягче современного, так как теперь подобные растения встречаются на материке только на несколько градусов широты южнее. Остатки ницы, найденные в жалюдках и зубах трупов мамонта, показывают, что последний питался этими растениями, а положение трупов в толщах наноса между ледяными массами доказывает, что он тут же и жил и погибал.

Почему же Большой Ляховский остров стал излюбленным приютом различных млекопитающих послеледникового времени?

Это можно объяснить тем, что в начале четвертичного периода суши Сибири простиралась значительно дальше на север, чем в настоящее время, и Новосибирские острова входили в состав этой суши. В конце последнего ледникового периода, когда в Сибири еще сохранились мамонты, длинноногие носороги, первобытные быки и уже существовал первобытный человек, эта северная окраина Сибири начала разбиваться большими разломами и отдельные участки ее опускались и затоплялись морем. Более высокие участки постепенно освобождались от льда и покрывались растительностью. Климат был тогда теплее современного, судя по остаткам флоры, найденным в отложениях вместе с костями. Животные, конечно, спасались от наступавшей воды на возвышенные участки суши. Одним из таких участков был нынешний остров Большой Ляховский, как и другие острова Новосибирского архипелага, и на нем собралось особенно много животных, бежавших инстинктивно на юг, именно потому, что он самый южный из этих островов. Но он был уже отделен широким проливом от материка, т. е. превратился в остров, и сухопутные животные, попавшие на него, уже не могли идти дальше. Этих животных скопилось на нем так много, что остров не мог пропитать их всех и сделался их кладбищем.

О том, сколько на нем жило мамонтов, можно судить по тому, сколько мамонтовой кости, т. е. бивней, промышленники доставляли в прежнее время на Якутскую ярмарку. По статистике видно, что ежегодно привозили от 1000 до 1400 пудов, в среднем 1200 пудов. Пара бивней крупного мамонта весит 80 килограммов, т. е. 5 пудов. Следовательно, на ярмарку ежегодно привозили бивни от 240 мамонтов. Большую часть их добывали на Большом Ляховском острове, где прибой моря подмывал ледяную стену, описанную выше, и освобождал из льда и включенных в него залежей наносов бивни, которые и попадались в большом количестве на прибрежье. Здесь их и собирали промышленники, потому что это было гораздо легче, чем выкапывать их из мерзлого наноса в ледяной стене.

Таким образом, некогда, в конце последнего ледникового периода, когда эта часть прежней суши уже превратилась в остров, отделенный от материка широким проливом, по нему бродили многие сотни мамонтов, мало-помалу погибавших на нем от голода. Одни попадали в грязевые потоки, образовывавшиеся при таянии льда летом, другие увязали в болотистой почве впадин, привлекавших их своей травой, третьи проваливались в трещины ледника, на поверхности которого спасались от докучливых комаров, слепней и оводов, и трупы их заносились потом песком и илом. Только такие трупы могли сохраниться в вечной мерзлоте, которая развивалась по окончании оледенения, тогда как трупы, лежавшие свободно на земной поверхности, уничтожались хищными зверями и птицами, и от них оставались только кости, также разрушившиеся со временем, и более прочные бивни. Вот почему этот остров сделался главным хранилищем мамонтовой кости, привлекавшим промышленников всего северного побережья.

— Нужно заметить,— прибавил Горюнов по окончании своего объяснения,— что не все ученые разделяют взгляды Толля на происхождение испараемого льда Ляховского острова. Например, Бунге, изучавший его одновременно с Толлем, полагает, что этот лед — не остатки прежнего ледника, а позднейшее образование и что подобный лед создается и в настоящее время по всей Северной Сибири замерзанием воды, попадающей

весной в глубокие трещины в мерзлой почве, образовавшиеся осенью от морозов и зимой заполненные снегом. Следовательно, этот ископаемый лед гораздо моложе того времени, когда жили мамонты.

— Как же тогда животные могли попадать в лед, если он гораздо моложе? — спросил Костяков.

— В том-то и дело, что трупы их лежат не во льду, а в почве тундры между ледяными массами. Это заметил и подчеркивает Толль.

— Следовательно, они разгуливали и гибли, увязнув в болотистой тундре? Разве эта тундра во время их жизни была так болотиста? Мы слышали, что на ней росли деревья и хорошая трава, — заметил Ордин.

— По мнению Бунге, выходит как будто так, — ответил Горюнов. — Но я больше склоняюсь к гипотезе Толля, и вот почему. Мы сегодня видели в обрывах, что не лед образует отдельные стены среди почвы тундры, а, наоборот, эта почва заполняет впадины и расселины среди льдов.

— А имеются ли доказательства оледенения севера Сибири помимо Ляховского острова? — спросил Ордин.

— В том-то и дело, что имеются. Толль нашел старые морены, то есть глину и песок с валунами, оставленные ледниками при их отступлении, и на Таймырском полуострове, и на реке Анибаре, и на Котельном, и на острове Новая Сибирь. Миддендорф видел так называемые эрратические валуны, то есть валуны, принесенные льдом издалека и оставшиеся после его таяния, по всей Таймырской тундре¹.

— Я читал как-то, что есть и другие способы образования ископаемого льда, — заметил Ордин. — Небольшие озерки в тундре нередко вымерзают до дна, и если лед весной будет занесен слоем ила, который предохранит его от таяния, он превращается в ископаемый. Большие сугробы снега где-нибудь на склоне холма, под обрывом речного берега или в овраге тоже могут быть занесены песком и илом и постепенно превратятся в лед, который будет существовать до тех пор, пока его защита не будет уничтожена.

¹ По новым данным, весь север Сибири до 60—62° северной широты подвергался очень сильному оледенению.

— Совершенно верно! — сказал Горюнов. — И я могу прибавить еще один способ. Это — наледи на берегах сибирских речек, иногда достигающие большой толщины, длины и ширины. Они весной также могут быть занесены илом и песком. В таких ископаемых наледях кое-где также были найдены трупы современников мамонта. Но нужно сознаться, что вопрос об ископаемом льде имеет еще много темных сторон, которые ждут новых исследований. До сих пор никто им специально и всесторонне не занимался.

— Мне кажется, что и вопрос об условиях жизни и гибели мамонта и его современников тоже разъяснен недостаточно и заслуживает дальнейшего изучения, — заметил Ордин. — Ну, например, зачем они ходили по леднику или забирались на речные наледи?

— Это-то вполне понятно: они спасались от комаров, оводов и других жалящих насекомых, очевидно уже многочисленных в то время. И теперь северные олени летом поступают так же, спасаясь на уцелевших снежных сугробах, наледях, ледяных полях на берегу моря; наевшись на моховых кормовищах, они стоят часами в этих холодных местах, дремлют или жуют свою жвачку. Но, помимо этого, в мамонтовом вопросе, конечно, достаточно неразъясненного. Вымирание этих животных объясняют ухудшением климата. Но последнее произошло не сразу, а тянулось целые века; следовательно, вымиранию должно было предшествовать вырождение, измельчание. Эта сторона совсем не освещена, нужно собрать огромные коллекции костей, чтобы проследить этот процесс.

— Не заняться ли нам этими вопросами? — сказал Костяков.

— Вернемся через год в Россию, кончим университет и...

Междур островами Новой Сибири

На следующее утро чуть свет караван опять двинулся в путь. Километров пять шли на запад вдоль южного берега острова и имели возможность наблюдать такие же ледяные обрывы, как накануне. Затем начался переход через длинный западный полуостров, вытянувшийся в море и оканчивающийся скалистой горой Киги-

лях — одной из четырех вершин острова. Ее странное положение среди моря всего лучше объясняется уничтожением части острова, которая окружала ее прежде, за исключением узкого и длинного перешейка. Через начало этого перешейка и нужно было перевалить, чтобы сократить себе дорогу километров на тридцать.

Горная группа Кигилях получила свое название от обилия скал в виде высоких столбов с фантастическими формами, созданными выветриванием гранита. В образование промышленников видят в этих столбах фигуры окаменевших людей (киги — человек, кигилях — человеческий); промышленники окружают гору суеверным уважением.

Они, например, были крайне недовольны, когда Бунге отбивал молотком образчики горной породы от утесов, и говорили ему, что это кощунство не пройдет ему даром. Они говорили также, что на вершину взобраться нельзя, так как дерзкий путник будет немедленно окутан густым туманом и погибнет, свалившись в какую-нибудь трещину. Туманы действительно образуются здесь внезапно и очень быстро, так что предсказание суеверных людей легко может оправдаться. Спутники Бунге, которому так и не удалось взобраться на вершину, принесли горе в жертву медные и серебряные монеты.

Перевал через перешеек заставил путешественников изрядно попотеть: сначала пришлось втаскивать нары по крутым оврагу, врезанному в обрыв берега, а затем, после нескольких километров пути по холмистой поверхности, так же круто спускаться на другую сторону.

После подъема каюры, обратившись лицом к Кигиляху, кланялись ему, вымаливая себе счастливый путь и удачный промысел. Так как гора, возвышавшаяся со своими мрачными столбами, полузанесенными снегом, подобно огромной развалине, находится километрах в двенадцати от перевала, то каюры не могли пожертвовать ей монеты и ограничились щепоткой табаку, который сдунули с пальцев в ее сторону. Даже Горюхов, более развитой и сознательный, чем его темные сородичи, хотя и не принял участия в обряде, но взглянул с укоризной на Никифорова, когда последний сказал с усмешкой:

— Ишь сколько табаку зря истратили, суеверы!

После спуска направились на северо-восток по льду вдоль северо-западного берега острова, который в плане представляет неправильный треугольник со сторонами длиной около ста километров, вершиной направленной к северу. Путь был нетрудный, так как торосы шли большей частью параллельно берегу, и можно было ехать по ровному льду между ними, изредка только пересекая поперечные гряды. Каюры поторопливали собак, часто поглядывая на небо. Погода, со временем выезда из Казачьего тихая и солнечная, начинала портиться; солнце светило в этот день сквозь какую-то дымку легких облаков, и с северо-запада по временам налетал порывами ветер. Нужно было торопиться, чтобы пурга не захватила в неудобном для ночлега месте. Топлива с собой не взяли, рассчитывая на плавник где-нибудь на берегу. Последний километров на двадцать от перешейка представлял те же ледяные обрывы. В одном месте Горохов показал путешественникам малозаметную промоину в обрыве, по которой когда-то стекала вся вода довольно большого озера Частного, прорвавшаяся в море. Это озеро было любимым местом пребывания диких гусей, летовавших на острове в период их линьки, а потому усердно посещалось в это время промышленниками, которые добывали ленных¹ гусей сотнями, убивая их дубинками. После исчезновения озера гуси нашли себе другие места, а промышленники лишились охоты, дававшей им и собакам провизию во время промысла.

За речкой Большое Зимовье берег острова сделался плоским, поднимаясь постепенно вглубь, где вдали виднелась центральная гора Хантагай. От устья этой речки следовало бы постепенно отдаляться от берега, направляясь прямо к южному концу следующего к северу острова Малого Ляховского, уже чуть видневшегося вдали. Но каюры, взглянув на западный горизонт, предпочли ехать и дальше вдоль самого берега и еще пуще подгоняли собак.

— Им хочется до непогоды добраться до Ванькина мыса,— пояснил Горохов, обменявшийся несколькими

¹ Гуси во время линьки теряют маховые перья и не могут летать; их называют лennыми.

словами с каюрами. — За мысом лучше укрыться от пурги, да и плавника там много.

После полудня, когда миновали устье речки Блудной, западный ветер налетал уже чаще, поднимая с торосов мелкую снежную пыль, которая неслась по воздуху прозрачными облаками и струилась змейками по поверхности снега. Низкое солнце уже было чуть видно сквозь пелену этой пыли.

Становилось холоднее. На ровных местах собаки бежали почти вскачь, и люди на лыжах едва поспевали за ними, отдыхая от бега только на торосах, где зато приходилось работать руками, помогая перетаскивать нарты.

Но вот впереди в те промежутки, когда ветер затихал и даль немножко прояснялась, стал показываться темный профиль Ванькина мыса. Миновали устье речки Тирской и стали огибать мыс, далеко выдающийся в море. И было время: небо на западе стало уже зловеще свинцовым, и при отдельных порывах ветра с трудом можно было держаться на ногах; снег слепил глаза, колол лицо уколами тонких иголок; собаки бежали, опустив головы и повернув их вправо.

С трудом обогнули мыс и сразу вздохнули свободнее: здесь, под его защитой, ветер чувствовался слабо. На высоте нескольких метров над головой небо было молочного белос от несшихся тучами снежинок, а вниз падали немногие, вырванные случайно из этого потока.

Хотя было еще рано, но о дальнейшем пути нечего было думать: за мысом сразу начиналась белая стена пурги, в глубь которой пришлось бы ринуться. Глубокая бухта, которая тянулась к востоку от мыса, также исчезала в белой мгле, так как мыс давал защиту только ближайшей к нему полосе. Никакого жилья здесь не было, и приходилось расставлять палатки у самого подножия обрыва, выбрав местечко поровнее среди байдарахов, т. е. куч сползшей с обрыва за лето земли. Каюры, впрочем, выбрали иное: вооружившись топорами, они стали вырубать себе нишу в высоком снеговом надуве, примыкавшем к обрыву. Горохов посоветовал путешественникам последовать их примеру, потому что ветер мог повернуть к северу и мыс перестал бы быть защитой, а грот в снегу служил бы лучшим

убежищем. Пурга могла ведь продолжаться сутки и двое суток.

Вырубить гроты в плотном снегу, который выламывался крупными глыбами, не потребовало много времени, глыбы складывались в стенку у входа, защищая последний на случай изменения направления ветра. Затем среди береговых торосов и сугробов стали откапывать плавник для топлива и только после этого разгрузили нарты и устроились хоть тесно, но уютно в обоих жилищах. Собаки давно уже лежали, свернувшись клачикаами среди байджарахов, за торосами и нартами и отдыхали в ожидании своего ужина. Костры развели не внутри снежных гротов, а снаружи, под защитой стенки из глыб, так как под влиянием лучистой теплоты огня гроты стали бы оттаивать и обдавать людей каплями воды.

Пурга бушевала всю ночь и затихла только к полудню следующего дня.

Как только ветер стал ослабевать и небо немного прояснилось, начали готовиться к отъезду. От Ванькина мыса взяли направление на северо-запад, на оконечность Малого Ляховского острова, находящегося километрах в десяти. Этот остров, гораздо менее Большого, вытянут с севера на юг километров на сорок — пятьдесят и не имеет выдающихся вершин; это очень плоская и низкая, слегка всхолмленная возвышенность. Его обогнули с запада, придерживаясь берега, и остановились на ночлег, не доезжая северной оконечности. Укрытием от непогоды здесь могли служить только ледяные глыбы торосов, но, к счастью, было тихо.

На следующий день предстояла самая трудная часть пути — через широкий промежуток между Малым Ляховским и Котельным островами, достигающий почти семидесяти километров. Трудность состояла в том, что здесь существует морское течение с востока на запад и осенью море долго не замерзает, а затем, замерзнув, нередко во время бурь вскрывается. Поэтому происходит частая подвижка ледяных полей и в результате сильная торосистость льда.

Запасшись топливом на очень вероятный случай ночевки в море, двинулись на северо-запад по направлению к мысу Медвежьему, самому южному на Котельном острове. Последний виднелся на горизонте в виде

большой плоско-выпуклой массы, напоминавшей опрокинутый чугунный котел, чем и объясняется его название, мало выдающаяся вершина горы Молакатын, высшей точки острова, поднимается над этим котлом.

Первые десятка два километров путь был довольно легкий, торосы нечасты и невелики; но затем в полосе течения и осенних полыней начались торосы один другого хуже. Иные кучи ледяных глыб и даже отдельные глыбы, поставленные торчком, достигали двадцати метров в вышину. Приходилось работать топорами, выравнивая дорогу, и втаскивать нарты при помощи веревок (кожаных, сплетенных из ремней), помогая собакам, выбивавшимся из сил. Иные торосы требовали по полчаса, а то и по часу времени.

Поэтому к закату солнца сделали только половину пути, правда худшую, и заночевали перед большим торосом, который не хватило сил преодолеть. Под защитой нескольких больших глыб расставили палатки и, наскоро поужинав, крепко заснули после трудного дня.

Около полуночи Горохов проснулся от громкого щелканья палатки над его головой.

— Неужели опять закрутило? — пробормотал он и хотел было повернуться на другой бок, как вдруг палатку так рвануло, что казалось, она вот-вот лопнет по всем швам.

«Несладко, видно», — подумал Горохов и, высвободившись из своего спального мешка, подполз к входу, с трудом отстегнул полотнище иглянул. По лицу ударило жестоким холодом и залепило глаза снегом. Палатка трепетала, вздрогивала, словно собираясь вспорхнуть и улететь.

«Ничего не поделаешь! Надо будить всех и укрепляться, — решил промышленник, — не то худо будет».

Он растолкал спящих, и все пятеро выползли на четвереньках на волю и принялись забивать глубже в лед железные колышки, придерживавшие полы палатки. Затем все ползком подтащили груженые нарты, поставили их по одной с трех сторон палатки и, перекинув через последнюю веревки, привязали их к нартам. Все это требовало больших усилий: ветер валил с ног и захватывал дыхание, снег слепил глаза, тьма была полная, и в трех шагах нельзя было разглядеть друг друга. Сквозь вой и свист ветра, вырывавшегося со сто-

нами из щелей между глыбами торосов, слышался стук топоров у палатки каюров, стоявшей шагах в десяти. И там проснулись и укреплялись.

Сделав возможное, залегли опять спать, но долго не могли согреться, прозябнув на ветру, с набившимся в рукава и за воротник снегом. Когда стало светать, Горюнов, проснувшийся первым, убедился, что пурга не унимается. Но палатка почти не трепетала; нагруженные снаружи снегом полы ее выгнулись внутрь, словно брюхо огромного животного, и угрожали лопнуть от тяжести. Приходилось опять вылезать и счищать снег. Горюнов не стал будить товарищей, а занялся этой работой при помощи лопаты. Сквозь белесоватую мглу уже просвечивали ближайшие глыбы торосов; ветер как будто ослабел, но валил более густой и мягкий снег.

Заглушенный крик и затем стон заставили Горюнова повернуться в сторону палатки каюров. Раньше она чуть-чуть была видна, а теперь исчезла. Почувяв недоброе, он побежал к ней, спотыкаясь почти на каждом шагу о собак, зарывшихся в снег. Оказалось, что палатка, старая и непрочная, не выдержала тяжести навалившего снега, разорвалась вдоль конька и обрушилась со всей своей нагрузкой на спящих. Последние под своими одеялами, придавленные снегом, не могли пошевельнуться; они глухо стонали, задыхаясь от недостатка воздуха.

Горюнов вернулся к своей палатке, разбудил товарищей, а сам с лопатой побежал к каюрам и начал их откапывать из снежной могилы. Подошедшие вскоре Горохов и Ордин помогли ему потом сташить полы палатки вместе со снегом в сторону и освободить людей; одного, потерявшего уже сознание, пришлось приводить в чувство.

Пока возились, стало совсемено светло, а пурга, очевидно, кончалась: снег поредел, ветер налетал только порывами, на востоке чуть-чуть показалось солнце. Откопали собак, нарты, сварили чай и пустились в дальнейший путь. Свежий выпавший снег несколько затруднял движение, так как выровнял неровности, и собаки или нарты часто проваливались в глубокие впадины. Пришлось двоим идти на лыжах впереди, чтобы проминать собакам дорогу.

Впереди горб Котельного острова занимал уже четверть горизонта; теперь на нем различались и гряды плоских высот, и береговые обрывы, в которых среди снегового покрова чернели отдельными пятнами скалы. Правее, за небольшим промежутком, тянулся более низкий Фаддеевский остров, чуть видный на горизонте.

К закату солнца, преодолев несколько гряд трудного тороса, добрались до мыса Медвежьего и затем быстро проехали еще пять километров до поварни на юго-восточном берегу. Последний не представлял таких ледяных стес, как берега Ляховского острова, а состоял из твердых горных пород, то стоявших стеной над льдом, то спускавшихся полого к морю и в этом случае скрытых сугробами снега.

Вдоль острова Котельного

Поварня на берегу оказалась полуразрушенной. Промышленники реже посещают этот остров, на котором для них мало поживы, а добираться до него трудно. Поэтому поварни, возобновляемые только при научных исследованиях островов, годами не поддерживаются, крыши начинают протекать и проваливаться, стены рушатся. Тратить время на починку ради одного ночлега не стоило, и, так как погода была хорошая, расположились ночевать на льду.

На рассвете все проснулись от собачьего концерта.

— Не иначе как медведь! — воскликнул Горохов и полуодетый выскочил с ружьем из палатки; остальные последовали за ним и увидели интересную картину. Шагах в десяти от собак стояли три белых медведя в нерешительной позе, так как все восемьдесят собак метались на своих привязях, вскакивая на задние лапы, беспрерывно лая вперемежку с визгом и воем. Концерт был ужасающий, способный разбудить мертвого. Медведи, вероятно, высматривали, которую из собак легче подмять, не подвергаясь нападению ближайших сбоку и сзади. Они уже направились к самой крайней упряжке, где несколько собак перепутали свои привязи и сбились беспомощно в кучу, не переставая лаять. Но тут раздались выстрелы от обеих палаток, и один медведь, пораженный разрывной пулей из ружья Ордина,

рухнул на лед, а два других пустились наутек, оставляя за собой кровавые следы. Каюры, Горохов и Горюнов бросились вслед за ними и вскоре догнали одного, видимо раненного сильнее, и прикончили его. Третий скрылся за торосом.

Неожиданная охота дала хороший запас свежего мяса, необходимого людям и собакам, и возможность оставить большой запас юколы на складе, который собирались соорудить у северного конца острова.

Свежевание туш и разделка их заняли немного времени, и вскоре караван двинулся дальше на север. Путешествие вдоль острова продолжалось еще четыре дня, потому что остров достигает ста восьмидесяти километров в длину, а вдоль берега — больше двухсот. Внутри весь остров гористый и представляет каменную тундру.

На последнем переходе вдоль берега, когда после полудня миновали устье реки Решетниковой, погода опять испортилась. Небо быстро покрылось тучами, задул свежий юго-западный ветер, и пошел снег. Но, несмотря на метель, шли вперед, так как мороз был небольшой, а до конечной цели — северного конца Котельного — было уже близко.

Этот конец представляет плоский мыс, вблизи которого экспедиция Толля построила поварню для склада на случай зимовки на острове. В этой же поварне Горюнов хотел устроить и свой склад — базу для той же цели и для обратного пути на материк.

Поварня оказалась в хорошем состоянии, и в ней неожиданно нашли даже некоторые припасы, оставленные за ненадобностью при ликвидации поисков, — порядочный запас юколы, несколько ящиков с консервами, большую жестянку с медвежьим салом, несколько ящиков с сухарями и даже мерзлую оленью тушу. На островах летует довольно много диких оленей, которые ранней весной приходят с материка по льду и уходят поздней осенью, когда море только что замерзнет. Они совершают это большое путешествие на север, небезопасное при осеннем возвращении, когда тонкий лед легко может быть взломан ветром, потому что на островах им привольнее, безопаснее от главного врага — человека; кроме того, нет докучливых насеко-

мых, составляющих летний бич животных и людей на материке.

Переход оленей на острова уже начался — на снегу местами виднелись их следы возле Малого Ляховского — и должен был усилиться. Каюры рассчитывали поохотиться на оленей на обратном пути. Поэтому они, разгрузив нарты и пользуясь остатком дня, простились с нашими путешественниками и поехали налегке вдоль восточного берега Котельного, предполагая ночевать в удобном для охоты месте. С ними Горюнов отправил письмо Шепку с изложением хода экспедиции; это была последняя весть, которую он мог послать, да и она должна была прибыть в столицу только к осени.

Не без тяжелого чувства путешественники распостились с каюрами и смотрели им вслед, пока те не скрылись за поворотом берега. Порвалась последняя нить, соединявшая их с остальным миром. Теперь они остались одни, предоставленные собственным силам, на пороге неизвестной области, где не могли рассчитывать ни на какую помощь.

Желая рассеять грустные мысли, принялись за сортировку и укладку имущества, оставляемого в складе, чтобы на следующее утро, если позволит погода, спешить на север. Был уже конец марта, день длился более тридцати часов, и в тихую погоду солнце могло греть и портить дорогу. Рассортировали и переместили ящики и сложили все в глубине поварни, в которой оставалось еще место для ночлега.

Но утихший под вечер ветер с полуночи возобновился со страшной силой, температура упала до -40° , и закрутила пурга. Горохов и Никифоров, вышедшие на рассвете покормить собак, вернулись окоченевшие и заявили, что ехать невозможно. В такую погоду приходится буквально отлеживаться, потому что сидеть в поварне, полутемной и дымной от огня в чувале, — мало удовольствия. Встают только для приготовления пищи, а потом опять на боковую.

На второй день невольного сидения из-за пурги Никифоров, растапливая чувал, нашел среди дров, запасенных в поварне, какое-то странное тяжелое плоское полено с мелкоребристой поверхностью, слегка изогнутое и с одним острым концом. Он повертел его

в руках и, усомнившись в его горючести, показал Горожанову.

— Это, надо быть, коготь птицы экзекю,— сказал якут, осмотрев полено.

— Коготь! Да он только чуть короче моей руки,— удивился казак.— Эта птица должна быть побольше нашей поварни, если имеет такие огромные когти. Где же эта птица живет?

— Она жила, старики говорят, на Котельном острове. Первые промышленники еще видели ее. Правда ли это, как полагаете, Матвей Иванович?

Горюнов осмотрел находку, рассмеялся и передал ее Ордину со словами:

— Это рог ископаемого длинношерстного носорога, современника мамонта. Я видел такие рога в Якутском музее и в Петербурге, в музее Академии наук.

— Почему же его считают когтем исполинской птицы?

— Потому что он по своей форме и ребристой поверхности действительно похож больше на коготь, и среди юкагиров, ламутов и тунгусов нашего края другого мнения нет. Мало того, сто лет тому назад некоторые ученые думали так же: Геденштром, первый исследователь Новосибирских островов, в своих «Отрывках о Сибири» упоминает об этих когтях в полном убеждении, что они принадлежали птице. Толль на Котельном острове посетил холм Эксекю близ речки Драгоценной, на котором, по уверению его проводников, эта птица жила. Они сказали ему, что она была так велика, что при полете заслоняла солнце. Когда первые промышленники, попавшие на Котельный, приблизились к холму, птица закричала «маук, маук» и улетела. На холме они нашли яичную скорлупу и огромные перья. Но птицу с тех пор никто больше не видел.

— Она имела две головы, говорят,— вставил Горожанов.

— Да, да. Всего любопытнее, что двуглавый орел, изображенный на наших медных монетах, по мнению юкагиров, и представляет птицу экзекю. У них много курьезных преданий о птице, как упоминает Врангель. А черепа носорога, найденные рядом с рогами, они считают черепами экзекю.

— О мамонте туземцы Сибири также рассказывают много небылиц,— заметил Ордин.

В этот день путешественники коротали время, спрашивая Горохова и Никифорова о мамонте и других исчезнувших животных и передавая им то, что сами знали о них из книг.

Через Ледовитое море

Наконец пурга, державшая путешественников трое суток в плenу, утихла. С раннего утра весеннее яркое солнце ослепительно засверкало по снегам несозримой равнины Ледовитого моря, расстилавшейся на запад, север и восток от северного мыса Котельного острова. Всем пришлось надеть сугговые очки, чтобы не получить мучительной болезни глаз, которой на Крайнем Севере многие подвергаются весной. Солнце стоит еще низко, бесчисленные снежинки равнин, особенно после выпадения свежего снега, отражают лучи его миллионами крошечных зеркал своих ледяных пластинок, и получается такой яркий блеск, что глаза воспаляются. Человек слепнет на несколько дней и испытывает колющие боли, не дающие покоя. Даже самые темные очки недостаточны, если не дополнены густой сеткой, закрывающей с боков промежуток между лицом и стеклом. Туземцы носят самодельные очки, представляющие просто дощечку с узким прорезом, пропускающим минимум света, но и они не всегда спасают.

Пока Горохов и Никифоров откапывали занесенные сугробами нарты, приводили в порядок упряжь и распределяли груз, все три путешественника поднялись на невысокий холм, возвышающийся позади мыса, чтобы осмотреть местность и выбрать лучшее направление пути через море; ясная погода позволяла видеть вдаль на большое расстояние.

Снеговая равнина моря, где зимний пурги свирепствовали на полном просторе, в разных местах нарушалась более или менее широкими и длинными полосами торосов в виде очень неровных белых валов с торчащими то тут, то там глыбами льда, на которых снег не мог удержаться и которые просвечивали бледно-зеленым светом; иные сверкали как зеркало, отражая

солнечные лучи. Местами видны были темноватые площади среди белых; но это не были полыни, а места, где снег был дочиста сметен с гладкого льда. Только вдали, километрах в сорока, полоса низкого белого тумана выдавала открытое море — полынью, которая тянулась по всему горизонту, так что обойти ее было невозможно; при пасмурном небе площади открытой воды узнаются по темному пятну, которое они дают на светло-серой пелене облаков.

Эта полоса тумана закрывала лежавшую за полыней снеговую равнину, но на самом горизонте на севере виднелось что-то темное, выдававшееся над туманом.

— Вот, кажется, виден остров Беннетта! — воскликнул Ордин, первым обративший внимание на это место горизонта.

Горюнов и Костяков взглянули в указанном направлении, и первый сейчас же взял засечку по компасу.

— Это не остров Беннетта, — сказал он. — Остров находится много восточнее и с Котельного не виден: он слишком далек. Если это не мираж, то мы видим Землю Санникова. По Толлю, она должна быть в этой стороне.

Двое вытащили бинокли, а третий — старую подзорную трубу, подарок Шенка «для поисков Санниковой Земли». Темные массы то исчезали за туманом полыни, то появлялись. Тем не менее удалось рассмотреть, что это целая цепь довольно острых темных вершин, на которых белели полосы и целые поля снега, рассекавшие цепь на отдельные части. Эта цепь тянулась на некоторое расстояние, а затем быстро исчезала, понижаясь в обе стороны. До нее по прямой линии было не меньше ста двадцати — ста тридцати километров.

- Несомненно, земля!
- Да, и очень высокая и гористая!
- Почему же она не вся в снегах?
- Очевидно, склоны гор слишком круты, чтобы на них всюду мог удержаться снег.
- Но на таких круtyх горах не может быть места ни для гусей и уток, ни для онкилонов.
- Среди гор есть и долины.
- Во всяком случае, это не мираж, а Земля Санникова, — заявил Горюнов. — Она расположена в той ча-

сти горизонта, где ее видели и Толль и сам Санников. Мираж не может быть всегда на одном и том же месте. Он образуется над поляньями, а последние меняют место, как мираж меняет свои очертания.

Подзорная труба оказалась лучше хороших биноклей, и Костяков, обладавший ею, заявил, что различает две гряды: переднюю пониже и почти сплошь белую, а заднюю выше с черными скалами.

— А между грядами, несомненно, есть долина, и, может быть, очень широкая!

— И в ней онкилы, живущие вне досягаемости! — замстил Ордин.

— А мы хотим нарушить их мирное существование своим появлением! — прибавил Костяков. — Трудно даже представить себе людей, которые несколько веков уже оторваны от всего мира.

Визг, вой и лай собак, донесшийся на холм снизу, прервал беседу и напомнил, что пора отправляться в путь. Если нет пурги или жестокого мороза, то собаки с нетерпением ждут отъезда и по-своему выражают свою радость, когда видят, что все готово. Горюнов еще раз взял по компасу направление на таинственную землю, и все трое спустились к поварне.

— Однако землю сегодня видно? — встретил их вопросом Горохов.

— Отлично видно, никакого сомнения быть не может, — сказал Горюнов.

— Надо поглядеть! Пока вы чай пьете, я успею сбежать. Я ведь только раз видел, и то плохо.

Взяв у путешественников бинокли, оба промышленника отправились на холм. Собаки, заметив, что одни люди ушли в поварню, а другие на гору, затихли и улеглись в своих упряжках на снег.

Спустившись с холма, Горохов и Никифоров подтвердили, что Землю Санникова отлично видно, и на том самом месте, на котором они наблюдали ее раньше.

Вскоре маленький караван спустился с мыса на море и пошел почти прямо на север. Собаки, отдохнувшие за три дня, везли бойко, хотя нарты получили добавочный груз в виде дров, запасенных на целую неделю. Хотя переход до земли можно было сделать дня в три, но пурга могла опять разразиться и задержать

движение; ночевать же без возможности согреть чай и пищу при жестоком морозе очень тяжело.

Подвигались то быстро по ровным местам, то медленно, преодолевая торосы. К вечеру прошли километров сорок и остановились на ночлег среди широкой полосы торосистого льда, выбрав ровное местечко под защитой больших глыб. Быстро раскинули палатку, зажгли костер, сварили ужин и потом посидели часок у огня, который бросал красные отблески на зеркала льдин. Солнце исчезло на западе; на юге сквозь легкую пелену туч то показывалась, то исчезала прибывавшая луна; на севере слабо играли сполохи — северное сияние — в виде желтоватых дуг и столбов, хорошо заметных, только когда луна скрывалась за тучей.

Перед тем как лечь спать, Горюнов вскарабкался на гребень тороса осмотреть горизонт. Показалась луна и снеговая равнина, валы торосов и глыбы засияли мягким голубоватым светом. С юга тянул холодный ветерок, и там на горизонте чернели тучи, на фоне которых плоским горбом чуть выделялся Котельный остров.

На следующий день погода была хмурая и южный ветер усилился. Горохов и Никифоров ждали пургу и подгоняли собак. Но лед стал очень неровным, широкие пояса торосов встречались чуть не на каждом километре, и вперед подвигались медленнее, чем накануне. На сером небе впереди с утра уже ясно выделилась темная полоса, указывавшая широкую и длинную полынью. К вечеру последняя была уже настолько близко, что можно было расслышать шум волн. С перевала через высокий торос наконец увидели в полукилометре открытое море, покрытое беляками волн и отдельными плавающими льдинами; оно уходило на север, казалось, до горизонта. Назавтра предстоит переезд через него, если не помешает пурга.

Поэтому решили подъехать ближе к краю льда для более быстрого спуска байдары и удобной ее нагрузки; так как ветер дул с юга, то нечего было опасаться, что море начнет ломать лед с этой стороны. На ночлег устроились среди льдин последнего тороса, шагах в полутораста от открытой воды, выбрав ровную площадку, на которой с трудом уместились нарты, собаки и палатка; с юга и запада эта площадка была защищена

огромными отвесными и наклонными льдинами, и вообще этот торос изобиловал ими, свидетельствуя о том, что при последнем северном ветре здесь был страшный нахим ледяных полей друг на друга.

Под защитой льдин и с огоньком у входа в палатке было тепло и уютно. Между тем ветер к ночи усилился и пурга разразилась. При свете костра видно было, как в темном небе на пять-шесть метров над палаткой несутся целые потоки снежинок, сложенные из изгибающихся, переплетающихся, волнующихся струй и струек. Под напором ветра толстые льдины содрогались, а сквозь свист и гул по временам раздражались как будто резкие выстрелы.

— Это что такое? — испуганно спросил Костяков, когда такой выстрел послышался впервые.

— Во льду образовалась новая трещина, — ответил Горюнов.

— Лед трещит, — подтвердил Горохов спокойно.

— А наше убежище не может разломать?

— Если ветер повернет кругом и подует с севера, тогда пожалуй, потому что волна будет бить в край нашего ледяного поля и начнет поднимать и ломать его. А пока ветер с юга, опасаться нечего.

— А жутковато здесь, Матвей Иванович, — сказал Никифоров, — что ни говорите! Подумать только, сидим мы спокойно, трубочки потягиваем, калякаем, а под нами всего аршина два льду и бездонная бездна! Там, промеж островов, все-таки спокойнее, море не-глубокое, земля близко.

— Не все ли равно, сколько глубины под нами, — двадцать ли, сто ли метров? — засмеялся Ордин. — И там и тут утонем, если лед провалится.

— Все-таки здесь страшнее, потому что моря и земли не видно.

— А ты залезь под шубу и засни, может, и увидишь! — пошутил Горохов.

— И то правда, заляжем-ка, проснись до утра, там на свету спокойнее будет.

Но спали все-таки тревожно, потому что, лежа на льду, слышали еще лучше, как то ближе, то дальше образуются трещины. Собаки также против обыкновения спали беспокойно, и то одна, то другая начинали ворчать или завывать. Горохов несколько раз вставал и вы-

глядывал из палатки, чтобы убедиться, не меняется ли направление ветра. Когда рассвело и все проснулись, он успокоил остальных словами:

— Ни зги не видно, задувает по-прежнему, можете не вставать.

Провалились до позднего утра, когда голод поднял всех. Развели огонь, поставили чайник; Горохов и Никифоров пошли кормить собак, сбившихся в кучу между двумя нависшими льдинами, где ветер совсем не чувствовался. Пурга начала менять свой характер: то затихнет минут на пять, на десять, так что небо начинает проясняться, то заревет с удвоенной силой. Во время одного затишья Горохов вскарабкался на высокую льдину, огляделся кругом, протяжно свистнул и закричал:

— Однако, паря, мы куда-то поплыли, кругом вода!

Все, перепуганные, полезли к нему на льдину и увидели, что на юге, откуда вчера пришли по льду, чернеть сквозь снежную мглу море; на севере тоже чернела вода, а на запад и восток тянулся торос, но насколько далеко, нельзя было разобрать. Вглядываться долго не пришлось, потому что новый порыв ветра застял все снегом и согнал их вниз. Пришлось вернуться в палатку.

— Я думаю,— сказал Горюнов,— что ледяное поле, на котором мы находимся, было слабо припаяно к остальным. Когда лед потрескался, напор ветра оторвал наше поле и погнал по морю.

— Но куда?

— Очевидно, на север, куда он дует.

— Но если в этой части моря есть течение, то нас может унести далеко на запад или на восток!

— Конечно, может.

— Что же нам сделать?

— Ничего сделать нельзя. В такую погоду плыть на нашей байдаре опасно. Остается ждать, пока пурга не кончится.

— А если льдину еще разломает?

— Если ее до сих пор не разломало, то будем надеяться, что не разломает и впредь, по крайней мере пока не натащит на другое поле или не прибьет к сплошному льду.

— На этот случай не мешало бы подготовить нашу байдару и сложить в нее все вещи.

— Правильно! — заявил Горохов.

Позавтракав, занялись разгрузкой нарт и соединением частей байдары. Потом сложили в нее груз и нарты, оставив только палатку и постели в ней, уборка которых могла быть исполнена при первых признаках опасности. Время от времени, когда ветер затихал, лазили на льдину, но видели по-прежнему на севере и на юге море, от которого в обе стороны их отделяло расстояние метров по сто.

Так прошел день. Пурга свирепствовала по-прежнему. Поужинав, долго сидели при свете догорающего огня. Настроение было тревожное: по временам казалось, что лед колеблется под ногами. Но выстрелов, показывающих образование новых трещин, с утра уже не было слышно. Очевидно, оторвавшееся поле было достаточно прочно. Ночью дежурили поочередно на всякий случай. Ветер стал ослабевать, и по временам сквозь снежную мглу даже показывалась луна в виде тусклого расплывшегося пятна.

Ордин, которому досталось последнее дежурство, на рассвете задремал и проснулся от солнечного луча, освещившего его лицо. С удивлением он увидел взошедшее уже солнце и над собой бледно-голубое небо. Ненастье кончилось, ветер дул сравнительно слабо, часто затихая; свежий снег начал ослепительно сверкать.

Быстро вскарабкался Ордин на льдину и увидел на юге до горизонта синеющее море с зайчиками на мелкой волне; на западе ледяное поле кончалось в полукилометре, на востоке — еще ближе. На севере, совсем близко за полосой воды, виднелся край сплошного льда, медленно приближавшийся. Ордин поспешил разбудить остальных. Все залезли наверх.

— Если бы восходящее солнце не показывало сразу, где у нас север, где юг, я бы подумал, что море к северу от нас, как и раньше! — воскликнул Костяков.

— Да, нам удивительно повезло! — заявил Горюнов.

— Вместо того чтобы плыть в байдаре и хлопотать с нагрузкой и выгрузкой, мы лежали себе спокойно в палатке, а пурга перевезла нас сама через море.

— Словно на плашкоуте через речку переправились, — прибавил Горохов.

— И на казенный счет, ничего не заплативши,— рассмеялся Никифоров,— по нашему открытому листу!

— Попугала нас пурга-матушка только немного для остротки, чтобы не баловались! — сказал Костяков.

— А что, причалит она нас к берегу или придется все-таки спускать байдару? — заметил Ордин.

— Будем надеяться, что причалит. Плыть уже немного, а ветерок задувает, и наш торос хорошо пусчит.

— Пока что давайте завтракать и в путь готовиться,— предложил Горюнов.

Так как ветер был слабый, льдина, так удачно послужившая паромом для экспедиции, подвигалась вперед медленно. Успели позавтракать, разобрать байдару, уложить нарты и взобрались опять на торос, чтобы выждать момент причала парома к краю неподвижного льда. Пришлось ждать около часу; наконец почувствовалось сотрясение всего поля, и на глазах у наблюдателей вдоль линии соприкосновения начало крошить лед и вздыматать обломки торосов. Но напор был слабый, торос вышел пустяковый, и паром успокоился.

— Причалили! — воскликнул Горохов.

Вооружившись топорами и лопатами для очистки дороги, путешественники подъехали к краю парома и, выбрав более ровное место, в короткое время переправились на неподвижный лед.

Никифоров с комической важностью поклонился покинутой льдине и крикнул:

— Спасибо, парень, за перевоз! Молодцом прокатали, что и говорить!

Предполагая, что ледянной паром не очень уклонился от направления маршрута, Горюнов повел нарты на север, рассчитывая с высоты более крупного тороса увидеть Землю Санникова и ориентироваться по ней. Путь сначала был очень труден, один торос сменялся другим, и к обеду едва сделали десять километров. Эти торосы совершенно закрывали вид вдаль. Наконец около полудня начался более ровный лед, и на горизонте сквозь дымку чуть показались острые вершины таинственной земли, все еще очень далекой.

— Третий день едем, а будто нисколько не виднее стала она! — сказал Горохов таким странным тоном,

что Горюнов, стоявший рядом с ним, обратил на это внимание.

— Ты что-то нехорошее надумал, Никита, — сказал он.

— Верно! Сомнительно мне стало. Не к добру нас льдина так чудно через море перевезла, Матвей Иванович. И подумалось мне, что это не земля, а марево. Завлечет нас, все будет маячить вдали и манить. Заедем так далеко, что и вернуться нельзя будет.

— Ну, пустяки ты надумал! — рассмеялся Горюнов. — Вот увидишь, еще день-другой — и рукой подать будет до этой земли.

— А я полагаю, что если завтра се ис будет видно так, чтобы не было сомнений, нам лучше повернуть назад, пока не поздно.

Горюнов прекратил разговор и взял направление на землю. Она оказалась уже на северо-востоке; очевидно, паром снесло ветром или течением порядочно на запад. Пришлось изменить направление маршрута. Более ровный лед позволил двигаться быстрее, и к вечеру прокатили еще тридцать километров. Перед закатом горизонт совсем прояснился, и путешественники увидели уже совершенно ясно, без помощи бинокля, цепь остроконечных черных вершин, поднимавшихся над плоским белым горбом. Даже Горохов как будто успокоился.

Еще два дня шли в том же направлении, но из-за пасмурной погоды земли не было видно; тучи низко стлались по небу и, очевидно, скрывали ее. Наконец на третий день, вскоре после обеденного привала, торосы совсем исчезли и снеговая равнина, покрытая застругами, начала заметно подниматься. Собаки сразу замедлили свой бег.

— Уж не земля ли под нами? — воскликнул Ордин.

— Подлинно земля! — подтвердил Никифоров. — В гору поехали, собачки ясно показали.

В это время сквозь рассеявшиеся на минуту тучи впереди в нескольких верстах показалась как будто высокая белая стена.

— Пока, кроме снега, ничего нет на этой земле! — проворчал Костяков. — Горы куда-то скрылись.

— Вот нетерпение! За белой стеной и горы увидим. А вот вам и кое-что кроме снега! — Горюнов указал

зал вправо, где что-то чернело в сотне шагов от каравана.

Все трое устремились к этому месту. Ордин вынул из-за пояса молоток, готовясь вступить в рукопашную схватку со скалой, потому что это была плоская, гладкая скала, выдававшаяся бугром над снежевой равниной. Поверхность ее была отполирована снежинками, которые проносили по ней пурги. Но с помощью зубила, вставленного в трещинку, удалось выломать кусок породы. Ордин внимательно осмотрел ее и заявил:

— Это, пожалуй, базальт.

— Что и следовало ожидать,— заметил Горюнов.— Эта вулканическая порода, по-видимому, очень распространена на островах Ледовитого океана и свидетельствует, что здесь когда-то были громадные излияния лавы.

— Эх, и тепло было тогда здесь! Не то что теперь! — прибавил Костяков тоном сожаления.

Кусок базальта торжественно поднесли Горохову, оставшемуся с Никифоровым у нарт. Это было лучшее доказательство, что под ногами земля, край таинственной Земли Санникова, на которую, может быть, впервые ступила нога человека.

Медленно поднимаясь вверх по уклону, караван часа через два очутился у подножия белой стены, которая оказалась тоже откосом, но более крутым. Она тянулась, насколько видно было сквозь легкий туман, окутавший местность, далеко в обе стороны, преграждая путь. Приходилось подниматься вверх, но не прямо, а наискосок. Снег, уплотненный пургами, был настолько тверд, что даже полозья тяжелых нарт слабо врезывались в него.

На пороге обетованной земли

Медленно, длинными зигзагами поднимался караван по белому склону все выше и выше, и казалось, конца не будет подъему; легкий туман, окутывавший склоны, не позволял видеть его гребень, и снежной откос скрывался уже в сотне шагов в сероватой мгле.

— Вот так высокая гора! — воскликнул Горохов при одной из остановок на повороте, необходимых для отдыха собакам.

— Мы, вероятно, попали очень неудачно на склон одной из окраинных гор, вместо того, чтобы пройти в долину,— предположил Ордин.

— Весьма возможно, что весь южный край земли таков,— заметил Горюнов.— Вспомните, что мы видели впереди скалистой горной цепи высокий снежный вал, протянувшийся далеко, вот на него мы, очевидно, и поднимаемся.

— Странная земля! — сказал Костяков.— Вместо крутых обрывов и скалистых мысов, которые окаймляют острова Новосибирские и Беннетта, здесь такая ровная длинная покать.

— И даже нет ледников, сползающих сверху, а только снег,— прибавил Ордин.

— Да, это странно! Этот склон южный, и снег на нем должен ставить за лето. Но над ним, как мы видели, поднимается более высокая цепь гор, с которых должны были бы спускаться ледники через склон к морю. А мы их пока не видели.

— Единственное объяснение этого странного факта, что за этим снеговым валом лежит глубокая долина и ледники спускаются в нее,— предположил Ордин,— а затем огромным ледяным потоком где-нибудь выходят к морю, как на Шпицбергене.

— Но где же тогда будут кормовища для птиц, прилетающих будто бы сюда, не говоря уже об онкилонах, в существование которых я, впрочем, не верю? — заявил Костяков.

— Потерпите же немного, товарищи, разгадка не за горами,— рассмеялся Горюнов.— Вперед, бодрее!

На следующей остановке барометр показал уже высоту в восемьсот метров над уровнем моря. Туман как будто стал гуще, и Горюнов заявил:

— Как хотите, а нужно повернуть обратно.

— Это почему? — спросил Горюнов.

— Не видите, что ли? Лезем, лезем, словно на небо. Не может быть такой высокой горы.

— Ох-хо-хо! — рассмеялись все трое, и даже Никифоров присоединился к ним.

— А туман что значит? Вспомните гору Кигилях, которая пускает туман, чтобы люди не могли влезть на нее.

— Ну, Никита, я вижу, ты от каюров суеверия на-брался. Туман на высокой горе — самая обыкновенная вещь, особенно в здешних местах. Не видали мы его, что ли?

— Ваша воля, делайте как знаете, а я вас предостерег. Потом не говорите, что Горохов вас в беду завел.

Потянулись дальние и еще через полчаса сквозь поредевший туман увидели наконец несколько темных скал среди снега, еще довольно высокого впереди. Все вздохнули свободнее и с новой энергией продолжали путь; снег стал рыхлее, и хотя уклон сделался пологим, но нарты погружались глубоко, и пришлось уминать дорогу для собак. Поэтому подъем замедлился, и последние полкилометра достались тяжело.

Солнце склонилось уже к закату, когда караван очутился наконец почти на гребне этого высокого снегового упала, где барометр показал девятьсот семьдесят метров. Туман белой пеленой стялся внизу, скрывая почти весь склон и подножие, но через него открывался далекий вид на торосистую равнину моря, расстилавшуюся до горизонта.

Оставив нарты у подножия плоской черной скалы, поднимавшейся невысоко над снегом, все пятеро поднялись на самый гребень и остановились в двух шагах от края огромного обрыва, которым оканчивался этот снеговой склон.

— Ну и чудеса! — воскликнул Никифоров, выразив этим всеобщее изумление перед развернувшейся впереди картиной.

Вместо сплошного снега и льда, которые нужно было ожидать на такой высоте почти в тысячу метров над уровнем моря под широтой в 79 и 80° , путешественники увидели перед собой картину пробудившейся весенней природы, хотя была только половина апреля, когда и под Якутском, на 15 — 17° южнее, весна еле намечается первым таянием снега.

Вниз от края обрыва мрачные черные уступы, на которых белел снег, уходили в глубь огромной долины, расстилавшейся на север до горизонта. На дне ее ярко зеленели обширные лужайки, разделенные площадями кустарника или леса, уже чуть подернувшегося зеленью первых листочков. В разных местах среди лужаек

сверкали зеркала больших и малых озерков, соединенных серебристыми лентами ручьев, то скрывавшихся в чаще кустов, то появлявшихся на лужайках. Над более далекими озерками клубился белый туман — они словно дымились. На западе, за этой зеленою долиной, поднималась чуть не отвесной стеной высокая горная цепь, гребень которой был разрезан на остроконечные вершины, подобные зубьям исполнинской пилы; на них полосами и пятнами лежал снег, тогда как ниже на обрыве его почти не было. Солнце уже спустилось за эту цепь, и вся долина погрузилась в вечернюю тень.

Цепь гор уходила на север, за горизонт, скрываясь в тумане, покрывавшем отдаленную часть долины. Туда же на север, насколько можно было видеть, тянулась и гряда, на гребне которой стояли наблюдатели и которая была ниже противоположной. На юге та и другая как будто соединялись, совершенно замыкая долину с этой стороны.

Безмолвное созерцание первых минут сменилось оживленным обменом впечатлений.

— Диво дивное, Матвей Иванович, — произнес Никифоров.

— Настоящая обетованная земля! — сказал Ордин.

— Совершенно непостижима эта зелень, эта растильность под такой широтой, — заявил Костяков. — Долина открыта на север, в сторону полюса, словно оттуда идет к ней тепло.

— И неудивительно, что сюда летят издалека птицы, пренебрегая нашим суровым побережьем. Вполне возможно, что сюда скрылись и онкилоны. Но как мы спустимся вниз по этим обрывам с нашими нартами? По ним и порожняком не сойдешь, — заметил Горохов.

— А вот же звери спускаются! — воскликнул Ордин, указывая на несколько темно-бурых животных с огромными рогами, закрученными спиралью по бокам головы, которые появились на уступе под ногами путешественников.

— Эх, каменные бараны! Вот бы подстрелить парочку на ужин! — воскликнул Горохов.

Между тем животные, очевидно почувствовав людей, остановились и в недоумении подняли головы вверх.

Бараны, по-видимому, все-таки были знакомы с человеком, так как, постояв минуту, резко повернули назад и скрылись за выступом скалы.

В это время Горюнов изучил при помощи бинокля гребень в обе стороны от места их стоянки; на северо-восток он повышался, на юго-запад как будто понижался и в этом направлении, может быть, представлял возможность спуска.

— Идем вдоль гребня на юго-запад,— заявил он.— Если есть спуск вниз, то скорее всего там.

— Может быть, придется окружить всю впадину,— заметил Ордин,— чтобы...

— Чтобы убедиться, что спуска в нее для людей нет и что только для птиц она доступна,— подхватил Костяков.

— Ну что ж, придется довольствоваться на первый раз открытием этой громадной впадины с богатой растительностью среди полярных льдов и немедленно вернуться на материк.

Пользуясь остатком дня, пошли на юго-запад вдоль гребня, который оказался неровным: он то понижался, и здесь снеговое поле южного склона доходило до самого края обрыва, то повышался и представлял скалы или острые грядки. При виде их Ордин вспомнил про свой молоток и освидетельствовал несколько таких выступов.

Все они оказались состоящими из базальта, то плотного, то пузыристого или шлаковатого, представлявшего базальтовую лаву.

— Я начинаю думать,— сказал он, обращаясь к Горюнову,— что ваше предположение, высказанное академику Шенку, что Земля Санникова представляет остаток вулкана, оправдывается. Эта огромная котловина, окруженная кольцом отвесных обрывов, очень похожа на кальдеру¹ большого дремснегого вулкана, а базальты, встреченные нами внизу и здесь на гребне, подтверждают это.

— Такое происхождение котловины объяснит нам и существование богатой растительности под этой ши-

¹ Кальдерой (испанское слово «котел») называют старые кратеры потухших вулканов, сильно расширенные и пониженные процессами размыва и имеющие форму обширного цирка. Среди кальдеры нередко расположен конус действующего вулкана.

ротой,— прибавил Горюнов.— Но не будем решать преждевременно, посмотрим, что будет дальше.

По мере движения на юго-запад гребень заметно понижался, но в сторону впадины обрывался так же круто. Сумерки сгущались, но почти полная луна уже поднялась и освещала путь. Прошел еще час.

Горюнов взглянул на барометр — он показывал уже только пятьсот метров над уровнем моря.

— Я думаю, нам придется заночевать на гребне. Луна не осветит спуска на ту сторону, а в темноте идти по неизвестной дороге опасно.

— Найдем ровную площадку и встанем,— согласился Никифоров.

— Но если ночью поднимется пурга, нас может снести в пропасть,— заметил Костяков.

— Пурги не будет,— заявил Горохов,— небо чистое, ветра нет, солнце село не красное. Вот разве шайтан захочет наказать нас...

— Будем надеяться, что он помилует,— рассмеялся Горюнов.

Выбрали более ровное и широкое место гребня в промежутке между двумя скалами, поставили палатку, поужинали, но спать не хотелось. Таинственная впадина была слишком близко и возбуждала любопытство. Луна уже освещала более отдаленную часть ее, тогда как ближайшая оставалась в тени; в разных местах серебрились зеркала озер и ленты ручьев среди темного фона лугов и леса.

Усевшись на краю обрыва, все пятеро созерцали лежавшую у ног странную впадину; освещенные луной обрывы противоположного края казались теперь еще выше и круче.

Они поднимались над дном на тысячу пятьсот — тысячу шестьсот метров почти отвесно. И вдруг в ночной тишине из глубины раздалось сначала протяжное мычание, а затем глухой рев.

— Эге-ге, там зверье есть, коровы мычат! — воскликнул Никифоров.

— А другой кто, который ревет? Уж не сохатый ли? — спросил Горюнов.

— Нет, не сохатый и не бык. Этот зверь словно трубит в большую трубу. И не медведь.

Погадали, какой это может быть зверь, но ни один из известных промышленникам не издавал таких звуков, и все остались в недоумении.

— А это что? — спросил Ордин, указав на засветившуюся вдали среди впадины красную точку, похожую на звезду; она то разгоралась, то почти потухала.

— Это, пожалуй, огонек на дне кратера этого вулкана, который, очевидно, не совсем потух! — засмеялся Костяков.

— А не костер ли это?

— На то похоже. Значит, здесь есть люди, может быть, это пропавшие онкилоны? — сделал предположение Горюнов.

Опять воцарилось молчание. Все следили глазами за этим новым загадочным явлением в странной впадине. И вот издалека чуть слышино донеслись звуки, напоминавшие барабанный бой.

— Не иначе как бубен шамана! — заявил Горюков. — Стало быть, люди есть и огонь их.

— А если есть люди, то должен быть и спуск вниз, — заметил Горюнов. — Люди не могли слететь, как птицы, по воздуху.

— Спуск мог быть, но обрушился!

Прошло еще полчаса в молчании, и всех стало клонить ко сну. Но тут новое явление обратило на себя внимание. Несмотря на поднявшуюся выше и ярко светившую луну, дальняя часть впадины стала неясной и скоро совсем исчезла в пелене тумана. Эта пелена медленно ползла на юг, и вскоре вся впадина превратилась в огромное белесоватое озеро слегка волнующегося тумана. Затем оно стало подниматься выше и клочьями переползать через низкое место южной окраины, где находились путешественники.

С севера потянуло сырьим, но тепловатым ветерком, и скоро гребень, скалы, палатка очутились в густом тумане, через который едва была видна луна.

— Представление кончилось, занавес спущен, и пора уходить! — заметил Ордин.

— Уйдем от греха в палатку! — предложил Горюков. — И как вы себе хотите, Матвей Иванович, а все это — одно наваждение, марево: и земля эта, и леса, и луга, и звери. Вот увидите, завтра проснемся, ничего,

кроме снега, не будет, и нам придется ворочаться по-скорее.

— Ну ладно, прорицатель, завтра увидим,— ответил Горюнов.

Легли спать, но спали тревожно, потому что собаки по временам поднимали лай и визг, вероятно, чуя каких-то не очень далеких животных.

Первый день на Земле Санникова

Когда рассвело, туман сперва не рассеялся; он был так густ, что в пяти шагах силуэт человека почти исчезал в молочно-белой мгле. Даже по соседству стоянки нужно было ходить очень осторожно, чтобы не свалиться с обрыва, находившегося в нескольких шагах от палатки.

Приходилось ждать возможности идти дальше по требнию в поисках места для спуска. Развели огонь последними дровами, взятыми с Котельного, накормили собак, не торопясь позавтракали.

Судя по часам, солнце поднялось уже больше часу, но туман совершенно скрывал его; он, казалось, переливался через гребень, словно жидккий киссель, переполнивший огромную чашу впадины и стекавший через выщербленный край.

— Это дымит ваш вулкан,— острил Костяков.— Он действует по ночам, сначала загорелись огни, а потом повалил дым.

— Смейтесь, смейтесь, Павел Николаевич,— ответил Ордин.— А все-таки эта впадина — вулкан, и это открытие не менее важно, чем нахождение самой Земли Санникова.

— Но разве мог быть вулкан среди полярных льдов? — спросил Костяков.

— Почему же нет? В южной полярной области есть даже действующие вулканы Эребус и Террор и несколько потухших. А в Ледовитом океане мы находим вулканические породы разного возраста и в Гренландии, и на Шпицбергене, и на Земле Франца-Иосифа, и даже на ближайшем соседе Земли Санникова — острове Беннетта.

— Но это все очень старые.

— Не все. А Исландия с ее грандиозной вулканической деятельностью?

— Ну, этот вулкан заткнет за пояс все остальные по своим размерам,— заметил Горюнов.— Вот что заставляет меня пока сомневаться в правильности вашей гипотезы...

— Он действительно очень велик; я полагаю, он имеет километров двадцать в поперечном и сорок — пятьдесят в продольном направлении.

— А каковы размеры самых крупных кратеров, известных на Земле?

— Насколько помню, кратер Мауна-Лоа на Гавайских островах имеет около четырех километров, а Гунунг-Тенгер на Яве немного меньше шести километров в диаметре.

— Ну вот видите? Этому впору быть на Луне, а не на Земле,— заметил Костяков.

— На Луне он был бы самым заурядным, потому что там есть кратеры в шестьдесят, восемьдесят, сто и больше километров в диаметре; например, кратер Птолемея имеет сто шестьдесят один километр, Лянгренус — сто пятьдесят восемь, а в семьдесят — девяносто километров имеется больше десятка. Всего же на Луне насчитывают около тридцати тысяч кратеров.

— Должно быть, красивое зрелище представляла Луна, когда все они действовали!

Пока наши путешественники беседовали о Луне, солнце делало свое дело, и туман быстро начал редеть, поднимаясь вверх и превращаясь в тонкие пленки, которые постепенно таяли в воздухе. Скоро гребень настолько очистился, что можно было тронуться в путь, хотя впадина представляла сплошное молочно-белое море, поверхность которого медленно колебалась. Пошли дальше, уже на запад, согласно изгибу гребня, который продолжал понижаться. Наконец незадолго до полудня дошли до самого низкого места, за которым ясно было видно новое повышение.

— Если здесь нет спуска, то придется искать его далеко на северном конце впадины! — заявил Горюнов.

— Это будет очень печально,— заметил Ордин,— потому что дров у нас нет, а корма для собак хватит дня на три.

Подошли к краю обрыва, чтобы осмотреть его внимательнее. Барометр показывал только сто двадцать метров над уровнем моря, и можно было надеяться, что при помощи веревок удастся спуститься с уступа на уступ.

— Ну вот вам и спуск! — воскликнул Горюнов, указывая вправо.

Все взглянули туда. Там тянулся от гребня в глубь впадины длинный снеговой откос, огромный сугроб, нанесенный пургами, наметавшими снег со стороны моря через самое низкое место гребня и отлагавшими его под западной обрывом. Он спускался довольно круто в виде двускатной крыши с широким коньком, поднимаясь до самого края обрыва; правее и левее его видны были еще подобные сугробы, но не доходившие уже до повышавшегося гребня, так что только он один давал возможность спуска. Попробовали плотность снега — она оказалась вполне достаточной, нога погружалась только на четыре-пять сантиметров.

Так как уклон доходил до 40° , нарты нельзя было спускать с упряжкой. Отстегнули собак, достали веревки и, привязав их по две к каждой нарте, стали спускаться, удерживая нарту вдвоем. Пока две нарты спускались, Костяков остался наверху с тростью нартой и собаками. Когда Горохов и Пикифоров поднялись обратно, Костяков повел все три потяга собак вниз:пустить их одних было опасно, так как они могли немедленно увлечься погоней за какой-нибудь дичью. Но вести тридцать собак вниз по уклону — нелегкая задача; увидев внизу нарты и людей, собаки помчались так быстро, что Костяков не удержался на ногах, упал ничком и прокатился на животе по всему откосу, вздымая тучу снежной пыли, к общему удовольствию зрителей вверху и внизу.

Закончив спуск, осмотрелись кругом. Почва вокруг подножия сугробов была совершенно обнажена. Сюда солнце начинало заглядывать в самые летние дни и со стороны севера, т. е. собственно ночью, когда оно стояло низко и грело слабо. Снег, вероятно, долго не таял, и растительность не могла развиваться. Но шагах в тридцати от конца сугробов среди плит и обломков базальта, рассеянных по поверхности почвы, зеленел мох, и карликовые цветы раскрывали свои первые лепестки.

Немного дальше видны были стелющиеся кустики, еще обнаженные, а затем в полукилометре — более высокие и густые, чуть подернувшиеся зеленью. За ними уже темнела стена невысокого леса.

За обедом или, вернее, за закуской с чаем, сваренным на остатке дров, найденных по нартам, обсуждали важный вопрос, как двигаться дальше. Байдара, нарты, собаки уже не были нужны, так как в котловине не было ни снега, ни достаточно больших рек для плавания.

Вести с собой тридцать собак и заботиться об их корме было слишком стеснительно для передвижения. Ввиду обилия дичи собаки доставили бы много хлопот, разбегаясь для ее преследования, а вести их на привязи значило бы все внимание уделять им и занять трех членов экспедиции этой непроизводительной работой. Запрячь собак в нарты и схать на них по траве и по лесам — это значило стереть дочиста полозья нарт и сделать их негодными для обратного пути через льды, а также измотать собак трудной работой.

Единственным приемлемым решением казалось оставить все лишнее имущество и собак под надзором одного человека тут же у сугробов; здесь было прохладно, а человек мог уделять все свое время на добывчу пропитания себе и собакам. Остальные четверо пешком и налегке могли предпринять экскурсию по Земле Санникова, возвращаясь время от времени к этой базе для сдачи собранных коллекций. Горохов, знавший чукотский и ламутский языки, был необходим для сношений в случае встречи с онкilonами, поэтому оставаться сторожить вещи и собак приходилось Никифорову. Последнего несколько смущала необычная обстановка, но вообще он, как и все промышленники Севера, не боялся провести несколько дней или даже неделю в одиночестве; свора собак представляла достаточную защиту от хищных зверей, а вместе с тем доставляла достаточно забот, так что скучать от безделья не приходилось.

Выбрали место между двумя сугробами, поставили палатку и употребили конец дня на сортировку вещей. Идя в глубь котловины пешком, нельзя было обременять себя большим грузом; приходилось брать только самое необходимое: небольшой запас одежды, белья и обуви, ружья и заряды к ним, котелок и чайник, рас-

считывая питаться охотой и ночевать под открытым небом.

К вечеру небо покрылось тучами и пошел мокрый снег, иногда сменявшийся дождем; пришлось укрыться в палатку.

— Эта погода показывает нам, что нужно принять какие-нибудь меры, чтобы оставленные вещи, наряды и байдары за лето не попортились и не погнили, — сказал Горюнов. — Придется выстроить шалаш из кольев и коры, — заметил Ордин.

— Это будет плохая запита, да и за корыем придется далеко ходить, — заявил Горохов.

— А эти сугробы на что? В глубине они, наверно, не тают. Выроем в них пещеру и сложим там все вещи; будет и сухо, и холодно, и от хищников безопасно.

— А для собачек выроем другую, — прибавил Никифоров, — они жары не любят, да и запирать их на ночь можно будет, чтобы не разбегались.

— Не только на ночь! Пойдешь на охоту с двумя-тремя, а остальных запрешь. Не всю же свору с собой водить! Этак ничего не добудешь, они всех зверей распугают, — заметил Горохов.

— Совершенно верно! Мысль прекрасная, — сказал Горюнов. — Завтра с утра мы ее претворим в дело.

В этот вечер в палатке было холодно и неуютно; дров не было, и ужин сварили кое-как на хворосте, набранном по соседству в полосе кустарника. Поэтому рано легли спать. Но доносившиеся из котловины гораздо более близкие различные звуки — мычание, блеяние, рев животных — часто тревожили собак, поднимавших лай и вой и будивших спящих.

— Не завидую я Капитону, который все время будет спать возле этих горланов! — проворчал Костяков во время одного из концертов.

— Когда он запрет их в снеговую пещеру, они будут спокойнее, — ответил Горюнов, поворачиваясь на другой бок.

Утром принялись за работу и при помощи топоров вырубили в сугробе, вблизи того места, где он примикивал к базальтовому обрыву, глубокую галерею. Под поверхностным слоем снега оказался сплошной лед, который, очевидно, лежал уже целые столетия, так что нельзя было опасаться, что он за лето растает. В грот

сложили лишние вещи, байдару и две нарты, а вход заложили глыбами льда, чтобы вглубь не мог проникать теплый воздух и чтобы какой-нибудь хищник не мог в отсутствие Никифорова забраться внутрь. По соседству вырубили еще три грота поменьше, каждый для одной упряжки собак.

Третью нарту оставили Никифорову, чтобы он мог подвозить к своему жилью дрова из леса и туши добывших животных. Никифоров, которому ледяные пещеры очень понравились, намеревался вырыть еще одну для хранения мяса, а вторую для себя и палатку поставить внутри последней, чтобы спать спокойно, не опасаясь нападения. В пещеру ночной незваный гость мог проникнуть только с одной стороны, а не со всех, как в палатку, и достаточно было положить пару собак у входа, чтобы чувствовать себя в полной безопасности.

Эти работы заняли почти целый день; успели только сходить на опушку ближайшего леса и нарубить дров для ночлега.

Странные животные

Утро, хотя и хмурое, но без дождя и тумана, позволило начать исследование котловины. Четверо путешественников с котомками за спиной, с ружьями на плече двинулись на север; они взяли с собой двух наиболее смышленых собак, вожатых упряжек; одна была совершенно черная, другая — почти белая; первую звали Крот, вторую — Белуха. Никифоров с третьим вожаком — Пеструшкой — провожал товарищей, чтобы добыть себе и собакам пропитание на ближайшие дни.

По мере удаления от сугробов растительность становилась более обильной: мох сменила трава, затем пошли кусты полярной бересклети, ивы и ольхи, ставшиеся по земле. Сюда ненадолго уже заглядывало полуденное солнце, и растительность пробуждалась к жизни. Чем дальше, тем выше становились кусты, и затем полярные виды уступили место представителям более умеренной полосы — появилась лиственница, белая бересклет, ольха, а среди травы пестрели первые цветы. Деревья достигали трех-четырех метров высоты, образуя небольшие рощи, перемежавшиеся с полянами.

При проходе через одну такую рощу собаки, бывшие на привязи, обнаружили беспокойство, стали рваться вперед и ворчать. Приготовив ружья, путешественники осторожно подошли к опушке и увидели на поляне большое стадо пасшихся животных. Видны были черные спины с довольно большими горбами и пушистые короткие хвосты, напоминавшие большую кисть. Когда одно из животных подняло голову, то оказалось, что она похожа на бычачью, но короче и круче и увенчана большими, загнутыми вперед и вверх рогами. Животное ужс почудило опасность и издало глухое мычание, вследствие которого все стадо.

Медлить было нельзя. Горюнов выстрелил из своего винчестера в ближайшего быка, который подскочил и упал на колени. Остальные в недоумении шарахнулись в разные стороны, но не убежали. У некоторых рога были короче и тоньше; видны были и телята разного возраста.

Спустив собак, охотники побежали к раненому быку. Стадо при виде людей пустилось наутек, но собакам удалось остановить теленка, который и был застрелен Никифоровым. Раненый бык при приближении людей поднялся и бросился им навстречу со свирепым ревом; наклонив голову и выставив огромные рога, он несся вперед, оставляя кровавый след. Но собаки, подбежавшие сбоку, обратили на себя его внимание; он круто повернулся к ним и в это время получил еще две пули, которые его свалили.

Обступив жертву, охотники с удивлением рассматривали ее.

— Как хотите, это не мускусный бык, как можно было думать,— заявил Костяков.— У него и шерсть короче, и голова и рога другие.

— Да, он похож на тибетского дикого яка, которого я видел в зоологическом саду! — сказал Горюнов.

— Но здесь, на Севере, единственным представителем этого семейства является мускусный бык — *Ovibos moschatus*, — заметил Ордин, — да и тот водится в Северной Америке, а не в Азии.

— Вы правы, но только это не овцебык, это бесспорно.

— Но как же мог тибетский як очутиться здесь, так далеко от своей родины, за десять тысяч километров?

— Это, очевидно, еще одна из загадок Земли Санникова, которую она задает нам,— заметил Костяков.— Может быть, онкилоны привели этих быков с собой, и мы нарушим их право собственности?

— Нет, быки эти дикие! — заявил Горохов.— На нашей земле никогда таких не было.

— Для решения загадки нам придется сохранить и увезти с собой хотя бы его череп с рогами,— сказал Горюнов.— Мне помнится, что у яка рога загнуты на концах больше вверх и вообще тоньше, а хвост короче и гуще.

В это время Никифоров приволок добытого им теленка, имевшего только две-три недели от роду.

— Вот-то вкусное жаркое будет! — заявил он.— Много лет я не едал телятины.

— Возвращайтесь сейчас на стан, Капитон,— распорядился Горюнов,— и приведите нарту, а мы пока освежаем зверей.

Никифоров с Пеструшкой пошли назад, ориентируясь на сугробы, которые отлично выделялись на черном обрыве позади низкой полосы леса.

Остальные стали снимать шкуры с быка и теленка, причем Горюнов обмерил животных и записал их приметы. Над поляной уже кружилось несколько крупных птиц, по-видимому грифов, которые рассчитывали, что люди оставят им часть своей добычи. Но их надежды были обмануты, потому что Никифоров догадался привести всех собак, чтобы накормить их досыта на месте и облегчить груз мяса, который приходилось везти к стану. На прощанье ему было наказано сохранить чепца и шкуры всех животных, которых он добудет, сберегая их в ледяной пещере.

Четыре путешественника отправились дальше. По мере удаления от окраины котловины деревья становились выше, трава гуще; появились тоцоля, осина, черемуха, жимолость, шиповник и другие кусты; иные уже покрылись свежей листвой или зацветали. Горохов с изумлением разглядывал растительность, потому что в окрестностях Казачьего и по всему берегу ничего подобного не было, а южнее он бывал только в зимнее время. Остальных также немало удивило то, что здесь, под 80° широты, растут формы, которые в Сибири не переходят за Полярный круг.

По-прежнему чередовались луговые поляны и полосы леса, становившиеся более густыми; на двух полянах увидели быков и с интересом наблюдали за ними. Но животные при приближении людей обратились в бегство. Это доказывало, что в котловине живут люди, охотящиеся за быками, но не имеющие огнестрельного оружия, так как выстрелы животных не пугали. На одной из полян, километрах в восьми от окраины котловины, кроме черных быков, заметили каких-то бурых животных того же роста. Когда одно из них подняло голову, Горохов воскликнул:

— Смотрите, Матвей Иванович, ведь это же конь, надо быть!

— Похоже на то! Неужели домашний?

— Едва ли; все они одной масти, бурые, с черной полосой вдоль хребта, жидким хвостом и жидкой гривой, да и уши у них длинные,— заявил Ордин, рассматривавший животных в бинокль.

— Тогда они похожи на дикую лошадь, которую Пржевальский открыл в глубине Центральной Азии! — сказал Горюнов.

— Но здесь, среди полярных льдов? Еще одна загадка этой странной земли! — воскликнул Костяков.

— Попытаемся подойти к ним поближе.

Огиная поляну по опушке леса, охотники немного приблизились к лошадям. Они паслись отдельно от быков. Один, очевидно старый жеребец, вожак табуна, постоянно подымал голову, осматривая поляну, и, раздувая ноздри, нюхал воздух. Вдруг, заметив людей, он издал тревожное ржание, отчасти напоминавшее ослиный рев, и весь табун, штук двадцать взрослых и десяток жеребят, помчался прочь, подняв головы и изогнув хвосты!

— Эх, упустили дичь! — вздохнул Горохов.— Жеребеночка бы свалить, вкусные они.

— Ну зачем? Мясо у нас есть на сегодня, а нагружаться нам ни к чему. Да и жаль убивать зря.

— А для коллекций? — заметил Ордин.— Разве это не редкость, дикая лошадь, и, вероятно, особой породы.

— Просто одичавшие лошади,— предположил Костяков.

— Не может быть! Все кони у нас белые, редко когда серые или в яблоках,— заявил Горохов.

— И стать совсем другая,— прибавил Горюнов.— Очевидно, благодаря каким-то невыясенным еще условиям на Земле Санникова сохранились животные предшествовавшего геологического периода, вымершие в других странах.

— Вот как в Австралии сохранились дикая собака, кенгуру и другие странные сумчатые животные, примитивные млекопитающие, бескрылые птицы и тому подобные «живые окаменелости», как их называют,— пояснил Ордин.

— Вы, пожалуй, скажете, что здесь проживает мамонт, длинношерстый носорог, пещерный медведь и другие современники первобытного человека,— засмеялся Костяков.

— Вполне возможно, если только человек не истребил их,— ответил Горюнов.

— И интерес, который представляет Земля Санникова по своему расположению и форме, еще увеличится ее живыми окаменелостями,— прибавил Ордин.

— Подойдем к озерку, которое я вижу вот там среди поляны,— предложил Костяков.— Не увидим ли в воде бегемота?

— Бегемот не живая окаменелость,— поправил Горюнов,— а водится в большом числе в реках Африки, и здесь мы его не найдем.

Но добраться до озера не удалось: по мере приближения к нему почва становилась все более вязкой и на конец превратилась в трясину, колебавшуюся под ногами и поросшую болотными растениями. Очевидно, озеро прежде было значительно больше, но постепенно зарастало от берегов вглубь. Поэтому ни попробовать его воду, ни посмотреть, есть ли в нем рыба и какова она, не пришлося.

О бегемоте, конечно, и речи быть не могло: его грузная туша провалилась бы в трясину при первых же шагах.

За этой поляной начался более густой и высокий лес с таким густым подлеском из молодых деревьев и кустов, что, не будь троп, протоптанных животными, двигаться было бы очень трудно.

Подвигаясь по такой тропе, путешественники слышали громкое весенное пение разных птиц, воркование горлиц; в отдалении даже послышался зов кукушки. Замечены были сойки, сороки и галки, а в вышине плавали два орла, высматривая добычу на полянах.

— Положительно чудесная страна! — удивлялся Горюнов. — Можно подумать, что мы находимся где-нибудь в южной полосе Сибири, а не в десяти градусах от Северного полюса.

— Да, одно только низкое положение солнца, несмотря на полуденное время, показывает, что мы на Крайнем Севере, — замечал Ордин.

— А мне эти черные зубчатые вершины окраинного обрыва с их полосами снега напоминают мою родину — долину Иркута, вдоль которой тянутся Тункинские Гольцы такого же вида, — сказал Костяков, — а расительность и птицы увеличивают иллюзию.

На следующей поляне, также с озером посередине, заметили пасущихся быков и лошадей и решили остановиться на опушке, чтобы понаблюдать за ними, а кстати сварить обед. Ручеек, вытекавший из озера и пересекавший поляну, давал возможность набрать чистой воды. Расположились на самой тропе у выхода ее на поляну среди кустов, быстро развели огонь, повесили чайник и котел для супа, парезали шашлык из телятины и, нанизав на прутики, поставили жарить. Самы уселись в кустах возле тропы, откуда через просветы можно было видеть пасущихся животных.

Вдруг в глубине леса послышался тяжелый топот, быстро приближившийся. Изумленные путешественники едва успели отскочить в кусты, как по тропе прошло огромное темно-буровое животное, издававшее глухой рев.

— Это что такое было? Что за чудовище? — шептал перепуганный Горохов.

— Заметили вы огромный рог у него на носу? — спросил Горюнов, не менее пораженный.

— И куцый пороссячий хвостик? — добавил Костяков.

— А вот его следок! — сказал Ордин, указывая на отпечаток ноги на мокром месте тропы, где вылили лишнюю воду; этот след имел почти восемнадцать сан-

тиметров в диаметре и оканчивался впадинами, оставленными несколькими копытами.

— Итак, мы видели еще одну живую окаменелость — ископаемого длинношерстного носорога! — сказал Ордин.

— А будь она проклята, эта окаменелость! — воскликнул Костяков. — Она весь наш обед изгадила.

Действительно, носорог, пронесшийся ураганом по тропе, наделал беды: котел с супом был отброшен в кусты и, конечно, пуст, мясо валялось на траве, палочки с шашлыком растоптаны, чайник лежал на боку.

— Начинай сначала, повар! — усмехнулся Горохов, подбирая котел и чайник, чтобы идти за водой.

— Этакое неуклюжее чудище, — ворчал Костяков, собирая по траве кусочки мяса. — Мало ему было места на тропе!

— В другой раз будем умнее, — смеялся Горюнов, — и расположимся в сторонке от звериного тракта.

— Еще кто-то бежит! — крикнул Ордин и прыгнул в кусты, остальные последовали за ним.

Через несколько секунд по траве с таким же глухим ревом пробежали один за другим три носорога, которых успели рассмотреть лучше. Впереди был самец с огромным рогом на морде, позади которого возвышался второй рог гораздо короче. За ним следовала самка с одним небольшим рогом, а в хвосте — детеныши, безрогий, еле поспевавший на своих коротких ножках за родителями. Все трое были покрыты редкой, но довольно длинной черно-буровой шерстью.

— Ну, ребята, берегитесь! — предупредил Горюнов. — Вероятно, они от какого-то хищника убегают. Приготовьте ружья!

Не успел он сказать это, как на тропе показался хищник, в котором истрацию было узнать медведя, но огромной величины; он бежал, низко опустив голову и обнюхивая землю, слегка переваливаясь с ноги на ногу. Заметив догоравший и дымивший огонь у тропы, он сразу остановился, поднял голову, раскрыл пасть, показав свои огромные клыки и красный язык. Но тут его сзади атаковали собаки, и он круто повернулся и побежал назад, издавая недовольное ворчанье.

— Ну, товарищи! — возгласил Горюнов. — Переберемся-ка на поляну. Здесь, видно, звери не дадут нам

не только что сварить обед, а даже съесть его спокойно.

— Матерый мишка! В жисть я таких не видывал... — сказал Горохов, вылезая из кустов.

— Огромный, да не очень храбрый, собак испугался! — смеялся Ордин. — А знаете ли, я уверен, что это не просто очень крупный бурый медведь, а ископаемый пещерный, современник носорога и мамонта. Вы заметили, каковы у него челюсти?

— Значит, еще одна живая окаменелость! Наша коллекция очень быстро увеличивается и становится слишком неправдоподобной, — сказал Костяков.

— Да, придется сфотографировать этих ископаемых животных на лоне природы, иначе нам никто не поверит, — заметил Горюнов. — Жаль, что у нас мало фотографических пластинок взято. Но кто же мог знать, что Земля Санникова — зоологический или, вернее, палеонтологический сад.

— Теперь вы можете, Никита, рассказать вашим приятелям-каюрам, что видели сами на голове носорога тот рог, который они считают когтем птицы эксекю.

— Да я же видел эту тварину и раньше.

— Где же это? Сегодня ночью, что ли?

— Нет, давно дело было. На речке Ачаде, что справа в Яну впадает, в весеннюю пору из берега такой же зверь вывалился и у воды лежал. Песцы уже объели у него морду и выели брюхо, когда он мне попался. Тогда наш исправник о нем губернатору докладывал, а тот чиновника послал, чтобы зверя увезти. Да только к его приезду ничего не осталось: песцы мясо съели, а кости река скоронила.

— Так всегда бывает с этими находками, — пояснил Горюнов. — Пока их кто-нибудь случайно увидит, пока сообщит начальству, а последнее — в Петербург академии, пока она командирует ученого для осмотра — проходят многие месяцы. А хищники и реки не дожидаются. И сколько редких находок уже пропало!

— Ну, мы с вами привезем кое-что получше! — сказал Ордин. — Шкуры, черепа и фотографии не дохлых, а живых ископаемых животных.

— Фотографии — пожалуй, но насчет черепов и шкур придется сильно экономить: они очень тяжелы

и объемисты, а у нас всего три карты,— заметил Костяков.

— А уж череп и шкуру мамонта не увезешь с нашими средствами передвижения! — рассмеялся Горюнов.

— Вы, кажется, рассчитываете, что мы увидим и живого мамонта? — спросил Костяков насмешливо.

— Почему же нет? Если здесь благоденствует и плодится носорог, как мы видели только что, то может жить и мамонт.

— Ну, онкилоны давно истребили его, если застали здесь.

— А ради чего? Бивни им не нужны, продавать их некому; дичи и без мамонтов довольно, а добывать эту машину без огнестрельного оружия нелегко.

— Но ведь человек каменного века охотился на мамонта с еще более примитивным оружием.

— А я полагаю, Матвей Иванович, — вмешался в разговор Горохов, — что если этот самый мамонт тут проживает, то ему здешние люди поклоняются, как священному зверю, вроде птицы экзекю.

— Вполне возможно, Никита. И поэтому я надеюсь, что мы этого зверя увидим.

Собрав пожитки, перебрались на край поляны у ручья и снова развели огонь. Поляна оказалась пустой, вероятно носороги своим топотом и ревом испугали всех животных.

— И тут напакостили! — заметил Ордин. — А я надеялся, пока варится обед, подкрасться по опушке и сфотографировать быков и лошадей.

— Да, остались одни птицы, которые интересны только как жаркос! — сказал Костяков, указывая на стаю уток, лежавших над озером.

Пузырящиеся озера

Без дальнейшей помехи пообедали, отдохнули и пошли дальше, придерживаясь берега ручья в надежде, что он приведет к озеру. Эта надежда оправдалась: хотя луг становился все болотистее, но вдоль ручья удалось пройти, и вскоре перед глазами открылась площадь воды до полукилометра в диаметре, окаймленная зеленью камышей; большие кувшинки расстилали по

воде свои листья вперемежку с мелкими листьями водяного ореха (*Trapa natans*) — растения, почти вымершего на земле, а здесь существовавшего в изобилии. Дно озера, покрытое водорослями, медленно уходило вглубь, и среди подводной зелени сновали жуки и плавали стайки мелкой рыбешки. Дальше на озере плавали утки, гуси и чайки, а всплески в разных местах выдавали присутствие более крупной рыбы. Полуденное солнце, прорываясь через тучи, освещало косыми лучами эту мирную картину обильной жизни, невероятную для подобной широты.

— Ручей-то ведь, течет не в озеро, а из озера! — заметил Горюнов.

— Что же из этого следует?

— А следует то, что воды котловины должны иметь какой-нибудь выход в море, то есть кольцо гор должно быть где-нибудь разорвано донизу.

— Допустим, что так:

— Нам важно выяснить это. Снеговые сугробы, по которым мы спустились, за лето сильно понизятся, и по ним уже нельзя будет подняться наверх. Стало быть, только разрыв в горах даст нам возможность выйти из котловины.

— Но его может и не быть,— сказал Ордин.— Вода может стекать по подземному каналу. В потоках лавы такие каналы бывают нередко. Вспомните дельфинов Гавайских островов из курса геологии.

— Это что такое? — спросил Костяков.

— Это длинные тунNELи в потоках лавы, которые тянутся от морского берега вглубь. Во время прилива вода заполняет их и выбивается фонтанами через трещины. Отсюда и название.

— Неправильное, потому что дельфины не пускают фонтанов воды, как киты, а только разбрызгивают воду, играя, — заметил Горюнов.— Но для нас отсутствие разрыва будет неприятно, придется ждать конца зимы, когда сугробы опять нарастут.

— Ну что ж, зимовка на Земле Санникова входила в наши планы, если окажется возможной. А теперь ясно, что зимовать здесь можно.

В это время Горохов, не спускавший глаз с озера, прервал беседу восклицанием:

— Смотрите-ка, что там творится! Какое-то чудище из воды лезет!

На середине вода вздувалась медленно большим плоским бугром, или пузырем. Вдруг этот пузырь лопнул, и из него вырвался клуб белого пара, быстро рассеявшийся в воздухе. По всему озеру от этого места разбежались круговые волны, и плавающие птицы покачивались на них.

— Уж не кит ли живет в глубине или другой крупный зверь? — предположил Горохов.

— Киты в пресной воде не живут, — заметил Горюнов. — Но что за причина этого явления?

В это время Ордин вынул из футляра термометр и погрузил его в воду. Горохов рассмеялся: настолько бессмысленным показался ему этот способ узнать, кто живет в озере.

— Представьте себе, вода имеет двадцать пять градусов тепла по Цельсию! — воскликнул Ордин.

— Ранней весной под этой широтой — и двадцать пять! Это непостижимо! — сказал Костяков. — Вы не ошиблись ли десятка на два?

— Смерьте сами, если не верите.

— Но как же объяснить это?

— Очевидно, озеро имеет подземный приток горячей воды или, скорее, даже пара, судя по тому, что мы только что видели. А это согласуется с моим предположением, что котловина — дно кратера старого вулкана, в глубине которого еще сохранилось достаточно тепла, выделяющегося время от времени по трещинам.

— Нужно подождать, не повторится ли это явление, — сказал Горюнов.

— Подождем. А пока я скажу, что если таких озер здесь много, то одна из причин теплого климата Земли Санникова найдется.

Круговые волны успокоились, и озеро снова стало гладким как зеркало. Все с интересом смотрели на него в ожидании. Горюнов держал в руке часы.

Через тридцать две минуты после первого вздутия вода снова начала подниматься пузырем, который достиг примерно двух метров высоты, после чего лопнул с выделением пара.

— Ваше объяснение, очевидно, правильно! — сказал Горюнов. — Мы имеем периодическое выделение пара,

или горячего воздуха, из недр земли, которое непосредственно и через воду озера согревает котловину.

— А озер мы видели целый ряд, рассматривая котловину с высоты ее окраин.

— Я все-таки смекаю, что это кит пущает фонтан,— заявил Горохов, для которого явления вулканизма были непонятны.

— Ну как же мог кит пробраться в озеро, Никита? Не мог же он перелезть через эти горы.

— А как попали сюда носороги, быки и лошади, которые не могут лазить по отвесным обрывам? — спросил Костяков.

— Вы плохо знаете геологическую историю Новосибирских островов,— возразил Ордин.— В начале четвертичного периода они составляли еще часть материка Сибири, и тогда этот вулкан, очевидно уже потухший, мог быть заселен животными; потом произошли разломы и значительные площади опустились на дно моря, а остальные превратились в острова. Животным путь спасения на материк был отрезан, и в связи с ухудшением климата они вымерли на всех островах, кроме Земли Санникова, благодаря ее теплой почве.

— Но это не объясняет, как спустились крупные животные в эту яму!

— Во-первых, в то время могли существовать более глубокие разрывы в стенках кратера, позже завалившиеся. Во-вторых, мы видели только небольшую часть окраин и где-нибудь дальше на севере может быть более или менее удобный вход.

— Я теперь не сомневаюсь, что мы откроем здесь еще много неожиданного и интересного,— сказал Горюнов.— И я очень рад, что деньги, которые старый академик дал нам так доверчиво, не истрачены напрасно и наука получит такой ценный дар — рассадник вымерших животных.

— А может быть, и людей,— прибавил Ордин.

— Жаль только, что наша экспедиция так мало подготовлена для научных наблюдений. Мы не можем заменить опытных ученых и, налько, многое прозеваем.

— Что же делать! Мы открыли эту чудесную землю и путь к ней. Академия, конечно, снарядит боль-

шую экспедицию из ученых разных специальностей, а мы будем их проводниками.

За время разговора среди озера вновь поднялся водяной бугор, и явление повторилось в точности.

— В этот раз я заметил точно время, — сказал Ордин, — промежуток ровно тридцать три минуты.

— Но как же рыбы и птицы живут в горячей воде? — поинтересовался Горюхов.

— А вы обратили внимание, что птицы не подплывают к середине озера? Вероятно, вода становится слишком горячей вблизи места извержения, и они ее избегают.

— И рыба тоже не держится там, а в стороне ей простора достаточно.

Налюбовавшись вдоволь озером, пошли дальше, обогнув поляну ближе к опушке. В одном месте наткнулись на ту же семейку носорогов, которая промчалась через их стоянку; папаша и мамаша, задрав голову, обедали молодые побеги на кустах, помахивая от удовольствия хвостиками, а детеныш то пощипывал траву, то резвился неуклюжими прыжками, на которые нельзя было смотреть без смеха; казалось, что это прыгает порядочная бочка, к которой ради щутки прилеплены четыре толстых столбика. Притаившись за кустами, путешественники долго любовались на эту семейную идиллию и увековечили ее на фотографической пластинке. Только Горюхов взглянул на семью более прозаическими глазами, хотя и смеялся, глядя на прыжки носорожонка: он соображал, сколько пудов сала можно было бы добыть из этого бочонка и сколько хороших прочных ремней для нарт можно было бы нарезать из его кожи.

Он уже схватился за ружье, чтобы осуществить свои хозяйствственные соображения, и Горюхов едва успел остановить его, шепнув:

— С ума сошел, Никита! Старики растопчут нас, если мы тронем их детеныша! С этими зверями щутки плохи.

Осторожно обогнув по лесу носорогов, вышли на тропу, пересекавшую следующую лесную площадь; деревья поднимались здесь уже до десяти метров, а густой подлесок не позволял продвигаться вперед без затруднений и шума. На тропе могла произойти опасная

встреча с каким-нибудь крупным зверем, и, наученные опытом, путешественники держали ружья наготове, а вперед пустили Крота, который привык к безлесной тундре севера Сибири и в лесу не решался шнырять по чаще и отдалаться от людей.

В лесу кипела жизнь. Кроме разных мелких птиц, видели рябчиков, посвистывавших на ветках, пестрых соек, перекликавшихся друг с другом, сорок, перелетавших с дерева на дерево и трещавших без умолку; слышны были голоса дроздов и других певчих птичек. Шорохи в кустах обнаруживали присутствие каких-то мелких млекопитающих. За одним поворотом, когда тропа показалась по прямой линии впереди, увидели вдали темную массу какого-то крупного хищника, по-видимому медведя, который медленно шел навстречу, обнюхивая землю. Заметив людей, он круто свернул с тропы и скрылся в чаще.

— Этих мишек здесь, видно, немало шатаются! — заметил Горохов.

— Но только как будто трусливые, — сказал Костяков.

— На какого нападешь! Если голодный, то полезет и на человека.

— Нужно принять за правило держать в половине наших ружей патроны с разрывной пулей на всякий случай, — заявил Горюнов.

В этот раз лес тянулся без перерыва километра два; за ним снова оказалась поляна с ручьем, окаймленным довольно крупными тополями, ивами, кустами черемухи, боярки, шиповника, из которых раздавался много-голосый птичий хор. Вдоль ручья добрались до озера, которое было еще больше и без топких берегов.

— А что, это озеро тоже пузырится, интересно бы знать? — спросил Ордин.

— Присядем, отдохнем и посмотрим.

Так и сделали и посидели с четверть часа, наблюдая птиц в разных местах; частые всплески обнаруживали обилие рыбы.

— Ну и благодать здесь, а не жизнь! — восхищался Горохов.

— Дичи всякой, рыбы — сколько хочешь, не то что в нашей бедной тундре.

— Теперь понятно, почему перелетные птицы стремятся сюда, не боясь перелета через льды и снега океана: здесь им приволье,— сказал Горюнов.

— Странно, что не все слетаются сюда, а многие остаются по всей северной тундре.

— При перелетах птицы руководствуются только инстинктом, передаваемым из поколения в поколение,— пояснил Горюнов.

— Сюда летят только те, которые родились здесь, а те, которые родились в тундре, остаются там и не летят дальше на север, хотя видят, что другие улетают.

— Да, кабы птицы были умнее, нам в тундре плохо стало бы жить. Пролетная птица и ленные гуси нас часто спасают от голода, когда улов рыбы или промысел зверя плохой,— сказал Горохов.

— Замечено, что местами птицы не летят по прямой линии, а делают большой крюк только потому, что так летали их предки, огибая местности, неудобные для спуска на отдых, например покрытые ледниками, которые давно исчезли, или сплошными лесами, которые вырублены.

В это время среди озера вода медленно начала подниматься бугром, но не одним, а двумя, на некотором расстоянии друг от друга. Оба бугра выпустили по клубу пара и осели.

— Нужно подождать следующего извержения, чтобы определить периодичность,— предложил Ордин.

— Что ж, подождем, а пока сварим чай.

Выбрали удобное место, развели огонь и повесили чайник. Горохов, захватив двустволку, стал подкрадываться к стайке уток, плававших по соседству вблизи берега.

Вскоре раздался выстрел, после которого утки взлетели, оставив двух на месте. Но затем послышался второй выстрел и вслед за ним крик Горохова:

— Скорее сюда, помогите!

Все трое, схватив ружья, побежали к месту происшествия, но тростник и кусты задержали их немного, и когда они добрались, то увидели Горохова, лежащего на животе возле воды, по которой расходились большие круги, словно туда только что погрузилось крупное тело.

— Что такое? В чем дело?

— Эх, опоздали, милые! — огорченно сказал Горожанов, поднимаясь на ноги.— Она ушла!

— Кто она? Рыба, что ли?

— Нерпа, настоящая нерпа! — со вздохом ответил промышленник.

— Не может быть! — заявил Костяков.— В пресной воде нерпа не живет. Это, вероятно, была речная выдра.

— Ну вот еще что скажете! — возмутился якут.— Мало я добыл нерп на своем веку.

— Где же она была?

— Вот здесь, между кочеками. Когда я пальнул в уток, она приподнялась из травы и глядит на меня, словно очумелая. Я не утерпел и утиным зарядом в нее бухнул. Она завертелась, я к ней, навалился и заорал вам. Да покуда вы бежали, она вырвалась из рук: скользкий зверь ведь, не за что уцепиться,— и поминай как звали.

— Что же, большая она была?

— Нет, поменьше наших; может быть, моло-денькая.

— Как же очутилась нерпа в озере? — недоумевал Костяков.— Не верится мне все-таки.

— Вы ошибаетесь, Павел Николаевич! — сказал Ордин.— Вспомните, что в Байкале, тоже пресном, водится особый вид нерпы — *Phoca sibirica*. Говорят, что она живет и в озере Орон, составляющем расширение реки Витима между двумя его порогами. А здесь, так близко от Ледовитого моря, ее присутствие еще более понятно.

— Но как она могла проникнуть в это сравнительно маленькое озеро?

— Это доказывает, что озера Сибирской Земли прежде были больше и имели более свободное сообщение с морем. В то время нерпы и забрались сюда; может быть, вся эта земля представляла морской залив и имела соленую воду, а затем отделилась, и залив, превращенный в озеро, постепенно опреснился, так что нерпы мало-помалу, может быть в течение целых поколений, приспособлялись к пресной воде.

Вернувшись к чайнику, который уже кипел, путешественники вскоре были свидетелями вторичного из-

вержения пара в центре озера. Промежуток оказался в сорок минут.

После чая, огибая озеро по самому берегу, путешественники убедились в правдивости слов Горохова.

В одном месте они увидели высунувшуюся из воды голову небольшого тюленя, который глядел на людей своими бархатными круглыми глазами. Но собаки, узнав хорошо им знакомого зверя, представлявшего лакомую добычу, бросились с громким лаем к берегу, и тюлень, презрительно фыркнув, скрылся.

— Ваша правда, Никита, это конечно, нерпа! — сказался Костяков.

Первые признаки человека

За поляной снова начался лес, в котором опятьшли по звериной тропе, пустив собак вперед.

Среди леса вдруг послышался отчаянный лай последних. Приблизившись с ружьями наготове, путешественники увидели, что собаки остановили целый табун лошадей, бежавших, очевидно, к озеру на водопой. Собаки, поджав хвосты, лаяли и визжали, а лошади смотрели с изумлением на этих храбрых карликов, осмелившихся загородить им дорогу.

Они били копытами землю, хранили, но не решались двинуться вперед.

— Ну, что нам делать? — недоумевал Костяков. — Путь загорожен.

— Придется стрелять? — предложил Горохов.

— Но только не пулей! — заявил Горюнов. — Мяса у нас достаточно, стоят они неудобно, и раненый воjak бросится на нас, а зашим весь табун. Стреляйте утиной дробью, она цепляет по всем ближайшим и испугает их.

Гром выстрела, прокатившийся по узкому зеленому коридору тропы, и мелкая дробь, осыпавшая передних лошадей, произвели удивительный переполох.

Дикое ржание огласило воздух, лошади взвивались на дыбы, поворачиваясь в тесноте, опрокидывая друг друга и ломая кусты и молодые деревья по бокам тропинки. Сплоченной массой табун наконец повернулся и помчался обратно.

— Теперь можно идти спокойно, никого не встретим в лесу,— сказал Ордин.

Дикая скачка табуна действительно распугала не только животных, но и птиц, которые на некоторое время замолкли. Беспрепятственно дошли до следующей поляны, на которой внимание немедленно привлек к себе снежно-белый холм, возвышавшийся в центре и резко выделявшийся на зеленом фоне луга и леса.

— Вот те раз, какой большой сугроб! — воскликнул Горохов.

— Скорее наледь, ис успевшая растянуть, — поправил Горюнов.

— Разве тарыны бывают такие высокие? — спросил Костяков.

— Нет, не бывают! Разве что это наледь очень сильного источника, образовавшаяся вокруг его устья.

— Тогда что же это такое?

Миновав луг, путешественники убедились, что холм возвышается среди небольшого озера, так что предположение, что это наледь или сугроб, отпадало. Вблизи холм представлялся в виде поднимавшихся друг над другом уступов, и в бинокль можно было рассмотреть, что по ним струйками стекает вода.

С недоумением все рассматривали это странное возышение, как вдруг из его вершины со свистом и шипением вырвался фонтан, сопровождаемый клубами пара; он поднялся метров на десять и рассыпался дождем по уступам. Интересное явление продолжалось не более одной минуты, по истечении которой холм принял прежний вид и только слегка дымился.

— Теперь все понятно! Это гейзер, горячий периодический источник, какие часто бывают в вулканических областях земли,— сказал Ордин.

— Вы правы, а холм — отложение кремнистого туфа, осаждающегося из выбрасываемой воды, пока она стекает по уступам.

Смерили температуру воды в озере — оказалось 35 градусов по Цельсию, и опущенной рукой было горячо.

— Вот почему на озере не видно птицы,— сказал Костяков.

— Вероятно, нет и рыбы, всплесков нигде не видно,— прибавил Ордин.

Но озеро не было совершенно безжизненным. На дне его были видны странные красноватые водоросли, между которыми сновали массами мелкие ракообразные, очевидно чувствовавшие себя прекрасно в теплой воде. Но высшим животным она была не по вкусу — несколько уток, севших на озеро, с испуганным кряканьем снова поднялись, едва только коснулись воды.

— А не пора ли нам подумать о ночлеге? — спросил Горюнов.

— Да, солнце уже собирается сесть за горы, а впечатлений мы за день получили довольно, — согласился Ордин.

— И нужно выбрать удобное место, защищенное от хищников, — прибавил Костяков.

— Такое место мы не найдем, разве влезем на дерево и будем спать, сидя на ветках, как птицы, что едва ли будет приятно.

— Я думаю, что нужно спать не в лесу, а на чистом месте и поочередно караулить, — заявил Горохов.

— Конечно, и все время поддерживать огонь, который пугает хищных зверей, — сказал Горюнов.

Так как возле озера топлива не было, то прошли вдоль ручья, вытекавшего из него, к опушке леса, близи которой расположились под одиноким тополем. Засветло нарубили дров на всю ночь и разложили два костра; в промежутке между кострами и легли после ужина, разделив время на двухчасовые дежурства. Ночь прошла не совсем спокойно: по временам то ближе, то дальше раздавались разные звуки — мычание быков, ржание лошадей, рев носорогов, крики сов, а собаки отзывались на них ворчанием или лаем. С полуночи туман начал окутывать поляну, и свет луны на ущербе елс пробивался; туман медленно полз на юг, по временам разрываясь, и луна на несколько минут ярко озаряла поляну, а белый холм среди озера иногда казался плавающим в молочном море. Его извержения повторялись каждые двадцать минут и также нарушили тишину легким свистом и шумом падающей воды.

На рассвете подул довольно сильный северный ветер и туман быстро рассеялся. Солнце, поднявшееся над восточной окраиной котловины, имевшей вид черного острозубчатого хребта с полосами снега по уступам

пам и морщинам, застало путешественников уже готовыми для работы. В этот день решили идти на восток до окраины котловины и вдоль нее вернуться на базу у сугробов, чтобы проведать Никифорова, сообщить ему о существовании крупных медведей и носорогов и посоветовать не охотиться на них.

Вскоре нашли узкую тропу, ведшую с поляны на восток через лес, который тянулся несколько километров, постепенно мельчая. Добыли несколько рябчиков и большого глухаря, которого собаки загнали на дерево, откуда он с удивлением разглядывал граничных зверей, пока выстрел не сбросил его вниз. Поляна, которая сменила лес, оказалась очень мокрой, а середина ее представляла настоящее моховое болото, занявшее, очевидно, место прежнего озера.

Пришлось огибать ее по опушке, где собаки вскоре выгнали крупного оленя.

— Так и есть, сохатый! — воскликнул Горохов.

Но это был не сохатый, а олень того же роста, с гордо поднятой красивой головой, увенчанной огромными рогами, которые соединяли в себе особенности рогов как лося, так и изюбра (благородного оленя); на рога последнего они походили своими размерами, на рога первого тем, что оканчивались широкой лопatkой с зубцами. Эта великолепная дичь раззадорила охотников и, остановленная напавшими на нее собаками, пала жертвой разрывной пули.

— На сохатого похож и не похож, — заявил Горохов. — Что за зверь, не знаете ли, Матвей Иванович?

— Я думаю, — ответил Горюнов, рассмотрев животное, — что это исполинский испоконемый олень — *Cervus euryceros*, современник мамонта.

— Но не из крупных, вероятно молодой экземпляр, — прибавил Ордин.

— Нет, олень старый! — заявил Горохов. — Считайте, сколько отростков на рогах. По-моему, ему лет пятнадцать.

— Очевидно, это мельчающая порода, — предположил Костяков.

— И редкая, других зверей из живых окаменелостей мы видели много, а этого впервые встретили.

— Следовательно, нужно его обмерить и захватить с собой череп и рога, — заявил Горюнов.

— Рога слишком тяжелы, да и сохранить их нельзя: смотрите, они весенние, мягкие, налитые кровью,— заметил Костяков.

— Жаль! Ну, фотография хоть будет. Я успел его снять, пока он отбивался от собак,— сказал Ордин.

Не теряя времени, произвели обмер, затем вырезали лучшие части мяса, накормили собак досыта, отрубили рога и унесли целиком голову для препарирования на базе.

— Мозг и язык на ужин! Это лакомое блюдо,— восторгался Горохов, вырезавший также кожу со спины для починки обуви.

За поляной снова пошел лес, который тянулся, постепенно редея и мельчая, почти до подножия окраинного обрыва. Вдоль последнего расстипалось метров на пятьсот богатое моховище; зеленый печеночный мох и беловатый олений покрывали толстыми подушками неровную почву, скрывая свалившиеся с обрыва обломки камня.

— Эх, благодатное место для оленей! Сюда бы пригонять их на лето,— вздохнул Горохов.

— А вы заметили, что на Земле Санникова, несмотря на обилие озер и болотистых лугов, почти нет гнуса? — спросил Горюнов.

— Да, да! Ни слепней, ни оводов, ни мошки и даже комаров совсем мало,— подтвердил Ордин.

— Словом, рай земной! Не то что наша страна, где летом жизни не рад от гнуса,— прибавил Горохов.

— А вспомните, Никита, что вы говорили недавно про марево и шайтанов,— засмеялся Горюнов.

— Может быть, все, что мы видим, только наваждение? — спросил Костяков.

Горохов смущенно улыбнулся и покачал головой. Всё, что он видел за эти два дня, было необычайно, но на наваждение не похоже.

— А вот когда мы благополучно вернемся в Казачье, тогда я скажу, наваждение это или нет! — вывернулся лукавый якут.

На моховище заметили поблизости несколько пасшихся северных оленей, которые, увидев людей, быстро скрылись в кустах.

Ближе к подножию обрыва наткнулись на стадо каменных баранов, которые были скрыты огромной глы-

бой, свалившейся сверху. Они помчались сначала вдоль обрыва, а потом с изумительной ловкостью начали подниматься по узкому карнизу, перепрыгивая через широкие промежутки, разрывавшие его на части. На высоте метров ста они скрылись на более широком уступе.

Обрыв в виде мрачных черных стен с буро-красными подтеками и пятнами лишаев тянулся высокими уступами вверх; он состоял из базальта, слагавшего, очевидно, всю окраину этой замечательной впадины. У его подножия растительности не было; здесь тянулся хаос свалившихся обломков, подернутых лишаями; кое-где в ямах между ними белел снег. Нависшая скала обратила на себя внимание путешественников. Она защищала от дождя площадку в несколько квадратных метров, свободную от обломков, но всю истоптанную и загаженную каменными баранами. В глубине ее было нечто вроде естественной ниши, на стенке которой острый взор Горюхова заметил налет копоти.

— Ой, тут были люди! — воскликнул он.

— Те, которые пасли каменных баранов? — засмеялся Костяков.

Все столпились возле ниши; в глубине ее оказалось несколько головешек, угли, зола, обгорелые кости. Осмотрев внимательно площадку, напали несколько очень грубо отделанных кремневых орудий и осколки кремня.

— Люди каменного века! — заявил Ордин. — И даже не неолита, а палеолита, судя по примитивности отделки.

— Когда же они жили здесь? Может быть, тысячу лет тому назад? — подхватил Костяков.

— Нет, огнище довольно свежее. Оно на самой поверхности, не покрыто обломками скалы, а только пылью, которую, вероятно, поднимают бараны, топчась здесь.

— Следовательно, мы встретим где-нибудь на Земле Санникова дикарей каменного века, может быть, людоедов? — спросил Костяков.

— Обгорелые кости как будто человеческие, — подтвердил Ордин.

— Неужели это будут ваши онкилоны? — обратился Костяков, словно с упреком, к Горюнову.

— Онкилоны ушли из Сибири несколько сот лет тому назад. В то время северные инородцы не были уже людьми каменного века, они знали употребление железа.

— Да, наши праотцы уже добывали руду и ковали железные ножи, стремена, кольца, крючья,— подтвердил Горюхов.

— Но рядом с этим широко применяли изделия из рога, кости, камня, изготовление которых уцелело у всех туземцев, оторванных от новейшей культуры и живущих в дебрях, куда тяжелый железный товар проникает с трудом. Но эти изделия сравнимы по своей отделке с изделиями неолита, а никак не палеолита,— пояснил Горюхов.

— Следовательно, это огнище не онкилонов?

— Конечно, нет! Очевидно, здесь уцелели люди древнего каменного века, современники мамонта, пещерного медведя и других животных конца ледникового периода.

— И если уцелели эти животные, как мы уже убедились, то, естественно, могли уцелеть и люди,— прибавил Ордин.

— Если только онкилоны, обладавшие высшей степенью культуры по сравнению с этими дикарями, не истребили последних,— сказал Горюхов.

— Огнище показывает, что они еще существуют или существовали очень недавно, может быть, единицами,— заметил Ордин.

— И увидеть дикарей каменного века будет крайне интересно,— прибавил Костяков,— Они живут, очевидно, в пещерах окраин котловины, и нужно предупредить Никифорова, потому что встреча с ними едва ли безопасна, если они людосуды.

Вернувшись к опушке кустарников, путешественники направились вдоль нее на юго-запад и к вечеру приблизились к своей базе.

Когда белые сугробы были уже недалеко, Горюхов не удержался и подстрелил каменного барана, стоявшего в удобном положении на уступе.

В ответ раздался выстрел на базе и вскоре навстречу вышел Никифоров в сопровождении Пеструхи, которая, весело виляя хвостом, бросилась обнюхивать Кро-та и Белуху, отвечавших ей тем же.

Никифоров накануне доставил благополучно тушу быка на стоянку, а в этот день добыл каменного барана и подвез запас дров. Он уже вырубил для себя грот в сугробе, поставил в нем палатку, огородил выход стеною из глыб льда с узким проходом, который на ночь также закладывал глыбами, и в обществе Пеструхи чувствовал себя в безопасности.

Встреча с онкилонами

Тихая погода следующего дня задержала путешественников до полудня на стоянке, так как только к этому времени рассеялся густой туман, очевидно составлявший характерную особенность климата Земли Санникова, весной во всяком случае. Это не было удивительно: многочисленные теплые озера и ручьи давали много влаги воздуху, а обширная площадь снегов и льдов, окружавшая землю, обусловливала сгущение этой влаги в туман после заката солнца. Сырой климат земли объяснял также обилие мхов и лишайников в лесах; стволы всех деревьев были мшистые, а с ветвей спускались многочисленными космами серые лишайники.

Тот же туман, очевидно, был причиной того, что Землю Санникова, несмотря на высоту ее гор, так редко было видно с острова Котельного; весной туманы, вероятно, висели почти все время над ней, а позже, когда вскрывалось море, стоявшие над последним, туманы скрывали землю густой завесой.

Вторую экскурсию в глубь земли сделали на северо-запад. И в этом направлении леса чередовались с более или менее обширными полянами; среди последних большей частью были озера; ближайшие с юга уже зарастали, превращаясь в болота, более далекие еще не подвергались этой части, но извержения паров были замечены у немногих и только в слабой степени. По-видимому, в этой стороне вулканизм котловины уже угасал. На полянах встречали быков и лошадей, но в меньшем количестве и более осторожных, очевидно хорошо знавших опасность близости человека. Носорогов видели только один раз издали. Зато здесь было много кабанов, населявших камыши вокруг озер, и один из них был добыт на ужин.

На ночлег остановились на опушке большой поляны и, сложив котомки и ружья на траву, отправились в лес рубить дрова для костров. Вдруг собаки, оставшиеся у вещей, отчаянно залаяли. Горохов и Ордин, бывшие поблизости, выбежали на поляну и увидели огромного медведя, который обнюхивал их котомки; запах свежего мяса, очевидно, раздразнил его аппетит. Собаки с лаем и визгом старались укусить его за задние ноги, но он ловко отбивался ими и сердито ворчал.

Что было делать? Ружья лежали возле котомок, которым угрожала опасность быть изодранными в клочья, несмотря на усердие собак. Ордин, у которого в руках был топор, шепнул Горохову:

— Я подойду к нему сзади и ударю топором. Когда он повернется ко мне, хватайте ружье и стреляйте.

В это время медведь разорвал когтями одну из котомок и засунул в нее морду; Ордин быстро подскочил сзади и со всего размаха всадил топор до самого обуха в крестец медведя, а затем отскочил в сторону. Страшный рев огласил поляну, медведь встал на дыбы, но сейчас же опрокинулся навзничь, чуть не придавив Крота. У него был перебит позвоночник, и он катался с ревом по траве, размахивая передними лапами. Собаки вцепились в его неподвижные задние ноги, а Горохов, подхватив ружье, всадил разрывную пулью в левый бок. Через несколько минут громадная туша лежала неподвижно, орошая траву потоками крови.

Подошли Горюнов и Костяков с охапками дров. Все обступили медведя, удивляясь его величине; он был раза в полтора больше знакомого им бурого медведя, а клыки его имели более десяти сантиметров в длину.

— Мы дешево отделались в этот раз! — сказал Горюнов.

— Одна изодранная котомка и раненая собака, а могло быть хуже.

Действительно, медведь в агонии зацепил лапой бок Белухи, покрасневший от крови. Собака уже зализывала свою рану, к счастью неглубокую.

— Впредь нам наука! Кто-нибудь должен оставаться у вещей с ружьем наготове, — сказал Ордин. — Не всякий раз удастся так ловко всадить топор в спину громадного зверя.

— Да, попадись ему в лапы — живым не уйдешь! — заметил Горохов, принимаясь за сдирание шкуры. Ордин обмерил медведя, фотографировать его было поздно: уже смеркалось.

Пришлось перенести вещи в другое место, потому что туша издавала неприятный запах, что не помешало собакам наесться до отвала. Ночь прошла неспокойно. Собаки все время ворчали, но густой туман, затянувший поляну к полуночи, не позволял видеть причину их беспокойства. Возле туши, оставшейся в сотне шагов в стороне, слышалась возня, чавканье, хруст костей: какие-тоочные хищники цировали над остатками. На рассвете Горохов нашел уже обглоданный дочиста скелет и видел двух крупных волков, быстро скрывшихся при его приближении.

В этот день туман благодаря ветру рассеялся раньше, и путешественники продолжали свой маршрут на северо-запад. Медвежью шкуру Горохов распялил между деревьями опушки, рассчитывая захватить ее на обратном пути. Миновали еще две поляны с озерами; во втором возвышался белый холм из туфа, но извержения, очевидно, давно не было, так как туф покрылся лишайниками.

При выходе на третью поляну услышали голоса людей на противоположной окраине. Но собаки подняли лай, и голоса сразу замолкли. Через поляну шла хорошо утоптанная тропа, огибавшая небольшое озеро, вблизи которого на влажной почве легко было распознать следы человеческих ног, обутых в мягкие торбаса.

— Вот это уже не люди каменного века! — воскликнул Горюнов. — Те, наверно, ходят еще босиком.

— И раз люди обуты подобно нашим северным туземцам, они должны быть сродни последним, и нам нечего опасаться встречи с ними, — прибавил Ордин.

Когда обогнули озеро, камыши которого закрывали вид на противоположный край поляны, на последнем обнаружился зеленый холм, из вершины которого вился дымок. Возле холма стояли люди, а один, взобравшись на вершину его, очевидно, обозревал поляну. Заметив появление путешественников из-за озера, он сообщил об этом остальным, которые засуетились, и вскоре навстречу двинулся отряд, человек тридцать,

рассыпавшийся цепью по лугу. Когда они приблизились, можно было различить, что все вооружены; каждый держал в правой руке длинное копье, а в левой — лук; из-за плеча видны были перья стрел.

На расстоянии сотни шагов от путешественников цепь остановилась, и один, шедший по тропе, очевидно предводитель, поднял руку и что-то крикнул.

— Что он говорит? На каком языке? — спросил Горюнов Горохова.

— Похоже на чукотский, — ответил Никита, — приказывает нам поднять обе руки, если мы мирные люди.

Путешественники подняли руки вверх. Немедленно цепь возобновила движение, но, сократив расстояние шагов до тридцати, снова остановилась по знаку предводителя, который спросил теперь:

— Что вы за люди, откуда и зачем пришли на нашу землю?

— Скажите, что мы белые люди и пришли с южной стороны, с Большой земли, чтобы посмотреть эту маленькую землю среди льдов, — распорядился Горюнов.

Горохов перевел сказанное.

— Приближайтесь, белые люди, но знайте, что нас много и что мы все вооружены, — сказал предводитель отряда.

Путешественники подошли под наблюдением тридцати пар глаз, зорко следивших за их движениями; Горюнов, выступив вперед, протянул предводителю руку; последний сначала коснулся своей правой рукой лба, затем сердца и только после этого пожал руку пришельца. Тот же жест он повторил с остальными. Цепь в это время, заходя с флангов, сомкнулась и окружила пришельцев кольцом; воины стояли плечом к плечу с оружием в руках и вполголоса обменивались впечатлениями по поводу одежды, обуви, котомок, топоров за поясом и блестящих палок на спине чужеземцев.

Все они были обнажены до пояса, одеты в мягкие кожаные штаны и обуты в торбаса из легкого меха. Лица, грудь и предплечья были покрыты татуировкой в виде волнистых линий, кругов и точек. На шее у каждого висело ожерелье из зубов, по-видимому волчьих, спереди с одним, двумя или тремя крупными медве-

жными клыками. Черные гладкие волосы были скручены на темени в узел, в который были воткнуты одно, два или три орлиных пера. Тело было мускулистое, смуглое, лица с мало выдающимися скулами, черными глазами и прямыми носами. Два верхних средних резца были выкрашены в красный цвет, что делало улыбку людей странной: рот при этом как будто раздваивался на два круглых отверстия. Предводитель отличался от остальных более могучим сложением и высоким ростом, ожерельем из медвежьих клыков, красной полосой вдоль лба и красными перьями в волосах. Племя, очевидно, было храброс и представляло опасных врагов, несмотря на примитивность вооружения: наконечники копий были из прозрачного камня, наконечники стрел из кости, у многих за поясом засунут был каменный топорик с деревянной рукояткой. На спине кроме колчана со стрелами висел небольшой кожаный щит.

— Как зовут ваш народ и эту землю? — спросил Горюхов по поручению Горюнова.

— Мой народ онкилоны, и земля эта наша, завоеванная нашими предками. Меня зовут Амнундак, я вождь онкилонов. А как зовут вас и вашу землю?

Получив ответ на этот и еще несколько вопросов, преследовавших ту же цель — узпать, зачем и каким путем белые люди пришли к пим, вождь произнес:

— Вы пришли издалека и в малом числе, будьте гостями онкилонов. Пойдем в мое жилище.

Он повернулся и пошел обратно по тропе, путешественники — вслед за ним, а воины — по сторонам и сзади. Они обращались к Горюхову с разными вопросами, касавшимися одежды и оружия, пути через льды и жизни на Большой земле, о которой они кое-что знали по преданиям, передававшимся из рода в род. Горюхов едва успевал отвечать, тем более что язык онкилонов, хотя и близкий чукотскому, все же несколько отличался от него и собеседники не всегда понимали друг друга.

Зеленый холм оказался обширной землянкой — жилищем онкилонов. У ее входа в виде двери, завешенной шкурами, вождь остановился, поднял завесу и жестом пригласил гостей войти. Всем пришлось согнуться, так как дверь была низкая. В центральной части

землянки горел костер, над которым на перекладине, подобно вертелу, висело несколько кусков жарившегося мяса. Эта центральная часть представляла четыре толстых столба, поставленных по углам квадрата в шесть метров в стороне; вверху столбы были связаны толстыми перекладинами, поверх которых лежала крыша из более тонких бревен с квадратным отверстием, служившим и окном и для выхода дыма. К каждой перекладине на верху квадрата были прислонены длинные бревна в виде ската, упирающиеся нижним концом в землю. Каждый скат с боков был закрыт более короткими и тонкими бревнами, также поставленными наискось. Таким образом получилось жилище, имевшее в плане вид креста с округленными входящими углами. Три ветви креста служили спальнями, в четвертой была дверь и склад разного имущества; центральный квадрат являлся кухней, столовой и приемной. Снаружи весь остов был покрыт толстым слоем земли, которая поросла травой. В общем получилось обширное, теплое, но темноватое жилище.

Войдя в землянку, вождь повел гостей на сторону квадрата, противоположную входу, сел, поджав ноги, на медвежью шкуру и усадил остальных справа и слева от себя. Воины расположились по другим сторонам квадрата вокруг огня. Когда глаза путешественников освоились с полумраком землянки, они заметили, что в скошенных боковых частях толпились женщины и дети, с любопытством разглядывавшие пришельцев и постепенно поддвигавшиеся к сидевшим воинам. Женщины были почти нагие, только узкая, в ладонь, повязка из темной кожи, по цвету почти не отличавшейся от смуглого тела, огибая бедра, проходила по нижней части живота. У молодых женщин повязка была украшена вышивкой из тоненьких черных, желтых и красных ремешков. Кроме этой повязки на них были ожерелья из мелких белых, серых, зеленых и красноватых камней и такие же браслеты на предплечьях и запястьях. Нагота как бы скрадывалась татуировкой на груди, животе, спине, руках, ногах и лице в виде фантастических цветов и листьев, волнистых линий и кружков. Особое внимание привлекала молодая жена вождя, у которой татуировка изображала двух змей, обвивавших кольцами ее ноги, извивавшихся по живо-

ту и бокам и оканчивавшихся головками, обращенными друг к другу между грудями и ключицами; две змеи поменьше обивали ее руки и оканчивались на обеих лопатках. На смуглом теле эти черно-синие змеи производили жуткое впечатление.

Черты лиц женщин были мягче, чем у мужчин, и некоторых можно было назвать даже красивыми; телосложение их было стройное и формы пропорциональны.

Дети были совершенно голые, а подростки обоего пола носили такой же поясок стыдливости, как женщины, который у девочек также был вышит. У последних волосы были заплетены в мелкие косички, а у мальчиков закручены в узел на темени. У женщин волосы были заплетены в две косы, спускавшиеся на грудь и украшенные камешками, у девушек кос было четыре; две по бокам головы, спускавшиеся на грудь, и две сзади, падавшие на спину.

Амнундак сделал знак женщине со змеями, и она достала из сундука, обитого кожей, небольшие деревянные чашки, наполнила их молоком из бурдюка, висевшего на столбе, и подала одну за другой вождю, который передавал их гостям. Оставив последнюю себе, он, поднося ее к губам, красивым жестом предложил последовать его примеру. В чашках оказалось густое оленье молоко, немного кислое, но вкусное, во всяком случае для путешественников, которые давно уже не пили его. Чашки были наполнены еще раз, после чего женщина сняла с палки поджарившееся мясо, нарезала его костяным ножом на толстые ломти и в деревянном корытце подала вождю, который раздал по ломтию каждому из гостей. Пока последние ели мясо, запивая молоком, Амнундак обратился к населению землянки с речью, смысл которой Горохов не уловил, так как вождь говорил слишком быстро. Горюнов попросил вождя объяснить, что он сказал. Амнундак медленно, чтобы Горохов мог переводить каждое слово, рассказал следующее:

— Наш народ, онкилоны, много лет тому назад, измученный непрерывными войнами с чукчами из-за оленевых пастьбищ, решил уйти от этих людей подальше. Сначала перешли по льду на близкие острова, вырыли землянки и стали жить спокойно. Но земля не понра-

вилась: летом туман, зимой туман, весной туман, цепкий год туман. Люди стали умирать, олени стали умирать. И увидели люди, что птицы весной летят дальше, на север, а к осени возвращаются жирные. Надумали — пойдем сами туда, куда птицы летят. Пошли раз — море не пустило, пошли второй — море замерзло плохо, пурга поломала лед, много народа и оленей утонуло. Дождались самой холодной зимы, вперед послали разведку. Лед крепкий был. Все прошли и нашли эту землю. Немного осталось народу, человек пятьдесят было ли, нет ли, не знаю.

Вождем в это время был великий шаман, исцелявший все болезни; он указал народу путь на эту землю. Перед смертью он объявил, что спокойно жить на этой земле онкилоны будут до тех пор, пока к ним не придут белые люди с Большой земли. И сказал он, что в руках у белых людей будут громы и молнии, как у властителей неба, которых убивают издалека.

Когда мы увидали вас, первых белых людей, пришедших к нам с Большой земли, мы вспомнили слова шамана.

Жертвы и моления

— Скажите вождю,— обратился Горюнов к Никите,— что мы самые мирные люди и зла никому не причиним. И нас привели сюда птицы, летящие на север. Мы захотели только посмотреть ту землю, где птицы проводят лето. Мы посмотрим ее и уйдем назад, на нашу землю.

Горохов перевел эти слова.

— А есть у вас в руках громы и молнии, поражающие издалека? — спросил Амнундак.

При этом вопросе глаза всех присутствующих впились в чужеземцев в тревожном ожидании. Горохов в недоумении посмотрел на Горюнова, и последний сказал:

— А разве наши ружья не громы и молнии, поражающие издалека? Онкилоны так или иначе узнают про них. Так воспользуемся случаем и окружим себя еще большим уважением, чтобы нас считали посланниками богов и не делали нам зла.

— Да, у нас есть громы и молнии! — сообщил Горохов вождю.

Тревожный шепот пробежал по толпе. Сидевшие ближе к путешественникам невольно отшатнулись. Вождь сказал:

— Покажите их нам, чтобы мы знали, что вы — именно те, кого послало небо. Но прошу вас, не убивайте онкилонов.

— Выходи из жилища, чтобы молния не поразила людей, — сказал Горюнов.

Вождь торжественно поднялся и направился к выходу, за ним путешественники и все население, державшееся теперь от них почтительно на некотором расстоянии.

— Приведите жертвенного оленя! — распорядился Амнундак. — Пусть белые люди поразят его, чтобы принести в дар богам.

Несколько онкилонов побежали в лес за землянкой и вывели оттуда большого почти белого северного оленя; животное, словно предчувствуя свою участь, упиралось и ревело. По указанию Горохова его привязали к колышку в двухстах шагах от землянки. Путешественники, заменив в винтовках разрывные пули обыкновенными, дали залп, и олень упал словно подкошенный. При громе выстрелов все онкилоны упали на колени и склонились перед могущественными чужеземцами.

Поднявшись, Амнундак произнес громким голосом, чтобы слышали все присутствовавшие:

— Мы знаем теперь, что вы — посланники неба, о которых говорил великий шаман. Будьте нашими гостями; все, что мы имеем: жилище, пища, одежда, олени — ваши, распоряжайтесь ими! Сегодня вечером шаман обратится к богам и будет молить пощадить онкилонов, которые приняли посланников неба как дорогих гостей.

Окончив речь, Амнундак приложил руку ко лбу, к сердцу и низко поклонился гостям; все онкилоны повторили его жест. В это время притащили труп оленя и положили к ногам вождя, который, указывая на четыре раны в боку животного, сказал:

— Все четыре молнии поразили жертву. Женщины, приготовьте мясо к вечернему молению. Воины, пригласите шамана в наше жилище!

По возвращении в землянку возобновилось угощение молоком и копченой олениной, к которой подали лепешки из муки, приготовленной из плодов водяного ореха, и печеные луковицы сараны. Ни хлеба, ни чая, ни табака онкилоны не знали, и несколько сухарей и кусков сахара, которые путешественники достали из котомок, пошли по рукам, осматривались, обнюхивались и пробовались с большим интересом. Еще большее внимание возбудили трубки, которые Горохов и Ордин закурили после еды. С некоторым ужасом онкилоны смотрели, как белые люди глотали дым, который вызывал у соседей кашель и чихание. Большой восторг вызвал медный чайник, повешенный над огнем; онкилоны имели только деревянную и глиняную посуду и варили в них мясо, нагревая воду раскаленными камнями. Но чай без сахара, которого путешественники имели слишком мало, чтобы угождать всех, никому не понравился. Амнундак с трудом выпил предложенную ему чашку и заявил, что напиток онкилонов — он указал на бурдюк с молоком — вкуснее.

Топоры и охотничьи ножи также возбудили огромный интерес; их осматривали, гладили, пробовали и восторгались их блеском, прочностью и действием сравнительно с каменными топорами и костяными ножами онкилонов. По знаку Амнундака женщина со змеями достала из сундука железный ножик грубой работы, изъеденный ржавчиной, который хранился как реликвия. Показывая его гостям, вождь сказал:

— Наши предки имели такие ножи, топоры, наконечники копий и стрел, которые выменивали у якутов, но сами делать не умели. И вот, когда они пришли сюда, эти вещи мало-помалу примирили в негодность, поломались, потерялись, и онкилоны снова стали делать каменные и костяные.

Крот и Белуха, приютившиеся у ног гостей, внушали онкилонам, не имевшим собак, сначала некоторый страх. Когда Горохов спросил, почему у них нет собак, Амнундак рассказал следующее:

— Из-за этих злых зверей началась война наших предков с чукчами. Наши предки были оленеводы и собак не держали, потому что собаки нападают на оленей. Наши предки жили на берегу моря оленеводством и ловлей рыбы, тюленей, моржей; жилища стро-

или из леса, выброшенного морем. Но вот пришли чукчи; у них было много собак, но не было оленей. Они начали теснить нас с рыболовных и звероловных мест; когда у них не хватало рыбы для собак, они отнимали у нас оленей. Из-за этого и началась война. Чукчей было много, нас было мало. Вот и пришлось уйти от них сюда.

— А сколько онкилонов живет здесь? — спросил Горохов. — Весь ваш народ здесь? — Он обвел рукой присутствующих.

Амнундак засмеялся:

— Таких жилищ у нас двадцать, в каждом живет один род, человек двадцать — тридцать.

— Где же другие жилища?

— В разных местах. Оленям нужны моховища. Нельзя всем жить близко, тесно станет и людям и оленям.

— В каждом жилище есть такой вождь, как ты?

— Нет, я главный вождь всех онкилонов! — гордо заявил Амнундак. — Мой род самый большой. Но в каждом жилище есть свой начальник, глава рода.

Действительно, население землянки, считая женщин и детей, доходило до шестидесяти человек. Горюнов подсчитал, что если в остальных землянках живет в среднем по двадцать пять душ, то всех онкилонов на Земле Сапникова должно быть около пятисот тридцати человек.

В разговорах и угощениях время прошло до вечера. К закату солнца на поляну к землянке пригнали стадо оленей, и путешественники наблюдали сцену доения маток, в котором приняли участие все женщины и девочки, быстро перебегавшие с деревянными подойниками от одного животного к другому; стадо состояло из двухсот с лишним голов. На ночь оно оставалось на поляне и охранялось по очереди воинами от нападения хищников.

Когда наступили сумерки и все возвратились в землянку, явился шаман, который жил отдельно в нескольких километрах. Это был высокий, худощавый старик с впалыми щеками и проницательными глазами, глубоко сидевшими под нависшими бровями. Несмотря на сравнительно теплую погоду, он был одет в длинную шубу мехом наружу, с воротника и пояса

которой на ремешках свешивались медные и железные бляхи и палочки странной формы, сильно потертые, очевидно принесенные еще с материка и переходившие от шамана к шаману. В руке у него был небольшой бубен, украшенный кожаными красными и черными лентами и железными погремушками. Остроконечная шапочка вроде скуфы с почти вылезшим мехом скрывала его волосы. Поклонившись с достоинством вождю и внимательно оглядев чужеземцев и их собак, которые при виде странно одетого человека глухо зарычали, шаман уселся отдельно у ярко пылавшего костра и, отложив бубен, протянул к огню свои костлявые руки, бормоча какие-то слова. По знаку вождя женщины подали шаману чашку с молоком, которое он выпил, предварительно брызнув несколько капель в огонь.

Над костром на длинных палочках жарилась нарезанная небольшими кусками оленина. Рядом варился суп, или, вернее, соус из оленины и клубней сараны в цилиндрическом деревянном сосуде, в котором кипение воды поддерживалось при помощи раскаленных в костре небольших камней. Одна женщина то и дело вынимала из огня раскалившись камень, пользуясь двумя палочками с наконечниками из каменных плиток, опускала его в сосуд с супом, а другой камень, уже остывший, вытаскивала и клала в костер.

Когда мелко нарезанное мясо сварилось, вождю, шаману и гостям подали по чашке мяса, облитого супом, и деревянные вилки довольно изящной работы. Но, попробовав суп, путешественники убедились в полном отсутствии соли. Онкилоны, подобно чукчам, не употребляли ее в пищу. Пришлось достать из котомок свою соль, чтобы посолить суп. Это вещество тоже попало по рукам; его стали пробовать, предполагая, что это тоже сладкое, подобно сахару, по истом долгое отлевывались и выражали недоумение, зачем белые люди портят этой гадостью вкусный суп и мясо.

После супа подали жареное мясо и лепешки из воздяного ореха; ужин закончился чашкой молока. Когда посуда была убрана, прогоревший костер сдвинули в сторону, чтобы очистить центральный квадрат для моления. В землянке воцарился полумрак, озаренный красным светом тлеющих углей.

Во время ужина Амнундак рассказал шаману, как появились белые люди на земле онкилонов, кто они, что делали, как поразили оленя. Шаман слушал молча, кивая головой и изредка задавая вопросы. После ужина, перед началом молчания, он потребовал, чтобы удалили собак из жилища. Когда это было исполнено, он уселся среди очищенной площадки, окруженной кольцом зрителей, достал из кожаного мешочка, привешенного к поясу, щепотку беловатого порошка, высыпал ее на ладонь и слизнул языком. Горохов сообщил путешественникам, что это сущий мухомор, который камчадалы, коряки и некоторые другие народы употребляют как наркотическое средство, вызывающее своеобразное опьянение.

Посидев некоторое время молча со взором, пристально устремленным в тлеющие угли костра, шаман взял бубен, провел по нему рукой, и тотчас раздались седва слышные звуки звенящей под пальцами туго натянутой кожи. Под их аккомпанемент, постепенно усиливающийся, он запел сначала медленно и вполголоса, гортанными звуками, затем все быстрее, пока пение и гудение барабана не слились в сплошной гул, из которого вырывались отдельные слова, словно вопли. Шаман сначала сидел, раскачиваясь взад и вперед, не спуская взора с огня, но затем, придя в исступление, вскочил и стал кружиться на одном месте все быстрее и быстрее, продолжая бить в бубен и завывая. Его длинная шуба и ремешки с бляхами и палочками при этом вращении начали отходить от туловища и наконец образовали три конуса, насаженные друг на друга и увенчанные конусом его шапки. Руки с бубном были подняты над шапкой и находились в беспрерывном движении; бубен вертелся, качался, плясал, издавая громкий гул.

Но вот песня резко оборвалась диким воплем, шаман опустился на землю и, раскинув руки и выронив бубен, впал как будто в беспамятство, которое никто не осмелился нарушить. Тонкая струйка песни стекала из угла губ по впалой щеке. Все зрители хранили молчание, и в землянке, только что оглашавшейся хаосом звуков, воцарилась жуткая тишина. Даже собаки, привязанные вне землянки, лай которых по временам врывался в песню шамана, замолчали.

Минут через пять шаман привстал, выпил поднесенную ему чашку молока и потом тихим голосом произнес несколько слов, вызвавших среди слушателей волнение и перешептывание. Вождь повторил их громко, и Горохов перевел:

— Духи неба поведали шаману, что народу онкилонов предстоят великие беды.

Амнуундак поднял руки к небу, но шаман остановил его жестом и произнес еще несколько слов. Радостный шепот пробежал по рядам зрителей, и вождь, опустив руки, провозгласил:

— Шаман говорит, что беды, может быть, не начнутся, пока чужестранцы будут жить на земле онкилонов. Так поведали духи.

Шаман медленно поднялся, отвесил вождю и путешественникам общий поклон и удалился в сопровождении двух вооруженных воинов. После его ухода в землянке поднялся оживленный говор. Путешественники также шептались. Результаты волхвования были для них несколько неожиданными. С одной стороны, они обеспечивали им не только безопасность пребывания среди онкилонов, но и всякую помощь, но зато связывали их с этим народом надолго в качестве своеобразной страховки от бед. В их планы входила зимовка на Земле Санникова, но не далее начала следующей весны. Отпустят ли их тогда онкилоны?

— Нетрудно догадаться, — сказал Горюнов, — что хитрый шаман придумал эту поправку к своему предсказанию, представляющему вариант их предания, нам уже известного. Старик сообразил, что люди, владеющие громами и молниями, будут очень полезны онкилона姆 в качестве их друзей, но могут быть очень страшны как враги.

— И если отпустить их, — прибавил Ордин, — они, зная дорогу в эту прекрасную землю, вернутся в большом числе и вытеснят онкилонов, как некогда чукчи.

— Совершенно верно! — заметил Костяков. — Ведь эти люди, оторванные столетиями от мира, не имеют понятия о том, что делается теперь, и живут воспоминаниями о старине.

— Во всяком случае, мы пока не должны заявлять им, что собираемся уйти в недалеком будущем, — сказал Горюнов.

— Да, они могут просто арестовать нас и держать визитерти,— прибавил Ордин.

— Или, в лучшем случае, постоянно сопровождать нас и стеснять свободу передвижения,— заметил Костяков.

— Поживем с ними, познакомимся ближе и постепенно убедим, что все эти предсказания вздор и что им ничего не грозит в будущем.

Вождь все время прислушивался к беседе чужеземцев и наконец встал и произнес громко, чтобы слышали все жители, разговоры которых затихли сразу:

— Онкилоны, воины и женщины! Вы слышали, что сказал шаман, что поведали ему небесные духи. Пока белые пришельцы с нами — бед не будет. Так будем просить их оставаться с нами!

— Да, да, будем просить! — раздались голоса со всех сторон.

Вождь повернулся к гостям и, склонившись, произнес:

— Белые люди, посланники богов, народ онкилонов просит вас оставаться жить с ним. Вы спасете онкилонов от бед. Мы дадим вам все, что вы хотите, — лучшее жилище, пищу в изобилии, теплую одежду, когда придет зима, самых красивых женщин, чтобы вы не терпели недостатка ни в чем. Вы будете жить, как наши вожди.

— Все, все дадим вам, только оставайтесь с нами! — повторил хор мужских и женских голосов, и со всех сторон к гостям потянулись руки в умоляющем жесте.

Горюнов встал и ответил:

— Хорошо, мы согласны оставаться у вас, как ваши гости, пока вы сами нас не отпустите. Но мы хотим осмотреть всю вашу землю, и вы должны показать нам ее.

Горохов перевел эти слова, и крики радости огласили землянку; вождь вторично склонился перед гостями и пожал руку каждому из них, предварительно прикладывая свою руку ко лбу и к сердцу, что означало, как они узнали позже, «от чистого сердца и без задних мыслей». Потом он сказал:

— Скоро у нас будет весенний праздник, на который соберутся все молодые женщины и девушки пле-

мени, и вы сможете, если захотите, выбрать себе жен. Вы оставили своих жен там, далеко,— он махнул рукой на юг,— а жить человеку без женщины скучно.

— Вот мы и в женихи попали! — рассмеялся Горюхов.

— Но это страшно стеснит нашу свободу! — заметил Горюнов.

— Ну, там видно будет! — философски заключил Ордин.

Священный камень

Когда онкилоны, шумно выражавшие свою радость по поводу согласия чужеземцев остаться у них, несколько успокоились, а женщины опять разожгли костер, Амнуцдак обратился к гостям:

— Вы сказали, что хотите осмотреть всю нашу землю. Но знаете ли вы, что это опасно? В лесах живут разные хищные звери.

— Мы их не боимся, наши молнии поразят каждого хищника, прежде чем он нападет на нас,— получил он в ответ.

— Кроме хищных зверей, в лесах живут дурные люди, гораздо опаснее зверей.

— Это интересно! — сказал Ордин товарищам, а Горюхов спросил:

— Что это, тоже онкилоны? Почему они опасны?

— Нет, это не онкилоны. Это дикие люди, и мы постоянно воюем с ними. Они очень сильные, и один на один мы не можем бороться с ними. Мы называем их «вампу», что значит «голые люди».

— Где же они живут?

— Они живут дальше, на востоке нашей земли. Они прячутся в лесах, нападают иногда на наши жилища, когда воины на охоте, и убивают стариков и детей, а женщин уводят. Мы очень боимся их. И вы с ними не справитесь, если нападут на вас из засады с большими дубинами, копьями и ножами.

— Разве их так много?

— Мы не знаем, сколько. Когда наши предки пришли в эту землю, она вся была заселена этими дикими людьми. С ними долго воевали и вытеснили на восток.

— У них тоже есть жилища?

— Нет, они живут зимой в пещерах, а потом на деревьях, как птицы в гнездах.

— Вот чьи следы мы видели во время прошлой экскурсии! — заметил Горюнов.

— У них есть живые боги, огромные и очень злые, — продолжал Амнундак. — Они приносят им жертвы.

— Какие такие боги?

— Видели вы на нашей земле большого зверя с рогами на морде?

— А, носорога! Да, видели.

— Их боги еще гораздо больше. Но вместо рог у них на голове пятая нога или рука, длинная и гибкая. Этой ногой зверь ломает лес, схватывает людей, бросает их на землю и топчет остальными ногами.

— Вот так зверь! — удивился Горохов.

— У этого зверя из пасти торчат два длинных белых зуба, как клыки у медведя, но гораздо длиннее и толще.

— Очевидно, это слоны! — догадался Горюнов.

— Уж не мамонт ли? — предположил Ордин. — Слонам на севере не место. Есть ли у него мех? — обрадился он через Горохова к вождю.

— Да, он мохнатый, шерсть на нем красная.

— Разве у мамонтов шерсть была красная? — недоумевал Костяков. — Я думал, судя по картинкам, что она была черная.

— Это неверно, — заметил Ордин, — на трупах, найденных в Сибири, шерсть была красно-бурая или рыжая. Но неужели вампу удалось приручить мамонтов?

— Этими зубами, — продолжал вождь, — зверь роняет землю и добывает корни, которые съедает, а зимой сгребает снег, чтобы найти траву. Эти зубы нам очень нужны, мы делаем из них самые лучшие ножи, копья, стрелы. Но нам редко удается убить этого зверя: дикие люди очень стерегут своих богов.

— Тем более интересно познакомиться с вампу и с их домашними мамонтами! — воскликнул Горюнов.

— Я все рассказал вам! — закончил Амнундак. — Вы знаете теперь, что вам одним к диким людям идти нельзя. Они убют и съедят вас, а для онкилонов начнутся беды. Мы будем охранять вас; все воины пойдут

с вами к диким людям. Мы начнем большую войну, чтобы их уничтожить. Ваши молнии помогут нам убивать вампу и их богов.

— Карательная экспедиция! — засмеялся Ордин.— И мы в роли палачей! Не особенно лестно.

Но онкилонам слова вождя очень пришлись по душе. Они, очевидно, имели веские причины, чтобы так ненавидеть вампу. Такие свирепые соседи, конечно, не могли быть приятны мирному племени, ушедшему из-за войн с материка.

Исчерпав тему о вампу, Амнуундак заявил, что пора приготовить гостям место для ночлега. В занимаемой им с семьей сконченной части землянки против входа женщины очистили половину, разостлали на землю олены и медвежьи шкуры и положили даже подушки — валики из кожи, набитые оленьей шерстью. Эту половину отгородили от оставшейся для семьи вождя, расставив в ряд сундучки с домашним скарбом, и Амнуундак предложил гостям ложиться спать. В двух остальных, боковых частях землянки онкилоны уже укладывались; мужчины раздевались донага и складывали одежду в изголовье, а оружие возле себя. Один воин остался на карауле у входа, а трое легли, не раздеваясь, у костра и в проходе, чтобы сменять его поочередно. Карапульный поддерживал огонь, согревавший землянку, и время от времени выходил наружу за дровами. Менялись также воины, караулившие олены стадо на поляне и перекликавшиеся друг с другом.

Ночь прошла спокойно. Онкилоны стали просыпаться на рассвете. Прежде всего поднялись женщины, усилили огонь и стали жарить мясо и калить камни для варки супа; другие побежали доить оленей и для этого одевались, потому что на дворе было свежо. Они надевали своеобразную кожаную одежду, в которой панталоны были соединены с курткой в одно целое с большим разрезом на груди; женщина сначала просовывала ноги, а затем быстро поднимала одежду на туловище и засовывала руки в короткие рукава. Вернувшись в землянку, она легким движением плеч спускала куртку, и вся одежда соскальзывала к ногам.

Путешественники, лежа на своих шкурах, с интересом наблюдали, как быстро и легко одевались и раздевались женщины и как почти голые хлопотали по хо-

зяйству у огня, ярко освещавшего их смуглые тела; их нисколько не смущали взоры многочисленных мужских глаз.

Путешественники обратили внимание на то, что молодые женщины и девушки, которых легко было отличить от первых по их четырем косам, посматривают частенько в их сторону, перешептываются и хихикают. Легко было догадаться, что красавиц занимал вопрос, на ком из них остановится выбор могущественных чужеземцев, когда они станут брать себе жен на весеннем празднике.

Горохов подслушал, что онкилонок всего больше интересовали густые усы и бороды его трех товарищей и их светлая кожа.

У онкилонов растительности на лице почти не было, только у стариков вырастали жиденькие усы и тощая бородка. Горохов, как якут, в этом отношении был похож на онкилонов и имел такую же смуглую кожу, так что он онкилонок не привлекал.

Пока женщины хлопотали, мужчины, не торопясь, одевались, потом осматривали свое оружие. То из одного, то из другого угла землянки раздавались детские голоса, иногда плач младенца, на который спешила та или другая из женщин, чтобы покормить его грудью.

Мало-помалу все поднялись, и начался завтрак с тем же однообразным меню — жареным и вареным мясом, только вместо холодного молока из бурдюка дали горячее, разбавленное водой и слегка заправленное мукой из водяных орехов, нечто вроде супа, в котором плавали маленькие кусочки поджаренного сала. Суп оказался достаточно вкусным.

За завтраком спросили вождя, сколько лет онкилоны живут на Земле Санникова. Путешественники уже узнали, что у этого народа нет никакой письменности и все сведения о жизни предков передаются в виде преданий из поколения в поколение, может быть, исказженные вымыслом. Но оказалось, что примитивная летопись имеется.

— Больше четырехсот лет,— ответил Амнуундак, немного подумав.— Если хотите знать точно, то пойдем сейчас к шаману: возле его жилища есть камень, на котором каждый год отмечен.

После завтрака путешественники в сопровождении вождя и десятка вооруженных воинов отправились по широкой тропе через лес на запад. По дороге Амнундак указал гостям искусно скрытую западню на тропе — квадратную яму глубиной более двух метров, перекрытую тонкими жердями, ветвями и старой листвой. В такие западни изредка попадали быки, лошади и даже носороги, которых онкилоны приканчивали копьами и стрелами.

— Таких ловушек довольно много на звериных тропах нашей земли, и вы можете тоже попасть в них, если будете ходить без проводника, — предупредил вождь.

— Впереди нас, — возразил Горюнов, — всегда бежит собака, которая умнее носорога и быка; она остановится перед западней и обнаружит нам ее.

— Онкилонам собаки были бы очень полезны, — заметил Ордин, — и для охоты, и для караула жилища, и при войне с дикими людьми.

— Вот ваши собаки размножатся у нас, и через несколько лет мы будем иметь сторожей! — сказал Амнундак с такой уверенностью, что собеседникам осталось только переглянуться с усмешкой.

Вскоре свернули с большой тропы в сторону и вышли на небольшую поляну с жилищем шамана, оно было такого же типа, как землянка вождя, но гораздо меньшее, потому что шаман жил только с одним учеником и старой женщиной, готовившей пищу.

Шаман, очевидно уже предупрежденный о посещении, ожидал гостей у порога землянки и ввел их на почетные места против входа. Внутренность жилища походила на своеобразный анатомический музей: на четырех столбах, на перекладинах и под откосом боковых стен белели черепа жертвенных оленей, быков, лошадей, а над почетным местом красовался череп носорога с огромным рогом.

Как только гости уселись, старуха подала угощение, состоявшее из вареного мозга, языка и губ жертвенного оленя, которого чужеземцы убили накануне своими молниями. Эти лакомые части жертвенных животных всегда доставались шаману как служителю божества.

Узнав от Амнундака желание гостей посмотреть камень, на котором записаны годы жизни онкилонов, ша-

ман после завтрака повел их дальше на запад. Тропа вскоре вывела на окраину котловины. И здесь возвышалась высокая неприступная стена того же черного базальта, вершина которой скрывалась в тучах, низко висевших в этот день над котловиной. У подножия обрыва, как и в других местах, лежали россыпи и глыбы свалившихся сверху камней, покрытые лишайниками. Среди них выделялась огромная глыба в несколько сот тонн весом. Пространство вокруг нее было очищено от камней и выровнено в виде широкого круга. Перед этой глыбой совершили моления и приносили жертвы. Кости жертвенных животных лежали грязкой вдоль подножия глыбы, окаймляя черный камень зловещей белой полосой.

— Этот камень, — пояснил Амнуундак, — упал с неба в год прихода наших предков на эту землю. Поэтому мы чтим его как дар богов. Каждый раз, когда после зимней ночи солнце в первый раз показывается нам, здесь совершается большое моление и приносятся жертвы. Шаман отмечает это событие чертой на камне. Поэтому вы можете сосчитать, сколько лет мы уже живем здесь.

Он подвел гостей к южной очень гладкой стороне глыбы, на которой виднелись высеченные твердым орудием небольшие вертикальные черточки; каждая десятая была немного длиннее, так что легко было сосчитать их. Оказалось, что онкилоны провели на Земле Саппикова уже четыреста двадцать четыре года.

— Когда Амнуундак сказал, что этот камень упал с неба, — заметил вполголоса Ордин, — я подумал, что это огромный метеорит, и очень заинтересовался им. Но оказывается, что это просто базальт, и упал он, конечно, с этого обрыва.

— Что он говорит? — спросил шаман.

Горохов перевел, что белый человек думает, что камень упал с горы, а не с неба.

Шаман укоризненно покачал головой и сказал:

— Великий шаман, который привел наших предков сюда, сам видел, как этот камень падал, и первый поклонился ему.

— С горы падают только маленькие камни, — привил Амнуундак, — а этот больше наших жилищ. Под ним лежат пять оленей, которых он придавил как пер-

вую жертву богам от пришельцев на эту землю. С тех пор и стали приносить здесь жертвы. Это было знамение свыше.

Пока происходила эта беседа у подножия священного камня, Костяков, отойдя в сторону, незаметно успел сфотографировать его вместе с беседующими.

Потом Амнундак повел гостей к подножию обрыва и показал им большую пещеру, в которой раньше жили вампу. Накануне падения камня у подножия была большая битва онкилонов с вампу, и они одержали здесь первую крупную победу, заставившую последних отступить на восток. Это событие тоже связывалось с камнем.

В пещере валялись еще полуистлевшие дубины, поломанные копья с кремневыми наконечниками, гнилые остатки звериных шкур; видны были огница и кучки обгоревших или расколотых костей.

В общем, эта пещера с костями, мрачная черная стена, терявшаяся в тучах, черный огромный камень, окруженный грудами костей среди голых россыпей, производили жуткое впечатление, и путешественники были рады вернуться в зеленый лес на пути домой.

На поляне возле жилища Амнундака они застали начало кипучей деятельности — онкилоны приступили к сооружению землянки для своих гостей-пленников. Воины и женщины были заняты работой: одни копали ямы для четырех столбов остова, другие перерубали и обтесывали бревна, трети приносили бревна из леса, где слышался стук топоров дровосеков; женщины нарезали дерн для крыши. Но, несмотря на усердие строителей, дело подвигалось медленно, потому что каменные топоры, костяные ножи и кремневые скребки с трудом справлялись с деревом.

Поглядев некоторое время, как медленно перерубалось толстое бревно для столба, Горюнов предложил товарищам:

— А ну-ка, покажем онкилонам, как работают белые люди.

— И то дело, покажем! — согласился Горохов.

Все четверо принесли свои топоры и взялись за работу; быстро полетели щепки, с каждым ударом топор врезывался глубже в дерево, и то, на что онкилону с каменным орудием нужно было полдня, железный

топор делал в четверть часа. Когда топоры белых людей застучали по бревнам, онкилоны побросали свое дело и столпились вокруг них, глядя с восхищением, причмокивая и выражая разными возгласами свое удивление от быстроты работы. Пока женщины успели вырыть четыре неглубокие ямы, ковыряя землю, к их счастью мягкую, ножами и выгребая ее руками, четыре столба были отрублены, обтесаны и перекладины к ним приготовлены.

— Эх, жаль нет бурава, чтобы просверлить дырку и запустить хороший клин для связи! — жаловался Горюхов.

— Или стамески, чтобы посадить перекладину на столб шипом,— прибавил Горюнов.

— Да, это бы не мешало, потому что если случится легкое землетрясение, то накатник откосов легко может соскочить с места и придавить нас, как в ловушке,— сказал Ордин.

— Разве здесь может быть землетрясение? — поинтересовался Костяков.

— И даже очень! Ведь мы на дне кратера старого вулкана, еще не совсем угасшего, как доказывают горячие источники в озерах.

— А ну-ка, Никита, спросите, бывает ли, что земля трясется здесь,— предложил Горюнов.

Ответ получился утвердительный: онкилоны время от времени испытывали сотрясения земли, но большей частью легкие, не причинявшие вреда. Старики припомнили, что во времена их детства случилось довольно сильное землетрясение, вызвавшее частичное разрушение почти всех жилищ, при этом было задавлено человек двадцать, не успевших выбежать наружу.

— Ну, мы на всякий случай подопрем накатник еще одной перекладиной, чтобы не мог соскочить! — придумал Ордин.

К обеду успели поставить четыре столба и связать их перекладинами. После обеда пугащественники пошли с онкилонами в лес рубить тонкис деревья для накатника, потому что и это подвигалось медленно; над деревом в десять — двенадцать сантиметров в диаметре онкилон трудился больше часа, а под железным топором оно валилось через пять минут. К вечеру лес был приготовлен и перенесен на поляну.

За этот день весть о появлении белых людей со всеми подробностями успела распространиться по стойбищам онкилонов, и к вечеру начали прибывать отряды воинов из ближайших жилищ, желавших посмотреть на чужестранцев. Последние отдыхали после работы в землянке, где скоро стало тесно от набравшихся зрителей. Но посетители вели себя с достоинством, спрашивали население землянки, рассматривали гостей и обменивались впечатлениями. По просьбе Амнундака топоры и ножи были пущены по рукам, так как разговор шел о быстрой работе пришельцев, благодаря которой сооружение новой землянки, отнимавшее у онкилонов целую неделю, было почти закончено в один день.

Только после ужина жилище освободилось от гостей, которые расположились на ночлег вокруг костров на поляне.

Амнундак решил воспользоваться приходом многих воинов, чтобы устроить на следующий день охоту загоном на носорогов, надеясь на молнии белых людей. В ямы носороги попадали очень редко, копья и стрелы онкилонов не пробивали их толстую кожу. Последняя очень ценилась воинами как лучший материал для щитов, выдерживавших удары дубин вампу.

Охота на носорогов

На следующее утро благодаря многочисленным пришельцам в четверть часа остав новой землянки был закончен.

Представив женщинам крыть его дерном и устраивать, внутри, все собравшиеся воины во главе с Амнундаком и чужестранцами отправились на охоту за несколько километров на восток, где накануне видели семью носорогов. Собравшиеся в количестве более ста человек быстро и без шума, пробираясь по опушкам, оцепили небольшую поляну, на которой паслись животные. Вождь и путешественники встали вблизи тропы, по которой их должны были погнать.

Когда все заняли свои места, онкилоны по сигналу Амнундака подняли стук дубинками по деревьям, аккомпанируя громкими криками своей военной песни. Носороги, застигнутые врасплох, заметались по поляне,

но повсюду встречали страшные звуки, издаваемые невидимым врагом. Наконец, они очутились недалеко от поста охотников; грянули четыре выстрела. Самец рухнул на колени, вскочил, пробежал до опушки и свалился. Самка с детенышем помчалась в противоположную сторону и встретилась с цепью онкилонов, вышедших после выстрелов из леса. Но теперь она видела врагов и, не обращая внимания на крики и полетевшие в нее копья и стрелы, прорвала цепь, подбросив ударом головы подвернувшегося ей онкилона на воздух, и скрылась в лесу. Детеныш, по-видимому недавно родившийся, отстал от нее, и его остановили собаки, вцепившиеся в складки кожи на его боках. Но им, вероятно, пришлось бы плохо, если бы подбежавшие онкилоны не прикончили малыша копьями.

Вся охота кончилась в четверть часа, но стоила сломанной ноги у подброшенного человека, что, впрочем, никакого не уменьшило торжества охотников. Раненного тотчас же унесли на быстро снятой с детеныша шкуре и двух жердях к шаману, занимавшемуся также и врачеванием. Оставшиеся занялись тушей старого носорога, от которого через полчаса остался только скелет и содержимое желудка и кишок; все остальное было срезано и унесено на стойбище.

Вернувшись к обеду, путешественники застали свое новое жилище почти готовым; недоставало только шкур для постелей и хозяек. Первые уделил Амнундак из своих запасов, вторых надлежало выбрать в день весеннего праздника, до которого оставалось еще трое суток. Путешественники решили воспользоваться этим временем, чтобы сходить на свою базу у сугробов, проведать Никифорова и принести некоторые вещи.

Но понадобились довольно длинные переговоры, чтобы убедить Амнундака отпустить их без огромного конвоя и ограничиться двумя воинами.

На следующее утро путешественники отправились, выбрав путь вдоль западной окраины котловины, чтобы познакомиться с ней поближе. Шли вдоль опушки из полярной бересклеты, по которой пролегали многочисленные олени тропы. Здесь паслось стадо рода Амнундака под надзором пастухов на моховицах, тянувшихся полосой между россыпями камня и зарослями.

Северные олени являлись единственным домашним скотом онкилонов, доставлявшим им молоко, мясо и шкуры. Охота на зверей и птиц, рыбная ловля в озерах дополняли продукты стада, а водяные орехи и корни сараны, вылавливаемые из озер и выкапываемые женщинами на полянах, давали растительную пищу этому, в сущности, мирному племени, которое только соседство вампу сделало воинственным. Вампу жили только охотой и истребляли много диких животных, тогда как онкилоны берегли их; поэтому животные держались больше в южной части котловины, где их меньше преследовали, а вампу делали охотничий набеги в земли онкилонов и не щадили также домашних оленей. В этом была главная причина вражды онкилонов к вампу, заставившая их выработать военный уклад жизни. Кроме того, вампу при случае похищали молодых онкилонок, которые скоро погибали от грубого обращения и тяжелых условий первобытной жизни, если им не удавалось бежать из плена. Это обстоятельство, конечно, не способствовало миру между онкилонами и вампу, и война между ними не прекращалась никогда.

Окраина котловины и с этой стороны оказалась состоящей из базальта, слагавшего высокие уступы, недоступные для человека. В обрывах чередовались толщи, то пузыристые или даже шлаковые, то плотные, разбитые на правильные шестигранные столбы различной в разных местах толщины и длины; местами чернели отверстия больших пещер или ниш, служивших приютами каменным баранам. Очевидно, гигантский вулкан, некогда занимавший место Земли Санникова, действовал очень долго, изливая потоки лавы во все стороны, прежде чем произошел колоссальный провал его центральной части, создавший котловину с ее горячими источниками — последними отзывами угасшего вулканизма. Некоторые потоки лавы изобиловали миндалинами халцедона, агата, сердолика и полуопала, и онкилоны, сопровождавшие чужестранцев, сообщили им, что из этих потоков добывают цветные камни для женских украшений, а из более крупных миндалей делают наконечники для стрел и копий, хотя предпочитают костяные, более легкие для обработки.

После утомительного перехода и только благодаря тому, что солнце заходило уже очень поздно и день был длинный, путешественники добрались до своей базы у сугробов, где застали Никифорова у костра, занятого поджариванием мяса. Отшельник с удивлением рассматривал двух онкилонов, пришедших с его товарищами, а они, в свою очередь, удивлялись палатке, поставленной в сугровом гроте, и человеку, предпочитающему жить среди снега вместо зеленого леса. Их заинтересовали также гроты для собак, но нарты и байдару им не показали, чтобы не выдать средства своего передвижения через льды. Онкилоны остались в убеждении, что белые люди всю жизнь проводят среди снега, а собак употребляют в качестве выночных животных.

На ночь онкилоны удалились в полосу леса, подальше от снега, а путешественники расположились в палатке. Перед рассветом собаки, спавшие у входа снаружи, подняли отчаянный лай. Никифоров, выглянув, увидел силуэт огромного медведя, который задними лапами отмахивался от трех досаждавших ему собак, а передними разбрасывал глыбы льда, закрывавшие вход в соседнюю ледяную кладовую, в которой хранились шкуры, черепа и запасы мяса. Казак разбудил товарищей и выскочил с ружьем. Густой туман по обыкновению окутывал котловину, и пришлося отозвать собак, чтобы не попасть в них. Но медведь, услышав голоса людей, встал на дыбы и направился к ним. В сумраке ночи и тумана он казался огромным, значительно выше человека. Всего два-три шага отделяли его от входа в палатку, когда две пули поразили его в грудь. Медведь покачнулся, рявкнул и обрушился прямо во вход грота. Никифоров едва успел отскочить в сторону, а Горюнов откинулся в глубь палатки, где Горохов и Ордин в темноте искали свои ружья. Глыбы льда разлетались в стороны под ударами лап бившегося в агонии зверя, собаки выли, и из гротов им вторили тридцать глоток. Положение в палатке становилось критическим; медведь, немного продвинувшись вперед, мог уже достать лапами сгрудившихся в глубине людей, которым некуда было податься. К счастью, Никифоров не потерял присутствия духа: заложив в ружье патрон с разрывной пулей, он улучил удобный момент и вы-

стрелил почти в упор. Еще несколько судорожных движений — и туша замерла.

В это время на поднявшийся шум и выстрелы прибежали онкилоны с горящими головами. Объединенными усилиями семи людей удалось вытащить медведя из входа в грот. Зверь оказался необычайной величины и вызвал удивление онкилонов. Последние охотились на медведей только большим отрядом, но такая охота редко обходилась без гибели или тяжелых ран одного-двух человек. Поэтому медвежьи клыки ценились у них очень высоко и не многие охотники имели их в своем ожерелье.

Начало уже светать, сон был испорчен, и все занялись снятием шкуры и разделкой туши. Никифоров получил большой запас мяса для собак, а шкурой путешественники решили украсить свое новое жилище. Поэтому они уговорили онкилонов нести ее прямо в стойбище вождя, обещая прийти вслед за ними. Они придумали этот план, чтобы избавиться на день от опеки и попытаться проникнуть в земли, занятые вампу, чтобы понаблюдать последних не в обстановке военного похода, который с этой целью предлагал им Амнундак.

Первое знакомство с вампу

Оставив Никифорова наедине с черепом медведя, который он должен был очистить и спрятать в складе, путешественники взяли направление на северо-восток вдоль окраины котловины. Миновав знакомые уже по первой экскурсии места, они после полудня вышли на поляну, на влажной почве которой вблизи озера заметили рядом со следами копыт быков и лошадей отпечаток босой ноги человека. Это не мог быть след онкилона, так как последние ходили в обуви; кроме того, след обращал на себя внимание величиной, сильным развитием пальцев, большим, сравнительно с нормальным, расстоянием между большим и вторым пальцем и длиной последнего.

Направив собак по следу, шедшему на северо-восток, путешественники миновали еще две поляны и приближались к третьей, когда услышали гул голосов. Собаки были взяты на привязь, а люди осторожно

и пробрались к опушке, с которой увидели на поляне вампу. Человек восемь исполняли танец вокруг темной массы, лежавшей на траве,— очевидно, добытого ими крупного животного. Вампу были совершенно нагие, с очень смуглой кожей или покрытые волосами. Спутанные космы волос свисали на плечи, небольшие бороды окаймляли лица. С короткими копьями в одной руке, дубинками в другой они плясали, то подпрыгивая на одном месте, то бросая ноги взад и вперед и размахивая руками. В такт движениям раздавались крики «ой-го-го», «ай-ду-ду», повторявшиеся без конца.

Танец продолжался минут десять, после чего вампу собрались вокруг жертвы и начали снимать с нее шкуру. Затем началось пиршество: каждый отрезал себе полоски теплого кровавого мяса и поедал их одну за другой. Удовлетворив голод, вампу стали отрезать более крупные части туловища и пласты мяса и, нагружившись ими и шкурой, семеро пошли по поляне на восток, а восьмой остался у добычи, чтобы охранять ее от орлов, две пары которых уже кружились над местом охоты. Карапульный, сидя на корточках, продолжал насыщаться и, погруженный в это занятие, не заметил, как четыре человека и две собаки потихоньку подошли к нему сзади. Ворчание Крота заставило его оглянуться. Он хотел вскочить, но, изумленный появлением невиданных людей, не похожих на онкилонов, с направленными на него блестящими палками и в сопровождении двух зверей, похожих на волков, он выронил нож и остался сидеть, дрожа от страха, с куском мяса в руке.

Над его маленькими, глубоко сидящими глазами низкий лоб выдавался двумя массивными дугами; в разинутом рту видны были крупные белые зубы с порядочно выдающимися клыками, а очень короткий подбородок придавал лицу дикое выражение. Нос был приплюснутый, с широкими ноздрями, полускрытыми длинной белой палочкой; уши большие, со вставленными в мочки круглыми пластинками белой кости, которые оттягивали их почти до плеч. Вокруг шеи спускалось ожерелье из клыков кабана и медведя. Туловище было покрыто густыми черными волосами, но на плечах и груди сквозь них просвечивала темная кожа.

Несколько минут вампу и путешественники рассматривали друг друга в молчании.

Человек вдруг, с силой оттолкнувшись ногами от земли, сделал большой прыжок через полуочищенную тушу быка в сторону, не загражденную врагами, и, круто наклонив корпус вперед, побежал по поляне.

— Эх, упустили! — воскликнул Костяков. — Нужно было связать ему руки и увести с собой.

— Так бы он и дался! — рассмеялся Горюнов. — Вы видели, какие у него мускулы и какие зубы? Мы бы вчетвером с ним не справились! Он свернулся бы кому-нибудь из нас шею или прокусил бы горло.

— И что бы мы стали делать с ним? — спросил Ордин.

— Держать в плену и наблюдать, постараться выяснить его язык, психологию; ведь это же крайне интересно — психология и язык человека древнекаменного века! Взгляните на его оружие.

Вампу оставил свои копья и дубину на траве. Копье имело около метра в длину и представляло ровный ствол молодой березы, в конец которого, слегка расщепленный, был вставлен грубо оббитый длинный осколок кремня; тонкий сырой ремешок охватывал и стягивал дерево, не позволяя кремню вывалиться. Дубина представляла нижнюю часть ствола более толстого дерева вместе с началом корневой части, раздувавшейся до величины кулака. Она имела сантиметров семьдесят в длину и в мускулистой руке являлась страшным оружием для рукопашной схватки; таким оружием легко было раздробить череп человека и оглушить лошадь или быка. Другая дубина, оставленная одним из упавших ранее вампу, отличалась еще тем, что в ее утолщенный конец сбоку был вставлен острый осколок кремня, которым с размаху можно было пробить череп крупного животного.

Туша быка была совершенно очищена от мяса с одной стороны, передняя и задняя ноги были отрезаны. Но оставалась еще половина и голова. Люди, иссомненно, должны были вернуться за своей добычей.

— Я думаю, они не вернутся сюда: беглец, наверное, напугает их своим рассказом, — предположил Горюнов.

— А может быть, именно вернутся, чтобы посмотреть на нас или даже поохотиться за нами,— заметил Костяков.

— Спрячемся и подождем, а потом выследим их стойбище,— предложил Ордин.

— А если они найдут нас по следам? Они, наверно, опытные следопыты,— сказал Горюнов.

— Пройдем прямо на запад, чтобы оставить следы, а затем свернем по лесу и вернемся к поляне с другой стороны.

Оставив нетронутыми тушу и оружие, путешественники последовали этому совету и спрятались вторично на северной стороне поляны. Стойбище, очевидно, было недалеко, так как вскоре наблюдатели заметили, что на восточной окраине поляны зашевелились кусты и из них осторожно выглянула косматая голова разведчика. На туще уже сидели и клевали ее два орла, а два других трудились над брюшиной, лежавшей в стороне. Это сразу показало вампу, что на поляне людей нет, и сейчас же из кустов высыпала целая орда — человек тридцать, в том числе и десяток женщин, и быстрым шагом направилась к туще. Орлы один за другим взлетели и стали кружиться.

Вампу обступили тушу и, по-видимому, стали смеяться над беглецом, указывая на нетронутую тушу, на оставшееся оружие. Они, вероятно, говорили, что все ему почудилось, потому что онкилоны не только не оставили бы мясо, но прикончили бы и человека. Беглец оправдывался, показывая, где стояли странные люди, рукой отмечал рост собак и подражал их лаю. Тогда несколько человек стали осматривать землю вблизи туши и, очевидно, нашли следы, оставленные путешественниками, так как направились по ним. В это время остальные снова занялись тушей, срезали остаточное мясо, выломали толстые мозговые кости, опорожнили брюшину. Женщины, тяжело нагрузившись этим, пошли назад к стойбищу, а мужчины побежали вслед за ушедшими по следам, чтобы донести странных незнакомцев, напугавших их товарища. На поляне остался только позвоночник с ребрами, лопatkами и тазовыми костями, на которых и орлам почти нечем было поживиться.

— Вот и отлично! — воскликнул Костяков. — Мужчины ушли, а мы сделаем визит женщинам на стойбище.

— С риском, что мужчины скоро вернутся и зададут нам перцу? — спросил Горюнов.

— Нам все равно нельзя идти вперед, они пошли по дороге, по которой и мы должны идти к стоянке онкилонов, и мы с ними должны встретиться. Мы посмотрим стойбище, а потом сделаем крюк на юг.

Желание увидеть жизнь стойбища преодолело опасения, и все четверо отправились по тропе на восток; капли крови на земле выдавали путь женщин. Вскоре впереди послышались крики и смех, и, осторожно приблизившись, путешественники увидели стойбище среди небольшой поляны. Оно было временное или летнее у подножия большого одинокого тополя. Здесь горел огонь, вокруг которого теснились женщины и дети разного возраста. Женщины были несколько ниже ростом, чем мужчины, немного стройнее и менее волосаты, особенно спереди; зато волосы на голове были длиннее, но также спутаны в космы; лица имели бы менее дикое выражение, если бы не палочки, вставленные в ноздри, белые кружки, вставленные в нижнюю губу, оттопыренную вперед, и такие же кружки в ушах; на смуглых шеях белели ожерелья; о какой-либо одежде не было и помину. Дети были менее косматые и волосатые, чем взрослые.

Воткнув куски мяса на палочки, вампу слегка поджаривали их на огне и поедали. Вблизи костра лежал большой камень, на котором женщины ударами другого камня разбивали мозговые кости и с шумом высасывали из них мозг. Раздавались крики, смех — орда наслаждалась ницей.

Насытившись, женщины повесили оставшееся мясо на сук, а две из них, разостлав шкуру на земле, стали очищать ее кремневыми скребками от крови и сала. Другие растянулись на траве вблизи костра в сырой дремоте. Дети начали резвиться, бегая друг за другом; другие валялись на траве и визжали; некоторые с проворством обезьян полезли на дерево, и в его листве слышались их голоса.

— А если бы мы выплыли к ним? — предложил Костяков. — Они, наверно, испугаются и убегут, а мы рас-

смотрим их стойбище поближе и возьмем коллекцию оружия и домашней утвари.

— А если они не убегут и начнут защищаться? Взрослых женщин больше двадцати, а силы у каждой побольше, чем у любого из нас,— возразил Горюнов.

— Выстрел в воздух, я думаю, заставит их убежать.

Мысль произвести этот опыт показалась заманчивой, и путешественники с ружьями наготове вышли из кустов и направились к стойбищу, а собаки с лаем бросились на бегавших на четвереньках детей, приняв их за особую породу дичи. Впечатление получилось огромное. Женщины вскочили и столпились вокруг огня и дерева, глядя с открытыми ртами на подходивших странных людей, о которых уже слышали от беглеца. Дети пустились наутек от собак и попрятались за женщиными, издавая крики ужаса. Но женщины скоро пришли в себя и стали хватать копья и дубинки. Одна побежала на помощь малышу, который лежал на земле между рычавшими собаками и визжал от страха. Горюнов поспешил отозвать собак, прежде чем женщина замахнулась на них копьем.

— Как видите, они не думают бежать, а поднимают уже копья, чтобы метнуть в нас,— предупредил Ордин.

— Придется стрелять, пока не поздно. Если мы теперь повернем назад, они подумают, что мы боимся, и нападут на нас сзади,— заявил Костяков.

— Да, затеяли игру, так нужно ее выиграть,— сказал Горюнов.— Два выстрела поверх голов женщин, а два будем иметь в запасе.

Костяков и Ордин выстрелили. Эффект получился неожиданный: женщины при виде огня и дыма из направленных на них блестящих палок, при грохоте выстрелов и свисте пуль перепугались, упали на колени и, бросив копья и дубинки, с умоляющим жестом протянули руки и стали кланяться до земли с воплями ужаса; дети ревели вовсю.

— Ну, вот чего я не ожидал! — воскликнул Костяков.— Я думал, они убегут, и мы возьмем, что нужно.

— Остается подойти к ним спокойно и разыграть богов,— предложил Ордин.

— Которые похищают дубинки и копья? Но сперва зарядим ружья на всякий случай.

Исполнив это, путешественники стали спокойно подходить к коленопреклоненным женщинам. Но когда оставалось только шагов десять, дети устроили панику — с воем они пустились через поляну в лес. Женщины одна за другой вскочили и последовали их примеру, кроме одной, которая лежала, уткнувшись лицом в землю, и дрожала всем телом.

Подойдя к ней, путешественники стали рассматривать ее внимательно. Ее спина была покрыта короткими негустыми волосами, подошвы и ладони были голые, и на первых кожа по своей твердости производила впечатление рога; большой палец сильно отделялся от остальных; на руках и ногах волосы были гуще, чем на спине. Спереди она оказалась гораздо менее волосатой, а груди и лицо были совершенно чисты; но благодаря отсутствию бороды небольшая высота подбородка бросалась в глаза больше, чем у мужчин; зато надбровные дуги меньше выделялись, чем у последних. Но широкие скулы, впалые маленькие глаза, приплюснутый нос с палочкой, оттянутая губа с белой костяшкой — все это не способствовало красоте ее лица. Волосы, не знавшие ни мыла, ни гребня, были спутаны в космы, в которых видны были стебли травы, листья и всякий сор. Но мускулистость тела заставляла предполагать в женщинах изрядную силу.

Наконец бедняжку оставили в покое, причем заметили, что одна ее нога привязана крепким ремешком к вбитому в землю колышку. Этим объяснялось то, что она не убежала вместе с остальными; очевидно, она была за что-то наказана.

Выбрав пару типичных дубинок с кремнем и без него, пару копий, скребков и грубую деревянную чашку, лоснившуюся от жира и бурью от крови, сняли с женщины ожерелье и собрались уже уходить.

— Знаете ли, ведь мы, в сущности, устроили форменный грабеж, — сказал Горюнов. — Напугали женщин до смерти, а затем берем часть их скучного имущества.

— Но ведь это для науки, а не с корыстной целью, — возразил Костяков.

— Все-таки нехорошо! Нужно оставить им что-нибудь взамен.

Порылись в котомках и нашли маленькое зеркальце, нитку стеклянных бус, сломанный перочинный ножик и жестяную коробочку от пиллюль, прибавили две медные гильзы от патронов и положили все это возле руки женщины, продолжавшей лежать с закрытыми глазами. Затем тихонько ушли и, спрятавшись на опушке, стали наблюдать.

Некоторое время все было тихо. Потом женщина подняла голову, увидела, что странные люди удалились и ничего не сделали с ней, присела, оглядываясь кругом, и, положив два пальца в рот, издала резкий продолжительный свист. В ответ из леса послышались свистки и голоса, и вскоре появились одна за другой беглянки и дети. Пока они приближались, женщина заметила вещи, лежавшие на земле и обратившие ее внимание своим блеском. Сначала она не решалась тронуть их; то протягивала, то отдергивала руку, словно боялась, что они обожгут или укусят ее. Наконец любопытство преодолело страх, и она стала брать вещи одну за другой, осматривать,нюхать, испуская крики изумления. Подбежали остальные, и вещи стали передавать из рук в руки, вызывая возгласы и споры. Нитку бус женщина надела было на свою шею, лишившуюся ожерелья, но две другие схватились за нее, нитка лопнула, и бусы рассыпались по земле. Началась свалка, все стали подбирать бусинки и собранные прятать в рот.

— Наши подарки только беды наделяют, подерутся бабы между собой! — засмеялся Горохов.

Но путешественники не стали ждать конца ссоры и дележа, а направились на юго-восток, чтобы не встретиться с вампу. Им пришлось ночевать на одной из полян, и только на следующий день к полудню они прибыли в стан Амундака, который с утра уже разослал воинов на поиски по разным направлениям, опасаясь, что белые люди или заблудились, или изменили своему слову и скрылись. Увидев в руках гостей дубинки и копья вампу и узнав, что они проделали, он стал упрекать их за неосторожность и заявил, что онкилоны никогда бы не решились ходить только вчетвером по земле вампу.

Путешественники в этот день ночевали еще в землянке вождя, хотя их новое жилище было закончено

за время их отсутствия. Со своей базы они в этот раз принесли запас белья, чая, сахара и посуду, чтобы устроиться немного удобнее и не жить совершенно по-онкилонски.

Праздник выбора жен

На следующий день должен был состояться весенний праздник, которым онкилоны отмечали полное наступление весны, прилет перелетных птиц, отел северных оленей. С раннего утра на поляну стали прибывать отряды онкилонов из всех стойбищ, на которых оставались только старики, старухи, дети и очередные олени пастухи. Прибывшие располагались по родам вдоль опушки, разжигали костры, женщины готовили обед, мужчины осматривали оружие, готовясь к состязаниям, переходили от костра к костру, обмениваясь новостями.

В землянку Амнундака поочередно группами приходили воины, посмотреть на чужестранцев, владевших громами и молниями и согласившихся отсрочить своим присутствием беды, предсказанные онкилонам. Беседа шла теперь свободнее, чем в первые дни, так как Горохов припомнил свои познания языка чукчей и попрактиковался, а остальные также уже кое-что понимали и говорили. Из землянки было удалено ее обычное население, так что сразу являлся целый род во главе со своим вождем, размещался по трем сторонам центрального квадрата; мужчины садились спереди, женщины стояли сзади. Вождь подносил Амнундаку, шаману и чужестранцам, занимавшим почетные места против входа, какой-нибудь подарок — шкурку лисицы или куницы, зубы кабана или медведя, миндалины агата, сердолика или халцедона, каменный топорик — и получал взамен орлиное перо, которое тут же втыкал в свою прическу. По числу перьев можно было судить о возрасте каждого из вождей. Некоторые из них были уже седые, но, по-видимому, еще полные сил, и в их прическе можно было насчитать двадцать — двадцать пять перьев, образовавших целый веер.

Путешественники узнали из расспросов, что звание главы рода не было наследственным; род выбирал главу из числа своих членов за храбрость и удачу на охоте

и войне пожизненно или до наступления дряхлости. Одряхлевший вождь сам отказывался и назначал выборы, оставаясь почетным лицом в своей землянке без обязанностей. В случае смерти вождя род немедленно выбирал нового. Равным образом звание вождя всех онкилонов не было наследственным; главы родов выбирали его из своей среды. Впрочем, это звание скорее всего было почетным; вождь управлял своим родом, как и другие главы, и только разбирал споры между родами и назначал общие для всех родов охоты или войны с дикарями; споры были очень редки и происходили из-за оленевых пастищ и похищения девушек.

Каждый род, живший совместно в землянке, представлял небольшую коммуну, у которой главное имущество — жилище, олени и утварь — было общее. Женщины сообща готовили пищу, выделявали шкуры, шили одежду, собирали грибы, ягоды и коренья; мужчины пасли и охраняли стадо, изготавливали оружие, доставляли топливо, ходили на охоту, рыбную ловлю или на войну с дикарями.

После того как все девятнадцать родов перебывали в землянке вождя и познакомились с чужестранцами, последние с Амнуундаком вышли на поляну, и шаман своим бубном подал сигнал к началу праздника. Женщины, девушки, подростки и немногие старики ближайших стойбищ расположились вдоль опушки по обе стороны землянки. Мужчины выстроились отрядами по родам в стороне. Амнуундак с гостями и шаман сидели у входа в землянку. По второму сигналу отряды прошли один за другим мимо вождя, исполняя военный танец, с копьями, щитами и луками в руках, колчаном стрел на спине. Танец состоял из прыжков, подбрасывания копий вверх и натягивания лука; движения были согласованы во всех отрядах, и картина получилась довольно стройная. Большой барабан в виде обрубка ствола толстого тополя длиной в два метра, внутри выдолбленного и с обоих концов обитого кожей носорога, по которой били колотушками, составлял военную музыку; он лежал на козлах и сверху имел ряд отверстий. Путешественники узнали, что такие барабаны имелись у каждого рода и посредством их важные и срочные известия передавались быстро по всему племени.

мени, словно по телеграфу. Глухой гул барабанов был слышен за несколько километров.

Во время этого танца путешественники могли считать, что военная сила онкилонов достигала от четырехсот до четырехсот пятидесяти человек, так как в каждом роду было от двадцати до тридцати воинов. Присоединяя пастухов, стариков, женщин и детей, можно было определить численность племени от тысячи двухсот до полутора тысяч человек, т. е. гораздо больше, чем они думали сначала, на основании слов Амнундака, что в каждом роду двадцать — тридцать человек; оказалось, что он имел в виду только воинов, а числа остальных даже приблизительно не знал.

После танца началось состязание в метании копий и стрельбе из лука; для первого натянули длинный кожаный аркан на двух высоких кольях. Один род за другим подходил, выстраивался в ряд на расстоянии сорока шагов от аркана, и затем все воины сразу метали по одному копью, стараясь, чтобы оно перелетело за аркан. Жюри, состоявшее из трех глав родов, считало все перелеты и недолеты. Род, получивший наибольшее число перелетов, считался победителем. Для состязания в стрельбе принесли и развесили на копьях шкуру дикой лошади; темная полоса вдоль хребта являлась целью для стрел. Каждый род выстраивался в ряд в пятидесяти шагах от мишени, и затем один воин за другим выпускал по одной стреле. Считались только стрелы, попавшие в темную полосу, и род, давший наибольшее число попаданий, объявлялся победителем, которого приветствовал барабан частыми ударами, а зрители — криками.

Далее последовала борьба. Поочередно два рода становились друг против друга и выделяли равное число борцов, конечно, самых сильных; последние сходились попарно и в течение времени, определявшегося пятью — десятью равномерными ударами барабана, должны были положить друг друга на землю. Опять-таки род, положивший всего больше противников, объявлялся победителем.

По окончании борьбы жюри сообщило Амнундаку имена родов, одержавших победу по каждому из состязаний, и вместе с ним и главами всех родов установили перечень родов в порядке выявленных ими успе-

хов. После этого роды выстроились по кругу, внутрь которого вошел Амнуундак и огласил этот перечень; роды, занявшие первые десять мест, приветствовали объявление их имен громкими криками, тогда как остальные молчали пристыженные. По возвращении вождя на место роды повторили военный танец, но, шествуя уже в порядке перечня — победители во главе, побежденные в хвосте, и зрители приветствовали первых. Побежденные могли получить реванш только через год, и эти состязания заставляли воинов все время заниматься упражнениями тела и поддерживали в них воинственный дух.

После танца онкилоны расположились обедать в тени деревьев; женщины уже приготовили жареное мясо, суп, лепешки. Главы родов собрались в землянку Амнуундака как его гости и во время обеда все еще обсуждали результаты состязаний, а побежденные объясняли причину своих неудач. Чужестранцев попросили показать онкилонам после обеда громы и молнии.

Через два часа барабан опять загудел, призывая теперь молодых холостых воинов на состязание за первенство в выборе жены. Таких воинов в каждом роду было два или три, и они состязались уже не по родам, а все сразу. Сначала повторилось метание копий, причем каждый поочередно метал по три копья; потом состязались в стрельбе из лука, опять по три стрелы каждый. Жюри тщательно следило за порядком и отмечало попадания, после чего установило перечень соперников по их успехам; если два, три или более получали одно и то же место, то вопрос решался единоборством между ними. В конце концов перечень был составлен, и воины выстроились в ряд в этом порядке, их оказалось сорок семь.

Затем по новому сигналу барабана из рядов зрителей поднялись девушки, достигшие зрелости и желавшие получить мужа. Они явились на праздник, как и женщины, не в том минимальном костюме, который носили внутри жилища, а в легких кожаных панталонах, куртках и торбасах, красиво расшитых тонкими красными и черными ремешками. Свои косы они украстили воткнутыми в них цветами и на головы надели венки. Но теперь, выходя на смотрины, они сбрасывали с себя одежду, оставаясь только с пояском стыдли-

вости, чтобы показать юным воинам красоту своей татуировки и, несомненно также, красоту форм своего тела. Они выстроились в ряд против жилища вождя, у которого заняли место и главы родов. Тогда Амнундак поднялся и, обращаясь к ним, сказал:

— Девушки! Вы слышали, что к нам явились белые люди, посланники богов, владеющие громами и молниями. Они согласились жить у нас, чтобы охранять онкилонов от бед, предсказанных нашим предкам. Мы должны дать им жилище, пищу и жен, чтобы они ни в чем не нуждались. Жен они сами выберут среди вас, и каждая, на которую падет выбор белого человека, должна быть довольна этим. Я сказал.

Девушек эти слова не поразили, потому что весть о предстоящем уже распространилась по стойбищам, и, явившись па праздник, все с любопытством рассматривали чужестранцев, женами которых четырем из них приходилось стать. Некоторые из них имели, впрочем, уже возлюбленных среди молодых воинов и были опечалены, но надеялись, что выбор падет не на них. Поэтому в ответ на речь Амнундака из ряда девушек послышался единодушный ответ:

— Пусть выбирают, мы все согласны!

— Неожиданное усложнение нашего пребывания на этом острове! — воскликнул Ордин. — Прикрепить себя к онкилонам выбором жен. Что же нам делать?

— Я полагаю, — заметил Горюнов, — что нам следует уступить, чтобы не обижать онкилонов и сохранить с ними самые дружелюбные отношения.

— И действительно выбрать себе жен? — заметил Костяков.

— Мы поступим так, — предложил Горюнов. — Мы скажем, что в нашей стране мужчина, желающий жениться, и девушка, согласившаяся выйти за него замуж, должны ближе познакомиться друг с другом, чтобы не было ошибки; поэтому они определенный срок, например полгода или год, живут в одном доме, близко узнают друг друга и, если по истечении этого срока общая жизнь им понравится, могут жениться.

— Отлично! Это хороший выход! — заявил Ордин. — Предложим это вождю и скажем, что мы выберем себе подруг согласно обычаям нашей страны.

Горохов рассказал Амнуундаку, что порешили путешественники, и тот выразил свое согласие словами:

— Белые люди, я предлагаю вам выбрать себе девушки, которые вам нравятся как будущие жены.

Путешественники поднялись в понятном смущении; перед ними выстроились пятьдесят девушек, хорошо сложенных, в большинстве красивых, и выбор был не легок. В сопровождении Амнуундака они прошли вдоль ряда, и каждый из них колебался почти перед каждой из более красивых; один только Горохов сразу наметил себе, еще глядя издали, невысокую девушку. Подойдя к ней, он сказал, протягивая ей руку:

— Я хочу взять эту!

Девушка, закрыв лицо рукой и хихикая, вышла из ряда и стала возле Горохова. Она оказалась первой избранной, и барабан приветствовал ее грохотом.

Остальные дошли до конца ряда и не сделали выбора. Удивленный Амнуундак спросил:

— Неужели наши женщины так дурны, что только одна понравилась вам, белые люди?

— Напротив, — возразил Горюнов, — среди них слишком много красивых и выбирать трудно. Но кроме того, мы боимся, что те, кого мы выберем, станут нашими женами против своего желания, по твоему приказу. У нас мужчина всегда получает согласие девушки, которую выбирает себе в жены.

— А, так вы хотите, чтобы девушки выбирали вас? Ну, хорошо. Я вызову всех, которые согласны.

— Девушки, белые люди не могут решиться; все вы слишком красивы. Так пусть выйдут вперед те, которые сами хотят выбрать себе белых людей в мужья.

По ряду красавиц пробежали улыбки и смешки; некоторые переминались с ноги на ногу, не решаясь выдвинуться первыми.

— Ну, что же! — воскликнул Амнуундак. — Неужели никто из вас не хочет стать женой наших гостей? Они могут рассердиться на нас и уйти. А тогда бедствия постигнут наш народ!

Эти слова подействовали, и более половины девушек дружно выступили на шаг вперед.

Но во время этого замешательства путешественники уже сделали свой выбор. Горюнов и Ордин указали девушек из рода вождя, к которым успели присмо-

третья при совместной жизни в землянке, а Костяков выбрал маленькую стройную смугланку, строившую ему глазки.

— Выбор сделан! — воскликнул Амнуундак. — Теперь пусть выбирают воины онкилонов.

Вместе с путешественниками, за которыми следовали их избранницы, он отошел к своему месту; девушки попросили позволения одеться и разбежались по своим родам, приветствуемые возгласами женщин. Очень скоро они вернулись, чтобы занять почетные места рядом с избравшими их чужестранцами.

Оставшиеся девушки сомкнули свой ряд. Барабан опять загудел, и из ряда молодых воинов, стоявших в стороне, отделился один, оказавшийся в состязании первым, подошел к девушкам и стал медленно проходить вдоль их ряда. Его встречали шутками и смешками, и почти каждая говорила: «Возьми меня, возьми меня!», потому что быть женой первого из молодых воинов было очень лестно, и девушки откровенно добивались этого. Но юноша отвечал им тоже шутками, быстро придумывая для каждой иную причину отказа: «ты слишком красива» (некрасивой), «ты горбата» (прямой как стрела), «ты косишь», «ты беззубая» и т. д., возбуждая протесты и смех.

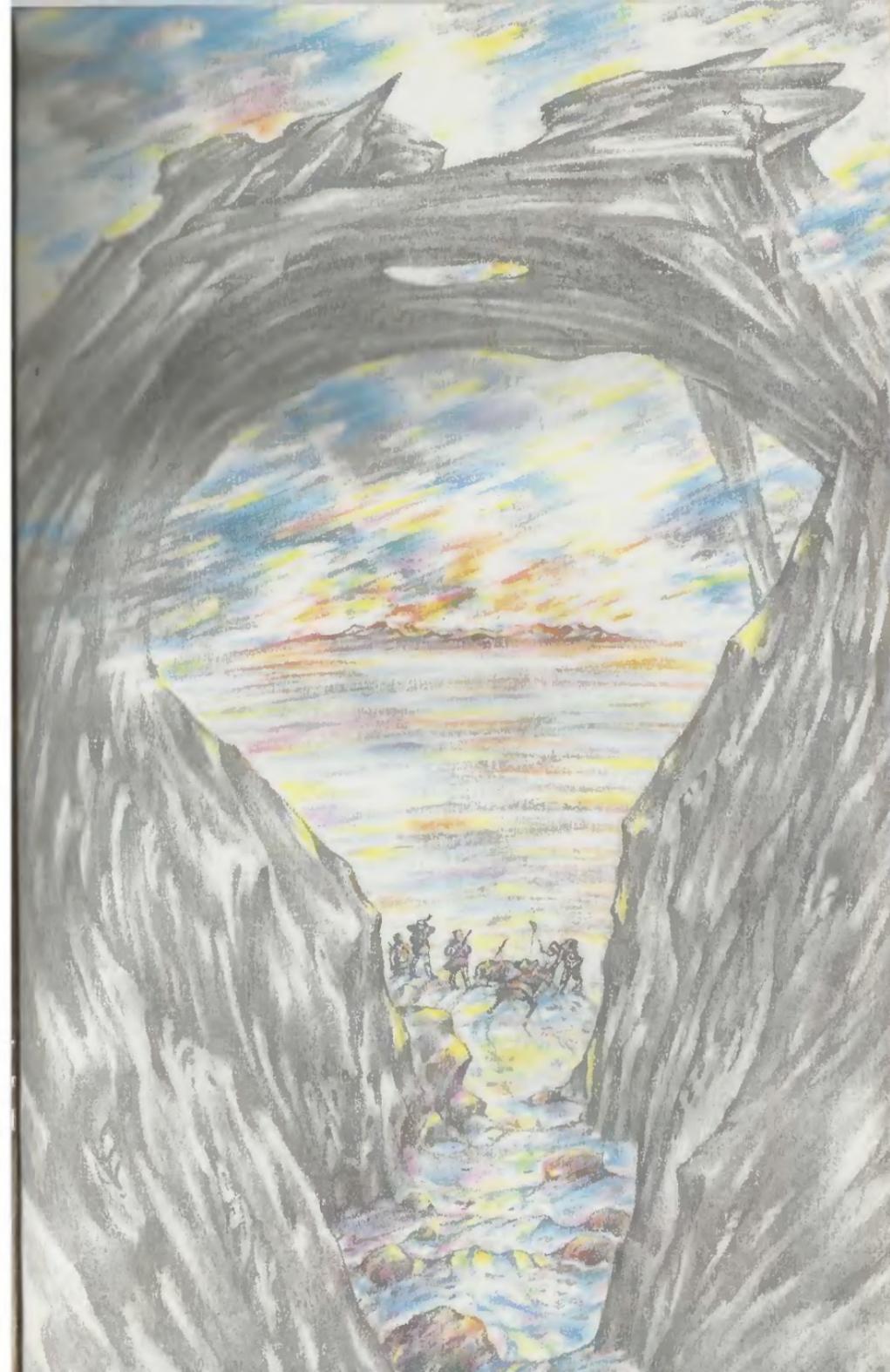
Пройдя почти весь ряд, он сразу остановился против одной девушки, не предлагавшей себя и скромно опустившей глаза. Он ударил ее по плечу и воскликнул: «Ты мне нравишься!» Девушка вздрогнула, выскочила из ряда и помчалась, как стрела, по поляне, а юноша за ней.

— Что это значит? — спросил Горюнов у Амнуундака. — Почему жена, которую он выбрал, убегает от него? Она не хочет его?

— Таков у нас обычай. Воин, выбравший девушку, получит ее, только если поймет.

— Новое состязание! — сказал Ордин.

— Это обычай, — пояснил вождь, — очень мудрый; девушка бежит нагая, ей бежать легко; молодой воин бежит в одежде, с копьем в руках. Немногие смогут догнать девушку, если она не хочет этого. Если выбравший ее ей противен или она любит другого, она не даст себя догнать.

— Корректив прекрасный,— заметил Ордин товарищам и, обращаясь к вождю, спросил: — Что же, воин, который не догнал девушку, остается без жены?

— Нет, он может повторить свой выбор, пока не поймает какую-нибудь.

— Сколько же времени девушка может бегать, цепкий день?

— Нет, только по кругу один раз, по кругу военного танца. Смотрите, он ее поймал!

Действительно, воин уже вел пойманную девушку за косу; девушка для виду упиралась и била его по руке. Женщины и остальные девушки приветствовали ее насмешками. Дойдя до места смотрина, воин и пойманная спокойно стали рядом в стороне.

Барабан опять загрохотал, и второй юноша подошел к девушкам; и он был еще желанным для многих как второй победитель, и его встречали как первого. Но он упорно молчал, медленно обходя ряд, прошел до конца и повернулся обратно, вызывая негодующие возгласы девушек.

— Сколько же времени он может выбирать? — поинтересовался Костяков.

— Он может пройти три раза, не больше, — ответил Амнундак. — Это очень храбрый охотник, но он хочет помучить девушек, смотри, как они сердятся!

Действительно, воин кончил второй обход и никого не выбрал. Девушки сердились, уже не предлагали себя, строили ему гримасы, кричали: «Можешь совсем уйти. Ступай к вампу, выбери себе мохнатую жену! Тебе голые не нравятся» и т. п. Воин так же медленно и молча прошел и третий раз, не обращая внимания на насмешки, и вдруг, почти дойдя до конца, резко повернулся и ударил по плечу одну из последних девушек. Последняя так растерялась от неожиданности, что, вскочив из ряда на поляну, не развila сразу достаточную скорость, и воин поймал ее в двадцати шагах.

— Вот какой хитрый! — заметил Горохов. — Он их заморил, чтобы не бегать далеко.

— Вот вам и корректив! — засмеялся Костяков. — Этак можно поймать и такую, которая не хочет.

— Пожалуй, оно так и есть в этот раз, — сказал Ордин. — Смотрите, она не сопротивляется, как первая, для виду, но не рада.

Девушка шла за воином, понурив голову, не отвечая на насмешки остальных.

— Сама виновата, не зевай! — сказал Горохов.

Третий воин быстро выбрал одну из первых девушек ряда, оказавшуюся великолепной бегуньей, далеко его опередившей. Но в самом конце круга она споткнулась и растянулась на траве, к всеобщему удовольствию зрителей; прежде чем она вскочила на ноги, ее коса была уже в руках догонявшего, который с торжеством повлек ее за собой. Падение, очевидно, было умышленное — один из приемов согласия.

Четвертый воин прошел быстро три раза мимо девушек, никого не выбрав, затем подошел к вождю и молча поклонился.

— Ты не желаешь иметь жену? — спросил удивленный Амнундак.

— Нет, великий вождь! Но в соседнем с моим стойбище есть молодая вдова, которая мне нравится, и я прошу дать мне ее в жены. Она согласна.

Глава рода этой вдовы подтвердил слова юноши, и Амнундак дал свое согласие.

Пятому воину пришлось бегать два раза, потому что первая, которую он выбрал, не дала себя поймать; вторая в наказание за то, что он выбрал ее не первой, заставила его пробежать полный круг и сдалась только на последнем шаге, симулируя усталость. Шестой жених выбрал ту, которая убежала от пятого, и она дала себя поймать уже на половине круга. Когда он вел ее мимо девушек, ей кричали: «Как ты скоро устала, проворная!»

Так с разными вариациями выбор продолжался, и ряд девушек все сокращался. Ни им, ни зрителям эта игра, длившаяся часами, не надоедала. Девушки, несмотря на то что стояли так долго на ногах, бегали проворно и редко сдавались быстро. Некоторым воинам пришлось бегать по два раза, а одному даже три. К концу, когда осталось только несколько девушек, выбор становился быстрее.

Последняя девушка, убежавшая уже от трех выбравших ее воинов, убежала и от последнего, к общему изумлению. Ее позвали к вождю, который сказал ей:

— Почему ты не хочешь получить мужа? Каждая девушка должна быть женой, чтобы давать племени новых воинов. Ты отвергла уже четырех! Что это значит?

— Хорошие воины меня не выбирали, а женой плохих я не хочу быть,— гордо ответила девушка.

— Что же, ты будешь ждать будущей весны?

— Я хотела бы быть женой вот этого белого человека! — неожиданно сказала гордячка, указывая на изумленного Ордина.

— Но он уже выбрал! — возразил Амнундак.

— Он великий вождь, у него могут быть две жены,— не унималась девушка,— я его выбрала по твоему слову, но он взял другую. Я буду у него второй женой.

Эта настойчивость и гордый вид девушки понравились Ордину, и он согласился, очень смущенный. Девушка быстро побежала за своей одеждой и, вернувшись, села рядом с ним.

В это время молодые пары при грохоте барабана пропдефилировали мимо Амнундака и родовых глав; девушки уже успели переплести свои четыре косы на две в знак замужества. Последний воин, оставшийся без жены, спрятался среди зрителей; ему приходилось ждать целый год.

Настала очередь путешественников показать онкилонам свои громы и молнии. За неимением лучшей мишени принесли и расставили опять лошадиную шкуру. Стрелки встали, к удивлению онкилонов, в двухстах шагах от нее — вчетверо больше полета стрелы; онкилоны расположились полукругом по бокам, растянувшись почти до мишени, и с напряженным вниманием следили, как чужестранцы что-то проделали со своими блестящими дубинами, затем приложили их к щеке. Взвившиеся дымки и прокатившийся грохот заставили всех зрителей вздрогнуть. Затем все толпой, перегоняя друг друга, бросились к мишени и наперебой тыкали пальцы в дырки, оставленные пулями. Многие спрашивали в изумлении: где же самые молнии, пробившие кожу? И бросились искать их по поляне. Еще большее изумление вызвал Горюнов, подбросивший вверх свою шапку и на лету произвивший ее пулей. Ордин в это время заметил, что на юге над лесом пока-

зался косяк гусей, летевших на север; он быстро переменил патрон в ружье, и, прежде чем онкилоны успели спросить, в кого он хочет бросить молнию, раздался выстрел, гусь шлепнулся прямо на головы толпы зрителей, пришедших в дикий восторг. Наконец Амнундак велел привести оленя, которого не привязали, а отпустили; испуганное животное помчалось обратно к лесу, но пуля Горохова положила его, прежде чем он отбежал двадцать шагов.

Этим закончилась демонстрация могущества чужестранцев. Провожаемые всем племенем, они прошли в землянку Амнундака вместе со своими избранницами, очень гордыми своей близостью к белым людям. На поляне в разных местах запылали костры, и началось приготовление ужина, в ожидании которого мужчины и девушки плясали вокруг костров.

После ужина вождь предложил путешественникам занять свое новое жилище.

— Теперь у вас есть подруги, и там вам будет просторнее и удобнее, чем здесь, где мы сами едва помещаемся.

Женщины быстро побежали вперед, чтобы развести огонь и приготовить пищу. Путешественники в сопровождении вождя немного помедлили на поляне, где онкилоны, выставив караульных, уже укладывались спать вокруг костров, каждый род отдельно, на шкурах, разложенных на земле. Амнундак проводил гостей до входа в их землянку.

Войдя в землянку, путешественники увидели горевший уже большой огонь, освещавший небольшое чистое жилище, сильно пахнувшее смолой от стволов листвениц, слагавших его стены. Вокруг огня сидели все пять девушек, уже в своем домашнем наряде, т. е. пояскестыривости. Они оживленно беседовали, но замолкли, когда вошли их нареченные, немедленно встали и отошли в сторону. Землянка имела уже вполне жилой вид: на одном из столбов висели бурдюк с молоком, чайник и котелок, на полочке стояли дорожные кружки и деревянные чашки; на земле стояли два деревянных сосуда для варки супа и лежала кучка камней и палочки для жаренья мяса. Под откосами трех сторон землянки были отгорожены спальные места, где поверх слоя сухих листьев и свежих веточек

лиственницы лежали мягкие оленьи и медвежьи шкуры, кожаные валики, набитые оленьей шерстью, и одеяла из оленевых шкур. У входа был сложен запас мелко нарубленных дров и стоял сосуд с водой.

После переполненной людьми и закопченной землянки Амнуңдака путешественники свободно вздохнули в своей, просторной и чистой, и им захотелось посидеть еще у огня и выкурить трубку перед сном. Расположившись, они подозвали девушек и усадили их рядом. Немногие слова, которые они успели выучить, не позволяли вести оживленный разговор, и приходилось больше прибегать к жестам и мимике. Прежде всего каждый осведомился, как зовут его избранницу; у Горюнова оказалась Мату, у Костякова — Папу, у Горохова — Раку, а у Ордина первая Анну и вторая тоже Анну.

— Вот те раз! — воскликнул Ордин в смущении. — Навязали двух девушек, да еще с одним и тем же именем, как же я буду звать их, чтобы обе не откликались сразу?

— Зовите их Анну первая и Анну вторая, — придумал Горохов.

— Как же это будет по-онкилонски?

— Анну-эннен и Анну-нгирэк, — ответил Горохов, и обе Анну закивали головой в знак согласия.

— Но это очень длинно, нельзя ли сократить? Я буду звать ее Аннуэн, — Ордин указал на первую, которая кивнула головой, — и Аннуир, — он взял вторую за руку, и та также выразила согласие.

— Вы можете звать их просто первая и вторая, они поймут, — заметил Горюнов.

— Зачем же, Анну красивое имя, а нгирэк иной раз не выговоришь, не споткнувшись.

Горохов перевел эти слова, и женщины были польщены тем, что Ордин нашел их имя красивым. Они чутко прислушивались к русским словам, и видно было, что они уже кое-что понимали, о другом догадывались. Через неделю-другую при постоянном общении взаимное понимание будет достигнуто — так подумал каждый из русских.

Наговорившись, стали распределять спальные места; навес против входа, более широкий, чем боковые, был разделен продольной низкой перегородкой из вбитых в землю кольев на две части; здесь поместились

все мужчины; навесы слева и справа завесили шкурами и предоставили женщинам. Крот и Белуха, перекочевавшие с хозяевами, свернулись у входа. Женщины подбросили дров в огонь, и все разошлись по своим местам.

В землянке воцарилась тишина.

Битва с вампу

Рано утром путешественники были разбужены сильным шумом, который подняли онкилоны. Аннуир встревожилась, подошла к входу, высунула голову наружу, прислушалась и потом закричала жалобным голосом:

— Вампу напали ночью на жилище моего рода! Вождь объявил поход на них!

— Ну, товарищи, делать нечего! Надо одеваться; без нас поход, конечно, не обойдется,— заявил Горюнов, хватаясь за одежду.

— Прямо с помолвки на войну! — смеялся Костяков.— Папу, неси мне щит и шлем, достань мою кольчугу и не забудь копье и меч булатный мой! Я еду на войну, как рыцарь молодой.

Папу, конечно, ничего не поняла из этой тирады и смотрела, полусонная, на своего суженого в недоумении. Но заметив, что он смеется, расхохоталась и спросила, коверкая русские слова:

— Огне жигать, кушай варить?

— Совершенно верно! — рассмеялся Ордин, высываясь из-под одеяла.— Она отлично понимает, что перед походом надо хорошо покушать. Аннуэн, Аннуир! Огонь! Мясо, молоко!

Аннуир сидела у порога и плакала, закрыв лицо руками. Услышав голос Ордина, она встрепенулась и, сообразив, в чем дело, начала разгребать золу погасшего за ночь костра, добывая горячие угольки; остальные женщины тоже повылезали из постелей, надели прежде всего свои пояски стыдливости и стали помогать ей разводить огонь.

Огонь уже пылал, и мясо на палочках жарилось; путешественники оканчивали свой туалет, когда в землянку вошел Амнуундак, поздоровался и, присев к огню, сказал:

— Белые люди! Первая беда уже постигла наш народ. Этой ночью вампу напали на наше самое далекое жилище, перебили стариков и пастухов, унесли детей, угнали оленей.

Аннуир, услышав эти слова, принялась выть. Она была из этого стойбища, и вампу убили ее родителей, увели братьев и сестер.

— Кто принес эту весть так скоро? — спросил Горюнов.

— Военный барабан! Один из пастухов остался жив и подал нам весть. Я объявил поход на вампу. Все воины здесь, и мы их жестоко накажем. Воины очень хотят, чтобы владеющие громами и молниями пошли с нами наказать наших врагов.

— Ну конечно, мы все пойдем с вами! — поспешил согласиться Горюнов. — Вот только позавтракаем на скоро.

Амнуундак поднялся очень обрадованный и, уходя, сказал:

— Я сейчас скажу воинам, что белые люди согласились; они будут рады!

Через несколько минут эта весть была передана онкилонам, и поляна огласилась громкими криками радости. Женщины также, видимо, были довольны. Аннуир перестала плакать и, вытирая глаза руками, сказала Ордину:

— Я пойду с тобой в поход.

Пока жарилось мясо, путешественники почистили ружья, наполнили патронташи, собрали дорожные вещи в котомки — поход мог продолжиться несколько дней. Женщины с величайшим вниманием следили за всеми их действиями, и из-за этого несколько палочек с мясом пригорели, за что Раку немедленно получила выговор от Горохова.

Наконец все было готово, завтрак съеден, в котомки положен запас лепешек, жареного мяса, и путешественники вышли из землянки. Их охватил густой туман, нависший, как всегда, над котловиной. Сквозь туман тускло видны были огни костров и двигавшиеся взад и вперед фигуры. Издалека доносились глухие удары барабана, продолжавшие сообщать подробности разразившегося несчастья. Амнуундак стоял уже в полном вооружении у входа в свое жилище и, увидев, что бе-

лые люди готовы, махнул рукой. Немедленно загремел стоявший поблизости барабан, возвещая выступление и передавая это известие соседним стойбищам. У костров люди засуетились и стали строиться по родам в колонны; впереди воины, сзади женщины с ношней и подростки, возвращающиеся на свои стойбища. Женщины рода Амнундака, конечно, оставались дома; все они с детьми вышли из землянки посмотреть, может быть, в последний раз на своих мужей и сыновей. Прощание было очень короткое; женщины не плакали, а, обняв мужчину, терлись щекой о его щеку, что замечало у них поцелуи. Под грохот барабана колонна тронулась в путь во главе с Амнундаком и белыми людьми, сопровождаемыми обеими собаками, которые могли быть очень полезны при выслеживании вампу. Шли скорым шагом прямо к ограбленному стойбищу, до которого было километров двадцать пять. Леса сменили поляны, и время от времени партия женщин, попрощавшихся со своими, отделялась от колонны, чтобы свернуть к своему жилищу. Туман постепенно рассеивался, проглядывало солнце, и начинало припекать.

Задолго до полудня дошли до стойбища, представлявшего печальное зрелище. Землянка, подожженная вампу, выгорела внутри и обрушилась; из кучи побуревшего дерна местами шел дым и вырывались языки пламени; слышен был запах горелой кожи и шерсти. Трава на поляне была истоптана, местами залита кровью. В нескольких местах лежали трупы стариков и старух, которых вампу не пожелали унести с собой, но отрубили им головы в качестве трофеев. Валялись сломанные копья, стрелы, клочья изорванной одежды и щепки от поломанной утвари.

Женщины рода этого стойбища, увидев картину разрушения, огласили поляну воплями: у них были похищены дети, убиты близкие. Воины молчали, но по их мрачным лицам и сверкающим глазам видно было, что они будут мстить беспощадно. Амнундак велел сделать короткий привал для отдыха. Из леса появился уцелевший пастух оленей с перевязанной головой и рассказал подробности нападения.

Вампу, очевидно узнавшие, что на стойбище нет большей части мужчин, ушедших на праздник, около полуночи окружив поляну, в числе пятидесяти — ше-

стидесяти человек неожиданно напали на пастухов, двух убили дубинками, третьего только оглушили. Когда он очнулся, все было кончено: землянка пылала, олени угнаны, на поляне остались только трупы. Утром пастух выследил, в каком направлении ушли грабители. Он спасся потому, что стоял возле кустов и упал в чащу; в темноте и тумане вампу не нашли его.

Оставив женщин пострадавшего рода на пепелище, колонна двинулась снова вперед, теперь на северо-восток, по следу дикарей и оленей. Собаки былипущены вперед, что позволило двигаться быстро, так как засада дикарей не могла быть пропущена умными животными. Теперь, не имея женщин с ношей в хвосте, воины шли еще быстрее, время от времени бегом; слышен был только легкий топот мягкой обуви и дыхание людей. Так прошло еще часа два, когда собаки остановились около большого тополя на краю открывшейся поляны и стали лаять, подняв головы.

— На дереве засада! — сказал Амнуундак и шепотом передал распоряжение окружить поляну по лесу.

В это время Белуха завизжала: в нее попал камень,пущенный с дерева из пращи. Путешественники заметили движение листвы, и немедленно выстрелы огласили поляну, а стрелы онкилонов посыпались на тополь. В ответ с дерева раздался громкий рев, и две темные массы, ломая ветви, грохнулись на землю.

— Неужели там было только двое? — спросил Горюнов, заряжая ружье.

— Нет, — ответил Амнуундак, — в их засадах меньше пяти не бывает, вы сейчас увидите.

Отдал какой-то приказ, и несколько воинов нырнули в чащу. На дереве все было тихо. Вампу сообщили, что они выдают себя врагам, производя движение. Поэтому на стрелы, которыми часть воинов продолжала осыпать вершину дерева, никто не реагировал; вампу попрятались за ствол и толстые ветви. Но вот из ближайшей к дереву опушки выскочило несколько онкилонов с большиими пучками хвороста; закрываясь ими от копий дикарей, они быстро подбежали к дереву, обложили хворостом подножие ствола и так же быстро скрылись; в хворост уже был заложен огонь, потому что кучи начали дымиться. Вампу, прятавшиеся в листве и наблюдавшие за действиями вра-

гов, стрелявших в них с одной стороны, не заметили поджигателей. Но когда из хвороста повалил густой дым, поднимавшийся клубами в листву, с дерева опять раздался рев и несколько копий полетели в костер. Они только ухудшили дело — развороченный хворост запылал, и положение на дереве стало невыносимым. Вампу стали подниматься на самую вершину, но здесь листва была реже, сквозь нее показались темные фигуры, и еще один залп свалил двоих; один упал на землю, второй повис на ветвях головой вниз совсем на виду; через минуту в нем сидел уже десяток стрел. Последний вампу перебрался на противоположную сторону, прополз на конец длинного сугроба и, ухватившись за него руками, согнулся и с высоты четырех метров спрыгнул на землю; он помчался по поляне, но онкилоны, уже обогнувшие ее, встретили его стрелами, и он упал, не добежав до опушки.

Амнундак подал сигнал звуками трубы, сделанной из рога первобытного быка, и из опушки поляны со всех сторон выскочили воины, сбегаясь к дереву, к которому уже подошел отряд с вождем и белыми людьми. Три вампу, упавших с дерева, не двигались; у них были пулевые раны. Все они были похожи на того, с которым путешественники встретились при экскурсии: волосатые, мускулистые тела, звероподобные лица, космы волос. Но, очевидно по случаю военных действий, лица у них были вымазаны красной охрой, что придавало им еще более отталкивающий вид. Один онкилон слазил еще на дерево, чтобы убедиться, что на нем никого не осталось. Он сбросил оттуда дубину и копья вампу, которые были свалены в догоравший костер.

Первая битва была выиграна без потерь для онкилонов, и отряд двинулся дальше по следам, продолжавшим идти теперь прямо на восток к окраине котловины, где, очевидно, было стойбище. Засад больше не встретили; первая тоже скорее представляла наблюдательный пункт, который должен был дать стойбищу весть о приближении врагов, но, обнаруженный собаками, вероятно, не успел этого сделать.

Быстро прошли еще несколько километров; низкорослость леса говорила о близости окраины. Когда начались кусты, отряд остановился и прислушался; впере-

ди были слышны крики и стук. Высланные разведчики проползли до опушки и сообщили, что стойбище в пещере против тропы, и вампу укрепляют его, наваливая глыбы камня перед входом. Получив эти сведения, Амнундак разделил онкилонов на три части: одна с Ордным во главе пошла на север по кустам, вторая с Костяковым — на юг; отойдя с полкилометра, оба отряда должны были быстро перебежать безлесную полосу и затем двигаться с двух сторон к стойбищу вдоль подножия обрыва. Третий отряд прошел по тропе до опушки кустов и здесь, спрятавшись, стал выжидать подхода фланговых, чтобы сразу напасть на стойбище с трех сторон. Вампу усердно работали, сооружая стену из глыб, опоясывавшую вход в пещеру; понадеявшись на свою засаду, они не выставили караульных и не заметили приближения врагов. Стену возводили, очевидно, уже с утра, она достигла теперь до груди вампу. Человек двадцать выбирали среди россыпи подходящие плоские камни и таскали их к стене, где другие их укладывали. Эти носильщики вдруг заметили перебегавших в отдалении через безлесную полосу онкилонов фланговых отрядов. Послышались тревожные крики, носильщики поспешили со своей ношей к стене.

— Нужно стрелять, пока они на виду, — сказал Горюнов. — Это произведет панику, и сопротивление будет менее ожесточенное при атаке.

От кустов до вампу было около четырехсот шагов. Горюнов и Горохов выстрелили, вампу остановились, пораженные, так как слышали только гром и не видели вблизи врагов; они оглядывались во все стороны и обменивались криками со стоявшими за стеной. Другие в ужасе бросили камни и, испуская дикие крики, пустились бежать в разные стороны — одни к стене, другие прямо к кустам. За стеной раздавался звериный рев ужаса. Вампу, побежавшие к кустам, попали под стрелы онкилонов; часть упала, остальные повернули вдоль опушки. За ними погнались онкилоны.

За стеной никто не показывался, и, заметив, что фланговые отряды близко, Амнундак подал сигнал к атаке; его отряд ринулся бегом, кроме нескольких, преследовавших беглецов через россыпи к стойбищу. Когда до стены оставалось шагов сорок, из-за последней появились плечи и головы вампу, и в нападавших

полетели копья и камни; несколько онкилонов упали, но два выстрела с близкого расстояния снова поразили ужасом вампу, и они спрятались, растерявшись. В это время оба фланговые отряда ворвались через проходы, оставленные в стене у подножия обрыва, и у стойбища завязался рукопашный бой; фронтовой отряд, перебравшись через стену, присоединился к нему. Вампу защищались слабо, потому что револьвер Ордина постоянно возобновлял панику.

В несколько минут все было кончено; мертвые и раненые усеяли обширную площадку; десяток вампу, перескочивших стену и искающих спасения в бегстве, упали под выстрелами преследователей. В числе защитников пали и женщины, дравшиеся рядом с мужчинами.

Проникнув в пещеру, путешественники увидели в глубине ее сбившихся в кучу нескольких старух и десятка три детей, дрожавших от страха и испускавших пронзительные вопли. Онкилоны стали растаскивать эту кучу, чтобы обнаружить своих похищенных детей, которых легко было отличить и по отсутствию волос на теле, и по более светлой коже, и по лицам: из баражавшейся и визжавшей кучи вытаскивали детей одного за другим, причем дети вампу царапались и пытались укусить руки хватавших. Похищенные дети оказались в самой середине кучи, но в ужасном виде — с ссадинами, кровоподтеками, укусами, которыми их угостили гостеприимные хозяева. Нашли только семь девочек и двух мальчиков, а похищено было тринацать — четырех мальчиков не хватало. Рассвирепевшие онкилоны вывели всех мальчиков вампу из пещеры и перекололи их: они хотели сделать то же со старухами и девочками, но путешественники упросили Амиундака прекратить избиение.

Осматривая все углы пещеры, обнаружили в самом темном месте связанную по рукам и ногам женщину, покрытую кучей шкур. Когда ее вытащили на свет, оказалось, что это онкилонка, захваченная в самом начале весны вампу; несчастная едва не задохлась под шкурами, все тело ее было покрыто синяками и кровоподтеками от ударов ремнями и палками. Придя в себя, она рассказала, что ее били и истязали постоянно, особенно женщины, насмехавшиеся над ее голым, как у ля-

гушки, телом. Когда началась атака на стойбище, старухи ее связали и спрятали под шкуры.

В пещере нашли также похищенное у онкилонов оружие, утварь, одежду и постели. Старух и девочек выгнали из пещеры, в которой сложили в кучу собранные на поле сражения дубины и копья вампу и подожгли. За это время разведчики обнаружили в кустах поблизости от пещеры стадо похищенных оленей; вампу, не умея их пасти и не будучи в состоянии съесть всех сразу, привязали всех животных ремнями к кустам; не хватало только нескольких, которых могли потерять по дороге или успели съесть.

Уже под вечер онкилоны покинули наказанное стойбище, оставив трупы вампу там, где последних застала смерть; все раненые были приколоты сейчас же после взятия стойбища.

Унося пятерых убитых и шестерых тяжелораненых, отряд онкилонов двинулся в обратный путь; легкораненые шли сами, в том числе Ордин, получивший удар копьем в плечо. Они шли в середине отряда, где гнали также оленей, несли спасенных детей и возвращенное имущество, трупы и раненых на носилках. Двигались поэтому медленно и только к ночи вернулись на разграбленное стойбище, где женщины радостно встретили спасенных детей; но у четырех радость была неполна. Аннуир, увидев у Ордина руку на перевязи, подбежала к нему со слезами на глазах и стала его обнимать. Другой из новобрачных этого стойбища пришлось встретить своего мужа мертвым на носилках.

Кладбище онкилонов

Воины, расположившись вокруг костров, передавали друг другу и женщинам впечатления похода и битвы и обсуждали отдельные эпизоды, прославляя громы и молнии белых людей, благодаря которым удалось истребить целое стойбище вампу с такими небольшими потерями — по одному онкилону на десять вампу — и вернуть почти все похищенное. При прежних войнах соотношение бывало не такое, один онкилон на двух, в лучшем случае на трех вампу. Теперь последние долго не посмеют нападать.

Путешественники с Амнундаком, Аннуир и освобожденной женщиной сидели у отдельного костра; Горюхов рассказывал Аннуир о походе.

Горюнов попытался узнать кое-что о жизни вампу у онкилонки, выучившейся немного их языку. Она рассказала, что стойбище составляет как бы одну семью, потому что прочных связей между отдельными мужчинами и женщинами нет; все женщины принадлежат всем мужчинам, а дети считаются общими. Иногда мужчина убегает с женщиной, которая ему понравилась, в лес и живет отдельно; но остальные не мирятся с этим, и дело кончается убийством беглеца и возвращением женщины в пещеру. Жизнь мужчин проходит в охоте, еде и изготовлении оружия — дубин, копий, скребков; женщины собирают дрова, скоблят шкуры, делают ремешки, но дела у них тоже немного; они часами лежат у огня или на солнце и дремлют. Мясо едят обыкновенно сырьим или чуть подпеченным на огне и наедаются после удачной охоты до отвала; если нет мяса, голодают по целым дням или выкапывают какие-то корешки, собирают улиток, крупных жуков, лягушек. Спят вповалку вокруг костра, ногами к огню, на шкурах или прямо на земле, положив под голову камень. После удачной охоты и сытной еды пляшут вокруг костра до изнеможения или до драки из-за какого-нибудь пустяка. Боятся каких-то каменных, лесных и водяных духов и ночью ни за что никуда не пойдут в одиночку. Поклоняются медведю и какому-то большому зверю с пятой ногой на голове и огромными зубами, для которого женщины собирают грибы и коренки.

После ужина воины легли спать, женщины начали обряд онлакивания убитых; последних уложили рядом возле костра с копьем и луком в руках, щитом на коленях. Женщины распустили косы, сняли ожерелья и браслеты и, закрыв лицо руками, пели заунывные песни, в которых прославлялись доблести павших воинов; при пении они покачивались взад и вперед, сидя в головах покойников. Крот и Белуха вздумали было аккомпанировать этому пению своим воем, чем немало удивили онкилонок, которые подумали, что умные животные выражают людям свое сочувствие. Уняв собак,

путешественники заснули под звуки этого заунывного пения.

День начался, как всегда, густым туманом, сквозь который тускло светили костры. Женщины, закончив отпевание, готовили завтрак; чтобы накормить многочисленное войско, пришлось заколоть целый десяток оленей. Когда туман стал рассеиваться и проглянуло солнце, пришел шаман со своим учеником. Мертвых уложили на носилки, и весь отряд потянулся через лес на запад в глубоком молчании; только барабан на поляне провожал шествие редкими протяжными звуками, передавая по стойбищам весть о похоронах павших в бою. Женщины с детьми в шествии не участвовали.

В десяти километрах от стойбища дошли до западной окраины котловины, где среди каменной россыпи находилось главное кладбище онкилонов; оно представляло многочисленные могильные холмики, сложенные из камней; над каждым возвышалось копье острием вверх. Более старые холмики уже осели над истлевшими трупами, копья покосились, иные упали; на самых старых не было и этого знака, а камни покрылись густыми лишайниками.

Положив покойников у опушки, воины занялись приготовлением могил; выбрасывая камни россыпи в стороны, они вырывали продолговатую яму не более метра глубиной. Когда могилы были готовы, к каждой поднесли покойника и положили его ногами на юг с вытянутыми по бокам руками, с луком с одной и колчаном стрел с другой стороны; лица закрыли куском кожи, копье поставили в головах и затем заложили могилы вынутыми из них камнями. Детские черепа и kostи, собранные в пещере вампу, сложили в одну могилу, ничем не украшенную.

Во время этих действий шаман, взобравшись на большую глыбу, лежавшую среди кладбища, бил в бубен и глухим голосом пел какие-то заклинания, очевидно отгоняя злых духов от свежих могил, чтобы они не нарушили покоя мертвых. Воины, не участвовавшие в приготовлении могил, стояли большим кольцом вокруг, опираясь на копья. Когда могилы были закрыты, все воины, как один человек, подняли руки к небу, затем закрыли ими лицо и испустили протяжный вопль, хорошо знакомый путешественникам; но здесь вырвав-

шийся из пятисот глоток и затем повторенный отражением от стены, он произвел потрясающее впечатление. Его повторили три раза, после чего отряд отошел к опушке и расположился на отдых.

Путешественники воспользовались случаем и осмотрели окраину котловины. Туман рассеялся, утреннее солнце ярко освещало черные скалы, круто поднимавшиеся уступами на головокружительную высоту; наверху видны были остроконечные вершины, в расселинах которых белели снега; от них по уступам местами скатывались тонкими струйками водопады. Иногда вверху от снежного поля отрывалась глыба подтаявшего снега и, скользя по обрывам, разбиваясь на комья, мягко щелпалась у подножия стены. В синеве неба медленно плавала пара орлов, высматривая на уступах неосторожного ягненка или на россыпях отставшего от олени теленка. В воздухе царила полная тишина, и эти многочисленные холмики среди россыпи, покрытой зелеными, желтыми и красными лишайниками, на грани между огромной черной стеной с белыми зубцами и зеленою полосой леса под безоблачным небом вызывали торжественное настроение. Мертвые ушли из зелени лесов и лугов, где они жили, любили, воевали, в это убежище на рубеже земли, под сень черных скал, на которых фантазия невольно рисовала себе надпись огненными буквами — «здесь царство вечного покоя».

В нижней части обрыва против кладбища путешественники заметили большую пещеру, вход в которую был защищен валом из камней. Амнуундак рассказал, что в пещере прежде жила большая орда вампу, и здесь произошло одно из крупных сражений, в котором пало много онкилонов. Орду истребили до последнего человека, а россыпь близ пещеры выбрали под кладбище, потому что оставшиеся в живых онкилоны могли унести только своих раненых. С тех пор всех воинов, павших в бою с вампу, хоронят на этом кладбище.

— Видите, белые люди, — закончил Амнуундак, указывая на многочисленные могильные холмики, — сколько храбрых воинов нашего племени нашли смерть от руки вампу! Вы поймете теперь, почему мы их так ненавидим. Мы не можем жить спокойно, пока хоть один из них остается в живых на нашей земле.

В пещере повсюду валялись полуистлевшие человеческие кости и черепа; медведи, волки, орлы некогда устроили здесь обильное пиршество, после того как онкилоны, одержав победу, ушли, оставив трупы вампу в пещере. Судя по состоянию костей, это произошло уже несколько веков тому назад; многие кости рассыпались в прах при прикосновении. Но кремневые наконечники копий, скребки, ножи, валявшиеся всюду, хорошо сохранились, и путешественники собрали целую коллекцию этих изделий первобытного человека. Таким образом, эта пещера представляла второе кладбище, но в сыром полумраке, под нависшими сводами, закопченными многолетними огнями.

Разглядывая пещеру, путешественники не могли не подумать, как мрачна была жизнь этих первобытных полулюдей-полузверей, боровшихся за свое существование самыми примитивными орудиями, то терпевших голод, то объедавшихся обильной добычей подобно хищникам; они укрывались от холода в мрачных убежищах, оспаривая их у свирепого медведя или пещерной гиены; в течение длинной полярной ночи они дрожали под жесткими, грубо выделанными шкурами и коротали время только едой, сном и обиванием кремня для своих орудий. Бросалось в глаза, насколько выше стояли, счастливее и веселее жили онкилоны, тоже люди каменного века; но они имели одежду, утварь, родовые обряды и празднества, жили среди зелени лесов и лугов, в жилищах более светлых и теплых; они умели разнообразить свою пищу, обделять кость и кожу; у них уже были стада домашних оленей. Сравнение форм тела онкилонов и вампу, особенно черепа, наглядно показывало, как далеко человечество ушло в своем развитии за десятки тысяч лет, отделявшие от неолитического палеолитический век.

В этой уединенной Земле Санникова, отрезанной льдами от остального мира, уцелели благодаря этому как животные, вымершие или истребленные повсюду, так и первобытный человек, остановившийся в своем развитии на низкой ступени вследствие оторванности от остальной земли, где все постепенно изменялось и совершенствовалось. Условия жизни вампу остались те же, как и в то отдаленное время, когда эта земля отделилась от материка и была окружена поясом льдов;

климат остался тот же, пищи было довольно, и до прихода онкилонов не было побудительных причин для выработки более совершенного образа жизни.

От Амнундака путешественники узнали, что вампу уже заимствовали кое-что у онкилонов; раньше они не знали даже огня и проводили зиму возле горячих источников, где устраивали себе навесы из сложенных друг на друга камней. Научившись добывать огонь, они стали проводить и зиму в пещерах, лучше защищавших от стужи и снега. Они стали поджаривать мясо, хотя продолжали есть его и сырым; начали вырезать из дерева грубые чашки и сшивать ремешками из шкур одеяла и плащи для холодного времени; делали также из кости наконечники копий, хотя предпочитали все-таки кремневые, более прочные.

На вопрос Ордина, откуда вампу берут кремень для своих орудий, Амнундак не мог дать ответа; онкилонам это место не было известно; они употребляли или кость, или осколки более крупных миндалевидных халцедона, агата или сердолика, которые попадались в базальте окраин котловины. Выделка наконечников из этого материала требовала очень много времени и производилась только во время досугов длинной полярной ночи при свете костра в землянке. Кремня в базальте не было, и пришлось предположить, что где-то во владениях вампу в обрывах окраины находятся и другие породы, например известняк и мел, нередко содержащие кремень. Это побуждало совершить новую экспедицию, уже в глубь земли вампу.

Закончив осмотр пещеры, путешественники и Амнундак вернулись к отряду; воины были распущены по домам, и часть разошлась по тропам, но часть, жившая южнее, вместе с Амнундаком пошла по дороге вдоль окраины котловины. Путешественники воспользовались случаем, чтобы познакомиться с новыми местами. При общем однообразии дорога представляла в разных частях известные особенности: то обрыв спускался с головокружительной высоты почти отвесной стеной, у подножия которой лежали кучи таявшего снега, время от времени возобновляемого падавшими сверху небольшими лавинами; то обрыв распадался на уступы разной высоты, представляя убежище для каменных баранов, бурые фигуры которых можно было наблю-

дать время от времени; то узкая расселина, мрачный коридор между нависавшими стенами, острыми выступами и скалами, изрезанными водой и ветром и напоминавшими фантастические фигуры людей и животных, тянулись снизу вверх. Но такая расселина была доступна только каменным баранам, а не людям, и подняться по ней наверх было невозможно. Местами, выдвигаясь вперед, нависали огромные каменные толщи подобно выпяченному брюху какого-то чудовища, по которому отдельными струйками скатывалась вода. В одном месте, на высоте сотни метров, из отверстия в отвесной стене вырывался серебристой дугой водопад, питаемый снегами вершин, и, рассыпаясь в водяную пыль, падал на камни и россыпи. Повсюду виден был тот же базальт — то почти плотный, то пузыристый в виде лавы, то шлаковый, то изобилующий красивыми миндалинами разных цветов, которые так ценились онкилонами для женских украшений и для орудий.

В одном месте на высоте двухсот метров Горохов заметил каменного барана, который стоял на узком уступе, резко выделяясь на черном фоне стены; животное чувствовало себя в полной безопасности от двуногих, ползущих глубоко внизу.

— Кто из ваших воинов сможет пронзить стрелой этого барана? — спросил Горохов.

Амнундак покачал головой и сказал:

— Наши стрелы не долетят до него.

— А наши молнии долетят, и мы добудем себе баранину на ужин.

Амнундак смерил глазами расстояние и снова покачал головой.

— Ну, Никита, похвастал, так не ударь лицом в грязь перед онкилонами! — поощрил его Горюнов.

Горохов зарядил свою берданку, припал на колено и для верности положил ствол на развалину куста; баран казался небольшим бурым пятном, в которое попасть было нелегко. Амнундак и воины в ожидании столпились вокруг стрелка. Долго целился якут, наконец грянул выстрел, повторенный утесами несколько раз. Бурое пятно покачнулось, метнулось вперед и сорвалось с уступа. Баран летел вниз, ударяясь рогами о выступы скал и отскакивая от них подобно мячу;

огромные рога и поджатые ноги мелькали в воздухе; наконец масса рухнула у подножия стены. Онкилоны закричали и побежали за добычей.

— Далеко бьет молния белых людей, никто не может спастись от нее! — сказал Амнундак. — Если бы у онкилонов было десять таких молний, то, прежде чем солнце скроется на зиму, не осталось бы ни одного вампу на нашей земле.

По дороге постепенно один отряд воинов за другим отделялся, сворачивая в лес к своим стойбищам; наконец свернули и последние и, миновав землянку шамана, которому поднесли голову барана, путешественники вышли на поляну к своему жилищу. Аннуир все время сопровождала их, но на поляне помчалась вперед, чтобы встретить мужа на пороге землянки вместе с остальными женщинами, как полагалось по обычаю племени.

Охота на охотников

Путешественники провели больше недели в своей землянке, отдыхая от экспедиции к вампу и обучаясь языку онкилонов; в болтовне с женщинами это было нетрудно, и уроки вокруг пылающего костра с чашкой чая в руках или трубкой в зубах превращались в часы веселья с шутками и смехом; женщины в свою очередь учились говорить по-русски, и к концу недели обе стороны уже достаточно понимали друг друга. Привлекаемый смехом, доносившимся из землянки, Амнундак нередко заходил к белым людям, но при нем женщины вели себя чинно, а путешественники также старались не уронить свое достоинство.

Было ужас начало июня, и солнце не сходило с горизонта; но, опускаясь к полуночи к северной окраине котловины, оно постоянно скрывалось часа на два за какой-то завесой из белых туч или густого тумана, и наступали сумерки. Путешественники обыкновенно уже спали в это время, но как-то раз Горюнов, выйдя из землянки, заметил это явление и позвал своих товарищей.

Расспросив женщин, они узнали, что это наблюдается всегда, потому что в этой стороне «из земли идет большой пар, как из посуды, в которой кипит суп, или

как из чайника», — пояснили они. Это, конечно, очень заинтересовало путешественников, и они решили непременно проникнуть в землю вампу и выяснить, в чем дело.

Но сначала нужно было проводить базу и Никифорова; эту экскурсию совершили все, кроме Аннуэн, оставшейся при землянке. Никифоров не скучал в одиночестве; кроме забот о собаках и их корме, он был занят заготовлением топлива и мяса на зиму и в солнечные часы вялил мясо, разрезанное на полосы и развесенное на ременных арках. Но приходилось охранять это мясо как от собак, которых он днем отпускал на волю, так и от хищных птиц. Казак нередко забавлялся тем, что подстреливал слишком дерзкого орла, хватавшего мясо, и птица потом попадала на тот же аркан, так как годилась в качестве собачьего корма. Снеговые сугробы заметно оседали и с поверхности оледенили, так что подняться наверх нельзя было, не вырвавшись во льду ступеньки. Казак не поленился сделать это и время от времени лазил на гребень наблюдать состояние моря. Последнее сильно изменилось за месяц, проведенный путешественниками на Земле Санникова: открытая вода расширилась и придвигнулась так близко, что ее хорошо было видно. На ней часто висел туман, но в иные ясные и ветреные дни последний рассеивался и вдали на горизонте чуть показывался остров Котельный, на котором все еще лежал снег и только кое-где чернели проталины.

Женщины, никогда не видевшие окрестностей земли, на которой жили, поднявшись наверх, пришли в ужас от ледяной и снеговой пустыни, которая предстала перед ними во всем своем удручающем величии, и жалели белых людей, которые живут среди снега большую часть года.

— Поэтому вы такие белые, — решили они.

— Ну как, Аннуир, ты пойдешь со мной туда, на юг, когда я уйду из вашей земли? — спросил Ордин.

Аннуир энергично потрясла головой:

— Нет, там слишком холодно, снег и лед, и больше ничего. Смотри, там у нас лето, тепло, а здесь зима.

— Тогда я уйду без тебя, и ты останешься вдовой.

— Нет, ты тоже не уйдешь! Вы все останетесь с нами, так сказал Амнундак. И вы обещали.

Наверху пробыли недолго; довольно резкий ветерок, веявший с ледяных полей, казался легко одетым женщинам очень холодным. И они были рады, когда очутились внизу у костра, вокруг которого провели и ночь. За эту экскурсию к снегам женщины были награждены бусами и зеркальцами, которые путешественники разыскали в своей клади, оставленной на базе.

В этот раз забрали из нее и все подобные вещи, взятые на случай встречи с онкилонами, чтобы раздарить их на стойбище Амнуундака; бусы, зеркальца, иголки, блестящие пуговицы, яркие ленты, медные кольца и серьги с фальшивыми камнями и коралловое ожерелье для жены вождя должны были возбудить восторг онкилонок, а несколько ножей, топор и ручная пила — удовлетворить мужчин и побудить Амнуундака дать надежный конвой для экскурсии в глубь земли вампу.

Вернувшись в стойбище, прожили еще дня три и убедили Амнуундака после долгих разговоров согласиться на их экскурсию в северную часть котловины.

— Хотя ваши молнии поражают наверняка и птиц, и зверей, и людей, — сказал он, — но вампу очень хитры и могут напасть на вас из засады или ночью среди тумана. Поэтому я дам вам в спутники двенадцать лучших молодых воинов, которые будут охранять ваш сон, нести ваши вещи и разведывать безопасную дорогу.

На следующий день отряд из семнадцати человек, хорошо вооруженных, отправился в путь; Аннуир упросила Ордина взять и ее с собой и тоже вооружилась копьем и луком со стрелами, несмотря на насмешки онкилонов и запугивание женщин. Но ей хотелось видеть новые местности, а Ордин думал приучить ее к путешествиям, чтобы потом увезти с собой на материк: девушка сму очень нравилась, да и та со своей стороны горячо полюбила его.

В первый день дошли до разоренного вампу стойбища. Землянка была уже восстановлена, и жизнь брала свое: женщины хлопотали, дети шалили и резвились, не видно было только стариков и старух, истребленных вампу. Переночевав у стойбища, пошли дальше прямо на север. Поляны с озерами чередовались с лесами, но последние постепенно становились менее густыми, а диких животных встречали меньше. На ночлег

остановились на поляне на берегу озера, которое в центре вскипало бугром через каждые десять минут и имело такую теплую воду, что путешественникам захотелось основательно помыться. Пока воины разводили костер и резали мясо для ужина, путешественники отошли немного от лагеря, быстро разделись и бросились в воду. Плеск воды обратил на себя внимание воинов, которые вскочили в ужасе. Хотя они не питали такого отвращения к воде, как, например, монголы, которые не мылись никогда, но, подобно другим народам севера, где вода слишком холодна, они не знали купания. Поэтому они подумали, что белые колдуны, порученные им попечению, хотят скрыться из земли онкилонов, превратившись в рыб или тюленей.

— Анну, смотри, твой муж и другие колдуны сейчас исчезнут, они ушли в озеро! — вскричал один.

Аннуир, занятая также стряпней, вскочила и побежала к берегу, за ней все онкилоны. Путешественники были уже в воде и плавали, видны были только их головы.

— Вот, они уже превратились в нерпу, смотрите, смотрите! — кричали собравшиеся на берегу.

Но Аннуир, уже немного цивилизовавшаяся и кое-что знавшая, после первого испуга успокоилась — она узнала лицо Ордина и стала смеяться над онкилонами. Впрочем, последним пришлось удивиться еще больше. Когда путешественники вылезли на берег и, растирая себе тело и голову, стали покрываться чем-то белым, похожим на снег, воины, не имевшие понятия о мыле, были поражены.

— Вот, смотрите, на этих колдунах вода замерзает и переходит в снег! — говорили они друг другу.

Опять Аннуир, которая уже узнала употребление мыла, успокоила их, объяснив, в чем дело. Но они успокоились, только когда белые люди оделись и вернулись к костру, где все воины исподтишка внимательно осматривали их — нет ли какой персемены.

Пока все ужинали, Аннуир, захватив мыло, тоже побежала купаться, отойдя подальше от лагеря. Не умея плавать, она не пошла далеко в воду и мылилась у самого берега. Когда она вернулась, все воины подняли ее на смех.

— Ты натерлась снегом, чтобы стать белой, как твой муж! Не побоялась полезть в воду, где водяной дух мог схватить тебя за ноги и утащить в глубину. Но ты осталась такой же черной, как была! — так подсмеивались ее соплеменники.

Аннуир потом призналась Ордину, что в воде ей было ужасно жутко; ей все время казалось, что вот-вот кто-то схватит ее за ноги и утащит. Как все онкилоны, она верила в существование злых духов, живущих в воде, в лесах, в пещерах, в духов тумана и метели. И только желание во всем подражать ему заставило ее полезть в воду.

— В другой раз я пойду в озеро вместе с тобой, но ты должен мне показать, как ты делаешь, чтобы плавать, как нерпа,— заявила она.

Во время ночлега два воина поочередно держали караул вместе с Кротом и Белухой, которые уже подружились с онкилонами, получая от них полуобголденные кости и обрезки мяса. Бдительность собак стала цениться воинами, которые выражали сожаление, что их предки не захватили от чукчей несколько подобных животных.

— Отчего бы им не поймать и не приучить волчат? — спросил Горохов.

— Волк никогда не становится ручным,— пояснил ему Горюнов.— Разве что поймать волчицу и скрестить ее с нашими псами. У нас, к сожалению, в своре нет сук.

Онкилоны отнеслись с недоверием к этому предложению, но сказали, что поймать волка не так трудно.

Еще день прошел в пути на север; леса становились все ниже и редели, трава на полянах была менее густая; быки и лошади попадались не часто и были очень осторожны; очевидно, преследования вампу выучили их не доверять человеку. Зато чаще попадались носороги, которые сами наводили ужас на вампу и не боялись копий и дубин.

Под вечер перед выходом на одну поляну разведчики, шедшие с собаками впереди, остановили отряд известием, что появились вампу. Спрятавшись в кустах опушки, стали наблюдать.

На поляне паслось несколько быков; один стоял

немного поодаль и, очевидно, дремал, пережевывая жвачку.

Сзади по траве к нему медленно ползли пять или шесть вампук.

Подползши шагов на двадцать к быку, передний вампук быстро поднялся и пустил одно за другим два копья; остальные, вскочив, забегали с боков, подняв копья и готовясь к нападению. Одно из копий попало в крестец и врезалось в кожу; бык взревел от испуга и боли и, заметив врагов, бросился на них, опустив голову и выставив вперед свои громадные рога; вампук успели вовремя отскочить, и животное пронеслось мимо, получив еще по одному удару копьем в каждый бок, но кремневые наконечники, очевидно, недалеко проникали сквозь толстую шкуру, так как копья сейчас же выпадали. Рассвирепевший бык повернул кругом, неожиданно настиг одного из охотников и взмахом головы подбросил его довольно высоко, но другие вампук снова метнули копья и отвлекли внимание быка от упавшего человека.

Увидев, что на него нападают с разных сторон, бык предпочел искать спасение в бегстве и помчался по поляне вслед за остальными; вампук пустились за ним, но, несмотря на быстроту своих ног, сразу стали отставать; несколько брошенных копий не произвели впечатления на мчавшееся во весь дух животное.

— Не удалась им охота! — сказал Горюнов. — Теперь подстрелим быка у них на глазах, но, конечно, не для них.

Бык бежал теперь шагах в двухстах от наблюдателей, а четыре вамипу шагах в тридцати позади; пятый остался на месте своего падения. Вамипу бежали огромными шагами, сильно наклонив корпус вперед; их космы разевались по ветру; у каждого в руках осталось только одно копье. Они надеялись, что от потери крови бык ослабеет и даст себя догнать. И вдруг он на полном ходу рухнул на землю. В пылу погони вамипу или не слышали выстрела, или не поняли, в чем дело. Издавая рев торжества, они подбежали к животному и принялись исполнять вокруг него свой танец победы.

— Придется попугать их, — сказал Ордин. — Иначе мяса нам не видать.

— Да и вообще нужно очистить себе дорогу дальше на север и заставить их улепетывать к пещерам.

Горохов поднял берданку и выстрелил. Вампу сначала оцепенели на месте, но потом, испуская вопли ужаса, помчались обратно по поляне; поднялся и помятый быком и, хромая, поплелся вслед за ними. Онкилоны немедленно выскочили на поляну и издали свой военный клич, чтобы выстрел в представлении остальных соединился с этим кличем в одно событие.

— Будем ночевать здесь! — заявил Горюнов. — Ужин готов, вампу не посмеют вернуться.

Пока онкилоны потрошили быка, путешественники разыскали среди поляны озерко, скорее прудок, не имевший стока, с чуть тепловатой водой; его берега отвесно уходили вглубь, и оно казалось очень глубоким. Возле него расположились на ночлег, принесли к нему пласти мяса, оставив лишнее на поживу орлам и волкам. Запылал костер, и все занялись приготовлением ужина. Ордин пошел с котелком к озерку; чтобы зачерпнуть воды, ему пришлось лечь на землю — так низок был уровень озерка. И вот, опуская руку с котелком, он заметил, что вода как будто поднимается навстречу; он стал медленно поднимать котелок — вода следовала за ним, словно притягиваемая магнитом.

Выше и выше поднималась вода и наконец сравнялась с поверхностью берега.

— Вода выступает из озера! — воскликнул Ордин, вскачивая на ноги.

На этот возглас все сбежались к берегу и с удивлением смотрели на переполненное до краев озерко.

— Надо собирать вещи и уходить дальше, — заявил Костяков.

Онкилоны начали шептаться и с суеверным ужасом смотрели на воду в ожидании, что из нее покажется голова какого-нибудь чудовища. На лице Аннуир отражался попеременно страх и смех, так как, взглявая на Ордина, она заметила, что он улыбается. Она уже усвоила, что белые люди все знают, все могут и ничего не боятся.

Но прежде чем онкилоны приняли решение бежать, вода в озерке стала медленно понижаться и через несколько минут заняла свой первоначальный уровень. Горохов облегченно вздохнул.

— Ушел, ушел обратно вглубь, испугался, видно! — промолвил он.

Ордин, Горюнов и Костяков рассмеялись; они догадались, что это был новый вид озер с подземным питанием; на дне его, очевидно, было жерло, уходившее далеко вглубь и заполненное водой; время от времени пары и газы поднимали воду вверх, а затем находили себе выход по какой-нибудь боковой трещине, не вырываясь из воды, как в других озерах; в результате вода понижалась. Оставалось проследить периодичность этого явления, чтобы убедиться в правильности объяснения. Ордин вынул часы.

— Теперь я понимаю, как животные пользуются этим озером для водопоя, — сказал Горюнов. — Они выждают, пока вода не поднимется до краев.

— Да, а я недоумевал при виде обрылистых берегов и отсутствия спусков к воде, вытоптанных животными, — подтвердил Ордин.

— А иной зверь, пожалуй, не успеет напиться, глядь — вода у него из-под носа ушла! Поди дожидайся, пока она поднимется.

Ждать действительно пришлось долго; успели сварить и скварить ужин и съесть его, когда вода опять стала подниматься; промежуток оказался равным почти часу.

Едва солнце успело скрыться за завесу паров северной части котловины, как оттуда надвинулся густой туман и сразу стало почти темно. Но на ночь дрова были запасены, и у костра было светло и тепло. Беседовали об озерах этой странной земли с их периодическими извержениями, которые онкилоны объясняли игрой водяных духов. Они сообщили, что в северной стороне есть долина Тысячи Дымов, где из земли повсюду идет дым и где земля так горяча, что жжет ноги через обувь. Они сами не бывали там, но слышали об этом от стариков, которые в молодости участвовали в большом набеге на вампу, предпринятом дедом Ампундака.

В этой долине вампу прежде проводили зиму.

Разговор был прерван протяжным воем, донесшимся из леса; собаки ответили на него яростным лаем.

— Волки близко, почуяли падаль, — сказал Горохов.

— А вот и случай поймать волчицу или двух, — предложил Горюнов.

Онкилоны заявили, что это нетрудно, что они в зимние ночи охотятся на волков, тревожащих олени стада, облавой с огнем. Для поимки волчицы у них оказалась сеть, сплетенная из тонких ремешков и употребляемая для ловли ленных гусей. Стали готовиться к облаве. Из кучи топлива, заготовленного на ночь, выбрали смолистые стволы сухих молодых лиственниц, разломали их на куски в полметра длиной и привязали к копьям; такие факелы наготовили для всех участников и положили на костер. За это время волки собрались у остатков быка, откуда доносилось ворчанье, визг, хруст костей, свора хищников пировала, пользуясь мглой.

Когда факелы разгорелись, онкилоны и путешественники с факелом в одной руке, копьем или ружьем в другой бегом окружили место пира и затем, наклонив факелы вперед, почти до земли, и размахивая ими вправо и влево, стали сходиться к центру, где были волки, окруженные огненным движущимся кругом. Вскоре сквозь туман можно было разглядеть кучу серых хищников, столпившихся у трупа; поджав хвосты, оскалив зубы, они стояли, растерявшись, не видя лазейки для бегства в колеблющемся и все приближавшемся страшном кольце. Звери завыли, начали метаться, прыгая друг на друга, и, наконец, обезумев, бросились по два и по три в разные стороны.

Но уйти удалось немногим; онкилоны ловко подкальывали их копьями или, ударив факелом по морде, отгоняли назад. Воин, имевший сеть, накрыл ею волчицу, пытавшуюся прорваться; она сразу запуталась и повалилась. Оставшиеся в живых волки вернулись к трупу и, дрожа, прижавшись друг к другу, щелкая зубами, уже не пытались бежать; несколько выстрелов покончили с ними. Подняв факелы, онкилоны теперь добивали волков, лежавших в разных местах; среди раненых нашли еще волчицу, накрыли ей голову одеждой и, связав все четыре ноги вместе, унесли, подвесив на копье.

Подобрав всех волков, которых оказалось одиннадцать, вернулись к костру и занялись сниманием шкур.

Для каждой из пойманных волчиц вбили в землю три колышка, к двум притянули ремнями передние и задние ноги, к третьему шею, так что животное не могло достать зубами ни один ремень. После этой ори-

гиальной охоты улеглись спать вокруг костра, оставив по обыкновению караульных, которые должны были присматривать за волчицами и охранять их от Крота и Белухи; последние долго не могли успокоиться, выражая желание расправиться со своими беспомощными врагами.

Долина Тысячи Дымов

За утренней едой среди густого тумана обсуждали вопрос, как увести с собой волчиц, одни предлагали нести их поочередно на плечах, другие — в носилках, устроенных из шкур убитого быка. Всего проще было заставить их бежать на собственных ногах, но не было ни цепи, ни проволоки, чтобы сделать повод, который был бы недоступен их острым зубам.

Наконец догадались: сделали широкие кожаные ошейники и намордники, ошейники привязали к концам шомпола от берданки Горохова. Таким образом, волчицы шли рядом, как быки в ярме; один онкилон вел их за ремень, другой подгонял сзади. Сначала звери упирались всеми четырьмя ногами, ложились, но после того, как на них пустили собак, которые стали покусывать их сзади, они смирились и поплелись, поджав хвосты, за людьми.

Как только туман поредел, пошли на север. Растильность становилась все более чахлой, попадались цепкие полосы засохшего низкорослого, но старого леса; на полянах площадки редкой травы перемежались с совершенно голыми, почва которых представляла выветрившийся базальт. Через несколько километров встретили расселину в почве, из которой поднимался легкий дымок.

Ордин, наклонившись, приложил руку к трещине, но быстро отдернул ее — так горяч был воздух, выхodивший из глубины. Чем дальше, тем больше встречалось таких расселин и воздух становился горячее: путешественникам казалось, что они попали в хорошо изтопленную баню, тем более что пары застилали всю окрестность подобно легкому туману. Онкилоны давно уже сбросили свои куртки и шли обнаженные до пояса; не выдержали и путешественники, последовавшие их примеру. Наконец и Аннуир спустила с себя коф-

ту-панталоны и осталась в одном пояске, заявив с некоторым смущением, что жарко, как в жилище, когда горит хороший огонь.

Участок более густого тумана привлек к себе внимание: оказалось, что среди него из нескольких отверстий вырываются клубы пара с легким свистом или тяжелым дыханием.

— Вот уже настоящие фумаролы!¹ — воскликнул Ордин.

Чем дальше, тем больше становилось этих отверстий, рассеянных среди голой бугроватой поверхности черной лавы. Казалось, что вся земля тлеет в глубине и дымит; теплота почвы чувствовалась уже через обувь.

Когда прошли километр, другой по такой местности и остановились передохнуть и оглянуться, то нельзя было не удивиться представившейся картине. Со всех сторон, то тут, то там, из почвы вырывались клубы пара, поднимавшиеся в спокойном воздухе курчавыми колоннами вверх, где под косыми лучами солнца играли обрывки радуг. Можно было подумать, что дымят бесчисленные трубы невидимого города в ясный и тихий морозный день. В промежутках между белыми колоннами на западе, севере и востоке чернели высокие обрывы окраин котловины, которые отстояли здесь уже только в пяти-шести километрах. То тут, то там показывались очертания острых вершин с полосами или пятнами снега, ярко блестевшими под лучами солнца. Эти белые снега и белые столбы с одной стороны, черные обрывы и черная почва — с другой представляли редкое сочетание двух противоположных цветов.

Тишина нарушалась нередко то резким свистом, то гудением какого-нибудь отверстия.

— Черная, дымящаяся пустыня! — воскликнул Грюнов.

— Вот она, долина Тысячи Дымов! — сказал Ордин.

— Обиталище злых духов! — заявил старший из онкилонов. — Это дымятся их костры в подземных пещерах.

¹ Фумаролы представляют струи газов и водяных паров, выделяющиеся на склонах и в окрестности действующих вулканов, а также из застывающих потоков лавы, нередко и в кратерах потухших вулканов.

С разными чувствами созерцали эту редкую картину люди отряда: белые — с интересом, смуглые — с суеверной тревогой. Более широкий столб пара впереди привлек внимание; когда приблизились к нему, оказалось, что он поднимается из озерка диаметром всего метров в шесть, в котором вода клокотала, словно в большом кotle.

Горюнов достал из котомки кусок сырого мяса, привязал его к концу ремешка и спустил в воду. Подбрасываемое струями кипящей воды, мясо вертелось, ныряло и в несколько минут сварилось.

— Прекрасное место для ночлега! — заметил Ордин. — Нет дров, но есть готовый котел, в котором можно сварить ужин и взять кипятку для чая.

На дальнейшем пути на север встретили еще несколько кипящих озер, разной, но небольшой величины. Самые маленькие — один-два метра в диамetre — кипели спокойно, выделяя много мелких пузырей; большие кипели бурно, и вся поверхность их волновалась, вздымаясь ключами то тут, то там. Обратили внимание, что отвесные стенки над поверхностью воды и почва вокруг озер кое-где были покрыты белым налетом, словно снегом. Последний возле кипящей воды казался бессмыслицей. Наскребли пробу этого налета, и оказалось, что это какая-то соль, очень едкая и неприятная на вкус.

— Но если выделяется соль, то вода тоже должна быть соленой и не годится для чая, — заметил Горюнов.

Попробовали воду — она оказалась не совсем пресной, но все-таки годной для питья.

Пробираясь между кипящими озерками и дымящими расселинами, уже недалеко от окраины котловины наткнулись на большую плоскую впадину диаметром в сотни две шагов и глубиной метров в пятнадцать — двадцать.

Дно плавно изгибалось, так что напоминало большую чашу, но воды не было. Всматриваясь через легкую дымку, стлавшуюся по дну, заметили, что в расселинах почвы то тут, то там вспыхивают синие огоньки. Ордин захотел осмотреть их поближе и спустился вниз, но через несколько шагов быстро повернул обратно, зажимая нос и рот. Он сказал, что начал задыхаться.

хаться от паров серы и хлора, заполнявших горячий, как в печке, воздух.

В бинокль можно было различить, что на черной почве дна повсюду желтеют и белеют полосами и пятнами густые налеты, очевидно, серы и напатыря.

— Ну, Павел Николаевич,— сказал Ордин Костякову, когда отдохнул,— теперь и вы не станете отрицать, что Земля Санникова — кратер колоссального вулкана, еще не вполне потухшего.

— Конечно! Эти базальтовые обрывы со всех сторон, гейзеры и озера с пузырями — на юге, кипящие озера и фумаролы — на севере, эта ядовитая яма — все это не оставляет ни малейшего сомнения, — подтвердил Горюнов.

— Но ведь онкилоны живут здесь четыреста лет, а вампу и животные гораздо дольше. В южной половине густая растительность, следовательно, вулкан давно уже не действовал, — возразил Костяков.

— Несомненно, но ясно также, что он прекращал свою деятельность постепенно с юга к северу, потому что признаки здесь гораздо ярче. Может быть, в то время, когда вампу уже населяли южную часть, в северной еще выливалась лава.

— Онкилоны этого уже не застали, — подтвердил Ордин. — Они знают только о дыме «подземных духов».

— А не может ли вулкан в один прекрасный день проснуться от своей долгой спячки и натворить беды? — спросил Горюнов.

— Вполне возможно. Потухшими в полном смысле слова можно считать только вулканы, не действовавшие целые геологические периоды и уже более или менее разрушенные. За все прочие поручиться нельзя, и их правильнее называть заснувшими, потому что они могут проснуться. Мы знаем примеры, когда вулканы, считавшиеся потухшими, вдруг начинали действовать. Вспомните Везувий, в кратере которого, заросшем густым лесом, спасался Спартак, предводитель восставших рабов. Никто не считал эту гору вулканом, о ее деятельности не сохранилось даже преданий. И вдруг в 79 году нашей эры она проснулась и уничтожила Геркуланум и Помпею и с тех пор действует до наших дней.

— А Лысая гора на Мартинике,— вспомнил Горюнов.— До половины восемнадцатого века она спала, и туземцы ничего не знали о ее прошлой деятельности. Потом стала просыпаться, но просыпалась полтораста лет, еле подавая признаки жизни, и только в начале двадцатого века произвела страшное извержение, в несколько минут погубившее целый город Сен-Пьер и тридцать тысяч жизней.

— И таких примеров можно привести еще много из обеих Америк, Зондских островов, Камчатки,— добавил Ордин.

— Пробуждение этого вулкана было бы бедствием для онкилонов,— заметил Костяков.

— Сматря по тому, как и где возобновится деятельность. Если она ограничится северной частью котловины, которая и теперь бесплодна и не населена, и если будет не сильна, то онкилоны будут спокойно существовать недалеко от вулкана. Но если извержения начнутся в южной части, то можно ждать самого худшего.

— Мне кажется,— ответил Ордин,— что это обилие фумарол, кипящих озер, гейзеров в котловине показывает, что вулканическая деятельность может возобновиться не сегодня-завтра, словом, в любое время, хотя такое состояние котловины тянется уже сотни лет, по словам онкилонов. Но ведь они очень редко посещают эту местность, и показания их ненадежны. Тут нужно правильное наблюдение.

— Ну, будем надеяться, что при нас ничего не случится и Земля Санникова с ее живыми окаменелостями просуществует еще столетия,— пожелал Горюнов.

Обогнув удущливую впадину, путники вскоре дошли до северной окраины котловины, представлявшей тот же отвесный или уступчатый обрыв из базальта, как и в других местах; он поднимался, на взгляд, не меньше, чем на тысячу метров. Вследствие полного отсутствия растительности, даже лишаев, этот край производил еще более мрачное впечатление. Но, оглядевшись кругом, наблюдатель оказывался перед еще более поразительной картиной: на небольшом расстоянии от подножия черной стены тянулась белая стена долины Тысячи Дымов, в которую сливались издали столбы паров; эта стена не была неподвижна, а слегка волнова-

лась, клубилась, и под лучами низкого солнца на ее волнистом гребне то тут, то там переливались радуги, перемещаясь с места на место.

В одном месте длинная белая полоса у подножия черной стены привлекла к себе внимание путников.

— Странно, неужели это снег, свалившийся сверху? — предположил Горюнов.

— Нет, это не снег, а выход какой-то белой горной породы, — сказал Ордин, взглянув в бинокль. — И она вся изрыта ямами, словно ее грызли. Уж не тут ли вампур добывают себе кремни?

Поспешили к этому месту, и оказалось, что здесь базальт лежит на снежно-белом рыхлом мраморе, выступавшем на три-четыре метра над дном котловины на протяжении двух-трех сотен метров. В мраморе были рассеяны то порознь, то гнездами и прослойками черные, серые и грязно-белые кремни; последние и добывались вампу, которые наконечниками копий или скребками источили весь обрыв мрамора.

— Ну вот и открытие, которое было нужно нам, чтобы определить время образования вулкана, — сказал Ордин, обследовав белую стену. — Я нашел несколько, хотя и плохих, окаменелостей, показывающих, что это верхнемеловая толща. Следовательно, вулкан образовался не раньше третичного периода, когда на севере Сибири в разных местах изливались те же базальты. Нужно поискать еще, не найдутся ли получше.

С этими словами Ордин залез в одну из более глубоких ниш обрыва и стал работать молотком; остальные рылись в кучах белого песка, насыпанных у подножия; даже онкилоны приняли участие в поисках, когда им показали одну из найденных раковин и объяснили, что это такс. Но вот молоток перестал стучать, и вскоре Ордин вылез из ниши и сказал:

— А знаете, в глубине тут идет здоровая работа. Соблюдайте тишину и, приложив ухо к обрыву, слушайте. Всего лучше, конечно, в глубине ниши, где я был.

Горюнов и Костяков полезли в нишу и прижались ухом к стенке. Они услышали доносившиеся из глубины земли то короткие, то более продолжительные удары, словно там, где-то далеко, идет работа огромных кузниц; казалось, что тяжелыми молотами бьют по

твёрдому металлу. Порода слегка дрожала, и можно было видеть, как от белой стены по временам отрывались отдельные кристаллы известкового шпата, составлявшего мрамор.

— Здорово работают там внизу! — сказал Горюнов, вылезая из ниши.

— Не пора ли нам удирать отсюда подобру-поздорову? — спросил Костяков с тревогой в голосе.

— Вы думаете, что это признак скорого пробуждения вулкана? — засмеялся Ордин. — Если бы мы бывали здесь раньше и этих звуков не слышали, то это действительно было бы признаком усиления подземной деятельности. Но даже и в таком случае бояться нечего, пробуждение может продолжаться дни, недели, месяцы и годы.

— И даже столетия, как у Лысой горы! — прибавил Горюнов.

Онкилоны, узнав, о чём говорят чужестранцы, полезли один за другим в нишу и выходили оттуда встревоженные. Теперь они были убеждены более чем когда-либо, что здесь под землею обитают злые духи. Эти удары, содрогание стены, огоньки во впадине, тысячи дымов, кипящие озера, полное отсутствие растительности — все в совокупности до того пугало их, что они стали настойчиво просить, чтобы до ночи уйти из этой страшной местности.

Было уже поздно, солнце скрылось за высоким северным обрывом, и густая тень легла на эту часть котловины. Кроме того, с запада надвигалась большая черная туча, а туман должен был стать здесь особенно густым. В тумане и сумерках легко было потерять дорогу и попасть в расселину или в кипящее озеро.

Действительно, едва успели отойти на километр от обрыва, как все небо покрылось тучами и пошел мелкий дождь; вся местность окуталась туманом от многочисленных испарений, охлаждаемых дождем, стало совсем темно, и волей-неволей пришлось остановиться по соседству со зловещей впадиной и возле кипящего озерка, дававшего возможность сварить хоть ужин и чай, так как топлива никакого не было. Спокойствие чужестранцев подействовало и на онкилонов, и все, лежа на берегу озера, спускали на ремешках или концах копий куски мяса в воду, но говорили только шепотом.

Горохов догадался даже сварить суп; он положил мясо в котелок, прибавил соли и крупы, зачерпнул воды и погрузил котелок до половины в озерко. Навар получился недурной, и, главное, мясо сварилось в соленой воде и было вкуснее, чем куски, вариившиеся прямо в озерке. Чай также оказался достаточно вкусным.

После ужина онкилоны, сбившись в тесную кучу и укрывшись от дождя щитами, заснули, выставив караул. Для чужестранцев они устроили шалаш из бычачьей шкуры и копий. Но последним захотелось посмотреть треть ночью на огни впадины и они потихоньку, не будя никого, направились к ней. Благодаря теплу, исходившему из глубины, над впадиной не было тумана, и она представляла черную яму, дно которой было изборождено в разных направлениях линиями синих огоньков, местами перебегавших с места на место, то потухавших, то загоравшихся и представлявших очень странное и занимательное зрелище.

Чтобы лучше видеть, все четверо прилегли на землю у края впадины и вдруг почувствовали резкие удары — земля задрожала под ними.

— Землетрясение! — воскликнул Костяков, вскакивая. Но ему пришлось снова лечь, так как устоять на ногах не было возможности, почва колебалась слишком сильно. Слышался глухой гул, а во впадине огни дрожали и то потухали совсем, то опять вспыхивали. Со стороны окраины котловины доносился грохот — в разных местах отрывались и падали глыбы камня. Все эти звуки в темноте и тумане производили жуткое впечатление.

Со стороны лагеря, отстоявшего в какой-нибудь сотне шагов, послышались крики ужаса, вопли Аннуир, проснувшейся и заметившей, что Ордин и другие белые люди исчезли. Онкилоны подумали, что белые колдуны бросили их в стране ужаса и скрылись навсегда. Собаки и волчицы подняли вой, аккомпанируя людям, и концерт получился адский. Суеверные люди совершенно растерялись и не знали, что предпринять.

Когда колебания почвы ослабели и можно было встать на ноги, путешественники поспешили к лагерю, который легко было найти даже в абсолютной тьме по доносившимся крикам. Появление белых сразу успокоило всех, и, когда Горюнов объяснил, куда они ходили,

онкилонам стало даже немного стыдно. Аннуир повисла на шее Ордина и спрятала заплаканное лицо на его груди. Это происшествие разогнало у всех сон, и Горюнов воспользовался случаем, чтобы расспросить онкилонов, бывали ли землетрясения раньше. Оказалось, что это явление им знакомо, иногда, обыкновенно в зимнее время, они замечали, что земля слегка дрожит, бревна землянок поскрипывают и на головы через щели сыплется земля.

— Ну вот и сейчас то же самое! — сказал Горюнов.

— Нет, не то же самое! — возразили онкилоны. — Никогда не было того, чтобы земля так качалась, что нельзя устоять на ногах. Поэтому мы так испугались, а когда увидели, что вы исчезли, мы подумали, что вы нас бросили в этом ужасном месте и что подземные духи, которые колеблют землю, сейчас выскочат из трещин и увлекут нас в подземное царство.

Колебания почвы больше не повторились, и путешественники вернулись в свой шатер, который пришлось восстановить. От первого же толчка копья покосились, и шкура упала на Аннуир, разбудила и перепугала ее. Онкилоны же не решились ложиться спать; отсутствие костра усиливало их суеверный страх, кроме того, над южной частью котловины разразилась гроза — очень редкое явление на Земле Санникова; там ослепительно сверкали молнии, гремел гром, многократно повторяемый отражением от высоких обрывов. Сбившись в кучу, храбрые воины бормотали заклинания, пока не стало совсем светло благодаря очистившемуся небу и ветру, разогнавшему туман. Только тогда они заснули.

Боги зампу

Отсутствие тумана в это утро, довольно прохладное после дождя и вследствие ветра, позволило пуститься в обратный путь раньше, чему онкилоны были особенно рады. Но перед тем пришлось еще раз воспользоваться кипящим озером, чтобы сварить мясо и подкрепиться на дальнюю дорогу. Перед тем как уйти, онкилоны бросили несколько кусков мяса в озеро и три раза поклонились ему.

— Воины благодарят подземных духов за то, что они ночью только попугали, но не причинили зла,— пояснила Аннуир.

Не останавливаясь у знакомых уже озер и трещин, отряд к полудню миновал долину Тысячи Дымов, и, когда началась первая растительность, лица онкилонов совершенно преобразились, стали такими же приветливыми и веселыми, какими были всегда. Видно было, что, сопровождая чужеземцев по приказу вождя в страшную долину, они принесли большую жертву и ждали самого худшего. Но им пришлось принести и другую жертву: войдя в полосу леса, эти чужеземцы вздумали воспользоваться случаем и проникнуть еще раз в страну вампу, чтобы посмотреть тех странных животных «с пятой ногой на голове», которым вампу поклонялись. По расспросам, эти животные обитали где-то поблизости от страшной долины.

Волей-неволей отряд повернул на юго-восток; выслали вперед трех разведчиков с собаками. Снова потянулись знакомые картины — поляны с озерами и более или менее широкие полосы леса, который становился опять выше и гуще. Километров через шесть разведчики остановили отряд сообщением, что на ближайшей поляне пасутся «боги». Пробираясь осторожно по опушке леса, подошли к месту, ближайшему к животным. В сотне шагов от края леса видны были четыре крупных зверя, в которых нетрудно было узнать представителей рода слонов. Под лучами послеобеденного солнца они, наевшись, предавались отдыху, стоя неподвижно, опустив хоботы и изредка только взмахивая короткими хвостами или пошевеливая большими ушами. Тело было покрыто довольно длинной, но редкой шерстью красновато-бурового цвета. Два были побольше, два поменьше; последние особенно отличались размерами бивней, которые были короткими и торчали прямо, тогда как у взрослых сильно загибались концами вверх и затем внутрь.

— Нет сомнения, что это мамонты,— сказал Горюнов.

— Хотелось бы посмотреть, как бегают эти чудовища на воле,— сказал Костяков.— Все мы видели слонов только в тесной загородке зоологического сада, где бегать негде.

— Это, конечно, интересно, но как заставить их бегать?

— Я думаю, что они испугаются выстрелов.

— Сомнительно, потому что они незнакомы с действием огнестрельного оружия. И кроме того, мы можем привлечь внимание караульщиков, которые живут где-нибудь поблизости.

— Ну, вампу испугаются выстрелов больше, чем мамонты, потому что они уже знакомы с их действием.

— Тише, легки на помине! — сказал Горюнов, указывая на противоположную опушку.

Оттуда вышли на поляну двое рослых вампу и один мальчик с какой-то ношой за плечами. Приблизившись к мамонтам, они опустили ношу на землю, затем стали сами на колени и несколько раз поклонились животным до земли. Мамонты при их приближении очнулись от дремоты, подошли к вампу и начали размахивать хоботами и издавать звуки, напоминавшие громкое хрюканье. Кончив поклоны, вампу развернули свою ношу, оказавшуюся шкурами, наполненными какими-то корешками; они разложили их на траве перед мамонтами, которые немедленно начали схватывать хоботами по два и по три корешка сразу и отправлять их в свою пасть. Оказалось, что один из вампу — женщина; она развернула свою ношу перед двумя молодыми мамонтами, тогда как мужчина и мальчик угощали старых. Животные скоро покончили с корешками и громким хрюканьем требовали еще, протягивая хоботы вампу; последние возобновили свои поклоны и вдруг, захватив шкуры, пустились бежать во всю мочь к опушке. Тут Костякову удалось увидеть то, что он желал: мамонты тяжелой рысью побежали вслед за вампу, вытянув и завернув хоботы крючком наверх, растопырив уши и подняв хвостики. Но это, по-видимому, была просто благодарность за угощение, потому что они могли бы догнать и растоптать вампу, если бы захотели; между тем они проводили последних только до опушки, а затем степенно повернули назад, издавая трубные звуки.

Весь отряд с интересом следил за этой сценой кормления и поклонения. Но когда вампу скрылись, онкилоны начали просить путешественников застрелить одного из мамонтов, толстая шкура которого вы-

соко ценилась ими как лучший материал для щитов, а бивни — как такой же материал для наконечников копий и стрел и для ножей. Добывать мамонта им случалось крайне редко; вампу охраняли своих богов, поэтому устроить охоту на последних удавалось только во время больших войн с вампу, да и в этом случае старые животные были малоузимны для копий и стрел и успевали убегать. Теперь можно было воспользоваться случаем — в руках чужестранцев были страшные, смертоносные молнии.

Ордин поддержал просьбу онкилонов — ему хотелось рассмотреть животное вблизи и измерить его.

Костяков вспомнил прочитанное в детстве сведение, что хобот слона очень лакомое блюдо, и также присоединился к просящим.

— Но вампу будут мстить нам за убийство бога, — возразил Горюнов, — караульщики соберут всю орду, которая нападет на нас.

— Я думаю, что они, услышав выстрелы, убегут подальше. Но и ради науки и чтобы угодить нашим верным спутникам, можно даже рискнуть, — ответил Ордин.

— Этого колосса разрывной пулей не свалишь, а раненный он рассвирепеет, и нам придется плохо.

— Пустим в него две или три пули, за этим дело не станет!

Горюнов с видимой неохотой согласился на это убийство редкого и почти ручного животного, но сам не стал стрелять. Онкилоны очень обрадовались и с громадным интересом стали следить за действием молний белых людей на бога вампу. Ордин и Костяков выстрелили одновременно в ближайшего старого мамонта, который стоял боком и снова собирался дремать. Животное попятилось, ринулось вперед, потом метнулось в сторону и, испустив глухой рев, упало на колени и затем рухнуло всей массой на бок. Остальные три мамонта, испуганные выстрелами, отбежали немного в сторону, остановились и повернулись назад, ожидая, что упавший почему-то товарищ поднимется и присоединится к ним; они призывали его громкими трубными звуками.

Охотники и онкилоны подошли к раненому мамонту, который еще шевелил судорожно хоботом и нога-

ми; при виде подошедших людей он немного приподнял голову, но тотчас бессильно опустил ее, испустив тяжелый вздох. В его маленьких черных глазах как будто светился укор убийцам. Но скоро они остановились, и голос затих. Ордин вынул рулетку и стал измерять мамонта. Костяков помогал и записывал, а Онкилоны, окружив труп, с удивлением следили за этими манипуляциями, в которых они подозревали заклинания, производимые белыми людьми над убитым богом с целью умилостивить его дух. Собаки, не теряя времени, принялись хлебать кровь, вытекавшую из большой раны и сбегавшую по брюху на траву.

Занятые работой, а также зрители не заметили, что остальные мамонты постепенно приблизились к ним шагов на сорок и остановились, рассматривая странных двуногих, которые окружили их товарища, не желавшего встать. Собаки первые почуяли их близость и с громким лаем бросились к ним. Оглянулись люди и замерли в нерешильности — бежать ли к опушке, не дожидаясь нападения мамонтов, или начать наступление. Собаки, не добежав шагов десяти до животных, надрывались от лая и визга, хотя поджали хвосты и не смели приблизиться. Звери с удивлением рассматривали этих дерзких карликов, которые осмеливались надоедать им своими звуками. Наконец им, видимо, надоело слушать лай, и они, повернувшись, величественно отошли к другому краю поляны, где стали кормиться, обрывая ветви деревьев.

Онкилоны успокоились и, когда Ордин кончил описание и измерение мамонта, приступили к снятию шкуры и срезанию мяса. В это время разведчики, посланные немедленно после выстрела по следам вампу, вернулись и сообщили, что на соседней поляне они нашли только что брошенное стойбище. Горюнову захотелось осмотреть его, и он позвал с собой Горохова и одного из разведчиков, предоставив остальным производить работу мясников.

Стойбище оказалось у подножия большого развесистого тополя, росшего среди небольшой поляны. Трава вокруг дерева была вытоптана, на земле лежало несколько звериных шкур, грубо вырезанные деревянные чашки, две тяжелые дубинки и несколько копий. Костер еще не совсем потух, и над ним склонились па-

лочки с полуобгоревшими кусками мяса. Испуганные выстрелами, вампу бросили свой недоконченный ужин; повсюду валялись обглоданные кости, а на суку висела задняя нога лошади, судя по свежей шкуре, разостланной на траве.

Осмотрев стоянку, Горюнов собирался уже уходить, захватив одну из чашек в качестве образца изделий вампу, когда онкилон обратил его внимание на то, что на дереве находится «гнездо» вампу, в котором, может быть, спрятались караульщики богов. Но это предположение было неосновательно — вампу не оставили бы внизу свое оружие и палочки с мясом. Их воздушное жилище было, конечно, пусто. Поэтому Горюнов захотел осмотреть его, и все трое полезли наверх, что было не трудно, так как дерево было развесистое. Гнездо оказалось почти на вершине, где главный ствол делился на несколько толстых сучьев, полого расходившихся в стороны; на сучья были положены тонкие бревна, а поверх сделана настилка из жердей, представлявшая грубый помост; часть последнего была защищена от дождя навесом, сплетенным из ветвей и тростника. Под ним лежали шкуры — постель и одеяла вампу. Пара дубинок, кожаная праша и куча голышей для метания, несколько копий составляли убогий инвентарь приюта, в котором первобытные люди укрывались оточных хищников. Несколько просветов, проделанных в листве в разные стороны, служили для наблюдения за окрестностью, в том числе и за поляной, на которой паслись мамонты; часть ее была видна, и Горюнов мог различить группу онкилонов, копошившихся вокруг добычи.

Пока посетители осматривали гнездо и окрестности, на опушку поляны из кустов вышел вампу, осмотрелся и замахал рукой, вызывая своих попрятавшихся одноплеменников. Тотчас же по соседству вылезли женщина и двое детей, и все четверо направились к дереву. В это время их заметил Горохов и прошептал несколько испуганно:

— Карапульщики богов возвращаются, что нам делать? Стрелять в них?

Онкилон уже достал из колчана стрелу и собирался натянуть тетиву лука, когда Горюнов остановил его движением руки.

— Посидим смиро и понаблюдаем, что будет делать вампу, — сказал он Горохову.

— А если они полезут наверх?

— Днем им тут делать нечего, а внизу их еда.

— Но как же мы уйдем отсюда?

— Испугаем их выстрелом! Ах, черт возьми, мое ружье осталось внизу!

— Вот-те раз! Они его найдут и испортят.

— Не дадим, ваше ружье ведь здесь. А мое осталось по ту сторону ствола, они могут и не заметить.

Во время этой беседы застигнутые на дереве улеглись на шкуры вокруг выреза в помосте, с которого видна была площадка стойбища у подножия. Семья вампу, подойдя к дереву, уселась на корточках вокруг огнища; у женщины на руках был еще грудной ребенок; мальчик, лет двенадцати, имел уже украшение в виде палочки в носу, а девочка, лет шести, еще не была изуродована. Увидев обуглившееся мясо, мужчина издал несколько отрывистых звуков, мало похожих на человеческую речь, но понятых мальчиком, который побежал к опушке и вернулся с охапкой хвороста. В это время женщина отгребла золу, освободила тлевшие еще угли и, покрыв их хворостом, вздула огонь. Девочка взяла палочку с мясом и стала отковыривать сгоревшую корку и поедать уцелевшее. Мужчина нашел среди валявшихся костей кусок кремня, служивший ножом, встал и стал отрезать от лошадиной ноги куски мяса, которые бросал женщине; небольшие обрезки он поедал сырьими. Женщина нанизывала мясо на палочки, откусывая время от времени кусочки, а мальчик втыкал палочки у огня и следил за ними. Вдруг младенец, лежавший на земле, запищал; женщина подняла его, зажала между коленями и сунула ему в рот черный сосок своей обвислой груди, после чего продолжала заниматься мясом.

Мужчина внезапно прекратил работу и стал прислушиваться, потом проворчал что-то, указав пальцем в сторону поляны мамонтов; женщина подняла голову, видимо встревоженная, дети вскочили. Очевидно, вампу услышали крики онкилонов, доносившиеся с поляны. Мужчина бросил кремень и обогнул дерево, намереваясь влезть наверх и посмотреть, что делается на поляне. Тут он увидел ружье Горюнова, висевшее на

сучке. Он издал громкий крик изумления, женщина и дети подбежали; все с удивлением смотрели на эту странную блестящую дубину, каким-то чудом повисшую на их дереве. Видя, что предмет не змея, остается неподвижным и не издает никаких звуков, мужчина осмелился и протянул к нему руку, но женщина в испуге удержала ее, завязался спор; наконец вампу грубо оттолкнул жену, дрожащими руками снял ружье с сука, и держа далеко от себя, понес к костру, присел на корточки и стал рассматривать. Женщина и дети, убедившись, что странный предмет не кусается и лежит спокойно на коленях, приблизились. Постепенно вампу осмелился, стал гладить пальцами блестящий ствол, приклад, заглянул в дуло, даже дунул в него, потом стал трогать курок и собачку, и внезапно грянул выстрел.

Женщина с воплем откинулась на спину, младенец покатился на землю, попал ручкой в костер и завопил; дети отскочили в сторону; мужчина отшвырнул ружье. Еще мгновение — и дети пустились бежать, женщина, подобрав ребенка и держась рукой за голову, вероятно контуженная, устремилась за ними, завывая. Вампу отбежал в сторону на несколько шагов и остановился.

Все было тихо, огонь спокойно горел, предмет, так испугавший их, лежал неподвижно на земле в нескольких шагах от дерева. Шаг за шагом вампу стал возвращаться назад — его ужин опять был прерван и мясо горело на огне. Он подошел к костру и протянул руку, чтобы убрать палочки с мясом, как вдруг над его головой прогремел гром, что-то ударило в костер, угли и головешки разбросало в сторону.

Теперь и мужчина струсил не на шутку; с дикими воплями он побежал к опушке, где женщина и дети остановились и не знали, что делать. При виде бегства мужчины они тоже скрылись в кустах.

— Ну, теперь они долго не вернутся, — сказал Горюхов, пустивший разрывную пулю в костер. — Теперь дерево у них будет заколдованное навсегда.

Онкилон хохотал до слез, Горюнов тоже смеялся. Все трое слезли с дерева, подобрали ружье, но онкилон предварительно поджег гнездо, а внизу бросил дубину и копья в костер; Горюхов воткнул палочки с мясом в кору дерева высоко над землей и, найдя среди костей человеческий череп, водрузил его на лошади-

шую ногу, которую снял с дерева и прислонил к стволу, на темя положил камень, которым вампу резал мясо, а в глазницы засунул по угольку.

— Если они осмелятся прийти сюда вскоре,— сказал он,— то припишут все эти штуки колдовской силе и еще больше будут бояться наших выстрелов.

Возвращаясь на поляну мамонтов, шутники встретились с остальным отрядом, уже спешившим на помощь. Услышав выстрел, потом другой и рев вампу, Ордин и Костяков подумали, что ушедшие подверглись нападению вампу, и оторвали онкилонов от свежевания. Узнав, в чем было дело, все много смеялись над происшествием с ружьем.

На поляне уже были разведены костры, и Аннуир готовила ужин; хобот мамонта оказался превкусным блюдом, но бифштексы из филе были немного жестки, может быть потому, что им не дали вылежаться. Но мяса было 'столько, что можно было повторить опыт и позже.

Тяжело нагруженные шкурой, бивнями и мясом, на следующий день направились уже прямо к стоянке Амнундака, которой достигли только поздно вечером.

Вождь онкилонов уже снаряжал большую экспедицию для поисков пропавших чужестранцев. Землетрясение сильно напугало онкилонов, на памяти которых подобного еще не было. В некоторых землянках бревна навесов выскочили из гнезд и, упав вместе с дерном на просыпавшихся людей, многих ушибли и нескольких детей убили. Выскочив из жилищ, перепуганные онкилоны видели, как качались деревья, и слышали, как с грохотом валились глыбы камня с обрывов; подземные удары валили с ног; потом разразилась гроза, какой не помнили старики, а потоки дождя мочили людей, не решавшихся вернуться в землянки; двери на последних размыло, и вода подмочила постели и одежду.

Сопоставляя это бедствие с недавним нападением вампу, онкилоны начали думать, что несчаствия, предсказанные их предкам в связи с приходом белых людей, действительно начались, а эти люди как раз скрылись и неизвестно, вернутся ли еще или исчезнут так же таинственно, как появились. Отряд, посланный по сигналу барабанов из крайнего стойбища на поиски

в долину Тысячи Дымов, не нашел там никого, и Амнундак был сильно встревожен; приходилось искать пропавших во владениях вампу и для этого собрать всех воинов. Возвращение потерявшимся успокоило тревогу, а шкура, бивни и мясо мамонта увеличили радость племени.

Землянка путешественников благодаря лучшей конструкции почти не пострадала от землетрясения, и в ней жила два дня часть рода вождя, пока чинили его полуразрушенное жилище.

Священное озеро

Шаман заявил Амнундаку, что по случаю благополучного возвращения чужеземцев, не покинувших онкилонов в дни бедствия, должна быть принесена жертва богам у священного озера. Путешественники, узнав из расспросов, что в это озеро стекаются все воды котловины, были рады слыша посетить его и выяснить, куда же уходит эта вода. Жертва была назначена через два дня после их возвращения.

Воины всего рода во главе с Амнундаком и путешественники выступили рано утром на юго-запад; в хвосте отряда вели белого жертвенного оленя, по бокам которого шествовали шаман и его ученик, всю дорогу бившие в бубен и певшие заклинания. Миновав ряд полян и промежуточных лесов, часа через два добрались до небольшого озера, расположенного у самой окраины котловины. С двух сторон его берега состояли из крупных и мелких глыб черной базальтовой лавы, под которыми всюду слышалось журчанье воды, стекавшей под россыпью к озеру; с двух других сторон непосредственно из озера отвесно поднимались базальтовые стены окраины на высоту нескольких сот метров, отражавшиеся в зеркале воды вместе с кусочком синего неба. В этот глубокий полуколодец солнечные лучи проникали даже летом только в течение двух-трех ранних часов, когда солнце находилось на северо-востоке; позже озеро все время лежало в глубокой тени. Черные стены, уходившие на головокружительную высоту, черные глыбы берегов, черная вода в совокупности производили угнетающее впечатление, и недаром онкилоны признали озеро священным.

Большая ровная плита, немного возвышавшаяся над остальными у самого края воды, служила жертвенником; на нее взошел шаман с учеником и втащил олена... Амнундак, путешественники и воины расположились полукругом вокруг плиты. Подняв бубен, шаман стал медленно бить в него и благодаря многократному отражению звуковых волн от отвесных скал по ту сторону озера получился целый хаос громких звуков. Не понимая, что такое эхо, онкилоны думали, что духи отовсюду отвечают теми же звуками. Помолившись, шаман вынул из-за пояса короткий, но острый нож из халцедона, тщательно выточенный и насаженный на костяную ручку, украшенную резьбой; по форме нож походил на кинжал и употреблялся только для кровавой жертвы. Ученик, схватив оленя за рога, пригнулся его голову к земле, а шаман сильным ударом в затылок нанес смертельную рану. Над телом умиравшего оленя возобновились удары в бубен, а в это время два онкилона принесли легкий плот, изготовленный из четырех сухих тонких бревен, и спустили его на воду у края плиты. Ученик при их помощи сбросил оленя на плот и оттолкнул последний от берега. Шаман в это время продолжал бить в бубен; губы его двигались, шепча молитвы или заклинания, но из них не вылетало ни одного звука — говорить громко на берегу священного озера считалось кощунством.

Плот начал медленно отплывать к середине озера, увлекаемый незаметным течением. Наконец он до плыл почти до подножия обрыва и начал кружиться на одном месте.

В глубоком молчании вождь и воины следили за его движениями. И вдруг из черной воды послышался глухой шум, поверхность озера слегка заволновалась, и недалеко от плота стала образовываться плоская воронка, словно огромное чудовище, скрытое в глубине, начало всасывать в себя воду. Воронка постепенно углублялась, шум усиливался, послышалось сопение, и плот, схваченный водой, уходившей вглубь, исчез в пучине; мелькнули концы бревен, рога оленя, и воронка закрылась. Еще минута или две видна была впадина в этом месте, а затем зеркало озера восстановилось и лежало перед зрителями такое же спокойное, как и прежде.

Как только плот исчез в черной пучине, шаман перестал бить в бубен и возгласил глухим шепотом:

— Священная вода приняла жертву!

Поклонившись озеру, он спустился с плиты, и весь отряд двинулся обратно. Путешественники могли теперь обменяться своими впечатлениями. Озеро наглядно показало им, куда уходят воды котловины: время от времени, накопившись в этом бассейне и преодолевая сопротивление, они всасывались в какой-то подземный канал, по которому и стекали в море.

— Почему озеро считается у вас священным? — спросил Горюнов у Амнуундака на обратном пути.

— Так сказал шаман, приведший наших предков на эту землю. Он нашел озеро, и на его берегу духи беседовали с ним и открывали ему будущее. Перед смертью он велел, чтобы его тело похоронили в этой священной воде. С тех пор всех шаманов хоронят здесь.

— Как же это делается?

— Умершего шамана кладут на такой же плот, как вы видели, с бубном в руках; в ногах ставят чашу с дарами, в головах — голову жертвенного оленя, а шкурой его покрывают тело. Новый шаман стоит на жертвенной плите и молится, воины всего племени присутствуют. Плот носится по воде назад и вперед — шаман прощается со своим народом. Потом вода схватывает умершего и увлекает вглубь, как вы видели.

— И ничего не выбрасывает назад? Неужели не выплывает обратно шкура, бревно, бубен?

— Нет, все исчезает бесследно. И если бы вода что-нибудь выбросила, это был бы знак, что шаман чем-нибудь не угодил духам или сделал что-нибудь нехорошее в течение своей жизни.

— Как же делают, если шаман умрет зимой? Озеро ведь замерзает?

— Священное озеро не замерзает, снег лежит на камнях берегов, но вода не покрывается льдом.

Горюнов мог объяснить себе это явление только периодическим всасыванием воды в подземное жерло, при котором захватывается и тонкий лед, успевший образоваться на поверхности.

Возвратившись на стойбище, путешественники провели почти целый месяц в своей землянке, так как Амнуундак не соглашался больше отпускать их в далекие

экскурсии. Они обходили только ближайшие поляны и леса, всегда в сопровождении нескольких воинов, наблюдая жизнь животных и развитие растительности, принимая участие в небольших охотах или занимаясь рыбной ловлей на озерах, чтобы познакомиться с представителями этого класса позвоночных. Впрочем, и по-года не благоприятствовала далеким экскурсиям; этот первый летний месяц был на Земле Санникова самый дождливый, небо часто застипалось тучами, моросил мелкий, неприятный дождик. Но и в дождливые дни скучать не приходилось; пять молодых женщин в землянке заботились об этом; знание языка онкилонов, постоянно совершенствовавшееся благодаря частым беседам с ними, позволяло вести более свободные разговоры и собирать богатые сведения о нравах, обычаях, образе жизни и поверьях онкилонов.

У этого племени не было письменности, но много устных преданий и сказок можно было записать. Овладев достаточно языком, путешественники приглашали к себе стариков и старух из соседних стойбищ или сами посещали их для этой цели. Их интересовали также религиозные воззрения племени, и в этом отношении шаман, как хранитель культа, мог бы им сообщить всего больше, но он категорически отказался от этого и вообще относился к чужестранцам со скрытой враждебностью. Миряне же имели в этом отношении довольно смутные и даже противоречивые представления, сводившиеся, в общем, к вере в существование добрых духов на небе и вообще в воздухе, в облаках, на небесных светилах и злых — в воде и под землей.

За это время один только раз двоим путешественникам удалось сходить проведать Никифорова, продолжавшего жить отшельником с собаками среди снегов, занимаясь охотой, вялением мяса и запасаясь топливом на зиму. Чтобы иметь возможность в случае крайней надобности быстро получить от него весть или послать ему таковую, к Никифорову отвели Белуху, а от него взяли Пеструху, которые и могли служить почтальонами. В случае крайней опасности он должен был развести большой костер на уступе над сугробом, дым и огонь которого легко могли быть замечены со стойбища.

Собираясь зимовать на Земле Санникова, путешественники, естественно, интересовались характером зимы и расспрашивали онкилонов. По словам последних, с начала сентября быстро наступает осень: солнце освещает котловину только в течение шести-семи часов, мало поднимаясь над южной окраиной. Листва желтет и опадает. Онкилоны усиленно занимаются заготовкой топлива на зиму. Погода часто портится, и временами идет снег. С начала октября солнце уже не проникает в котловину, но среди дня несколько часов еще светло. Южные ветры приносят снежные выюги, северные — дождь и туман. Онкилоны заняты последней охотой для зимних запасов. С половины этого месяца дня уже нет, только час или два для сумерки; учащается ненастье, заставляющее сидеть в землянках. С начала ноября и до конца января тянется полярная ночь, освещаемая только луной, когда небо ясно, и северными сияниями, которые онкилоны приписывают душам умерших. Южные ветры в это время приносят холод и ясную погоду, западные и восточные — пургу, а северные — оттепель и дождь. (Записав это, Горюнов прибавил: ясно, что это тепло зимой обусловлено кипящими озерами и фумаролами северной части котловины.) Благодаря этому снег не может очень накапливаться, и олени, а также дикие животные находят себе подножный корм на полянах. Всего больше снега накапливается на окраинах под утесами, где он лежит до поздней весны. Эти три темных месяца для онкилонов самые скучные, и в пургу и в дождь нужно сидеть в землянках. В лунные ночи выходят на охоту, особенно на волков, которые тревожат оленей.

С начала февраля на юге появляется свет, но солнце начинает заглядывать в котловину только в начале марта; день быстро прибывает, становится теплее, и с конца этого месяца дружно начинается весна: снег исчезает, появляется трава, природа оживает, к половине апреля леса начинают зеленеть.

Охота на ленную птицу

С начала июля молодая птица на озерах уже подросла и начался период линьки гусей и уток, когда они теряют способность летать и прячутся в тростниках озер.

Все северные туземцы пользуются этим временем для массовой ловли птицы, и онкилоны не составляли исключения. Каждое стойбище имело два или три озера в исключительном пользовании. Заблаговременно на берегах были устроены загоны, представлявшие изгородь из тонких жердей, воткнутых в землю на таком расстоянии друг от друга, чтобы утка не могла пролезть между ними; две стены изгороди начинались у воды на расстоянии сотни шагов друг от друга, но затем быстро сближались и превращались в узкий коридор, приводивший к площадке, огороженной более прочно со всех сторон.

В назначенный день члены всего рода, кроме грудных и самых маленьких детей, вооружившись палками, окружили рано утром озеро и стали криком и стуком выгонять птицу, прятавшуюся еще в траве.

— Эй, гуси, утки! — кричал один. — Выходите, пора купаться!

— Вылезайте, ленивые, в воде червяки и рыбки ждут вас! — подхватывал другой.

— И наши палочки, чтобы погладить вас по головке! — голосил третий.

Стук, крики, визг детей, для которых этот день был величайшим событием, стояли невообразимые. Дети шныряли по траве, как собаки, колотя палкой вправо и влево. Перепуганная птица со всех сторон стремилась к воде, и впереди загонщиков повсюду видно было колебание стеблей травы и тростника, между которыми пробирались пернатые. Некоторые пытались взлетать, вспархивали над травой, но тотчас опять садились, хлопая крыльями. Кряканье уток, скрипучее гоготанье гусей сливалось со стуком, визгом и криком загонщиков. Кулики, бекасы, чибисы, кроншнепы, турухтаны, вылинявшие раньше водяных птиц, взлетали порознь и стайками и носились с пронзительными криками над водой и над поляной, прорезая легкий туман, висевший еще над озером. Последнее скоро запестрело от стаек гусей и уток, когда загонщики дошли до самой воды. Только часть берега между обеими изгородями была свободна от людей. Так как берега были местами болотистые, то загонщики, приближаясь к ним, надевали широкие лыжи из звериной шкуры, шерстью наружу, натянутой на раму из гибких прутьев,

служившие им зимой, облегчавшие хождение по топкой почве и вспугивание прятавшихся в траве птиц.

Окружив озеро, онкилоны вытащили в конце его, противоположном загону, приготовленные ранее четыре членока — сшитые из березовой коры берестяники; в каждый из них село по два человека, один с веслом, другой с колотушкой и ремнем в руках. Членоки быстро отдалились друг от друга, но через промежутки между ними были протянуты ремни, тащившиеся по воде. Люди на корме потихоньку гребли, люди на носу все время подбрасывали ремень, который шлепал по воде, производя плеск и брызги, пугая плававшую птицу, которая с кряканьем и гоготаньем постепенно стремилась по воде к загону. По берегам озера продолжался адский шум и стук загонщиков, по воде двигалась стена плеска, сопровождаемая криками лодочников. Птица начала метаться; отдельные экземпляры, улучив момент, когда ремень опускался в воду, прорывались обратно; другие пытались выбраться на берег, но, когда они подплывали слишком близко, загонщики пускали стрелы, и пронзенные птицы бились на воде и увеличивали смятение.

Так мало-помалу сотни птиц были согнаны к концу озера; по мере движения членков и загонщики перемещались по берегу; передние переходили уже к изгороди, но здесь переставали шуметь и прятались в траву. Когда конец озера был уже близко, лодочники удвоили рвение, так как от их ловкости теперь зависела удача загона, — птица сгрудилась на небольшой площади. Нужно было, чтобы ремень плескал непрерывно и сильно, иначе вся масса, улучив минуту, могла ринуться назад, и пришлось бы начинать все дело сначала.

Но вот нередко стайки, подплыв к берегу, стали вылезать в траву, пробираясь вперед; за ними последовала остальная масса, и сплошная волнующаяся река гусей и уток потянулась в глубь загона с кряканьем и гоготом. Как только последние вышли из воды, лодочники тоже выскочили на берег, к ним присоединились ближайшие загонщики и стуком и криком гнали птицу вперед. Наконец вся стая сгрудилась в тунике, где изгородь была прочнее, а трава вытоптана. Теперь загонщики, окружившие изгородь, а также вошедшие вслед за птицей, начали безжалостное избиение; со всех сторон

десятки палок колотили по головам несчастных пернатых; крики разъярившихся людей, глухие удары палок, хлопанье крыльев, отчаянные кряканье и гоготанье слились в невообразимый шум. В воздухе беспрерывно мелькали окровавленные палки, груды убитых и трепещущих росли на глазах. Отдельным смельчакам удавалось прорваться между ногами загонщиков или через бреши изгороди назад к озеру или на поляну.

Наконец все перебиты, немногие спаслись, тупик наполнен кучами птицы. Шум сразу затих: люди опрокидывают изгородь и начинают уборку добычи; связывая ремешками попарно ноги, перебрасывают птиц через те же палки, служащие теперь носилками; два человека несут к стану две палки с тридцатью — сорока парами уток или же пятнадцатью — двадцатью парами гусей; дети тоже тащат на своих палках груз, но поменьше.

У стойбища все сваливают в кучу, и начинается новая работа — оципывание перьев и потрошение; пух собирается в кожаные мешки, потроха сваливаются на пластины корья. Горят костры, калятся камни, приготовлены все деревянные сосуды — сегодня будет обильный суп из потрохов. Шум, говор, визг детей, усердно помогающих и мешающих всем, наполняют воздух. Вот возвращаются и лодочники и несут еще охапки птиц; они собирали по озеру подбитых стрелами загонщиков с берега.

После чистки, уже вечером, началось колчение птиц впрок; отсутствие соли и посуды не позволяло сохранить птицу долго в другом виде. Поэтому из корья устраивали шалаши, под их крышкой на жердях подвешивали очищенных птиц, а на земле разводили дымокур, который нужно было поддерживать несколько дней. Поздно вечером кончились работа и еда, а на следующее утро нужно было повторить то же самое на другом озере, через день — на третьем. Медлить было нельзя, так как маховые перья быстро отрастают и птица начинает, хотя и плохо, летать. Тогда и изгородь не помогает.

Путешественники приняли участие в загонах, хотя и без особого удовольствия,— им также нужны были зимние запасы; жены их, конечно, участвовали очень охотно. Но три дня этого промысла произвели на чу-

жеземцев кошмарное впечатление: суета, шум, беспощадное избиение беззащитных существ, горы битой птицы, костры, объедение всех участников и их алчность, желание истребить побольше сливалось в неприятное зрелище, и они были рады, когда охота кончилась.

При этих загонах на попадавшуюся иногда более крупную дичь не обращали внимания — ее время было впереди. В камышах у каждого озера жили в небольшом количестве кабаны; сжатые загоном, они собирались в кучу со старым свирепым самцом во главе и бросались напролом через цепь. Им давали дорогу, и только какой-либо поросенок, отставший от старших или бежавший в стороне, попадал под удар копья или дубинки. За кабанами охотились поздней осенью, когда они были жирные и когда тростники блекли ивались от мороза, болота замерзали, а кабаны покидали эти убежища и паслись на опушках полян в лесу. На них устраивали облавы и били копьями и стрелами из засады, защищающей от клыков. Холода позволяли сохранять их мясо подвешенным на дерево в замороженном виде. Еще позже, уже по первому снегу, охотились облавами на зайцев, которых было много и на полянах и в лесах.

Тревожные признаки

С конца июля солнце стало заходить не только за гребень северной окраины котловины, но и за горизонт: начались темные ночи, которые быстро удлинялись. Появились и первые признаки осени: стрижки, гнездившиеся в обрывах скал, собирались в большие стаи, молодежь упражнялась в полетах, готовясь к дальнему путешествию. Уцелевшие гуси и утки также собирались в стаи и перелетали с озера на озеро. Ночные туманы стали гуще и утром дольше висели в котловине.

Путешественники еще определенно думали о зимовке на Земле Санникова и добывали охотой запасы на зиму, которые их жены коптили или вялили, а сало топили и собирали в мешки, сшитые из толстых кишок. Но в конце первой недели августа произошло событие, явившееся началом целого ряда других, имевших важные последствия. В ночь на восьмое число пу-

тешественники были разбужены сильным подземным ударом; сначала спросонок им показалось, что кто-то изо всех сил ломится в дверь землянки, потом они рас слышали глухой гул, словно от проходящего тяжелого поезда.

— Опять землетрясение! — догадался Ордин.

Землянка была тускло освещена потухшим костром; при его колеблющемся свете видны были встревоженные лица поднявшихся с постелей нагих мужчин и женщин.

Но вот удар повторился. Послышался треск и скрип балок, посыпалась земля из промежутков. Огонь костра вздрагивал; предметы, висевшие на колышках стоеч и под навесами, качались; из земли доносилось зловещее шипение.

— Хотя наша землянка построена прочнее других, все-таки надо уходить на волю! — сказал Горюнов, хватаясь за одежду.

Женщины дрожащими руками застегнули свои пояски и, схватив одежду в охапку, бросились к двери. Мужчины, одеваясь на ходу, последовали за ними.

Ночь против обыкновения была теплая и очень ясная благодаря значительному северному ветру, унесшему туман. Поляна была освещена луной, висевшей уже над западной окраиной котловины. Несмотря на гул ветра в листве близкого леса, то справа, то слева, то спереди слышен был грохот от глыб, валявшихся с обрывов.

Из землянки вождя доносились крики женщин, плач детей, возгласы мужчин. Часть ее населения также выбежала уже на воздух и одевалась. Вскоре за ними последовали и остальные, и все сгрудились вблизи выхода, с тревогой глядя на небо и обмениваясь замечаниями. Амнундак подошел к путешественникам; он был сильно испуган.

— Опять трясеется земля, белые люди! — сказал он с укором. — Правду сказал великий шаман, что с приходом белых людей начнутся бедствия онкилонов. С тех пор как вы пришли, земля тряслась два раза и вампу нападали на нас.

— Но вампу воевали с вами всегда и земля тряслась прежде тоже не один раз! — возразил Горюнов.

— Нет, никогда еще земля не тряслась так сильно! И вот, смотри, месяц какой красный! Это предвещает большую беду,— ответил Амнундак.

Новый сильный удар заставил его покачнуться; многие стоявшие попадали. Послышались крики женщин, плач детей. На глазах у всех один из откосов землянки Амнундака обрушился всей массой, и столб густой пыли взвился в воздух. Деревья закачались.

— Все ли вышли из жилища? — воскликнул вождь.

— Все, все,— послышалось в ответ.

— Нет, не все! — поправил женский голос.— Моя мать Мату, больная, осталась лежать. Она сказала, что ей все равно где умирать.

— Ну так она умерла! — прибавил мужчина.— Навес обрушился на нее.

— Раскидайте землю и бревна и освободите женщину скорее! — приказал Амнундак.— Принесите огня и дров, разведите костер.

Но онкилоны боялись входить в жилище; с упавшего навеса они стали снимать дерн, опасливо поглядывая на соседние бревна. Аннуир храбро вошла в свою землянку и вынесла на доске кучу горячих углей, Ордин и Горюнов принесли дрова, и вскоре запылавший костер внес некоторое успокоение, и весь род собрался вокруг него, кроме нескольких воинов, производивших раскопки. Удары продолжались, и при каждом они отбегали в сторону, хотя на них ничего не могло уже рухнуть. Земля все время гудела, деревья качались; все люди присели, потому что на ногах было трудно стоять. Грохот падающих камней не затихал.

— Великая беда пришла для онкилонов! — шепнул Амиундак, глядя на вздрогивавший при ударах костер. Путешественники заметили уже ис один косой врачебный взгляд, брошенный на них тем или другим из воинов и особенно женщин.

Аннуэн, сидевшая возле Ордина, в промежутке между ударами встала и присоединилась к женщинам, сидевшим по другую сторону костра; ее примеру последовали избранницы Горюнова и Костякова, и только Аннуир и Раку остались на месте.

— Мы как будто становимся зачумленными! — вполголоса сказал Горюнов, обращаясь к товарищам.

— Ничего, солнце взойдет, все успокоятся и забудут ночные страхи! — беспечно ответил Костяков.

— А луна стала еще краснее! — заметил Ордин. — От обвалов, очевидно, поднялась сильная пыль.

Особенно сильный удар прокатился по котловине с громким гулом, подбросило даже дрова в костре, рассыпавшиеся в стороны. Снова послышались крики ужаса; некоторые люди, сидевшие на корточках, попадали. Собаки жалобно завыли. Землянка вождя с глухим треском рухнула вся, кроме центральных столбов, окруженнных теперь облаком пыли. Работавшие воины попадали, а вскочив, разбежались.

— Мы погибаем, земля рушится, пришел конец нашему племени! — стонали мужчины и женщины; последние прижимали к груди плачущих детей; на всех лицах, с расширенными глазами, запечатлелся холодный ужас.

Когда затих грохот обвалов, жуткая тишина охватила поляну, потому что и ветер внезапно прекратился. Все стали невольно прислушиваться. И вот тишину нарушили далекие, но ясно различимые звуки бубна, магически действовавшие на онкилонов. Черты лиц разгладились, глаза сузились, иные громко вздохнули.

— Шаман наш жив! Шаман призывает духов земли успокоиться! — послышались возгласы радости.

Этот сильный удар действительно оказался последним, и после него на более слабые уже не обращали внимания. Люди у костра начали дремать. Их разбудил гул военного барабана соседнего стойбища, то короткие, то длинные удары которого чередовались друг с другом и прекрасно разносились в ночной тишине; им вторили более далекие других стойбищ. Все встрепенулись и слушали с напряженным вниманием. Когда эта зловещая музыка затихла, Амнундак сказал Горюнову с укором:

— Много наших жилищ разрушено в эту ночь. Убито несколько женщин и детей, поломаны кости у многих, попорчена утварь и оружие. Большая беда постигла нас, белые люди! Вы не захотели отвратить ее. Вот ваше жилище цело, а мое — развалилось.

— Потому что вы очень плохо строите свои жилища! — ответил Горюнов сердито. — Вот теперь построй-

те их попрочнее, и они не будут валиться и давить людей.

— Много поколений жило в наших жилищах, и никогда не бывало, чтобы они падали! — возразил вождь. — Нет, когда пришла беда, ничего не поможет, мы не колдуны.

Он хотел прибавить «как вы», но воздержался. Путешественники, впрочем, поняли его вполне.

В это время успокоившиеся воины наконец развернули обрушившийся первым навес землянки и вытащили старую Мату; она, конечно, была мертва. Ее дочь и две другие женщины развели отдельный костер в стороне, положили ее возле него и начали оплакивание по ритуалу, прославляя ее прижизненные добродетели. Остальные продолжали спокойно дремать у костра. По приказу Амнундака барабан разнес по стойбищам весть о разрушении землянки вождя и смерти одной женщины.

Приближался рассвет, и у путешественников глаза стали слипаться; землетрясение, очевидно, кончилось, и слабые удары ощущались все реже и реже. Землянка выдержала испытание, и в нее можно было вернуться. Когда путешественники, говорившись, поднялись и направились к своему жилищу, их провожали завистливые и частью враждебные взгляды некоторых пронесущихся онкилонов. Амнундак дремал, уткнув лицо в колени. За белыми людьми последовали только Аннуир и Раку, остальные же из женщин не двинулись с места, а Аннуэн еще раньше присоединилась к плачальщицам. Горюнов и Костюков оказались в роли покинутых.

После тревожной ночи все проснулись поздно; через щели двери пробивались уже солнечные лучи. Ярко пыпал огонь, и три сбежавшие женщины как ни в чем не бывало хлопотали над завтраком. Во время последнего у них произошло объяснение с мужчинами. Они признались, что, когда земля начала так сильно трястись, они испугались и подумали, что вот-вот земля треснет и белые люди увлекут их в подземное царство. Поэтому они перешли к своим. Это было глупо, но правдоподобно, и Горюнову пришлось, в который уже раз, объяснять женщинам, что белые люди не

колдуны и не подземные духи. Но по лицам трех беглянок видно было, что они не верят его словам.

Они сообщили также, что рано утром приходил шаман проводить Амнуундака и рассказал, что по дороге от его землянки лопнула земля и что он с трудом перескочил через трещину. Его жилище не разрушилось, добрые духи охранили своего служителя.

Это известие побудило путешественников заняться осмотром окрестностей; все воины были заняты раскопками и восстановлением землянки, и можно было обойтись без докучливого конвоя, особенно неприятного теперь, после ночного происшествия. Захватив ружья и оставив Горохова возле землянки для отвода глаз, трое остальных отправились прежде всего по тропе к жилищу шамана и вскоре наткнулись на трещину, протянувшуюся с востока на запад и достигавшую почти двух метров ширины; на дне ее виднелась осевшая земля с кустами и целыми деревьями; местами, где трещина проходила под толстым деревом, последнее было разорвано от корней на несколько метров вверх, и одна половина его стояла на одной стороне трещины, другая — на другой, а выше обе половины соединялись, и дерево уподоблялось человеку, стоящему, расставив ноги, над рвом. Местами вблизи трещины почва была покрыта выброшенным из нее мокрым черным песком.

Отсюда повернули на юго-запад к священному озеру, чтобы осмотреть его без свидетелей. По пути туда встретили около тридцати трещин разной ширины; через одни можно было перешагнуть, через другие приходилось прыгать с разбега. Одни были неглубоки, в других не видно было дна, но вглубь они постепенно суживались; брошенные камни показали, что на глубине нескольких метров в трещине стоит вода. Россынь у подножия окраинного обрыва котловины была усеяна свалившимися ночью крупными и мелкими обломками; в одном месте нашли барана, очевидно сброшенного толчком с большой высоты и разбившегося. Его, конечно, подобрали: он должен был оправдать перед вождем их экскурсию без конвоя.

Подойдя к берегу священного озера, путешественники остановились в изумлении — озеро исчезло. Вместо него видна была большая впадина вроде очень пло-

ской и неправильной воронки, усыпанная крупными и мелкими обломками черной лавы, покрытыми какой-то слизью; под обломками местами журчала вода притоков озера, по-видимому сильно сократившихся. Осторожно перебираясь по скользким плитам, исследователи добрались до жерла, находившегося недалеко от подножия обрыва; оно имело два-три метра в диаметре и круто уходило наискось под обрыв; вода из-под глыб быстро стекала в него небольшим ручьем.

— Ну, что вы скажете по этому поводу? — спросил Костяков, когда все трое остановились на краю черного зияющего жерла, уходившего в таинственную глубь.

— Я думаю, — ответил Ордин, — что землетрясение уничтожило то препятствие в подземном канале, например какой-нибудь коленообразный изгиб, который позволял воде озера стекать только периодически, по мере накопления.

— А не является ли сильное уменьшение притока в озеро главной причиной его исчезновения? — спросил Горюнов. — Вспомните, что сюда должна стекать вода всей котловины, и в прошлый раз мы видели целую речку, выходившую из леса и скрывавшуюся под россыпью. А теперь в жерло вливается ручей в какой-нибудь метр ширины и полметра глубины.

— Вероятно, трещины, образовавшиеся в почве котловины, перехватывают воду ручьев, прежде попадавшую сюда, — ответил Ордин.

— Если эти трещины не бездонны, они наполняются водой и потом могут восстановиться ручьи, а следовательно, и озеро? — спросил Горюнов.

— Возможно, что так.

— Это было бы желательно, и чем скорее, тем лучше, потому что, если онкилоны узнают, что их священное озеро исчезло, они будут перепуганы еще больше и припишут и это бедствие белым колдунам.

— Мы им, конечно, не расскажем!

— Но смотрите, не проговоритесь женщинам, где мы были.

— Понятно! Даже Горохову не скажем. Ходили на охоту, добыли барана, видели трещину — и баста.

От озера направились обратно и шли некоторое время вдоль окраины по опушке. В одном месте большая куча белых глыб и обломков, лежавшая у подно-

жия обрыва, привлекла к себе внимание. Когда подошли к ней, оказалось, что все это — лед, свалившийся от толчков с вершины обрыва; это показывало, что на верху местами есть хотя бы небольшие ледники. Но более интересно и важно было открытие трещины у самого подножия стены; она тянулась в обе стороны, насколько хватал глаз, то суживаясь, то расширяясь, и в ней на глубине пяти-шести метров стояла вода.

На дальнейшем пути вдоль окраины подходили к обрыву еще раза три и везде находили трещину у его подножия; по-видимому, на протяжении километров десяти, если не больше, дно котловины отделилось от ее западной окраинной стены.

Домой вернулись только после полудня, и на стойбище было уже замечено их отсутствие. Но вид каменного барака успокоил подозрительность онкилонов, и Амнундак пожалел, что оторвал нескольких воинов от работы, послав их на поиски чужестранцев. Развалины землянки были уже разобраны, место очищено, и онкилоны начали ставить остов из тех же бревен. Победав, путешественники явились со своими топорами с предложением укрепить остов так, чтобы землянка не валилась при каждом землетрясении на головы своих обитателей. Но, к их удивлению, онкилоны решительно отказались от помощи чужестранцев.

— Наши предки научили нас строить жилища,— сказал Амнундак,— и мы жили в них спокойно целыми поколениями. Мы не будем строить их иначе. Вот лучше сделайте, чтобы земля больше не тряслась, белые люди, тогда и жилища наши не будут разваливаться!

Никакие уговоры не помогли, и пример землянки путешественников не подействовал.

— Если бы в вашем жилище жили не белые колдуны, а онкилоны, оно бы тоже развалилось! — послышался голос из толпы строителей, столпившихся вокруг чужестранцев при переговорах.

И все остальные закивали головами и закричали:

— Так, так! Верно!

Пришлось вернуться в свою землянку, но обсудить положение здесь не было возможности — женщины уже достаточно понимали по-русски, и в их присутствии нельзя было говорить свободно, так как все сказанное должно было стать известным онкилонам.

Но чтобы посмотреть, на чью сторону станут их избранныцы, путешественники рассказали о своем предложении, о полученном отказе и его мотивах.

— Амнундак правильно рассудил! — воскликнула Аннуэн.

К ней присоединились остальные. Одна только Аннуир стала на сторону путешественников и принялась доказывать остальным на примере устройства их землянки, что глупо отказываться от помощи более умных людей.

— Они не умнее нас с тобой, а только колдуны! — в досаде воскликнула Аннуэн. — Пока они не пришли на нашу землю, наши жилища никогда не разваливались и земля не тряслась так. И если они только захотят, то земля больше не будет трястись.

Спор женщин, впервые со времени их совместной жизни, принял такой ожесточенный характер и три забывшиеся невежественные и суеверные противницы Аннуир стали говорить такие глупости, что мужчины пожалели, что затеяли этот разговор. Впрочем, это имело и благие последствия, как мы узнаем далее.

Чтобы угомонить женщин, Ордин позвал Аннуир с собой собирать ягоды в лесу. Сейчас же и четыре другие заявили, что настала пора запасать ягоды на зиму, и, захватив туеса — цилиндрические сосуды из бересты с крышкой, которая вставляется очень туго и имеет ручку, за которую сосуд можно нести, — тоже отправились в лес, но в другую сторону. Три путешественника остались одни и воспользовались случаем, чтобы поговорить на свободе.

— Мне кажется, — сказал Горюнов, — что нам не придется зимовать здесь. Отношение онкилонов становится явно недружелюбным.

— Да, — подтвердил Костяков, — и если произойдет еще что-нибудь скверное, например новое землетрясение, или буря, или нападение вампу, нам лучше уйти незаметно и поскорее.

— Ничего, обойдется, товарищи! — заявил Горюков. — Не всякий же день земля трястется. И зимовать будем!

— Никите здесь очень нравится, — насмешливо сказал Костяков.

— Конечно, нравится! Чем здесь не житье? Еды и волю, теплота, скоро женимся, будут жены хорошие.

— Вот в чем дело! — протянул Горюнов и замолчал. Стало ясно, что Горохов в случае конфликтов, пожалуй, встанет на сторону онкилонов или выберет нейтральную позицию. Наступило тягостное молчание. Вскоре Горохов встал и вышел из землянки.

— Я боюсь, — сказал Горюнов, — что, если нам придется бежать отсюда спешно и тайком, Никита не захочет с нами идти и, может быть, выдаст наши намерения онкилонам.

— Ну что вы? С чего вы это взяли? — удивился Костяков. — Ведь он тоже колдун, как и мы, и если нам станет опасно оставаться, то и ему тоже.

— Не совсем так. Я заметил, что онкилоны отличают его от нас. Кожа у него смуглая, тип более близкий к ним, говорит на их языке. Белым его назвать нельзя, не так ли?

— Пожалуй! Но все-таки он пришел с нами, живет с нами, имеет те же молнии и громы и прочие диковинные вещи.

— И все-таки положение его несколько иное. Мое внимание обратил на это Ордин, а ему сказала Аннуир. Во всяком случае, нам не мешает быть не вполне откровенными с Никитой.

— Вы правы! А вот что мне кажется: сегодняшняя свара женщин показала, что в Аннуир мы имеем союзницу.

— Да, она безумно любит Ордина, и через нее мы можем узнавать планы онкилонов. А это будет, может быть, очень полезно.

— Интересно знать, в случае если нам придется бежать, пойдет она с нами или нет? Один раз она отказалась, помните, там, на гребне, когда мы смотрели на море?

— Ну это было вначале. А теперь она, пожалуй, пойдет за Ордина на край света.

Возвращение Горохова заставило прекратить разговор. Горюнов и Костяков вышли за дверь посмотреть, как идет постройка.

Оказалось, что остов уже поставлен, и женщины начали его обкладывать дерном, который частью набрали

из развалин, частью нарезали свежий. К ночи род, очевидно, мог уже устроиться на новоселье.

К вечеру вернулись четыре женщины, набравшие полные туеса дикой малины и черники.

Потом пришел и Ордин с Аннуир, у которой ягод было мало, а глаза заплаканы; при виде ее жалкого сбора остальные захихикали и стали спрашивать, что же она делала в лесу.

— Я ее бранил за то, что она ссорилась с Аннуэн! — заявил Ордин.

Аннуир в изумлении вскинула на него глаза и покраснела, насколько это было возможно при ее смуглой коже. Аннуэн, видимо, была польщена, и мир в землянке водворился.

Когда все женщины в сумерки пошли доить оленей, Ордин хотел было завести разговор о событиях дня, но Горюнов успел ему шепнуть, чтобы он пока воздержался, указав глазами на Горохова, сидевшего на своей постели.

Положение осложняется

Внезапно снаружи раздался знакомый всем протяжный вопль онкилонов, повторенный несколько раз, а затем загрохотал военный барабан. Встревоженные путешественники выбежали из землянки и увидели, что онкилоны собирались у жилища Амнундака вместе с женами и детьми; сумерки и сгущавшийся туман мешали видеть, что они делают, а зловещий гул барабана — слышать что-нибудь. Они пошли было туда, но наткнулись на бежавшую к ним Аннуир, которая, задыхаясь, проговорила:

— Не ходите туда, вернемся в наше жилище, пока женщин нет.

Она побежала вперед, путешественники за ней. Когда они вошли в землянку, Аннуир рассказала, что воины, посланные на розыски путешественников, обнаружили, что священное озеро исчезло, и заметили также следы ног белых людей на плитах обсохшего дна. Отпечатки ног на мягким иле, покрывавшем плиты, не могли ускользнуть от внимания опытных следопытов. Они поспешили назад и сказали Амнундаку, что белые колдуны были у священного озера и высушили его. По

этому поводу и был вопль, а барабан передает эту страшную весть по стойбищам.

— Напрасно вы туда ходили без онкилонов! — укоризненно сказал испуганный Горохов.— Теперь они не поверят, что не вы высушили озеро.

— Что же они думают делать? — спросил Ордин.

— Они сами не знают, что предпринять; они перепутаны. Воины видели тоже, что вся земля полопалась,— ответила Аннуир.— Вождь послал уже за шаманом и велел пригнать жертвенного оленя.

— Значит, будет ночное моление и вопрошание духов! — сказал Горюнов.— И каково будет внушение, которое получит шаман от духов, неизвестно. Может быть, он скажет, что нас всех нужно принести в жертву духам, чтобы умилостивить их?

— Онкилоны не приносят в жертву людей,— заявил Горохов.— Этого нам бояться нечего. Я думаю, шаман скажет, что мы должны уходить поскорее отсюда.

— Ну, это еще не беда! Уйти можно, хотя еще не время идти через льды, море вскрывается все шире,— сказал Горюнов.

— Да, не время, и никуда нам уходить не следует! — прибавил Горохов.— Я с ними поговорю, может, дело уладится как-нибудь.

Он вышел из землянки; Аннуир, немного помедлив, шмыгнула вслед за ним, так как Ордин шепнул ей что-то на ухо.

Пользуясь отсутствием Горохова и женщин, Горюнов передал Ордину содержание дневной беседы относительно Никиты, а Ордин рассказал, что он действительно побранил Аннуир за то, что она слишком горячо стала на сторону чужеземцев и поссорилась с остальными женщинами. Он дал ей понять, что в интересах этих чужеземцев, чтобы она не ссорилась со своим племенем, иначе от нее будут все скрывать, а между тем им ввиду обнаружившегося враждебного отношения онкилонов необходимо иметь верного человека из их среды, который мог бы узнавать своевременно их намерения и планы.

Но плакала Аннуир не из-за этого выговора, справедливость которого она прекрасно поняла, а из-за предстоящего в близком будущем бегства чужеземцев.

Она все еще колебалась, как ей поступить в этом случае: племенная связь была еще сильна, а мысль о чужой стране страшна.

— Теперь она хорошенько обдумает этот вопрос,— закончил он,— свыкнется с мыслью и пойдет с нами. Она меня очень любит, и я ее тоже, и расстаться с ней было бы мне очень тяжело.

— А Горохов, того и гляди, сам останется здесь! — прибавил Горюнов.— Ему эта сытая и спокойная жизнь очень нравится.

— Ну, если события будут развиваться дальше так, как я предполагаю, то о спокойной жизни на этой земле говорить не придется,— сказал Ордин.

— Что же вы предполагаете?

— Знаете, где мы были с Аннуир? Мы дошли до следующей поляны, где находится одно из пузыряющихся озер с периодом в полчаса. Мы просидели возле него больше часа и не видели ни разу поднятия пузыря и выхода пара.

— Вот оно что!

— Сопоставляя это с исчезновением священного озера и с многочисленными трещинами в почве, не трудно сделать вывод, что землетрясение сильно нарушило подземный режим этой котловины. И мне становится жутко...

— Как онкилонам! — прервал его Костяков со смехом.— Если одно озеро вытекло, а другое перестало пузыриться, то нам от этого ни тепло, ни холодно. Все прочее ведь осталось.

— Подождите смеяться. Нам может сделаться очень холодно,— продолжал Ордин серьезно.— Чем обусловлен чудесный теплый климат этой котловины среди полярных льдов? Исключительно подземным жаром, выделяющимся еще из недр погасшего вулкана. Без этого тепла котловина была бы погребена доверху под массами льдов из постепенно накаплившихся снегов.

— А-а-а! — протянул Костяков, и лицо его стало серьезным.

— Да! И землетрясение, нарушив подземный режим, то есть замкнув трещины, выводящие тепло из недр, может обусловить в ближайшем же будущем резкое изменение климата котловины...

— И гибель всех животных, растений и людей! — прервал его Горюнов.

— Да, гибель всего живого уже в течение предстоящей зимы. Мы знаем, какая мягкая была здесь зима, позволявшая животным добывать корм из-под снега.

— Но ведь главный жар дает северная часть котловины, а не пузырящиеся озера. Там, может быть, все осталось по-старому?

— Сомневаюсь. Первое землетрясение мы испытали именно там. Возможно, что еще не все трещины, выводившие кипящую воду и пар, закрылись. В таком случае изменение климата будет не такое резкое. Но кто поручится, что следующее землетрясение не докончит эту работу?

— Знаете, нам необходимо еще раз посетить долину Тысячи Дымов и выяснить, что там произошло.

— Да, это было бы полезно. Но я боюсь, что Амундак не пустит нас.

— Почему же?

— Потому что первое землетрясение случилось как раз, когда мы были там. При суеверии онкилонов...

— Понимаю. Ну пойдем тайком, все равно дружба у нас испорчена, хуже не будет.

— Но без конвоя страшновато. Можем встретиться с вампу, — заявил Костяков.

— Они убегут от первого выстрела, а от засады и ночью нас уберегут собаки. Если идти налегке, можно обернуться в два дня и ночевать у последней воды. Очень далеко забираться в долину Тысячи Дымов и не придется — сразу будет видно, продолжается ли выделение паров и кипящей воды.

— Правильно! — решил Горюнов. — Завтра же в путь, да пораньше. Горохова опять оставим здесь и женщин, конечно, также.

— Нет, Аннуир я хотел бы взять с собой.

— Зачем это? Она стеснит нашу свободу.

— Нисколько, ходок она прекрасный, и, кроме того, если мы пойдем одни, это возбудит подозрение онкилонов, через стойбища которых придется идти. Аннуир будет играть роль конвоя.

— Баба в качестве конвоя при трех мужчинах! — рассмеялся Костяков.

— Ну, проводника, соглядатая онкилонов, как хотите. На тех стойбищах еще не знают, что у нас отношения с Амнундаком испортились. Кроме того, она хорошо знает дорогу к последнему стойбищу, откуда она родом, и действительно будет проводником, сбережет нам время.

— Вы опять правы! Значит, решено: завтра чуть свет в путь! И велите Аннуир потихоньку приготовить нам провизии на дорогу.

— А Горохову ни слова! Приготовим сейчас наши котомки и ружья, пока никого нет.

Едва путешественники успели сделать это, как в землянку вбежала запыхавшаяся Аннуир.

— Никита много говорил Амнундаку и воинам,—сказала она торопливо,—говорил, что земля больше не будет трястись и лопаться, что священное озеро вернется назад и что все будет опять хорошо. Онкилоны сердятся, зачем белые люди делают это. «Мы им все дали: и жилище, и пищу, и молодых жен, а они не хотят сделать нам доброе». А женщины кричат: «Отнимите у них громы и молнии, и пусть они идут туда, откуда пришли. Без них мы жили спокойно». И Никита опять им начал говорить, а они твердят свое. Амнундак решил: вот придет шаман, помолится, как скажет — так и сделаем.

— Никита неосторожно наобещал им то, что может и не случиться, — сказал Горюнов.

— И в конце концов дело решит шаман независимо от этих обещаний Никиты, — прибавил Костяков.

— Я думаю, что шаман тоже прислушивается к «голосу народа», — заметил Ордин. — Это хитрый старик. Вспомните, когда он волхвовал в день нашего прихода, он заявил от имени духов, что бедствия, может быть, не начнутся, пока белые люди остаются у онкилонов. Он оставил себе лазейку и оказался прав.

Вошел Горохов и сказал:

— Я их немного успокоил, а сначала они очень сердились, а хуже всего бабы. «Гоните их, нас то есть, в шею, — кричат, — мы им и жилище, и пищу, и посуду всякую дали, и лучших девушек своих не пожалели, а они вот что нам делают!» И голосят, и голосят! Насилиу их Амнундак шаманом успокоил: придет, мол,

и рассудит, как быть с ними. Сейчас пришел шаман, и мне велели уйти.

— А мы надеялись, что будем присутствовать при молении,— сказал Горюнов.

— Никак нельзя,— ответил Горохов.— Шаман, как подошел, увидел меня и сказал Амнуундаку, чтобы белых людей на молении не было.

— Значит, будет суд в отсутствие подсудимых! — усмехнулся Костяков.— А женщины могут пойти?

— Они уже все там. От них и узнаем прежде всего, что скажет шаман.

Горохов, очевидно, не заметил Аннуир, когда вошел в землянку, а она за его спиной тихонько шмыгнула за дверь, как только услышала, что пришел шаман.

— А знаете ли, какой холод на дворе? — прибавил Горохов, присаживаясь к огню и протягивая к нему руки.— Я совсем окоченел, пока там разговаривал. Густой туман, и холодный, словно у нас в Казачьем.

Ордин многозначительно переглянулся с Горюновым, и оба вышли на воздух.

Их охватил такой холод, какого они давно не испытывали; температура, наверное, была едва выше нуля. И тьма была такая, что в двух шагах нельзя было различить друг друга. Свет от костра, выходивший из дымового отверстия землянки, едва освещал висевший в воздухе густой туман.

Из жилища вождя уже доносился грохот бубна и глухой голос шамана.

Собаки, почувствав хозяев, подбежали и стали визжать и проситься в землянку.

— Эге, и они отвыкли от холода! — сказал Ордин.— Ничего, привыкайте, скоро вернетесь на ходинскую родину.

— Но завтра мы идем на север? — спросил Горюнов.

— Вот узнаем, что вымолит шаман у богов. Может быть, придется в эту же ночь, пользуясь туманом, бежать отсюда.

— Едва ли мы найдем дорогу ночью!

— А эти твари на что? Они поведут нас,— ответил Ордин, лаская Крота, вертевшегося у его ног.

Когда они вернулись в землянку, Горохов укладывался спать от нечего делать. Выждав, пока он захра-

пел, путешественники переговорили с Костяковым относительно возможного бегства ночью и отобрали пожитки, которые нужно было взять с собой. Затем уселись к огню в тягостном ожидании возвращения женщин с моления.

Наконец явилась Аннуир, присела к огню и, пристально глядя в него, сказала со слезами на глазах:

— Худо будет онкилонам, шаман говорит. Холод, вода, огонь. Сбывается предсказание предков. Белые люди пришли, бедствия начались. Белые люди уйдут, бедствия останутся. Если могут — пусть помогут. Будем молиться, жертвы приносить. Нехорошо говорил, не складно говорил. Три раза начинай моление. Теперь лежит, как мертвый, онкилоны сидят, ждут, не скажет ли лучше.

Но путешественники остались довольны результатами волхвования. Их, по крайней мере, прямо не назвали виновниками бедствий, не требовали, чтобы они прекратили их, не изгоняли немедленно из своей среды. А если бедствия дадут передышку на целые недели или даже месяцы, онкилоны успокоятся и можно будет мирно доживать свое время и уйти, когда это будет удобно.

— Аннуир, — сказал Ордин, — завтра рано-рано мы пойдем в долину Тысячи Дымов, и ты пойдешь с нами. Но другим ничего не говори.

— Зачем вы опять идете в это нехорошее место?

— Нужно посмотреть, что там делается, скоро ли кончатся бедствия онкилонов.

— Как вы узнаете это? Шаман не знает, а вы знаете!

— Пойдешь с нами — и ты узнаешь, мы тебе расскажем. Пойдем через стоянку твоего рода, ты знаешь самую прямую дорогу?

— Как не знать, сколько раз ходила.

— И в туман дорогу найдешь?

— Постараюсь, для тебя все сделаю.

— Ну тогда ложись спать, вставать нужно рано.

Только что они улеглись, как явились остальные четыре женщины. При виде пустой землянки они сначала испугались, подумали, что белые люди тайком бежали, но сейчас же заметили спящих и, погревшись немного у огня, разошлись по своим местам, откуда

Вскоре послышался тихий говор. Путешественники наутро узнали, что шаман, очнувшись, сказал, что белые люди не должны уходить, а то будет хуже. Поэтому и женщины вернулись к ним.

Черная пустыня

Чуть свет три исследователя и Аннуир, одевшись потеплее и захватив котомки и ружья, отправились в путь. Горохову они оставили записку, что пошли на осмотр озер и вернутся только на следующий день, а его оставили онкилонам в залог своего возвращения. Туман был очень густ, но Аннуир быстро нашла прямую тропу к дальним стойбищам и уверенно вела своих спутников. Холод заставлял их идти быстро; на траве повсюду лежал иней, и одно из озер, мимо которого прошла тропа, оказалось покрытым тонким льдом у берегов.

— Никогда еще у нас не было так холодно в это время! — заметила Аннуир при виде льда.

— Вот мы и идем в долину Тысячи Дымов, чтобы узнать, почему стало так холодно, — пояснил ей Ордин.

Туман рассеялся только к полудню, когда путники дошли до последнего стойбища, где сделали привал для обеда. Оно тоже развалилось при землетрясении, но было уже почти восстановлено. Его население встретило белых людей дружелюбно; до него не дошли еще настроения и подозрения, развившиеся накануне в роде Амнундака. Они знали об исчезновении священного озера и были встревожены, но барабан не передал, что в этом винят пришельцев.

Присутствие Аннуир, которую ее родня любила, устранило всякое подозрение, что белые люди бежали, а когда три воина, узнав, куда лежит путь, предложили себя в конвоиры и это не было отвергнуто, не осталось даже мысли об отлучке без согласия вождя.

Отдохнув, отправились дальше. Солнце уже пригревало, но день производил впечатление осеннего, а не летнего. Пошли кратчайшим путем на север и часа через три достигли пояса скучной растительности, а немного позже вступили в пустынную местность. Происшедшая в ней перемена была заметна уже за несколько километров — не видно было многочисленных

столбов белого пара на горизонте и вдали отчетливо рисовалась черная стена окраины котловины. Когда вступили в пределы долины Тысячи Дымов, все были поражены. Не осталось ни одного из тысячи столбов, оживлявших местность своими клубами и радугами; в кипящих озерах вода или исчезла, или стояла спокойно, хотя была еще горяча. Повсюду, насколько хватал глаз, расстилалась голая, черная безжизненная пустыня из лавы с ее шлаковатой поверхностью, пересеченной в разных направлениях трещинами; от нее шел теперь сухой жар, и проносившийся по временам ветерок, подобный дыханию из огромной хлебопекарной или металлической печи, вздывал черную пыль и крутил ее смерчами по мертвой равнине. Накаленный воздух струился по ее поверхности и становился непрозрачным, так как черные обрывы окраины казались плавающими на поверхности обширного озера и приобретали фантастические очертания. Казалось, что за озером на самом берегу его возвышался огромный город.

С изумлением все созерцали происшедшую перемену; онкилоны были из тех, которые сопровождали путешественников в прошлый раз, и им стало жутко. Они перешептывались и наконец спросили:

— Где же тысячи дымов, которые мы видели здесь? Где озерки, в которых мы варили мясо? Что это значит, скажите, белые люди? Почему подземные духи перестали варить и топить там, в глубине? Умерли они, или заснули, или ушли в другое место?

Горюнов объяснил им при помощи Аннуир, что все это — последствия землетрясения. Они поняли только наполовину и сделали вывод, неожиданный, но правильный.

— Значит, нам далеко, как прошлый раз, ходить не нужно?

Действительно, проникать в глубь черной пустыни не было надобности, да и было бы очень трудно. В на-каленном воздухе было трудно дышать. В прошлый раз многочисленные столбы пара, испаряясь в атмосфере, несколько понижали температуру; было жарко, как в бане, но терпимо.

Бросив последний взгляд на мертвую пустыню и маячивший вдали фантастический город, повернули обратно и на закате остановились на ночлег у первого из

озер в полосе растительности. Здесь было еще тепло — северный ветерок приносил жар из пустыни. Расположившись у костра и поджаривая мясо, стали обсуждать положение. Аннуир беседовала со своими родичами, и путешественники могли говорить свободно; они были встревожены.

— Какие выводы можно сделать из того, что мы видели сегодня? — спросил Горюнов.

— Мне кажется, очень серьезные, — ответил Ордин. — Мое предположение, что землетрясение сильно изменило подземный режим котловины, к сожалению, оправдалось полностью, и грелка Земли Санникова, как с полным основанием можно назвать долину Тысячи Дымов, испортилась. Почва в ней еще горяча, но она скоро остынет, и в ближайшее же время начнется замерзание котловины, и этот оазис среди полярных льдов быстро исчезнет.

— И ничего другого ожидать нельзя? Это единственный возможный результат? — спросил Костяков.

— Нет, он был бы единственным, если бы последовулканическая деятельность, выражавшаяся в этих фумаролах, кипящих и пузырящихся озерах, умирала естественной смертью, постепенно ослабевая. Но тогда и гибель жизни в котловине шла бы очень медленно, может быть, целые десятилетия; зимы становились бы мало-помалу суровее и длиннее, животные, растения и человек долго боролись бы с этим ухудшением жизненных условий.

— А теперь они осуждены на гибель в течение одной зимы?

— Да, если не случится в ближайшие же недели или месяцы восстановления грелки.

— Почему же она может восстановиться?

— По-моему, не может, а должна. Землетрясение закрыло трещины, по которым выделения из потухшего или заснувшего — этого мы не знаем — вулкана в виде паров и газов, весьма обильных, прорывались на поверхность. Эти выделения не прекратились, им только отрезан путь вверх; в глубине они накапливаются и рано или поздно должны найти себе выход; чем позже это случится, тем катастрофичнее будет прорыв. Поэтому нужно пожелать, чтобы поскорее случилось еще землетрясение, которое откроет парам и газам старые или же новые пути вверх; это будет самый безболезненный способ разрешения кризиса, потому что если

пары и газы, накопившись до крайнего напряжения, начнут сами прокладывать себе выход, то это может даже кончиться восстановлением вулкана, то есть гибелью населения, но уже не от холода, а от огня.

— Вот так история! — воскликнул Костяков. — Несчастные онкилоны, им все равно погибать так или иначе!

— И единственное спасение — в новом землетрясении! — сказал Горюнов. — А они молят богов, чтобы земля больше не тряслась.

— Да, в новом и скорейшем. Так как если оно случится только будущей весной, то уже мало поможет: большинство животных не переживает зиму с морозами в сорок — пятьдесят градусов и многодневными пургами; онкилоны в землянках могут ее пережить — дров здесь достаточно, но будущим летом они начнут вымирать от голода, так как вся крупная дичь исчезнет.

— А перелетные птицы, а водяные орехи, грибы, ягоды, корешки? Вы смотрите слишком мрачно.

— Ну, пожалуй. Все-таки попытаться им придется меньше и хуже. Разве что займутся хлебопашеством, огородничеством, разведением рыбы, скотоводством. Но для этого им нужно доставить семена, орудия и научить их.

— Следовательно, вернувшись домой, мы должны сказать шаману и Амнуундаку, что нужно молить богов о скорейшем землетрясении? А если оно создаст новые пути в южной части котловины?

— Это, конечно, будет хуже, потому что погибнет более или менее крупный участок растительности, может быть, оленьи пастища, поляны, землянки. Но все-таки это лучше, чем полная гибель от холода.

— А что делать нам? — спросил Костяков.

— Нам нужно протянуть время возможно дольше и уходить из котловины в крайнем случае, — ответил Ордин.

— Поживем — увидим, что будет дальше, как изменится погода, каково будет настроение онкилонов. Оставаясь, мы рискуем меньше, чем в случае преждевременного ухода, — подтвердил Горюнов.

Утомленные далеким переходом, путники скоро и спокойно заснули.

Онкилоны по очереди караулили.

Жертвоприношение

На следующий день путешественники, миновав последнее стойбище, довольно рано возвратились домой. Во круг землянки вождя они увидели скопление онкилонов, окруживших воинов соседнего стойбища, которые только что привели пленного вампу.

Они рассказывали, что в этот день утром, отправившись на охоту, они наткнулись на пять вампух, по-видимому, разведчиков, высматривавших возможность похищения оленей. Их настигли недалеко от стада; произошла стычка, во время которой двух вампух убили, два успели бежать, а одного раненого взяли в плен и привели в подарок чужестранцам. Воины знали, что последние собирают шкуры и черепа диких животных, во время последней экскурсии в долину Тысячи Дымов взяли череп и кости вампух, съеденного волками, и решили, что живой вампух еще лучше годится для той же цели. Пленник стоял с крепко связанными назад руками, покрытым кровью из нескольких ран от копий и стрел, и, по-видимому, едва держался на ногах; его обступили сплошным кольцом женщины и дети, которым приходилось видеть вампух очень редко. Теперь они могли вволю насладиться на живого вампуха.

Когда путешественники заявили, что вампух интересен для них, пока он живой, Амнундак распорядился, чтобы его привязали к дереву. Путешественники решили поторопиться сделать все измерения, которые их интересовали, снять фотографии, а затем попросить вождя отпустить вампуха.

Пленник был еще молодой, мускулистый, как все эти первобытные люди. Измерениям черепа, конечно, мешала спутанная грива волос, наполненных многолетней грязью, и Горюнов решил остричь его. Когда он подошел к вампуху с блестящими ножницами, последний подумал, что его собираются зарезать, и испустил дикий вопль. Операция стрижки производилась под взглядами целой толпы онкилонов, окружившей дерево; им никогда еще не приходилось видеть подобное, и сам инструмент был им незнаком. Пленник принял это за прелюдию к каким-нибудь истязаниям и старался схватить своими крепкими зубами руку мучителя, так что пришлось завязать ему рот. Блестящие инстру-

менты для измерения черепа привели его в трепет; эти измерения, а также обмер тела он, конечно, счел за какие-то колдовские манипуляции, в результате которых с ним должно было произойти что-то очень скверное. Наконец, когда принесли и поставили перед ним на блестящем треножнике какой-то черный предмет и раздался щелк затвора, он закрыл глаза, вообразив, что сейчас его поразит молния. Поэтому, когда его наконец оставили в покое и с ним ничего не случилось, он, видимо, был удивлен.

Онкилоны с громадным интересом следили за всеми этими операциями; измерения головы и тела были им уже знакомы, так как сначала женщины, а затем и некоторые воины и дети были уже подвергнуты им, и они заканчивались тем же черным предметом на блестящей треноге, значения которого они не могли понять.

Когда все было кончено, Горюнов попросил вождя отпустить пленника на волю, но получил решительный отказ.

— Сегодня вечером у нас опять будет моление, и шаман узнает решение духов, должен ли вампу умереть, — заявил Амнундак. — До сих пор мы пленных не отпускали никогда.

Уже смеркалось, и путешественники, утомленные далекой экскурсией и историей с пленником, были рады вернуться в свою чистую землянку и расположиться у пылающего огня. Туман уже стущался, и снова становилось холодно. От Горохова они узнали, что и накануне и в этот день туман держался до полудня, а потом, несмотря на то, что солнце было видно, все время было холодно, «как у нас в Казачьем в эту пору». В этот день был замечен отлет стрижей на юг, а гуси и утки также собирались к отлету, побуждаемые наступлением холода. После двух морозных ночей трава на полянах поблекла и легла, а листья на деревьях, не желтея, начали падать. Онкилоны были удивлены и говорили, что такие холода и туманы у них бывали только целым месяцем позже, а птицы улетают теперь также раньше обычного времени. По поводу холода в этот вечер и было назначено моление.

Когда стемнело, Горохов пошел узнать, не пришел ли шаман и могут ли белые люди присутствовать на

молении; он вернулся с известием, что в этот раз моление будет только в присутствии воинов и даже женщины и дети будут удалены из землянки.

Ввиду холода Амнундак просил белых людейпустить женщин с детьми на это время в их жилище.

— Мне пришло в голову, что они затевают что-то недоброе! — сказал Ордин при этом известии.— Они удаляют всех женщин, чтобы мы не могли узнатьничего через них.

— Возможно! — ответил Горюнов.— Но помешать им мы не можем, и остается только быть настороже. А вот спросите Аннуир, бывают ли у них моления подобного рода.

Аннуир сообщила, что подобные моления бывают перед походами против вампу.

Вскоре землянка наполнилась женщинами и детьми, пришедшими коротать время своего изгнания у костра белых людей. Они и раньше бывали здесь в гостиах, особенно во время отлучек чужестранцев; но теперь, явившись целым родом, были смелее, принесли с собой палочки с мясом, лепешки и начали готовить ужин; их смех и шутки, взвизгивание детей, плач младенцев наполнили землянку. При взгляде на этих веселых и беззаботных людей, недавно еще предлагавших гнать в шею чужеземцев и винивших их в бедствиях, предсказанных предками, а теперь болтавших и шутивших с теми же чужеземцами, путешественники не могли не подумать о том, что видели накануне в черной пустыне и что грозило близкой гибелью этому первобытному племени, если положение не изменится.

— Я все думаю и не могу решить, — сказал Горюнов Ордину, уединившемуся с ним в углу землянки, когда смех и шутки женщин начали надоедать, — не могу решить, должны ли мы сказать онкилонам о грозящей им гибели и предложить им уходить вместе с нами на юг.

— Я тоже думал об этом, — ответил Ордин, — но решил, что это преждевременно. Сейчас море открыто и идти им, не имея лодок, некуда. А кроме того, неизвестно, оправдаются ли и в каком виде мои опасения; если восстановится так или иначе грелка Земли Санникова, все может измениться к лучшему, может быть, на целые десятилетия.

— А если грелка не восстановится и на наших глазах начнет надвигаться зима?

— И все-таки говорить им ничего не придется. Куда они могут идти через льды в полярную ночь, без достаточно теплой одежды, без топлива, без оленей, которые погибнут от голода через несколько дней пути по льдам? Нет, эту зиму они кое-как переживут, а весной, когда увидят, что снега не тают, что животные погибли, сами могут додуматься до необходимости уйти отсюда.

— Верно! А весной мы можем вернуться сюда с большой экспедицией, которую пошлет академия, чтобы изучить землю и ее население, прежде чем снега окончательно заполнят котловину. Тогда легче будет устроить и уход онкилонов, они поверят в его необходимость.

— А теперь они будут только требовать от нас, чтобы бедствия прекратились!

После ужина женщины по просьбе Горохова устроили пляску. Детей со старухами рассадили по углам, а сами, разоблачившись, по обыкновению, донага, взявшись за руки, пошли хороводом вокруг огня. Пляска состояла в подпрыгивании, поднимании то правой, то левой ноги, в движениях рук, изгибах туловищ в разные стороны под аккомпанемент припева простой мелодии. Такими плясками женщины развлекали себя и мужчин в долгую полярную ночь, когда надоедало однообразное сидение в землянке. Сначала припев и движения были медленные, словно плясали нехотя, но постепенно стали живее, и, наконец, женщины завертелись так быстро, что у зрителей зарябило в глазах и зазвенело в ушах от топота ног, хлопанья в ладоши и взвизгиваний. Смуглые тела извивались в бешеной пляске, косы развевались, ожерелья подпрыгивали на груди, запястья мелькали взад и вперед, глаза разгорелись, губы раскрылись, обнаруживая блестящие белые зубы. Наконец, дойдя до изнеможения, все попадали на землю и растянулись в разных позах вокруг огня, тяжело дыша и поправляя свои пояски. Черно-синие линии татуировок выделялись теперь особенно резко на покрывшихся потом телах, и можно было видеть прихотливые узоры, цветы, листья, солнца, головы животных, изображенные фантазией первобытных художни-

ков — старух, занимавшихся этим делом на телах девушки в долгую полярную ночь и ставшихся превзойти друг друга в замысловатости этих украшений. Мы уже описали татуировку женщины со змеями — второй же ля Амнундака; у Аннуир тело спереди было покрыто листьями и цветами разных фасонов, а сзади между лопатками сияло солнце, лучи которого расходились до шеи, плеч и поясницы; ниже последней были изображены две луны, обращенные рогами друг к другу. Рука была покрыта зигзагообразными линиями спереди и волнистыми сзади, причем на лопатках и ниже поясницы эти линии закручивались спиралью. Девушки щеголяли друг перед другом замысловатостью узоров на своем теле, а молодые воины на весеннем празднике также оценивали своих избранниц с этой точки зрения.

Отдохнувши, женщины уселись большим полукругом позади огня против путешественников и затеяли игру; сидевшая на правом фланге шлепнула левой рукой соседку по спине с возгласом «первая»: та продела-ла то же со своей соседкой слева с возгласом «вторая»; так волна шлепков прокатилась дальше до левого фланга; если какая-нибудь сбивалась в счете, ее тузили справа и слева при общем хохоте. С левого фланга волна шлепков, но другой рукой, пошла обратно, опять со счетом, начиная с первой, но на половине полукруга скрестилась с новой волной, шедшей справа; таким образом, легко было сбиться в счете, что давало повод к частым потасовкам, к всеобщему удовольствию. Когда эта забава надоела, перешли к другой: женщины присели на корточки и, вытянув вперед руки, одновременно протягивали к огню правые ноги, а затем, очень быстро подтянув их назад, протягивали левые; если какая-нибудь опаздывала или протягивала не ту ногу, соседки при общем смехе опрокидывали ее на спину, и обе ноги ее мелькали в воздухе. Эта игра так раззадорила женщин, что скоро они начали опрокидывать друг друга без всякого повода, и кончилось тем, что все они лежали на земле ногами к костру и хохотали.

— Эти пляски и игры, — заметил Горюнов, — прекрасная гимнастика, чтобы размять отекшие от долгого сидения члены в долгую полярную ночь.

— Да, мужчины ходят на охоту, стерегут оленей, рубят дрова, а женщины обречены на домашние работы в землянке, — подтвердил Ордин.

— Первая игра называется у них «ожерелье», а вторая — «лягушки»; есть еще третья, «испытание», она спокойная, — сказал Горохов и прибавил, обращаясь к женщинам:

— Покажите нам «испытание»!

Женщины присели по местам.

— А кто у нас с прошлой зимы осталась терпеливой? — послышался вопрос. — Ты, Анну?

— Я! — заявила Аннуэн.

— И я тоже в своем роду! — заявила Аннуир.

— Ты здесь чужая, и тебя нужно сначала испытать, правда ли, что ты терпеливая. Ложись первая, — решили женщины.

Принесли шкуру, положили ее недалеко от костра среди полукруга, и Аннуир вытянулась на ней навзничь. Аннуэн взяла чашку, наполнила ее до краев водой и поставила на живот лежащей, затем присела у ее ног и стала щекотать ей подошвы. Остальные женщины начали громко считать. Испытание состояло в том, что лежащая, несмотря на щекотание, должна была лежать настолько смирно, сдерживая даже дыхание, чтобы из чашки не пролилось ни капли воды, пока не окончится счет до десяти. Хотя у онкилонок подошвы были огрубевшие от ходьбы босиком, но испытание, однако, выдерживали немногие, тем более что женщины нарочно считали очень медленно. Выдержанная получала титул терпеливой и право щекотать подошвы всех нетерпеливых.

Аннуир в этот раз не выдержала и на девятыи захотала; правда, ее соперница в любви Ордина щекотала очень сильно.

— Ну вот ты и соврала! — заявила последняя злорадно. — Никогда ты не была терпеливой.

— Может быть, и ты не была! — запальчиво возразила Аннуир.

— Другие знают! А если не веришь, можешь испытать меня и даже большим терпением, — гордо заявила Аннуэн...

— Да, она может и это! — подтвердили другие.

— Ну-ка, покажи, Аннуэн! — сказал Ордин.

Аннуэн легла на место Аннуир, а последняя, дополнив чашку, поставила ее выше живота, под груди, и стала щекотать живот возле пупка — место самое чувствительное. Но Аннуэн лежала как каменная и выдержала испытание.

— Попробуй-ка выдержать это! — сказала она насмешливо, поднимаясь, и выплеснула воду из чашки прямо в лицо Аннуир. Это была привилегия выдержавших большое испытание; Аннуир только обтерлась молча и отошла, пристыженная.

Одна за другой ложились женщины, и Аннуэн всех доводила до смеха, одних раньше, других позже, и основательно обливала водой, прежде чем они успевали подняться, к общему удовольствию остальных.

Не выдержавшие испытания потом сушились у костра и хохотали, глядя, как со следующими происходило то же. Выдержала только еще одна из женщин, и, когда все прошли через испытание, Аннуир пожелала подвергнуться ему вторично, но с тем, чтобы ее испытывала новая «терпеливая». Аннуэн протестовала, но остальные, зная их соперничество, нашли, что Аннуир вправе требовать повторения, раз она прежде была терпеливой. Аннуир согласилась даже на большое испытание и храбро выдержала его, но не воспользовалась своим правом облить водой ту, которая ее щекотала. О, если бы на месте последней была Аннуэн! Эта получила бы полную порцию!

— Ну, теперь у вас две сверхтерпеливые невесты! — поздравил Ордина Горюнов.

— И обе ревнивые! — прибавил Костяков.

— В полном порядке вещей, — рассмеялся Ордин, который был доволен, что Аннуир восстановила свою репутацию.

Посидели еще у огня, болтая, но скоро явился старик из жилища Амнундака и сказал, что женщины могут вернуться, так как моление кончено.

— Что сказал шаман? Что открыли ему боги? Что ожидает нас? — посыпались на него вопросы.

— Завтра узнаете, а теперь идите спать, — уклончиво ответил старик и вышел.

Женщины оделись, подняли детей, спавших по углам, и одна за другой покинули жилище белых людей. Снаружи раздались их возгласы: «Опять холодно!

Ох, как холодно! Какой туман! Держитесь друг за друга, чтобы не заблудиться».

Аннуир пошла с ними, чтобы постараться разведать что-нибудь о результате моления, но очень скоро вернулась и сказала:

— Амнуундак и все воины куда-то ушли — провожать шамана, что ли; в жилище никого нет, кроме двух стариков; один спит, а другой меня обругал за любопытство.

— Очевидно, и нам самое лучшее лечь спать. До завтра мы ничего не узнаем, — сказал Горюнов.

Если бы путешественники знали, что велели духи шаману и что онкилоны стали немедленно приводить в исполнение, они бы не могли лечь спокойно спать.

Тотчас по окончании моления от жилища вождя, несмотря на туман и холод, на юго-запад отправились все наличные воины; впереди шло несколько человек с факелами, за ними Амнуундак и шаман с учеником, далее четыре воина несли на носилках пленного вампу, а остальные онкилоны замыкали шествие, все в полном вооружении и глубоком молчании. Слышался только легкий топот ног, постукивание стрел в колчанах и поскрипывание носилок. Уверенно находя дорогу в тумане, передовые с факелами вели этот странный кортеж через леса и поляны к священному озеру. На берегу последнего пленника, связанного по рукам и ногам, положили на жертвенную плиту, шаман стал у его головы, ученик — у ног; Амнуундак и воины окружили плиту сплошным полукольцом, открытым к озеру, в котором все еще не было воды. Все воины теперь зажгли факелы и подняли их над головой; шаман взял бубен, и началось моление перед жертвой. Многочисленные факелы бросали колеблющийся красный свет на черную плиту, на распростертого на ней нагого волосатого человека, на шамана в его странном наряде, с высоко поднятым бубном, издававшим глухой грохот, на полукульцо вооруженных людей с орлиными перьями в волосах, с суровыми лицами, поднятыми к шаману в благоговейном созерцании. Кругом висел и колыхался туман, по временам разрываясь, и тогда показывались черные обрывы, дно озера, покрытое камнем, и темное жерло. На онкилонов, да и на всякого человека это ночное моление в такой обстановке не могло не произ-

вести глубокого впечатления. Пленник, очевидно догадавшийся об ожидавшей его участи, дико вращал глазами, и все тело его вздрагивало мелкой дрожью. После прелюдии на бубне, имевшей целью вызвать духов и обратить их внимание на себя, шаман опустил руки и поднял свое худощавое лицо, изборожденное морщинами, вверх и устремил взор на волны тумана, глухим голосом начал молить духов:

— Оммолон, Амнунгем, Иргани! — взывал он многократно. — Властины подземного царства, призываю вас! Мы принесли вам жертву — живого человека, жертву красной дымящейся крови. Примите ее, не трясите нашу землю, закройте щели, возвратите воды этого озера! Оммолон, Амнунгем, Иргани! Слушайте, мы призываем вас!

Называя имена духов, шаман повышал голос до крика, и эти странные имена несколько раз повторялись отражением от обрывов, окружавших озеро. Казалось, что это откликались подземные духи, повторяя свои имена. При последнем возгласе шаман внезапно выхватил из-за пояса свой каменный жертвенный нож и, быстро нагнувшись, вонзил его в грудь вампу, испустившего ужасный вопль, также повторенный обрывами. Оставив нож в ране, шаман наступил ногой на лицо умиравшего пленника и опять забил в бубен.

Когда его тело перестало вздрагивать, шаман вынул нож, вытер его о волосатую кожу вампу и сказал:

— Унесите жертву и бросьте ее в глубь входа в подземное царство!

Шесть воинов осторожно подняли труп и понесли его, перебираясь по скользким и наклонным камням к жерлу, другие воины светили им спереди и сбоку. Когда они подошли к жерлу, раздался удивленный и радостный крик:

— Вода идет, вода показалась!

Действительно, жерло, только что зиявшее еще своей черной пустой пастью, уходившей вглубь, до краев заполнилось бурлящей водой.

— Жертва наша принятая подземными духами! — возгласил шаман. — Вода возвращается в священное озеро! Привяжите камень к ногам жертвы и бросьте ее скорее в жерло! — распорядился он.

Опустив труп на камни, воины развязали его руки и привязали тем же ремнем большой камень к ногам. Потом подняли труп, раскачали его на руках и бросили в жерло, из которого вода выливалась уже на дно озера. Черные волны с дрожащими красными отблесками от факелов сомкнулись над головой дикаря.

— Приведите жертвенного оленя! — возгласил шаман. — Принесем жертву добрым духам неба!

Раздвигая ряд воинов с факелами, протискивались вперед два онкилона, ведшие за рога белого оленя. Его рога были украшены цветными кожаными лентами, а шерсть обрызгана пятнами красной охры. Животное, испуганное многочисленными огнями, упиралось и мычало. Его подтащили к плите, подняли на нее и повалили к ногам шамана.

Снова загудел бубен, и шаман начал призывать добрых духов неба, прося их вернуть онкилонам тепло, прекратить холода и сохранить оленей стада. Снова сверкнул жертвенный нож, произвивший затылок оленя, алая кровь брызнула на белую шерсть, и животное растянулось без движения. Его оставили на плите, отрезав только голову, которую всегда получал шаман.

Вода в озере быстро поднималась, уже заливая глубокую часть дна, когда шаман, поклонившись священным водам, возвращенным из подземного царства, спустился с плиты. В прежнем порядке, но с носилками, украшенными только головой оленя, весь отряд двинулся в обратный путь.

Последние дни у онкилонов

На следующее утро путешественники с удивлением узнали два факта — ночью было землетрясение и восстановилось священное озеро. Последнее можно было объяснить первым, но почему же они его не почувствовали? По расспросам оказалось, что землетрясение почувствовали только те два старика, которые остались в землянке Амнуундака после ухода прочих; они заснули и были разбужены довольно сильным ударом, выбежали на воздух, но, так как все было спокойно, земля только чуть дрожала, они от холода скоро вернулись назад.

— Почему же мы ничего не чувствовали? — удивился Горюнов. — Не приснилось ли это старикам? Ни мы, ни наши многочисленные гости ничего не заметили.

— Постойте! — воскликнул Ордин. — Не случилось ли это тогда, когда наша землянка вся дрожала от пота плясавших женщин?

— Ну, конечно, так! В это время легко было не заметить удар, очевидно, не слишком сильный.

— Но который все-таки восстановил сообщение священного озера с... — Ордин замялся.

— С чем восстановил?

— Я хотел сказать — с морем, но спохватился, что ведь прежде озеро стекало в море и высохло не потому, что эта связь прекратилась, а потому, что сильно сократился приток воды из котловины.

— Знаете, это надо обследовать. Это очень важный вопрос, почему появилась вода. По рассказам онкилонов, она стала подниматься из жерла.

— Если мы пойдем туда и окажется, что вода снова исчезла, нас обвинят в новой беде и никаким оправданиям не поверят. Нет, лучше подождем и пойдем вместе с Амнундаком, — заявил Костяков.

И еще один факт, случившийся ночью, узнали путешественники. Пленный вампу сумел развязать веревку и убежал, воспользовавшись тем, что карауливший его воин задремал у костра.

Все эти вести принесла Аннуир, первой вернувшаяся с утреннего доения оленей.

— Когда же онкилоны успели узнать, что озеро вернулось, и даже увидеть, как поднималась вода? — удивился Ордин.

— Ночью было моление у священного озера. Амнундак, шаман и все воины ходили туда. Принесли жертву — белого оленя, и сейчас же вода стала выходить, — сказала Аннуир с радостным видом, очевидно, вполне веря в действительность моления и жертвы.

— Жертва была! — протянул Горюнов и замолчал. Он сопоставил таинственное жертвоприношение ночью, которому предшествовало удаление всех женщин и детей из жилища, и исчезновение пленника, и заподозрил недоброе.

Позже, пользуясь отлучкой всех жен и Горохова, он сообщил свои подозрения двум товарищам.

— Непременно нужно узнать, верно ли мое подозрение,— закончил он.— Если они начали приносить в жертву людей, то, начав с вампу, они могут перейти и к нам, если бедствия не прекратятся.

Но узнать что-нибудь об этом факте не было возможности. Воины рассказывали охотно, что шаману на молении духи велели принести в полночь жертву, обычную жертву — белого оленя, на берегу священного озера, после чего вода начала выступать из жерла и залила на их глазах все дно. Они отрицали, что было землетрясение в эту ночь, очевидно, не заметили его на ходу к озеру или во время моления на берегу.

Прошло несколько дней; была только половина августа, но пахло глубокой осенью; каждую ночь были морозы, туман, иней; листья на деревьях, не успев пожелтеть, валились, трава на полях вся поблекла и полегла. Перелетные птицы исчезли, и озера опустели; за ночь они теперь замерзали целиком и едва оттаивали к вечеру. Солнце часто скрывалось за густыми тучами и еле грело. Женщины начали вытаскивать из мешков зимние одежды и спешно чинить их. Мужчины усиленно занялись заготовкой дров. Путешественники опять начали замечать недружелюбные взгляды, которые бросали на них онкилоны при встречах, а женщины, кроме Аннуир, снова стали чаще отлучаться и проводить время в землянке Амнундака. По совету Ордина Аннуир тоже начала уходить вместе с ними, чтобы не выделяться своей преданностью чужестранцам и легче узнавать замыслы онкилонов.

Пятнадцатого августа с утра подул северный ветер и началась настоящая пурга — валил снег при температуре в несколько градусов ниже нуля. К полудню снег прекратился, и, выйдя из землянки, путешественники могли видеть Землю Санникова в полном зимнем наряде: поляну, покрытую толстым слоем снега, оголенный лиственный и украшенный снегом хвойный лес. Онкилоны тоже вышли из землянки вождя и осматривались; женщины сейчас же побежали к ним.

В сумерки к путешественникам пришел Амнундак, что не случалось уже давно, со временем размолвки после землетрясения, разрушившего его жилище. Он присел к костру и, грея руки, уставившись взором в огонь, повел такую речь:

— Что же это будет с нами, белые люди? Зима пришла на целую луну раньше времени. Деревья даже не желтели, а замерзли. Птицы улетели, солнце не греет. Если снег будет все прибавляться, все наши олени погибнут. И быки, лошади, носороги тоже погибнут. Чем онкилоны будут питаться?

Путешественники слушали молча эти сетования; они знали причину преждевременных холодов и знали, что на улучшение нет надежды, пока не восстановятся подземные пути, дававшие котловине тепло. Но кто мог сказать, когда это случится? И чем они могли обнадежить Амнундака?

Не получая ответа, последний поднялся и, подняв руку с угрожающим жестом, сказал:

— И все это сделали вы! Вы пришли к нам из страны снегов и холодов и принесли сюда холод и снег, потому что вам они приятны, вы любите жить на белой земле, белые люди! Холодом и снегом вы хотите погубить всех онкилонов, чтобы занять нашу землю. Чукчи вытеснили наших предков сюда, вы, могущественные белые колдуны, хотите погубить нас совсем! — Он круто повернулся и вышел из землянки. Путешественники обменялись встревоженными взглядами, и, когда вождь удалился, Горюнов сказал:

— Теперь, я думаю, медлить уже нечего, нужно уходить завтра пораньше в путь; дует северный ветер, озера замерзли, тумана не будет, снег еще не глубок.

— Да, если он еще подвалит, нам без лыж трудно будет идти, — прибавил Костяков.

— И зимней одежды у нас здесь нет, все на складе, — заявил Ордин.

— Вы как знаете, — решительно сказал Горохов, — а я останусь у онкилонов. Этот холод скоро пройдет, и мы заживем по-прежнему. А вы во льдах пропадете, не добравшись до Котельного.

Его стали убеждать, но он упорно твердил, что здесь лучше, чем в Казачьем, жизнь сытая, спокойная, жена хорошая, землянка теплая, — нечего на судьбу роптать.

— А если вас, Никита, зарежут, как зарезали вампу; принесут в жертву богам, чтобы холод кончился? — спросил Горюнов.

— Пустяки говорите! Вампу убежал. Онкилоны людей не режут. Если бы резали, давно бы нас всех прикончили, не стали бы разговаривать, как вот Амнундак сейчас приходил. Просить будут нас, а не резать. Воцарилось тягостное молчание.

Немного погодя Горохов поднялся и вышел, а через минуту вбежала Аннуир.

— Сейчас Амнундак пришел от вас к себе и сказал нам: белым людям больше женщин не дадим. Пока они не прекратят холод и снег, вы живите у меня, туда не ходите, а то вам худо будет. А все мужчины и женщины закричали: «Давно бы так, пусть они поживут без жен, без молока, без лепешек». Я только попросила отпустить меня за моим одеялом. Он сказал: «Иди, но сейчас же возвращайся назад!»

Аннуир взяла свое меховое одеяло и сказала Ордину на ухо:

— Ночью, когда там уснут, я приду к тебе, расскажу, что узнаю; дело, кажется, нехорошее.

Она убежала, оставив путешественников в угнетенном настроении.

— Да, завтра уходим чуть свет,— сказал Костяков.— Это, очевидно, первый шаг в цепи репрессий, ожидающих нас, чтобы заставить отменить раннюю зиму.

— И если мы будем медлить, то дождемся, что к нам поставят в землянку караул, и тогда уйти будет не так-то легко,— прибавил Горюнов.

— Пока Горохова нет, приготовим все к отходу, — заметил Ордин.— Но интересно, куда он пошел, не к Амнундаку ли, выдать наши намерения?

Горохов и женщины в течение всего вечера не возвращались. Путешественники сами подготовили себе ужин, сварили чай, уложили котомки, затем долго еще сидели, обсуждая положение, наконец легли спать. Горохов, очевидно, остался ночевать у Амнундака.

Среди ночи Ордин был разбужен Аннуир.

— Уходить нужно вам скорее,— сказала она шепотом.— Воины говорят: вот подземным духам принесли в жертву вампу — они вернули воду и священное озеро; духам неба пожертвовали только оленя, они рассердились и прислали зиму. Нужно и им жертву получше. Не говорят, а я полагаю — на вас думают.

— А Никита слышал это?

— Нет, это было раньше. При нем не говорили. Он пришел и стал говорить, что хочет онкилоном сделаться, от вас уйдет, будет с нами жить, он им не хочет беды делать. Так весь вечер рассказывал, как худо жить на вашей земле. Теперь онкилоны поняли, почему вы сюда пришли: хорошую землю для своего племени ищете. А Амнундак и скажи: «Значит, они соглядатаи! Но мы их отсюда не выпустим, а то они вернутся с большим отрядом воинов, воевать с нами начнут своими молниями, тут онкилонам конец будет!»

— А Никита не сказал, что мы завтра хотим уйти?

— Нет, не говорил. Он все только про себя рассказывал. И Амнундак похвалил его и на ночь жену ему вернул. Потом приказал, чтобы завтра позвали шамана, вечером моление будет, насчет вас, должно быть, и снега.

— Ну, Аннуир, завтра мы чуть свет уйдем. А ты как, пойдешь со мной?

— Пойду куда хочешь, если я там, на вашей земле, буду у тебя одной, первой женой,— ответила Аннуир.

— Да, ты будешь у меня не первой, а только одной-единственной.

Они еще долго проговорили, а потом, увидев по часам, что рассвет близок, разбудили товарищей и, накануне позавтракав, едва начало светать, покинули свою уютную землянку навсегда. Горохову оставили записку с просьбой сообщить Амнундаку, что они пошли за своей теплой одеждой и вернутся через день. Если он хочет догнать их, то может это еще сделать, они будут ждать его двое суток на окраине котловины. Предупреждали его, что Земле Санникова грозит ужасная зима и что здесь будет не лучше, чем в Казачьем. Писали, что он может прийти позже с онкилонами и взять запасы мяса, заготовленного Никифоровым на зиму, так как им всего не увезти.

В землянке был оставлен костер, чтобы выходящий из нее дым до поры до времени показывал онкилонам, что она жилая; постели свои закрыли так, чтобы казалось, что в них спят люди; только Аннуир унесла с собой свою постель и всю одежду, какая у нее была.

Шел небольшой снег, который скоро мог скрыть их следы. Впрочем, погоню должен был предотвратить

Горохов, во всяком случае до вечера. Ему оставили Петруху, заперев ее в землянке.

Когда стало светло, они были уже в нескольких километрах от стойбища, на соседней поляне, которую с трудом узнали. Как изменилось все за четыре месяца! Тогда была новизна впечатлений, чудесная новооткрытая земля, полная тайн, ожидавших раскрытия, весенняя природа, молодая зелень. Теперь — оголенные леса, занесенные снегом поляны; бегство от невежественного народа; впереди скучный, опасный и долгий путь на материк; отсутствие одного товарища, до сих пор делившегося с ними все труды, а теперь изменившего; опасения за его судьбу; наконец, оставленные женщины, к которым успели привязаться. Только Ордин был веселее остальных — рядом с ним бодро шагала по снегу Аннуир, которая ради него бросила своих родных и привычные условия жизни, покидала родину и шла навстречу чуждому и страшному для нее новому миру, не оглядываясь с тоской назад.

К вечеру добрались до своей базы и очень обрадовали Никифорова, который давно не имел от них известий. У него все было в порядке, на зиму уже заготовлены большие запасы мяса и дров; собаки сыты и здоровы, не хватало только одной, задавленной на охоте медведем. Казак удивился решению немедленно уходить из этой благодатной земли.

— Пропали зря все мои труды! — сказал он с укором. — Для чего я старался, стрелял, возил, сушил, коптил? Для чего извел столько тварей? Для чего дрова готовил? Все останется одним медведям, будь они прокляты!

— Не горюйте, Капитон, не медведи, а люди съедят мясо. Придет Горохов с онкилонами и заберет все к ним на стойбище.

— Как, а разве Никита не едет с нами домой? — воскликнул изумленный казак.

— Да, он решил остаться, полюбил тут женщину, говорит, что здесь лучше, чем в Казачьем.

— Так и решил! Ах он сволочь этакая. В Казачьем ведь у него жена есть, правда, старая и злющая баба.

— А здесь молодая и добрая. Он тут вроде князя будет.

— А кто же это пришел с вами, провожает, что ли? — спросил казак, указывая на Аннуир.

— Нет, это моя жена, идет с нами на материк, — ответил Ордин.

— Вот оно что! — протянул Никифоров, с любопытством оглядывая смущившуюся женщину, которая недостаточно знала по-русски, чтобы понимать быстрый разговор, но поняла, что говорят о ней.

— Значит, вместо Никиты с нами пойдет баба здешнего племени! Не знаю, как мы с собаками управимся; она Никиту не заменит, небось собачек не выдывала даже, не то что нартой править. Эх, огорчение!

Долго еще Никифоров философствовал на эту тему у костра, вокруг которого расположились путешественники. Ловкость, с которой Аннуирправлялась с приготовлением ужина, несколько примирila его с этой заменой, и он в конце вечера сказал даже:

— А женка у вас славная, работающая, Семен Петрович. И сильно любит вас, если решилась от своих в чужие края за море идти. А ваши, видно, не пожелали? — обратился он к остальным двум.

— Да, не пожелали, — ответил Горюнов и вкратце разъяснил Никифорову, как сложились обстоятельства, заставившие их спешно уходить из этой интересной земли.

— Весной мы сюда вернемся, — закончил он, — если все будет благополучно.

Никифоров рассказал за ужином, что немедленно уходить из котловины нельзя, так как сугроб за лето порядочно понизился и уже не доходит до гребня обрыва, а только до верхнего уступа, над которым приходилось еще метров пятнадцать карабкаться по скалам. Для подъема нарт и груза необходимо было расчистить путь, сделать ступени. Сугроб также требовал подготовки: он сильно обледенел с поверхности, и нужно было вырубить по всей длине ступени.

— За день со всем этим, однако, не справимся, — закончил он.

— У нас есть два дня, — сказал Горюнов. — Мы обещали Никите ждать его двое суток. Авось он раздумает и придет.

Наводнение

Переночевав в палатке казака, все еще стоявшей в ледяном гроте, значительно увеличившемся за лето вследствие таяния, путешественники с утра принялись за прорубку ступеней вдоль гребня сугроба.

Все пятеро работали усердно и перед вечером очутились на площадке уступа. Она имела от четырех до десяти метров ширины и тянулась в обе стороны от сугроба метров на сто, далее же быстро суживалась, оставляя место только для прохода каменного барабана. Над ней поднималась стена, имевшая в самом низком месте метров десять высоты; она не везде была отвесна, а распадалась на отдельные высокие и низкие уступы, по которым опытный альпинист мог бы взобраться наверх. Но для собак и для подъема груза уступы были слишком высоки, и нужно было сделать промежуточные, что при слоистости базальтовой лавы не представляло непреодолимой задачи. Работы, во всяком случае, хватило на день.

Осмотрев площадку, Горюнов сказал:

— Как вы думаете, не поднять ли нам весь груз и нарты сегодня же сюда?

— А зачем это? — спросил Костяков. — Внизу ночевать удобнее; здесь можно спросонок и свалиться с обрыва.

— Ночевать мы можем внизу, но всю тяжесть лучше поднять сегодня, и вот почему. Сегодня вечером мы должны бы вернуться на стойбище, что, согласно нашей записке, Горохов должен был сказать Амнундаку. Последний, видя, что нас нет, может послать вечером же погоню, онкилоны дорогу знают. Погоня придет сюда завтра рано утром, и, если весь груз будет еще внизу, нас захватят — стрелять в онкилонов мы, пожалуй, не решимся. Если же груз будет уже наверху, мы сами быстро поднимемся и можем разрушить дорогу по сугробу, то есть будем в безопасности. Смотрите, срубить верхнюю узкую часть гребня на протяжении десятка метров недолго, и тогда никто не решится лезть сюда.

— Пожалуй, вы правы! — согласился Костяков.

— Ну, а как же собаки? — спросил Никифоров. — Им на площадке будет тесно.

— Они тоже могут ночевать внизу в своих гротах. Им недолго вбежать порожняком наверх.

Приняв это решение, приступили к подъему груза, пользуясь остатком дня. Это оказалось не так легко. Поднимать сильно груженные нарты по крутыму уклону, несмотря на вырубленные ступени, собаки сразу не могли, и пришлось сделать это в несколько приемов. Поэтому провозились до темноты, но в конце концов весь груз, запасы мяса, дров и нарты были сложены на площадке; внизу остались только спальные мешки и посуда для ужина и чая.

Обилие дров, заготовленных на зиму, позволяло не скучиться ночью на костры, чтобы отогнать медведей. По словам Никифорова, они посещали его за лето не раз, и только грот спасал его от объятий косолапых, а мясо, которое привлекало хищников, от разграбления.

Благодаря бдительности Белухи он своевременно просыпался и, притаившись среди льдин входа в грот, стрелял в ночного гостя, пытавшегося разворотить ледяные глыбы, закрывавшие мясной склад.

За ужином он рассказал также, что во время двух землетрясений ему было очень страшно; он выбегал из грота, опасаясь, что свод рухнет. С обрывов по соседству камни сыпались, «словно град», и в земле образовались трещины.

Утомленные работой путешественники рано легли спать в промежутке между четырьмя кострами и заснули крепко под охраной Крота и Белухи. Но около полуночи их разбудил сильный подземный удар. Приподнявшись в испуге, они стали прислушиваться; из-под земли доносился явственный гул, словно там по неровной мостовой катились тяжелые возы; к нему очень скоро присоединился доносившийся уже по воздуху грохот, то близкий, то далекий, от падения глыб, ссыпавшихся с обрывов окраин; земля под лежавшими дрожала. Но все эти звуки скоро покрылись неистовым воем собак, запертых в ледяных гротах.

Так как путешественники лежали под открытым небом и достаточно далеко от подножия обрыва, то бежать куда-нибудь им не приходилось, и они продолжали полулежать на спальных мешках в понятной тревоге.

Скоро последовал еще один удар, более сильный; лежавшие почувствовали, как их слегка подбросило вверх; пламя догоравших костров подпрыгивало, головешки и угли рассыпались в стороны. Где-то поблизости что-то грохнуло, и Горюнов, лежавший против входа в грот, в котором стояла недавно палатка и в котором провели прошлую ночь, увидел, что из свода вывалилось несколько крупных ледяных глыб.

— Наше счастье, что мы ночуем здесь, а не в гроте! — воскликнул он. — Сейчас нас бы там придавило!

— А не может ли придавить и собак в их убежищах? — встревожился Ордин.

— Едва ли! Их гроты небольшие и расположены в самой высокой и толстой части сутроба.

— Если их выпустить, они разбегутся, — заявил Никифоров, — привязать их не к чему, наrtle наверху. Пусть сидят.

Но еще несколько сильных ударов, последовавших один за другим, заставили путешественников перемянить свое решение. Собаки подняли такой отчаянный вой, очевидно предчувствуя опасность, что Никифоров с топором в руках, пошатываясь, словно на палубе корабля во время качки, побежал к гротам, выворотил ледяные глыбы, которыми закрывал вход, и выпустил животных. Последние вырвались на свободу, словно ошалелые, прыгая друг через друга, но сейчас же перестали выть и, отбежав только несколько шагов, сбились в кучу и, помахивая хвостами, смотрели на своего каюра. Никифоров принес потяги, привязал к ним собак и развел все три упряжки в разные места, недалеко от костров, уложив их на землю. Потом он заглянул во все три грота и, вернувшись на свое место, сказал:

— Пёсики не даром обеспокоились, лед треснул над их головами, руку можно просунуть в щель. Того и гляди глыба вывалится.

— Ну, в эту ночь все землянки онкилонов, наверное, опять обрушились, — сказал Горюнов.

— Теперь они припишут это новое бедствие нашему уходу, — заметил Костяков.

— Или тому, что один из нас остался у них, — добавил Ордин. — И Горохову трудно будет уйти, если он теперь захочет.

Аннуир слушала молча, но со слезами на глазах. Новое бедствие постигло ее род и все ее племя, и хотя она от него ушла, но его несчастья глубоко огорчили ее.

— Но может быть, это землетрясение к лучшему,— постарался утешить ее Ордин.— Если оно восстановит подземные пути горячей воды и паров, то вернется тепло, и жизнь онкилонов пойдет по-прежнему, а землянки нетрудно восстановить.

Аннуир уже знала, почему наступили ранние холода, и предположение Ордина успокоило ее; она благодарно взглянула ему в глаза и потихоньку погладила его руку.

— И почему бы им не строить жилища так, как было построено наше? Оно, наверно, не завалилось,— сказала она наконец.

— Может быть, после нашего ухода они и начнут делать это. «Колдуны» ушли, а их жилище стоит и не валится,— заметил Горюнов.

— А не начнется ли теперь в северной части извержение? — предположил Костяков.

Все невольно взглянули на север. Но небо, покрытое густыми тучами, было черно, и нигде не видно было красноватого отблеска, который мог бы служить указанием, что где-нибудь выступила на поверхность лава.

Удары времени от времени повторялись, но гораздо слабее, и наконец усталость взяла свое — все задремали.

Но сон был тревожный, и то один, то другой просыпался, приподнимался на своем ложе и озирался в испуге, а затем, убедившись, что все спокойно, сугробы не валятся, костры горят, опять опускал голову. Никифоров иногда вставал и подбрасывал дрова в костры. Так проходили часы этой жуткой ночи.

Но вот на востоке тучи посветлели, затем подернулись красноватым отблеском лучей не видимого еще солнца. На фоне туч слабо вырисовались гребень и вершины ближайшей части стены и забелели на них полосы снега. На севере выступили очертания полосы леса; сугробы словно выросли и побелели, свет костров потускнел. Предрассветный холод разбудил дремавших.

— Не пора ли сварить чай, пока станет светло? — предложил Горюнов. — А потом наверх, за работу, пока не явилась погоня.

— И то правда! — сказал Никифоров, вскакивая. — Уходить, так уходить вовремя!

— Но если восстановилась грелка Земли Санникова, то, может быть, и уходить не нужно? — подумал вслух Ордин.

— А вот за день увидим; если станет тепло и снег сойдет, ваше предположение окажется правильным. Но путь для ухода проложить нужно, — решил Горюнов.

Стало еще светлее. Разорвавшиеся тучи окрасились на востоке пышными красками. На севере черная полоса леса видна была уже резко. Обрывы котловины тянулись в обе стороны черной стеной и казались такими же, как всегда, хотя за ночь с них свалилось немало глыб.

Никифоров, поправив костер, взял чайник и пошел к концу сугроба, из которого сочился ручеек, собиравшийся в маленький бассейн, устроенный для черпания воды. Тотчас же оттуда послышался испуганный возглас казака:

— Батюшки, вода, вода везде!

Все бросились к нему мимо костров, огни и дым которых мешали видеть ближайшую полосу земли. Подбежали и замерли в изумлении. Там, где на сотню метров от конца сугробов прежде тянулась мелкая каменная россыпь, накануне сплошь покрытая снегом, теперь расстилалась гладкая поверхность мутной воды, которая уходила до опушки кустов, тоже залитых водой. Это новое озеро, возникшее за ночь, тянулось в обе стороны, насколько хватал взор, казалось, до подножия обрывов, и только южный угол котловины, где были сугробы, не был затоплен. Ручеек из-под сугроба, шагах в десяти от его конца, впадал, тихо журча, в это озеро, отрезавшее путешественников от остальной котловины.

— Вот те на, вместо лавы вода после землетрясения! — нарушил молчание Костяков.

— Но смотрите, вода как будто подбирается к нам! — воскликнул Ордин. — Она прибывает.

Все подошли к берегу и увидели, что вода подвигается вперед, на их глазах снег, устилавший землю, на-

питывался водой, оседал, расползался, и вода, наполненная таявшими комьями, занимала его место.

— Ну, товарищи, мешкать нечего! — воскликнул Горюнов. — Забираем вещи, и айда наверх. Через полчаса нашу стоянку затопит.

— Но дальше хода нам еще нет! — возразил Костяков. — Мы попадем в западню.

— Неужели вы боитесь, что и уступ затопит! Пока это случится, мы успеем расчистить путь дальше, ведь уступ поднят метров на сто над дном котловины.

— Как хорошо, что вчера завезли груз наверх! Теперь бы не успели, — заметил Ордин.

Вернулись к кострам, быстро собрали вещи и подняли их на поверхность сугроба. Потом взяли из склада, которому тоже грозило затопление, порядочный запас мяса на всякий случай, навалили вдоль лестницы по сугробу побольше дров — все это можно было постепенно поднимать наверх. Последние поленья несли уже по воде, которая дошла до конца сугроба.

— Ну, поведем теперь собак! — сказал Никифоров.

Собаки уже беспокоились и порывались вскарабкаться вверх по крутыму боку сугроба, но скользили, падали и выли. Никифоров, Ордин и Костяков взяли по одной упряжке и погнали их по лестнице наверх. Горюнов и Аннуир шли впереди с частью вещей. Добравшись до верха, они остановились в изумлении. Накануне еще поверхность снега была почти на одном уровне с площадкой уступа; теперь их разделял обрыв высотой почти в метр. Очевидно, вследствие землетрясения или весь сугроб расползся и осел, или дно котловины опустилось. Приходилось карабкаться. Первая упряжка собак остановилась перед этим обрывом и стала выть. Пришлоось брать каждую собаку порознь в руки и подсаживать ее наверх. На площадке собаки начали резвиться, подбираться к сложенному на нарте мясу, и Никифорову стоило много труда переловить их и привязать к потягам в одном углу. Остальные мужчины спустились вниз за кладью, оставленной в начале сугроба, а Аннуир занялась приготовлением чая; площадка была покрыта чистым свежим снегом, дававшим запас воды.

Когда все вещи были доставлены наверх, путешественники в ожидании завтрака имели время осмотреть-

ся. С высоты уступа видна была значительная часть котловины; насколько хватал глаз, везде стояла вода, все поляны превратились в озера, а леса тянулись между ними черными островами и перешейками. Под лучами проглянувшего солнца повсюду серебрилась вода, и картина не представляла ничего ужасного, даже наоборот: в черной раме отвесных обрывов, опоясанных белыми лентами уступов и увенчанных снеговыми вершинами, расстипалось огромное озеро с сетью темных островов и полуостровов.

Но при мысли, что на месте этого озера накануне еще жило целое племя людей и многочисленные четвероногие, становилось жутко. Неужели все они уже утонули? Люди могли еще найти временное убежище на деревьях, но надолго ли? Если вода будет еще прибывать, их затопит рано или поздно; но даже если она не поднимется, то люди все равно погибнут от голода и холода. А животным и деваться было некуда, отвесные стены окраин доступны только птицам и каменным баранам. Земля Санникова превратилась в гигантскую западню, из которой не было спасения.

Эти мысли бродили в уме наблюдателей на уступе, и при помощи бинокля они тщательно осмотрели даль в надежде разглядеть где-нибудь укрывшихся на деревьях людей. Вблизи их не было, а вдали полосы леса уже закрывали друг друга, да и расстояние было слишком велико.

— Знаете что? — воскликнул Ордин. — Ведь у нас есть байдара! Спустим ее на воду и поедем спасать Горюхова и кого можно из онкилонов.

Едва он успел сказать это, как сзади его шею обвила мягкая рука, и Аннуир прижалась щекой к его щеке и шепнула:

— Да, да, поезжайте спасать наших, теперь они вам ничего не сделают худого.

— Но как мы проберемся на байдаре через леса? — спросил Костяков.

— Во-первых, всюду есть звериные тропы, теперь превращенные в каналы, а затем,смотрите, вдоль окраин, где была каменная россыпь, теперь широкая полоса чистой воды, — сказал Горюнов.

Наскоро позавтракали, затем сняли с нарт байдару, соединили ее части, сложили в нее руль, багор, весла,

кучу копченого мяса, бутылку спирта, немного сухарей из своего скучного запаса, веревку, топор.

— Ехать всем, конечно, ни к чему! — сказал Горюнов. — Достаточно двоих, иначе мы мало кого спасем. Один на руль, другой на весла, будем меняться. Кто хочет ехать?

Никифоров нужен был для присмотра за собаками, Аннуир не умела грести, выбирать приходилось только из троих. Решили оставить еще Костякова.

— Остающимся тоже есть работа, — заявил Ордин, — вы должны за день проложить ступени с уступа наверх через скалы.

С помощью веревок спустили байдару по гребню сугроба на воду, глубина которой была уже около метра. Горюнов сел на руль, Ордин на весла, и легкое судно полетело по мутным водам, покрывшим Землю Санникова.

Плавание по земле

Легкая, быстроходная, мало загруженная байдара могла развить скорость до десяти километров в час, так что часа через три можно было добраться до стойбища Амнундака. Поехали по чистой воде окраины котловины, но придерживаясь опушки леса, а не подножия обрыва, так как здесь легко было напороться с разбега на подводный камень и пробить тонкое дно.

Быстро скользила байдара по мутной воде, по которой плавали в изобилии сухие листья, стебли, ветки, мертвые насекомые — весь многолетний сор, который покрывал почву и теперь всплыл наверх и замутил воду. Время от времени Горюнов мерил багром глубину воды — она оказывалась больше метра. Из этого следовало, что и более крупные четвероногие могли уже погибнуть, если не успели спастись в тех частях котловины, где воды было меньше или где ее вовсе не было, предполагая, что такие части были. Этот вопрос очень занимал путников.

— Я все ломаю себе голову, откуда пришла такая масса воды? — спросил Ордин. — Неужели временно задержанный подземный приток теперь сказался этим наводнением?

— А не проникла ли в котловину вода из моря? Море ведь близко, а сообщение в виде жерла священного озера есть,— предположил Горюнов.

— Тогда вода должна быть соленая, попробуйте-ка.

Горюнов зачерпнул воды, глотнул и выплюнул.

— Вода горько-соленая,— сказал он,— но не такая, как в море.

— Это понятно, она смешалась здесь с водой озер и поглотила много снега. Но теперь ясно, что все дно котловины опустилось, если вода из моря могла проникнуть сюда.

— Но в таком случае она не может подняться высоко и, пожалуй, достигла уже высшего уровня?

— Это зависит от того, насколько дно котловины опустилось, и от соотношения диаметра жерла к площади котловины; жерло ведь узкое, котловина огромная, нужно много времени, чтобы вода поднялась здесь до уровня моря. А насколько опустилось дно, мы не знаем. Трудно думать, что дно осело сплошной массой, как лепешка; скорее всего оно разбралось на полосы, которые могли опуститься на разную величину.

— Следовательно, некоторые полосы могли оставаться на месте и на них спаслись люди и животные?

— Будем надеяться, что случилось именно так, это было бы счастьем для населения Земли Санникова.

Байдара скользила сквозь каймы кустов, затопленных до вершины; справа они, повышаясь, переходили в лес; слева расстилалась гладкая поверхность воды до подножия обрывов, где местами над ней островками торчали более крупные глыбы. На уступах обрыва местами видны были каменные бараны, которые или стояли спокойно, глядя вниз на воду, или метались взад и вперед. Этим животным грозила голодная смерть, потому что их корм — моховища и трава — был затоплен, а на уступах почти ничего не росло. На глыбах, торчавших из воды, видны были спасшиеся мелкие животные — пищухи, населявшие каменные россыпи, крысы, мыши; иногда среди них великанином возвышался заяц. Тесно прижавшись друг к другу, эти зверьки сидели в ожидании голодной смерти. Вблизи одной глыбы путники были свидетелями, как с высоты камнем упал орел, подхватил зайца и понес его вверх, причем часть приютившихся мелких животных с перепуга

попадала в воду. Другие хищники также кружились в воздухе, высматривая легкую добычу на глыбах. Но надолго ли хватит ее, а потом и им грозит голодная смерть! На крупной глыбе заметили сгрудившихся волов и лисиц; одни лежали, другие стояли, провожая глазами проплывавших мимо людей.

Через два часа показалось характерное место священного озера, которое можно было узнать только по той выемке в обрыве в виде полукольца, которая окружала его с двух сторон. Приближаясь к нему, Горюнов, сидевший теперь на веслах, заметил, что стало труднее грести. Остановив байдару, убедились, что навстречу идет заметное течение, и вода оказалась более горько-соленой и чистой. У самого озера течение еще усилилось, и над прежним жерлом вода поднималась плоским бугром.

— Видите, приток еще есть, и достаточно сильный, — сказал Ордин.

Он опустил багор в воду и едва достал дно, а багор имел три метра в длину.

— Не видно даже жертвенной плиты, — заметил Горюнов, — а она возвышалась метра на два над уровнем озера.

Проплыв еще некоторое время вдоль окраины, путники заметили узкую полосу чистой воды, уходившую в глубь леса в нужном направлении, направились по ней. Скоро канал сузился, и байдара пошла между деревьями. Странно было видеть этот затопленный лес; оголенные лиственные деревья, зеленые ели и пихты поднимались прямо из воды, покрытой листьями, ветвями и всяkim мусором; попадались мертвые птички и мелкие животные. На ветвях деревьев местами перепархивали птички с жалобным чириканьем; приютившись на развалинах сучьев, сидели мыши, крысы, хорьки, ласки, куницы — хищники рядом с грызунами, на которых они обыкновенно охотились. Солнце, часто прорываясь сквозь тучи, освещало эту необычайную и жуткую картину.

По лесу пришлось плыть осторожно, чтобы не наtkнуться на какую-нибудь корягу или острый сук. Но вот впереди стало светлее и показалась открытая вода на месте поляны. Выехав на нее, путники стали осматриваться, та ли это, где было стойбище. Очертания ле-

са казались незнакомыми. Вдруг их внимание привлекло вздутие воды среди этого озера недалеко от них. Вода поднялась бугром, из которого вырвался клуб паров.

— Это не та поляна, где мы жили! — воскликнул Горюнов. — На той озеро не пузырилось.

— И я думаю, что не та, а соседняя к югу, — сказал Ордин. — Но теперь ясно, что топит не только море, но и восстановившийся подземный приток. А здесь вода должна быть пресная, — прибавил он и, желая напиться, погрузил руку. — Почти пресная и достаточно горячая! — заметил он, кое-как утолив жажду.

— Ну, нашей байдаре плавание по горячей воде вовсе не полезно! — сказал Горюнов. — Ее замазка и пропитка могут пострадать. Нужно держаться подальше от пузырей.

Направились на север по узкому каналу и вскоре выплыли на поляну, на которой было стойбище; ее узнали по разреженному порубками лесу.

— А вот и наша землянка! — воскликнул Ордин.

На противоположном краю озера над водой едва возвышалась высшая, центральная часть землянки; на ней лежали еще остатки ставшего снега и пласт коры, которым на ночь закрывали часть дымового отверстия. Подплыли к ней; Ордин влез на этот островок и, наклонившись к отверстию, вскричал:

— Сколько здесь добра всплыло!

Он вытащил меховое одеяло, несколько женских курток с панталонами, подушку, деревянную чашку, черные головни. Все это всплыло вверх в пестрой смеси и пропитанное водой.

— Подушку и одеяло захватим, пригодится для Аннуир, — сказал он, — только нужно их выжать.

Вытащив вещи, Ордин вернулся в байдару, и путешественники поплыли к месту, где была землянка воождя. Здесь над водой виднелись только четыре центральных столба с частью крыши. Багром нащупали под водой кучу земли и придавленные ею бревна.

— Но нигде ни признака людей! Мы можем не видеть их среди деревьев, но они-то должны были заметить нас и закричать! — сказал Горюнов. — Давайте покричим сами!

Стали звать Амнундака, Никиту, женщин, имена которых знали. Но никто не откликался. Мертвая тишина царила кругом.

— Не могли же все утонуть! Кто-нибудь спасся бы на дерево, на крышу нашей землянки,— сказал Ордин.

— Очевидно, успели уйти отсюда; нужно искать их дальше; может быть, вода прибывала так медленно, что они могли спокойно отходить,— предположил Горюнов.

— Не совсем похоже на это,— возразил Ордин.— Если бы уходили не торопясь, не оставили бы одежду и одеяло, вещи самые нужные зимой.

Поплыли дальше по каналу, который вел к следующему стойбищу, отстоявшему километра на два. На поляне увидели землянку, правда, полуразвалившуюся, но поднимавшуюся еще на половину своей высоты над водой. Горюнов смерил глубину, оказалось метра полтора.

— Ну, здесь уже люди утонуть не могли,— воскликнул он,— очевидно, эта часть котловины погрузилась меньше.

Подъехав к землянке, заглянули через развалившийся бок внутрь; на воде плавали только мелкие предметы, тряпье, головни, сор, но одежды не было видно.

— Здешние обитатели успели все ценное унести,— сказал Ордин.

Осмотрели ближайшие деревья, опять покричали — им ответило только карканье стаи ворон, сгрудившейся на нескольких деревьях, вероятно, в ожидании спада воды.

Обследовали еще две следующие поляны со стойбищами; землянки были разрушены или полуразрушены, но людей нигде не было; глубина воды уменьшилась уже до метра и меньше; местами байдара натыкалась в каналах на стволы упавших деревьев, и приходилось плыть осторожно.

— Я думаю, что мы можем прекратить наши поиски,— сказал Горюнов.— Все онкилоны спаслись, успели отступить в северную часть котловины, очевидно не погрузившуюся. Следовательно, подавать помощь некому, а если мы подъедем к сухой местности и встретим там

онкилонов, то можем попасть в неприятное положение.

— А может быть, дальше глубина опять начнет увеличиваться и мы там найдем людей, застигнутых водой во время бегства и нуждающихся в помощи? — предположил Ордин. — Доведем поиски до конца, чтобы совесть не упрекала нас.

Горюнов уступил, и поплыли дальше. Но на следующей поляне байдара стала местами садиться на мель, и из воды выдавались стебли камышей, тростника вокруг прежнего озерка. В канале за поляной глубина была всего полметра и меньше, а впереди видно было, что он еле покрыт водой.

— На следующей поляне можем наткнуться на онкилонов, — заявил Горюнов.

— Ваша правда, вот виден даже дым костров над лесом, а это доказывает, что они на сухом месте, — подтвердил Ордин. — Пожалуй, услышим и голоса.

Он перестал грести и прислушался; с той стороны, откуда поднимались дымки, действительно по временам доносились человеческие голоса.

— В результате землетрясения и наводнения онкилоны переселились в северную половину котловины, где будут продолжать свой прежний образ жизни, — сказал Горюнов.

— А так как грелка восстановилась, судя по двум пузырящимся озерам, которые мы видели, — прибавил Ордин, — то нам беспокоиться об их судьбе нечего.

Но вернуться к ним и в случае каких-либо бедствий опять подвергнуться подозрениям и риску сделаться плениками будет неблагоразумно.

Если море будет слишком открыто и не позволит нам переправиться, мы можем вернуться на уступ и дожидаться там холодов, имея вблизи топливо и корм для собак, но вдали от онкилонов, отделенные от них водой. Только вот Горохова оставляем на произвол судьбы; теперь он, пожалуй, переменил свое решение.

— Горохов может быть уже на уступе, — возразил Горюнов. — Если наводнение поколебало его мнение о хорошей жизни здесь, он мог воспользоваться берестянкой и в суматохе поплыть к нам один или с женой. Он знает, где берестянка спрятана на озере, так как часто пользовался ею для рыбной ловли. До за-

втрашнего утра мы его будем ждать, как было условлено.

Во время этого разговора отдохнули и поплыли обратно, но для ускорения выбрались опять на окраину котловины, чтобы не путаться по полянам и каналам. Тем не менее обратный путь занял четыре часа. Проплывая мимо бывшего священного озера, убедились, что приток воды из жерла еще продолжался, но очень слабо; очевидно, уровни почти выровнялись. Глубина в этом месте была более трех метров, багор не доставал дна. Возле сугроба во время их отсутствия вода сильно прибыла, и глубина была здесь больше двух метров.

Оставшиеся на уступе встретили товарищей у начала ледяной лестницы, чтобы помочь им высаживать спасенных.

— Вы никого не привезли? — воскликнул Костяков с удивлением.

— Только зря прокатились? — прибавил Никифоров.

— Все, все утонули? — прошептала Аннуир, побледнев.

Ордин, конечно, успокоил ее.

— Вот единственные утопленники, которых мы нашли, — пошутил Горюнов, вытаскивая из байдары женские костюмы и передавая их Аннуир.

Соединенными силами втащили байдару наверх; с подъемом ее на уступ пришлось возиться, так как за день обрыв над сугробом увеличился до двух с половиной метров, потому ли, что сугроб, омываемый водой, стал расползаться, или потому, что дно котловины продолжало медленно опускаться. Для более удобного сообщения казак устроил уже лестницу из ледяных глыб.

За обедом рассказали друг другу события дня. Троє оставшихся проложили тропу-лестницу на обрыв над уступом и побывали уже наверху, видели довольно близко открытое море. Но неожиданно вскоре после отъезда остальных товарищей на сугроб с лестницей вылезли из воды два огромных медведя и стали подниматься наверх, очевидно рассчитывая спасаться от наводнения вместе с людьми на уступе. Такое соседство, конечно, было очень нежелательно, и пришлось встретить косолапых выстрелами; один упал на сугробе

и скатился в воду, второго убили уже на уступе. Запас свежего мяса на дорогу оказался очень кстати.

В одеяле и женской одежде, выловленной Ординарным из их землянки, Аннуир признала вещи Аннуэн.

Катастрофа

Перед закатом солнца Горюнов и Ордин поднялись на обрыв посмотреть, что делается вне котловины, стены которой стесняли их кругозор в течение всего лета. Покрытый сплошь снегами — словно лета и не бывало, — южный склон Земли Санникова спускался полого к морю, все еще скованному льдами километров на пять от подножия. Но дальше видно было широкое, до южного горизонта, пространство открытой воды, по которой плавали льдины и целые ледяные поля. Для переезда в байдаре это море было слишком широко; байдара не могла вместить всех людей, груз и собак. Приходилось или ждать, пока осенние морозы скуют море и сузят открытую воду, или идти на восток в надежде, что там льды тянутся дальше на юг, а с другой стороны держатся вблизи острова Котельного и дадут возможность совершить переправу в два приема.

— Мы теперь словно потерпевшие кораблекрушение на острове, — сказал Ордин, — сзади вода, спереди вода, а в середине огонь да беда — так, кажется, говорится в сказке.

— Ну, пока еще огня нет, но воды и беды достаточно, — ответил Горюнов. — Оглянитесь назад.

Земля Санникова действительно имела вид огромного озера. В бинокль можно было различить фонтаны гейзеров, бивших в нескольких местах средней части котловины. Накануне еще в это время перед глазами лежали покрытые зимним саваном поляны и леса; теперь снег был заменен водой, а теплый ветер, тянувший с севера, показывал, что грелка земли восстановилась.

— Лучшая часть земли все-таки погибла, — сказал Ордин, — и все население ее, двуногое и четвероногое, сгрудилось в северной части, половина которой бесплодна.

— Да, им будет там тесно, особенно людям, — привил Горюнов. — Онкилоны, наверно, начнут теперь

войну с дикарями до полного истребления последних, чтобы не иметь таких опасных и близких соседей.

— И наши громы и молнии очень пригодились бы им теперь. Они пожалеют, что дали нам удрать.

— Ну, у Горохова осталось еще ружье.

— Вот что! Теперь я вспомнил, что мы забыли в землянке наше запасное ружье, которое хотели оставить Амнуундаку при расставании. Горохов может его поднести теперь в качестве подарка, чтобы задобрить онкилонов.

Когда солнце, спустившись к горизонту, скрылось, кроваво-красное, в полосе тумана, нависшего вдали над морем, наблюдатели вернулись на площадку и долго еще сидели у костра. Всем было грустно; они полюбили Землю Санникова и проводили теперь последний вечер в ее пределах. Поневоле вспоминался тот вечер, когда они впервые увидели эту таинственную землю с высоты окраинных гор, слышали доносившиеся снизу звуки, гадали о том, что предстоит им увидеть. Увидели они гораздо больше, чем ожидали, открыли много чудесного, нашли целый своеобразный мирок вымерших животных и первобытных людей, замкнутый в этой странной теплой котловине среди полярных льдов. Результаты экспедиции были огромны, все участники целы и невредимы, но вместо радости и удовлетворения они испытывали тревогу, объяснимую разве только событиями последних дней, грозившими этой чудесной земле и ее населению преждевременной гибелью.

Ночь была довольно теплая и, жалея дрова, не оставили на ночь костер, чувствуя себя в безопасности на этом высоком уступе, куда не могли забраться незаметно ни хищники, ни вампу, ни онкилоны, отрезанные огромной площадью воды. Еще днем одна нарта была совершенно уложена, покрыта шкурами и завязана; она содержала все результаты экспедиции — коллекции естественноисторические и этнографические, фотографии, дневники; она была не тяжела, но объемиста и стояла поодаль от других недалеко от края уступа; возле нее улегся Костяков, чтобы оградить от покушений собак свежее мясо, разложенное на ней на ночь. Остальные две нарты, загруженные только отчасти,

стояли ближе к собакам, поперек площадки, и возле них в своих спальных мешках улеглись остальные.

Горюнов проснулся уже за полночь от легкого толчка в бок. Ему показалось, что его будят, он открыл глаза, увидел, что никого нет, и хотел опять задремать, когда его ухо уловило как будто отдаленный гром.

«Ну, дождь для нас теперь совсем некстати, палатку на голом камне не укрепишь!» — подумал он, поднял голову и осмотрелся. Небо было чистое, луна поднялась высоко и освещала всю котловину. Он опустил голову и теперь явственно рассыпал глухой гул под собой.

«Неужели подземная катастрофа еще не кончилась? — подумал он. — Днем все было тихо, казалось, что землетрясение окончилось оседанием dna котловины и прорывом воды. Или это была только прелюдия?»

Резкий удар подбросил его на ложе и прервал его мысли.

— Опять трясет! — послышался сонный голос Ордина.

Горюнов присел на мешке и стал смотреть на озеро, вид которого сильно изменился; вода, встревоженная подземным ударом, поднялась волнами, которые разбегались кругами, пенясь и опрокидываясь; склоны волн, обращенные к луне, сверкали дугами, словно блестящая текущая ртуть. Слышался шум прибоя вдоль обрывов и всплески валявшихся сверху глыб.

Еще несколько сильных ударов последовали один за другим. И вдруг Горюнов услышал резкий треск, словно выстрел, раздавшийся рядом с ним, и увидел, каменея от ужаса, не будучи в состоянии двинуть ни одним членом, как в нескольких шагах от него раскрылась черная щель и часть площадки уступа, на которой лежал Костяков возле нарты, слегка наклонилась, потом быстро повернулась кручे и рухнула вниз. Отчаянный крик смешался с плеском воды, грохотом ломавшихся друг о друга глыб; столб пыли взвился в воздухе.

Все это было делом нескольких секунд. Еще некоторое время слышен был постепенно замиравший плеск волн, поднятых падением огромной массы.

Горюнов с трудом, дрожа всем телом, вылез из мешка. Голос отказывался ему служить, только дрожа-

щие звуки вылетали из горла. В двух шагах от него чернела свежая ломаная линия отрыва, и на месте восточной части площадки зияла черная бездна. Он подполз к краю и глянул вниз — среди волновавшейся еще воды чернела масса глыб обвала; на сугробе с лестницей зияла широкая брешь, очевидно, выбитая одной из глыб, отскочившей в сторону.

— Что такое, что случилось? — раздался голос Ордина, который спал так крепко, что только треск и грохот обвала привели его в чувство.

— Об... об... обвал... Костяков... нарта... свалились, — с трудом проговорил Горюнов, продолжая глядеть вниз.

Эта страшная весть сразу подняла Ордина на ноги.

— Так нужно же искать, помочь, вытащить! Скорее! — вскричал он, освобождаясь из мешка. — Эй, Никифоров, вставай, сюда! Где байдара?

— Невозможно! — сказал Горюнов с отчаянием в голосе. — Спустить байдару нельзя, сугроб снега снесен обвалом. А Костякова придавило.

— Да откуда вы знаете?

— Он в мешке и нарта соскользнули вниз, как только площадка наклонилась, и упали в воду раньше, чем вся масса рухнула; обвал упал прямо на них.

Ордин подошел к краю обрыва и стал смотреть вниз.

— Ничего не видно, кроме воды и глыб обвала. Костяков в спальном мешке всплыл бы наверх, как пузырь, если бы его не придавило.

— Какой ужас! — простонал Ордин. — На глазах погиб человек, и ничем помочь нельзя!

Один взгляд на сугроб показал ему, что спуск без долгой подготовительной работы невозможен; в гребне сияла брешь метров в пятнадцать ширины и десять глубины.

— Нельзя ли спуститься на веревке прямо с обрыва к воде? — предложил он.

— Достаточно прочных веревок у нас наберется едва на половину высоты, ведь здесь большие восьмидесяти метров, — ответил Горюнов.

— И не удержать нам вдвоем одного человека столько времени, — прибавил подошедший Никифоров.

— Но ведь кроме Костякова погибли все результаты нашей экспедиции! — вскричал Ордин.

— Да, погибли! — согласился Горюнов безнадежным тоном.

— Нужно хоть осветить место обвала, оно в тени и плохо видно. Может быть, Костякова отбросило в сторону и он лежит без сознания!

Никифоров принес из запаса дров большой пук хвороста, обвязал его куском веревки, поджег и, нацепив на багор от байдары, протянул над бездной. Ордин и Горюнов прилегли на краю, чтобы свет не падал им в глаза, и стали всматриваться вглубь. Хворост быстро разгорелся и осветил место обвала. Там, в промежутке между сугробом с лестницей и соседним, более низким, видна была только мутная, еще волновавшаяся вода и поднимавшаяся из нее куча нагроможденных друг на друга базальтовых глыб. Ни на них, ни на воде никаких признаков человека, обломков нарты, вещей. Обвал склонил все под собой. Веревка у крюка перегорела, и пылающий пук полетел вниз, упал на кучу глыб и на несколько минут, дрогая, осветил еще лучше все место, но ничего нового не показал.

Новый подземный удар заставил лежащих вскочить на ноги; на их глазах от края обрыва отделились еще несколько небольших глыб и рухнули вниз.

— Отодвинем нарты подальше отсюда! — распорядился Горюнов. — Как бы не повторилось несчастье!

Все трое с помощью Аннуир, молча присутствовавшей при описанной сцене, перетащили нарты, а затем и свои постели подальше от нового края обрыва, к месту спуска на сугроб. Последний своей ледяной массой все-таки поддерживал отвесную стену базальта, и казалось, что здесь более надежно. В глубине площадки, у подножия верхнего уступа, также было небезопасно, оттуда уже свалилось несколько камней.

Отдаленный грохот потряс воздух и заставил всех взглянуть на север. Там, над северной частью котловины, клубились столбы дыма или пара, местами озаренные зловещим красным светом: слышались частые и сильные взрывы, которые эхо окраин повторяло без конца. При каждом взрыве почва уступа слегка зздригивала под ногами.

— Вулкан просыпается! — проговорил Ордин.

— А люди, несчастные люди, спасшиеся туда от наводнения! Что с ними будет! — вскричал Горюнов. — И наш товарищ только что погиб здесь, другой погибнет там, и снова мы ничем не можем помочь!

Аннуир прижалась к Ордину и смотрела вдаль; слезы текли из ее глаз, и она вздрагивала от сдерживаемых рыданий.

— Однако пришел конец этой землице? — недоумевающе спросил Никифоров. — Что там только деется, дым, огонь из земли, глядите-ка!

Там, на севере, не столб, а целая колоннада столбов черного дыма и белого пара, смешивавшихся друг с другом, поднялась много выше окраин котловины, т. е. тысячи на три метров; то тут, то там ее прорезывали огненными дугами, словно ракеты, высоко взлетавшие раскаленные камни. Иногда туча паров, сопровождаемая рядом взрывов, словно артиллерийскими залпами, вырывалась в каком-нибудь месте и ширилась, вырастая вверх. Зарево на тучах колоннады разгоралось ярче: очевидно, где-то уж прорвалась раскаленная лава. Печальная луна, постепенно склоняясь к закату, освещала по-прежнему котловину и серебрила воды озера, которые все время волновались.

— Да, видно, конец Земле Санникова! — промолвил Ордин. — Мы ее открыли, и на наших глазах она погибает.

— Когда станет светло, посмотрим, нельзя ли спустить как-нибудь байдару и поехать на помощь гибущим, — сказал Горюнов.

Сидя на своих мешках, они оба и Аннуир, жавшаяся все время к Ордину, провели время до утра, наблюдая развитие извержения и обмениваясь замечаниями о нем и о погившем товарище. Никифоров, поглядев некоторое время, лег опять спать.

Наконец ужасная ночь кончилась, заалел восток, становилось все светлее и светлее. Аннуир развела огонь и стала варить чай. Ордин и Горюнов могли теперь рассмотреть, что случилось с их площадкой ночью. Вся восточная часть ее исчезла, и вместо нее зиял крутым клином, обращенным острием вниз, отрыв обвала. Последний, очевидно, отделился по трещинам, существовавшим раньше, и толчок землетрясения дал только импульс, преодолевший инерцию массы, кото-

рая и опрокинулась частью на сугроб, частью в воду, распавшись при падении на глыбы. В громадной выбоине сугроба лед был покрыт черной пылью, осколками и глыбами; внизу, над водой, поднимался хаос глыб. За ночь муть в воде осела, и с высоты видно было дно; в бинокль можно было осмотреть его повсюду, но ничего, кроме черных глыб, не было заметно. Они скоронили навсегда и человека, и все достижения экспедиции.

Осмотр выбоины в сугробе показал, что для того чтобы перебраться через нее, нужно вырубить во льду отвесной стены ступени вниз и с другой стороны вверх.

— Ну, к обеду мы это выполним,— сказал Горюнов,— обе части байдары спустим на веревке вниз и там втащим наверх. Давайте поедим — и за дело!

На севере котловины извержение продолжало разыгрываться, скрытое в тучах паров и дыма, но выдавая себя взрывами, от которых вздрогивала скала площадки. Завеса пара и дыма скрывала от зрителей катастрофу. При дневном свете видно было только, что эта завеса протянулась поперек всей котловины. Вдруг в одном месте, впереди этой завесы, появился огонь и быстро стал распространяться в обе стороны. В бинокль можно было разглядеть, что это горит полоса леса.

— Кажется, дела онкилонов безнадежны! — сказал Ордин.— Теперь ясно, что извержение началось не в северном конце котловины, а в средней части ее, приблизительно там, докуда мы вчера доехали, то есть там, куда люди спаслись от воды. Может быть, оно захватило и всю северную часть.

Оба вернулись к нартам; чай был готов. Никифоров понес собакам, привязанным в западном углу площадки, охапку вяленого мяса и вдруг остановился.

— Подите-ка сюда! — крикнул он.— Здесь дело неладно.

Горюнов, Ордин и Аннуир, усевшиеся уже возле чайника, вскочили и побежали к казаку. Он стоял возле трещины шириной в ладонь, которая шла через площадку наискось от заднего края ночных отрывов к западному концу. Нарты и люди находились между этой

трещиной и внешним краем площадки, собаки — по другую сторону.

— Вчера этой щели не было! — сказал Никифоров.

— Ну, дело дрянь. Подготовлен второй обвал, — заявил Горюнов.

— И достаточно еще одного хорошего подземного толчка, чтобы он рухнул, — прибавил Ордин. — Его, очевидно, подпирает сугроб, иначе он свалился бы уже ночью с нами.

— Видно, придется удирать отсюда, как это ни печально, — промолвил Горюнов, — иначе мы очутимся там же, где лежит Костяков.

— Давайте перетащим вещи за трещину!

Сказано — сделано. Уселись наконец за завтрак, но все время поглядывали с беспокойством на трещину, черневшую в трех шагах от них, ожидая, что вот-вот она начнет расширяться и опять рухнет масса камня, в этот раз прямо на сугроб.

Поевши, быстро принялись за работу; двое поднялись по ступенькам на верх стены, захватив веревки, двое остались внизу; одну за другой втащили обе нарты, байдару, вещи; затем отвязали и погнали наверх собак, кроме одной, которую ночью убило упавшим камнем.

Горюнов, уходя последним с злополучной площадки, подошел еще раз к краю, взглянул и прошептал прощальные слова погившему товарищу.

Приключения Никиты

В день ухода товарищей Горохов проснулся довольно поздно; его разбудили голоса женщин:

— Где Аннуир? Она, видно, сбежала ночью к своему мужу, белому колдуну! Не послушалась запрета!

— Идите и приведите ее сюда! — раздался голос Амнундака.

— Ташите ее за волосы, если не пойдет! — прибавил женский голос.

Тут Горохов вспомнил, что его товарищи собирались уйти в эту ночь, и ему стало тяжело на душе. Он быстро начал одеваться, чтобы узнать, ушли ли они. Но раньше, чем он кончил, вернулись Аннуэн и две другие

ны могли превратиться в медведей, чтобы мы не узнали по следу, куда они ходили.

Горохов расхохотался. Онкилоны с удивлением посмотрели на него, а Амнундак спросил сердито:

— Почему тебе так весело?

Горохов спохватился, что для него невыгодно разуверять онкилонов в могуществе белых, и ответил:

— Мне стало смешно, что они и Аннуир превратили в медведицу; ведь их трое, а следов воины видели четыре.

— Да, да, четвертый след поменьше, видно женский! — подтвердили воины.

— Хорошо, идите к шаману, — решил Амнундак.

Вернувшись, посланные сообщили, что шаман сам хочет пойти к священному озеру, а потом придет сюда на моление и велел приготовить жертвенного оленя.

Горохов, за каждым шагом которого следили воины по распоряжению Амнундака, лежал на своей постели и думал, хорошо ли он сделал, что остался один у онкилонов. Если случатся опять какие-нибудь несчастья, онкилоны начнут их приписывать ему, или уходу его товарищей, или и тому и другому. Могут потребовать от него то, что он сделать не может, начнут угождать; мало ли что могут придумать эти люди!

Не уйти ли тоже? Товарищи обещали ждать его двое суток. Только теперь его караулят и уйти нелегко. А что еще намолит вечером шаман? Он совсем было приуныл, и только его жена Раку, подсевшая к нему, развлекла его своей болтовней.

В сумерки явился шаман, пошептался с Амнундаком, потом сел к огню погреть свои костлявые руки; глядел упорно в пламя, и губы его беззвучно двигались. Потом поднял голову и сказал:

— Пора пришла!

— Женщины, берите детей и идите в жилище белых людей, оно пустое. Садитесь там, пока вас не позовут, — распорядился вождь.

Горохову стало страшно. В последний раз женщин также выслали из жилища на время моления, после которого последовала кровавая ночная жертва на берегу священного озера. О ней он сегодня узнал впервые от своей жены, которая случайно проболталаась. Не задумал ли шаман и в этот раз ввести озеро в берега по-

средством жертвы, и этой жертвой будет он! Он похолодел, и сердце замерло в груди.

— Иди и ты с женщинами в свое жилище! — обратился к нему Амнундак. — Женщины, смотрите, чтобы он никуда не уходил, вы отвечаете за него.

Это немного успокоило Горохова. Если бы его хотели принести в жертву, то незачем было отпускать его из жилища с одними женщинами.

Если бы он знал, что Амнундак после его ухода велит двум воинам сторожить землянку снаружи, он не был бы так спокоен.

Женщины наполнили опустевшую землянку своим смехом и болтовней, живо развели огонь и расселись вокруг него. Горохов улегся на свою постель и сейчас же протянул руку к ружью, которое всегда лежало рядом, у стенки. Ружья не оказалось. Кто его унес? Несужели товарищи? Едва ли они отняли у него это могущественное оружие. Но они тогда взяли бы и патроны; Горохов пошарил в котомке и нашел целую пачку. Очевидно, онкилоны по приказу Амнундака сегодня обшарили его постель и унесли эту страшную палку, выбрасывающую громы и молнии, чтобы лишить его возможности защищаться. Дело совсем дрянь, они, несомненно, замыслили недобroе.

Горохов подозревал к себе Раку и под смех и болтовню женщин стал ее расспрашивать обиняками о намерениях онкилонов. Но она не могла сообщить ему ничего определенного, только разные глупые женские разговоры о могуществе и пагубном влиянии белых колдунов.

Вдруг Горохов вспомнил, что в последний раз, когда они заходили на свою базу, они принесли запасное ружье, совершенно новое, которое хотели на прощание подарить Амнундаку. Не забыли ли его товарищи? Вот было бы счастье. Оно лежало в разобранном и запакованном виде в головах постели Горюнова, и онкилоны едва ли догадались, что этот сверток — тоже палка с молниями. Горохову захотелось сейчас же убедиться в этом, ведь после моления ружье может очень понадобиться, чтобы защищать свою жизнь. Он отпустил Раку к остальным, а сам немного погодя перешел на постель Горюнова, объяснив, что здесь почетное место и веселее, чем в его углу. Он прилег, стал шарить

осторожно и в глубине изголовья под шкурами и слоем сена нащупал сверток. Но как его развернуть и сбрать ружье, не обратив на себя внимание женщин? Чем бы занять их? А не проделать ли все у них на глазах в виде фокуса, который произведет впечатление? Пожалуй, это будет самое лучшее, они увидят, что из бумаги и кусков вырастает страшная палка.

Вытащив сверток, он сел на край постели, но не рядом с женщинами и сказал, что покажет сейчас превращение «вот этой дубинки, взятой у людоедов, в палку, выбрасывающую громы и молнии». Некоторые женщины закричали: «Ой, не надо!», но любопытство большинства победило. Горохов начал развязывать сверток, упакованный еще в магазине в столице; развязав бечевки, он передал их женщинам, никогда еще не видавшим подобного. Бечевки пошли по рукам, и их разглядывали внимательно. Потом он развернул большие листы оберточной бумаги, также никогда не виданной онкилонами, и они пошли по рукам; женщины удивлялись «тонкой желтой коже». Когда один лист, поднесенный слишком близко к огню, вспыхнул ярким пламенем, раздались крики ужаса и удивления — кожа так не горела. Пока все взоры были устремлены на пылавший лист, Горохов быстро собрал ружье — это была двустволка центрального боя с одним нарезным стволом для пули,— взял его на прицел и воскликнул:

— Вот и палка готова!

Ближайшие к нему женщины отшатнулись и взвизгнули, воображая, что сейчас же из блестящей палки вылетит молния. Но Горохов засмеялся и сказал:

— Не бойтесь, молния вылетит только в того, кто захочет сделать мне дурное, а вы все добрые женщины.

Фокус произвел сильное впечатление; некоторые женщины знали, что у «полубелого» колдуна — так звали Горохова онкилоны между собой ввиду его смуглой кожи в отличие от трех остальных — сегодня унесли его страшную палку, чтобы сделать его беззащитным. И вот он у них на глазах превратил какую-то дубинку в новую палку. Это нужно непременно рассказать мужчинам.

Пачку патронов, бывшую при ружье, Горохов спрятал в карман, чтобы зарядить, когда понадобится. Обла-

дание ружьем успокоило его, к нему вернулось хорошее настроение, и, держа ружье в руках, он сказал:

— А теперь, женщины, потанцуйте, как в прошлый раз, когда вы были у нас в гостях. Я вам дарю вот эти ремешки и эту кожу, а вы потанцуйте, пока там шаман призывает духов.

Приходилось повиноваться колдуны, обладавшему палкой. Но женщины вообще плясали охотно, особенно в долгую зимнюю ночь, а сейчас ведь была уже зима, снег лежал и не таял. И те, которые еще не разделись, войдя в землянку, сделали это теперь. Начался танец, описанный уже прежде, вокруг весело пылавшего костра, а Горохов, полуразвалившись на постели Гирюнова, с ружьем в руках, покуривая трубку, смотрел на пляшущих женщин.

Но в этот раз женщины не успели доплясаться до изнеможения; явился воин и сказал, что моление кончилось и можно вернуться в свое жилище.

— Раку останется здесь, у меня,— заявил Горохов,— Раку, слышишь!

— Амнуундак сказал, чтобы и ты пришел в его жилище,— ответил воин.

— Скажи Амнуундаку, что я буду спать в своем жилище и Раку останется со мной,— решительно заявил Горохов.

— Амнуундак велел...— начал опять воин.

— Я не онкилон и не подвластен Амнуундаку,— прервал его Горохов,— он не может мне приказывать. Раку, иди сюда.

Одевавшиеся женщины переглядывались и перепечатывались; воин был поражен. До сих пор белые колдуны ни разу не говорили таких слов и старались угоджать вождю, хотя втайне вредили и создавали бедствия. А тут этот полубелый остался один и завел такую речь. Раку не знала, что ей делать — уходить ли с другими женщинами или остаться с Гороховым.

— Раку, тебе говорю, не одевайся, а иди сюда ко мне! — крикнул Горохов. Этот решительный тон действовал, и Раку, успевшая только залезть в панталоны, подошла к нему, придерживая их у пояса.

— Садись тут! Когда все уйдут, мы будем ужинать.

Женщины, подобрав детей, одна за другой вышли

из землянки, воин постоял в нерешительности и наконец ушел. Раку села и сказала:

— Амнундак будет очень сердит, он меня накажет за то, что я осталась здесь.

— Не бойся, он не посмеет ничего сделать тебе. Вот увидишь! А теперь варя чай.

Спокойствие Горохова подействовало на женщину, и она вернулась к своим хозяйственным обязанностям. Они спокойно поужинали и собирались уже лечь спать, когда дверь отворилась и вошли четыре вооруженных воина; старший из них заявил:

— Амнундак сказал: ты не хочешь быть гостем в его жилище — оставайся здесь. Но он велел нам прийти к тебе, чтобы ты не оставался один без защиты. Мы будем здесь спать, место есть.

«Ишь как вывернулся, мудрец», — подумал Горохов и сказал громко:

— Очень хорошо придумал Амнундак! Ложитесь двое там, — он указал на постель Ордина, — и двое тут, — он указал на свое прежнее место. — А я буду на почетном месте, пока не вернутся другие белые люди.

Три воина легли не раздеваясь, а четвертый усился у огня.

— Они пришли караулить тебя, чтобы ты не убежал тайком, как другие белые люди, — прошептала Раку испуганно.

— Они пришли защищать нас от вампу, медведей и подземных духов, глупая! — спокойно заявил Горохов, конечно вполне понявший намерения Амнундака. Но на ночь он принял некоторые предосторожности: сам лег к стене и ружье положил за собой у стены, зарядив один ствол пулей, другой — картечью; Пеструху уложил в ногах постели. Горохов знал, что собака не пустит никого к спящему хозяину.

Ночь прошла спокойно; воин, сидевший у костра, время от времени сменялся одним из спавших; он поддерживал огонь и дремал, прислонившись к столбу и держа в руках свое копье. Горохов спал крепко, но Раку всю ночь ворочалась с боку на бок; ее все-таки тревожила мысль, что сделает завтра Амнундак.

Когда настало утро, воины ушли, но им на смену тотчас же явились Аннуэн и две другие. Горохов еще спал, но Раку сейчас же вылезла к ним и стала расспра-

шивать, что поведали духи шаману, как отнесся вождь к отказу Горохова и ее неповиновению. Но женщины, очевидно получившие инструкции, ответили:

— Что поведали духи, мы не знаем; Амнундак выслушал воина и сказал то, что передали посланные в ваше жилище, а про тебя ничего не сказал.

Раку успокоилась, но Горохов, проснувшись и узнав результаты ее расспросов, не удовлетворился ими; ему важно было узнать, что наколдовал шаман, и в течение дня, который он провел в своем жилище и возле него на воздухе, Раку несколько раз ходила по его поручению в землянку вождя на разведку, но ничего не добилась. В первый раз она пошла с трепетом, думая, что женщины сейчас же ее схватят, разденут и высекут по приказу Амнундака: так обыкновенно наказывали за ссоры, ленъ, непослушание. Но Амнундак даже не обратил внимания на ее появление.

Вечером Амнундак пришел к Горохову, уселся у огня и сказал:

— Ты не хотел быть гостем у меня, а я вот пришел к тебе. Вот ты вчера сказал, что сегодня белые люди вернутся. Ночь уже пришла, а их нет. Что скажешь еще?

Горохов, уже обдумавший за день, что ему делать, ответил спокойно:

— Видишь, снег на земле, идти трудно, лыж у них нет, потому и запоздали. Придут ночью или утром.

— Отчего не взяли лыжи у онкилонов? — спросил Амнундак и, помолчав, прибавил: — Подожду до утра, если не придут, пошлю воинов искать их, не случилось ли что-нибудь с ними.

Он посидел еще немного, пожаловался, что снег лежит и не тает, зима наступила на целый месяц раньше времени, чем онкилоны встревожены. Потом поднялся и ушел. Вслед за ним собрались уходить и жены отсутствовавших, проведшие весь день в землянке. Уходя, они сказали:

— Раку, иди возьми там свое молоко и лепешки.

Раку, захватив посуду, отправилась с ними, но не вернулась. Вместо нее снова появились четыре воина на ночлег. Горохов долго ждал Раку и решил, что ее не пустили. Обдумав за день свое положение, он нашел его рискованным и понял, что в одиночестве ему не

удастся долго противиться Амнундаку, что силой или хитростью у него отнимут ружье и тогда сделают с ним все, что велит шаман. Он мог еще дожнать товарищей, обещавших ждать его двое суток; срок истекал завтра вечером. И он решил бежать в эту ночь.

Бегство

Еще в сумерки Горохов срезал дерн с наружной стороны землянки против изголовья своей постели и эту брешь засыпал снегом. Теперь было нетрудно без шума вынуть несколько тонких коротких бревешек, едва закопанных одним концом в землю, а другим прислоненных к длинным бревнам откоса и составлявших бока последнего. В эту дыру можно было перед рассветом, когда сон одолевает больше всего и караульный будет дремать, вылезти тихонько наружу. Горохов надеялся, что Раку пойдет с ним, убежденная примером Аннуир. Котомка была подготовлена. Раку уже ходила в зимней одежде. Побег заметят только утром, потому что постель останется на месте. Пеструха тоже, она потом прибежит по следу; дыру снаружи заложат. Прежде чем спохватятся, они успеют отмахать десяток километров; две пары женских лыж были также подготовлены — зарыты в сумерки в снегу.

Невозвращение Раку огорчило Горохова — он привязался к ней и из-за нее главным образом остался у онкилонов. Но теперь приходилось уходить и без нее. Впрочем, она, может быть, и не пошла бы и даже подняла бы тревогу. Пожалуй, к лучшему, что ее нет.

Горохов рано лег спать и положил Пеструху к себе на постель; теперь ее можно было взять сразу же с собой. Укладываясь, он громко сказал, чтобы слышали воины, сидевшие еще у огня:

— Раку не пришла; собака завтра меня разбудит и приготовит еду.

Около полуночи сильный подземный удар разбудил и дремавшего караульного и Горохова. Заскрипели балки землянки, посыпалась земля через щели. Спавшие воины вскочили с постелей, присел и Горохов, последний в сильной тревоге. Если удар повторится, все население землянки Амнундака выбежит и будет ночевать

у костра под открытым небом; тогда уйти незаметно не удастся. Нужно уходить раньше, во время суматохи.

Пока он соображал, что делать, прокатился второй удар, и вся землянка заскрипела; одно бревно из крыши центральной части сорвалось с места и упало на костер вместе с кучей дерновин. Горохов стал поспешно надевать теплую куртку, воины с криком ужаса выскочили за дверь. Но когда волна сотрясения прошла и землянка осталась стоять, один из них вернулся и взял несколько головней из костра; они, очевидно, хотели развести огонь вблизи дверей, чтобы продолжать свои обязанности караульных.

— Ты бы лучше вышел из жилища,— обратился этот воин к Горохову, сидевшему на своей постели,— тебя может придавить; половина жилища Амнуундака уже рвалилась.

— Нет, я останусь здесь и буду спокойно спать,— ответил Горохов,— мой угол не рвалится.

Воин покачал головой и вышел. Это только и нужно было якуту. Он тотчас же взял из соседнего отделения одеяло Костякова, свернул его в трубку и положил вместо себя под свое одеяло, так что при первом взгляде казалось, что под ним спит человек. Затем быстро разобрал стенку у своей постели, выставил наружу котомку и ружье, вылез сам, кликнул Пеструху, заложил отверстие, засыпал его снаружи снегом и осторожно, под покровом тени от землянки, заслонявшей его от костра воинов, направился к ближайшему дереву на окраине поляны, стоявшему шагах в двадцати. Это был старый развесистый тополь, пощаженный онкилонами, так как он не годился ни на дрова, ни на постройку. Спрятав Пестружу и котомку в дупло, Горохов полез наверх и присел, прижавшись к стволу, на толстый сук. Отсюда ему было видно все, что делалось на поляне, а сам он был скрыт сучьями и ветвями, хотя уже лишенными листвы. Он сообразил, что переходить сейчас через поляну нельзя: она была освещена кострами онкилонов, и на белом фоне снега его черную фигуру сейчас же заметили бы бодрствующие люди. Нужно было выждать, пока они задремлют у костров. Огибать же всю поляну по лесу было слишком долго, и, кроме того, Горохов боялся, что из-за темно-

ты попадет не на ту тропу, которая шла к базе, и заблудится.

Со своего наблюдательного пункта он видел, что часть землянки Амнундака уже развалилась; женщины суетились еще вокруг костров и вытащенных вещей и детей, воины торопливо выносили остатальное имущество. Вскоре после того как он усился, по котловине прокатился новый удар; он почувствовал, как вздрогнул и закачался тополь; в землянке Амнундака рухнул еще один откос, вокруг костров люди закачались и некоторые упали; опять раздались крики и вопли, а с окраины котловины — грохот обвалов. И тотчас же он услышал где-то поблизости среди поляны сильный треск; взглянув в эту сторону, он увидел среди белой снежной пелены, чуть выделявшейся на черном фоне леса, большое темное пятно, на котором быстро мелькали белые пятна.

«Лед разломало на озере! — подумал он. — Нельзя будет идти прямо, вот напасть!»

Когда гудение земли и грохот обвалов затихли, Горюхов расслышал шорох и плеск, доносившиеся с черного пятна, которое быстро увеличивалось.

«Нешто вода из берегов выходит? Уж не затопит ли нас тут? Вот беда какая, костры зальет, люди в темноте останутся. Мне-то лучше будет бежать от них. А вот если на других полянах вода тоже выступила, как же идти-то? Ах ты несчастье, и зачем я только здесь остался? Вот если бы лодка была!»

И тут он вспомнил, что, когда озеро начало замерзать, онкилоны вытащили бывшие на воде две берестянки, с которых он не раз ловил рыбу, и зарыли их в снег на заднем откосе его землянки, оберегая от оленей, которые могли пробить днище, если оставить эти хрупкие лодки на земле. Это успокоило его — лодка совсем близко, только бы онкилоны не захватили раньше, чем он до нее доберется.

Между тем черное пятно быстро росло, и край его был уже шагах в тридцати от костров, разливавшаяся вода пожирала снег и наступала все дальше и дальше. Тут ее заметили и онкилоны; один подбежал к краю пятна, убедился, что оно движется, и закричал:

— Спасайтесь, вода идет, вода топит!

Поднялась невообразимая суматоха, крики, плач, суета; одни кричали: «На деревья, на деревья!», другие: «Где лодки?», трети: «Спасемся в землянку колдунов!» Воины хватали вещи, женщины — детей. Амнундак подбежал к караульным воинам у костра перед землянкой чужеземцев и крикнул:

— Где белый колдун? Ведите его, пусть он остановит воду! Или мы его заколем тут же!

Но тут откуда-то с высоты раздался протяжный крик:

— Онкилоны, бегите скорее на север, там воды нет, спасайтесь на север, на север! Я говорю вам, дух неба.

И тотчас перепуганные люди подхватили это внушиение, повторяя:

— На север, бежим на север, скорее!

Толпа воинов, тяжело нагруженных вещами, и женщин с детьми вперемешку со стадом оленей беспорядочно двинулась к опушке леса. Вода уже тушила ближайшие к ней костры, с них валил едкий дым, шипя, чернели головни и гаснул свет.

Амнундак еще стоял вблизи землянки чужеземцев. Воины, поспешившие внутрь, чтобы вывести Горохова, вернулись испуганные:

— Белый колдун исчез вместе с собакой, вылетел в дымовое отверстие, жилище пусто.

Так доложили они, и Амнундак, всплеснув руками, побежал вслед за своими подданными к северной опушке, сопровождаемый караульными. Когда поляна опустела, Горохов спустился с дерева, подбежал к землянке, стащил с откоса одну из берестянок вместе с привязанным к ней веслом, вытряхнул снег и перенес берестянку к тополю, посадил в носовую часть Пеструху, в середину сложил свою котомку и ружье, сам сел к корме, взял весло и стал ждать. Крики онкилонов уже замирали вдали, последние костры гасли, вода подступала к двери землянки.

«Эх,— подумал Горохов,— в лодке можно еще кое-что увезти, ну хотя бы меховое одеяло. Поди, товарищи отдали мой спальный мешок Аннуир, да и плыть ночью холодно будет».

Он побежал к землянке, увидел, что вход в нее уже залит, быстро вернулся к своей заделанной дыре, раз-

бросал бревешки, вытащил одеяло и, преследуемый по пятам водой, вернулся к берестянке.

«Так-то лучше будет», — подумал он, усаживаясь на одну половину одеяла и закрывая ноги другой.

Вода уже шипела, пожирая снег вокруг берестянки; кругом становилось темнее, только землянка выделялась белой массой на черном фоне. Вот берестянка вспыхла, и Горохов заработал веслом, отплывая в сторону озера.

— Прощай, наше жилище! — сказал он, проплывая мимо землянки. — Не довелось нам в тебе зимовать, да и никто не будет, все попортит вода!

Мерно загребало двухконечное весло то справа, то слева, и легкая посудина скользила по черной воде; глаза привыкали к темноте и различали уже стену леса, отступавшую назад, с двумя белыми горбами землянок, а впереди — простор, откуда с напором стремилась вода. Среди этого простора Горохов скоро различил плоский бугор и почувствовал, что стало труднее гребсти. Он догадался, что это вода поднимается пузырем среди озера, и стал объезжать его стороной, борясь с течением; когда он его обогнул, течение начало помогать ему, и скоро он очутился у противоположной опушки. Теперь нужно было найти тропу, ведущую на юг; белевшие на фоне леса землянки помогли ему ориентироваться; он помнил, в каком направлении от них должна была быть тропа.

Вот он нашел ее и поплыл по узкому каналу между двумя стенами леса; стало темнее, и нужно было плыть очень осторожно, чтобы не пропороть тонкое дно берестянки каким-нибудь торчащим из воды сучком. Горохов перестал гребсти и предоставил течению нести легкую посудину. Но скоро течение ослабело, а потом началось обратное, и пришлоось снова взяться за весло; смерив глубину, Горохов нашел, что она не выше колена.

Едва он начал загребать, как впереди послышался сильный шум, плеск, фырканье и мычание; очевидно, по тропе двигались дикие быки, а встреча с ними представляла страшную опасность. Горохов, не долго думая, задвинул берестянку в стену леса, в чащу, в двух-трех шагах от тропы, обхватил одной рукой ствол дерева, другой с веслом уперся в дно и стал ждать. Плеск

и шум быстро приближались, и вот по тропе-каналу мимо его убежища, пыхтя, сопя, фыркая, начала двигаться темная масса крупных животных, напирающих друг на друга в своем поспешном бегстве от наводнения на север; они бежали тяжелой рысью, почти по брюхо в воде, разбрасывая фонтаны брызг и производя волны, расходившиеся в глубь леса. Если бы Горохов не держался за дерево и не уперся веслом в дно, берестянку неминуемо опрокинуло бы; якут провел несколько неприятных минут, пока стадо не пробежало мимо и вода не успокоилась.

Не успел он после этого проплыть и сотни метров, как снова послышались шум и плеск, быстро приближившиеся; опять пришлось укрываться в чащбе. На этот раз промчалось несколько носорогов, поднявших такую волну, что Горохов с трудом удерживал равновесие лодки; его окатило целым фонтаном воды.

— Прокляты будьте, неуклюжие твари, язвило вас, окаянцы! — ворчал он, отирая лицо. — Этак далеко не уедешь, а воду отливать нечем, да и темно.

Не успело улечься волнение, поднятое носорогами, как надвинулся табун лошадей, еще большие взволновавших воду; они бежали быстрее, чем быки, вставали на дыбы, стараясь обогнать друг друга, фыркали и ржали.

Не доехав следующей поляны, Горохову пришлось укрываться еще раз: теперь бежали вперемешку быки и лошади, а вслед за ними еще десяток медведей. Наконец он выплыл на поляну-озеро и начал его пересекать, огибая среднюю часть, где вода поднималась бургом; когда он выплыл почти на середину, вода внезапно запенилась, поднялась, волнами его чуть не перевернуло. Грохот и плеск, донесшиеся с окраин, показали, что прокатился новый удар землетрясения. Борясь с волнами, которые долго не хотели успокоиться, Горохов добрался наконец до следующей опушки, нашел канал и поплыл дальше, но очень скоро остановился в недоумении — канал делился на три ветви, и ночью не было никакой возможности выбрать надлежащее направление: окраины котловины неразличимы, компаса не было, звезд не видно.

«Ничего не поделаешь, придется ждать рассвета, — решил Горохов. — Надо быть, уже недолго; сколько времени я мотаюсь по воде, а затрясло после полуночи».

Последняя речь шамана

Горохов свернулся с канала подальше в чащу, куда волны с поляны и с канала могли доходить уже очень ослабленные; привязав берестянку к дереву, растянулся на дне ее, завернувшись в одеяло, и заснул, слегка покачиваясь на волнах.

Проснулся он поздно от воя Пеструхи; раскрыв глаза, он увидел, что поднявшаяся за ночь вода прижала берестянку к ветвям дерева; собаку так сильно сжало, что она не могла двинуться. Чтобы освободить ее, пришлось прибегнуть к ножу и срезать ряд веток. Горожан попробовал смерить глубину и не мог достать дна, а весло вместе с рукой было больше двух метров.

«Ну и наводнение же! — подумал якут. — Теперь уж зверья по пути не встретишь; которые не успели убежать — перетонули».

Пеструха, освобожденная из плена, обнюхивала котомку, виляя хвостом и умильно поглядывая на хозяина.

— Проголодалась, бедняга! — догадался последний. — И впрямь пора поесть, только еды-то у нас мало и чай варить нельзя. А дичи уже нет!

Он достал из котомки лепешку и копченого гуся, захваченного из обильного запаса, который был подведен под крышей землянки; стал есть, отдавая собаке необглоданные кости и обрезки.

— Эх, последнего гуся едим, Пеструха! — обратился он к собаке. — Ведь наш запас уже затопило, никто не спас, жалость какая!

Этот запас напомнил ему про Раку, ее заботы о нем, и ему стало грустно. Вспомнил он Казачье и свою старую и сварливую жену, из-за которой он часто уходил из дома к соседям или нанимался каюром к купцам на длинные концы. И он подумал, что можно еще попытаться увезти Раку; онкилоны, наверно, остановились на первой сухой поляне, спят после ночной тревоги и бегства. Можно подплыть к ним, пробраться на опушку и выждать, когда Раку появится где-нибудь поблизости, окликнуть ее, забрать — и в лодку. По воде онкилоны не догонят. Его товарищи сегодня до вечера должны еще ждать, а если даже ушли, то в первый день далеко не пройдут, по следу и их можно скоро

догнать. Горохов сообразил, что за ночь он отплыл только до следующей поляны, т. е. километра три-четыре, не больше, значит, возвращаться недалеко.

Приняв это решение во время завтрака, якут отвязал берестянку и поплыл на север; солнце уже давно взошло и по временам появлялось между тучами и пригревало; при дневном свете картина наводнения не производила такого жуткого впечатления, как ночью. Вода сверкала, струилась, стена леса отражалась в зеркале озера; Горохова удивило только обилие всякого мусора, который плавал на поверхности воды в лесу и на каналах; только на полянах, откуда вода растекалась во все стороны, поверхность ее была чиста. Добравшись быстро до поляны, где было стойбище, он решил подновить запас провизии, подплыл к землянке, затопленной выше дверей, влез на крышу и через дымовое отверстие снял несколько пар копченой птицы, подвешенной снизу; на радостях даже отдал целую утку Пеструхе, которой утром досталось очень мало. Собака, ворча от удовольствия, прилегла и стала грызть птицу.

Потом он поплыл дальше по направлению, по которому ночью ушли онкилоны. По каналу в лесу пришлось плыть среди пелены листьев, веток и всякого хлама, поднятого водой. Попадались мертвые птицы и мелкие четвероногие, на одном дереве он заметил притаившуюся куницу и по охотничьей жадности убил ее ударом весла.

— Хоть и летний мех, а на шапку годится, все равно с голода пропадет,— пробормотал он, подбирая добычу. Подвигаясь на север, он заметил, что озера пузирятся меньше и вода не так глубока, весло уже доставало дно.

«Эх, жаль, нет Матвея Ивановича, он объяснил бы мне, откуда столько воды прет из земли. Разверзлись хляби земные, как сказано в писании, и начался потоп. Слава богу, что хляби небесные еще не топят сверху, это было бы совсем худо».

После полудня вода в каналах и на полянах стала совсем мелкая, видны были верхушки небольших кустов, а вокруг озер на полянах камыши; пришлось плыть тихо, чтобы не напороться. Потом берестянка то и дело начала задевать за дно и наконец стала. Горохов

вылез и побрел пешком, но тащил лодку за собой; скоро пришлось высадить и Пеструху, а котомку надеть на себя, чтобы тащить почти пустую лодку по траве, еле покрытой водой. Наконец он выбрался на поляну, представлявшую мокрый луг; только кое-где во впадинах блестела вода. Поляна была наполнена четвероногими; стада быков, табуны лошадей, косяки оленей, несколько семей носорогов частью паслись, частью отдыхали, лежа на траве; в кустах хрюкали кабаны, роясь в мокрой земле.

«Ну и дивно их набралось тут! — подумал Горохов. — Намаялись, видно, бедняги, всю ночь по воде хлюпавши без отдыха. А вот и охотники!»

Он заметил, что вдоль опушки за кустами ползут на четвереньках вампу, подбираясь к ближайшему табуну лошадей. Животные благодаря своей многочисленности, очевидно, не были так настороже, как обыкновенно, и вампу были совсем близко от них. Горохов насчитал человек двадцать. Ближайший был шагах в сорока от куста, за которым он наблюдал, зажимая морду Пеструхе, чтобы она не лаяла.

«Эх, попугаю я их! Пусть знают, что молнии и громы еще действуют!» — решил он и прицелился так, чтобы пуля пролетела над головами вампу. Когда рассеялся дым, вампу уже не было видно, только колебания кустов показывали, что они скрылись в лес, откуда доносился их крик, постепенно удалявшийся. На поляне выстрел также произвел замешательство, лежавшие животные вскочили, одни стада бежали сюда, другие туда.

«Если вампу здесь, значит, онкилоны не так близко, — решил Горохов. — А хорошо, что я их пугнул, а то мог бы сам на них напороться!»

Он потащил берестянку дальше, но скоро стало совсем сухо, на тропе попадались камни, и можно было повредить дно. На опушке следующей поляны он заметил высокий, приметный издали тополь с раздвоенной вершиной и решил оставить лодку здесь; он поднял ее на развилину ствола, сложил туда же котомку и посадил Пеструху, привязав ее за ошейник к веревке берестянки; пошел дальше налегке. Километрах в двух далее он услышал впереди голоса и почувствовал запах дыма. Осторожно добравшись до опушки, Горохов

стал наблюдать. В разных местах поляны горели костры, вокруг которых стояли, сидели и лежали онкилоны; на огне жарилось мясо, и запах его приятно щекотал ноздри якута. По-видимому, здесь собралось все племя или большая часть его из затопленной местности, и, как всегда, каждый род держался отдельно у своего костра. Наискосок от места наблюдения вокруг одного из костров толпилось особенно много людей, и Горохов решил, что там должен быть род Амнундака; он подкрался по опушке поближе, очутился шагах в тридцати и различил Амнундака, окруженного предводителями других родов. Обсуждали вопрос, рассеяться ли по сухим полянам вплоть до бесплодной северной части котловины и приняться немедленно за постройку землянок ввиду близости зимы или же ждать спада воды, чтобы вернуться на старые, привычные места.

«Вот дураки! — подумал Горохов. — Они еще в надежде, что вода уйдет куда-то. Не знают, сколько там этой воды».

Тут якут обратил внимание на то, что на поляне совсем не было снега, как не было его и там, где кончилась вода. Очевидно, он уже успел растаять, потому что было совсем тепло, наводнение как будто вернуло лето в котловину.

По другую сторону костра сидели женщины и дети. Горохов различил Аниуэн и других женщин, но Раку не было видно.

«Не вернулась ли она в свой род, как вдова? — подумал он и стал всматриваться в женщин у других костров; у соседнего сидели люди рода, ближайшего к стойбищу вождя, откуда была и Раку, но и здесь ее не было.

«Куда она запропастилась! Пошла куда-нибудь или спит? Подожду, вот они скоро будут есть, тогда должны все собраться».

Немного погодя женщины крикнули, что мясо готово; все разошлись по своим родам и уселись вокруг костров; женщины стали раздавать палочки с мясом и лепешки. Но Раку не явилась ни в род Амнундака, ни в свой. Это встревожило Горохова, и он подумал, не убили ли ее онкилоны в наказание за ее непослушание приказу вождя. Ничем иным нельзя было объяснить ее

отсутствие, разве что во время землетрясения ее придавило в обрушившейся землянке.

— Незадача выходит, — пробормотал он, — зря я проездился, нужно скоро уходить, солнце уже склонилось к западу.

Тут его внимание привлекло появление десяти вооруженных онкилонов, вышедших из леса недалеко от того места, где он прятался. Они подошли к Амундаку и сложили к его ногам несколько дубинок и копий вампу.

— Ты послал нас, великий вождь, обыскать место, откуда недавно раздался гром, — сказал старший. — Ты подумал, что вернулись белые колдуны. Но мы видели там много крупной дичи и нашли вот это, — он указал на дубинки, — белых колдунов или следов их мы не нашли.

— А все-таки они бродят недалеко от нас! — сказал Амундак. — У вампу нет громов. Все хорошо слышали гром.

«Хорошо, что у них нет собак! — подумал Горюхов. — Не то меня бы уже выследили».

Но следующие слова вождя сильно встревожили его.

— Скажите предводителям родов, что нужно сейчас выслать всех воинов осмотреть лес вокруг нашей поляны. Белые колдуны близко и принесли нам новое бедствие.

Воины ушли обходить костры, разнося приказ. Горюхов сообразил, что он не успеет уйти достаточно далеко, и решил переждать облаву по соседству, взобравшись на дерево. Он тотчас же отбежал немного в глубь леса, выбрал удобное дерево и влез высоко наверх; оказалось, что сквозь ветви видна вся поляна. Усевшись на развилине, он увидел, как от всех костров потянулись в разные стороны вооруженные воины и, дойдя до опушки, образовали цепь, которая проникла в лес. Правее и левее его дерева также прошли воины, но они искали на земле, лазили в чащи кустов и подлеска, даже шарили копьями, а посмотреть наверх не догадались. Впрочем, якут сидел высоко, прижавшись к стволу и в темном платье; его скрывали ветви, хотя без листвы, но сквозь их сетку различить его можно было бы, только зная, что он наверху.

Облава продолжалась часа два, и солнце уже спустилось за горы, когда со всех сторон на поляну вернулись усталые воины и расположились у своих костров отдохнуть. Горохов слез с дерева и прокрался опять на опушку вблизи рода вождя. Последний сидел рядом с шаманом; ему только что доложили о безуспешности поисков. Он был встревожен и недоволен, а шаман сказал:

— Вели сейчас собрать всех предводителей родов сюда на совет.

Амнундак отдал распоряжение, и ко всем кострам побежали воины.

«Что еще задумал старый колдун? — подумал Горохов. — А Раку и теперь еще нет, все женщины поднялись и отходят от огня, освобождая место; всех видно, кроме Раку. Не иначе, что ее загубили, бедную!»

Когда все представители родов собрались и уселись вокруг костра, шаман встал и, подняв голову и протянув руки вперед, повел такую речь:

— Великие бедствия постигли наше племя. Сколько раз тряслась уже земля и рушились наши жилища с тех пор, как пришли белые колдуны на нашу землю, где мы раньше жили спокойно. Они пришли и увидели, что здесь хорошо жить, лучше, чем у них, где всегда лежит снег и солнце не греет. Они увидели, что здесь есть леса и всякие травы, хорошие пастища и много диких зверей, а у нас много оленей. И задумали они истребить наше племя, чтобы завладеть нашей землей и стадами. Они высушили священное озеро, но мы вернули его кровавой жертвой. Они сделали так, что стало холодно и зима началась на месяц раньше и снег не таял. Они думали, что мы все замерзнем. Это не помогло, мы держали огни в жилищах и согревали себя. Тогда они решили выгнать нас из жилищ потопом; опять затряслась земля, и вода хлынула из нее и затопила наши поляны и жилища. Мы спаслись, голос духов неба направил нас сюда, где воды нет. Но наши жилища разрушены, наши стада разбежались.

Долго ли мы будем терпеть это? Зима близко, мы все погибнем, и белые колдуны возьмут нашу землю. Они ждут этого, они там, на краю снегов, сидят и ждут, а тот, который остался с нами, выслеживает,

куда мы ушли, он ходит здесь поблизости, но его не могут найти.

Шаман остановился и перевел дух; взоры всех были устремлены на него в напряженном ожидании.

— Нужно покончить с белыми колдунами. Мы приняли их как почетных гостей, дали им жилище, пищу и молодых женщин. Они заплатили нам неслыханными бедствиями. Верно ли все это, онкилоны?

— Правда, правда все это! — раздались голоса предводителей.

— Мы уже наказали ослушницу, одну из тех женщин, которых мы дали им и которая хотела изменить своему племени, как сделала та, которая убежала с ними к снегам. И белый колдун, ее муж, не защитил ее, а скрылся, хотя она звала его на помощь, когда тонула в воде, которую колдуны вызвали из земли.

Теперь мы должны поймать всех колдунов и принести их в жертву добрым духам нашей земли. Завтра сто лучших воинов пойдут в поход к снегам; они сделают плоты и поплывут через воду во главе с нашим воождем; у них есть копья и стрелы, а у него громы и молнии, которые мы взяли у белого колдуна. Теперь у нас равное оружие, и нас много, а их только четверо. Неужели сто воинов не одолеют их? Пусть половина падет в бою, но наша земля будет спасена и мы будем жить, как прежде. Вода не уйдет обратно в землю, наши жилища останутся разрушенными и наши стада рассеянными, пока белые колдуны не будут принесены в жертву. Я сказал!

— Ах ты старый, подлый пес! — пробормотал Горожов, слушая речь шамана. — Ты утопил мою Раку и теперь хочешь переловить нас и зарезать, как оленей. Но сначала ты сам отправишься к предкам!

Он поднял ружье и прицелился в шамана, который стоял прямо против него за костром, ярко освещенный в наступивших сумерках, подняв руки и голову, во вдохновенной позе прорицателя. Грязнул гром, и шаман упал ничком, лицом в огонь. Пораженные ужасом, Амнуундак и предводители словно окаменели; меховая шапка шамана вспыхнула, женщины, стоявшие поодаль, заголосили. И вдруг, словно по внушению, все сидевшие вокруг костра подняли руки к небу, испустили протяжный вопль, взывая о помощи, затем закрыли

ими лицо и трижды повторили этот трагический жест. Потом Амнундак встал и произнес торжественным тоном:

— Молния белых колдунов поразила нашего шамана за то, что он призывал нас сделать им зло. Они могущественны, и мы не можем бороться с ними. Так предсказал великий шаман, приведший наших предков на эту землю. Уберите мертвого из огня!

Жуткое соседство

После выстрела Горохов пустился бежать, рассчитывая на то, что онкилоны, растерявшись, не сразу организуют погоню, а наступившая ночь позволит ему скрыться, в крайнем случае опять на дереве. По кустам он выбежал на тропу, по которой пришел днем, и не останавливался, пока не различил тополь, на котором оставил свое имущество и собаку. Если есть погоня, нужно влезть на это дерево, где котомка, одеяло и провизия позволяли провести ночь без лишений, так как двигаться дальше с грузом уже нельзя было так скоро, а до воды оставалось еще километра два.

Он остановился и прислушался; сначала все было тихо, но затем послышались голоса и вдали замелькали огни; очевидно, онкилоны с факелами гнались за ним. Не долго думая, Горохов влез на дерево и стал поднимать свое имущество выше; всего больше хлопот доставила Пеструха, которая не могла сидеть спокойно на какой-нибудь развалине; пришлось наладить берестянку на двух толстых сучьях, а собаку и котомку положить в нее. Едва он справился с этим делом, как на тропе вблизи тополя появилось несколько онкилонов с факелами, а правее и левее видны были другие. Мигновав дерево, онкилоны вскоре напали на ясный след, оставленный берестянкой на мокрой земле и траве, и с криками радости, подозревав к себе остальных, побежали по этому следу, надеясь догнать беглеца.

Горохов поужинал копченой птицей, накормил собаку, выкурил трубку, а онкилоны все не возвращались с безуспешной погони. Его стало клонить ко сну, и он решил вздрогнуть до восхода луны; привязал себя к стволу, у которого сидел на суку, и заснул.

Его разбудило сильное раскачивание дерева; он чуть не потерял равновесие и, если бы не привязь, свалился бы вниз; пришлось держать обеими руками и берестянку с ее грузом. Горохов не понимал, что такое происходит: кругом все грохотало и гудело, а на небе светила давно поднявшаяся луна; видно было, как раскачиваются и все соседние деревья, а ветра не было. Наконец он догадался, что опять трясется земля; оглянувшись случайно на север, он увидел, что там, где-то очень близко, происходит что-то ужасное; из-за леса появились клубы белого и черного дыма, поднимавшиеся к небу, и оттуда донесся такой грохот, что зазвенело в ушах, а потом пахнуло жгучим ветром, от которого захватило дыхание.

— Царица небесная, что там деется? Земля рвется, огонь выходит! — взмолился Горохов. — Бежать, бежать надо на воду!

С трудом он стал спускать вниз по очереди котомку, берестянку и собаку, потому что дерево все время качалось. На земле едва можно было устоять на ногах; шатаясь, точно пьяный, Горохов потащил берестянку по земле, а затем и по мелкой воде. Время от времени то справа, то слева что-то тяжелое падало в воду, ломая ветви деревьев. Грохот не утихал, воздух становился все горячее и удушливее.

Наконец вода позволила сесть в лодку, и беглец начал отдаляться быстрее от места катастрофы; выехав на большую поляну, он увидел на севере зарево на фоне клубов дыма и красные молнии, прорезавшие последние то тут, то там.

«Пропадают, — видно, бедные онкилоны в том ад! — подумал он. — И опять валят все на белых колдунов. Убили шамана, а потом и весь народ губят».

Мелкая вода волновалась слегка, но чем больше становилась глубина, тем сильнее было волнение, и берестянку бросало из стороны в сторону. Проплыв с десяток километров, Горохов выбился из сил и решил искаль где-нибудь приюта до рассвета. На краю большой поляны, на которой особенно шумели волны, он заметил вблизи остов землянки, поднимавшейся над водой; землетрясение еще до потопа разрушило откосы, но центральные четыре столба с настилом крыши на них устояли, так как были закопаны в землю и связаны пе-

рекладинами. Эта платформа стояла почти на метр выше воды, и волны не заливали ее.

«Вот место для отдыха!» — подумал беглец и направил берестянку к платформе, с трудом выложил имущество, высадил собаку наверх, вылез сам и вытащил свою легкую посудину. Разостлав одеяло на мокрый дерн крыши, он немедленно уснул, несмотря на грохот, доносившийся с севера, и на шум волн.

Он проснулся на рассвете и стал осматриваться, ориентируясь для продолжения плавания. За ночь вода успокоилась, и только мелкая рябь по временам подергивала зеркало озера. По соседству над последним поднимался второй островок в виде зеленого холмика. По высокому тополю вблизи него Горохов узнал землянку свою и своих товарищей; на тополе он спасся в ночь бегства; сам он провел ночь на остатках землянки Амнундака.

Наскоро поев, якут спустил лодку на воду и позвал Пеструху, чтобы посадить и ее; собака стояла возле дымового отверстия в середине этой платформы, смотрела в воду и визжала.

— Что ты увидел там, пес, рыбу, что ли? — спросил Горохов и подошел, чтобы взять собаку, не желавшую сходить с места. Взглянув в дымовое отверстие, он вздрогнул — из воды были видны пальцы двух человеческих рук возле одного из столбов платформы.

— Господи светы, тут кто-то утоп! — воскликнул он. — Что же он не вылез по столбу наверх?

На одном из пальцев блестело серебряное кольцо, показавшееся Горохову знакомым; у онкилонов серебряных колец не было, и только жены белых получили от своих мужей такие кольца и очень гордились ими.

— Ох, палачи, да это Раку! Прочие женщины были там, а старый пес сказал, что они изменницу утопили.

Горохов спустился в лодку и подплыл к столбу, у которого были видны руки; оказалось, что кисти крепко привязаны ремнем к столбу. Он перерезал ремень и потянул за окоченевшую кисть; над водой медленно поднялась рука, потом появились волосы и наконец лицо с раскрытыми глазами; эти глаза, как бы полные слез, смотрели на якута с укором. Он вскрикнул и отшатнулся, кисть утопленницы выскользнула у него

из рук, и голова исчезла в мутной воде, но вслед за ней исчезла и рука, труп погрузился на дно.

«Несчастная! — подумал якут. — Они ее привязали на ночь к столбу, чтобы она не убежала ко мне, а потом, когда пришла вода, ее забыли в землянке или нарочно оставили, и она утонула».

Он представил себе, что должна была испытать Раку, когда вода ворвалась в землянку и стала подниматься все выше и выше по ее телу; как она извивалась и звала на помощь, а ответом был только плеск воды в жуткой темноте ночи; как вода поднялась до груди, до шеи, до рта и залила наконец горло, издававшее последний призыв. А он был сначала тут поблизости и свободно мог ее спасти, как только онкилоны ушли. Но она, вероятно, начала кричать, только когда вода проникла в землянку, а он в это время уже плыл по озеру.

Ему захотелось вытащить тело и похоронить его где-нибудь, но багра у него не было, да и хоронить пришлось бы разве в снегах за котловиной. Удрученный, он посадил Пеструху, теперь повиновавшуюся зову, взял вещи и поплыл на юг. Он греб усиленно, надеясь еще догнать товарищей, и берестянка летела стрелой по спокойной глубокой воде озер и каналов.

Вот впереди показалась окраина котловины с выделявшимися на черном фоне утесов белыми сугробами. А на севере все время клубились белые и черные тучи, и по временам оттуда доносился грохот взрывов.

Наконец лес кончился, Горохов выплыл на чистую воду окраины, омывавшую сугробы. И здесь все затоплено. Где товарищи? Ушли? Утонули? На площадке над сугробами никого не видно!

Но вот высоко на гребне обрыва на светлом фоне неба появился темный силуэт человека. Горохов громко заорал, замахал веслом, Пеструха залаяла.

Его заметили, он спасен!

Он подплыл к подножию сугроба, высадил своего пассажира и кладь, тяжело нагруженную и поднялся по ступеням наверх.

Вдруг перед ним развернулся провал — дальше ходу не было. А за провалом стояли уже Горюнов и Ордин.

— Ох, успел-таки догнать вас! — воскликнул Горо-

хов, сбрасывая свою ношу на лед. — Ну и натерпелся я всякого!

— Придется тебе долго ждать, пока мы вырубим во льду спуск и подъем, — ответил Горюнов.

— Вот так ямина! От погони вы, что ли, отгородились? Да, перебраться тут нелегко, — сказал Горохов, осматривая брешь, окаймленную отвесными ледяными стенами в несколько метров вышины. — А прорубаться долгонько. Вот что, несите веревку и бросьте мне ее.

Веревка была уже захвачена на всякий случай, и конец ее, к которому привязали камень, перебросили Горохову. Он перетянул все к себе и затем начал спускать свою кладь на дно бреши, сложив веревку вдвое; когда кладь была внизу, он отпускал один конец, тянул за другой, и веревка возвращалась наверх, а кладь оставалась. Так он спустил котомку, одеяло и наконец Пеструху, пропустив веревку под ошейник. Собака, повешенная за шею, задыхалась и барабаталась в воздухе, но спуск произошел так быстро, что она не успела задохнуться. Теперь нужно было спуститься самому. Недалеко от края обрыва лежала глыба базальта, прочно врезавшаяся в лед, якут обернул ее веревкой и спустился вдоль ледяной стены, а внизу отпустил один конец, потянул другой — и веревка упала к его ногам.

Подъем не представил затруднений, так как вверху было два человека, которые вытащили якута, собаку и вещи — первого с трудом, так как он был тяжел. Выскочив наверх, он бросился в объятия товарищей.

— Слава богу, добрался! А я уже полагал, что не стану здесь никого!

Действительно, если бы Горохов выплыл из леса только на несколько минут позже, он не увидел бы своих товарищ. Обе оставшиеся нарты были уже на южном склоне гребня, где Никифоров заканчивал их увязку. Горюнов и Ордин в это время вернулись еще на гребень, чтобы бросить последний взгляд на котловину Земли Санникова, которой они отдали столько недель труда и которая на их глазах погибала вместе со своими двуногими и четвероногими обитателями под потоками воды и лавы. Им удалось собрать много ценных наблюдений, но результаты их трудов так внезапно погибли вместе с одним членом экспедиции в последние часы их пребывания, а другой товарищ добро-

вольно остался в котловине и, конечно, как они думали, тоже погиб.

Под лучами низко стоявшего солнца серебрилось обширное озеро котловины в черной раме обрывов и со щетиной островов и кос темного леса, а на севере за колеблющейся стеной из клубов пара и дыма разыгрывался последний акт драмы Земли Санникова и племени онкилонов. Ордин запечатлел эту печальную картину на последней уцелевшей еще фотографической пластинке, картину едва открытого для науки и уже погибающего мира с последними мамонтами, носорогами и представителями первобытного человечества. Сделав снимок, он пошел укладывать аппарат, а Горюнов остался еще на минуту и увидел выплывающий из леса членок Горохова. Не будь этой счастливой случайности, якут не скоро догнал бы своих товарищей. Поднимаясь наверх, Горохов увидел зиявшую трещину, услышал о гибели Костякова и понял, как счастливо он отдался.

— В сорочке, видно, я родился, Матвей Иванович, — сказал он, останавливаясь на гребне. — За эти два дня я сколько раз был на краю могилы, да вот жив и здоров, а бедная Раку, из-за которой я, собственно, и остался, утонула по моей вине. Вечная память ей и Павлу Николаевичу!

Он снял шапку и трижды поклонился в сторону Земли Санникова, ставшей могилой стольких людей.

В этот день путешественники отъехали недалеко и остановились у подножия южного склона земли. Экскурсия по льду в сторону открытого моря показала, что лед слишком непрочен и может быть взломан первой бурей. Нужно было идти на восток в поисках более надежного места.

Через льды и по морю

Целую неделю путешественники двигались на восток в поисках надежного места для переправы, но везде лед был непрочен; хотя лето кончалось и теплые дни постоянно чередовались с морозными, последние не могли еще не только сковать море, но и даже закрепить старые ледяные поля, разрыхленные таянием. Приходилось ждать начала зимы, а это было возможно

только на острове Беннетта, где была избушка, построенная Толлем, и где по берегу можно было собирать плавник для топлива, а также подновить запас провизии охотой на медведей и северных оленей. К счастью, лед между Землей Санникова и этим островом в это лето не был разломан, и путешественники, сделав только небольшой крюк к северу, добрались на десятый день до острова. И было пора: корм для собак, взятый из запасов Никифорова, кончался; три дня уже обходились без дров.

Угрюмый, скалистый, почти бесплодный остров Беннетта после веселой Земли Санникова произвел на путешественников безотрадное впечатление. Но они рады были тесной избушке Толля, находившейся на восточном берегу в устье небольшой долины с ручейком пресной воды, откуда можно было подняться на плоскую возвышенность, занимающую весь остров. Плавника было довольно, но надежды на охоту не оправдались; оленей не оказалось, а медведи не попадались. Пришлось начать убивать собак для корма остальных; ввиду гибели одной нарты была лишняя упряжка, которая и пошла на съедение.

Так прожили десять дней, но положение не изменилось, лето все еще держалось, несмотря на начало сентября, и лед продолжал таять и разрушаться. Приходили к концу и запасы пищи для людей. Все четверо, оставляя Аннуир охранять избушку и собак, каждый день ходили на охоту, искали и осмотрели остров по всем направлениям — он имеет километров шестнадцать в длину и восемь в самой широкой восточной части, — но приносили только изредка ворону или чайку.

— Вот что, товарищи, — сказал однажды Горюнов, — ждать дольше нельзя, мы останемся без собак к тому времени, как море замерзнет, то есть когда они именно нужны. Барометр уже несколько дней стоит очень высоко, море спокойно и бурю ждать нельзя. Вещей у нас, кроме теплой одежды и ружей, очень мало, собак осталась половина; если их сократить еще, оставив только пять-шесть лучших, мы все поместимся на байдаре. Пользуясь тихой погодой, в день-два переплы whole="1" style="display: inline-block; width: 100%; vertical-align: middle;">ем на Котельный; там у нас запас корма для всех, и там можно выждать зиму, если погода переменится, если

нет — поплыли и дальше вдоль берега Котельного и к материку.

Обсудив этот план, пришли к выводу, что он вполне целесообразен; день был еще достаточно длинный — более двенадцати часов; меняясь на веслах, можно было переплыть семьдесят миль через море до мыса Высокого на острове Новая Сибирь, ближайшем к Беннетту, в день, в крайнем случае — в два, переночевав на одном из ледяных полей, которые плавали среди моря. Конечно, внезапно налетевший шторм мог потопить байдару, но то же грозило бы и позже, при переправе через едва замерзшее море, с той разницей, что тогда, в октябре, день длится только часа два-три, а ветры, ломающие лед, гораздо чаще.

Итак, было решено, что если к вечеру барометр не упадет, убить лишних собак, накормить остальных до отвала, а на рассвете тронуться в путь, оставив все лишнее имущество в избушке. С этой целью груз был тщательно пересмотрен.

К вечеру барометр поднялся еще немного, и несколько собак, служивших верой и правдой, с тяжелым сердцем были принесены в жертву. Крот, Белуха и Пеструха, конечно, остались в числе живых. Чуть свет путешественники покинули гостеприимную избушку, протащили байдару по льду километра два до открытого моря и затем на восходе солнца отчалили, держа курс прямо на юг. Так как байдара была тяжело нагружена, то плавание шло не так быстро, как надеялись, и до заката проплыли немного больше половины. В середине моря стали чаще попадаться плавающие льды, и продолжать путь ночью было рискованно. Пришлось причалить к ледяному полю, на котором и расположились ночевать. При закате Высокий мыс был уже ясно виден на горизонте.

На рассвете поднялись и продолжали плавание. Когда рассвело, Никифоров и Горохов, всматриваясь в даль, одновременно воскликнули:

— Вот так штука, за ночь нас здорово отнесло в сторону!

— Куда же? Куда? Земли не видно? — спросил Ордин.

- Земля-то видна, да не та, что была вчера.
- Куда же нас могло унести?
- Или на восток, тогда мы видим восточную часть Новой Сибири, или на запад, тогда перед нами Фаддеевский или даже Котельный остров,— сказал Горюнов.
- Даль неясна,— заявил Горохов,— нельзя еще разобрать, какая земля.
- Все равно, какая бы ни была, плывем к ней; барометр за ночь начал падать, нужно поторопиться! — заметил Ордин.

Когда солнце поднялось выше и рассеялся легкий туман над морем, Горюнов взял бинокль, посмотрел на землю и спросил:

- А ну-ка, Никита, зоркие глаза! Какая земля перед нами?

Горохов всмотрелся, прикрыв глаза от солнца, и сказал:

- Котельный остров!
- Верно! И льдина за ночь избавила нас от плавания по очень скверным местам вдоль островов. Теперь мы причалим прямо к нашему складу.

Действительно, к полудню уже не оставалось сомнения, что в виду остров Котельный; все узнали его очертания, исчез только почти весь снег, покрывавший его весной.

Под вечер причалили к ледяному поясу, окаймлявшему остров, и на протяжении пяти километров пришлось вспоминать весенние дни, перетаскивая нарты через торосы. В сумерки добрались до поварни у подножия северного мыса.

В складе не все было цело; очевидно, летом прошлиенники, охотившиеся на острове, пользовались провизией, особенно юколой. Но для небольшого числа оставшихся собак корма осталось достаточно.

На следующий день погода была еще ясная, но барометр сильно падал, и предстояла резкая перемена. Не следовало испытывать слишком часто судьбу, и решили выждать. Действительно, вечером началась буря, а утром повалил снег, грянул мороз и сразу началась зима. Пурга с короткими перерывами длилась до конца сентября, но корма для собак, провизии для людей

и топлива было достаточно, и путешественники отсыпались и отсыпались в поварне. Путь домой был еще далек, но главное препятствие — открытое море — было уже пройдено.

В один из случайных ясных дней все поднялись на высоты над мысом и смотрели на еле видневшиеся на горизонте вершины Земли Санникова. Что делалось там? Кончилось ли извержение? Ушла ли опять вода из котловины? Или все живое погибло и через несколько лет исчезнет в воде или снегах и лес — последнее доказательство богатой жизни среди льдов севера. Все смотрели с грустью на эту далекую землю, где каждый из них оставил нечто дорогое, особенно Аннуир. Последняя страдала от непривычных для нее сильных холодов, хотя носила теплую одежду Костякова, пришедшуюся ей по росту. Она часто грустила по покинутой родине, привычным условиям жизни и по погибшим соплеменникам. Она не раз спрашивала остальных:

— Неужели и там, где ваша земля, все такой холод и ничего, кроме снега и льда?

В начале октября установившаяся зимняя погода позволила продолжать путь, конечно, на нартах. Более тяжелую нарту тащили собаки, более легкую — по очереди двое людей. Дни были короткие, и приходилось идти и ночью, если светила прибывавшая луна. В поварне на мысу Медвежьем пришлось переждать пургу, взломавшую лед, и потом с большим риском идти по тонкому льду до Малого Ляховского. На Большом Ляховском дважды пережидали пургу; собачий корм был на исходе, провизия также, зато нарты стали легче и двигались быстрее. Только в последних числах октября путешественники, сильно утомленные, с тремя оставшимися в живых собаками прибыли в Казачье.

Опять у академика

Целую неделю в избе Никифорова путешественники отдыхали от трудов и лишений длинного пути; они просыпались, только чтобы поесть, и снова ложились спать. Впрочем, полярная зимняя ночь и жестокие морозы не располагали и остальное население печального края к усиленной деятельности.

На наивную Аннуир жалкое Казачье с его двумя десятками избушек, занесенных снегом, произвело впечатление большого селения; она впервые видела дома с крышами, печи с трубами, окна, столы, стулья, кровати, впервые узнала, что можно спать и сидеть не на земле и есть не с колен; все это были диковины, к которым приходилось привыкать, хотя иное казалось ей смешным или ненужным.

Собственно, прибытием в Казачье экспедиция, давшая такие открытия, но закончившаяся гибелю одного участника и всех коллекций и записей, могла бы считаться завершенной и Горюнов мог бы остаться где угодно, послав академику Шенку подробный письменный отчет. Но слишком велико было уважение Горюнова к этому ученому, доверившему крупную сумму и инструменты неизвестному человеку на почти фантастическое предприятие. Ему хотелось явиться лично и подтвердить свой рассказ показаниями второго участника. Кроме того, нужно было сдать инструменты и деньги, вырученные при продаже нарт, байдары, ружей, палатки и прочего. Большую часть этого имущества приобрели Горохов и Никифоров, очень ценившие хорошие нарты и ружья.

Собрав около тысячи рублей, включая и остаток денег, выданных Шенком, Горюнов, Ордин и Аннуир выехали через Верхоянск в Якутск. Но здесь встретились препятствия — срок ссылки Ордина еще не кончился, и губернатор не соглашался его отпустить, а Аннуир одна не хотела ехать, так как дальний путь зимой ее страшил.

Ордину было разрешено остаться в Якутске, который произвел на Аннуир уже впечатление огромной столицы с массой диковинных вещей, начиная с кошек, коров и запряженных лошадей и кончая бальными пальцами и граммофоном.

Горюнову пришлось поехать одному и удовольствоваться фотографией Аннуир в ее домашнем костюме, т. е. татуировке и пояске стыдливости, небольшой коллекцией горных пород с Земли Санникова и острова Беннетта и последней фотографией Земли Санникова,

снятой с гребня при отъезде. В конце декабря он прибыл в столицу и явился к Шенку.

Последний знал из короткой телеграммы только об открытии Земли Санникова и возвращении участников и с понятным нетерпением ждал приезда Горюнова, которого хотел представить академии и ученым обществам для публичных докладов о замечательном путешествии. Но Горюнов попросил выслушать сначала наедине его устный доклад.

И вот в один вечер в той же комнате, как и год тому назад, за тем же столом Шенк выслушал рассказ Горюнова.

Когда дело дошло до мамонтов, носорогов, быков и других «живых окаменелостей», он весь просиял и восхликал:

— Конечно, вы их измеряли, фотографировали и привезли хоть что-нибудь в доказательство этого замечательного открытия!

Существование онкилонов и палеолитического человека так же поразило его, как и сведения об их жизни и нравах.

Перед тем как изложить тяжелые воспоминания о последних днях Земли Санникова и ее обитателей, Горюнов сделал паузу. Шенк принял это за окончание рассказа и сказал:

— Вы ведь привезли дневники, фотографии, может быть, даже черепа и шкуры животных, утварь онкилонов и дикарей? Вот так доклад мы устроим и поразим всех Фом неверующих!

— Да, все это было у нас... Но все, все погибло!

— Ну, что вы говорите! Так-таки все, все?

С волнением выслушал Шенк конец рассказа, рассмотрел фотографию и горные породы и сказал:

— Итак, мы знаем теперь, по свидетельству четырех очевидцев, что Земля Санникова существует, находится на север от острова Котельного, примерно в ста километрах, представляет огромный кратер вулкана, недавно возобновившего свою деятельность. Вот на основании этих данных я попытаюсь в недалеком будущем побудить академию снарядить экспедицию, достаточно снабженную средствами и научными силами,

КАРТА ЗЕМЛИ САННИКОВА

1—база у сугробов; 2—первое пузыряющееся озеро; 3—пещера с kostями; 4—главное стойбище онкилонов; 5—жилье шамана; 6—священный камень; 7—поляна носорогов; 8—стойбище вампу; 9—северное стойбище онкилонов; 10—поляна засады; 11—пещера вампу (место битвы); 12—кладбище онкилонов; 13—окраина леса; 14—долина Тысячи Дымов; 15—поляна мамонтов; 16—священное озеро.

чтобы достигнуть этой земли и поскорее изучить то, что еще осталось от ее населения. Вы оба, конечно, примете в ней участие, чтобы своей опытностью обеспечить успех предприятия.

— О, разумеется! Но как теперь с докладом в академии и ученых обществах? — спросил Горюнов.

— Сейчас он только испортил бы дело, — возразил Шенк, — согласитесь, что все, что вы мне рассказали, так необычайно, так чудесно и неправдоподобно, что нужны убедительные доказательства, а то, что вы можете предъявить слушателям, слишком недостаточно. Эта фотография татуированной женщины — скажут, это эскимоска или чукчанка, они ведь в жилищах ходят также раздетыми и татуируются, а тип у них такой же. Вот этот базальт с гребня Земли Санникова — чем вы можете доказать, что он взят не с острова Беннетта или с Святого Носа? А эта фотография котловины с озером и извержением вулкана — на ней почти ничего не видно! Почему вы не фотографировали больше и лучше после гибели карты с результатами?

— Потому что мы израсходовали весь запас пластиночек в котловине на фотографии людей, животных, природы и случайно осталась только одна в кассете. Этую женщину я фотографировал уже в Якутске.

— Обидно! Если бы хоть были снимки земли с гребня, а также острова Беннетта, то это были бы доказательства. А так никто не поверит вам.

— Неужели и вы не верите мне? — воскликнул удрученный Горюнов.

— О нет, я вполне верю! — поспешил успокоить его Шенк. — Выдумать все, что вы рассказали, невозможно... Но другие люди, более недоверчивые, скажут: вот старый, глупый человек дал деньги каким-то неизвестным ссыльным, наговорившим ему турусы на колесах. Они эти деньги прокутили и потом сообща сочинили поучительный рассказ для маленьких детей о фантастической земле и ее чудесном населении, который и преподнесли доверчивому Шенку для оправдания расходов. Нет, лучше пока помолчим!

— Пока? До каких пор?

— Пока новая экспедиция с вашим участием не посетит землю, не найдет этот огромный кратер, затопленные леса, новый вулкан, кости животных и людей. Тогда и вы выступите со своим докладом, который, подтвержденный документами и участниками новой экспедиции, уже встретит полное доверие и сохранит для науки сведения о жизни и гибели населения злополучной земли.

— Да, вы правы! — сказал Горюнов. — Это будет более целесообразно. Дискредитировать вас и себя мы, конечно, не хотим.

— Но, — продолжал Шенк, — время течет и сглаживает воспоминания. Необходимо на свежую память теперь же составить описание — для меня лично — всего путешествия. Я его сохраню до благоприятного момента.

— Конечно, я сделаю это обязательно, это мой священный долг. Кое-что я записывал на острове Беннетта и во время сидения в поварнях и в Якутске; теперь я все это изложу систематически и представлю вам через две-три недели. А вот и наш денежный отчет и остатки так щедро отпущеных средств.

Шенк просмотрел отчет, но деньги вернул Горюнову.

— Я вижу, что вы не положили ни себе, ни Ордину никакого вознаграждения. Это неправильно, всякий труд должен быть оплачен.

— Но ведь мы не привезли вам почти ничего, кроме фантастического рассказа и двух десятков камней, поэтому не заслуживаем никакого вознаграждения.

— Вот то, что вы вернули часть денег и не поленились приехать из Казачьего за десять тысяч километров, чтобы представить эти остатки и свой рассказ, уничтожило бы последнее сомнение в вашей правдивости, если бы такое у меня было. Нет, вы выполнили очень трудную задачу, и не ваша вина, что результаты погибли. Это случалось уже не раз: тонут корабли, везущие коллекции и отчеты, и сами участники едва спасают свою жизнь. И с вами случилось кораблекрушение. Гибнут коллекции, пересылаемые по почте. Нет, нет, вы должны быть вознаграждены. Кроме того, вы

будете писать для меня отчет, будете жить ради этого здесь, а жизнь в столице дорога. Возьмите деньги хоть как гонорар за этот отчет.

Горюнову пришлось взять деньги, чтобы не обидеть Шенка. Вскоре он представил отчет, а затем поступил в университет, чтобы лучше подготовиться к предстоящей новой экспедиции.

К сожалению, она не состоялась до сих пор. Разразилась война с Японией, и академия не могла получить необходимые средства. А по окончании войны Шенк умер, едва сделав первые шаги для осуществления проекта. Не стало ходатая за исследования Северной Сибири, и о ней забыли надолго. Горюнов и Ордин тщетно ждали извещения от Шенка и занялись другими делами. Но отчет, сохранившийся среди бумаг Шенка в архиве академии, послужил материалом для этой книги. Может быть, она возбудит интерес к таинственной Земле Санникова в ком-нибудь из нового поколения и побудит отправиться на поиски ее среди ледяных просторов Северного моря.

Послесловие

Молодой читатель, ознакомившись с описанием приключений Горюнова и его спутников на Земле Санникова, имеет право спросить автора: существует ли вообще эта земля, затерянная среди Северного полярного моря? Ведь эта книга — научно-фантастический роман?..

На этот вопрос читателя автор отвечает: путешествие на эту неизвестную землю выдумано.

Вопрос, существует ли в настоящее время Земля Санникова, решен новыми советскими исследованиями Арктики так: эта земля существовала, может быть, более 100 лет, как показали наблюдения Санникова и Толля, но не так давно исчезла. В пределах восточной части Ледовитого океана, изучаемого нашими полярными исследователями, обнаружены плавучие острова.

Новые исследования советских ученых подтвердили вывод адмирала С. О. Макарова, сделанный еще в 1899 году, о существовании в Ледовитом океане дрейфующих ледяных островов. Плавая к северу от большого острова Шпицберген, Макаров увидел среди морского льда неизвестный остров. Спутники адмирала нашли на острове валуны и мелкие камни, а лед острова оказался не морским, а пресноводным. Макаров установил, что это был огромный айсберг, очевидно сползший с Шпицбергена, где он составлял конец ледника.

В Ледовитом океане известно довольно много больших гористых островов, имеющих ледники, сползающие в море.

Образующиеся айсберги попадают в морские воды и переносятся течениями с места на место во время летнего вскрытия льда. Так, в 1939 году севернее острова Генриэтта были замечены два крупных айсберга, а в 1946, 1948 и 1950 годах советские летчики открыли в высоких широтах три дрейфующих ледяных острова значительной площади; они видели на них ледяные холмы и горы, речки и озера, возникающие при таянии льда и снега, и огромные валуны — морены ледников. Советские ученые установили, что айсберги откалываются от ледников Земли Франца-Иосифа, Северной Земли и Канадского архипелага и переносятся несколько лет морскими течениями, пока не растают.

Можно думать, что и Земля Санникова представляла такой ледяной остров — айсберг, отколившийся от какого-нибудь ледника Северной Земли. К северу от Новосибирского архипелага он, очевидно, сел на мель в мелком море и простоял более 70 лет, ибо Яков Санников заметил этот остров к северо-западу от острова Котельного в 1811 году, а Эдуард Толль в 1886 году при совершенно ясной погоде видел на том же месте четыре плоскоконические столовые горы с примыкавшим к ним с востока низким предгорьем. Но возможно, что оба наблюдателя видели не один и тот же остров, а разные, севшие на мель приблизительно на том же месте в разные годы своего образования.

Такие плавучие ледяные острова, конечно, не могли дать приют онкилонам, бежавшим от чукчей с северных берегов Восточной Сибири. На плавучих островах не может быть никакой растительности.

Такие острова не могли привлекать и птиц для гнездования. Можно думать, что птицы, прилетающие летом в северные страны с юга, искали для высиживания птенцов более надежные местечки, которых было достаточно на архипелагах островов Ледовитого океана.

Северный Ледовитый океан вообще очень богат большими и малыми островами во всей его области, окаймляющей берега Европы, Азии и Америки. На этих островах встречаются нередко молодые вулканические породы, а на некоторых, например на Исландии, находятся действующие вулканы. Это доказывает,

что предположение автора о существовании большого вулкана, составлявшего Землю Санникова, не является чем-то малоправдоподобным.

Геологические исследования доказали, что восточная часть Ледовитого океана на всем протяжении от Таймырского полуострова до острова Врангеля и на север до 80 градуса северной широты представляла еще в начале четвертичного периода суши, северную окраину Сибири. Об этом свидетельствуют остатки крупных млекопитающих — мамонтов, носорогов, быков, лошадей, — найденные в почве островов. Они не могли бы находиться здесь, если бы эти острова не составляли еще в начале четвертичного периода одно целое с Сибирью. Исследования показали также, что на некоторых островах еще сохранились толщи льда — остатки ледников, прежде покрывавших более высокие участки этой суши.

На острове Большом Ляховском в ископаемом льду скончаны многочисленные бивни мамонтов, которые добывались промышленниками, приезжавшими ранней весной с материка, чтобы собирать бивни, вымытые морским прибоем из льда. В прошлом столетии на ярмарку в Якутске ежегодно привозили 1—2 тысячи пудов бивней; это доказывает, что на бывшей суше в начале четвертичного периода жили сотни этих крупных животных. Такое обилие мамонтов на маленьких островах можно объяснить тем, что на островах, составлявших высокие части прежней суши, мамонты скопились в большом количестве, когда началось погружение бывшей суши под уровень Ледовитого океана и животные спасались от воды, заливавшей низменные плоскости. Итак, мы имеем доказательства существования на этой бывшей части суши севера Сибири вулканов, ледников, больших стад мамонтов и можем определить время опускания этой суши под уровень моря. Опускание произошло во время или в конце последней ледниковой эпохи, а нахождение изображений мамонтов, сделанных первобытными людьми, подтверждает существование на ней и этих людей.

Таким образом, предположение, что в Ледовитом океане на уединенном большом острове, представлявшем когда-то кратер большого вулкана, еще не совсем остывшего, сохранились с конца ледниковой эпохи ма-

монты и первобытные люди, также не является неправдоподобным. На том же благодатном острове среди полярных льдов могли найти приют и онкилоны, выходцы из Аляски и родственные племенам индейцев Америки, отступавшие под напором чукчей на острова Ледовитого океана.

Вопросом об исчезновении онкилонов следовало бы заняться Институту истории материальной культуры или Институту истории Академии наук СССР, чтобы выяснить историю этой народности на севере Сибири, существовавшей 300 или 400 лет назад. На островах Новосибирского архипелага находили остатки их жилищ своеобразного типа, доказывающие, что представители этого племени некоторое время проживали на островах, но больше о них ничего не известно. Полярные исследователи XIX века на островах их не нашли. Вымерли ли онкилоны от какой-нибудь эпидемии, или погибли при попытке переплыть на байдарах или перейти по не окрепшему еще молодому осеннему льду с одного острова на другой — неизвестно.

Остается неясным и вопрос о пролете птиц весной на север и возвращении их осенью на материк, о чем встречаются иногда сообщения в печати. Для выяснения вопроса нужно:

1) тщательно опросить население всего северного берега Сибири, начиная от устьев рек Оленека и Лены на западе до устья реки Колымы на востоке, а также зимовщиков на островах Новой Сибири и Врангеля относительно того, продолжаются ли перелеты птиц на север весной туда и осенью обратно, и если продолжаются, то в каком количестве и в каком составе, т. е. какие породы птиц наблюдаются в пролетающих стаях и какие из них преобладают;

2) если пролеты еще продолжаются, то самолеты, совершающие ежегодные разведочные полеты над льдами океана, чтобы изучать их количество и движение в связи с вопросами успешной навигации по Северному морскому пути, должны постоянно иметь в виду существование неизвестной земли среди льдов и вести наблюдения, чтобы наконец обнаружить ее размеры, рельеф и все особенности. Пролет птиц на север, замеченный еще в 1938 году зимовщиками на острове Генриэтты, доказывает, что в этом году какая-то земля,

удобная для летовки и гнездования, на севере среди льдов существовала. Но восточное положение этого острова позволяет сомневаться в том, что эти птицы направлялись на Землю Санникова, которая должна была находиться (если существовала в 1938 году) западнее. Следовательно, среди льдов к северу от архипелага Де Лонга еще в 1938 году должна была быть какая-то земля, годная для летовки птиц. Может быть, кто-нибудь из молодых читателей, сделавшись полярным летчиком, поставит себе задачей решить загадку этой земли, откроет ее под пеленой тумана среди льдов, спустится на нее, обследует и поведает нам, что эта земля представляет в настоящее время.

Содержание

В. И. Щербаков. *Путешествие в неведомые страны.*

5

Плутония

<i>Предисловие.</i>	23
<i>Неожиданное предложение.</i>	26
<i>Совещание в Москве.</i>	27
<i>В далекий путь.</i>	33
<i>Страна дымящихся сопок.</i>	35
<i>Берингов пролив.</i>	40
<i>В поисках неизвестной земли.</i>	44
<i>Земля Фритьофа Нансена.</i>	49
<i>Через хребет Русский.</i>	53
<i>Бесконечный спуск.</i>	56
<i>Необъяснимое положение солнца.</i>	71
<i>Полярная тундра.</i>	74
<i>Бродячие холмы.</i>	76
<i>Незванный гость.</i>	82
<i>Письмо Труханова.</i>	89
<i>Страна вечного света.</i>	92
<i>Непрошеные могильщики.</i>	96
<i>Вниз по реке Макшеева.</i>	100
<i>Охота на охотника.</i>	104
<i>Приключения на холме.</i>	109
<i>Летчик поневоле.</i>	113
<i>Тропическая гроза.</i>	118
<i>Движущийся бугор.</i>	123
<i>Плутон гаснет.</i>	129
<i>Чудовищные ящеры и странные птицы.</i>	134
<i>Пояс болот и озер.</i>	140
<i>Море ящеров.</i>	149
<i>Переезд через море.</i>	154
<i>Миллионы и миллиарды Макшеева.</i>	158
<i>Лес хвоицей.</i>	163
<i>Хицные и травоядные ящеры.</i>	168
<i>Ущелье птеродактилей.</i>	171
<i>Ограблены дочиста.</i>	180
<i>По следам похитителей.</i>	185
<i>Цари юрской природы.</i>	190

<i>Как проникнуть в муравейник.</i>	196
<i>В глубь черной пустыни.</i>	199
<i>Экскурсия в кратер Сатаны.</i>	206
<i>Пробуждение вулкана.</i>	210
<i>Гибель муравейника.</i>	217
<i>Плавание на запад.</i>	222
<i>Сверхчудовища.</i>	227
<i>Брандер Кантанова.</i>	231
<i>Сражение с муравьями.</i>	236
<i>Сожжение муравейника.</i>	241
<i>Новая экскурсия в глубь страны.</i>	244
<i>«Шалости» Ворчуна.</i>	249
<i>В безвыходном положении.</i>	256
<i>Обратное плавание.</i>	265
<i>Загадочный след.</i>	269
<i>В покинутой юрте.</i>	273
<i>По следам товарищей.</i>	277
<i>Освобождение плеников.</i>	281
<i>Нападение первобытных людей.</i>	285
<i>Жизнь в плену.</i>	290
<i>Опять в юрте.</i>	294
<i>В глубь льдов.</i>	297
<i>Научная беседа.</i>	298
Эпилог.	311
Послесловие.	320

Земля Санникова

Предисловие.	325
<i>А все-таки она существует!..</i>	327
<i>Исчезнувший народ.</i>	333
<i>Дело налаживается.</i>	335
<i>В путь-дорогу.</i>	340
<i>Кладбище мамонтов.</i>	345
<i>Междур островами Новой Сибири.</i>	352
<i>Вдоль острова Котельного.</i>	359
<i>Через Ледовитое море.</i>	363
<i>На пороге обетованной земли.</i>	372
<i>Первый день на Земле Санникова.</i>	379
<i>Странные животные.</i>	384
<i>Пузырящиеся озера.</i>	392
<i>Первые признаки человека.</i>	400
<i>Встреча с онкilonами.</i>	407

<i>Жертвы и моления.</i>	414
<i>Священный камень.</i>	422
<i>Охота на носорогов.</i>	430
<i>Первое знакомство с вампу.</i>	434
<i>Праздник выбора жен.</i>	442
<i>Битва с вампу.</i>	454
<i>Кладбище онкилонов.</i>	461
<i>Охота на охотников.</i>	468
<i>Долина Тысячи Дымов.</i>	477
<i>Боги вампу.</i>	485
<i>Священное озеро.</i>	494
<i>Охота на ленную птицу.</i>	498
<i>Тревожные признаки.</i>	502
<i>Положение осложняется.</i>	512
<i>Черная пустыня.</i>	519
<i>Жертвоприношение.</i>	523
<i>Последние дни у онкилонов.</i>	532
<i>Наводнение.</i>	540
<i>Плавание по земле.</i>	547
<i>Катастрофа.</i>	554
<i>Приключения Никиты.</i>	561
<i>Бегство.</i>	570
<i>Последняя речь шамана.</i>	576
<i>Жуткое соседство.</i>	583
<i>Через льды и по морю.</i>	588
<i>Опять у академика.</i>	592
<i>Послесловие.</i>	599

Обручев В. А.

О 23 Плутония. Земля Санникова /Вступ. ст. В. И. Щербакова; Ил. В. Г. Роганова.— М.: Правда, 1988.— 608 с.

В издание вошли два романа известного советского геолога и географа В. А. Обручева (1863—1956).

«Плутония» воскрешает перед читателем картины природы — растительного и животного мира, существовавшего много миллионов лет назад.

В романе «Земля Санникова» речь идет об острове в Северном Ледовитом Океане, в существование которого верили некоторые исследователи.

О 4702010200—1685
080(02)—88 1685—88 (подписанное)

84 Р 7

„Библиотека фантастики“ в 24 томах
Том 3

Владимир
Афанасьевич
Обручев

*Плутония
Земля Санникова*

Редактор
Оформление художника
Художественный редактор
Технический редактор

*С. А. Суркова
Н. А. Яцкука
Т. Н. Костерина
В. С. Пашкова*

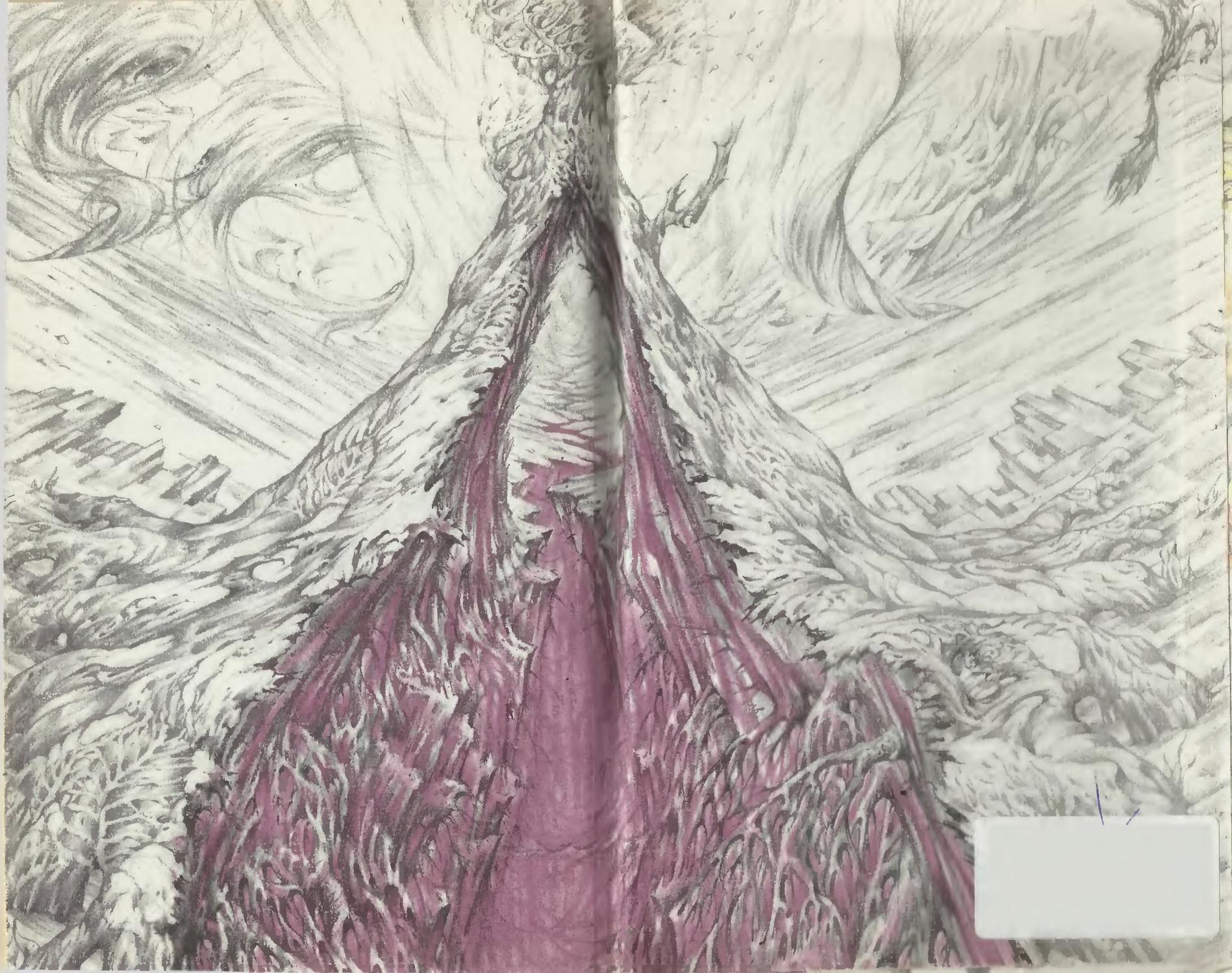
ИБ 1685

Сдано в набор 12.06.87. Подписано к печати 27.11.87.
Формат 84×108¹/32. Бумага книжно-журнальная.
Гарнитура «Гарамонд». Печать офсетная. Усл. печ. л. 32,34.
Усл. кр.-отт. 34,65. Уч.-изд. л. 32,86. Тираж 400 000 экз. (1-й завод: 1—200 000). Заказ № 57
Цена 3 руб.

Набор и фотоформы изготовлены в ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции типографии им.
ни В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда»
125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24

Отпечатано в типографии издательства «Ураль-
ский рабочий». 620151, г. Свердловск, проспект
Ленина, 49.

3 р.

Владимир Обручев
Плутония. Земля Санникова

БИБЛИОТЕКА
ДАИСКИ

